Г.Р. ХАГГАРД



Annotation

В седьмой том Собрания сочинений известного английского романиста Генри Райдера Хаггарда (1856-1925) входят приключенческие романы «Перстень царицы Савской» и «Люди тумана» и исторический роман «Прекрасная Маргарет».

-
  -
  - ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ
  - Глава II. Совет сержанта Квика
  - Глава III. Профессор отправляется пострелять
  - Глава IV. Смертоносный ветер
  - Глава V. Фараон вызывает сумятицу
  - Глава VI. Как мы бежали из Хармака
  - Глава VII. Барунг
  - Глава VIII. Призрак судьбы
  - Глава IX. Мы приносим присягу
  - Глава X. Квик зажигает спичку
  - Глава XI. Неудача
  - Глава XII. Львиная пещера
  - Глава XIII. Приключения Хиггса
  - Глава XIV. Как Фараон встретился с Шадрахом
  - Глава XV. Предчувствие сержанта Квика
  - Глава XVI. Хармак прилетает в Мур
  - Глава XVII. Как я нашел моего сына и что случилось потом
  - Послесловие Македы,
  - ЛЮДИ ТУМАНА
  - II. Похороны
  - III. Встреча с незнакомкой
  - IV. Рассказ Соа
  - V . Леонард клянется кровью Аки
  - VI. Начало приключений
  - VII. Гнездо Желтого Дьявола
  - VIII. План Леонарда
  - IX. Геройство Оттера
  - X . Аукцион

- XI. Полночный брак
- XII. Месть
- XIII. Разочарование
- XIV. Недоразумение
- XV. Смерть Мэвума
- XVI. Соа предупреждает об опасности
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
- XVIII. Возвращение Аки
- XIX. Безумие Оттера
- XX. Храм Джаля
- XXI. Как Хуанна покорила Нама
- XXII. Рассказ Олфана о рубинах
- XXIII. Новый закон
- XXIV. Последний из поселенцев
- XXV. Отец и дочь
- XXVI. Хуанна кривит душой
- XXVII. Испытание богов
- XXVIII. Искупительная жертва Франциско
- XXIX. Белая заря
- XXX. Как Оттер сражался со Змеем
- XXXI. В западне
- XXXII. Последний аргумент Нама
- XXXIII. Будь благородным или низким
- XXXIV. Как Оттер вернулся из пещеры Змея
- XXXV. «Я вознагражден, королева»
- XXXVI. Торжество Нама
- XXXVII. Переправа по ледяному мосту
- XXXVIII. Прощание Оттера
- XXXIX. Конец приключений
- ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРЕТ
- Глава II . Джон Кастелл
- Глава III . Питер собирает фиалки
- Глава IV . Влюбленные
- Глава V . Тайна Джона Кастелла
- Глава VI . Прощание
- Глава VII . Новости из Испании
- Глава VIII . Д'Агвилар говорит
- Глава IX . Ловушка
- Глава X . Погоня

- Глава XI . Встреча в море
- Глава XII . Отец Энрике
- Глава XIII . Приключение на постоялом дворе
- Глава XIV . Инесса и ее сад
- Глава XV . Питер играет роль
- Глава XVI . Бетти показывает коготки
- Глава XVII . Заговор
- Д. К.
- Глава XVIII . Святая эрмандада
- Глава XIX . Бетти платит свои долги
- Глава XX . Изабелла Испанская
- Глава XXI . Бетти излагает дело
- Глава XXII . Осуждение Джона Кастелла
- Глава XXIII . Отец Энрике и печь булочника
- Глава XXIV . Сокол нападает
- Глава XXV . «Маргарет» уходит в море
- ЭПИЛОГ

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах





МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1993

Р. ХАГГАРД

собрание сочинений
в десяти томах

том

7

Перстень царицы Савской

Люди тумана

Прекрасная Маргарет

МОСКВА
«ТЕРРА»-«TERRA»
1993



ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Глава I. Первое упоминание о кольце

Большинство читателей знакомо, вероятно, с монографией (полагаю, что именно так следует называть этот научный труд) моего дорогого друга, профессора Хиггса — его полное имя Птолеми Хиггс, — в которой описываются плоскогорье Мур в северной части Центральной Африки, древний подземный город в горах, окружающих это плоскогорье, и странное племя абиссинских евреев, или, вернее сказать, их нечистокровных потомков, которые населяют или населяли его. Я говорю «большинство» вполне осознанно, потому что, хотя специалистов по этому вопросу очень немного, круг интересов образованных и знающих людей весьма широк, и эта тема может увлечь многих. Я сейчас расскажу, в чем дело.

Соперники и враги профессора Хиггса, которых у него оказалось очень много из-за его блестящих открытий и резкости присущих ему полемических приемов, восстали против него — написали, что он склонен к преувеличениям, а иногда и вымыслу. Не далее как сегодня утром один из противников профессора напечатал в газете открытое письмо к знаменитому путешественнику, который, как известно, несколько лет назад читал лекции в Британском обществе, спрашивая его, каким же образом в действительности профессор Хиггс пересек пустыню Мур — на верблюде, как он сам утверждает, или на гигантской сухопутной черепахе?

Содержащийся в этом письме намек на вымысел привел профессора, который, как я уже говорил, не отличается кротостью, в страшную ярость. Несмотря на все мои уговоры, он вышел из дома с плетью из кожи гиппопотама, которую египтяне называли *коорбаш*, с твердым намерением рассчитаться с клеветником. Чтобы предотвратить скандал, я позволил себе позвонить по телефону этому господину, который настолько же тщедушен телесно, насколько боек и силен на словах, и посоветовал ему во что бы то ни стало избежать встречи с Хиггсом. По тому, как внезапно оборвался наш разговор, я понял, что мой совет он принял к сведению. Как бы то ни было, хотя я продолжаю надеяться на благополучный исход этой истории, я все же снесся с поверенным моего справедливо возмущенного друга.

Быть может, читатель поймет теперь, что я пишу эту книгу не для того,

чтобы выставить в выгодном свете себя и других, или чтобы заработать деньги — в них я теперь не нуждаюсь, или ради какой-либо другой цели того же порядка, — я пишу ее для того, чтобы всем стала известна чистая, неприкрашенная правда. В самом деле, о том, где мы побывали и что приключилось с нами, пишут и говорят так много, что открыть правду стало совершенно необходимо. Сегодня утром, едва отложив газету, в которой были напечатаны вышеупомянутые гнусные инсинуации, — да, сегодня утром, перед завтраком, эта мысль овладела мной с такой силой, что я немедленно телеграфировал Оливеру Орму, герою моего рассказа, — если только в нем есть особый герой, — который в настоящее время путешествует, и попросил его согласия на публикацию воспоминаний о наших совместных странствиях. Через десять минут я получил ответ из Токио:

Поступайте, как хотите и как считаете нужным, но непременно измените имена и прочее, потому что собираюсь возвращаться через Америку и опасаюсь интервьюеров. Япония чудесная страна.

Далее следовали сообщения частного характера, которые не к чему печатать. Оливер всегда посылает такие забавные телеграммы.

Но прежде чем начать свой рассказ, я думаю, следует сообщить читателю, в его же интересах, некоторые сведения о себе самом.

Меня зовут Ричард Адамс, я сын кемберлендского крестьянина, а моя мать была из Корнуэлдса. Во мне есть поэтому кельтская кровь, что, быть может, объясняет мою любовь к странствиям и многое другое. Теперь я уже старик — вероятно, мой конец не так уж далек; когда я в последний раз праздновал день своего рождения, мне исполнилось шестьдесят пять лет. Из зеркала на меня глядит высокий худой человек (теперь я вешу не больше ста сорока фунтов — пустыня сожрала весь мой лишний жир, а прежде когда-то я походил на Фальстафа); у меня карие глаза, продолговатое лицо; остроконечная борода соперничает белизной с моими седыми волосами.

По правде говоря, мое отражение в зеркале, которое не может лгать, напоминает старого козла; и в самом деле, туземцы, среди которых я жил, а особенно люди племени *халайфа*, чьим пленником я был, часто называли меня Белым Козлом.

Но довольно говорить о моей внешности. По специальности я — врач, принадлежащий к старой школе. Будучи студентом, я был несколько выше среднего уровня, так же как и в первое время моей практики как молодого

врача. Но в жизни каждого человека иногда происходит нечто такое, о чем он не станет распространяться; что-то подобное случилось и со мной. Короче говоря, ничто не удерживало меня дома, я хотел повидать мир и надолго отправился в дальние страны.

Мне было сорок лет, когда я практиковал в Каире, и упоминаю я об этом только потому, что здесь мы впервые встретились с Птолеми Хиггсом, который уже тогда, будучи молодым человеком, отличался исключительными познаниями в области изучения древностей и был замечательнейшим лингвистом. Помню, как в то время все вокруг уверяли, что он на пятнадцати языках говорит так, как будто каждый из них является его родным, свободно изъясняется на тридцати языках и читает иероглифы с той же легкостью, с какой любой епископ читает «Таймс».

Я лечил Хиггса от тифа, но не взял с него денег, потому что он уже потратил все, что у него было, на покупку скарабеев и тому подобных вещей. Этого небольшого одолжения он никогда не забывал; каковы бы ни были его недостатки (а я лично ни за что не доверил бы ему какой-нибудь вещи, которой больше тысячи лет), Птолеми — верный и преданный друг.

В Каире я женился на женщине из племени коптов. Она принадлежала к коптской знати, и, по преданию, ее род вел свое начало от одного из фараонов времен Птолемея, что не только возможно, но даже весьма вероятно. Она была христианка и по-своему хорошо воспитана, но, разумеется, осталась восточной женщиной. А для европейца жениться на восточной женщине очень опасно, как я уже объяснил это многим, особенно если он продолжает жить на Востоке, вне общества и людей одной с ним веры и культуры. Моя женитьба вынудила меня покинуть Каир и переехать в Асуан, тогда еще малоизвестное место, и практиковать исключительно среди туземцев. Но мы были бесконечно счастливы вместе, пока чума не унесла ее, а вместе с ней и мое счастье.

Все эти страницы моей жизни я пропускаю, потому что для меня они настолько священны и вместе с тем ужасны, что писать об этом я не могу. У меня остался от нее сын, которого, в довершение моих несчастий, украли люди племени махди, когда ему было двенадцать лет.

Теперь я подхожу к теме моего повествования. Никто другой не может написать этот рассказ: Оливер не хочет, Хиггс не может (там, где дело не касается древности и науки, он беспомощен), — так что делать это приходится мне. Как бы то ни было, если рассказ окажется неинтересным, повинен в этом буду я, а не наши похождения, потому что сами по себе они достаточно необычны.

Теперь у нас середина июня, а в декабре прошлого года, вечером того

самого дня, когда я после многолетнего отсутствия вернулся в Лондон, я постучал в дверь квартиры профессора Хиггса на Гилдфорд-стрит. Дверь мне открыла его экономка, миссис Рейд, худая и пасмурная старушка, которая напоминает и всегда напоминала мне ожившую мумию. Она сказала, что профессор дома, но что у него к обеду гость, и потому предложила мне зайти на следующий день утром. С большим трудом мне удалось наконец убедить миссис Рейд довести до сведения ее хозяина, что старый друг из Египта привез ему нечто такое, что наверняка заинтересует профессора.

Я поднялся наверх и вошел в гостиную Хиггса, которую миссис Рейд указала мне снизу, не поднимаясь туда со мной. Эту большую, во всю ширину дома комнату, разделенную на две половины высокой аркой, освещал только огонь в камине, перед которым стоял накрытый к обеду стол. Но этого света было достаточно, чтобы увидеть изумительное собрание разнообразных древностей, в том числе несколько мумий с золотыми масками на лицах, стоявших в своих ящиках у стены. В дальнем углу комнаты, над заваленным книгами столом, горела, однако, электрическая лампа, и там я увидел хозяина дома, с которым мы не встречались целых двадцать лет, хотя постоянно переписывались до тех пор, пока я не пропал в пустыне, а подле профессора — и его друга, который должен был с ним обедать.

По внешнему виду Хиггса, которого даже его враги считают одним из наиболее сведущих археологов и лучших знатоков мертвых языков во всей Европе, никто не сказал бы этого. Ему около сорока шести лет. Он невысокого роста и коренаст, лицо у него круглое и румяное, борода и волосы на голове огненно-рыжие, глаза, когда их можно разглядеть — мой друг Хиггс постоянно носит большие синие очки, — маленькие и неопределенного цвета, но пронзительные и острые. Одет он неряшливо и грязно и так обтрепан, что говорят, будто полиция постоянно арестовывает его как бродягу, когда он появляется на улице вечером или ночью. Такова была (и есть) внешность моего дражайшего друга, профессора Птолеми Хиггса, и я могу только надеяться, что он не обидится на меня, прочтя это описание.

Внешность второго, сидевшего за столом, опершись на руки подбородком, и несколько рассеянно слушавшего какую-то научную теорию, была совсем иная, и резкий контраст беседующих особенно бросался в глаза. Рядом с профессором сидел хорошо сложенный молодой человек, несколько худощавый, но широкоплечий, лет двадцати пяти или двадцати шести. Черты его лица были настолько правильны, что только

глубокие темно-карие глаза смягчали его выражение некоторой жесткости; волосы его были коротко остриженные и тоже темные; он имел вид человека мыслящего, и когда улыбался, становился чрезвычайно обаятельным. Таков был (и есть) капитан отряда добровольцев Оливер Орм, опытный солдат, что он успел доказать во время Южно-Африканской войны, с которой тогда только что вернулся.

Должен прибавить, что он произвел на меня впечатление человека, к которому не слишком благоволит судьба: на его молодом лице было написано уныние. Быть может, это-то и привлекло меня к нему с первой же нашей встречи — ко мне судьба тоже была неблагосклонна в течение многих лет.

Так я стоял в дверях гостиной, разглядывая эту пару, пока наконец Хиггс не поднял голову, оторвавшись от папируса или чего-то другого, что он читал, и не заметил меня, стоявшего в тени.

— Кого это дьявол принес сюда? — воскликнул он резким и пронзительным голосом, которым всегда говорит, когда бывает зол и недоволен. — И какого черта вы делаете в моей комнате?

— Только что, — сказал его товарищ, — ваша экономка докладывала вам, что профессора Хиггса желает видеть один из его друзей.

— Ну да, она сказала это, но только я не могу вспомнить, чтобы у меня был друг, лицом и бородой напоминавший козла. Подойдите поближе, друг мой.

Я вошел в освещенное лампой пространство и снова остановился.

— Кто бы это мог быть? Кто бы это мог быть?… — бормотал Хиггс. — Это лицо… да, да, верно, — это лицо старого Адамса, но только Адамс умер десять лет назад. Мне писали, что его захватили халайфа. Почтенная тень давно умершего Адамса, прошу вас, будьте так любезны назвать ваше имя, чтобы попусту не тратить время.

— Это ни к чему, Хиггс, ведь вы уже назвали мое имя. Я непременно должен был разыскать вас… А ваши волосы совсем не поседели.

— Нет. Слишком много пигмента. Прямое следствие сангвинического характера. Ну, Адамс, — так как вы, разумеется, Адамс, — я в самом деле счастлив видеть вас, особенно потому, что вы так и не ответили мне на письмо, в котором я спрашивал, где вы раздобыли того скарабея времен Первой династии, чью подлинность — вам я могу сказать это — оспаривали некоторые идиоты. Адамс, дорогой старый друг, тысячу раз привет вам! — И он схватил мои руки и стал их трясти. Потом вдруг заметил у меня на пальце кольцо.

— Что это такое? Что-то очень интересное! — воскликнул он. — Но

мы поговорим об этом после обеда. Разрешите познакомить вас с моим другом, капитаном Ормом, изучающим арабский язык и уже изрядно ознакомившимся с ним, но довольно мало смыслящим в египтологии…

— Мистер Орм, — прервал его молодой человек, поклонившись мне.

— Да, да, или капитан, как вам будет угодно. Он хочет сказать, что не служил в регулярных войсках, хотя и прошел всю Бурскую войну и был трижды ранен, один раз в грудь навылет, так что пуля пробила легкое… А вот и суп. Миссис Рейд, поставьте еще один прибор. Я ужасно голоден; занятия наукой требуют огромного напряжения умственной энергии, не говоря о затратах физических сил… Ну, ешьте. А разговаривать будем после обеда.

Мы принялись за еду. Хиггс ел много. Он всегда отличался превосходным аппетитом, быть может потому, что состоял в то время членом общества трезвости; Орм ел умеренно, а я — так, как подобает человеку моего возраста, привыкшему к растительной пище.

Когда обед кончился, мы наполнили стаканы портвейном, а Хиггс налил себе воды, набил свою большую пенковую трубку и передал нам сосуд с табаком, служивший некогда урной, в которой хранилось сердце какого-то древнего египтянина.

— Ну, Адамс, — сказал он, — каким образом вы вернулись из страны теней? Короче говоря, — вашу историю, дружище, вашу историю!

Я снял с пальца перстень, на который он уже успел обратить внимание, — широкий перстень слегка окрашенного золота и таких размеров, что нормальная женщина могла носить его на большом или указательном пальце, украшенный чудесным сапфиром, на котором были вырезаны странные архаические письмена. Я указал на эту надпись и спросил Хиггса, может ли он прочесть ее.

— Разумеется, могу, — ответил он, доставая великолепную лупу. — А вы разве не можете? Нет, нет, я помню: вы никогда не были в состоянии прочесть какую бы то ни было надпись старше шестидесяти лет… Ого! Это древнееврейская надпись. Так! Есть! — И он прочел: «Дар Соломона — правителя…», — нет: «…великого царя Израиля, любимца Яхве, Македе из страны Савской, царице, дочери царей, дочери премудрости, прекрасной». Вот что написано на вашем кольце, Адамс. Чудесное кольцо… Царица Савская, «Бат-Мелохим», дочь царей… И добрый старый Соломон тоже замешан здесь. Превосходно! Превосходно! — Он попробовал золото на язык и попытался куснуть его зубами. — Гм! Где вы раздобыли эту занятную штуку, Адамс?

— О, — ответил я со смехом, — разумеется, там же, где всегда. В

Каире я купил его у погонщика осла за тридцать шиллингов.

— Ну да! — ответил он подозрительно. — Я думаю, что камень в кольце стоит несколько дороже, хотя он, может быть, поддельный. И надпись тоже поддельная… Адамс, — добавил он сурово, — вы хотите посмеяться над нами, но позвольте мне сказать то, что вам следовало бы знать давным-давно: никому не удастся провести Птолеми Хиггса. Это кольцо — бессовестная подделка, но кто сделал еврейскую надпись? Он здорово знает древнееврейский язык.

— Не знаю, — ответил я, — никто мне не говорил до сих пор, что надпись еврейская. По правде говоря, я думал, что она египетская. Знаю только, что мне дала кольцо, или, вернее, одолжила, женщина, носящая титул Вальда Нагаста, которую считают происходящей по прямой линии от Соломона и царицы Савской.

Хиггс снова начал внимательно разглядывать кольцо; потом, как бы по рассеянности, он опустил его к себе в карман.

— Я не хочу быть жестоким и не стану спорить с вами, — произнес он со вздохом. — Скажу только, что если бы мне рассказал все это кто-нибудь другой, я просто назвал бы его лжецом. Но ведь любому школьнику должно быть известно, что «Вальда Нагаста» означает «Дочь царей Эфиопии» — то же, что «Бат-Мелохим», — «Дочь царей» по-древнееврейски.

Здесь капитан Орм рассмеялся и заметил:

— Нетрудно понять, отчего вы не слишком популярны в мире археологов, Хиггс. Ваши способности спорить напоминают приемы первобытного дикаря, вооруженного каменным топором.

— Если вы открываете рот только для того, чтобы обнаружить свое невежество, Оливер, лучше вам не открывать его. Люди с каменными топорами уже давно вышли из первобытного состояния. Вы бы лучше дали доктору Адамсу досказать его историю, а потом можете критиковать.

— Быть может, капитан Орм вовсе не желает слушать ее, — сказал я.

Но тот немедленно ответил:

— Напротив, мне очень хочется услышать ее, если только вам угодно будет доверять мне так же, как Хиггсу.

Я задумался на мгновение, говорить ли правду, потому что вначале собирался довериться одному лишь профессору, которого знал как человека настолько же верного, насколько внешне он груб. Но какое-то инстинктивное чувство побудило меня сделать исключение в пользу капитана Орма. Он нравился мне: в его темно-карих глазах было что-то такое, что привлекало меня. Кроме того, я был уверен, что не случайно он оказался здесь: я всегда был фаталистом.

— Ваше лицо, а также ваша дружба с профессором Хиггсом, — отвечал я, — достаточно веские доводы в вашу пользу. Но только я должен попросить вас дать мне честное слово, что, пока я жив, вы никому не промолвите ни слова из всего того, что я сейчас расскажу.

— Конечно, — ответил он, но Хиггс перебил его:

— Понимаю! Вы хотите, чтобы мы оба поцеловали Библию, не так ли? Говорите, где вы достали это кольцо, где пробыли последние десять лет и откуда вы вернулись.

— В течение пяти лет я был пленником племени халайфа. Следы этого удовольствия вы могли бы увидеть на моей спине, если бы я разделся. Полагаю, что я единственный человек, который никогда не верил в ислам и которого они оставили в живых, а случилось это лишь потому, что я врач, а значит могу быть полезен. Остальное время я провел в странствиях по североафриканским пустыням, разыскивая моего сына Родрика. Вы помните моего мальчика? Вы должны бы помнить его, потому что вы его крестный отец и я обычно присылал вам его фотографии.

— Да, да, — сказал профессор совсем другим тоном, — я как раз на днях нашел письмо от него с поздравлениями к Рождеству. Но что же случилось, дорогой Адамс? Я ничего не слыхал об этом.

— Несмотря на мое запрещение, он пошел вверх по течению реки, чтобы пострелять крокодилов, — ему было в то время двенадцать лет, и дело происходило вскоре после смерти его матери. Родрика похитили люди из племени махди и продали в рабство. С тех пор я не переставал искать сына, но бедного мальчика продавали из племени в племя, и только музыкальное дарование Родрика и слава о нем помогали мне находить его следы. За чудесный голос арабы зовут моего сына Певцом Египта, и он, по-видимому, научился хорошо играть на местных музыкальных инструментах.

— А где он теперь? — спросил Хиггс тоном человека, который боится услышать ответ.

— Он — любимый раб (или был им) варварского полунегритянского племени, называющего себя *фенгами*, которое обитает далеко в северной части Центральной Африки. Освободившись из плена, я последовал за ним; на это ушло несколько лет. Бедуины снарядили своих посланцев к фенгам, чтобы начать с ними торговлю; я переоделся бедуином и отправился с ними.

Однажды вечером мы остановились у подножия холма, неподалеку от стен святилища, в котором находился их величайший идол. Я подъехал верхом к этой стене и сквозь открытые ворота услышал красивый тенор,

певший по-английски гимн, которому когда-то я научил своего сына.

Я узнал голос. Сойдя с коня, я скользнул в ворота и вскоре очутился на открытой площадке, где на возвышении, освещенном двумя светильниками, сидел и пел юноша. Окружавшая его большая толпа народа молча слушала певца. Я видел его лицо, и, несмотря на тюрбан, украшавший голову юноши, и на восточную одежду, — да, несмотря на то, что прошло столько лет, — я узнал моего сына. Какое-то безумие овладело мной, и я громко закричал: «Родрик, Родрик!» Он вскочил с места и с ужасом смотрел по сторонам. Все окружающие тоже стали оглядываться, и один из них заметил меня, хотя я скрывался в тени.

С яростным воплем они бросились ко мне — осквернителю их святыни. Чтобы спасти свою жизнь, я трусливо — да, трусливо — бежал за ворота. После всех долгих лет безуспешных поисков теперь я предпочел побег смерти и, будучи ранен копьем и несколькими камнями, все же добрался до своего коня и вскочил на него. Я поскакал прочь от нашего лагеря, чтобы только спасти свою несчастную жизнь от этих дикарей. Оглянувшись назад, я по вспыхнувшим внезапно огням понял, что фенги напали на арабов, с которыми я прибыл, и жгут их палатки. Они, верно, считали бедуинов причастными к святотатству. Позднее мне стало известно, что фенги истребили всех моих спутников и что спасся только я один — невольная причина их гибели.

Я продолжал скакать по крутой дороге. Помню, что вокруг меня во тьме рычали львы. Помню, как один из них бросился на моего коня. Бедное животное погибло. Больше я ничего не помню, потому что очнулся лишь неделю спустя и увидел, что лежу на террасе хорошенького домика и что за мной ухаживает добродушная женщина, по-видимому принадлежащая к какому-то абиссинскому племени.

— Вернее, к какому-либо из неизвестных иудейских племен, — насмешливо поправил Хиггс, попыхивая своей пенковой трубкой.

— Да, что-то в этом роде. Подробности я расскажу вам потом. Существенно то, что подобравшее меня у ворот племя называется *абати*, живет в городе Мур и причисляет себя к абиссинским евреям, переселившимся в эти места лет шестьсот назад. Короче, внешним видом они несколько напоминают евреев, их религия — выродившаяся и сильно упрощенная религия евреев; они умны и культурны, но дошли до последней степени вырождения вследствие постоянных браков между близкими родственниками; все их войско состоит из девяти тысяч мужчин, хотя три или четыре поколения назад оно равнялось двумстам тысячам человек, — и живут они в постоянном страхе перед нападением

окружающих их фенгов, которые считают их своими исконными врагами из-за того, что в их руках находится превосходная горная крепость, некогда принадлежавшая предкам фенгов.

— Что-то вроде Гибралтара в Испании, — заметил Оливер.

— Да, с той лишь разницей, что абати, владеющие этим среднеафриканским Гибралтаром, вырождаются, а фенги, занимающие как бы положение испанцев, здоровы, сильны и численно умножаются.

— Что же дальше? — спросил профессор.

— Ничего особенного. Я пытался убедить этих абати организовать поход и спасти моего сына, но они рассмеялись мне в лицо. Мало-помалу я пришел к убеждению, что среди них есть лишь одно существо, действительно обладающее человеческим достоинством, — это их наследственная правительница, носящая громкие титулы *Вальда Нагаста*, что значит «Дочь Царей», и *Такла Барда*, то есть «Бутон Розы», — красивая и одаренная молодая женщина, собственное имя которой — Македа…

— Имя одной из первых известных нам Савских цариц, — пробормотал Хиггс, — другую звали Балкис.

— Мне удалось проникнуть к Македе под тем предлогом, что я буду лечить ее, — иначе меня ни за что не допустили бы к ней, такой у них проклятый этикет, — и мы много говорили с ней. Она сказала, что у идола фенгов вид сфинкса, вернее, это я вывел из ее слов, потому что сам никогда не видел его.

— Что? — воскликнул Хиггс, вскочив. — Сфинкс в северной части Центральной Африки?! Но почему ему не быть там? Говорят, что первые фараоны имели контакты с этой частью страны и даже будто отсюда они и происходят. Слова Македы, вероятно, только повторяют легенду. Полагаю, что у него баранья голова.

— Она сказала мне также, — продолжал я, — что по их преданию, когда этого сфинкса или бога, у которого, кстати сказать, голова не барана, а льва и которого зовут Хармак…

— Хармак! — снова перебил меня Хиггс. — Это одно из имен сфинкса — Гармахис, бог зари.

— …когда этого бога, — повторил я, — уничтожат, племя фенгов, чьи предки, по их словам, создали его, должно будет удалиться из этих мест, перейдя через большую реку, протекающую к югу от них. Я сейчас не помню названия реки, но, скорее всего, это один из притоков Нила.

Я сказал ей, что при создавшихся условиях мне представляется наиболее целесообразным для ее народа постараться уничтожить идола. Македа засмеялась и ответила, что это невозможно, потому что идол

фенгов размерами с небольшую гору, и прибавила, что абати уже давно потеряли всякую отвагу и предприимчивость и довольствуются жизнью в плодородной долине, окруженной горами, рассказывая легенды о былом величии своего народа и споря из-за чинов и пышнозвучных титулов, пока не настанет, наконец, день Страшного Суда.

Я спросил, довольна ли она создавшимся положением, и она ответила: «Разумеется, нет», — но что могла она сделать, чтобы возродить свой народ, она, слабая женщина, последнее звено бесчисленной цепи правителей?

«Избавь меня от фенгов, — добавила она с волнением, — и я дам тебе такую награду, о которой ты никогда не мечтал. Древний пещерный город неподалеку отсюда полон богатств, которые собраны его прежними властителями еще задолго до нашего прихода в Мур. Нам эти богатства не нужны, потому что мы ни с кем не торгуем, но я слыхала, что другие народы ценят золото».

«Мне не нужно золото, — ответил я, — я хочу только вернуть своего сына, который находится в плену у фенгов».

«В таком случае ты должен начать с того, что поможет нам уничтожить идола фенгов. Разве нет средств сделать это?»

«Такие средства найдутся», — ответил я и попытался объяснить ей свойства динамита и других, еще более сильных взрывчатых веществ.

«Возвращайся к себе на родину, — воскликнула она с волнением, — привези это вещество и двух или трех человек, которые умеют с ним обращаться, и я подарю им все богатства Мура. Только этим ты добьешься моей помощи в освобождении твоего сына».

— Чем же все это кончилось? — спросил капитан Орм.

— Вот чем: они дали мне золота и провожатых с верблюдами, которых в буквальном смысле слова спустили вниз по тайной тропинке в горах, чтобы избежать встречи с фенгами, которые блокировали абати и которых они ужасно боятся. Вместе с этим отрядом я пересек пустыню и благополучно добрался до Асуана. Путешествие продолжалось много недель. В Асуане я расстался со своими спутниками — с тех пор прошло около двух месяцев, — и они остались там ожидать моего возвращения. В Англию я прибыл сегодня утром и, едва узнав, что вы живы, и получив ваш адрес, немедленно явился к вам.

— Зачем вы пришли ко мне? Что я могу сделать для вас? — спросил профессор.

— Я пришел к вам, Хиггс, потому что знаю ваш глубокий интерес к древностям и хочу дать вам возможность не только разбогатеть, но и

прославиться в качестве ученого, открывшего самые замечательные памятники старины в мире.

— А также превосходный случай оставить там голову, — проворчал Хиггс.

— Что касается того, чем вы можете мне помочь, — продолжал я, — я хотел бы, чтобы вы указали мне человека, который понимал бы толк во взрывчатых веществах и взял бы на себя труд взорвать идола фенгов.

— Вот это сделать совсем нетрудно, — сказал профессор, указывая концом своей трубки на капитана Орма, и прибавил: — Он — инженер по образованию, солдат и превосходный химик; кроме того, говорит по-арабски и вырос в Египте — как раз такой человек, какой вам нужен, если только он захочет поехать.

Я подумал с минуту, потом, повинуясь некоему инстинкту, поднял глаза и спросил:

— Хотите ли вы отправиться со мной, капитан Орм, если мы сойдемся в условиях?

— Вчера, — сказал тот, слегка покраснев, — я ответил бы вам: «Разумеется, нет». Сегодня отвечу, что об этом можно поговорить, при условии, конечно, что Хиггс тоже отправится с нами, и я попрошу вас разъяснить мне некоторые частности. Но должен предупредить вас, что во всех трех ремеслах, которые профессор упомянул, я только любитель, хотя одно из них знаю довольно хорошо.

— Не будет ли нескромностью с моей стороны, капитан Орм, если я спрошу вас, почему последние двадцать четыре часа так изменили все ваши виды и планы?

— Ничуть не нескромно, но несколько болезненно для меня, — ответил он, снова покраснев, на этот раз сильнее. — Лучше всего быть откровенным, и я все расскажу вам. Вчера я считал себя наследником большого состояния, которое должно было перейти ко мне после смерти дяди, чья неизлечимая болезнь заставила меня вернуться из Южной Африки раньше, чем я предполагал, и чьим наследником я привык считать себя с самого детства. Сегодня же я впервые узнал, что год назад дядя мой тайно женился на женщине, по общественному положению стоящей намного ниже его, что у него есть ребенок, к которому, разумеется, перейдет все его состояние, потому что дядя умер, не оставив завещания. Но это не все. Вчера я полагал, что скоро женюсь; сегодня я вовсе не так уверен в этом. Та дама, — добавил он с горечью, — которая соглашалась выйти замуж за наследника Энтони Орма, теперь не хочет выходить замуж за Оливера Орма, обладателя состояния, не превышающего десяти тысяч

фунтов стерлингов. И она, и ее родственники имеют в виду лучшую партию. Разумеется, ее решение намного упростило положение. — Капитан встал и прошел в другой конец комнаты.

— Грязная история, — прошептал Хиггс, — гадко обошлись с ним.

— И он продолжал высказывать свое мнение о вышеупомянутой даме, ее родственниках и Энтони Орме, судовладельце, в таких выражениях, которые явно неудобны для печати и которые, будь они напечатаны, сделали бы эту книгу неприемлемой для чтения в семейном круге. Но невоздержанность на язык профессора Хиггса достаточно хорошо известна в ученом мире, так что ни к чему распространяться на эту тему.

— Чего я не пойму толком, Адамс, — прибавил он громко, увидев, что Орм вернулся, — и что нам обоим следовало бы, по-моему, знать, — это какова ваша цель, когда вы делаете нам настоящее предложение?

— Боюсь, я плохо разъяснил, в чем дело. Мне казалось, что из моих слов явствует, что у меня только одна цель: вернуть сына, если только он еще жив, — а я в это продолжаю верить. Хиггс, поставьте себя на мое место. Представьте себе, что у вас нет никого во всем мире, кроме одного ребенка, и его, вашего сына, похитили дикари… Представьте, что после многих лет поисков вы услышали его голос, увидели его лицо, теперь уже не мальчика, а юноши, но все же то самое лицо, о котором вы мечтали столько времени; ведь за это мгновение вы отдали бы тысячу жизней, если бы у вас было время подумать. Потом нападение озверевшей толпы фанатиков, мужество покидает вас, вы забыли свою любовь, забыли все, что существует благородного, под влиянием первобытного инстинкта, твердящего лишь одно: «Спасай свою жизнь». Представьте себе, что этот трус спасся и живет на расстоянии многих миль от сына, которого он бросил, и он не в силах освободить его или хотя бы снестись с ним, потому что люди, давшие ему приют, — тоже трусы.

— Ладно, — буркнул Хиггс, — все это я представил себе. Что же из этого следует? Если вы думаете, что вас надо бранить за все это, я с вами не согласен. Вы не помогли бы вашему сыну, позволив перерезать себе горло, а быть может, и его горло заодно с вашим.

— Не знаю, — отвечал я, — эта мысль так долго преследовала меня, что я стал считать себя опозоренным. И вот мне представился счастливый случай, и я ухватился за него. Эта женщина, Вальда Нагаста, или Македа, которая, как мне кажется, тоже одержима одной мыслью, сделала мне определенное предложение — по всей вероятности, не доведя этого до сведения своего Совета и не спросив его мнения. «Помоги мне, — сказала она, — и я помогу тебе. Спаси мой народ, и я постараюсь спасти твоего

сына. Я могу заплатить за помощь и тебе, и тем, кто приедет с тобой вместе». Я ответил ей, что надеяться нельзя ни на что, так как никто не поверит моему рассказу. Тогда она сняла с пальца кольцо с государственной печатью, находящееся сейчас в вашем кармане, Хиггс, и вручила его мне со словами: «Возьми его в качестве доказательства. Мои предки, правительницы нашего племени, носили его со времен Македы, царицы Савской. Если в твоей стране есть ученые люди, они прочтут на кольце ее имя и поймут, что я говорю правду. Заодно возьми столько золота, сколько нужно, чтобы купить вещество, которое, как ты говорил, может изрыгать пламя и бросает в небо целые горы; привези с собой также двух или трех мужчин, умеющих управляться с этим веществом, — не больше, потому что, если их будет больше, мы не сможем перевести их через пустыню, — и возвращайся, чтобы спасти твоего сына и меня». Вот и все, Хиггс. Хотите вы отправиться со мной, или мне придется искать людей в другом месте? Решайте как можно скорее: у меня мало времени — я должен вернуться в Мур раньше, чем начнется сезон дождей.

— Вы принесли с собой что-нибудь из того золота, о котором говорили? — спросил профессор.

Я достал из кармана пиджака кожаный мешок и высыпал часть его содержимого на стол. Хиггс внимательно осмотрел золото.

— Монеты в форме колец, — произнес он наконец, — быть может, англосаксонские, быть может, какие-нибудь другие; время определить невозможно, но по внешнему виду я сказал бы, что они с примесью серебра; да-да, кое-где почернели — значит, очень древние монеты.

Потом он достал перстень из кармана и подробно исследовал его и камень в нем через сильную лупу.

— Как будто бы все в порядке, — заключил он, — и хотя в свое время меня не раз надували, теперь я больше не ошибаюсь. Что скажете, Адамс? Должны вернуть кольцо? Проклятая честность! Вам только одолжили его! Ладно, берите, мне эта штука не нужна. Рискованное это предприятие, и если бы мне предложил его кто-нибудь другой, я отправил бы его обратно — в Мур. Но, Адамс, друг мой, вы однажды спасли мне жизнь и не взяли с меня денег, вы знали, что мне тогда приходилось туго, и я этого не забыл. К тому же мои дела здесь теперь далеко не так хороши вследствие одной ссоры, о которой вы, вероятно, не слыхали в Центральной Африке. Я думаю, что поеду с вами. Вы что скажете, Оливер?

— О! — воскликнул капитан Орм, очнувшись. — Если вы согласны, я тоже доволен. Мне все равно, куда ехать.

Глава II. Совет сержанта Квика

В это мгновение до нас донесся ужасный шум. Хлопнула входная дверь, промчался кеб, раздался полицейский свисток, послышались тяжелые шаги; потом прозвучало: «Во имя короля», — ив ответ на это: «Ладно, и во имя королевы и всей королевской семьи, если хотите, получайте, тупоголовые, плосконогие, толстобрюхие ищейки».

За этим последовал неописуемый грохот, как будто вещи и люди тяжело катятся вниз по лестнице, вопя от страха и гнева.

— Какого черта! Что там происходит?! — закричал Хиггс.

— По голосу это Сэмюэль, я хочу сказать — сержант Квик, — ответил Орм с явным смущением. — Что бы это могло быть? А, знаю! Это, наверное, из-за той проклятой мумии, которую вы развернули сегодня днем и которую просили доставить к вам домой вечером.

Дверь распахнулась, и в комнате появилась высокая фигура с солдатской выправкой, — Квик, несший на руках завернутое в простыню тело. Он подошел к столу и положил на него это тело среди бутылок и рюмок.

— Очень сожалею, — сказал он, обращаясь к Орму, — но по дороге потерял голову усопшей. Полагаю, что внизу, во время схватки с полицией у лестницы. Защищаться было нечем, сэр, и я превратил в оружие против полицейских это тело, думая, что оно достаточно крепко и плотно. Вынужден сказать, что голова покойницы отлетела и на нее наложен арест.

В то мгновение, когда сержант Квик кончил свою речь, дверь снова отворилась, и в ней показались двое растерянных и истерзанных полицейских, один из которых насколько возможно дальше от своей персоны держал за длинные седые волосы, еще оставшиеся на ее затылке, голову мумии.

— Как вы смеете врываться ко мне таким образом? Ваши полномочия! — возмущенно закричал Хиггс.

— Вот! — ответил один из полицейских, указывая на лежавшую на столе и покрытую простыней фигуру.

— И вот! — добавил второй, поднимая ужасную голову. — Мы требуем от этого человека объяснений, куда он тайком нес по улице это тело, с помощью которого напал на нас, за каковое нападение, содержащее нарушение телесной неприкосновенности, я его арестую. Ну, служивый, — обратился он к сержанту Квику, — вы сами пойдете с нами или прикажете

тащить вас?

Сержант, который, казалось, онемел от гнева, сделал движение к лежавшему на столе телу, намереваясь, по-видимому, еще раз использовать его как оборонительное оружие, а полицейские вытащили свои дубинки.

— Стой, — приказал Орм, став между противниками, — вы все с ума сошли, что ли? Знаете ли вы, что эта женщина умерла около четырех тысяч лет назад?

— Черт возьми, — обратился к своему товарищу полисмен, державший в руках голову, — это, должно быть, одна из мумий, которые они открывают в Британском музее. Она здорово стара и хорошо пахнет, не правда ли? — И он понюхал голову, а потом положил ее на стол.

Затем последовали объяснения, а после того как оскорбленное самолюбие блюстителей закона было ублаготворено несколькими стаканами портвейна и исписанным листом бумаги, на котором были проставлены имена всех замешанных в деле, в том числе и мумии, полицейские в сопровождении сержанта удалились.

— Послушайте моего совета, Бобби, — услышал я из-за двери негодующий голос Квика, — и не всегда доверяйте внешности. Далеко не всегда человек пьян, если он падает на улице; он может быть или сумасшедшим, или голодным, или эпилептиком; и не всякий труп — труп убитого, если он не дышит, холоден и не гнется. Он может оказаться и мумией, как вы могли убедиться, а это совсем другое дело. Разве я сделался бы полицейским, если б надел вашу синюю форму? Надеюсь, что нет, и это к чести армии, к которой я продолжаю принадлежать, хотя и числюсь в запасе. Вам, Бобби, следует изучать человеческую природу и развивать наблюдательность, и тогда вы научитесь отличать свежий труп от мумии, а заодно узнаете кучу других вещей. Отнеситесь серьезно к моим словам, и вам обоим дадут повышение, вы станете начальниками, вместо того чтобы подбирать пьяных до тех пор, пока не придется уходить на пенсию. Спокойной ночи!

Когда воцарился мир и мумию перенесли в спальню профессора, потому что капитан Орм заявил, что не может говорить о делах в присутствии мертвого тела, сколько бы лет этому телу ни было, мы вернулись к прерванной беседе. По предложению Хиггса я набросал краткое соглашение, текст которого вызвал возражения остальных участников будущей экспедиции, требовавших, чтобы вся возможная прибыль была распределена между нами поровну; в случае смерти кого-либо из нас его часть переходила к его наследнику или наследникам.

Когда я заявил, что не хочу ни сокровищ, ни древностей, а желаю

только найти и вернуть сына, остальные принялись настаивать на своем — ведь, как и большинство других людей, я могу в дальнейшем нуждаться в деньгах, убеждали они меня, или, если этого и не случится, мой мальчик в случае удачи его побега наверняка будет в них нуждаться, — в конце концов я сдался.

Потом капитан Орм со свойственной ему щепетильностью потребовал, чтобы обязанности каждого из нас были точно определены, и меня назначили главой экспедиции, Хиггса — собирателем древностей, переводчиком и лицом, разрешающим всякие споры (он отличался обширными познаниями), а капитана Орма — инженером и военным начальником. Мы условились также, что в случае расхождения в мнениях несогласный должен исполнять распоряжения авторитетного в данной области лица.

Когда этот забавный документ был переписан начисто, я подписал его и передал профессору. Тот несколько мгновений колебался, но, бросив взгляд на перстень царицы Савской, тоже подписал и, пробормотав, что он старый дурак, кинул бумагу через стол Орму.

— Подождите минуту, — сказал капитан, — я забыл кое-что. Мне хотелось бы, чтоб мой старый сослуживец, сержант Квик, поехал с нами. Он очень полезный человек, особенно если нам придется иметь дело со взрывчатыми веществами, с которыми он много возился в инженерных войсках и в разных других местах. Если вы согласны на это, я позову его и спрошу, не хочет ли он поехать с нами. Он, вероятно, где-нибудь поблизости.

Я выразил свое согласие кивком головы, решив по виденной мною сцене с мумией и полицейскими, что сержант действительно полезный человек. Так как я ближе всех сидел к двери, я распахнул ее перед капитаном, и прямая фигура сержанта, который, очевидно, опирался на нее, в буквальном смысле слова ввалилась в комнату, напомнив мне потерявшего равновесие оловянного солдатика.

— Ну-ну! — сказал Орм, когда его протеже, нисколько не изменившись в лице, поднялся на ноги и стал во фронт. — Какого черта вы делали там?

— Караулил, капитан. Думал, что полиция может изменить свое решение и вернуться. Прикажете что-нибудь, капитан?

— Да. Я отправляюсь в Центральную Африку. Когда вы можете быть готовы к отъезду?

— Пакетбот, идущий в Бриндизи, отходит завтра вечером, капитан, если вы поедете через Египет, а если ехать через Тунис — в субботу, в 6.15

вечера, следует отправиться с Черинг-Кросс. Но только, как я мог понять, вы берете с собой оружие и сильные взрывчатые вещества, а чтобы упаковать их как полагается, нужно время.

— Как вы могли понять! — повторил Орм. — Так что и как вы понимаете?

— Двери в этих старых домах неплотно сидят в рамах, капитан, а вот этот господин, — он указал на профессора, — обладает голосом пронзительным, как собачий свисток. Прошу не обижаться, сэр. Звонкий голос — превосходная вещь, разумеется, если двери плотно закрываются. — И хотя деревянное лицо сержанта Квика не дрогнуло, я уловил, как блеснули его насмешливые серые глаза под нависшими бровями.

Мы все расхохотались, в том числе и Хиггс.

— Так вы согласны поехать с нами? — спросил Орм. — Я полагаю, вам ясно, что дело рискованное и что вы, быть может, не вернетесь назад?

— Спайон Коп был рискованным делом, капитан, и рискованным было также дело в траншее, откуда вернулись только мы с вами да матрос, но мы все же вернулись оттуда. Прошу прощения, капитан, но никакой опасности вообще не существует. Человек рождается в положенный час и умирает в положенный час, и что бы он ни делал в промежутке между этими двумя часами, это ровно ничего не меняет.

— Послушайте, — сказал я, — да мы с вами единомышленники!

— Многие думали так же, как я, сэр, с тех пор как старик Соломон подарил своей даме эту штуку. — И он указал на кольцо царицы Савской, лежавшее на столе. — Но, простите, капитан, какое мне назначат жалованье? Я сам не женат и не содержу никого, но у меня есть сестры, у которых дети, а пенсия прекращается, когда солдат умирает. Не думайте, что я жадный человек, капитан, — поспешно добавил он, — но, как вы все понимаете — что написано пером, не вырубишь топором. — И он указал на наш договор.

— Правильно. Сколько вы желаете получить, сержант? — спросил Орм.

— Ничего, кроме моего содержания, капитан, если мы ничего не добудем, но если добудем что-нибудь — пять процентов не будет слишком много?

— Пусть будет десять процентов, — предложил я. — Сержант Квик рискует жизнью так же, как мы.

— Благодарю вас, сэр, — ответил тот, — но это слишком много, по-моему. Я желал бы получить пять процентов.

Так и записали, что сержант Сэмюэль Квик получит пять процентов от

общей суммы нашего дохода, при условии, что он будет исполнять все приказания. Он тоже подписал договор, и ему поднесли стакан виски с содовой, чтобы он выпил на здоровье.

— Теперь, милостивые государи, — сказал он, отказавшись от стула, который предложил ему Хиггс (он, по-видимому, в силу привычки предпочитал свою позу оловянного солдатика у стены), — в качестве скромного пятипроцентного члена вашей компании отважных людей прошу разрешения сказать слово.

Его попросили говорить, и сержант стал расспрашивать меня, каков вес той скалы, которую мы хотим взорвать.

Я сказал ему, что не знаю этого, потому что никогда не видел идола фенгов, но предполагаю, что размеры его огромные и что он, быть может, не меньше собора св. Павла.

— Если он к тому же еще и крепок, понадобится большая сила, чтоб расшевелить его, — заметил сержант. — Тут пригодился бы динамит, но он занимает слишком много места, чтобы в необходимом количестве его можно было перевезти через пустыню на верблюдах. Капитан, что вы знаете о пикратах? Вы помните те новые бурские гранаты, которые убили стольких наших и отравили остальных?

— Да, — отвечал Орм, — помню, но теперь существуют еще более мощные взрывчатые вещества — новые соединения, обладающие ужасной силой. Мы справимся обо всем этом завтра, сержант.

— Слушаюсь, капитан, — согласился тот, — но, спрашивается, кто же будет платить? Взрывчатые вещества в таком количестве стоят недешево. Я рассчитал, что все снаряжение экспедиции, включая пятьдесят винтовок военного образца, обойдется не меньше чем в полторы тысячи фунтов стерлингов.

— По моему расчету, — сказал я, — Македа дала мне золота приблизительно на эту сумму, больше я просто не мог увезти с собой.

— Если вашего золота не хватит, — вмешался Орм, — я, хотя и небогатый человек, могу одолжить фунтов пятьсот. Не будем говорить о деньгах. Дело вот в чем. Все ли вы согласны предпринять эту экспедицию и довести ее до конца во что бы то ни стало?

Мы все ответили, что согласны.

— Больше никто ничего не хочет сказать?

Я решил высказать предупреждение:

— Забыл уведомить вас еще о том, что если нам удастся попасть в Мур, никому из нас не следует влюбляться в Вальду Нагасту. Ее личность священна, и она может выйти замуж только за представителя ее же

собственного рода, а если кто-либо влюбится в нее, нам всем отрежут головы.

— Слышите, Оливер? — сказал профессор. — Полагаю, что предупреждение доктора относится к вам, потому что все остальные уже почти старики.

— Разумеется, — отвечал капитан, снова покраснев по своему обыкновению. — По правде говоря, я тоже чувствую себя стариком, и, поскольку речь идет обо мне, чары черной красавицы не в счет.

— Не хвастайтесь, капитан. Прошу вас, не хвастайтесь, — заговорил вдруг громким шепотом сержант Квик. — Ни за что нельзя поручиться, когда имеешь дело с женщиной. Сегодня она — мед, а завтра — яд, только Богу и погоде ведомо, почему. Не хвастайтесь, не то можем увидеть вас однажды ползающим на коленях за этой самой черной красавицей. Если хотите, можете искушать провидение, но не искушайте женщину, пока она не обернулась и не начала сама искушать вас, как она сделала это в незапамятное время.

— Перестаньте болтать глупости и позовите кеб, — холодно приказал капитан Орм. А Хиггс громко и грубо расхохотался. Я же вспомнил Бутон Розы и ее нежный голос и задумался. «Черная красавица»! Что скажет этот молодой человек, когда перед его глазами предстанет ее красивое и нежное лицо?

Мне показалось, что сержант Квик далеко не так глуп, как это представлялось капитану Орму. Что же касается самого капитана, — он был нашем спутником по экспедиции, и все же я предпочел бы, чтоб он был старше годами или чтобы та дама, которая недавно отвергла его, продолжала еще быть его невестой. Борясь с различными трудностями, я узнал, что необходимо стараться устранить самую возможность любви, когда хочешь добиться успеха дела, особенно на Востоке.

Глава III. Профессор отправляется пострелять

За все время нашего трудного путешествия через пустыню не случилось почти ничего такого, чем стоило бы занять внимание читателя, пока мы не вышли из леса и не вступили на равнину, которая окружает горы Мур. В Асуане капитан Орм получил письмо и несколько телеграмм, извещавших его о том, что сын его дяди внезапно заболел и умер, так что он снова сделался наследником того большого состояния, которое он считал потерянным для себя; вдове дяди была назначена только пожизненная пенсия. Я поздравил Оливера и высказал предположение, что нам, вероятно, придется совершить путешествие в Мур, лишившись его общества.

— Отчего же? — спросил он. — Я сказал, что еду, и намерен продолжать путь с вами. К тому же я подписал обязательство ехать.

— Совершенно верно, — ответил я, — но обстоятельства изменились. Приключение, интересное для образованного и отважного молодого человека, не имеющего почти никаких средств, не может интересовать того, для кого открыты все пути. Вы можете стать членом парламента, стать пэром. Можете выбрать какую угодно жену. Ваша карьера теперь обеспечена. Не отказывайтесь от всего этого лишь ради того, чтобы, быть может, умереть от жажды в пустыне или пасть, сражаясь с неведомыми племенами.

— Я не горевал, когда потерял богатство, — возразил он. — И не стану петь оттого, что оно вернулось ко мне. Что бы ни было, я еду с вами, и никто не отговорит меня. Единственное, что еще придется сделать, раз после меня останется так много добра, — это написать завещание; я напишу его и отправлю домой.

Как раз в это мгновение вошел профессор, за ним следовал мошенник-араб, у которого Хиггс купил какие-то древности. Выставив наконец за двери купца, мы объяснили профессору, как обстоят дела, и Хиггс, отнюдь не эгоистичный, когда дело идет о важных делах, хотя ему присущ этот недостаток в отношении мелочей, согласился со мной и сказал, что, по его мнению, Оливеру следует распрощаться с нами и вернуться в Англию.

— Не трудитесь, дорогой друг, — ответил капитан, — и не расточайте доводов. — И он кинул Хиггсу через стол письмо, содержание которого я

узнал позже. Короче говоря, та самая девушка, которая была обручена с Оливером и отказала ему, когда он потерял состояние, теперь снова переменила свое отношение к нему, и, хотя она и не называла причины, произошло это, вероятно, вследствие неожиданной смерти сына его дяди.

— Вы ответили на это письмо? — спросил Хиггс.

— Нет, — сказал Орм и стиснул зубы. — Я не отвечал и не отвечу ни письмом, ни лично. Завтра я отправлюсь в Мур и стану путешествовать до тех пор, пока это будет угодно судьбе, а пока что я пойду взгляну на высеченную в скале скульптуру неподалеку от водопада.

— Ну, все в порядке, — заключил Хиггс после его ухода, — я очень рад этому, потому что уверен, что он пригодится нам, когда мы столкнемся с этими фенгами. Боюсь, что если бы он уехал, сержант тоже уехал бы с ним, а что бы мы стали делать без Квика?

Позднее я разговаривал на ту же тему с самим Квиком и повторил ему свое мнение.

Сержант выслушал его с тем вниманием, которое он всегда оказывал мне.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, когда я кончил говорить, — но, по-моему, вы оба одновременно и правы, и не правы. Всякая вещь имеет оборотную сторону, не правда ли? Вы полагаете, что капитан не прав, рискуя жизнью, когда у него теперь столько денег? Деньги, сэр, грязь, а раз капитан подписал условие, он должен ехать, и, кроме того, ни один волосок с его головы не упадет раньше времени, отпущенного ему.

А теперь, сэр, я пойду пригляжу за верблюдами и за теми еврейскими парнями, которых вы называете «абати», а я считаю просто мерзавцами; если они снова запустят пальцы в ящики с пикриновой солью, думая, что это варенье, как они это сделали вчера, когда я накрыл их, в Египте случится кое-что такое, от чего фараоны перевернутся в своих гробах, а десять казней египетских покажутся детской забавой.

На следующий день мы выехали по направлению к горам Мур.

Еще одно событие, достойное того, чтобы рассказать о нем, произошло в конце второго месяца нашего четырехмесячного путешествия.

Уже несколько недель ехали мы по пустыне; около двух недель, если память мне не изменяет, прошло с того дня, как Орм купил пса Фараона, о котором я расскажу ниже, и мы добрались до оазиса, который носит название Зеу, где я останавливался, когда пробирался в Египет. В этом оазисе, который не очень велик, но зато изобилует водой и финиковыми пальмами, нас приняли очень хорошо, потому что во время моего первого посещения этого оазиса мне посчастливилось вылечить местного шейха от

воспаления глаз, а многих его подданных — от разных других болезней. Поэтому, хотя я и стремился поскорее отправиться в дальнейший путь, я согласился с мнением других, которые считали разумным уступить желанию проводника нашего каравана, опытного и умного абати (я все же никак не мог заставить себя верить ему) по имени Шадрах, и остановиться в Зеу на целую неделю, чтобы дать отдохнуть и подкормиться верблюдам, страшно отощавшим за время перехода через пустыню.

У этого Шадраха, которого, кстати сказать, его товарищи по неведомым мне в то время причинам звали Кошкой, был на лице тройной рубец. Сам он объяснил мне, что это след от когтей льва. А львы, надо сказать, были злейшими врагами племени зеу. В определенное время года — вероятно, тогда, когда им становилось трудно находить пищу, — они спускались с холмов, тянувшихся на восток и на запад приблизительно в пятидесяти милях к северу от оазиса, перебирались через пустыню, убивали множество скота, принадлежащего зеу, — верблюдов и коз, а часто и людей. Бедные зеу не имели огнестрельного оружия и были беззащитны против львов. Чтобы спасти стада, они загоняли их на ночь за каменную ограду, а сами прятались по хижинам, которые редко покидали между закатом и рассветом, разве только для того, чтобы подбросить горючего материала в постоянно пылавшие костры — единственное средство, имевшее целью напугать хищников, если они заберутся в селение.

Хотя была самая пора нападений львов, однако в течение первых пяти дней нашего пребывания в Зеу мы не видели этих огромных кошек, хотя они часто рычали во тьме неподалеку. На шестую ночь нас разбудили вопли, раздавшиеся из селения в четверти мили от нас, а когда на рассвете мы вышли, чтобы посмотреть, в чем дело, мы встретили унылую процессию, выходившую за его стены. Впереди шел седовласый старик-вождь, за ним, вопя, следовали женщины, которые от волнения или, быть может, в знак охватившего их отчаяния были полуодеты, а позади четверо мужчин несли что-то ужасное на плетеной двери.

Вскоре мы узнали, что произошло. Два или три голодных льва ворвались через крытую пальмовыми листьями крышу в хижину одной из жен шейха, той самой, чьи останки лежали на двери, и, убив женщину, утащили ее сына. Теперь этот шейх пришел умолять нас, белых людей, у которых есть ружья, отомстить за него львам, — иначе они, раз отведав человечьего мяса, не оставят в покое людей его племени.

С помощью переводчика, говорившего по-арабски, — даже наш лингвист Хиггс не понимал местного диалекта племени зеу, — он взволнованно сообщил нам, что хищники залегли среди песчаных холмов

неподалеку, среди густых зарослей, окружающих небольшой источник. Неужто мы не пойдем туда, не убьем львов и не заслужим благословений всего племени зеу?

Я ничего не сказал, хотя сердце у меня не лежало к предложению шейха. Зато Оливер Орм буквально запрыгал при мысли об охоте на львов. То же было и с Хиггсом, который недавно начал упражняться в стрельбе из ружья и уже вообразил себя хорошим стрелком. Он громко говорил, что страшно хочет охотиться на львов, особенно же потому, что был убежден, будто львы чрезвычайно трусливы.

С этого мгновения я стал предчувствовать беду. Я, правда, согласился отправиться с ними, отчасти потому, что давно не стрелял львов и имел с ними старые счеты за то, что они, как я уже говорил, едва не прикончили меня на горе Мур, отчасти потому, что знал пустыню и племя зеу много лучше, чем мои товарищи, и мог быть полезен им.

Мы достали винтовки и патронташи, осмотрели их, прибавили к ним две фляги с водой и плотно позавтракали. Когда мы уже готовились выступить, Шадрах, старший из погонщиков верблюдов племени абати, человек с украшенным шрамами лицом, чье прозвище было Кошка, подошел ко мне и спросил, куда мы идем. Я ответил, и тогда он попытался остановить нас:

— Какое вам дело до этих дикарей и их горестей, о господин? Если вам хочется поохотиться на львов, вы найдете множество их в той стране, через которую мы пойдем; лев — священное животное фенгов, и они никогда не убивают их. Пустыня близ Зеу очень опасна, и с вами может случиться недоброе.

— Так пойдемте с нами, — вмешался профессор, не слишком любивший Шадраха, — с вами вместе мы будем в большей безопасности.

— Нет, — ответил тот, — я и мои люди не тронемся отсюда, только безумцы идут на бесцельную охоту за дикими зверями, когда могут спокойно обойтись без этого. Мало вам разве пустыни и ее опасностей? Если б вы так же хорошо знали львов, как знаю их я, вы оставили бы их в покое.

— С пустыней мы успели познакомиться, а львов еще не стреляли, — заметил капитан Орм, хорошо говоривший по-арабски. — Можете валяться в своих постелях; мы идем, чтобы убить зверей, наводящих ужас на добрых людей, которые так хорошо приняли нас.

— Пусть будет так, — сказал Шадрах с улыбкой, которая показалась мне зловещей. — Вот это сделал лев. — И он указал на ужасный тройной шрам на своем лице. — Господь Израиля да охранит вас от льва. Помните,

что верблюды отдохнули и что послезавтра мы трогаемся в путь, если погода не переменится. Но если только подует ветер и песчаные холмы задвигаются, среди них не выжить ни одному человеку. — Он поднял руку и стал внимательно разглядывать небо, потом проворчал что-то и скрылся за хижиной.

Все это время сержант Квик неподалеку мыл оловянную посуду после завтрака и ничего, по-видимому, не знал о происходящем. Орм позвал его. Он подошел и стал навытяжку. Я помню, что подумал в тот момент, как странно выглядит его высокая фигура на фоне окружающего: он был одет в костюм полувоенного образца, его каменное лицо превосходно выбрито, седые волосы аккуратно расчесаны и напомажены, а острые серые глаза так и впивались во все.

— Вы идете с нами, сержант? — спросил Орм.

— Только если вы прикажете мне идти, капитан. Очень люблю охоту, но если все три офицера уйдут, кто-нибудь должен остаться, чтобы наблюдать за припасами и караваном, так что, по-моему, псу Фараону и мне лучше быть здесь.

— Пожалуй, вы правы, сержант, только вам придется привязать Фараона, а то он побежит за мной. Ну, что еще вы хотите сказать? Выкладывайте!

— Видите ли, капитан, хотя я прослужил три кампании среди этих арабов (Квик всех местных жителей Африки, живущих к северу от экватора, называл арабами, а живущих к югу от него — неграми), не могу сказать, что я хорошо говорю на их языке. Но только я заметил, что тому парню, которого они называют Кошкой, совсем не нравится ваша экскурсия, а он — прошу прощения, капитан, — во всяком случае, не дурак.

— Ничего не могу поделать, сержант. На всякий чих не наздравствуешься.

— Совершенно верно, капитан. Правы вы или нет, поднимайте флаг и плывите, и вы наверное возвратитесь целы и невредимы, если так суждено.

Высказав наконец то, что он хотел сказать, сержант оглядел нас, чтобы убедиться, что мы ничего не забыли, быстро удостоверился, что винтовки действуют хорошо, доложил, что все в порядке, и вернулся к своим тарелкам.

Никто из нас не подозревал, при каких обстоятельствах нам придется снова увидеть его…

Мы вышли за ограду селения, прошли около мили по оазису и углубились в окружающие его пески. Нас сопровождала толпа зеу,

вооруженных луками и копьями, во главе которой шел лишившийся сына вождь. Он, кроме того, выслеживал львов. Пустыня здесь, как я это прекрасно помню, отличалась от тех, какие нам доводилось видеть за время нашего путешествия, и состояла из высоких крутых песчаных холмов, некоторые из которых достигали вышины трехсот футов и отделялись друг от друга глубокими ложбинами.

На небольшом расстоянии от оазиса на этих холмах была разнообразная растительность, так как из оазиса сюда доносился насыщенный влагой воздух. Потом мы очутились в настоящей пустыне и карабкались вверх и вниз по крутым и осыпающимся склонам холмов, пока с вершины одного из них наш провожатый не указал нам ложбину, как бы расчерченную зелеными полосами, которая в Южной Африке называется *флей*, и не объяснил жестами, что там залегли львы. Мы спустились в этот флей, я впереди, Хиггс и Орм — по обеим сторонам несколько позади меня, и послали зеу выгнать львов на нас, потому что до кустарников, которые росли здесь по линии течения подпочвенной воды, было не более четверти мили.

Едва воины зеу двинулись вперед, с видимой неохотой (многие из них отстали и воздержались от участия в опасном предприятии), как раздалось грозное рычание, оповестившее нас, что что-то случилось. Несколько минут спустя мы увидели двух или трех воинов, уносящих с собой то, что осталось от сына шейха, которого львы утащили прошлой ночью.

Одновременно с этим из зарослей выскочил большой лев и помчался по направлению к песчаным холмам. Он был на расстоянии около двухсот ярдов от Хиггса, случайно оказавшегося ближе всех от него, и недосягаем для выстрела, как это хорошо знает всякий охотник за крупной дичью. Но профессор, не знавший этого и неопытный в стрельбе, подобно всем новичкам жаждал крови. Он прицелился и выстрелил, как если бы стрелял в кролика. По какой-то чудесной случайности пуля попала в льва довольно далеко позади плеч и пробила сердце, так что он камнем упал на землю.

— Черт возьми! Видали? — возликовал профессор и, даже не остановившись, чтоб снова зарядить свою винтовку, побежал по направлению к убитому зверю, сопровождаемый мною и Ормом, тоже побежавшим, едва мы пришли в себя от изумления.

Хиггс пробежал уже около половины пути, когда внезапно из густых зарослей перед ним появился второй лев, вернее, львица. Хиггс быстро отскочил в сторону и выпустил в нее оставшуюся у него пулю, но не попал в разъяренного зверя. В следующее мгновение мы с ужасом увидели, что он лежит на спине, а львица стоит над ним, хлещет себя хвостом и рычит.

Еще секунда — и все будет кончено…

Моментально оценив, что львица намного длиннее Хиггса (он невысок и коренаст) и что ее задние лапы далеко от него, я быстро прицелился, спустил курок и с радостью услышал, как пуля ударила в тело огромного зверя. Он подскочил с ужасным воем, одна из его задних лап бессильно повисла, и, немного поколебавшись, он побежал к песчаным холмам.

Орм, который был позади меня, тоже выстрелил, и пуля подняла облако пыли, зарывшись в песок совсем близко от зверя, но, хотя у Оливера были еще заряды, так как ружье у него многозарядное, раньше, чем кто-либо из нас успел выстрелить еще раз, львица скрылась за холмом. Не став преследовать львицу, мы побежали к Хиггсу, опасаясь, что найдем его либо мертвым, либо тяжело раненным, и страшно обрадовались, когда профессор вскочил на ноги — даже синие очки не свалились с его носа — и, зарядив винтовку, побежал за раненой львицей.

— Вернитесь! — крикнул Орм, следуя за ним.

— Ни за что! — проревел профессор. — Если вы думаете, что я позволю большой кошке сидеть у себя на животе и не отомщу ей, вы здорово ошибаетесь!

На вершине первого холма длинноногий Орм догнал Хиггса, но убедить его вернуться мы оказались не в силах. У профессора оказалось оцарапано лицо, и из царапины обильно текла кровь, в остальном же он был невредим. Пострадало в основном его самолюбие. Напрасно мы уговаривали его удовлетвориться своей удачей и славой, которую он добыл.

— Адамс, — отвечал он, — ранил этого зверя, а я предпочитаю лучше убить двух львов, чем одного. Если вы боитесь, можете отправляться домой.

Должен сознаться, что мне очень хотелось последовать его совету, но Орм, который успел рассердиться, заявил:

— Идем, идем! Вы, Хиггс, верно, стукнулись, когда падали, иначе вы не стали бы разговаривать таким тоном. Поглядите, вот следы, видите кровь? Пойдемте. Мы найдем львицу. Но только не стреляйте больше на таком расстоянии. В другой раз вам не удастся убить льва в двухстах шестидесяти ярдах.

— Ладно, — смягчился Хиггс, — не обижайтесь. Я хотел сказать только то, что покажу этому зверю разницу между белым человеком и зеу!

Мы отправились дальше, вверх и вниз по крутым склонам холмов, идя по кровавым следам раненой львицы. После получаса преследования мы заметили ее на вершине холма, ярдах в пятистах от нашей группы. К этому времени нас нагнали несколько зеу, которые приняли участие в

преследовании, правда без особого увлечения.

Жара становилась все сильнее, так что наконец раскаленный воздух заплясал над песчаными склонами подобно миллионам мошек, несмотря на то что солнце было скрыто какой-то завесой. Странная тишина, необычная даже для пустыни, царила на небе и на земле; было слышно, как отдельные песчинки скатываются по склону холма. Сопровождавшие нас зеу забеспокоились и стали указывать своими копьями на небо, потом назад, по направлению к оазису, который давно скрылся из наших глаз. Наконец, улучив мгновение, когда мы не смотрели на них, они исчезли.

Я предложил последовать за ними, полагая, что они имели причину поступить именно таким образом. Но Хиггс категорически отказался возвращаться, а Орм, которого, по-видимому, не переставало жечь нанесенное ему оскорбление, только пожал плечами и ничего не ответил.

— Пусть бегут черномазые псы! — воскликнул профессор, протирая свои синие очки и гримасничая. — Стадо трусов! Глядите! Вот наша львица! Налево! Бежим вокруг этого холма, и там мы найдем ее!

Мы обежали холм, но львицы не нашли, хотя кровавые следы были совсем свежие. Мы гнались за ней много миль, сначала в одном направлении, потом в другом, пока наконец Орм и я не стали возмущаться бессмысленным упорством Хиггса. А когда и он уже отчаялся найти львицу, мы обнаружили ее в ложбине и выпустили в нее несколько пуль, пока она ковыляла по противоположному склону. Одна из пуль попала в львицу, она упала и снова поднялась, громко рыча. Пуля эта была выпущена из ружья Орма, но Хиггс, страстный спортсмен, подобно всякому неопытному человеку, заявил, что львицу ранил он, и мы не сочли нужным спорить с ним.

С трудом мы пошли дальше и на самой вершине, на другой стороне холма, увидели наконец ту, за которой гнались так долго: она сидела, как большая собака и была до такой степени изранена, что могла только страшно рычать и бить лапой воздух.

— Теперь моя очередь, старушка! — воскликнул Хиггс, выстрелил прямо в нее, стоя всего в пяти ярдах, и… промахнулся. Второй выстрел оказался удачнее, и она свалилась замертво.

— Теперь пойдем и снимем с нее шкуру, — сказал, ликуя, профессор. — Она сидела на мне, а я собираюсь много дней сидеть на ней

Мы принялись за дело, хотя мне, хорошо знавшему пустыню, совсем не нравилась погода, так что я предпочел бы оставить убитого зверя там, где он лежал, и поспешить в оазис. Работали мы долго, так как только я один был знаком с техникой снятия шкур с животных — операцией

чрезвычайно неприятной при такой жаре.

Наконец мы окончили работу, перекинули шкуру через винтовку, чтобы ее можно было нести вдвоем, и освежились, выпив воды из фляги (я даже поймал профессора на том, что он смывал кровь с лица и мыл руки драгоценной влагой). Потом мы отправились в путь, будучи уверенными, что знаем дорогу, хотя в действительности никто из нас не имел понятия, в какой стороне находится лагерь. Впопыхах мы забыли захватить с собой компас, а солнце, по которому можно было ориентироваться в обычных обстоятельствах и к чему мы привыкли в пустыне, скрылось за той странной завесой, о которой я уже говорил.

Мы решили вернуться на вершину того песчаного холма, где убили львицу, а оттуда пойти по своим собственным следам. Казалось, это легко сделать, так как он находился от нас в полумиле, считали мы.

Однако, не без труда взобравшись на него, — львиная шкура была очень тяжела, — мы обнаружили, что это совсем не тот холм. Порассуждав и разобравшись, в чем ошибка, мы отправились к «нашему» холму, — но результат был все тот же.

Мы заблудились в пустыне!

Глава IV. Смертоносный ветер

Все дело в том, — изрек вдруг Хиггс с видом оракула, — что эти несчастные холмы похожи друг на друга, как две бисеринки в ожерелье мумии, и поэтому очень трудно различить их. Дайте мне флягу с водой, Адамс, мне смертельно хочется пить.

— Нет, — коротко ответил я, — вам еще больше захочется пить.

— Что вы хотите сказать? А! Понимаю. Но зеу разыщут нас или, в худшем случае, нам придется только подождать, пока выглянет солнце.

Он еще не кончил говорить, когда воздух внезапно наполнился странными поющими звуками, которые невозможно описать. Я знал, что они происходят от того, что бесчисленные миллионы песчинок трутся друг о друга. Мы обернулись, чтобы посмотреть, откуда несутся эти звуки, и увидели вдали с ужасающей быстротой несущееся на нас густое облако, впереди которого бежали, крутясь столбами и воронками, отдельные облака поменьше.

— Песчаная буря! — воскликнул Хиггс, и его цветущее лицо немного побледнело. — Дело скверное. Вот что значит встать не с той ноги! А во всем виноваты вы, Адамс! Ведь это вы стащили меня с постели сегодня ночью, несмотря на мои протесты (профессор несколько суеверен, и это особенно смешно в таком ученом человеке). Что же нам делать? Спрятаться под прикрытием холма, пока буря пройдет?

— Не надейтесь, что она пройдет так скоро. Не вижу ничего, что бы нам осталось делать, кроме как читать молитвы, — заметил Орм. — Похоже, что наша песенка спета, — прибавил он немного погодя. — Зато вы убили двух львов, Хиггс, а это уже кое-что.

— О, черт возьми! Можете умирать, если хотите, Оливер. Мир мало потеряет, но подумайте, какая это будет потеря, если что-нибудь случится со мной! Я вовсе не хочу, чтобы меня замела какая-то дурацкая песчаная буря. Я хочу жить, хочу написать книгу про Мур.

— И Хиггс погрозил кулаком надвигающимся облакам песка с настоящим благородным вызовом. Он напомнил мне Аякса, посылающего вызов молниям.

Тем временем я успел обдумать создавшееся положение.

— Слушайте, — сказал я, — единственная наша надежда — это остаться там, где мы находимся, потому что, если мы двинемся с места, нас немедленно же засыплет заживо. Смотрите, вот сравнительно твердое

место, на которое мы можем лечь. — И я указал на гребень скалы, образовавшийся от слежавшегося песка. — Живо ложитесь, — продолжал я, — и накроемся львиной шкурой. Авось она не даст песку задушить нас. Торопитесь! Пора!

В самом деле было пора. Едва мы успели устроиться, подставив ветру спины и спрятав под львиной шкурой рты и носы, совсем так же, как в подобных обстоятельствах поступают с верблюдами, как, грохоча и ревя, налетела буря, принеся с собой полный мрак.

Много часов пролежали мы таким образом, не в состоянии выглянуть, даже разговаривать, потому что кругом стоял непрекращающийся грохот, и только время от времени приподнимались на руках и коленях, чтобы стряхнуть со шкуры навалившийся на нее песок, тяжело давивший на наши спины, — иначе он заживо схоронил бы нас.

Мы ужасно страдали под вонючей львиной шкурой от жары, от жажды, не имея возможности достать наш жалкий запас воды. Но сильнее всего были страдания, которые причинял проникавший сквозь легкую одежду песок, натиравший тело до крови.

Хиггс бредил и непрестанно бормотал что-то про себя.

Быть может, однако, эти мучения и спасли нас: иначе мы, устав и измучившись, заснули бы, чтобы никогда больше не проснуться… Однако тогда мы думали иначе, потому что мучения в конце концов сделались невыносимыми. Позднее Орм говорил мне, что последней мыслью, которую он помнит, было, что он страшно разбогател, продав китайцам секрет изобретенной им новой пытки — пытки песком, который сыплется на жертву под сильным воздушным давлением.

Вскоре мы потеряли счет времени и только много позже узнали, что буря продолжалась целых двадцать часов! К концу ее мы, по всей вероятности, впали в беспамятство.

Как бы то ни было, я помню ужасающий вой и стоны песка и ветра, а потом я увидел лицо своего сына — своего любимого, давно потерянного сына, ради которого и терпел все эти муки. В следующее мгновение, как мне показалось, я почувствовал, что мои ноги прижигают раскаленным железом или направили на них через лупу сноп солнечных лучей. С мучительным усилием я поднялся и увидел, что буря прошла и безжалостное солнце жжет мою покрытую ссадинами кожу. Я протер залепленные грязью глаза, взглянул вниз и увидел два бугра, похожие на два гроба, а из них торчали две пары ног, некогда, по-видимому, белых. Тут как раз пара более длинных ног задвигалась, песок заколыхался, и Оливер Орм поднялся, бормоча бессвязные слова.

С минуту мы смотрели друг на друга и, право же, являли собой престранное зрелище.

— Он мертв? — пробормотал Орм, указывая на продолжавшего лежать под песком Хиггса.

— Боюсь, что так, — ответил я, — но надо посмотреть. — И мы с трудом принялись откапывать его.

Когда мы вытащили профессора из-под львиной шкуры, его лицо было бледно и ужасно, но, к нашей радости, мы убедились, что он еще жив, — Хиггс пошевелил рукой и застонал, Орм взглянул на меня.

— Немного воды спасло бы его! — сказал я.

Наступило решающее мгновение. Одна из наших фляг с водой опустела еще до начала бури, но в другой, вместительной фляге, покрытой войлоком, должно было находиться около трех кварт воды, если только она не испортилась от ужасной жары. В противном случае для Хиггса не было надежды, да и мы должны были скоро последовать за ним, если только не придет помощь. Орм откупорил флягу, — мои руки отказались служить, — вытащив зубами пробку, которую дальновидный Квик загнал в горлышко насколько возможно плотно. Вода, хотя и была совсем теплая, не испортилась! Она оросила пересохшие губы Орма, и я увидел, как он до крови кусал их, чтобы побороть искушение утолить мучившую его жажду.

Переборов себя, как и полагается мужчине, он передал мне флягу, не выпив ни глотка, и сказал просто:

— Вы старший, пейте, Адамс.

Мне тоже удалось побороть искушение, и я сел на землю и положил голову Хиггса к себе на колени; потом, капля за каплей, я влил немного воды между его распухших губ.

Результат этого был просто волшебный. Меньше чем через минуту профессор сел, схватил обеими руками флягу и пытался вырвать ее у меня.

— Злое животное! Злое себялюбивое животное! — простонал он, когда я отнял у него флягу.

— Послушайте, Хиггс, — ответил я грубо, — Орму и мне тоже очень хочется пить, но мы не выпили ни капли воды. Мы дали бы вам выпить всю флягу, если бы это спасло вас, но это вас не спасет. Мы заблудились в пустыне, и нам нужно экономить воду. Если вы теперь выпьете еще, вам снова захочется пить через несколько часов, и вы умрете.

Он подумал немного, потом посмотрел на меня и сказал примирительным тоном:

— Прошу прощения, понял. Себялюбивое животное — это я. Но здесь довольно много воды. Пусть каждый из нас выпьет по нескольку глотков,

иначе нам не удастся отправиться в путь.

Каждому из нас казалось, что он способен выпить целый галлон воды, но мы напились, отмеривая ее небольшим стаканчиком, который был у нас с собой. И как ни мало получил воды каждый, действие ее было волшебно: мы снова стали людьми.

Поднявшись на ноги, мы огляделись и увидели, что окружающий пейзаж совсем изменился. Где раньше на сотню футов возвышались холмы, теперь были равнины; где лежали равнины — возникли новые холмы. Уцелел только тот холм, на котором мы спаслись от бури, потому что он был выше других и его поверхность оказалась более плотной. Мы попытались определить по солнцу, в какой стороне находится оазис, но из этого ничего не вышло, так как наши карманные часы остановились и мы не знали, который час и где на небе должно быть солнце. Во всей пустыне не было ничего, что могло бы указать нам, куда направить свой путь.

Хиггс, упрямый, как всегда, заспорил с Ормом, куда нужно идти, чтобы вернуться в оазис, — направо или налево. Оба они с трудом соображали и были не в состоянии серьезно обсудить положение. Пока они спорили, я присел на землю и стал думать. Вдали я видел неясной формы холмы, про которые зеу говорили, что оттуда приходят львы, хотя это могли быть и совсем другие холмы.

— Слушайте, — сказал я, — если львы живут на этих холмах, значит, там есть вода. Попытаемся дойти туда; быть может, мы по дороге увидим оазис.

Затем начался наш неописуемый поход. Львиная шкура, которая спасла нам жизнь, была теперь тверда, как доска, и мы бросили ее, но винтовки взяли с собой. Весь день мы тащились вверх и вниз по склонам песчаных холмов, останавливаясь по временам, чтобы выпить глоток воды, и не переставая надеяться, что с вершины следующего холма мы увидим отряд, руководимый Квиком, а быть может, и оазис. И в самом деле, один раз мы увидели его, зеленый и сияющий, на расстоянии не более трех миль, но когда добрались до вершины холма, за которым он должен был находиться, то поняли, что это только мираж, и снова впали в отчаяние. О! Для людей, умирающих от жажды, такой мираж казался жестокой насмешкой.

Наконец наступила ночь, а горы все еще были далеко. Не в состоянии больше идти, мы без сил опустились на землю. Нам пришлось лечь вниз лицом, потому что наши спины, израненные песком и опаленные солнцем, не позволяли ни лежать, ни сидеть. К этому времени у нас почти вышла вода. Внезапно Хиггс толкнул нас и указал вверх. Следуя взглядом за его рукой, я увидел на расстоянии не больше тридцати ярдов четко

выделявшееся на фоне неба стадо антилоп, которое шло по хребту песчаной гряды, перебираясь, по-видимому, с одного пастбища на другое.

— Стреляйте, — прошептал он, — я могу промахнуться и только спугнуть их. — Хиггс был в таком отчаянии, что сделался скромен.

Орм и я медленно поднялись на колени и подняли ружья. За это время все антилопы, за исключением одной, успели скрыться. Она шла в двадцати ярдах позади остальных. Орм спустил курок, но выстрела не последовало, потому что, как мы убедились позже, в затвор попал песок.

Тем временем я тоже целился в антилопу, но мои глаза ослабели от солнца, мои руки дрожали; кроме того, я страшно волновался, потому что знал, что от этого выстрела зависит жизнь всех нас. Теперь или никогда; еще три шага, и животное скроется за холмом.

Я выстрелил и, узнав, что промахнулся, совсем обессилел. Антилопа сделала прыжок в несколько ярдов по направлению к гребню холма; но она никогда раньше не слыхала подобного звука и остановилась, чтобы удовлетворить свое гибельное для нее любопытство, и поглядела в ту сторону, откуда донесся этот звук.

В отчаянии я выстрелил еще раз, уже не целясь, и на этот раз попал антилопе прямо в грудь. Она рухнула на месте. Мы кое-как добрались до нее и немедленно принялись за ужаснейшую трапезу, о которой никто из нас позднее не любил вспоминать. По счастью, эта антилопа, должно быть, недавно пила много воды.

Когда после этой ужасной трапезы наш голод и жажда несколько утихли, мы поспали подле тела животного, потом встали, чувствуя себя необычайно посвежевшими, отрезали несколько кусков мяса и пошли дальше. По расположению звезд мы знали теперь, что оазис должен быть к востоку от нас. Но между ним и нами, по-видимому, на много миль тянулись только бесконечные песчаные холмы, а впереди нас, по направлению к вышеупомянутой гряде холмов характер пустыни, казалось, несколько изменился; мы решили, что будет безопаснее, если только это слово применимо в данном случае, продолжать путь к этой гряде.

Остаток ночи мы шли вперед, а на рассвете поели сырого мяса, обмыв его остатком воды.

Теперь мы уже вышли из полосы песчаных холмов и вступили на огромную, покрытую валунами равнину, тянувшуюся до самого подножия гор. Горы эти казались совсем близко, но в действительности были еще на большом расстоянии от нас. Мы брели вперед, становясь все слабее и слабее, не встретив никого и не находя воды, хотя то здесь, то там росли небольшие кусты, липкие и волокнистые, листья которых мы жевали,

потому что они содержали хоть какую-то влагу.

Хиггс оказался самым слабым из нас, и он сдался первый, хотя в конце он держался изумительно мужественно, даже после того, как ему пришлось бросить свое ружье, которого он не в силах был тащить — правда, мы не заметили этого вовремя. Когда он не мог больше держаться на ногах, Орм взял его под одну руку, а я под другую, и мы повели его; я видел, как два слона таким же образом вели своего раненого товарища.

Спустя еще полчаса и мне тоже изменили силы. Хотя я еще бодр, несмотря на возраст, и привык к пустыне и к лишениям, а иначе и быть не могло после того, как я побывал пленником племени халайфа, но теперь я был не в состоянии идти дальше; я остановился и попросил своих товарищей бросить меня и продолжать путь. Единственным ответом Орма было то, что он протянул мне свою руку. Я оперся на нее, так как жизнь дорога всем, особенно если у тебя есть цель — какое-нибудь желание, которое ты хочешь исполнить, как хотел того я, — правда, в это мгновение я почувствовал стыд за самого себя.

Так мы шли некоторое время, походя на трезвого человека, старающегося спасти двоих пьяных друзей от встречи со строгим полицейским — смертью. Выносливость и мужество Орма были достойны восхищения, или, быть может, все дело в его сердечной доброте и жалости, которые вызывала у него наша беспомощность, и в них-то он и черпал силы, чтобы тащить нас двоих.

Внезапно он упал, как будто его подстрелили, и остался лежать без сознания. Профессор же сохранил долю разума, хотя и бредил и не переставал бормотать, что «безумно было пускаться в этот путь только для того, чтобы укокошить пару дурацких львов». И хотя я не ответил ему ни слова, в душе я вполне соглашался с ним. Потом он вдруг вообразил, что я священник, стал передо мной на колени прямо на песке и начал пространно исповедоваться в своих грехах, которые, насколько я мог понять, хотя мало обращал на это внимания, состояли главным образом в том, что он незаконно присвоил некоторые древности или обманул других, приобретая их.

Чтобы успокоить его, так как я боялся, что его помешательство может стать буйным, я произнес какое-то дикое отпущение грехов, после чего бедняга Хиггс свалился и спокойно лег рядом с Ормом. Перед моими глазами тоже стали носиться странные видения ранней юности, и я почувствовал, что великая тьма смерти надвигается на меня.

Что было мне делать? Я подумал, что следует зажечь костер — во всяком случае, он отгонял бы львов и других хищников, которые иначе

могли напасть на нас раньше, чем мы умрем. Но я не в силах был собрать необходимое для костра топливо. У меня оставалось еще три патрона в винтовке — остальные я бросил, чтобы не тащить лишней тяжести. Я решил выстрелить из ружья, так как был уверен, что в том состоянии, в котором я находился, патроны не могли мне больше служить ни для того, чтобы добыть пищу, ни для защиты.

Вскоре, однако, я убедился, что в последнем был неправ. Быть может, даже в этой бескрайне» пустыне кто-нибудь услышит звук выстрела, а если нет — ну что же! — конец.

Я приподнялся, сел и сделал первый выстрел, совсем по-детски думая о том, куда упадет пуля. Потом я заснул ненадолго. Вой гиены разбудил меня, и, оглянувшись, я увидел сверкающие глаза животного совсем неподалеку от себя. Я прицелился, выстрелил и услышал, как она завыла от боли. Эта гиена, подумал я, больше не будет нуждаться в пище.

Царившая вокруг тишина угнетала меня; она была так ужасна, что я даже пожелал, чтобы гиена вернулась. Подняв винтовку прямо над головой, я выстрелил в третий раз. Потом взял в свою руку руку Хиггса, — она была последним звеном, которое связывало меня с человечеством и миром, — и лег навзничь.

Я проснулся, почувствовав, что глотаю воду,•'которой кто-то поит меня. Я проглотил довольно много воды, не столько, сколько мне хотелось, а сколько дали мне выпить, потом приподнялся на руках и огляделся. Звезды ярко сияли в прозрачном воздухе пустыни, и в их свете я узнал лицо Квика, склонившегося надо мной. Я увидел также Орма, сидя озиравшегося тупым взглядом, в то время как большой пес желтой масти с головой, напоминавшей голову волкодава, лизал его руку. Я сразу же узнал этого пса, которого Орм купил у каких-то кочевых туземцев и прозвал Фараоном. Подальше я увидел двух верблюдов.

— Как вы нашли нас, сержант? — спросил я слабым голосом.

— Не я нашел вас, доктор, — ответил Квик, — а пес Фараон. В таком деле пес может больше, чем человек, потому что обонянием он находит то, чего человек не может видеть. А теперь, доктор, если вам лучше, поглядите, что с мистером Хиггсом. Боюсь, что он умер.

Я поглядел и, хотя и не сказал этого, подумал то же самое. Нижняя челюсть у Хиггса отвисла, он лежал пластом и не двигался; его глаз я не видел за закрывавшими их синими стеклами очков.

— Воды, — только произнес я, и Квик стал поить профессора.

Тот все еще был неподвижен, так что я расстегнул его одежду и стал слушать сердце. Вначале я не уловил ничего, потом услышал слабую

пульсацию.

— Есть еще надежда, — ответил я на вопросительные взгляды. — Случайно нет ли у вас с собой бренди? — спросил я Квика.

— Никогда еще не пускался в путь без бренди, доктор, — ответил тот, с обиженным видом доставая металлическую флягу.

— Влейте ему в рот немного, — приказал я, и сержант охотно исполнил мое распоряжение, которое немедленно возымело действие — Хиггс сразу же сел, открыл рот и закашлялся.

— Бренди… мерзость… трезвенник! Проклятая шутка! Никогда не прощу вам. Воды, воды! — забормотал он хриплым голосом.

Мы дали ему воды, и он пил много и жадно, пока мы не отобрали ее у него. Потом он мало-помалу пришел в себя. Поднял на лоб свои темные очки, которых никогда не снимал, и поглядел на сержанта своими пронзительными глазами.

— Понимаю, — промолвил он. — Мы, значит, все же не умерли. Жалко, потому что мы успели пройти через все ужасные предварительные стадии смерти. Что случилось?

— Право, не знаю, — ответил Орм, — спросите у Квика.

Но сержант был уже занят тем, что разжигал небольшой костер, на котором он сварил для нас пищу. Через четверть часа мы уже ели суп, и какая это была чудесная трапеза! Когда мы поели, Квик снял с верблюдов несколько одеял, которыми накрыл нас.

— Спите, — сказал он, — мы с Фараоном посторожим.

Когда мы проснулись, солнце уже стояло высоко, и мы убедились, что все это не приснилось нам. Перед нами был Квик, гревший на огне мясные консервы, а рядом с ним сидел Фараон, внимательно смотревший на Квика — или на мясо.

— Поглядите, — сказал мне Орм, указывая на горы, — они все еще во многих милях от нас. Было безумием думать, что мы сможем добраться до них.

Я кивнул головой и повернулся, чтобы посмотреть на просыпавшегося в это мгновение Хиггса. Он являл собой презабавное зрелище. Его ярко-рыжие волосы торчали во все стороны и были полны песка, белья на нем не было — по-видимому, на каком-то этапе нашего пути он расстался с остатками его, потому что оно натирало его свежие болячки, — а его белая кожа, не исключая лица, вся была обожжена солнцем. Его лицо так изменилось, что злейший враг — и тот не узнал бы его. Он зевнул, потянулся — добрый знак для человека и зверя — и попросил воды, чтобы помыться.

— Боюсь, что вам придется помыться песком, как делают эти проклятые арабы, — ответил Квик, поклонившись. — В этой высохшей стране нельзя тратить воду на умывание. Но я захватил с собой немного вазелина, а также головную щетку и зеркало, — добавил он, доставая вещи, которые назвал.

— Вы правы, сержант, — согласился Хиггс, взяв их, — было бы преступлением расходовать воду на умывание. Никогда больше и думать об этом не буду. — Он взглянул в зеркало на себя и уронил его в песок, воскликнув: — Не может быть! Неужели это я?

— Осторожнее, сэр, — предупредил Квик серьезно. — Недавно вы сами говорили мне, что было бы нехорошо разбить зеркало; к тому же оно у меня единственное.

— Уберите, — попросил профессор, — я не хочу видеть его. Доктор, умоляю вас, намажьте мне вазелином лицо и другие больные места тоже, если его хватит.

Мы оказали друг другу эту услугу, и вначале смазанная жиром кожа заставила нас сильно страдать, но потом боль прошла, и мы сели завтракать.

— Ну, сержант, — обратился Орм к Квику, опорожнив пятую чашку чая, — расскажите же нам, как было дело.

— Ничего особенного, капитан. Зеу вернулись без вас, а так как я не знаю их языка, я ничего не понял из их рассказов. Я вскоре дал понять Шадраху с компанией, что они все должны отправиться со мной на ваши поиски, какой бы ни был ветер — смертоносный или несмертоносный, — они могут называть его как угодно. Они говорили, что я сошел с ума и что идти бессмысленно, так как вы все давно мертвы. Я спросил Шадраха, не хочет ли он тоже умереть. — И сержант похлопал по своему револьверу. — Тогда он послал со мной людей.

Вас мы не нашли, верблюды отказались идти, и мы потеряли одного из абати. Все, что мы могли сделать, — это вернуться в оазис, пока не поздно, и переждать бурю. Но Шадрах не хотел никуда идти даже тогда, когда буря окончилась. Разговаривать с ним не имело смысла, тем более что я не хотел марать руки его кровью. Я взял двух верблюдов, нагрузил их, и мы отправились в путь вместе с Фараоном.

Я был уверен, хотя и не мог объяснить это нашим абати, что, если только вы остались в живых, вы непременно направитесь в сторону высокой гряды холмов. Я знал, что у вас нет компаса и что вам никак не сориентироваться, и поехал вдоль равнины, поднимаясь время от времени на вершины песчаных холмов. Я ехал весь день, а когда настала ночь,

остановился, потому что ничего не было видно. Задумавшись, я сидел среди этой огромной пустыни и вдруг через час или два заметил, что Фараон поднял уши и посмотрел на запад. Я тоже стал смотреть на запад, и мне показалось, что я увидел вспышку света по направлению от земли к небу, так что это не могло быть падающей звездой, а скорее было выстрелом из винтовки прямо вверх.

Я снова прислушался, но ничего не услышал, зато несколько мгновений спустя пес вновь поднял уши, как будто услышал что-то. Тут я решился и поехал в темноте, направляясь к тому месту, откуда, как мне казалось, исходила вспышка света. Я ехал целых два часа, время от времени стреляя из револьвера; не получая ответа, я перестал стрелять и остановился. Но Фараон не хотел останавливаться. Он начал визжать, понюхал воздух, побежал вперед и скрылся в темноте. В темноте я услышал, как он лаял шагах в ста от меня, вероятно, для того, чтобы позвать за собой. Я отправился вслед за ним и нашел вас троих лежащими замертво, как подумалось мне в первое мгновение. Вот и все, капитан.

— Хорошо то, что хорошо кончается. Мы обязаны вам жизнью, сержант.

— Прошу прощения, капитан, — скромно ответил Квик, — вовсе не мне, а псу Фараону. Он умный пес, хотя и горячий, и вы хорошо сделали, купив его за бутылку виски и шестипенсовый перочинный нож.

Оазис мы увидели только на рассвете следующего дня, потому что двигались очень медленно. У нас было только два верблюда, так что двоим приходилось идти пешком. Одним из этих двоих все время, разумеется, был сержант, а вторым — капитан Орм, наименее эгоистичный человек в подобных обстоятельствах, какого я когда-либо знал. Его нельзя было уговорить хоть на полчаса сесть на верблюда, так что, когда я шел пешком, одно животное оставалось без всадника. Зато Хиггс, раз усевшись на верблюда, ни за что не хотел слезть с него, несмотря на мучения, которые ему причиняли его болячки.

— Я отсюда не сойду, — повторял он много раз по-английски, по-французски и на разных восточных наречиях. — Я достаточно находился, хватит на всю мою жизнь.

Мы оба сидели на верблюдах, когда вдруг сержант остановил их. Я спросил, в чем дело.

— Кажется, едут арабы, доктор, — сказал Квик, указывая на приближавшееся к нам облако пыли.

— В таком случае, — ответил я, — лучше всего не показывать страха и продолжать путь. Не думаю, чтоб они напали на нас.

Приведя в боевую готовность свое оружие, мы отправились дальше. Орм и сержант шли между верблюдами. Но, поравнявшись с встречным караваном, мы с удивлением увидели Шадраха, едущего во главе его на моем дромадере, которого мне подарила повелительница абати. Мы подъехали совсем близко друг к другу и остановились.

— Клянусь бородой Аарона! Вы ли это, чужестранцы? — спросил Шадрах. — Мы думали, что вы умерли.

— Клянусь волосами Моисея, — ответил я гневно, — вы уезжаете со всем тем, что принадлежит нам! — И я указал на вьючных верблюдов, на которых было уложено наше имущество.

За этим последовали объяснения, на которые Хиггс чрезвычайно бурно отреагировал. Превосходно говоря по-арабски и зная местные наречия, он обрушил на голову Шадраха и его спутников целый поток бранных слов, которые сильно удивили их. Сержант Квик вторил Хиггсу по-английски…

Некоторое время Орм молча слушал их, а потом сказал:

— Вот что, друг мой, если вы не замолчите — быть потасовке. Придержите язык, сержант. Мы встретили их, так что не о чем шуметь. Друг Шадрах, поворачивайте в оазис. Мы останемся там еще на несколько дней.

Шадрах с сердитым видом пробормотал, что повернуть должны не они, а мы. В ответ на это я достал древнее кольцо, кольцо царицы Савской, которое привез из Мура. Я поднес кольцо к его глазам и сказал:

— Попробуйте ослушаться, и вам придется ответить перед той, которая послала вас, потому что даже в том случае, если мы все четверо умрем, — и я многозначительно взглянул на него, — не надейтесь, что вам удастся скрыть что-либо, слишком много здесь свидетелей.

Не говоря ни слова, он преклонился перед священным кольцом, и мы все направились к оазису Зеу.

Глава V. Фараон вызывает сумятицу

Прошло еще шесть недель, и мало-помалу характер окружающей местности начал меняться. Мы наконец покинули бескрайнюю пустыню, по которой прошли столько сотен миль — не меньше тысячи, по нашим наблюдениям. Со времени приключения в оазисе путешествие наше протекало чрезвычайно спокойно. Бесконечно однообразное, оно все же, как это ни странно, было не лишено некоторой прелести — во всяком случае, для Орма и Хиггса, путешествующих впервые.

Пересекать пустыню — Это двигаться день за днем по бесконечному морю песка, в течение целых недель не встречая никого, даже кочующих бедуинов. Каждый день видеть, как солнце поднимается из песков на востоке и, совершив свой дневной путь, погружается в пески на западе. Ночь за ночью любоваться луной, той самой, на которую смотрят глаза тысячи городов и которая превращает пески пустыни в море серебра, или наблюдать сквозь прозрачный воздух за созвездиями, по которым мы держали наш путь, за тем, как торжественно они плывут в пространстве. И знать, что эту обширную страну, теперь такую скудную и безлюдную, когда-то попирали ноги давно забытых людей, ступавших по тем самым пескам, по которым мы шли, и выкопавших те колодцы, откуда мы брали воду.

Целые армии шли через пустыни и гибли здесь. Однажды мы вышли на место, где бурный ветер сдул песок и обнажил скалу, и увидели там скелеты тысячи тысяч воинов и их вьючных животных, а среди них валялись наконечники стрел, клинки мечей, обломки панцирей и расписных деревянных щитов.

Здесь погибло целое войско, быть может, его послал Александр Великий или какой-нибудь еще более древний властитель, самое имя которого позабыто на земле. Здесь были вожди, военачальники, воины и даже их жены, потому что в стороне я нашел груду скелетов женщин; на некоторых черепах еще сохранились длинные волосы, свидетельствовавшие о том, что несчастные женщины сбились в кучу в предсмертный миг ужасной бойни или перед тем, как погибнуть от голода, жажды либо надвигающихся песков.

О, если бы эти кости могли говорить, какую ужасную повесть поведали бы они!

В пустыне были также города, в местах оазисов, которые потом

пожрали пески. Дважды мы видели развалины таких городов, остатки каменных стен, мощные остовы человеческих жилищ, торчавшие из-под открывшего их песка, — здесь некогда люди боялись и надеялись, рождались, любили и умирали; девушки бывали горды, добры и злы, играли маленькие дети. Мир очень стар. Мы, пришельцы с Запада, еще раз убедились в этом, глядя на развалины городов и на останки людей, когда-то возводивших их.

Однажды вечером на фоне ясного неба проступили туманные очертания высоких гор, формой напоминавших подкову. Это были находившиеся на расстоянии многих миль от нас горы Мур; наконец-то мы увидели их! На следующее утро мы уже начали спускаться по лесистой равнине к большой реке, как мне кажется, одному из притоков Нила, хотя наверняка я этого сказать не могу.

Спустя еще три дня мы добрались до берега этой реки, пройдя по старой дороге и вознаграждая себя за пережитые лишения, — здесь было много дичи, и трава росла в изобилии, так что наши верблюды объелись и мы боялись, как бы они не лопнули. По всему было видно, что мы поспели как раз вовремя. Облака скрывали от нас горы Мур, и над равнинами, простиравшимися до самых гор, шел дождь. Началась дождливая пора, и, если бы мы опоздали еще на неделю, нам не удалось бы переправиться через реку, которая уже разлилась бы к тому времени. А пока мы спокойно переправились через нее по старому броду, и вода ни разу не поднялась выше колен верблюдов.

Пройдя еще немного по другому берегу, мы остановились и стали совещаться, так как уже вступили на землю фенгов и нам предстояло совершить наиболее опасную часть нашего путешествия. Приблизительно в пятидесяти милях от нас вздымалась твердыня Мур, но, как я объяснил своим товарищам, вся трудность состояла именно в том, чтобы пройти эти пятьдесят миль. Мы призвали на совещание Шадраха, и по моему предложению он изложил все обстоятельства.

— Там, — сказал он, — вздымалась неприступная горная крепость абати, а всю обширную равнину, являвшуюся бассейном реки, которую называют Эбур, населяют дикие фенги, чье войско состоит из десяти тысяч воинов и чья столица Хармак находится прямо против каменного изображения их божества, которое тоже называется Хармак.

— Хармак, то есть Гармахис, — бог зари. Существует какая-то связь между вашими фенгами и древними египтянами, или и те, и другие происходят от одного корня, — торжествуя, перебил профессор.

— Позволю себе сказать, дорогой друг, — ответил Орм, — что вы, по-

моему, уже говорили нам это в Лондоне, но археологией мы займемся позднее, если только доживем до этого времени. Пусть Шадрах продолжает.

— Этот город, население которого равняется пятидесяти тысячам человек, — продолжал Шадрах, — стоит у входа в расщелину, по которой мы должны пройти, чтобы попасть в Мур.

Орм спросил, нет ли другой дороги в крепость, потому что, насколько он мог понять, мы отправились в путь, спустившись в пропасть со скалы.

Шадрах ответил, что все это так, но что, хотя верблюдов и их ношу возможно спустить вниз, поднять их вверх совершенно невозможно, потому что у абати нет подходящих веревок, да и само строение скалы не позволит сделать это.

Далее Оливер спросил, нет ли окружной дороги, нельзя ли проникнуть в Мур с другой стороны горной цепи. Шадрах ответил, что такая дорога существует в восьми днях пути. Но только в это время года она непроходима, так как в этом направлении позади гор Мур расположено большое озеро, откуда берут начало оба рукава реки Эбур, между которыми лежит долина, населенная фенгами. Теперь это озеро вышло из берегов от дождей и превратило все окружающее его пространство в непроходимую топь.

Орм, все еще не удовлетворенный этими ответами, спросил, не можем ли мы, бросив верблюдов, подняться вверх по скале, с которой спустилось наше посольство. На это последовал ответ, который подтвердил и я. Если наше приближение будет замечено и если нам окажут помощь сверху, это возможно при том условии, что мы бросим всю поклажу.

— Об этом не может быть и речи, принимая во внимание, что мы везем с собой издалека и зачем, — сказал Орм. — Поэтому, Шадрах, объясни нам, как же мы проберемся мимо фенгов и войдем в Мур?

— Есть только один способ, о сын Орма: нам придется скрываться днем и идти ночью. Завтра вечером фенги справляют большой праздник весны в своей столице Хармак, а на рассвете следующего дня совершают жертвоприношение своему идолу. Но после захода солнца они едят, пьют и веселятся и тогда обычно снимают с постов стражу, чтобы она тоже могла участвовать в празднестве. Поэтому я так рассчитал наш путь, чтобы мы пришли сюда в самую ночь празднества, которую я определил по луне, и надеюсь, что нам удастся в темноте проскользнуть мимо Хармака, а на рассвете быть уже в расщелине, по которой прямая дорога ведет в Мур. Более того, я хочу дать знак своим соплеменникам, что мы близко, чтобы они могли приготовиться и оказали нам помощь, если это будет нужно.

— Каким образом? — спросил Орм.

— Я зажгу камыши, — Шадрах указал на огромное количество мертвых, высохших камышей, окружавших нас, — как я условился со своим народом, когда покидал Мур много месяцев назад. Фенги, увидев пламя, подумают, что это дело рук какого-нибудь рыбака.

Орм пожал плечами и нехотя согласился:

— Хорошо, друг Шадрах, ты знаешь эти места и народ, который живет здесь, а я их не знаю, так что нам приходится делать то, что ты нам советуешь. Но твой план кажется мне чрезвычайно опасным.

— Он опасен, — ответил тот и добавил с насмешкой: — Но я думал, что вы, чужестранцы, не трусы.

— Трусы! Ах ты, сукин сын! — вспылил Хиггс. — Как ты смеешь так разговаривать! Видишь вот этого человека? — И он указал на сержанта Квика, который возвышался рядом с Ормом и мрачно наблюдал эту сцену, понимая почти все, что происходило. — Так вот, он, по положению младший среди нас, слуга (здесь сержант поклонился), но в его мизинце куда больше смелости, чем в тебе и во всех абати, вместе взятых!

Сержант снова поклонился и пробормотал сквозь зубы:

— Надеюсь, что так, сэр, хотя ни за что нельзя ручаться.

— Ты говоришь дерзкие слова, о Хиггс, — ответил Шадрах нагло, потому что, как я уже, кажется, говорил, он ненавидел профессора, который догадывался, что Шадрах плут, и всячески допекал его своим острым языком, — но если фенги захватят нас, тогда мы узнаем правду.

— Прикажете расшибить ему башку, сэр? — раздумчиво спросил Квик.

— Утихомирьтесь, прошу вас, — прервал его Орм. — У нас и так достаточно хлопот. Можете рассчитаться с ним, когда нам удастся попасть в Мур.

Потом он обратился к Шадраху:

— Друг, теперь не время препираться. Ты проводник нашего отряда, веди нас куда хочешь, но помни, что если дело дойдет до сражения, мои товарищи выбрали меня начальником. Не забудь еще вот что: в конечном итоге тебе придется дать отчет твоей владычице, той, которую, как сказал мне доктор, зовут Вальда Нагаста, Дочь Царей. А теперь довольно слов; мы пойдем тогда, когда ты захочешь и куда захочешь. Ответственность да падет на твою голову.

Абати выслушал его и поклонился. Потом повернулся, бросив полный ненависти взгляд на Хиггса, и ушел.

— Лучше было бы, если бы мне позволили расшибить ему башку, —

говорил сам с собою Квик. — Это принесло бы ему большую пользу, а нас избавило бы от многих неприятностей, потому что, правду сказать, не верю я этому метису.

Потом он отправился осмотреть верблюдов и ружья, а мы вошли в палатки, чтобы поспать немного. Сам я почти не спал — меня тревожило недоброе предчувствие. Я знал, как трудно попасть в Мур по какой-либо другой дороге, хотя бы по той, по которой я оставил его, особенно принимая во внимание, что с нами были тяжело нагруженные верблюды, — и все же я сильно опасался за исход попытки проскользнуть в темноте мимо диких фенгов.

Мне представилось, что Шадрах настаивал на этом пути из чистого упрямства, чтобы только не согласиться с нами, англичанами, которых он ненавидел всей душой, или, быть может, имея какую-либо другую темную и тайную цель. Но в любом случае мы были в его власти. Я не хотел быть проводником, так как вышел из Мура по другой дороге, ночью, а попал туда, будучи без сознания. Если бы я попытался повести наш отряд, и Шадрах, и все остальные абати, несомненно, просто дезертировали бы, бросив нас, верблюдов и весь багаж. Они могли быть спокойны, зная, что мы не сможем обвинять их за этот поступок перед их правительницей.

Перед самым заходом солнца Квик пришел сказать мне, что верблюды готовы.

— Мне все это не слишком нравится, доктор, — заявил он, помогая мне сложить вещи, — вы знаете, я не верю Шадраху. Товарищи называют его Кошкой — по-моему, весьма подходящее прозвище для него. Как раз теперь он показал свои когти. Он всей душой ненавидит нас всех и очень хотел бы вернуться в свой Пур или Мур, потеряв нас по пути туда. Вы, вероятно, видели, как он взглянул на профессора. О, мне очень хотелось бы, чтоб капитан позволил мне расшибить ему башку! Я уверен, что атмосфера здорово очистилась бы.

Случилось так, что башку Шадраху все же расшибли, хотя сделали это другие руки. Вот как это произошло. По его, Шадраха, распоряжению зажгли камыши, чтобы часовые абати могли увидеть сигнал, хотя теперь я вполне убежден, что сигнал этот предназначался не для их глаз. Потом мы отправились в путь при свете звезд, идя по какой-то полуразрушенной и, по-видимому, очень древней дороге.

Едва занялась заря, мы свернули с этой дороги и расположились среди развалин покинутого города, построенного на некотором расстоянии от отвесных высот Мура; по счастью, мы никого не встретили, и никто нас не видел. Я первым стоял на часах, в то время как все остальные отправились

спать, позавтракав холодным мясом, — здесь мы уже не решались разводить огонь. Когда солнце поднялось выше и разогнало туман, я увидел, что мы находимся в густонаселенной стране, не чуждой некоторой своеобразной цивилизации. Несколько ниже нас, в пятидесяти или шестидесяти милях, находился большой город Хармак, который я мог ясно разглядеть в свой полевой бинокль; в прошлый раз, когда я посетил эту страну, я не видел его, потому что мы проходили мимо него ночью.

Это был типичный город западной части Центральной Африки, с открытыми торговыми площадями, с улицами, на которых стояли тысячи белых домов с плоскими крышами. Город окружала высокая и толстая стена, построенная, по-видимому, из высушенных на солнце кирпичей, а перед двумя воротами стояли охранявшие их сторожевые башни. Поля, окружавшие этот город, были обработаны, и, так как стояла ранняя весна, уже показались зеленые ростки маиса и других злаков.

Вдали я видел еще города и селения. Фенги были, по-видимому, очень многочисленным народом, и их никак нельзя было назвать дикарями. Неудивительно, что небольшое племя абати так страшилось их, несмотря на неприступные горы, оберегавшие его от ненависти фенгов.

Около одиннадцати часов Орм сменил меня, и я отправился спать. Вскоре я заснул, несмотря на мучившие меня страхи, которые, будь я менее усталым, не дали бы мне спать. А причин для страхов было немало.

Ближайшей ночью нам предстояло проскользнуть мимо фенгов и до полудня либо войти в Мур, либо попасть в руки врагов. В таком случае нас ждала смерть или, что во много раз хуже, рабство у варваров и медленная гибель, сопровождаемая теми или иными пытками.

Мы, разумеется, могли бы благополучно добраться до цели, идя темной ночью и с хорошими проводниками, — дорога была пустынная и наш небольшой караван остался бы незамеченным, если бы только не повстречались отряды стражи, которой, как нам говорили, в эту ночь здесь не должно было остаться. Шадрах, казалось, думал, что нам удастся наша затея, но — и это было самое худшее — я, подобно Квику, не доверял Шадраху. Даже сама Македа, повелительница абати, та, кого они называют Дочерью Царей, сильно сомневалась в нем, или так мне показалось. Как бы то ни было, она сказала мне перед тем, как я покинул Мур, что избрала Шадраха в провожатые только из-за его опытности и отваги и еще за то, что он, один из немногих в ее племени, в молодости совершил переезд через пустыню и поэтому знал дороги.

— И все же, доктор, — добавила она многозначительно, — приглядывайте за ним, потому что разве не его прозвали Кошкой? Ведь

если бы у меня не оставались в качестве заложников его жена и дети и если бы я не была уверена, что он жаждет получить в награду те земли, которые я ему обещала, я не доверила бы вас этому человеку.

И вот теперь, когда я хорошо познакомился с Шадрахом, я был вполне согласен с мнением Македы, и то же думал Квик, а он неплохой знаток людей.

— Посмотрите на него, доктор, — сказал он, подойдя ко мне, чтобы сообщить, что я могу идти спать (чей бы черед ни был стоять на страже, сержант всегда бодрствовал и был при деле). — Посмотрите… — И он показал на Шадраха, сидевшего в тени дерева и с серьезным видом шепотом говорившего что-то двоим своим подчиненным; на его лице была странная и неприятная усмешка. — По-моему, этому негодяю хотелось, чтоб мы все погибли там, в Зеу; того же он хочет добиться и сегодня ночью. Даже пес его терпеть не может.

Я не успел еще ответить, как получил подтверждение последних слов сержанта. Большой желтый пес Фараон, который нашел нас в пустыне, услыхав знакомые голоса, выскочил из-за какого-то угла и направился к нам, виляя хвостом. Пробегая мимо Шадраха, он остановился и зарычал; шерсть дыбом встала у него на спине. Шадрах кинул в него камень и попал в ногу. Мгновение спустя Фараон, обладавший непомерной силой, уже сбил абати с ног и едва не перекусил ему горло.

Мы подоспели вовремя, раньше, чем поднялся шум, но лицо Шадраха, которое пересекали багровые шрамы, врезалось мне в память. Написанные на нем ярость и страх делали его поистине дьявольским.

Я отправился спать, думая о том, что это, наверное, мой последний отдых на земле и что я никогда не увижу лица своего сына, если только он еще жив.

К вечеру меня разбудил ужасный шум, и я явственно различил пронзительный голос Хиггса, изрыгавшего всевозможные ругательства, лай Фараона и приглушенные крики и проклятия кого-то из абати. Выскочив из небольшой палатки, я увидел странное зрелище: профессор Хиггс, захватив голову Шадраха под левую руку, правой рукой изо всей силы бил его по носу и по всему лицу, а профессор, как я уже говорил, не из самых слабых. Подле них стоял сержант Квик, удерживая Фараона за ошейник, который смастерил для него из кожи павшего верблюда, и смотрел на происходящее с выражением мрачного удовлетворения на своем деревянном лице; вокруг суетились погонщики-абати, издавая громкие горловые звуки и по-восточному жестикулируя.

Орма здесь не было, так как он в это время спал.

— Что вы делаете, Хиггс? — крикнул я.

— Разве… вы сами… не видите? — буркнул он, сопровождая каждое слово новым ударом по бедному носу Шадраха. — Колочу по голове это животное. А-а! Кусаться?! Ты вздумал кусаться?! Вот тебе за это, и еще, и еще! А какие у него крепкие зубы!… Ну вот, теперь довольно с него. — И Хиггс вдруг отпустил абати, который упал на землю и остался лежать, дрожа. Его товарищи, видя жалкое состояние своего начальника, угрожающе двинулись было на профессора, один из них даже достал нож.

— Убери эту штуку, парень, — пригрозил сержант, — или я спущу на тебя собаку. Выньте револьвер, доктор.

Если слова Квика были непонятны для этого человека, он, очевидно, все же понял их смысл, — спрятал нож и ушел вместе с другими. Шадрах тоже поднялся с земли и пошел прочь. Однако на расстоянии нескольких ярдов от нас он остановился, обернулся, поглядел на Хиггса своими распухшими глазами и злобно прохрипел:

— Не беспокойся, чужестранец, я не забуду и отомщу.

В это мгновение Орм, зевая, появился у входа в палатку.

— Что случилось, в чем дело? — спросил он.

— Не знаю, чего бы я ни дал за пинту ледяного морса, — произнес профессор, нисколько не заботясь о последовательности своего ответа.

Потом он выпил немного тепловатой воды, которую предложил ему Квик, и сказал, возвращая флягу:

— Благодарю вас, сержант, это лучше, чем ничего, к тому же нехорошо пить что-либо слишком холодное, когда разгорячен. Что случилось? Ничего особенного. Шадрах пытался отравить Фараона, вот и все. Я следил за ним краем глаза и видел, как он подобрался к банке со стрихнином, вывалял в нем кусок мяса, который притащил с собой, и бросил это мясо бедному зверю. Я вовремя удержал пса и выбросил мясо за стену, где вы найдете его, если захотите. Я спросил Шадраха, зачем он это сделал, а он ответил мне: «Чтобы пес не помешал нам пройти мимо фенгов», — и прибавил, что пес этот — дикое животное и что его лучше убрать, так как он пытался искусать его сегодня утром. Тут я потерял терпение и набросился на негодяя. Я лет двадцать не боксировал, но вы, наверное, заметили, что восточные люди совсем не умеют работать кулаками. Вот и все. Дайте мне еще воды, сержант.

— Вполне возможно, — сказал Орм и пожал плечами. — Сказать правду, дружище, остроумнее было бы подождать немного и дать взбучку этому Шадраху, когда мы будем в Муре. Но теперь не к чему больше говорить об этом, и, по всей вероятности, я сам поступил бы таким же

образом, увидев, что он пытается отравить Фараона. — И Орм стал гладить по голове пса, которого все мы безумно любили, хотя пес этот любил одного Орма, а нас только терпел.

— Доктор, — прибавил Оливер, — сходите и полечите-ка нос нашего проводника, а заодно успокойте его немного. Вы знаете его лучше нас. Подарите ему ружье. Хотя… нет, не делайте этого, а не то он выстрелит кому-нибудь из нас в спину — предумышленный несчастный случай! Пообещайте подарить ему ружье, когда мы проберемся в Мур; я знаю, что ему очень хочется иметь ружье, — я как-то накрыл его, когда он пытался украсть карабин.

Прихватив с собой бутылку арники и пластырь, я пошел искать Шадраха и нашел его окруженным соболезнующими абати, плачущим от ярости при воспоминании об оскорблении, нанесенном в его лице, как он говорил, древнему и знатному роду. Сделав все, что мог, чтобы успокоить его физические и нравственные страдания, смачивая арникой его изуродованное лицо, я сказал, что всему виной он сам, — незачем было пытаться отравить Фараона лишь за то, что тот хотел его укусить. Шадрах ответил, что у него были совсем другие причины желать смерти пса, и пространно повторил мне все то, что говорил профессору. Потом он таким тоном начал излагать мысли о мести, что я счел нужным прервать его-

— Послушай, Шадрах, — пригрозил я, — если ты не откажешься от своих слов и не успокоишься, мы немедленно же свяжем тебя и будем судить. Быть может, нам скорее удастся ускользнуть от фенгов, если мы оставим здесь твой труп, чем если возьмем с собой в путь нашего смертельного врага.

Едва я замолчал, как он мгновенно переменил тон и сказал, что видит свою неправоту. Больше того, он отыскал Хиггса и поцеловал его руку, рассыпаясь в похвалах, уверяя, что все забыл и что любит его, как родного брата.

— Превосходно, приятель, — ответил Хиггс со своей обычной прямотой, — только не пытайся больше отравить Фараона, а что касается меня, я обещаю не вспоминать об этом, когда мы прибудем в Мур.

— Сложная личность этот Шадрах, не правда ли, доктор? — насмешливо заметил Квик, наблюдавший эту назидательную картину. — Скверный характер восточного человека исчез; никаких разговоров про «око за око, зуб за зуб!», а вместо этого одни поцелуи. И все же я хотел бы, чтобы эта свинья была подальше от нас, особенно в темноте.

Я ничего не сказал сержанту, хотя в душе был с ним согласен.

Наступил вечер, предвещавший бурную ночь. Надвигались тучи, и

ветер все усиливался. Мы должны были выступить немного погодя после захода солнца, приблизительно через час. Собрав свои пожитки, я помог Хиггсу сделать то же с его багажом, и мы оба отправились искать Орма и Квика. Мы нашли их в одном из сохранившихся в целости домов, где они были заняты каким-то делом. Квик, казалось, разбирал фунтовые банки из-под табака, а Орм осматривал электрическую батарею и внимательно проверял моток изолированной проволоки.

— Чем это вы забавляетесь? — спросил профессор.

— Забавляемся лучше, чем вы, когда дьявол дернул вас поднять руку на Шадраха. Но уберите-ка подальше вашу трубку. Говорят, что этот азоимид так же безопасен, как уголь. Но только в этом нельзя быть уверенным — климат и путешествие могли изменить его качества.

Хиггс поспешно удалился на добрых пятьдесят ярдов, выколотил там свою трубку и даже оставил на камне коробок со спичками.

— Не тратьте времени на расспросы, — сказал Орм, когда профессор с опаской приблизился к нему. — Я все объясню сам. Наше ночное путешествие будет очень опасным — нас всего четверо белых среди дюжины чумазых негодяев, верность которых к тому же под большим подозрением. Мы с Квиком решили, что неплохо будет иметь наготове некоторое количество этого взрывчатого вещества. Оно, быть может, и не потребуется, а если потребуется, мы можем не успеть воспользоваться им — почем знать? Во всяком случае, вот десять жестянок: этого достаточно, чтобы взорвать половину всех фенгов, если они будут над этими штуками. Возьмите пять жестянок, Квик, я возьму тоже пять, батарею и триста ярдов проволоки. Детонаторы на месте? Прекрасно.

И, не говоря больше ни слова, он начал рассовывать банки, батарею и проволоку по карманам своей куртки. Квик последовал его примеру. Потом они закрыли ящик, из которого взяли взрывчатое вещество, и отнесли его туда, где его должны были погрузить на верблюда.

Глава VI. Как мы бежали из Хармака

Когда все было готово, поступило распоряжение отправиться в путь: впереди в качестве проводника ехал один абати, про которого сказали, что он знает каждую пядь земли. За ним следовали Квик и Орм, ведя на поводу верблюдов, нагруженных ящиками с взрывчатым веществом. За ними — я, чтобы не терять из вида сержанта и капитана, а также и тех бесценных животных, которых они вели. За мной шли верблюды, нагруженные нашим багажом, съестными припасами и всякой всячиной, а позади всех, в арьергарде, находились профессор, Шадрах и двое абати.

Шадрах сам предложил нам построиться в таком порядке. Он говорил, что если после происшедшего он пойдет впереди, любую несчастную случайность или ошибку мы припишем его злому умыслу, а если он будет позади, мы не сможем оклеветать его таким образом. Услышав это, Хиггс, благороднейшая душа, заявил, что хочет доказать свое доверие Шадраху и остаться с ним в арьергарде. Он так настаивал на этом, и Шадрах, казалось, до такой степени был польщен этим, что Орм, командовавший теперь нашим отрядом, с явной неохотой вынужден был уступить. Между тем, как мне было известно, сам он полагал, что нам, четырем европейцам, лучше держаться вместе, хотя в таком случае мы могли быть отрезаны от верблюдов и их груза, который для нас был не менее дорог, чем наша жизнь.

Солнце зашло, стемнело, начался дождь, и поднялся ветер. Мы вышли из разрушенного города на прежнюю дорогу и бесшумно направились по ней в сторону огней Хармака, которые сверкали впереди, несколько левее от нас.

Мы шли целых три часа и теперь находились прямо против этих огней, а справа от нас виднелись другие огни. До сих пор все было спокойно; узнавали мы это по донесениям передового, шепотом передававшимся по всей нашей линии. Внезапно прямо впереди сверкнул огонь. Он был еще на довольно большом расстоянии от нас. Пронеслось тихо отданное приказание: «Стой!» Мы остановились, и один из шедших впереди абати пробрался к нам ползком и сообщил, что на дороге перед нами показался отряд кавалерии фенгов. Мы собрали совет. Шадрах приблизился к нам и сказал, что, если мы подождем немного, фенги могут удалиться. Он полагал, что их появление чисто случайно и связано с большим празднеством в стенах города, и умолял нас соблюдать тишину. Не зная,

что делать, мы согласились с ним и стали ждать.

Я, кажется, забыл сказать, что во избежание непредвиденных случайностей пса Фараона мы везли в большой корзине, — он часто путешествовал в ней, когда бывал утомлен, — а корзина висела на боку у Ормова верблюда. Фараон спокойно лежал в корзине, пока Шадраха не угораздило отойти от меня и пройти вперед, чтобы сказать что-то капитану. Пес учуял своего врага и начал громко лаять. Тут все смешалось. Шадрах бегом бросился в арьергард. Свет впереди начал быстро приближаться к нам. Передние верблюды сошли с дороги, следуя (как я думаю), за своими проводниками.

Не знаю, как это случилось, но Орм, Квик и я встретили друг друга в темноте; мы думали, что Хиггс тоже с нами, но ошиблись. Мы услышали возгласы и чужие голоса, говорящие на непонятном нам языке. При внезапной вспышке молнии в самый разгар грозы мы увидели очень немногое, в частности Хиггсова верблюда, которого никак нельзя было спутать с каким-либо другим, потому что он был совершенно белый и особенным образом держал голову, наклонив ее набок. Мы увидели его в десяти шагах, между нами и дорогой, и на его спине сидел человек, который явно не мог быть профессором. Тут-то мы и обнаружили, что его нет с нами, и испугались за него.

— Какой-то фенг захватил верблюда, — сказал я.

— Нет, — ответил Квик, — не фенг, а Шадрах. Я успел разглядеть его гнусную рожу.

Второе, что мы увидели, были наши вьючные верблюды, быстро удалявшиеся в сторону от дороги, которую занимал теперь большой отряд всадников в белых плащах. Орм коротко распорядился, чтобы мы следовали за верблюдами, с которыми мог быть профессор. Мы спустились за ними вслед, но не успели проехать и двадцати ярдов по вспаханному полю, как услышали впереди голоса, не принадлежащие нашим абати. По-видимому, вспышка молнии, указавшая нам фенгов, оказала услугу и им, и теперь они двигались вперед, чтоб убить нас или взять в плен.

Нам оставалось только одно: повернуть и бежать, и мы так и поступили, направляясь неведомо куда, но стараясь все время держаться поближе друг к другу.

Около четверти часа спустя мы очутились в пальмовой, — а может, это были и другие деревья, — роще, за которой впереди ничего не было видно. Снова сверкнула молния, на этот раз не такая яркая, потому что гроза уже пронеслась, и я, случайно бросив взгляд через плечо, увидел, что всадники фенгов находятся не больше чем в пятидесяти ярдах и стараются окружить

нас, вытянувшись в длинную линию. Тем не менее я был уверен, что они не заметили нас в густой тени деревьев.

— Вперед! — призвал я своих товарищей. — Они сейчас будут здесь. — И услыхал, как Квик прибавил:

— Предоставьте вашему верблюду идти, куда он хочет, капитан. Он видит в темноте и, может быть, выведет нас обратно на дорогу.

Орм послушался этого совета, который казался вполне разумным, так как нас окружала непроглядная тьма, и в результате мы быстро двинулись вперед. Все три наши верблюда шли, вытянувшись в линию, сначала по вязкой почве, а потом по твердой дороге. Вдруг мне показалось, что дождь прекратился, потому что в течение какого-то времени на нас не упало ни капли, но вскоре по тому, как отдавались шаги верблюдов, мы заключили, что проходим под огромным сводом. Мы все продвигались вперед, и сквозь мрак и дождь я видел что-то такое, что казалось мне домами, хотя они не были освещены — быть может потому, что уже близилось утро. Ужасная мысль поразила меня: что, если мы в Хармаке? Я шепнул это своим товарищам.

— Вполне возможно, — шепотом же ответил Орм. — Быть может, эти верблюды родились здесь и ищут свои стойла. Но нам остается только продолжать путь.

Долгое время мы двигались вперед среди полной тишины, которую изредка нарушал только лай собак. К счастью, Фараон в своей корзине не отвечал им. Наконец нам показалось, что мы прошли под второй аркой, а потом, пройдя еще около ста пятидесяти ярдов, наши верблюды внезапно остановились. Квик спустился на землю, и я услышал, как он сказал:

— Двери. Я нащупал бронзовые украшения на них. Вверху — башня, так мне кажется, по обе стороны — стены. Похоже на то, что мы в западне. Лучше всего дождаться рассвета здесь. Ничего другого не остается.

Мы послушались, связали между собой верблюдов и укрылись от дождя в тени башни. Чтобы убить время и согреться — мы насквозь промокли и страшно озябли, — мы поели мясных консервов и сухарей из своих седельных сумок, а потом выпили по глотку бренди из фляги Квика. Это немного согрело нас, хотя и не подняло подавленного состояния духа. Хиггс, которого мы все любили, исчез, быть может, убит; абати потеряли нас или бросили умышленно, и мы, три белых человека, по-видимому, очутились во враждебной крепости, где нас, едва заметив, поймают, как птицу в сеть. Положение было не из веселых.

К счастью для нас, незадолго до рассвета дождь прекратился. Небо прояснилось, и проглянули звезды; внезапно все небо залили потоки

бледно-розового света, тогда как землю все еще покрывал такой густой туман, что не было никакой возможности разглядеть что-либо.

Потом встало солнце, но видно было не больше чем на несколько ярдов вокруг.

Квик что-то мурлыкал потихоньку про себя, потом вдруг воскликнул:

— Ага! Здесь лестница. С вашего разрешения, я поднимусь по ней, капитан. — И исчез.

Минуту спустя мы услышали, что он тихо зовет нас:

— Идите сюда.

Мы поднялись наверх и, как я полагал, очутились на верхней площадке одной из двух башен, возвышавшихся по обеим сторонам арки. Башни эти составляли часть большого укрепления, защищавшего южные ворота города, который не мог быть не чем иным, кроме Хармака. Над пеленой тумана вздымались мощные громады гор Мур, которые рассекали глубокая долина.

Прямо в эту долину светило солнце, и мы увидели там изумительное и наводящее ужас изваяние, основание которого еще скрывал туман, — огромную фигуру лежащего животного, высеченную из черного камня. Голова его напоминала голову льва и была украшена *уреем*, венцом из змей, символом власти в Древнем Египте. Точно определить размеры этой фигуры было невозможно, потому что мы были от нее на расстоянии около мили, но, скорее всего, никакой другой высеченный из одной глыбы памятник, который нам когда-либо доводилось видеть или о котором мы когда-либо слышали, не достигал таких невероятных размеров.

— Идол фенгов! — воскликнул я. — Ничего удивительного, что дикари поклоняются ему как богу.

— Самый большой монолит во всем мире, — прошептал Орм, — а Хиггс погиб. О! Если бы он дожил хотя бы до того, чтобы увидеть его, он спокойно умер бы тогда. Я хотел бы, чтобы они захватили не его, а меня! — И он стал ломать руки, потому что это в характере Оливера — прежде думать о других, а потом о себе.

— Чтоб взорвать эту штуку, мы и приехали сюда, — рассуждал сам с собой Квик. — Прекрасно. Наш азимут, или как они его там называют (он хотел сказать «азо-имид»), здорово сильное взрывчатое вещество, но немало придется нам потратить его, если только мы проберемся к ней. Жалко будет взрывать — старик по-своему очень красив.

— Спустимся вниз, — сказал Орм. — Необходимо сообразить, где мы находимся. Быть может, нам удастся бежать под прикрытием тумана.

— Одно мгновение, — ответил я. — Видите ту скалу? — И я указал на

остроконечную скалу, возвышавшуюся до облаков приблизительно в одной миле к югу от идола и в двух милях от нас. — Это Белый утес, мне никогда не приходилось видеть его раньше, так как я проходил мимо него ночью, но я знаю, что он стоит у входа в расщелину, которая ведет в Мур — вы, верно, помните, что Шадрах говорил нам то же самое. Так вот, если нам удастся добраться до Белого утеса, у нас есть надежда спастись.

Орм внимательно посмотрел на скалу и повторил:

— Спустимся вниз, здесь нас могут заметить.

Мы спустились и лихорадочно стали осматриваться. В арке, находившейся под башней, в огромных дверях, украшенных медными или бронзовыми щитами с изображением людей и животных, были решетки, сквозь которые защищавшие их воины могли видеть врагов и метать стрелы. Что, однако, было важнее для нас, — это то, что на них не было замков и что они запирались только огромными бронзовыми засовами, которые мы все же могли вынуть.

— Выясним это раньше, чем рассеется туман, — предложил Орм.

— Если нам повезет, мы можем добраться до ущелья.

Мы согласились с ним, и я побежал к верблюдам, которые отдыхали у самой арки. Но прежде чем я добежал до них, меня окликнул Квик.

— Поглядите-ка сюда, доктор, — указал он в одно из отверстий между брусьями решетки.

Я взглянул и в густом тумане увидел отряд всадников, направлявшихся к двери.

— Они, наверное, увидели нас, когда мы были наверху, глупа было идти туда! — воскликнул Орм.

В следующее мгновение мы уже отступили назад, и как раз вовремя, потому что в то самое отверстие, через которое я выглянул, пронеслось копье, вонзившееся в землю уже за аркой. Мы услышали также, как другие копья забарабанили по бронзовым щитам, украшавшим двери.

— Не выглядывать! — приказал Орм. — Они хотят напасть на нас. Ружья готовы, сержант и доктор? Да? Тогда выбирайте бойницу, цельтесь и стреляйте. Не теряйте ни одного заряда.

Мы стали стрелять в густую толпу воинов, соскочивших с лошадей и бежавших к дверям, чтобы распахнуть их. На таком расстоянии трудно было промахнуться, а в наших винтовках было по пять патронов в каждой. Когда рассеялся дым, я насчитал добрых полдюжины фенгов, валявшихся на земле, в то время как несколько человек раненых поспешно ковыляли назад. Кроме того, много лошадей и людей, находившихся позади, тоже было ранено, потому что пули пробивали навылет тела передних.

Результат этого убийственного залпа был изумителен и мгновенен. Несмотря на отвагу, фенги были непривычны к скорострельным винтовкам. Самое большее, что могли они видеть, — это какой-нибудь допотопный мушкет, который попал к ним, проплутав много лет по рукам торговцев. О современных ружьях и их силе они не имели понятия. Поэтому я не считаю позорным, что они побежали, когда их ряды начала косить внезапная смерть, которая могла показаться им сверхъестественной. Они бежали, бросив убитых и раненых.

А мы снова подумали о бегстве, которое было для нас единственным выходом, но все же колебались, так как не могли поверить, что фенги действительно оставили дорогу свободной, а не отступили немного назад, чтобы дождаться нас. Пока мы таким образом теряли время, туман быстро рассеивался, так что мы вскоре могли вполне точно ориентироваться. Прямо перед нами, в стороне города, лежала большая открытая площадь, окружающие ее стены почти доходили до стен самого города, образуя как бы переднюю или вестибюль, служивший для охраны тех самых городских ворот, через которые мы проехали в темноте, не зная, куда мы едем.

— Те, внутренние двери открыты, — заметил Орм, кивнув головой в сторону больших ворот на другом конце площади. — Пойдем попробуем закрыть их. Иначе нам недолго удастся продержаться здесь.

Мы побежали к этим дверям, во всем походившим на те, через которые мы только что стреляли, но несколько больших размеров, и общими усилиями едва-едва смогли запереть их и заложить на места все засовы. Вдвоем нам не удалось бы сделать это. Потом мы вернулись к арке и, так как никто не беспокоил нас, немного поели и напились воды. Квик заметил кстати, что мы с таким же успехом можем умереть натощак, как и поев.

Когда мы переходили через площадь, туман, до этого быстро рассеивавшийся, снова начал сгущаться, по мере того как солнце поднималось выше и согревало влажную от дождя землю. 56

— Сержант, — сказал теперь Орм, — эти черные снова атакуют нас. Самое время заложить мину, пока они не могут видеть, чем мы заняты.

— Только что подумал то же самое, капитан; чем раньше, тем лучше, — ответил Квик. — Быть может, доктор посторожит здесь верблюдов и, если увидит, как кто-нибудь высунет голову из-за этой стены, пусть поздоровается с ним. Мы знаем, что он хороший стрелок, он не промахнется. — И он похлопал мою винтовку.

Я кивнул головой, и они вдвоем направились к центру площади, где возвышалась груда камней, напоминавшая жертвенник; я, впрочем, полагаю, что это скорее было место, где местные купцы продавали рабов и

разные другие товары.

Я внимательно разглядывал стены, бойницы которых прекрасно видел над пеленой тумана. Внезапно моя бдительность была вознаграждена: над большими воротами по другую сторону площади, приблизительно в ста пятидесяти шагах от меня, появилась фигура, напоминавшая военачальника, в белой одежде и в пышном пестром тюрбане. Человек этот бегал взад и вперед по стене, размахивал копьем и громко кричал что-то.

Мне пришлось даже лечь на землю, чтобы хорошо прицелиться. Несмотря на то что я хороший стрелок, как сказал Квик, все же всегда можно промахнуться, чего я вовсе не желал, хотя не питал никакой особой злости против пестрого тюрбана. Но внезапная и таинственная смерть этого дикаря, по моему убеждению, произвела бы большое впечатление на его соплеменников.

Наконец он остановился над самыми воротами и начал исполнять что-то вроде воинственной пляски, время от времени поворачивая голову, чтобы крикнуть что-то; находящимся по другую сторону стены. Это мне и было нужно. Я прицеливался в него так же тщательно, как в тире, когда хочешь взять приз. Я нажал на курок, раздался выстрел, и человек на стене перестал вдруг танцевать и застыл на месте. По-видимому, он услышал выстрел или почувствовал, как пуля просвистела мимо, но сам не был ранен.

Выбросив из винтовки пустую гильзу, я собрался выстрелить еще раз, но в этот момент увидел, что стрелять ни к чему, потому что мой военачальник завертелся на месте, как волчок, три или четыре раза повернулся вокруг собственной оси, потом внезапно взмахнул руками и рухнул вниз головой со стены, и я перестал видеть его. Только с той стороны ворот, куда он упал, поднялись отчаянные крики и вой.

На стене больше никто не появлялся, и все свое внимание я обратил на дверь в арке, выходящей на дорогу. Я увидел на ней несколько всадников в четырех-пяти сотнях ярдов от меня, открыл огонь по ним, и мне удалось со второго выстрела выбить одного из них из седла. Подхватив раненого или убитого и перекинув его через круп лошади, его товарищи ускакали.

Теперь дорога к проходу в Мур, казалось, была свободна, и я жалел, что Орма и Квика нет рядом, чтоб попытаться бежать. Я уже думал пойти за ними или позвать их, когда увидел, что они возвращаются, таща за собой проволоку, и в то же самое время услышал грохот, причина которого была вполне ясна: по-видимому, фенги разбивали бронзовые двери в воротах чем-то вроде тарана. Я побежал навстречу своим и рассказал им все, что случилось.

— Прекрасно, — сказал Орм спокойным тоном. — Теперь, сержант, соедините эту проволоку с батареей и потуже натяните ее. Ведь вы испробовали ее, не так ли? Доктор, будьте добры, выньте засовы из ворот. Нет, одному не сделать этого, я помогу вам. Осмотрите верблюдов и подтяните подпруги. Через минуту эти фенги разобьют ворота, и тогда нельзя терять времени.

— Что вы хотите сделать? — спросил я, исполнив его распоряжения.

— Показать им фейерверк. Приведите верблюдов под арку и последите, чтоб они не запутались в проволоке ногами. Так. Теперь надо открыть засовы. Черт! Какие они тугие! Не понимаю, почему эти фенги не смазывают их. Одна дверь есть, теперь за другую!

Работая изо всех сил, мы сняли засовы и распахнули двери настежь. Насколько мы могли видеть, впереди не было никого. Потому ли, что стража испугалась наших пуль, или по какой-либо другой причине, но только она, по-видимому, удалилась.

— Мы сейчас поедем прямо к Муру? — спросил я.

— Нет, — ответил Орм, — так не годится. Даже если предположить, что за тем холмом нет фенгов, наши враги, находящиеся внутри города, скоро нагонят нас на своих быстрых лошадях. Прежде чем бежать, необходимо пугнуть их; и тогда они оставят нас в покое. Слушайте. Когда я дам вам знак, выведите верблюдов за ворота и заставьте их стать на колени в пятидесяти ярдах отсюда, никак не ближе, потому что я не знаю в точности, какова сила взрыва этого новоизобретенного вещества — быть может, оно сильнее, чем я предполагаю. Я буду ждать, пока фенги не окажутся над самой миной, и тогда взорву ее. Надеюсь после этого присоединиться к вам. Если мне не удастся сделать это, поезжайте со всей скоростью, на какую способны верблюды, к Белому утесу и, если вам посчастливится пробраться в Мур, передайте привет от меня Дочери Царей и скажите, что хотя мне и не удалось послужить ей, сержант Квик смыслит во взрывчатке не меньше моего. Постарайтесь поймать Шадраха и повесить его, если он повинен в смерти Хиггса. Бедняга Хиггс! Как это обрадовало бы его!

— Прошу прощения, капитан, — сказал Квик, — я остаюсь с вами. Пусть доктор один из нас двоих выйдет невредимым из этой передряги. И в таком случае, сэр, — попросил он, — не разрешите ли вы мне остаться с электрической батареей?

— Нет, — сурово ответил Орм. — Ага! Двери наконец подались! — И он указал на толпу фенгов, всадников и пеших, прорвавшихся сквозь ворота, у которых они остановились, и по своему обычаю громко

кричавших. Потом он продолжил:

— Подстрелите-ка их начальников и сматывайте. Мне хочется, чтоб они подались немного назад и потом двинулись толпой погуще, а не в одиночку.

Мы подняли винтовки и исполнили распоряжение Орма. Толпа была так густа, что, промахнувшись по кому-нибудь одному, мы непременно попадали в другого, и мы убили и ранили несколько человек. Результат гибели нескольких вожаков, не говоря уже о рядовых, был именно такой, какого желал Орм. Фенги, вместо того чтобы двигаться вперед поодиночке, подались вправо и влево и образовали густую толпу у противоположной стены — настоящее человеческое море, в которое мы выпускали пули, как мальчики бросают камешки в воду.

Наконец напор задних рядов заставил передних еще податься вперед, и вся орава, крича и шумя, двинулась через площадь; огромное количество воинов шло уничтожить троих белых, вооруженных неведомым и смертоносным оружием. Это было престранное зрелище, какого я никогда еще не видел.

— Пора! — произнес Орм. — Перестаньте стрелять и исполняйте то, о чем я просил вас. Поставьте верблюдов на колени в пятидесяти ярдах от стены, не ближе, и ждите, пока вам не станут ясны результаты происшедшего. Если нам больше не придется увидеться — прощайте!

Мы отправились, и Квик в буквальном смысле плакал от стыда и гнева.

— Господи! — восклицал он. — Подумайте только, что Сэмюэля Квика, проделавшего четыре кампании, имеющего пять медалей, отослали в обоз, как какого-нибудь пузатого музыкантишку, и что ему пришлось оставить своего капитана сражающимся с тремя тысячами негров. Доктор, если он не выйдет отсюда, делайте сами что хотите, а я вернусь обратно и умру подле него. Ну вот, пятьдесят шагов, ложитесь, вы, уроды! — И он жестоко толкнул верблюда в голову прикладом своей винтовки.

С того места, где мы находились, сквозь арку был виден кусок площади. Она была до такой степени заполнена людьми, что напоминала большой воскресный митинг в Гайд-Парке. Первые ряды толпы уже успели зайти за похожее на жертвенник возвышение посредине площади.

— Отчего он не взрывает свой азимут? — пробормотал Квик. — А-а! Понимаю. Посмотрите-ка. — И он указал на фигуру Орма, который прижался к прикрытой двери с нашей стороны и выглядывал из-за нее на площадь, держа в правой руке батарею. — Он хочет подпустить их поближе, чтобы…

Больше я ничего не слышал, потому что вдруг произошло что-то напоминавшее землетрясение и все небо залило одно огромное пламя. Я видел, как часть стены подскочила вверх, а потом упала, как половинка украшенной бронзовыми щитами двери сорвалась и поскакала в нашу сторону, а на ней была видна фигура человека. Потом сверху начали валиться камни, из которых, по счастью, ни один не задел нас, и другие, еще более страшные предметы. Пренеприятное ощущение, когда по спине тебя стукнет рука, оторванная от тела, особенно когда в ней зажато копье. Верблюды пытались было вскочить и убежать, но они префлегматичные животные, и, так как вдобавок были еще и здорово утомлены, нам удалось успокоить их.

Пока мы, ошеломленные взрывом, были заняты верблюдами, фигура, промчавшаяся на пляшущей двери, приблизилась к нам, пошатываясь, как пьяная, и сквозь пламя, дым и поднятую взрывом землю мы узнали в ней Оливера Орма. Его лицо почернело, одежда висела клочьями, кровь из раны на голове струилась по волосам. Но в правой руке он все еще продолжал держать маленькую электрическую батарею, и я сразу же понял, что все его кости целы.

— Превосходная мина, — сказал он тихо. — Бурский мелинит и сравнивать нельзя с этим новым составом. Бежим скорее, пока враги не успели опомниться. — И он вскочил на верблюда.

Мгновение спустя мы уже неслись рысью к Белому утесу, а позади нас в Хармаке все усиливались вопли ужаса и стоны. Мы добрались до вершины подъема, где я подстрелил всадника, и, как и ожидали, увидели, что фенги оставили в ложбине за подъемом большой конный отряд, державшийся на таком расстоянии, на котором наши пули не могли достать его. Он должен был помешать нашему бегству. Теперь, смертельно напуганные взрывом, который показался им какой-то сверхъестественной катастрофой, фенги бежали, и мы увидели их скачущими вправо и влево от дороги со всей прытью, на какую были способны их лошади.

Некоторое время мы спокойно двигались вперед, хотя не слишком быстро, потому что Орм чувствовал себя не очень хорошо. Когда мы покрыли уже добрую половину расстояния до Белого утеса, я оглянулся и увидел, что нас преследует новый конный отряд человек в сто, который, как я решил, выехал из других городских ворот.

— Хлестните верблюдов, — крикнул я Квику, — не то они все же захватят нас!

Он послушался и понесся вперед крупным галопом. Всадники с каждым мгновением все приближались. Я уже решил, что все пропало,

особенно когда заметил, что из-за Белой скалы появился еще один отряд.

— Отрезаны! — воскликнул я.

— Похоже, что так, — ответил Квик, — но только эти, по-моему, другого племени.

Я присмотрелся и увидел, что сержант прав. Они действительно были другого племени — впереди них развевалось знамя абати. Я не мог ошибиться, так как хорошо узнал его в то время, когда был гостем этого племени: забавный треугольный флаг зеленого цвета с золотыми еврейскими буквами вокруг изображения Соломона, восседающего на троне. Более того — непосредственно за знаменем, окруженная телохранителями, виднелась тонкая женская фигурка, одетая во все белое. Это была сама Дочь Царей.

Спустя две минуты мы были среди них. Я остановил верблюда и увидел, что кавалерия фенгов отступила. После всех событий сегодняшнего утра у нее, по-видимому, не хватало духа сражаться с численно превосходящим ее врагом.

Женщина в белом подъехала к нам.

— Привет тебе, друг! — сразу узнав меня, воскликнула она. — Кто ваш начальник?

Я указал на Орма, который почти без чувств сидел на верблюде, полузакрыв глаза.

— Благородный чужестранец, — обратилась она к нему, — прошу тебя, скажи мне, что случилось. Я — Македа, правительница абати, та, кого называют Дочерью Царей. Взгляни на знак на моей голове, и ты увидишь, что я говорю правду.

И, откинув назад покрывало, она открыла золотой обруч — символ ее власти.

Глава VII. Барунг

При звуке этого нежного голоса Орм открыл глаза и взглянул на нее.

— Престранный сон, — услыхал я его бормотание. — Вероятно, что-то магометанское. Замечательно красивая женщина, и эта золотая штука очень идет к ее темным волосам.

— Что сказал твой друг-чужестранец? — спросила у меня Македа.

Я сначала объяснил ей, что он страдает от полученного при взрыве сотрясения, а потом слово за словом перевел его речь. Македа покраснела до самых своих красивых глаз цвета фиалок и быстро опустила на лицо покрывало. В воцарившемся неловком молчании я расслышал, как Квик говорит Орму:

— Нет, нет, сэр, это не гурия. Она настоящая королева по плоти, и притом самая красивая, какую я когда-либо видел, хотя она только безвестная африканская еврейка. Придите в себя, капитан; вы только что вырвались из адского пламени. Оно поглотило фенгов, а не вас.

Слово «фенги», казалось, привело Орма в себя.

— Да, — сказал он, — понимаю. Мне лучше теперь. Адамс, спросите у этой дамы, сколько воинов она привела с собой… Что она говорит? Около пятисот? Так пусть они немедленно нападут на Хармак. Наружные и внутренние ворота разрушены; фенги думают, что в дело замешан сам дьявол, и сейчас же побегут. Она может нанести им такое поражение, от которого они не оправятся много лет, но только нельзя медлить ни минуты, пока враги не пришли в себя, а то мы больше напугали их, чем действительно нанесли им ущерб.

Македа внимательно выслушала его совет.

— Мне это нравится, прекрасно, — произнесла она на своем древнем арабском наречии, когда я кончил переводить то, что предлагал Орм. — Но я должна спросить мнение своего Совета. Где мой дядя, принц Джошуа?

— Здесь, госпожа, — ответил голос из толпы, и из нее вынырнул довольно пожилой полный мужчина, сидевший на белой лошади. У него была смуглая кожа и необычайно круглые глаза, сильно навыкате. Поверх богато изукрашенной восточной одежды он носил кольчугу, а голову прикрывал шлем с металлической сеткой, охранявшей затылок и уши, что делало его похожим на дородного завоевателя раннего, норманнского периода или крестоносца, но только без креста.

— Так это Джошуа? — сказал Орм, снова начинавший бредить, —

Какой петух, не правда ли? Сержант, скажите ему, что стены Иерихона уже рухнули, так что ему не к чему трубить в свою трубу. Мне кажется, что ему в самую пору подошло бы играть на трубе.

— Что говорит твой друг? — снова спросила Македа.

Я перевел среднюю часть речи Орма, отбросив начало и конец, но даже это рассмешило ее, и она расхохоталась и сказала, указывая на Хармак, над которым все еще стояло облако дыма:

— Да, да, дядя Джошуа, стены Иерихона рухнули, и все дело за тем, захотите ли вы воспользоваться этим случаем. Если да, через несколько часов мы будем мертвы или на много лет избавимся от фенгов.

Принц Джошуа сначала поглядел на нее своими большими вытаращенными глазами, потом ответил низким кудахтающим голосом:

— Ты сошла с ума, Дочь Царей? Нас здесь всего пятьсот человек, а фенгов больше десяти тысяч. Если мы нападем на них, они съедят нас. Разве пятьсот могут сражаться против десяти тысяч?

— Сегодня утром три человека сражались с десятью тысячами и нанесли им большой урон, но эти люди не принадлежали к племени абати, — ответила она с горькой усмешкой. Потом обернулась к сопровождавшим ее воинам и крикнула:

— Кто из моих военачальников и Совета пойдет со мной, если я, хотя я только женщина, решусь напасть на Хармак?

Раздались отдельные возгласы: «Я!…» Несколько пышно одетых мужчин неуверенно выступили вперед — и только.

— Вот видите, чужестранцы с Запада! — воскликнула Македа, помолчав немного. — Благодарю вас за ваши подвиги и за совет. Но я не могу последовать ему, потому что мой народ не воинствен. — И она закрыла лицо руками.

Среди ее спутников поднялся ужасный шум, и все заговорили разом.

В частности, Джошуа вытащил огромный меч и стал размахивать им, громко перечисляя подвиги своей молодости и имена фенгов, которых он, по его словам, убил в единоборстве.

— Я говорил вам, что эта жирная собака — первоклассный брехун, — медленно проговорил Орм, в то время как сержант крикнул с отвращением:

— Ну и компания! Доктор, к ним не мешало бы приставить рефери с какого-нибудь лондонского футбольного поля. Фараон, если бы он не сидел в этой корзине, разорвал бы в минуту всю эту шатию. Эй, свинья, — обратился он к Джошуа, который стал размахивать мечом слишком близко от него, — убери свой картонный меч, а не то я расшибу твою жирную голову.

Принц понял смысл его речи и быстро отошел назад.

Вдруг в устье прохода, где разыгрывалась вся эта сцена, поднялось страшное волнение, потому что внезапно появились три военачальника фенгов, скачущие к нам галопом. У одного из них лицо было совершенно закрыто покрывалом, виднелись лишь прорези для глаз. Абати отступили с такой быстротой, что мы трое верхом на верблюдах и Дочь Царей на своей великолепной кобыле вдруг остались одни.

— Парламентеры, — объяснила Македа, внимательно разглядывая приближавшихся всадников, которые скакали к нам с белым флагом, привязанным к древку копья. — Доктор, ведь ты и твои друзья поедете со мной, чтобы поговорить с этими посланными? — И, еще не услышав ответа, она поскакала вперед, проехала около пятидесяти ярдов по равнине и здесь остановилась, дожидаясь, пока мы не повернем верблюдов и не присоединимся к ней. Когда мы подъехали, все три фенга, чудесные, крепкие, чернолицые воины, понеслись прямо к нам бешеным галопом, наставив на нас свои копья.

— Не волнуйтесь, друзья, — сказала Македа, — они не причинят нам вреда.

Она еще не договорила, как фенги уже осадили коней и в знак приветствия подняли копья. Потом их вождь (не тот, у которого было закутано лицо, а другой) обратился к нам на языке, который я прекрасно понимал, потому что он принадлежал к группе арабских наречий.

— О Вальда Нагаста, дочь рода Соломона, — начал он, — нашими устами вещает султан Барунг, сын ста поколений Барунгов, и мы обращаем эти слова к отважным белым воинам, твоим гостям. Вот что говорит Барунг. Подобно Толстому Человеку, которого он взял в плен, вы все герои, вы втроем отстояли городские ворота против всего войска. Вот что предлагает вам Барунг: бросьте этих псов абати, этих хвастливых разряженных павианов, этих горных кроликов, ищущих безопасности среди скал, и идите к нему. Он не только сохранит вам жизнь, но и исполнит все ваши желания — даст вам земли, и жен, и коней; вы станете старшими в его Совете и будете жить счастливо. Кроме того, ради вас он постарается спасти Толстого Человека, чьи глаза глядят сквозь черные окна, чей рот изрыгает огонь и кто поносит своих врагов, как до сих пор еще никто не поносил. Хотя жрецы постановили принести его в жертву на следующем празднике в честь Хармака, он попытается спасти его, и это, быть может, ему удастся. Он постарается сделать его жрецом Хармака, подобно Египетскому Певцу, тоже жрецу Хармака, и навсегда посвятить его богу, которого он, по его словам, знает уже много тысяч лет. Вот что мы

должны передать вам.

Я перевел содержание его речи Орму и Квику и по тому, как вздрагивала Македа при оскорбительных для ее народа словах, видел, что она тоже все понимает, потому что языки абати и фенгов довольно схожи.

Орм в это время уже вполне пришел в себя и сказал:

— Попросите посланцев передать их султану, что он славный парень и что мы очень благодарны ему. Скажите также: мы очень сожалеем о том, что нам пришлось убить столько его воинов, но что иначе нам не удалось бы спасти наши шкуры. Передайте еще, что лично я, познакомившись с абати во время пути и успев увидеть их здесь, с удовольствием принял бы его предложение. Но, хотя мы не нашли среди абати достойных мужчин, а только, по его выражению, павианов, кроликов, хвастунов, мы обнаружили среди них, — здесь он склонил перед Македой свою окровавленную голову, — женщину с настоящим сердцем. Мы разделили с ней или разделим вскоре пищу; мы приехали издалека на ее верблюдах, чтобы служить ей, и, если только она не поедет с нами, мы не можем покинуть ее.

Все это я перевел дословно, и все, а особенно Македа, внимательно слушали меня. Выслушав, говоривший от лица своих товарищей посланец ответил мне, что ему вполне понятны причины нашего поведения и поступков, что он вполне уважает их, особенно потому, что его народ вполне согласен с нами в оценке правительницы абати, Дочери Царей. Поэтому он может дополнить сделанное им предложение, заранее зная волю султана и имея на то полномочия.

— Владычица Мура, — продолжал он, обращаясь непосредственно к Македе, — благородная дочь великого бога Хармака и смертной царицы, то, что мы предложили чужестранцам, твоим гостям, относится и к тебе. Барунг, наш султан, сделает тебя своей старшей женой; если же ты не захочешь этого, ты сможешь выбрать кого тебе будет угодно. — И случайно, быть может, взгляд посланца на мгновение остановился на Оливере Орме. — Оставь же своих кроликов, которые не решаются выйти из-под прикрытия скал даже тогда, когда перед ними только три посла, вооруженные всего-навсего копьями. — И он взглянул на копье в своей руке. — Поселись среди настоящих людей. Слушай, госпожа: мы знаем — ты делаешь все, что в твоих силах, но твое дело безнадежно. Если бы не твоя отвага, мы взяли бы Мур три года назад, и он был нашим задолго до того, как твое племя пришло сюда. Но пока у тебя есть хотя бы сотня отважных воинов, ты думаешь, что твоя твердыня неприступна, и столько их у тебя, пожалуй, наберется, хотя мы знаем, что они не здесь — они охраняют верхние ворота. С помощью нескольких отважных горцев, чьи

сердца подобны сердцам их предков, ты до сих пор сопротивлялась мощи фенгов, а увидев, что конец близок, ты с женской хитростью послала за белыми людьми и их волшебным оружием, обещав дать им за это золото, которого так много в гробницах наших древних царей и в горных утесах.

— Кто сказал тебе это, уста Барунга? — тихо спросила Македа, и это были ее первые слова. — Тот чужестранец, которого вы взяли в плен, Толстый Человек?

— Нет, нет, Вальда Нагаста, чужестранец Черные Окна еще ничего не сказал нам, кроме разных подробностей из истории нашего бога, которую он прекрасно знает. Есть другие люди, которые многое рассказывают нам, потому что наши племена во время перемирия торгуют между собой, а трусы очень часто бывают также и шпионами. Так, например, мы знали, что эти белые чужестранцы должны были прибыть вчера ночью, хотя мы не знали силы их волшебного огня, а не то мы ни за что не пропустили бы их вьючных верблюдов, на которых, быть может, еще много…

— Узнайте же, что его у нас еще очень много, — прервал я речь посланца.

— Жаль, — ответил тот, покачав головой, — что мы позволили Кошке, которого вы называете Шадрахом, уехать на верблюде вашего толстого друга; мы даже сами дали ему этого верблюда, после того как его собственный захромал. Что делать, это наша вина, и Хармак, наверное, недоволен нами сегодня. Но что ты ответишь мне, о Вальда Нагаста, что скажешь ты, Роза Мура?

— Что же могу я ответить, уста султана Барунга? — произнесла Македа. — Вы знаете, что я обязана защищать Мур до последней капли крови.

— И ты именно это и сделаешь, — продолжал посланец, — потому что, очистив твою страну от павианов и кроликов (что мы давно сделали бы, будь ты с нами), исполнив свой долг, вернув обратно наш древний потаенный пещерный город, мы снова назначим тебя правительницей, подвластной Барунгу, и отдадим тебе множество подданных, которыми ты сможешь гордиться.

— Это невозможно, ведь все они будут поклоняться Хармаку, а между Хармаком и Иеговой, которому я служу, вечная война, — возразила она.

— Да, благоуханный Бутон Розы, между ними война, и первое сражение благодаря волшебному огню белых людей выиграл не Хармак. Но все же вот он во всей своей славе. — И он указал копьем в сторону долины, где лежал идол. — Ты знаешь пророчество: эта долина и город, носящий его имя, будут оставаться в наших руках, пока Хармак не поднимется со

своего ложа и не улетит (все мы, фенги, должны последовать за ним, куда бы он ни унесся), другими словами — вечно.

— «Вечно» — неверное слово, о уста Барунга. — Македа помолчала немного и медленно добавила: — Разве ворота Хармака не улетели сегодня утром? Что, если сам бог последует за этими воротами? Что, если внезапно разверзнется земля и поглотит его? Или горы упадут на него и навеки скроют его от ваших глаз? Или молния ударит в него и испепелит его в прах?

При этих зловещих словах посланные содрогнулись, и мне показалось, что их лица внезапно посерели.

— Тогда, — ответил торжественным тоном посланец, — фенги признают, что твой бог сильнее нашего бога и что наша слава померкла.

Сказав это, он умолк и обернулся к третьему послу, к тому, чье лицо все еще было закрыто. Тот резким движением сорвал покрывало, и мы увидели благородное лицо человека лет пятидесяти, не черное, как у его спутников, а цвета меди. У него были глубоко сидящие сверкающие глаза, горбатый нос и развевающаяся седеющая борода. Золотой обруч на его шее указывал на высокое положение, занимаемое им, но когда мы заметили второй золотой обруч у него на голове, мы поняли, что он старше всех в своем народе. Обруч этот был тем самым символом царской власти, который носили древние египетские фараоны, уреем, состоявшим из двух переплетенных между собой змей, тот самый знак, который мы видели на львиной голове сфинкса Хармака.

Едва он открыл свое лицо, как оба спутника соскочили с коней и упали перед ним ниц, восклицая: «Барунг! Барунг!», — а мы, трое европейцев, почти против воли поклонились ему, и даже Дочь Царей наклонила голову.

Султан ответил на наши поклоны, отсалютовав нам копьем. Потом он заговорил спокойным, размеренным голосом:

— О Вальда Нагаста и вы, белые люди, сыновья великих отцов, я слышал вашу беседу с моими слугами: я подтверждаю их слова. Заклинаю вас и тебя, Вальда Нагаста, примите дружбу, которую я предлагаю вам, не то вскоре вы все погибните и с вами умрет ваша мудрость. Я устал возиться с этой горсткой трусов, с этими абати, которых мы презираем. О Дочь Царей, согласись на мое предложение, и я даже оставлю в живых всех твоих подданных; пусть они живут и будут рабами фенгов, пусть они служат им во славу Хармака.

— Это невозможно… невозможно! — воскликнула Македа, поглаживая своей маленькой ручкой луку седла. — Мой народ — избранный народ. Пусть он забыл свой долг, как Израиль в пустыне, пусть

даже ему суждено погибнуть, но я хочу, чтоб он погиб свободным. И я, в ком течет лучшая кровь абати, не прошу у тебя милости. Вот мой ответ тебе, Барунг, ответ Дочери Царей. Но как женщина, — добавила она более мягким голосом, — я благодарю тебя за твою любезность. Когда меня убьют, Барунг, если мне суждено быть убитой, вспомни о том, что я сделала все, что могла, борясь с могущественными врагами. — И ее голос прервался.

— Я не забуду тебя, — сказал Барунг серьезно. — Ты закончила?

— Нет еще, — ответила она. — Этих чужестранцев я отдаю тебе; я возвращаю им их слово. Зачем им погибать, раз мое дело проиграно? Они своей мудростью помогут тебе в борьбе со мною. Ведь ты подарил им жизнь и, быть может, спасешь жизнь их брату, твоему пленнику. У тебя есть раб — ты говорил про него — или говорил твой слуга — Египетский Певец его имя. Один из этих белых людей знал его, когда он был ребенком; быть может, ты отдашь его этому человеку? Она помолчала, но Барунг не произнес в ответ ни слова.

— Ступайте, друзья, — продолжала Македа, повернувшись к нам. — Благодарю вас за дальнее путешествие, которое вы предприняли, чтобы помочь мне, и за то, что вы уже успели сделать для меня. В знак благодарности я пришлю вам золота; султан передаст его вам. Я хотела бы получше узнать вас, но, быть может, мы еще увидим друг друга во время битвы. Прощайте.

Вальда Нагаста умолкла, но я видел, что сквозь прозрачную ткань своего покрывала она наблюдает за нами. Султан тоже внимательно смотрел на нас, поглаживая свою длинную бороду; его, по-видимому, занимала эта сцена, и он с интересом ждал, чем она закончится.

— Я на это не согласен, — сказал Орм, поняв, в чем дело. — Хиггс никогда не простил бы нам того, что мы запачкали репутацию, спасая его жизнь. Но послушайте, доктор, — прибавил он вдруг, — у вас есть свои, личные интересы, и вы должны сами решать за себя. Думаю, что я могу говорить лишь за себя и за сержанта.

— Я решился, — ответил я. — Иначе и быть не может. Надеюсь, что мой сын не простил бы мне другого решения. К тому же Барунг ничего не обещал, когда речь шла о нем.

— Тогда переведите ему все, — попросил Орм. — У меня смертельно болит голова, и я хочу лечь отдохнуть, будь то на земле или под землей.

Я изложил Барунгу все, что было нужно, хотя, сказать правду, чувствовал себя так, будто мне в самое сердце вонзили нож. Ведь мой сын был в нескольких милях от меня, а я искал его всю жизнь и теперь потерял

всякую надежду снова его увидеть.

Обращаясь к Барунгу, я прибавил еще одну просьбу, а именно: чтобы он дословно передал профессору весь наш разговор — Хиггс должен был знать правду, что бы ни случилось с нами.

— Клянусь Хармаком, — сказал Барунг, выслушав меня, — вы сильно разочаровали бы меня, если бы ответили иначе, когда женщина показала вам пример. Теперь я знаю, что ваш толстый брат Черные Окна будет гордиться вами даже в пасти льва. Не бойтесь, он узнает весь наш разговор от слова до слова. Египетский Певец, который, как мне кажется, говорит на его языке, передаст ему все. А теперь прощайте. Быть может, нам еще придется скрестить мечи. Но это будет не так скоро. Вы все нуждаетесь в отдыхе, особенно тот высокий чужестранец, который ранен в голову. — И он указал на Орма. — Дочь Царей, позволь мне проводить тебя к твоему народу, который я хотел бы видеть достойным своей правительницы. Да, мне хотелось бы, чтобы мы были твоим народом.

И он поехал рядом с ней к входу в ущелье.

Когда мы подъехали к тому месту, где столпились абати, издали смотревшие на нас, я услышал негромкие возгласы: «Султан, сам султан!» — и увидел, как принц Джошуа прошептал что-то окружавшим его военачальникам.

— Смотрите, доктор, — шепнул мне на ухо Квик, — по-моему, эта свинья собирается выкинуть какую-то грязную штуку.

Он не успел еще закрыть рот, как Джошуа и целый отряд всадников с громкими криками окружили нас, размахивая мечами.

— Сдавайся, Барунг! — вопил Джошуа. — Сдавайся, или ты умрешь!

Султан с удивлением взглянул на него и ответил:

— Если б я был при оружии (он бросил свое копье, когда приблизился к Македе, чтобы проводить ее), один из нас, разумеется, умер бы, свинья, одетая человеком!

Потом он повернулся к Македе и прибавил:

— Дочь Царей, я знал, что твое племя — племя трусов и предателей, но так-то ты позволяешь своим подданным обращаться с посланными, которые пришли, принеся с собой знак мира?

— Нет, нет! — закричала она. — Дядя Джошуа, ты позоришь меня, ты позоришь свой народ! Все назад! Пусть султан фенгов свободно вернется к своим!

Но абати не слушались ее, слишком велик был соблазн, чтобы отказаться от такой добычи. Мы переглянулись.

— Скверная история, — заметил Орм. — Если они захватят его, их

грязное дело запачкает и нас. Подвиньте-ка вперед вашего верблюда, сержант, и, если этот прощелыга Джошуа попытается выкинуть какую-нибудь штуку, всадите в него пулю.

Квик не нуждается в повторении распоряжений. Он ткнул своего верблюда в ребра прикладом ружья и двинулся прямо на Джошуа, крича: «Прочь, свинья!» — так что лошадь принца испугалась и всадник слетел с нее и сел на землю в своем великолепном одеянии — прегрустное и пресмешное зрелище!

Воспользовавшись последовавшим за этим смятением, мы окружили султана и проводили к его двоим спутникам, которые, увидев происходившее, уже скакали нам навстречу.

— Я ваш должник, — сказал Барунг, — и я прошу вас, о белые люди, исполнить еще одну просьбу. Вернитесь к этой свинье и скажите ему, что Барунг, султан фенгов, понял по его поведению, что он желает сразиться с ним один на один, и что, хотя эта свинья вооружена с ног до головы, султан ожидает его здесь без кольчуги.

Я немедленно вернулся к абати в качестве посланного, но Джошуа был слишком хитер, чтобы впутаться в такое опасное предприятие.

Он ответил, что ничто не сравнилось бы для него с удовольствием отрубить голову этой собаке — Барунгу, но, к несчастью, вследствие неосторожного поведения одного из нас, чужестранцев, он упал с лошади и расшиб спину, так что с трудом стоит на ногах и не может поэтому принять вызов.

Я вернулся к султану и передал ему ответ, выслушав который, он улыбнулся и ничего не сказал. Он только снял с шеи золотую цепь и отдал ее Квику, который, по его словам, помог Джошуа показать если не храбрость, то умение ездить верхом. Потом он поклонился нам всем поочередно и раньше, чем абати успели сообразить, гнаться ли за ним или нет, ускакал вместе со своими спутниками по направлению к Хармаку.

Глава VIII. Призрак судьбы

Наше путешествие по ущелью, которое соединяет равнину и плоскогорье Мур, было долгим и по-своему замечательным. Не думаю, чтобы во всем мире существовала еще одна твердыня, так изумительно укрепленная самой природой. Дорога, по которой мы шли, первоначально была проложена, по-видимому, не человеческими руками, а водой, стремившейся из озера, которое, без сомнения, некогда занимало все окруженное горами пространство, — теперь оно имеет всего двадцать миль в длину и около десяти в ширину. Позднее люди тоже приложили руку к стенам этого ущелья, и следы их работы все еще были видны на скалах.

На протяжении одной или двух миль дорога широка и подъем так отлог, что моя лошадь была в состоянии мчаться здесь вскачь в ту ужасную ночь, когда я, увидев своего сына, вынужден был бежать от фенгов. Но начиная от того места, где львы загрызли бедное животное, характер дороги сильно меняется. Кое-где она так узка, что путникам приходится двигаться по ней гуськом между отвесными скалами, вздымающимися на сотни футов. Небо высоко над головами кажется отсюда синей полоской, и даже в полдень в ущелье царит полутьма. Вьючные животные с трудом переставляют ноги, идя по узкой тропинке по краю пропасти. Вскоре нам пришлось сойти с верблюдов и пересесть на лошадей, более привычных к скалистой дороге. Там же, где она круто поворачивает, полдюжины воинов, спрятавшись за таким углом, могут отражать натиск целого войска. Два раза нам пришлось проезжать даже туннелями — искусственными или естественными, не знаю.

Помимо этих природных препятствий всякому вторжению извне, на некотором расстоянии друг от друга возведены мощные ворота, охраняемые круглые сутки, и вырыты канавы или сухие рвы перед ними, через которые можно перебраться только с помощью подъемных мостов.

Теперь читатель поймет, почему абати, несмотря на всю свою трусость, в течение стольких лет держались против фенгов, как говорят, изначальных властителей этой древней твердыни, которую пришельцы заняли только с помощью какой-то восточной хитрости.

К сказанному следует добавить, что, хотя существуют еще две дороги на равнину — та, по которой прошли верблюды, когда я отправлялся в Египет, и северная, ведущая к большому болоту, — но они столь же, если не более, непроходимы, во всяком случае для врага, атакующего их снизу.

Мы, должно быть, являли собой престранное зрелище, поднимаясь по этому жуткому ущелью. Впереди выступал отряд знатных всадников абати, вытянувшийся в длинную цепочку и переливавшийся яркими красками одежд и сверкающей стали. Они не переставали болтать, потому что, по-видимому, не имели ни малейшего понятия о дисциплине. За ними шел отряд пехотинцев, вооруженных копьями, вернее, два отряда, между которыми ехали Дочь Царей, несколько человек ее приближенных и военачальников и мы. Квик высказал предположение, что нас поместили среди пехоты потому, быть может, что ей труднее обратиться в бегство, нежели тем, кто сидит на лошадях. Позади всех ехал другой отряд всадников, обязанностью которого было время от времени поворачивать головы и, осмотревшись, кричать, что нас не преследуют.

Нашу группу, занимавшую центр всей колонны, нельзя было назвать веселой. К Орму, по-видимому совершенно больному после сотрясения от взрыва, пришлось приставить двух всадников, которые следили бы, чтобы он не упал с седла. Кроме того, его сильно удручала мысль, что нам пришлось покинуть Хиггса, когда тому угрожает неминуемая смерть. А я — что должен был чувствовать я, оставивший в руках дикарей не только своего друга, но также и своего сына?

Лицо Македы было скрыто полупрозрачным покрывалом, но в самой позе ее чувствовались стыд и отчаяние. Я думаю также, что ее сильно беспокоило состояние здоровья Орма, потому что она часто оборачивалась к нему, как бы желая увидеть, что с ним. Кроме того, я был убежден, что она сильно разгневалась на Джошуа и других своих военачальников. Когда они заговаривали с ней, она ничего не отвечала, а только выпрямлялась в седле. Что касается принца, он, видно, тоже был подавлен, хотя ушиб, помешавший ему, по его словам, принять вызов султана, очевидно, прошел. На опасных участках дороги он слезал с коня и передвигался по земле с достаточной быстротой. Как бы то ни было, на все вопросы своих подчиненных он отвечал только бранью, а на нас, европейцев, в частности на Квика, поглядывал совсем не дружелюбно. Если бы взгляды имели смертоносную силу, мы все были бы мертвы задолго до того, как добрались до Ворот Мура.

Так назывался выход из ущелья, откуда мы впервые увидели перед собой обширную, окруженную горами равнину. Ее освещало солнце, и она была изумительно красива. Почти у наших ног, полускрытый пальмами и другими деревьями, лежал, показывая нам плоские крыши домов, сам город, раскинувшийся широко, потому что каждый дом стоял посреди сада — ведь здесь не было нужды в стенах и оградах. Дальше к северу,

насколько хватало глаз, тянулась почти пологая равнина, доходящая до самых берегов большого сверкающего озера. Вся земля была тщательно обработана, и среди зелени всюду виднелись деревни и загородные дома.

Абати, несмотря на все свои недостатки, были, по-видимому, хорошими хозяевами. Не находя другого выхода для своей энергии и лишенные возможности торговать с кем бы то ни было, они все свои помыслы сосредоточили на обработке земли. Земля кормила их, на земле они жили и умирали. Весь кругозор их был замкнут горами, и имеющий много земли почитался знатным, а тот, у кого было ее мало — ничтожным; совсем же не имеющий земли был рабом. Законы абати были настоящими законами земледельческого народа; обходясь без денег, они все расчеты переводили на меру хлеба или другие сельскохозяйственные продукты, а часто на лошадей и верблюдов или на соответствующий участок земли.

В то же время страна абати — наиболее богатая золотом страна в Африке; она так богата, что, по словам Хиггса, древние египтяне ежегодно вывозили отсюда золота на много миллионов фунтов.

Но вернемся к прерванному повествованию. Принц Джошуа, который был, по-видимому, генералиссимусом армии абати, остановился у последних ворот и стал убеждать стражей быть отважными и биться с язычниками. В ответ на это он принял от них поздравление с благополучным исходом путешествия.

Когда были выполнены эти формальности, исключавшие самую возможность какой бы то ни было военной дисциплины, мы, вернее, абати, веселой толпой отправились вкушать мирные удовольствия. В самом деле, победителей, возвращающихся из какой-либо отважной экспедиции, не могли бы встретить более радостными приветствиями. Когда мы въехали в город, нас окружила целая толпа женщин, многие из которых были очень хороши собой; они бросились к своим мужьям или возлюбленным и стали обнимать и целовать их, а несколько поодаль стояли дети, усыпавшие наш путь цветами. И все это лишь за то, что «отважные воины» проехались по ущелью вперед и назад.

— Послушайте, доктор, — сказал мне Квик, с горечью смотревший на пышную демонстрацию, — каким же героем я чувствую себя после всего этого! Я был ранен навылет в грудь, меня бросили в Спайон Копе, сочтя убитым, и обо мне написали в официальном отчете, — а в моем родном городишке никто и не встретил меня, хотя я телеграфировал мужу своей сестры и сообщил, когда пребудет поезд, которым я приеду. Говорю вам, доктор, никто не поднес мне даже пинты пива, не говоря уж о вине. — И он указал на женщину, угощавшую вином одного из всадников.

Проехав по нескольким улицам этого восхитительного города, мы добрались наконец до главной его площади — обширного пространства земли, пышно заросшего цветами и деревьями. Площадь со всех сторон окружали скрывавшиеся в садах дома знати и чиновников. А в конце этой площади стояло длинное невысокое белоснежное здание с позолоченными куполами. Его окружали два ряда стен, между которыми на случай нападения был вырыт ров, заполненный водой. Позади здания, на некотором расстоянии, возвышалась огромная скала. Это был дворец, в который я во время своего предыдущего посещения Мура входил всего два раза, когда Дочь Царей принимала меня на официальной аудиенции.

У ворот дворца мы остановились, и Джошуа, подъехав к Македе, сердито спросил ее, следует ли ему проводить «язычников» (это вежливое определение относилось к нам) в караван-сарай в западной части города.

— Нет, дядя, — возразила Македа, — эти чужестранцы будут жить во флигеле дворца, где обычно помещаются гости.

— Во флигеле дворца? Это противно обычаю! — воскликнул Джошуа, надувшись и сделавшись похожим на большого турецкого петуха. — Помни, племянница, что ты еще не замужем. Меня еще нет во дворце, и тебя там некому защитить.

— Там мне придется искать другого защитника, — ответила она, — хотя до сих пор я умела сама постоять за себя. Прошу тебя, довольно говорить об этом. Я считаю необходимым поместить своих гостей там, где уже находятся их вещи, в самом безопасном месте во всем Муре. Ты, дядя, сам сказал, что, упав с лошади, получил жестокий удар, который помешал тебе сразиться с султаном фенгов. Ступай отдохни; я немедленно же пришлю к тебе своего придворного врача. Спокойной ночи, дядя. Когда ты выздоровеешь, нам надо будет повидаться, потому что есть о чем побеседовать. Нет, нет, ты очень добр, но я не хочу задерживать тебя ни на минуту. Скорее отправляйся в постель и не забудь поблагодарить бога за то, что спасся от стольких опасностей.

Уловив скрытую насмешку, Джошуа побледнел от ярости. Но раньше чем он успел открыть рот, Македа уже исчезла под аркой, так что ему осталось только обратить свои проклятия против нас, в частности же против Квика, который был причиной его падения с лошади. К несчастью, сержант достаточно хорошо понимал по-арабски и не замедлил отреагировать на его слова.

— Заткни глотку, ты, свинья! — крикнул он. — И не таращи глаза, а то вывалятся.

— Что сказал чужестранец? — завопил Джошуа, и Орм, на мгновение

выйдя из своей летаргии, ответил ему по-арабски:

— Он сказал, что просит тебя, о принц, закрыть твой благородный рот и не давать твоим высокорожденным глазам вылезать из орбит, а то он боится, как бы ты не потерял их.

Когда окружавшие нас абати услышали это, они начали громко хохотать, так как были не лишены чувства юмора.

Что произошло дальше, я помню не очень хорошо, так как в это время Орм лишился чувств и мне пришлось хлопотать около него. Когда я оглянулся, вокруг уже никого не было, и пестро разодетые слуги повели нас в отведенный нам флигель дворца.

Они проводили нас в наши покои — большие прохладные комнаты убранные яркими материями, с мебелью из дорогого дерева. Этот флигель дворца не соединялся с главным его корпусом, а был отдельным домом с отдельными воротами. Перед ним раскинулся небольшой сад, а позади располагались двор и службы, где, как нам сказали, уже находились наши верблюды. Тогда мы ни на что больше не обратили внимания, так как приближалась ночь, да и мы были слишком утомлены, чтобы производить какие-либо изыскания.

Кроме того, Орм совсем обессилел — он едва мог идти, даже опираясь на нас. Однако он не хотел успокоиться, пока не убедился в том, что все наши вещи в сохранности, и не потребовал, чтобы его подвели к обитой медью двери и открыли ее. Слуги открыли дверь, и за ней мы увидели тюки, снятые с наших верблюдов.

— Пересчитайте их, сержант, — сказал он, и Квик исполнил его распоряжение при свете лампы, которую один из слуг держал, стоя в дверях.

— Все в порядке, сэр, — ответил он.

— Прекрасно, сержант. Заприте дверь и возьмите с собой ключи.

Сержант снова исполнил приказание, а когда слуга попробовал было отказаться передать ему ключи, он с таким грозным видом посмотрел на него, что тот немедленно послушался и ушел, пожимая плечами, с тем, вероятно, чтобы тотчас же доложить об этом своему начальству.

Только теперь нам удалось уложить Орма в постель. Он жаловался на ужасную головную боль и согласился выпить немного молока. Я первым делом постарался убедиться в том, что черепная коробка у него не повреждена, а потом дал ему сильное снотворное из своей походной аптечки. К нашей радости, оно скоро подействовало, и минут через двадцать Орм погрузился в забытье, от которого очнулся только много часов спустя.

Мы с Квиком помылись, поели, что нам принесли, и стали поочередно дежурить около него. Во время моего дежурства Оливер проснулся и попросил пить. Я напоил его. Напившись, он начал бредить, и, измерив температуру, я обнаружил, что у него очень сильный жар.

В конце ночи он заснул снова и только время от времени просыпался и требовал пить.

В течение ночи и рано утром Македа два раза присылала справляться о состоянии здоровья больного, а около десяти часов утра пришла сама в сопровождении двух придворных дам и длиннобородого старого господина, который, как я понял, был придворным врачом.

— Можно мне увидеть его? — спросила она боязливо.

Я ответил, что можно, если она и ее спутники не будут шуметь. Потом я провел ее в полутемную комнату, где Квик стоял у изголовья кровати, как статуя, и дал понять, что заметил Македу, только слегка поклонившись ей. Она долго глядела на измученное лицо Оливера и на его почерневший от действия газов лоб, и я видел, как ее глаза цвета фиалок наполнились слезами. Потом она резко повернулась и вышла из комнаты. Выйдя за дверь, она властно приказала сопровождающим ее отойти и шепотом спросила меня:

— Он не умрет?

— Не знаю, — ответил я, потому что счел за лучшее сказать ей правду. — Если он страдает только от сотрясения, усталости и лихорадки, он выздоровеет, но если взрыв повредил череп, тогда…

— Спаси его, — прошептала она, — и я дам тебе все… Нет, прости меня; к чему обещать тебе что бы то ни было, тебе, его другу? Но только спаси его, спаси его!

— Я сделаю все, что в моих силах, госпожа, но не знаю, удастся ли мне достичь желаемого, — ответил я.

Тут ее приближенные подошли к нам, и мы были вынуждены прекратить разговор.

До сих пор воспоминание о старом олухе, придворном враче, который не отходил от меня и уговаривал воспользоваться его лечебными средствами, кажется мне каким-то чудовищным кошмаром: из всех безумцев, которые когда-либо лечили людей, он был, вероятно, наиболее безумным. Его лечебные средства были бы невозможны даже в самые глухие времена средневековья. Он предлагал мне обложить голову Орма маслом и костями новорожденного младенца и дать ему выпить какого-то отвара, который благословили жрецы.

Наконец я отделался от него и вернулся к больному.

Три дня прошли, а Орм был все в том же состоянии. Хотя я и не говорил этого никому, но сам сильно опасался, что череп его поврежден, что он умрет или что его, в лучшем случае, разобьет паралич. Квик придерживался другого мнения. По его словам, он видел двух человек, контуженных разорвавшимися вблизи них снарядами большого калибра, и оба они выздоровели, хотя один из них сошел с ума.

Но первой, подавшей мне настоящую надежду на выздоровление Орма, была Македа. Вечером третьего дня она пришла и некоторое время сидела подле него, а ее приближенные стояли несколько поодаль. Когда она отошла от постели Оливера, на ее лице было совсем иное выражение, и я спросил ее, что случилось.

— Он будет жить, — сказала она.

Я поинтересовался, что же убеждает ее в этом.

— Вот что, — ответила она, сияя. — Он вдруг взглянул на меня и на моем родном языке спросил, какого цвета мои глаза. Я сказала, что цвет их зависит от освещения.

«Нет, нет, — возразил он, — они всегда синие, цвета фиалок». Объясни мне, доктор Адамс, что такое фиалка?

— Это небольшой цветок, который распускается на Западе весной. О Македа, это очень красивый и благоуханный цветок, темно-синий, как твои глаза.

— Я не знаю этого цветка, доктор, — улыбнулась она, — но что из того? Твой друг будет жить и скоро выздоровеет. Умирающий не станет думать о том, какого цвета глаза женщины, а сумасшедший не назовет правильно их цвет.

— Ты рада этому, Дочь Царей? — спросил я.

— Разумеется, — ответила она, — ведь мне сказали, что этот воин один умеет управлять теми производящими огонь материалами, которые вы привезли с собой, и поэтому мне нужно, чтобы он остался в живых.

— Понимаю, — согласился я. — Надеюсь, что он останется жив. Но только существует много разных источников, производящих пламя, о Македа, и я не уверен, что мой друг сможет управиться с одним из них, рождающим пламя синее, как твои глаза. А в вашей стране этот источник, быть может, один из самых опасных.

Выслушав мои слова, Дочь Царей гневно взглянула на меня, потом внезапно рассмеялась, позвала свою свиту и удалилась.

С того времени Орм начал поправляться. Выздоровление шло быстрыми шагами, так как он, скорее всего, страдал только от легкого сотрясения мозга и лихорадки. И все это время, пока он выздоравливал,

Дочь Царей много раз посещала его — если мне не изменяет память, каждый день. Разумеется, ее посещения были обставлены со всей придворной помпой, и ее сопровождали приближенные к ее особе дамы, старый врач, один вид которого приводил меня в бешенство, и один или два секретаря или адъютанта.

Это не мешало ей тем не менее вести с Ормом разговоры частного характера, потому что своих провожатых она оставляла в одном конце комнаты, а с Оливером разговаривала в другом, где поблизости были только Квик и я. К тому же и мы иногда отсутствовали, так как теперь, когда мой пациент оправился, мы с Квиком часто выезжали верхом посмотреть Мур и его окрестности.

Меня могут спросить, о чем же они говорили. Насколько я слышал, главными темами их разговора были политика Мура и постоянные войны с фенгами. Вероятно, они говорили также о разных других вещах, когда я не слушал их, так как вскоре я убедился, что Оливер был знаком с очень многим, касавшимся Македы лично, и узнать это он мог только от нее самой.

Так, когда я обмолвился, что неблагоразумно со стороны молодого человека в его положении вступать в столь близкие отношения с наследственной правительницей такого племени, как абати, он весело возразил мне, что это не имеет ровно никакого значения, так как она по древним законам страны может выйти замуж только за представителя своего же рода, и это, естественно, устраняет какие бы то ни было осложнения. Я спросил его, кто же из ее двоюродных братьев (а их, я знал это, у нее было несколько) будет удостоен этого счастья. Он ответил:

— Никто. Насколько я понимаю, она официально помолвлена со своим толстым дядей, трусом и болтуном, но ни к чему говорить, что это пустая формальность, на которую она пошла, чтобы отвадить остальных.

— Ага! — сказал я. — Сомневаюсь, чтобы принц Джошуа считал это пустой формальностью.

— Не знаю, что и как он считает, и мало интересуюсь этим, — ответил Орм, зевая, — знаю только, что дело обстоит именно таким образом и что толстая свинья так же может надеяться стать супругом Македы, как вы — взять в жены китайскую императрицу. Теперь поговорим о более важных делах: вы слышали что-нибудь про Хиггса и про вашего сына?

— У вас гораздо больше возможностей узнать государственные тайны, — ответил я насмешливо, потому что меня занимало все происходившее и, в частности, его поведение. — Что вы знаете?

— Вот что, старый друг: не могу сказать вам, откуда это стало

известно ей, но Македа сообщила мне, что они оба вполне здоровы и что с ними хорошо обращаются. Только ваш друг Барунг не отказался от своего намерения и ровно через две недели от сегодняшнего дня собирается принести старого доброго Хиггса в жертву Хармаку. Во что бы то ни стало, мы должны предупредить жертвоприношение, и я готов достичь цели хотя бы ценой своей жизни. Все время я думаю о том, как спасти их, но пока мне ничего не удается придумать.

— Как же быть, Орм? Я не хотел беспокоить вас, когда вы были больны, но теперь вы выздоровели, и мы должны принять какое-нибудь решение.

— Знаю, знаю, — ответил он серьезно, — и я скорей отдамся в руки Барунга, чем позволю Хиггсу умереть одному. Если я не смогу спасти его, я претерплю с ним вместе все мучения. Слушайте: послезавтра соберется Совет Дочери Царей, на котором мы должны присутствовать, потому что его откладывали до моего выздоровления. На этом Совете будут судить Шадраха за его предательство и, надеюсь, приговорят его к смерти. Кроме того, нам придется официально вернуть Македе тот перстень, который она одолжила нам. Там мы, вероятно, узнаем что-нибудь новое и, во всяком случае, сможем тогда принять какое-то решение. А теперь я в первый раз проедусь верхом, ведь можно? За мной, Фараон! — позвал он пса, не отходившего от его постели все время, пока он был болен. — Мы прогуляемся немного, слышишь ты, верный зверь?

Глава IX. Мы приносим присягу

Спустя несколько дней после этого разговора состоялось заседание Совета в большом зале дворца Македы. Мы вошли в этот зал, окруженные стражей, как если бы были пленниками, и увидели там несколько сотен абати, сидевших на аккуратно расставленных скамьях. В дальнем конце зала на стоявшем в глубокой нише золотом троне, ручки которого оканчивались львиными головами, сидела сама Дочь Царей. На ней было сверкающее серебряное платье, на голове — вышитое серебряными же звездами покрывало, а поверх него — золотой обруч с одним громадным камнем, как мне показалось — рубином. Хотя она невелика ростом, вид у нее был чрезвычайно величественный. Покрывало придавало какую-то загадочность ее лицу, и она была очень красива.

Позади нее стояли воины, вооруженные копьями и мечами, а по бокам и впереди трона расположился двор в количестве ста человек или около того, считая ее фрейлин, двумя группами стоявших справа и слева от трона. Все придворные были пышно разодеты согласно своему положению.

Здесь были все военачальники во главе с Джошуа, в напоминавших доспехи ранних крестоносцев кольчугах, судьи в черных одеяниях и священники в великолепном облачении, крупные помещики, от внешнего вида которых у меня в памяти остались только их высокие сапоги, и много представителей различного рода профессий и ремесел.

Короче говоря, здесь собралась вся аристократия города и страны Мур. Как мы узнали позднее, каждый из присутствовавших носил какой-нибудь громкозвучный титул, и этими титулами они все чрезвычайно гордились.

Однако, несмотря на внешнюю веселость и пышность, зрелище было жалкое — пустой пережиток церемоний некогда могущественного народа. Огромная зала, в которой происходило это заседание, была на три четверти пуста.

Под звуки музыки мы торжественно прошли по зале и, выйдя на открытую площадку перед троном, поклонились Дочери Царей по-европейски, тогда как сопровождавшие нас воины по восточному обычаю распростерлись перед ней ниц. Нам подали кресла, протрубила труба, и из соседнего покоя появился прежний наш проводник Шадрах, закованный в тяжелые цепи и, по-видимому, страшно испуганный.

Я не стану подробно описывать последовавшего за этим судилища. Оно продолжалось много времени, и нам троим пришлось давать

показания о ссоре между нашим спутником — профессором и Шадрахом из-за Фараона и многого другого. Окончательно погубили Шадраха показания его товарищей-проводников, которых, вероятно, пытали, пока они не сказали всю правду.

Один за другим они поклялись, что Шадрах заранее решил бросить Хиггса. Многие из них прибавляли, что Шадрах изменнически сносился с фенгами, которых он предупредил о нашем прибытии тем, что зажег сухие камыши, и даже говорил, что устроил все таким образом, чтобы нас захватили, в то время как все абати вместе с верблюдами, нагруженными винтовками и нашим добром, которое они хотели украсть, благополучно пройдут мимо фенгов.

Шадрах упорно отрицал все это, особенно что он столкнул язычника Хиггса с его дромадера, как утверждали свидетели, и пересел на него сам, когда его собственный верблюд повредил себе ногу.

Как бы то ни было, ложь мало помогла ему, и, посоветовавшись недолго с Дочерью Царей, один из судей объявил приговор, согласно которому Шадрах подлежал смертной казни как предатель. Все его имущество конфисковывалось в казну, а его жена, дети и домашние должны были стать общественными рабами, то есть мужчины должны были служить в войске, а женщины — там, куда их назначат.

Многих из числа тех, которые вместе с Шадрахом предали нас, тоже лишили имущества и приговорили служить в солдатах — местное наказание, к тому же одно из самых тяжких.

Тут среди осужденных и их друзей и родственников поднялся плач, которым и закончился этот замечательный суд. Я вкратце рассказал о нем, потому что он проливает кое-какой свет на общественную жизнь абати. Хорошенькая страна, в которой преступников не сажают в тюрьму, а отдают в солдаты и где ни в чем не повинные женщины оказываются вдруг рабынями судей или их добрых друзей!

Когда приговор был объявлен и Шадраха, молившего о пощаде и пытавшегося обнять наши ноги, увели, все собравшиеся, чтобы присутствовать на суде и увидеть нас, чужестранцев-язычников, разошлись. Членов Малого Совета Македы (назовем его так) вызвали по именам и предложили им приступить к исполнению своих обязанностей. Когда все они собрались, нас троих попросили приблизиться и сесть вместе с членами Совета.

Наступило молчание, и, зная заранее, как мне себя вести, я приблизился и положил перстень Царицы Савской на подушку, которую держал один из придворных Македы.

Он подал перстень правительнице абати.

— Дочь Царей, — сказал я, — прими обратно этот древний знак твоего доверия ко мне. Знай, что с его помощью я убедил предпринять путешествие моего брата, которого взяли в плен фенги, — ученейшего человека во всем, что касается старины, — ас ним вместе и капитана Орма — он стоит перед тобой — и его подчиненного, воина.

Она взяла кольцо в руки, осмотрела его и показала нескольким священнослужителям, подтвердившим его подлинность.

— Хотя я и отдала его с сомнением и страхом, священный перстень сослужил мне хорошую службу, — произнесла она, — и я благодарю тебя, врач Адамс, за то, что ты в целости вернул его моему народу и мне.

Потом она снова надела кольцо на палец, с которого сняла его, отдавая много месяцев назад мне.

Первая часть церемонии закончилась.

Теперь один из придворных крикнул:

— Вальда Нагаста говорит!

И все повторили за ним:

— Вальда Нагаста говорит! — и замолчали.

Обращаясь к нам, Македа заговорила своим нежным и приятным голосом.

— Чужестранцы с Запада, — начала она, — выслушайте меня. Вам известны наши отношения с фенгами: они окружают нас и мечтают истребить или превратить в рабов. Я взываю к вашей помощи, чтобы уничтожить священного идола фенгов. По древнему прорицанию, говорят они, если их идол будет разрушен, фенги покинут эту страну.

— Прости меня, о Дочь Царей, — прервал ее Орм, — но ты, верно, забыла, что не так давно Барунг, султан фенгов, заявил, что даже в этом случае его народ останется здесь, чтобы отомстить за своего бога, Хармака, и что из всех абати он оставит в живых только тебя одну.

Когда он произнес эти зловещие слова, все присутствующие в страхе зашептались, но Македа лишь пожала плечами.

— Я только передала вам древнее пророчество, — возразила она. — Если этот злой дух Хармак погибнет, фенги, я думаю, последуют за ним. Иначе зачем бы они стали приносить жертвы богу землетрясения, который почитается ими как злой бог, чьего прихода надо страшиться? И когда около пяти столетий назад землетрясение разрушило часть потайного подземного города в горах, который я вскоре покажу вам, зачем бежали они из Мура и поселились на равнине, чтобы, по их словам, защитить своего бога?

— Не знаю, — ответил Оливер. — Если бы здесь был наш брат, которого фенги взяли в плен, он, быть может, сказал бы нам это, потому что профессор Хиггс многое знает о верованиях идолопоклоннических диких народов.

— Увы, о сын Орма, — с грустью промолвила Македа, — по вине предателя, которого мы только что осудили на смерть, его нет с нами. Но, быть может, даже и он не смог бы объяснить нам все это. Во всяком случае, в это прорицание фенги верят уже много лет, и поэтому мы, абати, хотим разрушить идола, в жертву которому были принесены столькие из нас, будучи отданы на растерзание священным львам. Теперь я спрашиваю вас, — и она наклонилась к Орму, — сделаете вы это для меня?

— Скажи им про награду, племянница, — грубо вмешался Джошуа, увидев, что мы колеблемся, — я слышал, что язычники с Запада очень алчные люди и готовы на все ради золота, которое мы презираем.

— Спросите его, капитан, — воскликнул Квик, — презирают ли они также землю, потому что вчера вечером я сам видел, как один из них едва не перерезал другому горло из-за клочка земли размером с собачью конуру.

Орм с удовольствием задал этот вопрос Джошуа, которого очень не любил, и часть членов Совета, не принадлежавших к партии принца, заулыбались или даже стали громко смеяться, а серебряные украшения на платье Македы начали покачиваться, как будто бы и она тоже засмеялась под своим покрывалом. Тем не менее она сочла неблагоразумным дать Джошуа возможность ответить Орму (если бы он даже и мог), и сделала это за него сама.

— Друзья, — сказала она, — мы придаем мало значения золоту, потому что мы отрезаны от всего мира и нам не с кем торговать. Если бы дело обстояло иначе, мы так же ценили бы его, как все другие люди, и так и будет, когда мы избавимся от осаждающих нас врагов. Поэтому мой дядя просто не прав, выставляя как добродетель то, что всего лишь следствие необходимости, тем более что, как сказал ваш подчиненный, — и она указала на сержанта Квика, — наш народ заменил золото землей и готов поплатиться жизнью, лишь бы добавить себе еще земли, хотя бы у него ее было вполне достаточно.

— Так, значит, язычники не требуют никакой платы за свои услуги? — насмешливо произнес Джошуа.

— Ни в коем случае, принц, — живо возразил Орм, — мы искатели приключений, иначе зачем бы нам вмешиваться в вашу ссору (он подчеркнул слово «вашу») с правителем, который, пусть он дикарь, кажется человеком, обладающим рядом таких достоинств, как, например,

честь и отвага? Раз мы рискуем жизнью и исполняем свое дело, мы можем получить за это все, что нам причитается. С какой стати нам отказываться от награды, когда некоторые из нас бедны, а у того нашего брата, который приговорен к смерти в честь Хармака из-за предательства посланных за ним людей, есть родственники на Западе, бедные люди, которых следует вознаградить за утрату близкого?

— В самом деле, с какой стати? — воскликнула Македа. — Слушайте, друзья! От своего имени и от имени всех абати я обещала дать вам столько верблюдов, нагруженных золотом, сколько вы можете увести с собой из Мура, и раньше, чем кончится сегодняшний день, я покажу вам это золото, если вы решитесь пойти со мною туда, где оно скрыто.

— Сначала дело, плата потом, — заявил Орм. — Скажи нам, Дочь Царей, что мы должны сделать?

— Вы должны поклясться, что в течение года, начиная с сегодняшнего дня, будете служить мне, сражаться за меня и подчиняться всем моим законам, неустанно добиваясь того, чтобы разрушить идола Хармака вашими западными уловками с оружием, а тогда вы будете вольны отправиться куда угодно с вашей наградой.

— А если мы поклянемся, госпожа, — спросил Оливер, подумав, — каково будет наше положение на твоей службе?

— Ты будешь руководить всем тем, что относится к данному делу, о сын Орма, — ответила она, — а твои товарищи будут подчинены тебе и займут то положение, которое ты назначишь им.

При этих словах со стороны одетых в кольчуги военачальников абати донесся недовольный ропот.

— Неужто нам придется слушаться этого чужестранца? — от имени всех выступил Джошуа.

— Во всем, что касается этого дела, как я уже сказала. Разве вы умеете обращаться с производящими огонь и гром предметами? Разве трое из вас могли бы удерживать ворота Хармака против целого войска фенгов и потом заставить их высоко подпрыгнуть в воздух?

Она посмотрела на военачальников, но кругом царила мертвая тишина.

— Вы молчите, так как вам нечего ответить, — продолжала Македа. — Поэтому будьте довольны, что можете временно послужить под началом людей, которые обладают знаниями и могуществом, недостающих вам.

Ответа опять-таки не последовало.

— Госпожа, — обратился к ней Орм в воцарившейся тишине, — ты была так добра назначить меня начальником твоих воинов, но будут ли они слушаться меня? И кто такие твои воины? Все ли мужчины абати носят

оружие?

— Увы, нет! — остановилась она на этом последнем вопросе, потому, быть может, что не в состоянии была ответить на первый. — Увы, нет! Прежде это было не так, и тогда мы не боялись фенгов. Но теперь никто не желает быть воином. Они говорят, что это отрывает их от обычных занятий и любимого дела; они говорят, что не могут тратить на это время в молодости; они говорят, что унизительно для человека исполнять распоряжения того, кого назначили начальником над ними; они говорят, что война — это варварство и что ее нужно искоренить… А все это время отважные фенги ждут момента, чтобы перебить всех мужчин абати, а из женщин сделать рабынь. Только самые бедные да те, которые совершили какое-либо преступление, соглашаются служить в моем войске. Вот поэтому-то абати обречены на гибель. — И, откинув свое покрывало, она внезапно разрыдалась перед всеми нами.

Все заволновались и зашумели. Будучи знаком с восточным темпераментом, я остался спокоен, но Орм был так глубоко тронут, что я боялся какой-либо выходки с его стороны. Он то краснел, то бледнел и даже вскочил со своего места, чтобы подойти к ней, но мне удалось ухватить его за рукав и остановить.

Придворные шушукались между собой, понимая, что упреки относились к ним всем, вместе взятым, и к каждому в отдельности. Как обычно в такие мгновения, принц Джошуа выступил в качестве вожака остальных.

Поднявшись со своего места, он не без труда опустился на колени перед Македой и произнес:

— О Дочь Царей! Зачем огорчаешь ты нас подобными речами? Разве у тебя нет храбрых военачальников?

— Что могут сделать военачальники без войска?

— И разве нет у тебя твоего дяди, твоего жениха, твоего возлюбленного? — И он приложил руку к тому месту, где, по его предположению, у него находилось сердце, и поднял кверху свои рыбьи глаза. — Если бы не вмешательство этих язычников, которым ты, по-видимому, так доверяешь, — продолжал он, — разве я не взял бы в плен Барунга и тем не лишил бы фенгов вождя?

— А абати — тех остатков чести, которые у них еще сохранились, дядя.

— Обвенчайся со мной, о Бутон Розы, о Цветок Мура, и я немедленно избавлю тебя от фенгов. Мы бессильны порознь, но когда будем вместе, то восторжествуем над ними. Скажи, Македа, когда мы обвенчаемся?

— Когда идол Хармака будет разрушен и фенги навсегда покинут эти места, — ответила она нетерпеливо. — Но разве теперь время говорить о свадьбе? Объявляю заседание Совета закрытым. Пусть священнослужители принесут свитки, чтобы эти чужестранцы могли произнести слова присяги, а потом простите меня, если я оставлю вас.

Из-за трона появился пышно одетый священнослужитель, по-видимому главный среди них, держа в руке двойной свиток пергамента, исписанный какими-то знаками. Мы должны были поклясться на этом свитке выполнить все то, о чем говорила Македа.

Орм повернулся к ней и сказал по-арабски:

— О Дочь Царей, мы принесем эту великую клятву, так как верим в твою честность и в то, что ты защитишь нас от всяких ловушек, которые могут в ней заключаться, ведь мы чужие в твоей стране и не знаем ваших законов и обычаев. Но до того как мы приступим к исполнению наших обязанностей, а также во все время их исполнения мы хотим быть свободны предпринимать все, что возможно, для освобождения нашего брата, пленника фенгов, и сына одного из нас, который, насколько нам известно, живет у них в качестве раба. Мы надеемся, что вы приложите все усилия, чтобы помочь нам в этом. Кроме того, мы просим, если нам суждено испытать несправедливость, чтобы ты одна, кому мы клянемся служить, была судьей и чтобы никто другой не мог судить нас. Если ты примешь эти условия, мы принесем клятву; в противном случае мы не станем присягать, а будем действовать сообразно обстоятельствам.

Теперь нас попросили отойти в сторону, пока Дочь Царей могла обсудить этот вопрос со своими советниками; обсуждение их продолжалось довольно долго, потому что вопрос этот, вероятно, вызвал разногласия. В конце концов ее мнение взяло верх, нам предложили приблизиться и сказали, что наши условия приняты, что их прибавили к формуле присяги и что ее будут соблюдать и правительница, и Совет абати.

Мы подписали присягу и поклялись, поцеловав книгу, вернее свиток. Потом мы вернулись в свои покои.

Около четырех часов пополудни меня разбудило рычание Фараона (мы легли спать, потому что абати обедают около полудня и после обеда отдыхают, а мы были, помимо того, сильно утомлены), и, взглянув, я увидел человека, прячущегося за дверью из страха перед зубами пса. Это был посол Македы с предложением от ее имени сопровождать ее в такое место, которого мы никогда не видели. Мы, разумеется, согласились, и посол привел нас в заброшенную и пыльную комнату дворца, где к нам присоединились Македа и три ее придворные дамы, а также несколько

мужчин, которые несли зажженные лампы, сосуды с маслом и связки факелов.

— Без сомнения, друзья, — сказала Македа, которая была на этот раз без покрывала и, по-видимому, вполне оправилась от утреннего волнения, — вам пришлось видеть много замечательного в Африке и в других странах, но я покажу вам нечто такое, равного чему вы, наверное, никогда не видели.

Следуя за ней, мы пошли к двери в дальнем конце покоя, которую слуги отперли, а потом снова заперли за нами, и очутились в длинном проходе, высеченном в скале. Этот проход, постепенно спускавшийся вниз, привел нас ко второй двери, через которую мы вошли в самую большую пещеру, какую когда-либо видели или о какой нам приходилось слышать. Эта пещера была так велика, что слабый свет наших ламп не достигал потолка, и мы только смутно угадывали справа и слева очертания разрушенных зданий, высеченных в скале.

— Это подземный город Мур, — объяснила Македа, высоко подняв лампу, которую держала в руках. — Здесь в старину жили люди, вероятно предки теперешних фенгов. Здесь была их потаенная твердыня. В этих стенах находились их житницы, храмы и места торжественных церемоний, но, как я уже говорила вам, несколько столетий назад землетрясение разрушило их. Часть стен самой пещеры тоже обрушилась, так что потолок местами обвалился, и поэтому далеко не безопасно посещать некоторые части этой пещеры. Теперь пойдемте — я покажу вам то, что уцелело.

Мы пошли за ней в глубь этой необычайной пещеры, и наши лампы и факелы казались крохотными звездочками среди окружавшей нас непроглядной тьмы. Мы увидели житницы, в них все еще лежала пыль и труха, в которые превратилось то, что некогда было зерном, и наконец пришли к высокому зданию без крыши, перед которым все пространство земли было усеяно рухнувшими колоннами. Между ними виднелось множество статуй, покрытых таким толстым слоем пыли, что нам удалось лишь разглядеть, что некоторые из них по форме напоминают сфинксов.

Македа увела нас прочь от этого храма, около которого было небезопасно оставаться, и направилась к роднику, снабжавшему водой всю пещеру. Он впадал в бассейн, высеченный в скале, и вытекал из него через готовые стоки, чтобы исчезнуть неведомо где.

— Взгляните, этот бассейн очень стар, — подвела нас к нему Македа.

— Как они освещали такую огромную пещеру? — спросил Оливер.

— Не знаю, — ответила она, — они едва ли могли пользоваться лампами. Никто из абати не знает этого, так же как никто из них не

поинтересовался, откуда поступает сюда свежий воздух. Мы не знаем даже, естественная ли это пещера или творение человеческих рук, как я думаю.

— По-моему, и то и другое, — предположил я. — Но скажи мне, о госпожа, пользуются ли абати этой пещерой?

— Мы сохраняем здесь некоторое количество зерна на случай осады, но пополняет их государство, потому что мои подданные слишком легкомысленны, чтобы заглядывать в будущее, когда кусок хлеба может стать дороже всех драгоценностей, если фенги прорвутся в долину. — И она резко повернулась и пошла вперед, чтобы показать нам бывшие стойла лошадей и следы от колес на каменном полу.

— Славный народец эти абати, — заметил Квик, полуобернувшись ко мне. — Если бы не женщины и дети и главным образом вот эта маленькая госпожа, которую я начинаю уважать не меньше, чем капитана Орма, мне, пожалуй, хотелось бы посмотреть, как они малость поголодают.

— Здесь есть еще одно место, которое я хочу показать вам, — сказала Македа, когда мы осмотрели стойла и поговорили о том, что могло заставить древних жителей пещеры держать своих лошадей под землей, — в нем хранятся сокровища, которые принадлежат или будут принадлежать вам. Пойдемте.

Мы пошли вперед по разным переходам, и последний из них внезапно вывел нас на крутой скалистый уклон, по которому мы прошли шагов пятьдесят, пока не уперлись в глухую, как нам показалось, стену. Здесь Македа попросила своих провожатых остановиться, что они и исполнили со страхом, хотя в то время причина этого страха была нам непонятна. Потом она подошла к одному из концов стены, где эта стена образовывала угол со стеной наклонного коридора, и, показав нам несколько неплотно сидевших камней, попросила меня толкнуть их, что я сделал не без труда. Когда в стене образовалось отверстие, достаточное для того, чтобы в него мог пролезть человек, она обратилась к своим придворным:

— Вы, я знаю, считаете это место заколдованным, и самый отважный из вас не согласится войти сюда, не получив особого приказания. Но я и эти иностранцы не боимся. Поэтому дайте нам сосуд с маслом и несколько факелов и ждите, пока мы не вернемся. Поставьте зажженную лампу в проходе, чтобы мы могли увидеть ее в том случае, если наши лампы погаснут. Нет, не возражайте, а повинуйтесь. Опасности здесь нет никакой — воздух там внутри свежий, хотя и нагретый, — я знаю это, я дышала им не раз.

Потом она подала руку Оливеру, чтобы он помог ей пролезть через отверстие в стене. Мы последовали за ней и очутились в другой пещере, в

которой действительно было много теплее, нежели в первой.

— Где мы? — спросил Орм почти шепотом, потому что торжественная тишина этого места внушала благоговение.

— В гробнице древних правителей Мура, — ответила Македа. — Ты сейчас увидишь. — И она снова оперлась на его руку, так как спуск был крутой и скользкий.

Он тянулся ярдов четыреста. Наши шаги гулко звучали в тишине, а четыре лампы, вокруг которых сотнями порхали летучие мыши, казались четырьмя звездочками среди окружающей темноты. Наконец проход стал расширяться и превратился в обширную площадь, которую куполом покрывал утес. Македа повернула направо, остановилась перед каким-то предметом, белевшим в темноте, подняла лампу и сказала:

— Смотрите!

Мы увидели огромный, высеченный из камня трон, а на его сидении, у самого основания, — человеческие кости. Между ними лежал череп, а на нем набекрень была надета золотая корона, в то время как другие символы власти и украшения — скипетры, кольца, ожерелья, оружие — валялись вперемешку с костями. Вокруг трона лежали другие скелеты — пятьдесят, может быть и больше, и среди них всяческие украшения, которые некогда носили их владельцы.

Перед каждым из них стоял поднос из какого-нибудь металла — серебра или меди, как позднее мы убедились, на котором были навалены всяческие драгоценности: золотые чаши, блюда, ожерелья, браслеты, серьги, кольца и бусы из самоцветных камней, груды древних монет и сотни других вещей, которые ценили люди с тех пор, как на земле появились зачатки культуры.

— Понимаете, — объяснила нам Македа, пока мы, раскрыв рот, смотрели на это ужасное и знаменательное зрелище, — тот, который сидит на троне, был царем. Окружают его придворные, стражи и жены. Когда он умер, они привели сюда всех приближенных, посадили их вокруг него и убили. Сдуйте слой пыли, и вы увидите на полу следы от ударов мечом.

Квик, обладавший пытливым умом, сделал несколько шагов и проверил эти слова.

— Черт… — проворчал он, отбрасывая череп в сторону. — Я рад, что не служу прежним властителям Мура.

Македа улыбнулась и двинулась дальше.

— Вперед, друзья, — подбодрила она нас, — здесь еще много царей, а масло у нас может кончиться.

Мы пошли дальше и приблизительно в двадцати шагах увидели еще

один трон — на нем и вокруг него тоже лежали кости людей, застывших в тех позах, в каких застала их смерть. Перед каждым из этих несчастных, которым пришлось и после смерти следовать за своим властелином, стоял поднос с его драгоценностями. Перед троном этого царя лежали также кости пса, а среди них валялся богато изукрашенный ошейник.

Мы снова пошли вперед, к третьему кладбищу, если можно так сказать, и здесь Македа указала на скелет мужчины, перед которым стоял поднос с различными медицинскими, в основном хирургическими, принадлежностями.

— Скажи, о доктор Адамс, — обратилась она ко мне с улыбкой, — хотел бы ты быть придворным врачом повелителей древнего Мура?

— Нет, госпожа, — ответил я, — но, с твоего разрешения, мне хочется осмотреть эти инструменты. — И, пока она шла дальше, я остановился и наполнил ими свои карманы. Позднее, рассмотрев внимательно эти врачебные инструменты, изготовленные неведомо сколько тысяч лет назад — по этому вопросу ученые до сих пор никак не могут прийти к согласию, — я нашел, что многие из них с некоторыми изменениями продолжают находиться в употреблении до наших дней.

Мне почти нечего прибавить к рассказу об этой необычной и страшной гробнице. Мы переходили от царя к царю, пока не устали рассматривать человеческие кости и золото. Устал даже Квик и заметил, что в этой семейной могиле очень жарко и что мы можем считать остальных покойников как бы виденными, потому что они похожи друг на друга, как вопросы в анкетах.

Но как раз в это время мы подошли к номеру двадцать пятому и остановились в изумлении, потому что этот царь был, по-видимому, самым великим из всех: вокруг него лежало раза в три больше скелетов, чем вокруг других, и несметные богатства, а кроме того, среди костей виднелись небольшие статуэтки, изображавшие мужчин и женщин, а быть может, и богов. Сам царь был горбун с огромным продолговатым черепом, наверное, чудовищно уродливый. Быть может, его ум возмещал внешнюю убогость его тела, потому что после смерти в жертву было принесено одиннадцать детей, из которых двое, судя по строению черепов, были его собственными детьми.

Никто не знает, что было в Муре и прилегающих землях, когда правил царь Горбун.

Увы! Как мало мы знаем о былом!

Глава X. Квик зажигает спичку

Отсюда начинается путь назад из этой пещеры, представляющей собой большой круг, — сказала через плечо Македа.

Но Оливера, к которому она обращалась, не было подле нее. Стоя за троном царя Горбуна, он возился с каким-то инструментом, который вынул из кармана.

Она подошла к нему и с любопытством спросила, чем он занят и что за вещь у него в руках.

— Мы называем это компасом, — ответил он, — и по нему я узнаю, что за моей спиной лежит восток, где встает солнце; он показывает мне также, на какой высоте над уровнем моря мы находимся, — ты никогда не видела моря, огромного пространства воды, о Дочь Царей! Скажи, куда мы вышли бы, если бы могли пройти сквозь эту скалу?

— Мы вышли бы к львиноголовому идолу фенгов, так говорили мне, — ответила она. — Но я не знаю, на каком расстоянии от нас он находится — ведь я не могу видеть сквозь скалу… Друг Адамс, помоги мне налить масла в лампы — они начинают гаснуть, а все эти покойники не самое веселое общество в темноте.

Я наполнил маслом лампы, а тем временем Орм спешно отмечал что-то в своей записной книжке.

— Что ты узнал? — спросила она, когда он не совсем охотно (ей пришлось несколько раз звать его) присоединился к нам.

— Не столько, сколько мог бы узнать, если бы ты не торопила меня, — ответил он и пояснил: — Сейчас мы находимся недалеко от города Хармака, а за тем троном, за которым я стоял, некогда был, мне думается, проход, ведущий туда. Но не спрашивай меня больше об этом, госпожа, я не смогу сказать тебе ничего определенного.

— Я вижу, что ты столь же скромен, сколько мудр, — произнесла она насмешливо. — Можешь не говорить.

Оливер поклонился.

Мы пустились в обратный путь и проходили мимо бесчисленных групп скелетов, не обращая теперь на них почти никакого внимания, потому что душный воздух, наполненный пылью, оставшейся от того, что некогда было людьми, угнетающе действовал на нас. Единственное, на что наблюдательный Квик обратил мое внимание, было то, что чем дальше, тем все меньше становилось количество скелетов, окружавших троны царей, а

равно уменьшалась и ценность лежавших у их ног даров. В конце концов их окружали только несколько скелетов женщин, без сомнения принадлежавших любимым женам, которых убили именно за то, что они удостоились этой чести.

Последние цари сидели на своих тронах в полном одиночестве, совсем близко один от другого, имея подле себя только свои собственные драгоценности и регалии. И, наконец, на последнем занятом троне (дальше было несколько пустых) «сидел» скелет женщины, как я сразу узнал по хрупкости костей и небольшим размерам браслетов на руках. Она была совсем одна, без провожатых и без даров.

Македа стала объяснять, что после землетрясения в Муре осталось очень немного народа и что обитатели его обеднели и ослабели до такой степени, что посадили править женщину. Это было, вероятно, незадолго до того, как абати захватили Мур… Внезапно наш разговор прервался — погасла лампа Квика.

— Никогда нельзя быть спокойным с этими старинными лампами, — заворчал Квик. — Доктор! Ваша лампа тоже гаснет! — крикнул он вдруг, и моя лампа в самом деле погасла.

— Факелы! — воскликнула Македа. — Мы забыли захватить с собой факелы, а без них на что нам масло? Скорее! Мы еще далеко от входа в эту пещеру, а сюда никто не осмелится войти, чтобы искать нас, кроме первосвященника. — И, схватив Оливера за руку, она пустилась бегом, предоставив нам следовать за ними.

— Спокойствие, доктор, — сказал Квик, — спокойствие! Никогда не следует покидать товарища в беде. Возьмите мою руку, доктор… Ага! Так я и думал: из спешки толку не будет. Смотрите! — И он показал мне на две быстро удаляющиеся фигуры впереди нас. Они несли теперь только одну горящую лампу.

В следующее мгновение Македа обернулась, держа в руках еще горевшую лампу, и стала звать нас. Я видел, как мигающее пламя осветило ее красивое лицо и как в его свете заблистали серебряные украшения на ее платье. Но через мгновение ее поглотила темнота, и там, где только что был свет лампы, теперь мигнула искра и тут же погасла.

— Не двигайтесь с места, мы идем к вам, — крикнул Оливер, — кричите время от времени.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Квик и немедленно же испустил громкий крик, который отдался от стен со всех сторон.

— Идем к вам, — донесся голос Оливера, но так далеко слева, что Квик счел лучше крикнуть еще раз.

В следующий раз они отозвались уже справа от нас, а потом очутились где-то позади.

— Ничего не могу понять, сэр, звук отдается от стен, — произнес сержант. — Стойте, я, кажется, нашел, в чем дело. — И, крикнув им, чтобы они подождали нас, мы отправились в ту сторону, где, по нашим расчетам, должны были найти их.

Дело кончилось тем, что я споткнулся о скелет, упал среди подносов с сокровищами и ухватился за чей-то череп в полной уверенности, что это сапог Квика.

Он помог мне встать, и мы, не зная, что предпринять, сели на землю среди мертвецов и стали прислушиваться. Оливер и Македа были теперь, по-видимому, так далеко, что их голоса едва доносились до нас из таинственной темноты.

— Мы были совершеннейшими дураками, что так заторопились и в спешке забыли взять с собой спички, — подосадовал я. — Теперь остается только ждать. Без всякого сомнения, эти абати в конце концов превозмогут свой страх перед привидениями и разыщут нас здесь.

Так прошло около получаса, но никаких признаков абати и нашей скрывшейся пары не было. Квик начал рыться в своих карманах. Я спросил его, что он ищет.

— Я уверен, что у меня где-то была здесь восковая спичка, доктор. Помню, что я нащупал ее в одном из карманов пиджака накануне отъезда из Лондона и решил не вытаскивать ее оттуда. Если бы мне только удалось найти ее, у нас был бы огонь, потому что у меня несколько факелов с собой, хотя я забыл о них, когда гасли наши лампы.

Я мало надеялся на спичку сержанта и ничего не ответил ему. Он продолжал искать ее, пока наконец я не услышал его возглас:

— Черт возьми, вот она, в подкладке! Да, да, и головка цела. Ну, доктор, держите два факела… Готово! — И он чиркнул спичку и поднес ее к факелам. Они запылали, и свет рассеял густую тьму, окружавшую нас.

На мгновение в свете факелов мы увидели неожиданное и отнюдь не неприятное зрелище. Я, кажется, забыл сказать, что в самом центре пещеры возвышалось что-то вроде алтаря и что я до сих пор не видел его. Алтарь этот представлял собой довольно внушительное сооружение: большой черный камень, на котором было высечено изображение глаза, стоял на пьедестале со ступенями, а тот, в свою очередь, опирался на высеченных из камня лежащих сфинксов.

На нижней ступеньке, достаточно близко от нас, чтобы мы были в состоянии ясно разглядеть их, сидели Оливер Орм и Македа, Дочь Царей.

Они сидели совсем близко друг к другу, рука Оливера обвилась вокруг стана Македы, ее голова покоилась на его плече, и, очевидно, в это мгновение он целовал ее в губы.

— Налево, кругом, — скомандовал сержант, — и ждать!

Мы повернулись и подождали немного, потом начали кашлять (едкий дым от факелов попал в горло), вновь пошли вперед и как бы случайно наткнулись на наших спутников. Признаюсь, я не нашелся, что сказать, однако Квик благороднейшим образом выпутался из затруднительного положения.

— Рад вас видеть, капитан, — обратился он к Оливеру. — Сильно беспокоились за вас, сэр, пока я случайно не обнаружил спички в подкладке своего пиджака. Если бы профессор был с нами, у него нашлась бы целая куча спичек — это говорит в пользу непрестанного курения, даже в присутствии дам. О, неудивительно, что молодая госпожа лишилась чувств, ведь здесь так жарко! Вам не следует отпускать ее, сэр… Не могу предложить вам свои услуги, потому что поранил о зубы какого-то покойника ногу, к тому же руки у меня заняты факелами. Но, быть может, вы предпочтете доктора — что вы скажете на это?… Вы можете сами повести ее? Прекрасно. Нам нужно двигаться… Здесь такое эхо, что не разобрать ни слова. Идемте же, факелов хватит ненадолго, и вам, наверное, не хочется провести всю ночь с этой дамой, тем более что вспыльчивые абати могут обвинить вас в том, что вы подстроили это нарочно, не так ли? Возьмите даму под руку, доктор, и двинемся. Я пойду вперед с факелами.

На эту речь Оливер не ответил ни слова, а только подозрительно поглядел на нас. Македа, казалось, была без чувств, но, когда я предложил свои услуги в качестве врача, она пришла в себя и сказала, что в состоянии идти одна, — другими словами, опираясь на руку Орма.

В конце концов мы тронулись к выходу из пещеры. Факелы начали уже гаснуть, когда мы обогнули угол, добрались до узкого наклонного хода и наконец увидели лампу, поставленную в проходе в стене.

— Доктор, — спросил меня Оливер ночью, когда мы собирались лечь спать (должен сказать, что говорил он непривычно и неестественно развязным тоном), — доктор, вы сегодня обратили внимание на что-нибудь в гробнице царей?

— О да, — ответил я. — Правда, я не так увлекаюсь археологией, как бедняга Хиггс, но это зрелище представляется мне единственным в мире. Если бы я был склонен философствовать на тему о разительном контрасте между этими мертвыми правителями и их молодой и красивой наследницей, преисполненной жизни и любви, — (здесь он испытующе

поглядел на меня), — любви к своему народу, которая…

— Довольно, Адамс! Я не нуждаюсь в философской проповеди с историческими параллелями. Заметили ли вы что-нибудь помимо костей и золота, когда этот невыносимый олух Квик так не вовремя зажег свет!

Я перестал уклоняться от прямого ответа.

— Если вы хотите знать правду, — сказал я, — то я видел не слишком много, потому что мое зрение стало довольно скверным. Но сержант, у которого превосходное зрение, полагает, что видел, как вы целовали Македу, и все ваше последующее поведение подтверждает это предположение. Поэтому-то он попросил меня повернуться к вам спиной. Но мы, разумеется, могли ошибиться. Правильно ли я вас понял — ведь вы говорите, что сержант ошибся?

Оливер немедленно проклял сержанта и его глаза, а потом выпалил:

— Вы не ошиблись, мы любим друг друга и поняли это внезапно, очутившись в темноте. По всей вероятности, необычная обстановка подействовала нам на нервы.

— С точки зрения морали я рад, что вы любите друг друга, — заметил я, — потому что поцелуи исключительно из-за нервности никак не могут быть рекомендованы. Но со всех остальных точек зрения создавшееся положение представляется мне ужасным, хотя Квик со свойственной ему осторожностью предостерегал меня от слишком поспешных выводов.

— Проклятый Квик! — повторил Оливер.

— Не проклинайте его, — возразил я, — а то ему придется перейти на службу к Барунгу, где он будет чрезвычайно опасен для нас. Послушайте, Оливер, это рискованная затея — то, что вы вздумали делать.

— Не понимаю, почему. В Европе я спокойно могу жениться на ней, — заявил он.

— В Европе, но не здесь. Послушайте, Оливер, я уже предупреждал вас, что единственная вещь, которую ни в коем случае нельзя допустить, — это влюбиться в Дочь Царей.

— В самом деле? Вы предупреждали меня? Я совсем забыл. Вы говорили мне столько различных вещей, доктор, — произнес он сравнительно спокойно, и только краска, которая залила его лицо, выдавала его.

В это мгновение Квик, вошедший незамеченным в комнату, сухо кашлянул и сказал:

— Неудивительно, доктор, что капитан не помнит этого. Ничто так не отшибает память, как сотрясение при взрыве. Бывает, что после взрыва гранаты солдаты даже забывают, что они обязаны стоять на месте, а не

бежать, как кролики. Знаю по собственному опыту.

Я рассмеялся, а Оливер пробормотал что-то такое, чего я не расслышал, но Квик невозмутимо продолжал:

— Все это так, но если капитан позабыл, тем больше оснований напомнить ему ваши слова. В тот вечер в доме профессора вы предупреждали его, сэр, и он ответил, что вам ни к чему хлопотать из-за прелестей какой-то негритянки…

— Негритянки? — вспылил Орм. — Я не мог так говорить. Я даже не думал этого, и вы просто нахал, что приписываете мне подобные выражения. Негритянки! Да ведь это святотатство!

— Очень сожалею, капитан, теперь я думаю, что вы сказали «негритянки», несколько поторопившись. Но я не могу бранить вас за эту поспешность, потому что сам очутился по отношению к ней в том же положении, что и вы, хотя прекрасно понимаю разницу между вами и мной.

— Вы хотите сказать, что влюблены в Дочь Царей? — вытаращил Оливер глаза на сержанта.

— С вашего разрешения, капитан, именно это я и хотел сказать. Если кошка может смотреть на королеву, отчего же мне не любить ее? Тем более, что моя любовь вам не помеха? А Македа стоит вашей любви, потому что она самая лучшая, самая красивая и самая храбрая маленькая женщина на земле.

Оливер схватил руку Квика и крепко пожал ее. Смею думать, что эта характеристика дошла до ушей Македы, так как с этих пор она обращалась к старому служаке с неизменной любезностью и вниманием.

Так как я не был влюблен и никто не пожимал мне руку, я предоставил им обоим рассуждать о красоте и достоинствах Дочери Царей, а сам отправился в постель. Я бранил себя за то, что не заставил Хиггса взять с собой непременно женатого специалиста по взрывчатым веществам. Но эти мысли не могли ничему помочь, тем более что даже женатый специалист не был застрахован от подобных неприятностей.

Чем же все это кончится — вот что волновало меня. Рано или поздно тайна будет открыта, потому что абати, а особенно Джошуа, страшно ревновали Македу к чужестранцу, к которому она была так милостива, и неустанно следили за ними. Что будет тогда? По законам абати за такой проступок полагалась смерть — она грозила всякому, кто преступит дозволенную черту в отношениях с Дочерью Царей. И это неудивительно — Македа сидела на троне своих предков, будучи прямым потомком Соломона и Македы, Царицы Савской, а абати не могли потерпеть, чтобы чья-либо иная кровь смешалась с кровью древнего рода.

Кроме того, Оливер принес присягу Македе и тем самым подчинился законам страны. К тому же, зная характер обоих, я не мог надеяться на то, что их отношения не пойдут дальше быстро преходящего флирта.

О! Они, без сомнения, подписали свой смертный приговор там, в пещере древнего Мура, а заодно осудили на смерть и всех нас. Таков будет конец нашего путешествия и поисков, которые я предпринял в надежде найти своего сына.

Глава XI. Неудача

На следующее утро мы завтракали в мрачном настроении. Мы все как бы сговорились и ни словом не вспомнили о событиях вчерашнего дня и нашего ночного разговора.

Я хранил суровое молчание; Квик, казалось, был погружен в философические размышления, а Оливер, взволнованный и возбужденный, писал, как мне представляется, стихи. Во время завтрака появился посланный от Вальды Нагасты, сообщивший, что она желает видеть нас через полчаса.

Я побоялся, как бы Оливер не сболтнул какой-нибудь глупости, и коротко ответил, что мы придем. Посланный ушел, а мы стали ждать, размышляя о причинах столь срочной необходимости говорить с нами.

В назначенное время нас проводили в малую приемную, и в дверях я шепнул Оливеру:

— Ради вашего и ее спасения и ради нас всех, умоляю вас, не будьте опрометчивы! За вашим лицом следят не меньше, чем за вашими словами.

— Ладно, дружище, — ответил он, слегка покраснев. — Можете положиться на меня.

— Если бы это было так, — пробормотал я.

Мы церемонно вошли в комнату и поклонились Македе, сидевшей на кресле и окруженной военачальниками и судьями (среди которых был и Джошуа). Она как раз в это время говорила с двумя воинами довольно грубого вида, одетыми в простое коричневое платье. Поклонившись и обменявшись с нами традиционными приветствиями, она сказала:

— Друзья, вот зачем я вызвала вас. Сегодня утром, когда вот эти два воина (они судебные чиновники) повели предателя Шадраха на казнь, он попросил отсрочки. А когда ему напомнили, что его прошение о пересмотре дела отвергнуто, он предложил, если его помилуют, указать, каким образом можно спасти вашего спутника, которого они называют Темными Окошками.

— Каким образом? — разом спросили Орм и я.

— Не знаю, — ответила она, — но воины поступили разумно, оставив преступника в живых… Привести его сюда!

Распахнулась дверь, и вошел Шадрах — со связанными за спиной руками, с цепями на ногах. Вид у него был испуганный, глаза бегали, а зубы стучали от ужаса. Он распростерся ниц перед Вальдой Нагастой,

потом обернулся и попытался поцеловать сапог Орма. Стражи доставили его на ноги, и Македа обратилась к нему:

— Что ты хочешь открыть нам, предатель, прежде чем умрешь? — Это тайна, о Бутон Розы. Должен ли я говорить перед всеми?

— Нет, — ответила она и приказала большинству присутствующих, включая и стражу, и судейских чиновников, удалиться.

— Этот человек в отчаянии, а ты отпустила всю стражу, — заметил Джошуа, нервничая.

— Я буду сторожить его, ваша светлость, — предложил Квик на своем дурном арабском языке и добавил по-английски, подойдя к Шадраху: — Ну, кисонька моя, веди себя прилично, или для тебя же будет хуже.

Когда все удалились, Шадраху снова было приказано говорить, каким образом можно спасти того чужестранца, которого он сам предал в руки фенгов.

— Вот как, о Дочь Царей, — ответил он. — Темные Окошки, как мне известно, содержится в самом теле великого идола.

— Откуда ты это знаешь?

— О госпожа, я это знаю, и, кроме того, то же говорил и султан Барунг, не правда ли? Я могу показать потайную дорогу к идолу, по которой можно пробраться к нему и спасти чужестранца. Когда я был молод, меня прозвали Кошкой за то, что я хорошо умею лазать, и я нашел тогда эту дорогу. Позднее фенги взяли меня в плен и бросили львам, там я получил страшные шрамы на лице, и по этой дороге я бежал от них. Сохрани мне жизнь, и я покажу тебе эту дорогу.

— Показать дорогу мало, — возразила Македа. — Пес, ты должен спасти чужестранца, которого предал. Если ты не спасешь его, ты умрешь. Понял?

— Это трудное дело, госпожа, — ответил Шадрах. — Разве я бог, чтобы обещать тебе спасти чужестранца, которого, быть может, уже нет в живых? Но я сделаю все, что в моих силах, потому что если мне не удастся спасти его, ты убьешь меня, а если спасу — ты пощадишь мою жизнь. Как бы то ни было, я покажу вам дорогу к тому месту, где его содержат (или содержали), но предупреждаю, что дорога эта очень трудна и опасна.

— Там, где можешь пройти ты, пройдем и мы, — произнесла Македа. — Скажи теперь, что мы должны сделать.

Он подробно изложил ей все, что нужно. Когда он кончил говорить, вмешался принц Джошуа, заявивший, что не подобает Дочери Царей предпринимать такое опасное путешествие.

Она выслушала все его доводы и поблагодарила за заботу о ней.

— Но все-таки я отправлюсь туда, — сказала она, — не ради чужестранца, которого прозвали Темные Окошки, а потому, что я должна знать потайную дорогу из Мура и в Мур, раз такая дорога существует. Я готова согласиться с тобой, дядя, что во время этого путешествия мне не следует оставаться без защитника, и потому прошу тебя быть готовым выступить с нами в путь ровно в полдень.

Джошуа начал было изворачиваться, но она не желала слушать никаких отговорок.

— Нет, нет, — сказала она, — ты слишком скромен. В этом деле замешана честь всех абати. Абати, увы, предал Темные Окошки, и потому абати же, а именно ты сам, должен спасти его. Ты не раз говорил мне, дядя, как хорошо ты лазаешь по скалам, и тебе следует показать перед этими чужестранцами свою ловкость и отвагу. Это приказание, возражений не принимаю. — И она встала в знак того, что аудиенция окончена.

Вечером того же дня Шадрах по одному ему известным горным тропинкам привел наш небольшой отряд к краю пропасти, ограничивавшей Мур с запада. В полутора тысячах футов ниже нас расстилалась огромная равнина, и вдали, на расстоянии многих миль от ее начала под обрывом, на котором мы стояли, можно было разглядеть город Хармак. Но идола в долине мы видеть не могли, так как он находился прямо под нами и скалы скрывали его от наших глаз.

— Что же теперь? — спросила Македа, переодевшаяся в костюм крестьянки, который очень ей шел. — Вот утес, там равнина, но дороги между ними я не вижу, и мой мудрый дядя, принц Джошуа, утверждает, что он никогда не слыхал о такой дороге.

— Госпожа, — ответил Шадрах, — сейчас я веду всех вас, и вы должны следовать за мной. Но вначале нужно посмотреть, все ли в порядке.

Он обошел наш отряд и сосчитал участников предстоящего похода. Всего нас было шестнадцать человек: Македа и Джошуа, трое чужестранцев, вооруженных винтовками и револьверами, наш проводник Шадрах и несколько горцев, которых выбрали за их сметливость и храбрость. Они несли веревки, лампы и длинные легкие лестницы, которые можно было связывать между собой.

Проверив готовность всех участников экспедиции и осмотрев лестницы, Шадрах подошел к небольшим зарослям кустарника на самом краю пропасти. Там он разыскал и сдвинул с места массивную каменную плиту и открыл таким образом начало лестницы, ступени которой были почти совсем размыты и источены водой, в дождливое время года

стекавшей по этому естественному желобу.

— Вот дорога, которой в древние времена пользовались обитатели Мура, — показал он глубоко вниз. — Я случайно открыл ее, когда был еще мальчиком. Но пусть тот, кто боится, не пытается спускаться по ней, потому что она крута и трудна.

Джошуа, которого успели сильно утомить долгая поездка верхом и переход по горам, стал умолять Македу отказаться от мысли спуститься по этой ужасной лестнице, и Оливер поддерживал его немногими словами, которые он сопровождал чрезвычайно выразительными взглядами: в данном случае принц и он желали одного и того же, хотя поводы желать этого были у них разные.

Но она и слушать их не хотела.

— Дядя, — сказала она, — чего мне бояться, раз здесь ты, опытный путешественник, столько раз поднимавшийся в горы? Если доктор, который по возрасту мог бы быть отцом любого из нас (правда, в отношении Джошуа это можно было оспаривать), собирается идти, почему не идти и мне тоже? Кроме того, если бы я осталась здесь, тебе тоже пришлось бы остаться охранять меня, а я ни за что не прощу себе, если из-за меня ты лишишься возможности принять участие в такой замечательной экспедиции. И, помимо всего, я, подобно тебе, люблю лазать по скалам. Поэтому не будем терять время.

Мы начали спускаться. Впереди всех был Шадрах, а непосредственно за ним следовал Квик, заявивший, что будет сторожить его. За Квиком шла группа горцев, которые несли лестницы, лампы, масло, съестные припасы и разные другие вещи. Затем спускалась вторая партия в составе двух горцев, Оливера, Македы, меня и, наконец, Джошуа. Остальные горцы составляли арьергард и несли запасные веревки, лестницы и другое снаряжение. Так началось это необычайное путешествие.

На расстоянии первых двухсот футов ступени, хотя и были стерты и шли вниз почти отвесно (самый спуск напоминал шахту какого-нибудь рудника), не представляли особенных трудностей ни для кого из нас, кроме Джошуа, который пыхтел и ворчал над моей головой. За первым колодцем последовал коридор с довольно крутым наклоном, который шел на восток на протяжении около пятидесяти шагов, а в конце его находилось начало второй шахты, почти такой же глубокой, как первая, но с еще более истертыми и сношенными ступенями, которые, вероятно, подмыла вода, и теперь еще продолжавшая журчать по стенам колодца. Затруднял спуск напор воздуха снизу, который задувал лампы, и требовалась большая осторожность, чтобы не дать им погаснуть.

У дна этой шахты ступени почти исчезли, так что спускаться стало очень опасно. Здесь Джошуа поскользнулся и с воплем ужаса сорвался вниз и сел мне на спину; если бы я, к счастью, не держался крепко руками и ногами в это мгновение, он столкнул бы меня на Македу и мы все упали бы вниз, что означало верную смерть.

Перепуганный толстяк уцепился руками за мою шею и чуть не задушил меня. Я уже почти лишился чувств под его тяжестью, когда подоспели горцы, которые шли сзади, и сняли его с меня. Я отказался спуститься хотя бы на одну ступеньку, пока он будет идти непосредственно за мной, они приняли его на свое попечение, и мы стали спускаться по приставной лестнице, которую установили шедшие впереди горцы. Так мы добрались до дна второго колодца, где начинался новый наклонный и ведущий на восток проход, оканчивающийся у входного отверстия третьей шахты.

Здесь возник трудный вопрос, как же быть с Джошуа, который клялся, что не может идти дальше, и требовал, чтобы его доставили на вершину скалы, хотя Шадрах и уверял, что теперь дорога будет много легче. Нам пришлось сообщить обо всем Македе, и она разрешила вопрос несколькими словами.

— Дядя, — сказала она, — ты говоришь, что не в силах идти вперед, а мы не можем тратить время и отрядить людей, чтобы отвести тебя назад. Поэтому тебе, по-видимому, придется оставаться там, где ты находишься сейчас, пока мы не вернемся, а если мы не вернемся, — самому выбраться из колодца. Прощай. Это место достаточно удобно и вполне безопасно. Если ты благоразумен, ты подождешь нас здесь.

— Бессердечная женщина! — закричал Джошуа, трясясь от страха и ярости. — Так ты хочешь бросить своего жениха и возлюбленного, оставить его одного в этой проклятой дыре, а сама будешь лазать по скалам с чужеземцами, как дикая кошка? Если я останусь, ты тоже останешься со мной.

— И не подумаю, — ответила Македа решительно. — Разве хорошо, если будут говорить, что Дочь Царей не посмела пойти туда, куда пошли ее гости?

В конце концов Джошуа все же отправился вместе с нами в центре третьей группы горцев, которым пришлось буквально нести его на руках.

Шадрах был прав, начиная с этого места ступени были в лучшем состоянии, чем прежде. Но казалось, что им не будет конца, и пока мы добирались до дна колодца, я рассчитал, что мы, должно быть, спустились на добрых тысячу двести футов. Наконец, когда я ужасно устал, а Македа

до такой степени обессилела, что вынуждена была опираться на Оливера, таща меня за собой на веревке, как собаку, мы внезапно увидели сверкнувший издали через большое отверстие дневной свет. У входа в новый колодец нас ожидала вся первая группа. Шадрах поклонился и сказал, что мы должны развязать веревки, оставить здесь свои лампы и пойти за ним. Оливер спросил, куда ведет этот новый колодец.

— В другой коридор, находящийся еще ниже. Но вы вряд ли станете исследовать его, потому что он кончается в большой яме, где фенги держат священных львов.

— Разумеется, — согласился Оливер, которого в действительности это очень интересовало, и поглядел на Квика. Тот присвистнул в ответ и кивнул головой.

Потом мы последовали за Шадрахом и очутились на небольшой площадке размерами примерно как для игры в теннис, которую руки людей или силы природы высекли в гладкой стене огромного утеса. Подойдя к краю этой площадки, заросшей папоротниками и кустами, за которыми нас нельзя было бы разглядеть, даже если бы кто-нибудь я смотрел снизу, мы увидели, что отвесный обрыв тянулся вниз на много сотен футов. Однако в это мгновение мы почти не обратили внимания на зияющую бездну, отчасти потому, что она была погружена в тень, отчасти же по другой причине.

Прямо перед нами высилось нечто, что мы сперва приняли за округлый склон холма продолговатой формы, к которому вела гигантская труба, заканчивавшаяся скалой, высеченной в форме куста и достигавшей размеров двухэтажного дома. Эта скала находилась прямо против небольшой площадки, на которой мы стояли, на расстоянии не более тридцати, самое большее — сорока шагов от нас.

— Что это? — обратилась Македа к Шадраху и показала прямо перед собой, возвратив одному из горцев чашу, из которой она напилась воды.

— Это, о Вальда Нагаста, — ответил он, — не что иное, как спина огромного идола фенгов, высеченного из камня наподобие льва. Площадка, на которой мы стоим, без сомнения, служила в древние времена жрецам Мура для того, чтобы незамеченными наблюдать за идолом. Смотри, — и он указал на следы в скале, — я думаю, что некогда здесь был подъемный мост, по которому можно было переходить на хвост божественного льва, вероятно, уже много лет его больше не существует. И все же я проделал этот путь, хотя и без помощи моста.

Мы в изумлении поглядели на него, и в наступившем вслед за этим молчании я услыхал, как Македа прошептала Оливеру:

— Быть может, этим путем тот, кого мы прозвали Кошкой, бежал от фенгов или сносился с ними в качестве шпиона?

— Или же он лжец, госпожа, — перебил ее Квик, тоже услыхавший эти слова, — такой вывод, надо признаться, напрашивался сам собой.

— Зачем ты привел нас сюда? — спросила Македа.

— Разве я не сказал тебе этого в Муре, госпожа? Чтобы спасти Темные Окошки. Слушайте. Фенги обычно позволяют тем, кто заключен в теле священного идола, гулять по его спине без всякой охраны при восходе и закате солнца. Во всяком случае, они разрешают такие прогулки Темным Окошкам. Не спрашивай меня, откуда мне это известно. Вот что я придумал. У нас с собой лестница, которая достанет с того места, где мы стоим, до хвоста идола. Когда чужестранец появится на спине божества (а я уверен в этом, если только он жив, в чем я тоже не сомневаюсь), кто-нибудь из нас должен перебраться через пропасть и привести его сюда. Пожалуй, лучше всего будет, если это сделает чужестранец Орм, потому что, если я пойду туда один или даже вместе с этим человеком, после всего случившегося Темные Окошки может не поверить мне.

— Глупец, — перебила Македа, — сделать это невозможно.

— О госпожа, это не так сложно, как кажется. Несколько шагов над пропастью, а потом сотня футов вдоль львиного хвоста, совсем плоского в верхней части и достаточно широкого, чтобы по нему можно было бежать, — это не трудно. Впрочем, если чужестранец Орм боится, хотя я не думаю так, потому что столько слышал о его храбрости… — Плут пожал плечами и замолчал.

— Боится?! — воскликнул Орм. — Да, я не стыжусь бояться такого путешествия. Но раз нужно, я совершу его, правда, не раньше, чем увижу своего друга совсем одного там, на скале. Ведь ты мог и выдумать все это, чтобы предать меня фенгам, среди которых у тебя есть друзья.

— Это безумие, ты не пойдешь туда, — заявила Македа. — Ты упадешь в пропасть и разобьешься насмерть. Я говорю тебе, ты не пойдешь!

— Почему бы ему не пойти, племянница? — вмешался Джошуа. — Шадрах прав: мы много слышали об отваге этого язычника. Пусть же он докажет ее на деле.

Она обернулась к принцу подобно тигрице:

— Прекрасно, дядя, тогда ты пойдешь вместе с ним. Без сомнения, представитель древнейшего рода абати не побоится сделать то, на что отваживается «язычник».

Джошуа моментально замолчал, и я даже не могу вспомнить, что он

говорил или делал в течение всей последовавшей за этим сцены.

Наступило молчание; Оливер сел на землю и начал снимать ботинки.

— Зачем ты раздеваешься, друг? — взволнованно спросила Македа.

— Госпожа, — ответил он, — босому мне будет удобнее переходить на ту сторону пропасти. Не бойся, — прибавил он, — я с детства привык лазать таким образом и даже учил этому солдат, когда служил в войсках у себя на родине, хотя такого опасного перехода мне делать не приходилось.

— И все же я боюсь, — сказала она.

Тем временем Квик тоже начал стягивать сапоги.

— Что вы делаете, сержант? — изумился я.

— Готовлюсь сопровождать капитана, доктор, — промолвил он.

— Но вы слишком стары для этого; — возразил я. — Скорее следовало бы пойти мне, ведь там, по всей вероятности, находится мой сын, и все же я не решаюсь на это. У меня может закружиться голова, мое падение только вызовет ненужный шум.

— Разумеется, — поддержал меня Оливер, который слышал наш разговор, — здесь я распоряжаюсь, и я запрещаю вам двигаться с места. Помните, сержант, если со мной что-нибудь случится, на вас лежит обязанность наблюдать за взрывчатыми веществами и в случае надобности пустить их в ход — ведь кроме вас никто не сможет это сделать. Теперь последите за приготовлениями и проверьте, все ли в порядке, а я хочу отдохнуть. Боюсь, что все это без толку и мы даже не увидим профессора. Во всяком случае, нужно быть готовым.

Квик и я отправились наблюдать за приготовлениями, которые состояли в том, что горцы связали между собой две небольшие лестницы и укрепили их с помощью принесенных нами планок. Я поинтересовался, кто же кроме Шадраха и Орма отправится на ту сторону пропасти, и получил ответ, что все боятся идти. Наконец выискался один доброволец, горец по имени Яфет, которого Дочь Царей обещала вознаградить значительным участком земли; если же он погибнет, эта земля должна перейти к его родственникам.

Но вот все было готово, и мы молча стали ждать. Нервы у всех были напряжены до предела.

Тишину вдруг прервал ужасающий грохот, донесшийся из пропасти снизу.

— Это час, когда кормят священных львов, которых фенги содержат в темных пещерах у основания идола, — объяснил нам Шадрах. Потом он прибавил: — Если нам не удастся спасти Темные Окошки, он будет отдан на растерзание львам сегодня ночью, потому что сегодня полнолуние и

фенги справляют праздник в честь Хармака, хотя, может быть, его оставят в живых до следующего полнолуния, когда все фенги соберутся сюда, чтобы молиться божеству.

Это заявление отнюдь не улучшило нашего настроения.

В долине Хармака начали собираться тени, и мы узнали по ним, что солнце заходит за горы. Если бы небо на востоке не оставалось необычайно ясным и не светилось как то странно, пропасть давно покрыл бы мрак. Вдруг далеко-далеко на скале, которая, по нашим догадкам, изображала голову льва, на фоне неба появилась небольшая фигурка, и еле слышно донеслось пение. Услышав голос, я едва не лишился чувств и, наверное, упал бы, если бы Квик меня не поддержал.

— Что с вами, Адамс? — окликнул меня Орм с того места, где он сидел, шепотом разговаривая с Македой, в то время как жирный Джошуа сердито следил за ними, стоя поодаль. — Вы увидели Хиггса?

— Нет, — ответил я, — но теперь мне известно, что мой сын еще жив. Это его голос. О, спасите и его, если только сможете!

Кто-то сунул мне в руки бинокль, но я был так взволнован, что не мог ничего разглядеть. Квик взял его у меня и стал пересказывать, что он видит.

— Высокий, стройный, в белом одеянии, но лица не могу рассмотреть — темно и далеко. Можно было бы окликнуть его, но этак мы себя выдадим. А-а! Он окончил пение и ушел — прыгнул в какое-то отверстие в скале. Ну, доктор, раз он может прыгать, значит — он здоров, поэтому ободритесь, ведь и это уже кое-что.

— Да, — согласился я и повторил за ним: — Это уже кое-что, но мне все же хотелось бы большего после стольких лет поисков. Подумать только, я так близко от него, а он ничего не знает об этом!

Когда окончился гимн и мой сын исчез, на спине идола появились трое воинов фенгов, здоровенных малых в длинных плащах, вооруженных копьями, а за ними — трубач с выдолбленным слоновым бивнем, заменявшим трубу. Они прошли по спине идола от затылка до основания хвоста, по-видимому, дозором. Не обнаружив ничего (нас они не могли видеть за кустами и, вероятно, даже не знали о существовании самой площадки, на которой мы притаились), они вернулись обратно. Прозвучал пронзительный сигнал, и раньше, чем донеслось эхо трубного гласа, все исчезли.

— Обычный дозор при заходе солнца, — отметил сержант. — А кисонька-то не врет… — И Квик указал на фигурку, внезапно возникшую на черном утесе, составлявшем спину идола.

Это был Хиггс, вне всякого сомнения. Хиггс в измятом солнечном

шлеме и с темными очками на носу; Хиггс, куривший свою большую пенковую трубку и что-то заносивший в записную книжку с таким спокойствием, как если бы он стоял перед каким-нибудь новым экспонатом в Британском музее.

Я с изумлением воззрился на него, потому что никак не мог поверить, что нам действительно удастся снова увидеть профессора, тогда как Орм спокойно поднялся на ноги и сказал:

— Да, это он. Хорошо. Перекиньте лестницу, а ты, Шадрах, ступай вперед, чтобы я мог быть уверен в том, что ты не выкинешь какой-нибудь штуки.

— Нет, — резко возразила Македа, — этот пес не пойдет с вами, так как он ни за что не вернется обратно от своих друзей фенгов. Ты, — прибавила она, обращаясь к Яфету, тому горцу, которому обещала дать землю, — ступай вперед и держи другой конец лестницы, пока чужестранец будет переходить по ней. Если он вернется назад невредимым, твоя награда удвоится.

Яфет поклонился, лестницу перекинули, и конец ее лег на шершавую поверхность камня, изображавшую волосы на хвосте сфинкса.

Горец помедлил мгновение, подняв кверху руки. Он, по-видимому, молился. Потом попросил своих товарищей крепче держать конец лестницы; попробовав ногой ее крепость, спокойно прошел по ней, и вскоре мы увидели его сидящим и держащим противоположный конец ее.

Настал черед Оливера. Он кивнул головой Македе, которая сделалась бледной, как бумага, и шепнул ей несколько слов, которые я не расслышал, потом повернулся ко мне и пожал мне руку.

— Если это будет возможно, спасите и моего сына, — прошептал я.

— Сделаю все от меня зависящее, — ответил он. — Сержант, если со мной что-нибудь случится, вы знаете свой долг.

— Буду стараться следовать вашему примеру, капитан, что бы ни случилось, хотя это нелегко, — заверил его Квик несколько охрипшим голосом.

Оливер встал на лестницу. Весь путь составлял не больше двенадцати-пятнадцати шагов, и с первой его половиной он справился успешно. Но внезапно дальний конец лестницы соскользнул немного, несмотря на все усилия Яфета, и вся лестница наклонилась на несколько дюймов вправо, так что Оливер едва не свалился в пропасть. На самой середине пути он закачался, как тростник под ударом ветра, сделал еще шаг вперед и медленно опустился на четвереньки.

— Ах! — вскрикнула Македа.

— Язычник потерял голову, — начал было Джошуа с нескрываемым торжеством в голосе. — Он…

Больше ему ничего не удалось сказать, потому что Квик обернулся и зло погрозил ему кулаком, крикнув по-английски:

— Придержи пасть, если не хочешь отправиться вслед за ним, жирная свинья! — И Джошуа, который понял жест, если не понимал слов, замолчал немедленно.

Горец у другого конца лестницы ободрил Орма:

— Не бойся, лестница цела и держится крепко.

С мгновение Оливер продолжал стоять на четвереньках на доске, которая отделяла его от ужасной смерти в пропасти. Потом, в то время как мы в смертельном испуге продолжали глядеть на него, снова встал на ноги и с великолепным хладнокровием перешел на другую сторону.

— Неплохо проделано, а? — торжествующе произнес Квик и посмотрел на Джошуа. — Что же вы, ваше высочество, не изволите смеяться? Нет, лучше вы бросьте этот ножик. — И он вырвал из рук принца кинжал, который тот вертел, не спуская вытаращенных глаз с сержанта.

Македа видела эту сцену и попеняла Джошуа.

— Дядя, — сказала она, — смелые люди там рискуют жизнью, а ты сидишь здесь в безопасности. Прошу тебя, не шуми и не ссорься ни с кем.

Мгновение спустя мы и думать забыли о Джошуа, следя за драмой, разыгравшейся по ту сторону пропасти. Задержавшись на мгновение, чтобы передохнуть, Орм начал взбираться на напоминающий куст утес, пока не добрался до каменной трубы, хвосту сфинкса. Здесь он обернулся и помахал нам рукой, а потом пошел вслед за горцем, по изгибу хвоста к тому месту, где он сливался с телом идола. Здесь Оливеру пришлось трудно, так как влезть по такому склону на широкую террасоподобную спину сфинкса было нелегко. Наконец он достиг вершины, на мгновение скрылся с глаз в ложбине, обозначавшей поясницу зверя (она, разумеется, имела несколько футов в глубину), и снова появился, быстро двигаясь по направлению к плечам. Все это время Хиггс стоял спиной к Яфету и Орму и не видел ровно ничего из всего происходившего.

Обогнав Яфета, Оливер подошел к профессору и дотронулся до его плеча. Хиггс обернулся, взглянул на обоих и сразу — от удивления — сел наземь, вернее, на спину сфинкса. Они подняли его на ноги, Орм указал на скалу, где мы находились, и, по-видимому, объяснил Хиггсу положение. За этим последовал недолгий и оживленный разговор. В бинокль мы могли даже разглядеть, что Хиггс отрицательно качал головой. Он сказал им что-то, и они согласились, потому что он повернулся, сделал несколько шагов

вперед и скрылся — как я узнал позднее, чтобы позвать моего сына, без которого не хотел бежать.

Прошло несколько мгновений; они показались нам годом, но на самом деле прошло не больше минуты. Мы услышали крики. Снова появился белый шлем Хиггса, а потом он сам, но в него вцепились два фенга. Хиггс закричал по-английски, и его слова ясно долетели до нас:

— Спасайтесь! Я задержу этих чертей! Бегите, бегите же, проклятый дурак!

Оливер колебался, хотя горец толкал его, пока не появились головы еще нескольких фенгов. Потом, сделав рукой движение, выражавшее его отчаяние, он побежал. Оливер бежал первым, за ним следом Яфет, которого он обогнал, а за ними несколько жрецов или стражей, размахивавших ножами.

Позади всех Хиггс катался по земле с вцепившимися в него фенгами.

Все остальное совершилось с головокружительной быстротой. Орм соскользнул по крутому склону с тела идола на его хвост и побежал по нему. Горец не отставал от него, а за ними следовали три фенга.

Они бежали по хвосту сфинкса, словно по беговой дорожке. Оливер вскочил на лестницу, один конец которой мы крепко держали, и уже добрался до середины, когда внезапно услыхал крик своего спутника. Он остановился и увидел, что один из фенгов схватил Яфета за ногу и толкнул его вниз лицом на лестницу.

Оливер медленно повернулся, одновременно доставая свой револьвер. Потом прицелился и выстрелил; фенг отпустил Яфета. взмахнул руками и рухнул в пропасть. Дальше я помню, что они уже перебрались на нашу сторону и кто-то крикнул:

— Столкните лестницу!

— Нет, — возразил Квик, — подождите немного.

Я едва успел удивиться, не понимая, чего он дожидается, как увидел, что трое самых смелых фенгов идут по ней, положив руки на плечи идущему впереди, в то время как товарищи подбадривали их.

— Теперь толкай, братцы! — крикнул сержант, и мы столкнули лестницу. Бедные фенга, они были достойны лучшей участи.

— Всегда надо наносить урон врагу, когда к тому представляется случай, — заметил сержант, открывая огонь по фенгам, которые столпились на спине идола. Вскоре, однако, они оставили эту позицию все, кроме одного или двух раненых или убитых.

Воцарилось молчание, и я услышал, как Квик сказал Джошуа на своем сквернейшем арабском языке:

— Ну что, ваше королевское высочество, вы все еще продолжаете думать, что мы язычники, трусы, что даже фенги для вас лучше, чем мы?

Джошуа уклонился от спора, и я обернулся к Оливеру, который закрыл лицо руками и, казалось, плакал.

— Что с тобой, друг? Что с тобой? — услышал я полный слез голос Македы — Ты совершил великий подвиг и вернулся невредимым — значит, все в порядке.

— Нет, — ответил он, забыв все титулы: в таком он был отчаянии, — не все в порядке. Мне не удалось спасти своего друга, и сегодня ночью они бросят его на растерзание львам. Он сам сказал мне об этом.

Македа не нашлась, что ответить, и протянула горцу, сопровождавшему Оливера руку, которую тот поцеловал.

— Яфет, — промолвила она, — я горжусь тобой; я учетверяю твою награду, и отныне ты будешь начальником моих горцев.

— Скажите нам, что случилось, — попросил я Орма.

— Я вспомнил о вашем сыне, — ответил он. — И Хиггс тоже вспомнил о нем. Профессор ни за что не хотел бежать без него и сказал, что его недолго позвать — он находится как раз под нами. Хиггс пошел за ним и, наверное, натолкнулся на стражу, которая, я так думаю, услышала, наш разговор наверху. Все остальное вы знаете не хуже моего. Сегодня ночью, через два часа после того, как взойдет полная луна, совершится церемония жертвоприношения, и бедного Хиггса бросят в львиный ров. Когда мы увидели его, он как раз излагал в записной книжке свое завещание, которое Барунг обещал переслать нам.

— Доктор, — обратился ко мне сержант, -¦ не согласитесь ли вы послужить мне переводчиком? Я хочу переговорить с Кошкой, а мой арабский язык пожалуй слабоват.

Я согласился, и мы отправились к краю площадки, где стоял Шадрах, наблюдая за всем происходившим.

— Слушай, Кошка, — сказал сержант (я передаю его подлинные слова, а не те, что звучали в моем переводе), — хорошенько слушай меня и помни, что если ты солжешь или будешь вести свою игру, либо ты, либо я — один из нас двоих не доберется до вершины этой скалы живым. Понял?

Шадрах ответил, что понял.

— Ну вот. Ты говорил, что был однажды пленником фенгов и что тебя бросили на съедение священным львам, но ты спасся от них. Расскажи, как тебе удалось бежать.

— А вот как, Квик. После церемонии, которую я не стану вам описывать, меня опустили в корзине, предназначенной для кормления

львов, в ров и вытряхнули оттуда вместе с мясом. На цепях подняли решетчатую дверь, ведущую в этот ров, и львы ворвались туда, чтобы сожрать меня.

— Ну, а дальше что случилось, Шадрах?

— Что случилось? Я, разумеется, спрятался в тени и прижался к скале, пока одна чертова львица не учуяла меня и не ударила. Вот, смотрите, это следы ее когтей. — И он показал шрамы на своем лице.

— Эти когти обожгли меня, как укус скорпиона, и я совсем обезумел. Страх овладел мной, когда я увидел ее желтые глаза. Я полез вверх по скале, как лезет по стене кошка, за которой гонятся псы. Я цеплялся за ее шероховатую поверхность ногтями, пальцами, зубами. Львица подпрыгнула и вырвала у меня клок мяса из ноги, вот здесь. — И он показал нам рубцы, которые мы с трудом могли разглядеть в полутьме. — Потом она отбежала назад, чтобы прыгнуть еще раз. Прямо над собой я заметил крохотный выступ в стене, на котором едва мог бы усидеть ястреб. Я уцепился за него и подтянул ноги, так что зверь промахнулся. Я сделал такое усилие, какое человек может сделать раз в жизни. Кое-как взобравшись на этот выступ, я поставил на него колено, а сам прижался к скале всем телом, чтобы как-нибудь сохранить равновесие. И тут скала подалась, и я упал внутрь какого-то туннеля. Что это был за путь! В темноте, ощупью, ползком, как павиан, тысячу раз рискуя жизнью, я продвигался вперед. Две ночи и два дня отнял у меня этот путь, и к концу второго дня я уже не соображал ничего. И все же я выбрался оттуда, и вот за это мой народ прозвал меня Кошкой.

— Понимаю, — сказал Квик, и в его голосе слышалось уважение, — хоть ты и порядочная каналья, но смелый человек. А теперь скажи мне и не забывай того, что я уже говорил, — он похлопал по рукоятке своего револьвера, — ров, в котором кормят львов, находится там же?

— Полагаю, что так, о Квик; зачем фенгам переносить его в другое место? Жертвы опускают вниз из брюха сфинкса, там подле ребер есть дверца. Место кормежки находится в пещере в скале; площадка, на которой мы стоим, — прямо над ней. Никто не видел, как я спасся, и поэтому никто не выяснял, каким образом я это сделал. Все думали, что я погиб, подобно тысячам жертв. Никто не входит сюда, пока львы не вернутся в те пещеры, где они спят, и пока надсмотрщики не опустят сверху решетчатые двери. Слышите? — Мы прислушались и уловили внизу скрип и грохот. — Опускаются решетки — львы поели. Когда Темные Окошки бросят вниз, а с ним вместе, быть может, и других, решетки эти снова поднимут.

— А отверстие в скале все еще на месте, Шадрах?

— Без сомнения, хотя я не спускался туда больше.

— Ну, мой мальчик, значит, тебе придется сходить туда, — мрачно заметил Квик.

Глава XII. Львиная пещера

Мы вернулись к остальным и пересказали все, что узнали от Шадраха.

— Что вы собираетесь делать, сержант? — спросил Оливер, выслушав нас. — Я не в состоянии ничего придумать.

— Я пойду через отверстие, о котором нам говорил Кошка, и спущусь в львиную пещеру. Когда туда спустят профессора и поднимут решетки, я с помощью винтовки оттесню назад львов, он тем временем взберется вверх по лестнице, а я последую за ним, если смогу.

— Превосходно, — согласился Орм, — но вы не можете идти туда один. Я пойду с вами.

— И я тоже, — сказал я.

— О чем вы рассуждаете? — спросила Македа, которая не поняла ни слова из нашего разговора.

Мы объяснили ей, в чем дело.

— Друг, — укоризненно обратилась она к Оливеру, — неужели ты еще раз хочешь рисковать жизнью? Ведь это значит искушать судьбу.

— Я не могу оставить своего друга на съедение львам, госпожа, — ответил он.

Поспорив немного, мы договорились, что спустимся вниз до уровня пещеры, если это окажется возможным. Здесь Квик вместе с Яфетом. который немедленно вызвался сопровождать нас, проникнут в самую пещеру, а я с несколькими горцами останусь у прохода, чтобы прикрывать их отступление. Я просил, чтобы мне поручили более активную роль в экспедиции, но они и слышать не хотели об этом, говоря, не без основания, что из нас троих я стреляю лучше всех и смогу принести куда больше пользы, оставаясь наверху, если только, как мы надеялись, луна будет ярко светить достаточно ярко.

В глубине души я понимал, что они считают меня слишком старым для участия в таком деле и не хотят подвергать опасности.

Теперь встал вопрос о том, кто спустится вниз, в последний туннель перед местом решающей схватки. Оливер хотел, чтобы Македа вернулась на вершину скалы и ждала нас там, но она возразила, что не в состоянии совершить обратное восхождение без нашей помощи и твердо решила своими глазами увидеть конец предприятия. Даже Джошуа не захотел возвращаться. Я думаю, хорошо представляя себе нелюбовь к нему горцев, он боялся оказаться с ними один на один.

Мы предложили ему остаться там, где он находится и ждать нашего возвращения, если нам вообще суждено вернуться, но этот проект понравился ему еще меньше. Он опасался того, на что мы в свое время не обратили должного внимания, а именно, что теперь фенги знали о существовании прохода, по которому мы пришли, и не замедлят проделать то же, что мы, то есть перекинуть мост и попытаться штурмовать Мур отсюда.

— И что я буду здесь делать один, если они придут? — добавил он взволнованно.

Македа сочла разумным завалить проход камнями так, чтобы надолго сделать его непроходимым.

— Да, — поддержал ее Орм, — а если нам удастся выбраться отсюда, мы взорвем весь колодец и окончательно уничтожим возможность пользоваться им.

— Он мог бы нам еще пригодиться, капитан, — заметил Квик с сомнением в голосе.

— Чтобы заложить мины под сфинксом, есть другой путь, сержант, — я говорю о Могиле Царей. Я лишь очень приблизительно произвел вычисления и определил ее высоту над уровнем моря, но уверен, что она находится совсем недалеко отсюда. Как бы то ни было, этим колодцем пользоваться больше нельзя, поскольку фенги теперь знают о его существовании.

Мы стали замуровывать вход в коридор камнями. Дело было трудное, но горцы под нашим руководством справились с этим хорошо, и разобрать наваленные ими камни было бы нелегко, особенно без помощи взрывчатых веществ.

Пока горцы были заняты делом, Яфет, Шадрах и сержант обследовали последний колодец, который вел прямо в львиную пещеру. Когда мы заканчивали работу, они вернулись и сообщили, что убрали пару обвалившихся камней, и с помощью лестниц и веревок доступ в колодец теперь обеспечен.

Соблюдая тот же порядок, что и прежде, мы отправились в путь и через полчаса были уже у другого конца колодца, спустившись еще на триста футов. Мы очутились в напоминавшем комнату подземелье, без сомнения, высеченном в скале руками людей. Как сказал Шадрах, в его восточной стене находилась каменная плита, уравновешенная на вертикальной оси таким образом, что, толкнув один из ее концов, человек мог повернуть ее в одиночку. В каждое из отверстий можно было пройти, слегка согнувшись.

Мы потихоньку открыли эту первобытную дверь и выглянули наружу.

Полная луна уже взошла и начала заливать своим светом дно пропасти. Но пещера, где кормили львов, занимала площадь в добрых сто ярдов и лежала в густой тени, которая начиналась у самого дна пропасти и кончалась приблизительно в трехстах футах выше нас. Мы поняли, что ее отбрасывают бока громадного сфинкса, выдававшиеся за пьедестал, на котором покоилась вся фигура, а со слов Шадраха мы знали, что именно отсюда спустят вниз Хиггса в корзине с пищей для львов. Из пещеры доносилось ужасающее зловоние, свойственное тем местам, где живут кошки, а к нему примешивался не менее отвратительный запах разлагающегося мяса.

Эту погруженную в тень пещеру с трех сторон окружали отвесные скалы, а с четвертой была стена, прорезанная многочисленными воротами, закрытыми решетками, — так мы предположили, судя по струившемуся из-за них свету. По-видимому, там содержали священных львов, потому что из-за этой расположенной на восток от нас стены раздавались ужасные завывания, фырканье и рев.

На дне пропасти, непосредственно под нами, лежали чьи-то останки, судя по одежде и волосам — человеческие трупы. Кажется, Шадрах сказал нам, что это трупы того фенга, которого застрелил Оливер, и его товарищей, упавших в пропасть вместе с лестницей.

В течение нескольких мгновений мы молча созерцали это ужасное место. Потом Оливер вынул часы и сказал:

— Хиггс говорил мне, что его бросят львам через два часа после восхода луны, значит, это произойдет через четверть часа. Сержант, я полагаю, что нам следует быть наготове.

— Все готово, капитан, — ответил Квик, — и эти звери тоже готовы, судя по шуму, который они там подняли. Ну, кисонька, спускай лестницу! Вот ваша винтовка, капитан, и шесть запасных обойм к ней, по пяти пуль с надрезанным концом в каждой. Вам больше не потребуется, да и ни к чему тащить с собой лишнюю тяжесть. В правом кармане пиджака, капитан, не забудьте. Я захватил с собой столько же. Доктор, патроны для вас — на том камне. Ложитесь здесь, чтобы свет падал как следует. У вас будет упор для локтя, и вы сможете стрелять превосходнейшим образом. Оставьте лучше в покое ваш револьвер, капитан, по крайней мере, я не беру с собой своего — это новомодное оружие всегда может выстрелить, если споткнешься. Ну, Яфет тоже готов — отдайте распоряжение, сэр, и в путь: доктор переведет Яфету, что нужно.

— Мы спустимся по лестнице и пройдем шагов пятьдесят в тени, где

нас не будет видно и откуда мы сами все увидим, — начал объяснять Орм. — Кроме того Шадрах сказал, что именно в этом месте спускают корзину с кормом для зверей. Мы будем ждать ее там. Если в ней будет профессор, известный вам, фенгам и абати под именем Темных Окошек, ты, Яфет, схватишь и поведешь, а если будет нужно — понесешь его к лестнице, взобраться по которой ему помогут горцы. Вам, сержант, мне и доктору, который останется наверху, придется ружейными выстрелами удерживать львов на расстоянии. Мы с сержантом будем отступать к лестнице, продолжая отстреливаться от львов. Если звери повалят кого-либо из нас, его следует оставить, потому что бессмысленно попусту приносить в жертву несколько жизней. Что касается остального, вы, сержант, и ты, Яфет, руководствуйтесь обстоятельствами и действуйте так, как вам покажется лучше. Не ждите от меня распоряжений, так как я, возможно, не смогу дать их вам. Идемте. Если мы не вернемся, Адамс, последите за тем, чтобы Дочь Царей благополучно вернулась в Мур. Прощай, госпожа.

— Прощай, — ответила Македа твердо. В темноте я не мог разглядеть ее лица. — Теперь я уверена, что ты вернешься с твоим братом.

Тут вступил в разговор Джошуа:

— Я не хочу, чтобы эти язычники превзошли меня в храбрости, — заявил он. — У меня нет такого ужасного оружия, как у них, и я не могу пойти в глубину пещеры, но я спущусь и буду охранять подножие лестницы.

— Превосходно, — ответил Орм несколько ошарашенно, — очень рад, что ты хочешь отправиться с нами. Но только помни, что голодные львы очень подвижны, и, кроме того, мы ни в коей мере не берем на себя ответственности за то, что может случиться с тобой.

— Право, тебе лучше остаться здесь, дядя, — заметила Македа.

— Чтобы ты вечно смеялась надо мной, племянница? Нет, я спущусь и один встречу львов. — И он медленно пролез сквозь отверстие в стене и начал спускаться по лестнице. Когда Квик через некоторое время последовал за ним, он, разумеется, нашел его на половине дороги и вынужден был поторопить, случайно наступив ему на пальцы.

Минуту или две спустя, перегнувшись через край, я увидел, что все они уже находятся в пещере, — то есть все, кроме Джошуа, который поднялся обратно по лестнице на высоту около шести футов и здесь, став спиной к скале, раскинул руки, точно его распяли. Боясь, как бы его не заметили, я попросил Македу приказать ему или спуститься вниз, или подняться наверх, но он не обратил на ее слова никакого внимания. Так мы его там и оставили.

Тем временем остальные трое скрылись в тени сфинкса, и мы перестали видеть их. Полная луна поднималась все выше, заливая светом всю пропасть. Кругом царила мертвая тишина, которую лишь изредка прерывало рычание, доносившееся оттуда, где находились львы. Теперь я мог различать металлические брусья в воротах и даже темные крадущиеся силуэты, двигающиеся за ними. Потом я обнаружил несколько человек, глядевших со стены вниз, хотя и не знал, откуда они взялись. Мало-помалу число их увеличивалось и вскоре достигло уже нескольких сотен, поскольку край стены был широк, как дорога. Это, очевидно, были зрители, пришедшие взглянуть на церемонию жертвоприношения.

— Принц, — шепнул я Джошуа, — ты должен спуститься вниз, или нас заметят. Подниматься наверх уже поздно — свет луны упадет сейчас на твою голову. Спускайся вниз, или мы сбросим лестницу и тебя вместе с ней.

Он спустился вниз и спрятался за кустом, так что мы некоторое время совсем не видели его и почти забыли о его существовании.

Издалека сверху, вероятно, со спины идола, донеслись приглушенные звуки торжественного пения. Оно стихло, и мы услышали громкие крики. Потом они прекратились и через несколько мгновений зазвучали снова. Македа, стоявшая на коленях рядом со мной, дотронулась до моей руки и указала на медленно спускавшуюся сверху тень, с обеих сторон которой струились лунные лучи. Это была, без сомнения, корзина, в которой спускали Хиггса, и случайно ли или нет, но львы за стеной подняли ужасающий рев. Быть может, один из них, наблюдая через ворота, увидел или учуял знакомую корзину и дал знать об этом остальным.

Корзина медленно опускалась и в нескольких футах от земли начала раскачиваться как маятник, все увеличивая и увеличивая амплитуду колебания. Потом, когда она висела над ближним к нам краем тени, ее вдруг опустили вниз, а потом дернули вверх, и из нее вывалилась человеческая фигура. Хотя мы на таком расстоянии не могли как следует разглядеть ее, но когда этот человек упал, с его головы свалилась шляпа, и я тотчас же признал в ней белый тропический шлем Хиггса. Профессор встал на ноги, медленно, с трудом нагнулся за шлемом, поднял его и стал счищать им пыль с колен. В это мгновение вновь раздались звон и грохот.

— Они поднимают решетки! — прошептала Македа.

Мы услышали шум. На сей раз его производили дикие звери, устремившиеся к своей добыче, а также озверевшие люди, кричавшие от восторга на стене наверху. Профессор повернулся и собрался было бежать, потом передумал, надел на голову шлем, скрестил на груди руки и стал

ждать, несколько комично напоминая картину, изображавшую Наполеона, возможно потому, что у него была такая же короткая плотная фигура.

Описать все последовавшее за этим чрезвычайно трудно, так как мы одновременно наблюдали не одну, а несколько сцен. Я думал, что львы бросятся в ворота и нападут на жертву, но либо их уже кормили в этот вечер, либо, они считали недостойным себя беспокоиться из-за одного-единственного человеческого существа, но только повели они себя совсем неожиданным образом. Сквозь раскрытые ворота они шли двумя бесконечными рядами: желтые тела взрослых львов, львиц, полувзрослых львов, львят — всего особей пятьдесят или шестьдесят. Только один или двое из них взглянули на профессора, тогда как остальные разбрелись по всей пещере, а некоторые скрылись в тени утеса, куда не достигал лунный свет.

Один из них обнаружил за кустом Джошуа. Тот метнулся к лестнице и начал торопливо взбираться по ней. Но как ни быстро он лез, тонкая и гибкая тень, скользнувшая внизу, двигалась быстрей. Зверь присел на задние лапы, бросил вверх свое тело в мощном прыжке — я сейчас еще вижу его сверкающие когти — и вцепился в Джошуа. Лапа ударила его в нижнюю часть спины и, казалось, пригвоздила к лестнице. Потом лапа медленно опустилась, а Джошуа дико закричал. Поднялась другая лапа, чтобы повторить эту операцию. В этот момент я, перегнувшись через край, в то время как один абати держал меня за ноги, всадил пулю в голову зверю, который рухнул наземь, утащив с собой большую часть одежды Джошуа.

Через несколько мгновений он уже был среди нас и, причитая, проковылял в угол, где и остался лежать на попечении нескольких горцев, потому что мне было некогда заниматься им.

Когда рассеялся дым от выстрела, я увидел Яфета, который добрался до профессора и жестами уговаривал его бежать, в то время как двое животных, лев и львица, стояли на некотором расстоянии от них и с интересом наблюдали за людьми. Хиггс произнес несколько слов и показал на свои колени. Он, очевидно, ушиб ногу и не мог бежать. Яфет указал на свою спину и наклонился. Хиггс вскарабкался к нему на спину, и они двинулись к лестнице, причем Яфет тащил профессора подобно тому, как школьники таскают друг друга.

Лев присел на задние лапы, совсем как собака, и с интересом смотрел на диковинное зрелище, но львица, преисполненная женского любопытства, фыркая, последовала за Хиггсом, который поглядывал на нее через плечо. Он стащил с головы помятый шлем и швырнул им в зверя,

угодив ему прямо в голову. Львица фыркнула, схватила шлем, с минуту поиграла с ним, как котенок с мотком шерсти, потом, решив, что этого недостаточно, взревела, побежала вперед и приготовилась прыгнуть, колотя себя по бедрам хвостом. Я не мог стрелять в нее, потому что моя пуля, чтобы попасть в нее, должна была пройти сквозь Яфета и Хиггса.

Но в тот же момент, когда я решил, что настал конец, в тени прозвучал выстрел, и животное повалилось навзничь, кусая и царапая камень. Тут ленивый самец, казалось, проснулся и метнулся, но не к людям, а к раненой львице, и вслед за этим завязалась ужасная драка, финал которой скрыло облако пыли и клочья шерсти.

Толпа фенгов на стене, увидев, в чем дело, подняла ужасающий крик, и это вскоре отразилось на настроении более спокойных зверей. Они начали рычать и бегать взад и вперед, главным образом в тени, а Яфет со своей ношей тем временем медленно, но неуклонно продвигался к лестнице.

В тени, падавшей от боков сфинкса, раздалось несколько выстрелов, и в освещенную полосу выбежали преследуемые несколькими раздраженными львами Орм и Квик. Они передвигались вперед короткими перебежками, очевидно, в соответствии с выработанным ими планом совместных действий.

Пока один выпускал все свои пули в преследующих их зверей, другой отбегал на несколько шагов и быстро вставлял в винтовку новую обойму. Потом он начинал стрелять, а его спутник в свою очередь отступал за его спиной. Таким образом они уложили довольно много львов, потому что стреляли на таком близком расстоянии, что промахнуться было практически невозможно, а пули с надрезом действовали превосходно и выводили львов из строя даже тогда, когда не убивали насмерть. Я тоже открыл огонь поверх их голов и, хотя в этом неверном свете большая часть моих выстрелов не причинила львам особого вреда, мне все же удалось избавить товарищей от нескольких животных, угрожавших им.

Так обстояли дела, пока все четверо — Яфет с Хиггсом на спине, Орм и Квик не очутились уже в двадцати шагах от лестницы, хотя друг от друга их отделяло расстояние, составлявшее не меньше половины длины площадки для игры в крокет. Мы уже считали, что они спасены, и чуть не кричали от радости, в то время как сотни зрителей, не решавшихся спуститься в пещеру, опасаясь находившихся там львов, рычали от ярости, видя, что их жертва ускользает. Внезапно ситуация изменилась. Со всех сторон начали собираться все новые и новые львы, окружая людей кольцом, хотя грохот выстрелов из огнестрельного оружия, которого они до

сих пор не слышали, пугал их и заставлял держаться на некотором расстоянии.

Полувзрослый львенок прыгнул и сбил с ног Яфета и Хиггса. Я выстрелил и попал ему в бедро. Он растерянно лизнул рану, и, метнувшись к распростертой на земле паре, встал над ней и зарычал, настолько страдая от боли, что даже забыл убить свои жертвы. Кольцо зверей сомкнулось. Мы видели, как в полумгле сверкали их желтые глаза. Орм и Квик могли бы прорваться с помощью своих винтовок, но не хотели бросить остальных. Казалось, все было кончено.

— За мной! — крикнула Македа, которая наблюдала эту сцену, лежа рядом со мной и тяжело дыша. Она поднялась и двинулась к лестнице. Я остановил ее.

— Нет! — воскликнул я. — За мной, абати! Неужто женщина поведет вас?

Как я спустился по лестнице, не помню, не знаю также, как горцы спускались следом за мной, но думаю, что они по большей части просто спрыгнули вниз с высоты тридцати футов или сползли по скале. Оказавшись внизу, они словно демоны набросились на львов, потрясая длинными ножами и исступленно крича.

Впечатление от нашего внезапного появления сверху было ошеломляющим. Испуганные шумом и воинственным натиском людей львы сначала отступили, а потом разбежались во все стороны; раненый львенок, стоявший над Хиггсом и Яфетом, был заколот тут же на месте.

Пять минут спустя мы все вернулись невредимыми в устье туннеля.

Так мы спасли Хиггса из пещеры священных львов, которые охраняют идола фенгов.

Глава XIII. Приключения Хиггса

Мне редко приходилось видеть группу более утомленных и изнемогающих людей, чем та, которая появилась у входа в древний колодец у края пропасти на рассвете следующего дня. И все же мы все, за исключением одного, торжествовали, потому что, пройдя через столько опасностей, мы все-таки добились своего и освободили Хиггса. Да, он был с нами, повредивший ногу, потерявший свой шлем, но совсем здоровый, если не считать нескольких незначительных царапин, полученных от львенка, и он все еще носил то, что местные жители прозвали Темными Окошками.

Даже принц Джошуа был счастлив, несмотря на глубокие царапины от когтей льва и на то, он был вынужден завернуться в кусок какой-то ткани, так как зверь сорвал с него большую часть одежды, — ведь он тоже был героем.

Я один не принимал участия в общей радости: хотя мой друг и был спасен, но сын все еще оставался в плену у фенгов. Правда, я узнал, что с ним хорошо обращаются и что он не подвергается никакой опасности. Но об этом я как раз и хочу написать.

Никогда не забуду той сцены на верхней площадке над львиной пещерой после появления Хиггса среди нас, когда закрылась поворачивающаяся в скале дверь и были зажжены лампы. Он сидел на земле, его рыжие волосы пламенели, его одежда была разорвана и покрыта кровью. Описать его словами невозможно, не говоря уж о том, что от него ужасно несло львами. Профессор сунул руку в карман и достал оттуда свою трубку — она лежала там в футляре и не разбилась.

— Немного табаку, пожалуйста, — сказал он. (Это были первые слова, с которыми он обратился к нам!) — У меня кончился табак, последнюю трубку я выкурил как раз перед тем, как фенги посадили меня в эту вонючую корзину.

Я дал ему табаку, и в то время, как он закуривал, свет от спички упал на лицо Македы, глядящей на него с искренним изумлением.

— Какая хорошенькая женщина, — сказал он. — Что она делает здесь и кто она такая?

Я объяснил, и он встал, вернее, попытался встать, схватился за голову, чтобы снять шляпу, которой на нем не было, и немедленно заговорил с ней на своем превосходном арабском языке, утверждая, что безмерно рад

неожиданно выпавшему на его долю счастью, и тому подобное.

Она поздравила его со счастливым избавлением от опасности, и его лицо омрачилось.

— Да, скверное дело, — сказал он, — право, я не знаю теперь, как меня звать, Даниилом или Птолеми Хиггсом. — Потом он повернулся к нам и прибавил: — Послушайте, друзья, если я не благодарю вас, так это не потому, что не признателен вам, а потому, что немного обалдел. Ваш сын здоров, Адамс. Мы с ним подружились. В безопасности ли он? Ну да. Старик Барунг, султан, тоже отличный парень, хотя и велел бросить меня львам (его вынудили к этому жрецы), просто влюблен в него и собирается женить на своей дочери.

В это время горцы сообщили нам, что все готово и можно отправляться. Я перевязал раны Джошуа, и мы пустились в обратный путь. До входа в первый колодец мы добрались благополучно, но даже здесь не могли позволить себе отдохнуть. Необходимо было немедленно завалить камнями шахту колодца и сделать его недоступным, так как фенги, зная теперь о его существовании, могли воспользоваться этим.

Откладывать работу было нельзя. Когда мы проходили мимо площадки, с которой Оливер и Яфет перебирались на сфинкса, нам были слышны голоса за стеной, сооруженной нами же. По-видимому, жрецов привело в ярость то, что жертва ускользнула из их рук, они перекинули мост через пропасть и готовили нападение на нас. Это заставило нас поторопиться. Если бы они разобрали стену раньше, чем мы прошли мимо, наша судьба оказалась бы ужасной, в лучшем случае мы погибли бы от голода в нижнем колодце.

Едва мы выбрались на свет и временно замуровали выход, Квик, несмотря на свою усталость, отправился верхом в сопровождении Македы, Шадраха, который, выполнив заключенное с ним соглашение, снова стал свободным человеком, и двух горцев во дворец, чтобы привезти оттуда взрывчатку. Мы остались у входа в колодец, потому что Хиггс не мог двинуться с места и нам не на чем было нести Джошуа, и сторожили этот вход, вернее сказать, сторожили горцы, а мы спали с винтовками в руках. До полудня Квик вернулся в сопровождении большого отряда и привез с собой носилки и все необходимое.

Мы отвалили камни, Оливер, Яфет и еще несколько воинов спустились до первого коридора и заложили там мину. Немного спустя Оливер вместе со своими спутниками вернулся, немного испуганный и бледный. Нам он приказал немедленно отойти в сторону, а сам, следуя за нами, прошел некоторое расстояние, разматывая провод, потом остановился и повернул

выключатель небольшой электрической батареи, которую держал в руках. Раздался взрыв, и земля содрогнулась, как при землетрясении, вверх полетели камни. Там, где находился древний колодец, слегка осела почва.

— Мне жаль их, — тихо промолвил Оливер, — но это необходимо.

— Кого? — спросил я.

— Фенгов, жрецов и воинов. Нижний коридор переполнен ими, живыми и мертвыми. Они гнались за нами по пятам. Теперь уже никто не воспользуется этой дорогой.

Позднее в Муре Хиггс рассказал нам свою историю. После того как Шадрах предал его, — а собирался он предать нас всех, как понял профессор из случайно услышанного короткого разговора между ним и каким-то начальником фенгов, — Хиггса схватили и заключили в туловище огромного сфинкса, внутри которого располагалось множество комнат и переходов. Здесь его навестил султан Барунг и сообщил о своей встрече с нами — судя по его словам, мы ему очень понравились, — а кроме того о том, что мы отказались спасти профессора ценой измены данному нами слову.

— В первую минуту, — сказал Хиггс, — я очень рассердился и страшно ругал вас. Но, поразмыслив, увидел, что вы были правы, хотя никак не мог поверить, что меня в самом деле швырнут стае священных львов, как кусок конского мяса. Однако Барунг, по-своему превосходный человек, уверял, что нет никакой возможности спасти меня, не оскорбив тягчайшим образом жрецов, имеющих у фенгов большой авторитет.

Все же он постарался насколько возможно обеспечить мне сносные условия существования. Мне, например, было позволено разгуливать по спине священного идола, беседовать с жрецами, очень подозрительной и недоверчивой братией, изучать их верования; я убежден, что именно они легли в основу религии Древнего Египта. Мне удалось даже сделать замечательное открытие, которое, без сомнения, прославит мое имя, а именно: что предки этих фенгов были одновременно предками египтян до появления Первой династии фараонов, — я заключаю это по сходству их обычаев и верований. Позднее, до времени Двенадцатой династии, отношения между фенгами и египтянами не порывались. Друзья мои! В той комнате, куда меня поместили, есть надпись, сделанная пленником, которого выслал в Мур фараон Рамсес Второй. Надпись эту он сделал в последнюю ночь перед тем, как его бросили священным львам, — этот обычай существовал уже в то время. И я занес ее текст в свою записную книжку, причем совершенно точно, и все это благодаря Шадраху, будь благословенна его мерзкая голова!

Я поздравил профессора с удачей и поторопился спросить, что он может рассказать о моем мальчике.

— О, — сказал Хиггс, — он очень славный молодой человек и весьма недурен собой. Я, право, горжусь тем, что у меня такой крестник. Он страшно обрадовался, узнав, что вы ищете его в течение стольких лет, и был глубоко тронут этим. Он продолжает говорить по-английски, правда, с фенгским акцентом, и, разумеется, страстно хотел бы выбраться на свободу. Живется ему отлично, поскольку он там главный певец, восхваляющий Хармака, — у него превосходный голос. Я, кажется, уже говорил вам, что в следующее полнолуние его собираются женить на единственной законной дочери Барунга. Церемония эта будет происходить на главной площади в Хармаке и обставляется с неслыханным великолепием. Мне, естественно, самому очень хотелось бы присутствовать там, но ваш сын, которого я считаю очень толковым молодым человеком, обещал мне записать все стоящее внимания, понимая, что эти записи могут представлять большой интерес.

— А он сильно привязан к своей дикарке? — спросил я с ужасом.

— Привязан? Нисколько. К тому же он, мне кажется, говорил, что никогда не видел ее и только слышал, что она скорее некрасива и чрезмерно заносчива. У вашего сына философский ум, и он старается во всем видеть только хорошую сторону. Как бы он ни ссорился со своей женой, будучи зятем султана, он окончательно избавится от опасности когда-либо попасть на съедение священным львам. Но об этом мы мало говорили, потому что он постоянно расспрашивал меня про вас и ваши планы, а я, конечно, хотел узнать как можно больше о фенгах, их обрядах и обо всем том, что связано с почитанием Хармака. Жалею, что нам не удалось пробыть вместе дольше, — мы с ним по настоящему подружились. Как бы то ни было, я думаю, что снял сливки со всего того, что он мог рассказать мне. — И Хиггс с довольным видом похлопал по объемистой записной книжке, а потом добавил: — Ужасно, если бы какой-нибудь лев сожрал это! В конце концов пусть бы он съел меня самого, — есть египтологи и получше, но никому из них не представится возможность провести такие изыскания. На всякий случай я оставил у вашего сына копию самого существенного из собранных материалов. Я собирался оставить у него и подлинник, но, к счастью, забыл это сделать, поскольку был чрезвычайно взволнован предстоящей процедурой.

Я согласился, что ни одному археологу еще никогда не выпадало такое счастье, и он продолжал, попыхивая трубкой:

— Когда Оливер так неожиданно появился передо мной на спине

идола, я вспомнил ваше естественное стремление вернуть себе сына и решил спасти его тоже. Но в ближайшей комнате, где я рассчитывал его найти, вместо него оказались жрецы. Они слышали, как мы разговаривали, а остальное вы знаете сами. Впрочем, должен сказать, что веревка, на которой меня спускали львам, сильно износилась от времени, и спускаться на ней было пренеприятно.

— О чем вы думали в это время? — с любопытством спросил Орм.

— О чем я думал? Почти не думал, был слишком перепуган. Думал о том, что испытывал святой Павел, когда его спускали в корзине; что чувствовали первые христиане на арене цирка; думал о том, придет ли наутро Барунг посмотреть, что со мной сталось, и много ли от меня останется; надеялся, что одно из этих животных получит аппендицит, пообедав мной, и тому подобное. Я никогда не любил качели, даже в школе, а эти были просто ужасны. Впрочем, все устроилось к лучшему, потому что я и шагу не прошел бы по хвосту этого сфинкса, не сковырнувшись с него вниз. Вы трое — мои лучшие друзья во всем мире. Не думайте, будто я не понимаю, что вы для меня сделали, если я об этом мало говорю. А теперь расскажите, как обстоят дела у вас.

Мы принялись рассказывать, а он слушал с раскрытым ртом. Когда мы дошли до описания Могилы Царей, профессор был больше не в силах сдерживаться.

— Вы не трогали их? — почти простонал он. — Не может быть, чтобы вы оказались такими вандалами и передвигали их! Ведь каждый предмет, сохранившийся там, необходимо описать и зарисовать. Впрочем, у меня есть целых шесть месяцев на эту работу. И подумать только, что если бы не вы, меня сейчас переваривал бы какой-нибудь лев, вонючий, гнусный священный лев!

Наутро Хиггс вошел ко мне в комнату.

— Ну, старый друг, — сказал он, — расскажите мне что-нибудь про эту девушку, Вальду Нагасту. Красивое личико у нее, а? Я, правда, не смотрел на женщин уже целых двадцать лет, но ее я вспомнил и на следующий день, а глаза ее задели меня за живое вот здесь. — И он указал на какое-то место посреди туловища. — Хотя возможно, что все это объясняется контрастом, который она представляла по сравнению с львами!

— Птолеми, — ответил я торжественным тоном, — позвольте сказать вам, что она значительно опаснее, чем любой лев, и, право же, лучше вернитесь к вашим прежним привычкам и оставьте ее глаза в покое. Я подозреваю, что Оливер влюблен в нее.

— Разумеется, да. Иначе и быть не может, но какое отношение это

имеет ко мне? Разве я не могу тоже влюбиться в нее? Хотя, — прибавил он, грустно поглядев на свои округлые формы, — у него, пожалуй, больше шансов, чем у меня.

— Вы правы, Птолеми, она любит его. — И я рассказал ему про сцену, которую мы наблюдали в Могиле Царей.

— Боюсь, эти любовные истории причинят нам кучу хлопот, — заключил он, от души насмеявшись сначала. — Я его друг, и по возрасту гожусь ему в отцы. Надо будет серьезно поговорить с ним.

— Прекрасно! — крикнул я вслед, когда он, ковыляя, уже уходил из комнаты. — Только не говорите с Македой, а не то она может превратно понять вас; особенно если вы будете, как вчера, таращить на нее глаза.

В этот день состоялось заседание Совета Дочери Царей, и мы отправились туда все вместе. Едва мы вошли в просторные покои, где Македа сидела на троне, в окружении пышного и церемонного двора, распахнулись высокие двери и в зал вошли три седобородых старца в белых одеждах, — мы сразу признали в них послов фенгов.

Они поклонились Македе, сидевшей с опущенным на лицо покрывалом, потом, повернувшись в нашу сторону, поклонились и нам.

Стоявшего тут же Джошуа, которого поддерживали два служителя, так как он не мог стоять сам, и остальных представителей знатных родов абати, а также священнослужителей они как будто не заменили.

— Говорите, — сказала Македа.

— Госпожа, — заговорил один из старцев, — нас прислал султан Барунг, правитель фенгов. Вот слова Барунга: «О Вальда Нагаста! С помощью искусства белых чужестранцев, которых ты призвала к себе, ты причинила много зла богу Хармаку и мне, его слуге. Ты разрушила ворота моего города и погубила множество народа. Ты вырвала из рук жрецов пленника и тем лишила жертвы бога Хармака и навлекла на нас его гнев. Ты убила священных львов нашего бога. Кроме того, мои разведчики донесли, что ты замышляешь новые козни против моего бога и против меня. Я посылаю к тебе послов, чтобы известить тебя, что за это и за многое другое я решил покончить с народом абати, который я щадил до сих пор. Вскоре я выдаю свою дочь замуж за белого человека, жреца бога Хармака, которого зовут Египетским Певцом и про которого говорят, что он сын белого врача, живущего в Муре, но как только я отпраздную свадьбу, я подниму меч и не опущу его до тех пор, пока не уничтожу всех абати.

Узнай же, что сегодня ночью, после того как были убиты священные львы, а жертва похищена, было пророчество бога Хармака своим жрецам. Вот каковы его слова: прежде, чем соберут жатву, его голова будет спать

над долиной Мура. Мы не понимаем, что это означает, но я твердо знаю, что раньше, чем соберут жатву, я или те, кто будет править после меня, заснем в городе Муре.

Поэтому выбирай: сдавайся немедленно, и тогда, за исключением пса Джошуа, который пытался захватить меня вопреки всем обычаям, и десятерых других, которых я назову позднее, я сохраню жизнь вам всем, а Джошуа и этих десятерых повешу, потому что они недостойны умереть от меча. Или сопротивляйся, и, клянусь Хармаком, все абати умрут, кроме белых чужестранцев и того из твоих слуг, который был с ними вместе сегодня ночью в львиной пещере, а все ваши женщины будут рабынями, кроме тебя, о Вальда Нагаста. Отвечай, о повелительница абати!»

Македа взглянула на лица членов своего Совета и прочла на них страх. Многие из них даже дрожали от ужаса.

— Ответ мой будет короток, послы Барунга, — сказала она, — но я только женщина, поэтому пусть представители народа говорят за него. Дядя Джошуа, ты первый человек в Совете, что ты можешь сказать? Согласен ли ты пожертвовать жизнью вместе с десятью другими, чьи имена мне неизвестны, чтобы между фенгами и нами воцарился мир?

— Что? — в бешенстве закричал Джошуа. — Для того ли я живу, чтобы слышать, как Вальда Нагаста предлагает первого вельможу в стране, своего дядю и нареченного супруга, отдать в руки исконных врагов абати, чтобы его повесили, как состарившуюся гончую, и для того ли вы живете, о неведомые десятеро, без сомнения находящиеся в этой комнате, чтобы слышать это?

— Я только хотела узнать твою волю, дядя Джошуа.

— В таком случае я говорю, что не желаю, и что те десятеро тоже не желают, и что все абати не желают этого. Мы победим фенгов, а из их звероподобного бога Хармака наделаем камней и вымостим ими наши дороги — слышите вы, дикари? — И с помощью поддерживавших его служителей он заковылял к послам, выкрикивая ругательства им прямо в лицо.

Послы спокойно посмотрели на него.

— Мы рады услышать такие слова, — ответил один из них, — потому что мы, фенги, любим решать спор мечом, а не мирными переговорами. Но тебе, Джошуа, мы говорим: поторопись умереть раньше, чем мы войдем в Мур, потому что веревка не единственный ведомый нам способ казнить людей.

Все три посла торжественно поклонились сперва Дочери Царей, потом нам и повернулись, чтобы идти.

— Убить их! — заревел Джошуа. — Они оскорбили меня, принца Джошуа!

Но никто не поднял на послов руку, и они спокойно вышли из дворца на площадь, где их ожидали провожатые и лошади.

Глава XIV. Как Фараон встретился с Шадрахом

Когда послы удалились, наступило тяжелое молчание, легкомысленные абати почувствовали, что этот час чреват последствиями. Потом внезапно члены Совета загалдели, как обезьяны, и каждый из них говорил, не слушая соседа, пока наконец мужчина в пышном наряде (священнослужитель, как я понял) не вышел вперед и не заставил замолчать остальных.

Он заговорил возбужденным и язвительным тоном, настаивая на том, что мы, язычники — причина всех несчастий, что, пока мы не пришли сюда, многие поколения абати под угрозой нападения, но вес же жили со славой — он так и сказал: со славой! Теперь же мы раздразнили фенгов, как шершень быка, и свели их с ума от злобы, так что они захотели уничтожить абати. Поэтому он предлагал немедленно изгнать нас из Мура.

Тут я заметил, что Джошуа шепчет что-то на ухо стоящему рядом с ним человеку, который вдруг закричал:

— Нет, нет, они тогда пойдут к своему другу Барунгу, такому же дикарю, как они сами, и, так как им известны наши тайны, помогут ему против нас. Я говорю, что их нужно быстрее убить. — И он выхватил меч и стал размахивать им.

Квик подошел к нему и приставил револьвер к его виску.

— Убери меч, — приказал он, — или ты никогда не услышишь конца этой истории. — Тот послушался, а сержант вернулся к нам.

Теперь заговорила Македа, внешне довольно спокойно, хотя было видно, что она дрожала от волнения.

— Эти люди — наши гости, — сказала она, — и прибыли сюда, чтобы служить нам. Неужели вы хотите убить ваших гостей? Кроме того, какая вам будет от этого польза? Только одно может спасти нас: мы должны разрушить идола фенгов. Ведь, согласно древнему пророчеству, когда будет разрушен идол, фенги покинут город Хармак. Что касается нового прорицания жрецов этого идола о том, что до того как соберут жатву, его голова будет спать над равниной Мур, это может случиться только, если он будет разрушен. Разумеется, это означает, что Хармак взлетит на воздух. Но можете ли вы разрушить этого лживого бога и посмеете ли вы сражаться с фенгами? Вы сами знаете, что нет, а то зачем мне было бы посылать за

этими чужестранцами? И неужели вы умиротворите Барунга тем, что убьете их? Нет, он сам отважный и достойный уважения человек, и он в десять раз больше разгневается на вас, и месть его будет в десять раз более ужасна. Говорю вам также, что я, Македа, не хочу больше быть вашей правительницей. Вам придется найти себе другую Вальду Нагасту, чтобы править вами.

— Это невозможно, — сказал кто-то, — ты последняя представительница вашего рода.

— Тогда выберите правительницу другого рода: если вы убьете моих гостей, я умру от стыда.

Эти слова, казалось, задели их за живое, и один из членов Совета спросил, чего она хочет от них.

— Чего я хочу от вас? — переспросила Македа, откидывая назад свое покрывало. — Соберите войско, помогите чужестранцам, и они поведут вас к победе. О абати, неужели вы хотите, чтобы вас всех убили, чтобы ваших жен сделали рабынями, а ваше древнее имя было вычеркнуто из числа имен живых народов?

Раздались отдельные крики:

— Нет!

— Тогда спасайте себя сами. Вас много, чужестранцы опытны в военных делах, они знают, как повести вас, если только вы последуете за ними. Будьте отважны, и, клянусь вам, когда настанет время, абати завладеют городом Хармаком, а не фенги Муром. Я сказала, поступайте, как знаете. — И, поднявшись с трона, Македа покинула покой, сделав нам знак последовать ее примеру.

В результате всего этого между Советом и нами был заключен мир. Абати торжественно поклялись помогать нам в борьбе против фенгов и даже обещали исполнять все наши военные распоряжения, которые должны были только получать одобрение Малого Совета, состоявшего из нескольких военачальников. Короче говоря, они были сильно напуганы и на время забыли свою ненависть к чужестранцам.

Несмотря на жесточайшее противодействие, нам удалось принять на Совете закон о всеобщей воинской службе, столь чуждый мирным абати. Они с детства привыкли к тому, что фенги осаждают их, и то, что они могут ворваться в Мур, сжечь дома, увести в рабство женщин, а мужчин перебить, казалось им необычайной сказкой.

Поэтому набор в войска проходил очень тяжело, но все же кое-как удалось собрать пять или шесть тысяч будущих солдат и отправить их в лагерь, откуда они постоянно дезертировали и где несколько раз даже

бывали бунты, сопровождавшиеся убийством офицеров.

Квик помогал Оливеру в течение не меньше шести часов в день, а остальное время вместе со мной следил за обучением новобранцев. Оливер же в остальное время был занят работами по созданию туннеля из дальнего края Могилы Царей в глубину скалы, из которой был высечен огромный идол фенгов. План этот был бы невыполнимым, если бы не подтвердилось на деле соображение Орма о том, что из дальнего края пещеры должен существовать древний проход к идолу. Такой проход действительно нашли, и кончался он в стене позади трона, на котором хранились кости царя Горбуна. Этот проход спускался под чрезвычайно крутым углом на протяжении нескольких сот ярдов, а дальше еще на добрую сотню ярдов его стены и потолок так растрескались, что мы, боясь обвала, решили немедленно укрепить их лесами.

Наконец мы добрались до такого места, где они совсем обвалились, вероятно, я думаю, вследствие того землетрясения, которое разрушило большую часть пещерного города. Место это, насколько можно было верить расчетам Оливера, находилось в двухстах ярдах от дна львиной пещеры, куда, скорее всего, и вел в свое время этот проход, и теперь возник вопрос, что же делать.

Собрали Совет, на котором присутствовали Македа и несколько человек абати. Оливер объяснил им, что, даже если бы это оказалось возможным, не имеет никакого смысла расчищать старый проход, который снова выведет нас в львиную пещеру.

— Что же ты хочешь делать? — спросила Македа.

— Госпожа, — ответил он, — я, твой слуга, должен сделать все возможное, чтобы разрушить идола фенгов Хармака с помощью тех средств, которые мы привезли с нашей родины. Ты все еще продолжаешь настаивать на этом?

— Почему я должна отказаться от этого плана? — удивилась Македа. — У тебя есть возражения против него?

— Да, госпожа. С точки зрения военной, взорвать идола фенгов бесполезно: даже разрушив его и убив несколько жрецов и воинов, мы не продвинем вперед наше дело. Кроме того, это очень трудно, если вообще возможно сделать. Вещество, которое мы привезли с собой, обладает огромной разрушительной силой, но кто может поручиться, что его будет достаточно для того, чтобы сдвинуть с места эту гору из твердого камня, веса которой я никак не мог подсчитать, не зная объема пустот внутри нее. Наконец, чтобы попытаться выполнить это, мы должны продолжить туннель длиной не менее трехсот футов, сначала вниз, а потом вверх в

самом основании идола, а так как он должен быть готов в течение шести недель, то есть не позднее дня свадьбы дочери Барунга, добиться этого будет неимоверно трудно, хотя бы сотни людей работали день и ночь.

Македа подумала немного, взглянула на него и промолвила:

— Друг, ты отважен и искусен в военном деле, скажи нам, что ты предлагаешь? Как бы ты поступил, будь ты на моем месте?

— Госпожа, я вооружил бы всех способных носить оружие мужчин и напал бы с ними на город фенгов хотя бы в ту самую ночь, когда у них будет великое празднество и когда они всюду снимут сторожевые посты. Я взорвал бы ворота города Хармака, ворвался в него и выгнал из него фенгов, а потом завладел бы идолом и разрушил его по частям, изнутри, если бы это потребовалось.

Македа переговорила со своими советниками, которых, казалось, очень смутил проект, подозвала нас и сообщила свое решение.

— Мои советники, — сказала она, — заявили, что твой план безумен, они никогда не согласятся на него, так как совершенно невозможно убедить абати предпринять такое опасное дело, как нападение на город Хармак, которое, по их мнению, непременно закончится гибелью всех нападающих. Кроме того, они говорят, о Орм, что ты и твои товарищи приняли присягу в течение года служить народу абати и ваше дело исполнять приказания, а не отдавать их, а также что вы получите свою награду только при условии, если разрушите идола фенгов. Таково решение Совета, высказанное устами принца Джошуа, который приказывает далее, чтобы ты и твои товарищи немедленно взялись за выполнение дела, ради которого вы прибыли в Мур.

— А ты тоже приказываешь нам это, о Дочь Царей? — спросил Оливер, покраснев.

— Я полагаю, что абати ни за что не удастся уговорить напасть на столицу фенгов, и потому, о Орм, я согласна с этим, хотя слова, в которых я все это изложила, принадлежат не мне.

— Хорошо, о Дочь Царей, я сделаю все, что в моих силах. Но последствия этой затеи пусть падут на головы твоих советников. Я прошу тебя дать мне двести пятьдесят человек горцев под начальством Яфета, и пусть он сам выберет их. Они нужны мне для того, чтобы я мог выполнить эту задачу.

— Я исполню твою просьбу, — ответила она.

Мы поклонились и ушли. Проходя мимо членов Совета, мы услышали, как Джошуа громко произнес, желая, очевидно, чтобы его слова достигли нашего слуха:

— Наконец-то мы указали этим язычникам их настоящее место.

Оливер так круто повернулся к нему, что тот отскочил, боясь, как бы Орм не ударил его.

— Остерегись, принц, как бы еще раньше, чем мы закончим дело, тебе самому не указали твое место, несколько пониже. — Оливер Многозначительно взглянул на землю.

Работа по прокладке туннеля началась, и она была столь же опасна, сколько трудна. К счастью, мы захватили с собой кроме пикрата несколько ящиков с динамитом, и теперь он очень пригодился для подрывных работ. В стене туннеля делали отверстие, закладывали туда мину, а потом все отступали в Могилу Царей и оставались там, пока не раздавался взрыв. Когда рассеивался дым, горцы спускались в туннель, вооруженные железными кирками и лопатами, и убирали обломки, а потом снова закладывали мину, и все начиналось сначала.

Люди задыхались от жары и отсутствия воздуха, а двое даже умерли. Остальные отказались было работать, но Оливер и Яфет убедили их продолжать, и на расстоянии около ста футов от начала нового туннеля дышать стало заметно легче, быть может потому, что мы пересекли какую-нибудь расщелину, по которой притекал свежий воздух.

Много хлопот доставляла нам также вода — пару раз мы натолкнулись на источники, в которых она была насыщена какими-то минеральными солями, жестоко разъедавшими кожу. Воду приходилось отводить по деревянным желобам.

Так мы, вернее, Оливер, Квик и горцы, работали. Хиггс пытался помогать им, но вскоре стало очевидно, что он не выносит жары, которая оказалась слишком велика для такого полного человека. В конце концов он занялся наблюдением за тем, как выносят щебень и камни в Могилу Царей, следил за ящиками со взрывчатым веществом. По крайней мере, считалось, что он занимается этим, но в действительности Хиггс посвящал все свое время систематизации и описанию древностей и групп скелетов, находившихся там, и изучению остатков пещерного города. По правде говоря, бедному профессору совсем не по душе была наша разрушительная работа.

— Подумать только, — говорил он нам, — я, всю жизнь проповедовавший охрану предметов старины, вынужден принимать участие в разрушении самого замечательного памятника минувших веков! Мы все вандалы! Ну, пусть погибнут абати, как раньше погибло много более достойных народов! Пусть даже мы погибнем с ними, но только бы уцелел этот изумительный сфинкс на удивление грядущих поколений! Во всяком случае, я счастлив, что видел его. Черт возьми! Какой-то идиот

снова завалил щебнем череп номер четырнадцать!

Мы трудились без устали, и работа в шахте не останавливалась ни на мгновение. Оливер наблюдал за ней днем, Квик — ночью, и так в течение целой недели, а потом они менялись. Иногда Македа спускалась к нам вниз, чтобы посмотреть, что удалось сделать, и приходила она постоянно в те часы, когда Оливер не был занят. Под тем или иным предлогом они уходили бродить по развалинам подземного города или другим темным закоулкам. Напрасно предупреждал я обоих, что за каждым их шагом следят и каждое их слово и движение замечаются шпионами (я дважды уже натыкался на таковых), — они и слушать меня не хотели.

Оливер только на два или три часа в неделю покидал подземный город, чтобы подышать свежим воздухом в течение часа или двух. Он устроил себе постель в комнате жрецов или святилище внутри древнего храма и спал там, охраняемый обычно только верным псом фараоном, своим постоянным спутником даже в темной шахте.

Забавно было видеть, как преданное животное мало-помалу привыкло к темноте и как в нем усиливались другие чувства, в частности обоняние. Постепенно умный пес изучил все детали процесса подрывной работы, и когда детонатор закладывали на место и все было готово к взрыву, поворачивался и уходил из туннеля, даже не дожидаясь людей.

Однажды ночью едва не разыгралась трагедия, которой я боялся, и она, наверное, произошла бы, если бы не этот самый пес. Около шести часов вечера Оливер освободился после беспрерывного восьмичасового пребывания в туннеле, передав наблюдение за работами Хиггсу, пока Квик не приступит к своим обязанностям. Я был занят весь день с новобранцами. Солдаты одного из полков заявили, что желают отправиться домой на сенокос. Самой Дочери Царей пришлось приговорить некоторых из них к суровому наказанию.

Когда мы наконец освободились, Македа, которую предшествующие сцены привели в отчаяние, отослала всех провожатых и попросила меня спуститься с ней в туннель.

У самого входа в него она увидела Орма — можно предположить, что они условились встретиться там, — и, после того как он сообщил ей обо всем сделанном за день, взяв по лампе, они отправились осматривать какой-то закоулок подземного города. Я последовал за ними на некотором расстоянии не из любопытства и не потому, что желал увидеть еще какие-нибудь чудеса пещерного города, которыми был сыт по горло, а потому лишь, что подозревал о существовании постоянной слежки за ними.

Они скрылись за углом, где, насколько мне известно, находился тупик.

Я потушил свою лампу, сел на упавшую колонну и стал ждать, пока не мелькнет свет их фонаря, чтобы вовремя отступить. Я был подавлен и глубоко погружен в свои мысли, когда вдруг необычный звук вывел меня из задумчивости. Зажженная мной спичка осветила лицо человека, в котором я сразу же признал одного из телохранителей Джошуа, хотя и не мог бы сказать, возвращался ли он оттуда, где скрывались Оливер и Македа, или шел в ту сторону.

— Что тебе нужно здесь? — спросил я.

— Какое тебе до этого дело, врач? — ответил он.

Спичка погасла, и, прежде чем я успел зажечь другую, он исчез.

Моей первой мыслью было предупредить Македу и Оливера, что за ними следят, но потом я подумал, что делать это неловко, а сегодня шпион все равно перестал следить за ними, оставил это намерение и пошел в Могилу Царей, чтобы помочь там Хиггсу. Сразу же вслед за мной пришел Квик, задолго до того, как настало его время заступать на дежурство: он не слишком доверял профессору и не полагался на него как на руководителя саперных работ. Когда он пришел, мы с Хиггсом покинули душный и тесный туннель и в течение часа или двух занимались каталогизацией археологических находок, что составляло для профессора истинный отдых.

Устав наконец осматривать древности и поделившись друг с другом опасениями, которые внушало нам поведение Оливера, мы направились к древнему храму. Оливер уже ждал нас там с обедом, который нам доставляли из дворца. Поев, мы накормили Фараона и закурили трубки.

Я рассказал Оливеру про шпиона, которого я застукал в то время, как он выслеживал его и Македу.

— В чем дело? — спросил он, покраснев, как это ему свойственно. — Она только повела меня показать древнюю надпись на колонне в северной части пещеры.

— В таком случае ей скорее следовало бы взять с собой меня, мой мальчик, — заметил Хиггс. — Как выглядит эта надпись?

— Не знаю, — ответил Орм с виноватым видом. — Она не могла найти ее.

Наступило молчание, которое я прервал.

— Оливер, — убеждал его я, — думаю, вам лучше не спать здесь одному. У вас слишком много врагов.

— Глупости, — заявил он, — хотя Фараон действительно что-то сильно беспокоился ночью, а когда я проснулся, мне послышались шаги.

— Приходите сегодня спать во дворец с нами вместе.

— Невозможно. У сержанта сегодня труднейшая работа, он сильно

устанет, и я обещал сменить его после пополуночи, если он позовет меня. — И Орм указал на стоящий рядом полевой телефон, который мы, к счастью, привезли с собой из Англии. Потом он прибавил: — Если бы у нас была еще сотня ярдов провода, я отправился бы с вами.

В это мгновение зазвонил телефон, Орм бросился к аппарату. В течение пяти минут он был занят тем, что отдавал краткие и непонятные для нас распоряжения.

— Вот видите, — сказал он, положив на место трубку, — если бы меня здесь не было, у них бы обвалился потолок и задавило много народу. Нет, нет, я не могу отойти от аппарата, если только не пойду в туннель, а для этого я слишком устал. Как бы то ни было, не бойтесь за меня. Со мною револьвер, телефон и Фараон, так что я в полной безопасности. Спокойной ночи. Уходите поскорее — я завтра должен встать очень рано и хотел бы выспаться.

На следующее утро около пяти часов нас с Хиггсом разбудил стук в дверь.

Я встал и открыл Квику. По его грязному и усталому лицу и мокрой одежде мы поняли, что он пришел прямо с работы.

— Капитан желает видеть вас как можно скорее, — сообщил он.

— Что случилось, Квик? — спросил Хиггс, пока мы одевались.

— Сами увидите, профессор, — последовал лаконичный ответ, и большего мы от Квика так и не добились.

Пять минут спустя мы уже бежали среди густой тьмы подземного города, и каждый из нас держал в руке по лампе. Я первым добрался до развалин древнего храма, потому что Квик, по-видимому, очень устал и отстал от меня, а Хиггс был не в состоянии быстро двигаться в душной атмосфере пещеры. У дверей виднелась высокая фигура Орма с зажженной лампой в руке. Он ждал нас, рядом сидел огромный пес Фараон, который, учуяв друзей, запрыгал навстречу, весело виляя хвостом.

— Сюда, — произнес Орм тихим и торжественным голосом, — я хочу показать вам кое-что. — И он повел нас в ту комнату, где спал. В дверях он задержался на мгновение, опустил лампу, показал нам на что-то темное, распростертое на полу, и сказал: — Смотрите!

На полу лежал труп мужчины, а рядом валялся большой нож, который, очевидно, выпал у него из руки. С первого же взгляда мы узнали это лицо, хотя оно было теперь чрезвычайно мирным и, казалось, принадлежало спокойно спящему человеку. Но картина была страшная, так как горло чуть ниже подбородка было буквально выдрано собачьими клыками.

— Шадрах! — воскликнули мы в один голос.

Да, это был Шадрах, наш бывший проводник, который предал нас; Шадрах, который ради спасения своей собственной жизни указал нам путь к освобождению профессора и который получил за это прощение, о чем я уже упоминал. Не кто иной, как Шадрах.

— Кисонька отправилась погулять и встретила собаку, — заметил Квик.

— Вы понимаете, что случилось? — спросил Оливер сухим, жестким голосом. — Пожалуй, лучше будет, если я объясню вам это, пока все сохранилось на месте. Шадрах, вероятно, забрался сюда сегодня ночью — не знаю, в котором часу, потому что я крепко спал, — преследуя вполне определенную цель. Но он позабыл о существовании своего старого врага — Фараона, и Фараон убил его, вы видите его горло? Когда Фараон кусает, он не рычит, а Шадрах не мог крикнуть и ничего другого тоже не мог сделать, потому что он выронил свой нож. Когда приблизительно час назад меня разбудил звонок по телефону, пес крепко спал (он привык к этим звонкам), и его голова лежала на трупе Шадраха. Теперь вопрос: зачем было Шадраху забираться в мою комнату ночью с ножом в руке?

— На этот вопрос ответить не так трудно, — заметил Хиггс. — Он пришел сюда, чтобы убить вас, а Фараон оказался проворнее его. Этот пес — самая ценная покупка, какую вы когда-либо сделали, друг Оливер.

— Да, — согласился Оливер, — он пришел сюда, чтобы убить меня, но кто послал его? Вот что заставляет меня задуматься.

— Вы можете недоумевать до конца ваших дней, капитан! — воскликнул Квик. — Но я полагаю, что, если поразмыслить хорошенько, догадаться не так уж трудно.

Известие о случившемся было послано во дворец. Час спустя прибыла Македа в сопровождении Джошуа и многих членов Совета. Увидев страшную картину и поняв, в чем дело, напуганная девушка резко спросила Джошуа, что ему известно по этому поводу. Он, разумеется, утверждал, что ничуть не замешан во всей этой истории, и все успокоились на мысли, что Шадрах пытался отомстить за нанесенные ему обиды и получил заслуженную кару.

Но только в этот же самый день бедного Фараона отравили. Он сделал свое дело, будь благословенна его память!

Глава XV. Предчувствие сержанта Квика

С этих пор нас всех, а Оливера в особенности, охраняли днем и ночью. Мы ни на миг не были предоставлены сами себе, шпионы и сыщики шныряли вокруг нас без устали, а все, что мы ели или пили, пробовали вначале слуги, а потом мы. Иначе нам, пожалуй, не удалось бы избежать участи фараона.

Тяжелее всего было Оливеру и Македе, которые больше не могли встречаться наедине. Они все же пытались видеться, но возбудили подозрения, и их отношения послужили темой для пересудов по всей стране.

Как ни неприятны были эти предосторожности, они все же сыграли свою роль, так как никто из нас не был отравлен и никому не перерезали горло, хотя таинственным происшествиям не было числа. То, например, обломок скалы скатился на нас, когда мы как-то вечером разговаривали, сидя на склоне холма, то целая туча стрел полетела в нас из кустов, мимо которых мы проезжали верхом, и одна из них убила под Хиггсом лошадь. Но когда холм и кусты обыскали, там не удалось найти никого. В конце концов был раскрыт большой заговор против нас, в котором участвовали многие военачальники и священнослужители, но из-за тревожного настроения во всей стране Македа не решилась принять никаких мер против этих людей, ограничившись частным предупреждением.

Некоторое время спустя дела в той мере, в которой это касалось нас, пошли лучше. Двое пастухов пришли во дворец в сопровождении нескольких своих товарищей и попросили выслушать их, так как у них есть важное сообщение. Они сказали, что когда они пасли коз на западных отрогах гор, за много миль от Мура, они вдруг увидели отряд из пятнадцати фенгов, появившийся на вершине холма. Фенги связали их и завязали им глаза; поиздевавшись над ними, велели им передать Совету и белым людям следующее:

— Пусть они поторопятся разрушить бога Хармака, потому что в противном случае его голова перелетит в Мур согласно пророчеству, а когда это случится, фенги последуют за ней, ибо теперь они знают, как это сделать. — Потом они усадили обоих пастухов на камень, где их можно было увидеть и где их действительно нашли на следующее утро товарищи, которые пришли вместе с ними во дворец и подтвердили правдивость этого рассказ.

Дело расследовали, но никаких следов фенгов найти не удалось, кроме одного копья, древко которого было врыто в землю, а наконечник предостерегающе указывал на Мур. Незадолго до того шел дождь, который, по всей вероятности, смыл следы.

Несмотря на тщательные поиски, так и не удалось обнаружить, каким образом фенги приникли в Мур и как они выбрались отсюда. Все известные проходы охранялись строжайшим образом, значит, фенги нашли какую-то новую дорогу, а там, где прошли пятнадцать человек, смогут пройти и пятнадцать тысяч!

Найти эту дорогу так никто и не сумел, хотя за это была обещана большая награда, и тут абати всерьез перепугались. Рассказ о появлении отряда фенгов с различными прибавлениями переходил из уст в уста, пока наконец не стал единственной темой разговоров. Самоуверенность абати, их разглагольствования о «твердыне старого Мура» и их бахвальство улетучились в течение одного часа. Теперь говорили только о дисциплинированном и ужасном войске фенгов, у которых каждый мужчина прошел хорошую военную подготовку, и о том, что будет с ними, культурными и хозяйственными абати, мирным народом, который отказывался от всяких военных тягот, если это войско внезапно нападет на них. Они кричали, что их обманули, и требовали казни некоторых членов Совета. Белоручка и неженка Джошуа на некоторое время утратил всякую популярность, а Македа, которая, как всем было известно, всегда выступала за то, чтобы быть готовыми к войне, приобрела то, что он потерял.

Теперь все думали только о пророчестве фенгов и рассуждали таким образом: если разрушить идола до основания, то он никак не сможет прилететь в Мур. Значит, нужно его уничтожить. Но сами они сделать это не могли. В состоянии разрушить идола были только мы, язычники, поэтому на некоторое время мы стали чрезвычайно популярными. Нам льстили, за нами ухаживали, все, даже Джошуа, кланялись при нашем приближении и крайне интересовались успехами работы в туннеле.

Более того, все несчастные и неприятные случаи, о которых я упоминал выше, прекратились. Наших собак, — а мы получили несколько новых собак, — никто больше не травил, скалы не падали на нас, стрелы не свистели вокруг, когда мы ездили верхом. Мы даже сочли возможным отказаться от охраны, потому что теперь для всех было куда выгоднее сохранить нам жизнь, чем убить нас. Только я один не был спокоен и не уставал предупреждать остальных, что скоро ветер подует в другую сторону и наше положение будет не столь благоприятным.

Мы работали, работали, работали! О, нелегкое это было дело

проложить туннель в девственной скале, с помощью неопытных рабочих и завершить работу к определенному сроку. Возникали тысячи неожиданных затруднений, и одно за другим мы устраняли их. Мы избегали смертельных опасностей. Вся ответственность за эту громадную работу лежала на плечах одного Оливера Орма, который, хотя и был инженером по образованию, не обладал большим опытом в подобного рода предприятиях. Однако он справлялся с трудностями поистине героически и работал сам, не покладая рук и повсюду поспевая вовремя. Ведь если бы в его расчеты вкралась малейшая ошибка, вся работа оказалась бы ненужной тратой времени и труда, так как мы взорвали бы только кусок скалы. Затем надо было решить вопрос о силе взрыва, для чего взрывчатое вещество нужно было распределить надлежащим образом во избежание нежелательной утечки расширяющихся газов.

Наконец после сверхчеловеческих усилий туннель был готов. Весь наш запас взрывчатых веществ, составлявший груз четырех верблюдов, мы поместили в отдельных камерах, выдолбленных в той самой скале, из которой был высечен и самый сфинкс. Каждая камера была такого объема, что в ней как раз умещалось необходимое количество взрывчатого вещества.

Камеры эти помещались на расстоянии приблизительно двадцати футов друг от друга, хотя, если бы у нас было время, эти расстояния должны были бы равняться по меньшей мере сорока футам, чтобы сила взрыва была больше. Согласно математическим выкладкам Оливера, взрывные камеры находились в самом центре основания идола, приблизительно в тридцати футах ниже него. В действительности расчет был не совсем точен и они находились несколько восточнее, ближе к голове, и несколько выше, чем предполагал Орм. Но если вспомнить, что ему так и не удалось произвести обмеры колоссальной статуи, которую он видел-то всего один раз, к тому же сзади и в условиях, нисколько не располагавших к точности наблюдений, приходится только удивляться незначительности его ошибки.

Замечательнее всего то, что план, построенный на основе одной только гипотезы, был выполнен точно до конца.

Итак все было готово: взрывчатое вещество и детонаторы положены на место, проведены провода к батарее — все это Орм и Квик сделали своими руками в спертом и душном воздухе туннеля. Теперь началась новая работа — надо было наполнить туннель камнями и замуровать его, не повредив при этом провода, чтобы при взрыве газы не ринулись по линии наименьшего сопротивления, по туннелю в Могилу Царей. Для провода

пришлось пробить в скале небольшой канал, а не то его легко могли бы оборвать.

Было условлено, что взрыв должен произойти в ночь полнолуния, когда, как нам сказали, — а разведчики подтвердили это, — должна состояться свадьба моего сына с дочерью Барунга в городе Хармаке. Выбрана была именно эта ночь, так как султан говорил, что до тех пор он не начнет военных действий; и потому что моего сына не должно быть тогда внутри идола и потому еще, что там наверняка останется лишь небольшая группа жрецов и воинов, а мы не хотели лишнего кровопролития.

Наступил день взрыва. Все для него было подготовлено, только самый туннель еще не полностью завалили камнями и обломками скал, и около сотни человек без устали занимались этим. Провода провели в ту самую комнату, где Фараон перегрыз горло Шадраху, и здесь их присоединили к электрической батарее. Мы сидели вокруг нее, выглядевшей так невинно, совсем как колдуны вокруг котла, в котором варится их чудодейственное зелье. Но мы не склонны были шутить, да и кто вспомнил бы о шутке в таких обстоятельствах? Орм, похудевший и побледневший, не в силах был ни есть, ни курить, и мне с трудом удалось уговорить его выпить немного местного вина. Он даже не хотел пойти посмотреть, как кончают замуровывать туннель, не хотел проверить целость проводов.

— Вы сами можете все проверить, — сказал он, — а я сделал все, что мог. Теперь пусть что будет, то и будет.

Поев в полдень, он лег и проспал несколько часов. Около четырех часов те, кто заканчивал работу у входа в туннель, сделав все, что от них требовалось, прекратили работу и под наблюдением Квика удалились из подземного города.

Тогда мы с Хиггсом взяли лампы и пошли вдоль проводов, которые были проложены в неглубокой канавке, проверяя их сохранность. Убедившись, что все в порядке, мы вернулись в храм и у его дверей нашли Яфета, который в прошлом при всех обстоятельствах был нашей опорой и надежным помощником. Без его содействия нам не удалось бы пробить туннель — во всяком случае в такой короткий срок.

При свете ламп мы заметили, что он чем-то очень напуган.

— Что случилось? — спросил я.

— О доктор, — ответил он, — у меня есть слова, которые предназначались для ушей капитана Орма. Проведи меня к нему.

Мы объяснили ему, что Оливер спит и его нельзя тревожить, но Яфет продолжал твердить свое и только прибавил:

— Пойдемте со мной, мои слова предназначены также и для ваших ушей.

Мы вошли в небольшую комнату и разбудили Орма, который испуганно вскочил, решив, что что-нибудь случилось в шахте.

— В чем дело, Яфет? Фенги перерезали провода?

— Нет, о Орм, много хуже: я узнал, что принц Джошуа составил заговор и хочет увезти «Ту, чье имя недосягаемо».

— Что ты хочешь сказать? Расскажи, в чем дело, — взволнованно откликнулся Оливер.

— Господин, у меня есть друзья, и тот из них, что одной крови со мной (не спрашивай меня, как его зовут), служит принцу Джошуа. Мы распили с ним по чаше вина, и оно развязало ему язык. Как бы то ни было, вот что он рассказал мне — а я верю ему. Весь наш народ и сам принц, рассказал он, на некоторое время оставил вас в покое. Но он не знает, что может случиться, если вам удастся ваше дело, и боится, как бы абати из благодарности не сделали вас первыми людьми в государстве.

— В таком случае он осел, — перебил его Квик, — абати не знают благодарности.

— Он боится, — продолжал Яфет, — кроме того, еще и другого. Например, Дочь Царей может выразить свою благодарность тем, что особенно отличит одного из вас. — И он поглядел на Орма, который отвернулся в сторону. — Но принц обручен с Дочерью Царей и желает жениться на ней по двум причинам: одна из них — это то, что брак сделает его первым человеком среди абати, а вторая — он уверил себя, будто любит ее и боится потерять. Поэтому он решился на хитрость.

— На какую хитрость? — спросил один из нас, потому что Яфет медлил.

— Не знаю, — ответил тот, — и не думаю, чтобы мой друг знал это, в противном случае он бы все рассказал мне. Но я понял, что они собираются увезти Дочь Царей в замок принца Джошуа на дальнем конце озера, в шести часах езды отсюда, и там заставить ее немедленно обвенчаться с ним.

— Понимаю, — произнес Орм. — А когда они собираются сделать это?

— Не знаю, господин. Я знаю только то, что мой друг рассказал мне, и я счел нужным немедленно пересказать это тебе. Все же я спрашивал у него относительно времени, и он ответил, что по его мнению, все это должно произойти в первый день после ближайшей субботы.

— До ближайшей субботы целых пять дней, так что дело еще терпит,

— заметил Оливер со вздохом облегчения. — Но уверен ли ты в том, что твой друг говорит правду, Яфет?

— Нет, господин, не уверен, тем более что его всегда считали лжецом.

— Благодарю тебя, Яфет, за сведения, но ты мог бы и не будить меня. Теперь ступай, проверь, всели в порядке, и возвращайся сюда.

Яфет поклонился и вышел.

— Что вы думаете обо всей этой истории? — спросил Оливер, как только наши слова не могли достигнуть слуха Яфета.

— Чепуха! — воскликнул Хиггс. — Здесь все сплетники, и это одна из их выдумок.

Он помолчал и взглянул на меня.

— Да, — согласился я с Хиггсом. — Если бы друг Яфета действительно знал что-нибудь, он рассказал бы ему куда подробнее. Мой совет: не говорить об этом никому, в частности Македе.

— В таком случае мы все согласны. Но что думает по этому поводу сержант? — обратился Оливер к Квику, стоявшему в углу комнаты и, внимательно разглядывавшему пол.

— Я здесь, капитан, — отозвался тот, становясь во фронт. — Прошу прощения, но я не согласен с вами всеми, кроме того, что не следует пугать госпожу. Я думаю, что все это может оказаться правдой, потому что, хотя Яфет и глуп, но честен, а честные люди иногда берутся за палку с надлежащего конца. Как бы то ни было, он верит, что здесь что-то есть, и для меня это достаточно убедительно.

— Хорошо. Раз вы так думаете, что же, по-вашему, следует предпринять, сержант? Согласен, что Дочери Царей не следует говорить об этом, а я сам не могу уйти отсюда раньше десяти часов вечера. Что вы там чертите? — И он указал на пол, где Квик рисовал что-то пальцем.

— План собственных покоев госпожи, капитан. Она сказала вам, что собирается лечь спать при заходе солнца, так как почти не спала прошлой ночью и хотела бы отдохнуть, раньше чем что-нибудь случится. Так вот — ее спальня здесь, не так ли? А перед ней другая комната, где спят ее служанки, и позади нет ничего больше, кроме высокой стены и рва, через которые нельзя пробраться.

— Совершенно верно, — прервал его Хиггс, — я получил разрешение снять план дворца, но только впереди здесь есть небольшой проход шириной в шесть футов и длиной в двенадцать, который ведет из комнаты стражи в покои Дочери Царей.

— Да, профессор, и в этом проходе, если я не ошибаюсь, есть поворот, так что два хорошо вооруженных человека могут выдержать здесь

нападение целой толпы. Предположим теперь, что вы, профессор, и я отправимся в этот коридор и устроимся на ночь в комнате стражи, которая сейчас пустует, потому что охрана стоит у ворот дворца. Капитану мы не нужны (ведь если он не сможет взорвать мину, то и никто другой не сможет этого сделать), а с ним останутся доктор, чтобы помочь ему в случае необходимости, и Яфет, который наблюдает за сохранностью проводов. Что вы скажете на это, профессор?

— Я? Я сделаю все, что вы хотите, хотя предпочел бы взобраться на вершину скалы и посмотреть, что произойдет.

— Все равно ничего не увидите, Хиггс, — перебил его Орм, — кроме, быть может, отблеска взрыва на небе. А я прошу вас отправиться вместе с сержантом. Как бы то ни было, хотя я считаю, что не следует пугать Македу, но я не спокоен за нее, и если вы, друзья, будете там, я буду знать, что все в порядке, и вы снимете с моих плеч большую тяжесть.

— В таком случае решено, — сказал Хиггс, — мы сейчас же идем. Вот что, мы захватим с собой этот переносной телефон, он теперь нигде в другом месте больше не нужен. Провода хватит до дворца, и если телефон будет действовать, мы сможем переговариваться и сообщать друг другу о положении вещей.

Через десять минут они были совсем готовы, и Квик, подойдя к Оливеру, стал во фронт и отрапортовал:

— Готов в поход, капитан. Какие будут распоряжения?

— Больше никаких, сержант, — ответил тот, отрывая глаза от маленькой батареи, на которую он смотрел так, как будто бы она была живым существом. — Вы знаете сами. В десять часов, то есть через три часа после восхода луны, я нажму кнопку, а что произойдет тогда, я не могу сказать заранее. Если мы не придем к вам, лучше всего будет, чтобы вы пришли сюда сами, — не исключена возможность какого-нибудь несчастного случая. Вот и все, сержант. Звоните нам по телефону, если он будет работать, и ждите нас около половины одиннадцатого. Прощайте!

— Прощайте, капитан, — промолвил Квик, пожал руку Орму и, не говоря ни слова, взял лампу и вышел из комнаты.

Что-то заставило меня пойти за ним, оставив споривших о чем-то, прежде чем расстаться, Орма и Хиггса. Когда мы прошли около пятидесяти ярдов среди ужасного молчания огромного подземного города, темные руины которого возвышались по обе стороны от нас, сержант остановился и внезапно спросил:

— Вы верите в предчувствия, доктор?

— Нисколько, — ответил я.

— Рад слышать это, доктор. Но у меня было сегодня дурное предчувствие — мне кажется, что я больше никогда не увижу ни вас, ни капитана.

— Глупости, сержант, — резко возразил я, — вы городите чушь. У вас расстроились нервы от переутомления.

— Быть может и так, доктор. Как бы то ни было, если вы доберетесь домой и привезете туда с собой немного золота, не забудьте троих моих племянниц. Не говорите ничего о моем предчувствии капитану, пока не пройдет эта ночь, — зачем волновать его, когда ему нужно быть спокойным? Но только, если я его больше не увижу, передайте, что Сэмюэль Квик благословил перед смертью его, вас, доктор, и вашего сына тоже. А теперь сюда идет профессор. Прощайте.

Мгновение спустя мы расстались, и я смотрел им вслед, пока две звездочки их ламп не скрылись во мраке.

Глава XVI. Хармак прилетает в Мур

Медленно и в угнетенном состоянии вернулся я в древний храм, следуя по линии телефонных проводов, которые Хиггс и Квик разматывали по мере того, как продвигались к дворцу. Я не слишком верил в предчувствие сержанта и думал, что породили его условия, в которых мы жили, действовавшие на всех нас, даже на Хиггса.

Оливер сидел один в комнате, потому что Яфет караулил провода.

— Я боюсь за Македу, доктор, — признался он мне. — Что, если во всех этих разговорах есть доля истины? Она хотела быть с нами; она со слезами просила, чтобы ей позволили прийти. Но я не согласился на это, так как всегда возможна какая-нибудь неприятность — сотрясение почвы вызовет обвал или что-нибудь вроде этого. Я думаю, что и вам незачем оставаться здесь. Лучше уходите и оставьте меня одного.

Я ответил, что никогда не соглашусь на это и что нельзя возлагать такое дело на одного человека.

— Пожалуй, вы правы, — признал Орм, — я могу лишиться чувств или со мной вдруг случится что-то еще. Я даже жалею, что мы не подумали над тем, чтобы управлять взрывом, находясь во дворце, а это можно сделать, присоединив к остальным телефонные провода. Но честно говоря, я не уверен, что с нашей батареей все в порядке — аккумуляторы у нас слабые, на них действуют и время, и климат, и я побоялся, что на большом расстоянии они могут не сработать. Поэтому я и решил произвести взрыв отсюда. Ага, телефон звонит. Алло! Что они скажут нам?

Я взял телефонную трубку и услышал веселый и бодрый голос Хиггса, сообщавшего, что они благополучно добрались до маленькой передней в покоях Македы.

— Дворец кажется совсем безлюдным, — прибавил он. — Мы встретили только одного часового. Должно быть, все, кроме Македы и нескольких ее служанок, убежали, опасаясь, что на дворец могут упасть обломки скал после взрыва.

— Это вам сказал часовой? — спросил я Хиггса.

— Да. Кроме того, он не позволял нам войти сюда и настаивал, что мы действуем вопреки воле Джошуа, запретившего язычникам приближаться к личным покоям Дочери Царей. Ну, мы не стали с ним долго разговаривать, и он убрался, пригрозив, что идет доложить начальству.

— Что с Квиком? — спросил я.

— Ничего особенного. Он что-то бормочет в углу и напоминает впавшего в меланхолию разбойника, так он увешан винтовками, револьверами и ножами… Алло! Подождите минутку!

Последовала довольно долгая пауза, потом снова раздался голос Хиггса.

— Все в порядке, — доложил он, — только одна из прислужниц Македы услышала наши голоса и вышла посмотреть, кто здесь. Когда Македа узнает, что это мы, она, наверное, выйдет — девушка сказала, что она страшно взволнована и не спит.

Хиггс оказался прав, не прошло десяти минут, как телефон зазвонил снова. На этот раз говорила Македа, и я немедленно передал трубку Оливеру и отошел в дальний угол комнаты.

Орм долго разговаривал с ней, потом, прекратив разговор, указал на часы, лежавшие рядом с батареей, и произнес:

— Без пяти минут десять…

О эти последние пять минут! Они казались нам веком! Мы сидели, как каменные статуи, не шевелясь, погруженные в собственные мысли, хотя лично я утратил ясность мышления — я только, не отрываясь, смотрел во все глаза на циферблат часов, и в неверном свете лампы секундная стрелка на нем вырастала до невероятных размеров и металась от стены к стене…

Орм начал считать вслух: «Раз, два, три, четыре, пять — взрыв!» — и нажал кнопку батареи. Мощный утес над нами содрогнулся, и огромный многотонный камень, укрепленный над дверью комнаты, где мы находились, упал и наглухо загородил единственный вход.

На некотором расстоянии от нас с ужасным грохотом падали другие камни и обломки скал, а сам я каким-то образом очутился на полу, поскольку из под меня выскользнул стул. Потом издали донесся страшный глухой раскат грома, и одновременно с ним промчался вихрь. Промчался там, где воздух был всегда недвижим и спокоен с самого сотворения мира. Наши лампы погасли. Еще через минуту раздался гул, как будто что-то огромное и тяжелое упало на землю на большом расстоянии от нас.

Потом все успокоилось. Нас окружали мертвая тишина и мрак.

— Кончено, — сказал Оливер каким-то чужим голосом, звучавшим слабо и отдаленно в окружавшем нас непроглядном мраке. — Хорошо ли, плохо ли, но кончено. Хотел бы я знать, — продолжал он, говоря как бы сам с собой, — какой вред около полутора тонн этого ужасного азо-имида нанесли старому сфинксу. Ничего не поделаешь, придется подождать — узнаем, когда увидим. Чиркните спичкой, Адамс, и зажгите лампы. Что такое? Слушайте!

Речь его неожиданно прервалась доносившимися откуда-то издалека приглушенными звуками, в которых нельзя было не узнать ружейные выстрелы.

Я стал ощупью шарить в темноте, нашел телефонную трубку и приложил ее к уху. Мгновенно все стало ясно. Из ружей стреляли у другого конца провода, и выстрелы эти раздавались в телефонной трубке. Совсем глухо, но отчетливо я услышал голос Хиггса: «Эй, сержант, там еще одна группа». И Квик ответил ему: «Стреляйте спокойнее, профессор, умоляю вас, не торопитесь. Вы расстреляли всю обойму. Заряжайте, заряжайте! Вот обойма. А! Этот дьявол попал в меня, но я ему ответил тем же — больше он никогда не будет бросать копья!»

— На них напали! — воскликнул я. — Квика ранили. Теперь Македа говорит с вами. Она призывает: «Оливер, приходи! Слуги Джошуа напали на меня! Оливер, приходи!»

В трубке раздался взрыв криков, в ответ последовали еще более частые выстрелы, и в то самое мгновение, когда Оливер вырвал из моих рук телефонную трубку, голос замолк. Напрасно звал он Македу. С таким же успехом он мог призывать планету Сатурн…

— Провод оборван! — крикнул он, швыряя телефонную трубку и хватая светильник, который Яфету наконец-то удалось зажечь. — Скорее! Их там убивают! — и он бросился к двери, но тут же отступил назад, увидев огромный камень, заваливший вход.

— Мы заперты! — пробормотал он. — Как же выбраться отсюда? Как выбраться? — И он начал метаться по комнате и даже пытался вскарабкаться на стену, подобно испуганной кошке. Трижды он прыгал, пытаясь добраться до карниза, потому что комната была без потолка, и трижды срывался и падал на пол. Я ухватил его поперек туловища и силой удержал на месте, хотя он и пытался вырваться из моих рук.

— Успокойтесь, — сказал я, — вы хотите разбиться? На что вы будете годны, если поранитесь или убьете себя? Дайте мне подумать.

Тем временем Яфет, который тоже слышал звуки в телефонной трубке и понял, в чем дело, действовал на свой страх и риск. Сначала он подбежал к огромному камню, загородившему вход, и попытался его столкнуть. Это ему не удалось: и слон не сдвинул бы этот камень с места. Тогда он отступил немного назад и внимательно осмотрел его.

— Я думаю, доктор, сюда можно влезть, помоги мне. — И он указал на один из концов массивной плиты, на которой стояла электрическая батарея. Мы подтащили плиту к дверям, и Оливер, поняв намерение Яфета, вскочил на нее вместе с горцем. Потом по его указанию Орм уперся лбом в камень и

сделал то, что школьники называют «козлом», а Яфет влез ему на плечи, пальцами ног и рук цепляясь за неровности камня, взобрался вверх по нему и очутился на карнизе стены в двадцати футах над полом.

Остальное уже не представляло больших трудностей. Яфет скинул свой полотняный плащ, скрутил из него веревку и спустил нам. С ее помощью меня подняли наверх, а потом мы оба втащили Оливера, который, не говоря ни слова, перебросил тело через стену, повис, уцепившись за вытянутые руки Яфета и спрыгнул вниз с другой стороны. Теперь настала моя очередь. Я долго летел вниз, и если бы Оливер не подхватил меня, я, наверное, разбился бы насмерть. Наконец Яфет соскочил со стены и мягко, как кошка, опустился на землю. Еще раньше он успел передать нам лампы, и теперь они уже горели. Мгновение спустя мы бежали по обширной пещере.

— Осторожнее! — крикнул я. — Тут могут валяться обломки скал.

В эту минуту Оливер зацепился ногой за камень и упал, сильно ударившись. Он тотчас вскочил на ноги, но мы теперь уже не могли бежать с той же скоростью, потому что кругом валялись сотни многотонных скал и камней, упавших с потолка и загородивших дорогу. Наконец мы добрались до выхода из пещеры и в ужасе остановились: взрывная волна, ударившись об угол пещеры, завалила его обломками скал, которые катила перед собой.

— Мы заперты! — воскликнул Оливер в отчаянии.

Но Яфет с лампой в руке уже прыгал с камня на камень и вскоре крикнул, чтобы мы следовали за ним.

— Здесь есть проход, хотя он очень опасен, — показал он на отверстие в стене. С трудом, подвергаясь каждое мгновение смертельной опасности из-за того, что камни еле держались, мы выбрались наконец в первую пещеру и побежали к массивной входной двери, не переставая думать о том, что снаружи она может быть закрыта. Наших слабых сил ни за что не хватит на то, чтобы открыть ее изнутри. К счастью, эти страхи не оправдались — порыв ветра сорвал дверь с петель, и она лежала на полу, разбитая в щепы.

Пробегая по безлюдному и погруженному во мрак дворцу, мы в одной из комнат натолкнулись на первые признаки разыгравшейся здесь трагедии: на полу видны были следы крови.

Внезапно из темноты выскочил какой-то человек, как козел из-за куста, и побежал от нас, прижимая рукой бок, — у него, по-видимому, была тяжелая рана. Наконец мы добрались до коридора, ведущего в собственные покои Дочери Царей, и здесь нам пришлось буквально пробираться по телам мертвых и умирающих людей. Один из них, как я заметил, — в такие

минуты всегда особенно запоминаются разные мелочи — держал в руке оборванный провод нашего полевого телефона. Возможно, он оборвал его в предсмертной агонии, и в это мгновение сообщение с дворцом оказалось прерванным.

Мы вбежали в маленькую прихожую, освещенную несколькими лампами, и увидели картину, которую я никогда в жизни не забуду.

Здесь возвышалась груда убитых, и у всех у них была одежда цветов принца Джошуа. В глубине комнаты на стуле сидел сержант Квик, буквально изрешеченный стрелами, одна из которых торчала у него в плече. Македа прикладывала к его голове мокрое полотенце, но описывать эту голову и раны на ней я не стану.

Тут же, прислонившись к стене стоял Хиггс, окровавленный и почти потерявший сознание. Сзади, рядом с Македой, две или три женщины плакали и ломали руки. Увидев это ужасное зрелище, мы словно остолбенели. Никто из нас не произнес ни слова, все мы утратили дар речи.

Умирающий Квик открыл глаза, поднял руку, на которой зияла рана от удара мечом, поднес ее ко лбу, как бы желая заслонить свет, — о как памятно мне это движение! — и из-под ладони взглянул на нас. Потом поднялся со стула, дотронулся до горла, чтобы показать, что не может говорить, поклонился Орму, повернулся и указал на Македу; с торжествующей улыбкой упал — и умер.

Таков был славный конец сержанта Квика.

Что случилось дальше, я помню смутно. Помню только, что Оливер и Македа упали в объятия друг друга, потом она выпрямилась над телом Квика и сказала:

— Здесь лежит тот, кто показал нам, как нужно умирать. Он настоящий герой, о Орм, и ты должен вечно чтить его память, потому что он спас меня от худшего, чем смерть.

— Что здесь произошло? — спросил Оливер у Хиггса.

— Сначала все шло прекрасно, — ответил тот, — как я и сообщил вам по телефону. Потом вы долго беседовали с Македой, пока не прервали разговор, чтобы объяснить что-то Яфету. Ровно в десять мы услышали взрыв. А когда мы уже собрались пойти посмотреть, что же случилось, пришел Джошуа и заявил, что идол Хармака разрушен, и потребовал, чтобы Македа «из государственных соображений» последовала за ним в его замок. Она отказалась, он настаивал, и я счел нужным попросту выставить его за дверь. Больше мы его не видели, но через несколько минут из коридора тучей полетели стрелы, а за ними ворвались люди, кричавшие: «Смерть язычникам! Спасайте Дочь Царей!»

Мы начали стрелять и перебили уйму народа, но тут ранили Квика. Три раза они нападали на нас и трижды мы отбивали натиск. Наконец у нас вышли все патроны и остались только револьверы, которые мы тоже разрядили в них. Это задержало их лишь на мгновение, потом они снова двинулись на нас, и казалось, все было кончено.

Но тут Квиком овладела ярость. Он схватил меч какого-то погибшего абати и бросился на толпу, ревя, как бык. Его били и кололи копьями и мечами, но в конце концов он вытеснил негодяев из коридора.

И только когда они убрались совсем, сержант свалился. С помощью женщин я перенес его сюда, но он уже не сказал больше ни слова, и в это время подоспели вы. Он умер, — мир праху его! — и если вообще существуют герои, то имя одного из них — Сэмюэль Квик! — И профессор отвернулся, поднял на лоб свои синие очки, которых никогда не снимал, и вытер рукой глаза.

С тоской и горечью мы подняли тело Квика, перенесли в спальню Македы и положили на ее собственное ложе. Она сама настояла на этом, ибо человек, отдавший за нас жизнь, не должен лежать где-то в другом месте. Я обмыл его лицо, и оно казалось теперь мирным и даже красивым.

В передней комнате, пока я перевязывал раны профессора от удара мечом по голове, от копья на бедре, царапину от стрелы на лице, причем все они, к счастью были неглубоки и неопасны, — мы держали военный совет.

— Друзья, — сказала Македа, опиравшаяся на руку своего возлюбленного, — нам не следует оставаться здесь. Замысел моего дяди не удался потому, что он действовал один и был слаб, но я боюсь, что вскоре он вернется сюда и приведет за собой тысячи людей, и тогда…

— Что ты намерена делать? Бежать из Мура? — предположил Орм.

— Разве мы можем бежать, — ответила она, — если проход охраняют люди Джошуа, а у выхода нас караулят фенги? Абати ненавидят вас, друзья, они щадили вас до сих пор, но теперь, когда дело завершено, они захотят убить вас. И зачем только я призвала вас в эту неблагодарную страну! — И она заплакала, а мы беспомощно глядели друг на друга.

Но Яфет, все это время наблюдавший за нами, бормоча молитвы за Квика, которого он очень любил, подошел к Дочери Царей и распростерся перед ней ниц.

— О Вальда Нагаста, — сказал он, — выслушай твоего слугу. Всего в трех милях отсюда, близ устья прохода, стоят пятьсот человек горцев, которые ненавидят принца Джошуа и его друзей. Беги к ним, Вальда Нагаста, потому что они будут защищать тебя и повинуются мне, которого

ты поставила начальником над ними.

Македа вопросительно взглянула на Оливера.

— Я полагаю, что совет этот хорош, — сказал он. — Во всяком случае, среди горцев нам будет не хуже, чем здесь, в этом неукрепленном месте. Вели своим женщинам принести плащи, чтобы мы могли завернуться в них с головой, и идем.

Пять минут спустя мы перешли подъемный мост за никем не охраняемыми боковыми воротами дворца и смешались с толпой, заполнившей площадь. Пройдя неузнанными через площадь, мы обратили внимание на то, что все находившиеся здесь мужчины, женщины и дети, указывали друг другу на огромный утес, висевший позади дворца.

Мимо проезжал отряд солдат, прокладывая себе дорогу сквозь толпу, и мы сочли благоразумным скрыться ненадолго в тени какого-то здания. Но нам хотелось увидеть, что привлекло внимание людей. Мы обернулись и взглянули на утес. В это мгновение луна выглянула из-за облаков, залила светом окрестности и мы увидели зрелище, которое при теперешних обстоятельствах наполнило трепетом наши сердца.

Утес возвышался не менее чем на полтораста футов над землей, и вершина его была слегка заострена. Сейчас же его форма изменилась, потому что на нем, глядя на Мур сверху, лежала голова львиноподобного сфинкса, идола фенгов.

— О! — воскликнул Яфет. — Прорицание сбылось: голова Хармака прилетела в Мур и уснула здесь!

— Ты хочешь сказать, что мы прислали ее сюда? — прошептал в ответ Хиггс.

— Да, — вмешался я, — там, в пещере, мы ощутили толчок от падения ее на утес.

— Я не знаю, что принесло ее сюда, — казалось, Яфета совсем сбило с толку все, что он видел. — Я знаю только, что пророчество осуществилось и что Хармак пришел в Мур, а туда, где находится Хармак, должны последовать за ним фенги.

— Все к лучшему, — произнес Хиггс. — Я смогу зарисовать ее и сделать обмеры.

Но я видел, что Македа дрожала, так как и она считала это дурным предзнаменованием, и даже Оливер молчал, быть может опасаясь того впечатления, которое все это произведет на абати.

А впечатление было сильное, и это явствовало из раздававшихся вокруг нас возгласов. Нас, язычников, все проклинали, говоря, что мы не уничтожили идола фенгов, как обещали, а только помогли ему перелететь в

Мур.

— Какое счастье, — сказал я, когда мы насмотрелись на это необычное зрелище, — что он не пролетел немного дальше и не упал на дворец.

— О, если бы это было так, — прошептала Македа со слезами в голосе, — я была бы, по крайней мере, свободна от всего, что так угнетает меня.

Глава XVII. Как я нашел моего сына и что случилось потом

Чтобы добраться до горцев, стоящих у устья прохода, нам пришлось пройти через лагерь, в котором расположилось вновь набранное войско абати, и во время путешествия мы так явственно увидели степень безволия и деморализации этого народа, как никакие доклады не могли бы рассказать нам. Где должны были стоять часовые, их не было; где должны были находиться солдаты, группы офицеров болтали с женщинами, а в помещениях для офицеров денщики пили вино.

Мы прошли незамеченными через лагерь — во всяком случае, нас никто не остановил и не спросил, кто мы такие, — и наконец добрались до отряда горцев. Это были в большинстве своем бедные люди, жившие по отрогам гор, окружавших Мур, и они имели мало общего со своими более зажиточными соплеменниками из долины. В условиях тяжелой борьбы за существование они сохранили первоначальные человеческие доблести, были отважными воинами и преданными друзьями.

Едва вступив в пределы их лагеря, мы увидели разницу между ними и остальными абати. Нас немедленно остановил патруль. Яфет шепнул что-то на ухо старшему, и тот внимательно поглядел в нашу сторону. Потом поклонился укутанной в плащ Дочери Царей и повел нас туда, где начальник всего отряда, седобородый старик, и его подчиненные сидели у огня и разговаривали. По знаку или слову, которого мы не расслышали, старик встал со своего места и сказал:

— Пусть не обидятся наши гости, но я прошу вас показать свои лица.

Македа откинула назад полу своего плаща и повернулась так, чтобы свет луны упал на ее лицо. Старый воин опустился перед ней на колени и спросил:

— Что повелишь, о Вальда Нагаста?

— Собери своих воинов, и я скажу, чего хочу от них, — ответила она и села на скамью у огня, а мы трое и Яфет встали за ее спиной.

Вскоре горцы собрались и окружили нас с трех сторон. Всего их было немногим более пятисот человек. Тогда Македа встала на скамью, на которой сидела до того, сбросила плащ, чтобы все могли видеть ее лицо, освещенное огнем костра, и заговорила, обращаясь к ним.

Она рассказала им все: о нападении людей принца Джошуа, желавшего

взять ее в плен и увезти в свой замок; о сражении между ними, с одной стороны, и Хиггсом и Квиком, защищавшими ее, — с другой; о смерти Квика, который умер за нее; о том, что мы пришли, выполнив свое дело и разрушив идола фенгов, и она просила теперь защиты против Джошуа и тех, кто вместе с ним злоумышлял против нее.

— Мы будем защищать тебя! — закричали горцы в ответ. — Что прикажешь нам, о Дочь Царей?

Македа собрала на совет военачальников горцев и по очереди у каждого спросила совета. Некоторые из них настаивали на том, что необходимо немедленно найти, где скрывается Джошуа, и сейчас же напасть на него.

— Раздави голову гадюке, и ее хвост скоро перестанет двигаться! — говорили они, и, должен признаться, мы соглашались с этим мнением.

— Нет! — воскликнула она. — Я не могу начинать войну со своим народом, зная, что у наших ворот стоят враги! — И тихо прибавила, обращаясь к нам: — К тому же этих храбрецов слишком мало, а у Джошуа несколько тысяч воинов.

— Что же в таком случае остается делать? — спросил Орм.

— Вернуться во дворец вместе с горцами и с их помощью защищаться там против наших врагов.

— Прекрасно, — согласился он, — для нас все пути хороши.

— Совершенно верно, — подтвердил Хиггс, — и чем скорее мы пойдем, тем лучше, потому что нога у меня начинает сильно болеть и мне очень хочется спать.

Македа отдала распоряжение начальникам горцев, а те передали его своим подчиненным, которые немедленно стали готовиться выйти из лагеря.

И здесь после всех несчастий, горя и сомнений произошло самое счастливое событие в моей жизни.

Я очень устал и сидел на скамье, ожидая команды выступать в поход, изредка поглядывая на Оливера и Македу, серьезно беседовавших неподалеку от меня, и время от времени пытаясь помешать сидевшему рядом со мной Хиггсу окончательно заснуть. Внезапно я услышал шум и при ярком лунном свете увидел, что отряд абати ведет к нашему лагерю какого-то человека. По одежде я узнал, что эти воины из отряда, охраняющего нижние ворота в ущелье.

Я не обратил на это особого внимания, думая, что они, вероятно, захватили какого-нибудь шпиона, пока ропот всеобщего изумления не дал мне понять, что произошло что-то необычайное. Я поднялся и направился к

этому человеку, которого скрывала от меня группа горцев. При моем приближении они расступились и поклонились мне с уважением и удивлением, взволновавшими меня, сам не знаю почему.

И тут я увидел пленника. Это был высокий крепкий юноша, одетый в праздничный наряд, с тяжелой золотой цепью на шее. Я с удивлением подумал, что могло понадобиться ему здесь. Он повернул голову, и луна осветила его красивые черты: темные глаза, продолговатое лицо, небольшую остроконечную черную бородку. Я сразу узнал его.

Это был мой сын Родрик!

Спустя мгновение я впервые после стольких лет заключил его в свои объятия.

Не стану подробно описывать все, что случилось потом. Окруженные отрядом горцев, мы, несмотря на сопротивление преданных Джошуа войск, пробились во дворец. На площади перед нем мы выдержали настоящий бой, но проложили себе дорогу. Войдя во дворец, мы увидели, что пристройка, в которой находились покои Македы, догорает: из-за какого-то несчастного случая там вспыхнул пожар, в котором сгорело тело бедняги Квика.

На следующее утро выяснилось, что у нас почти нет провизии. Три дня мы удерживали дворец, и воины Джошуа даже не пытались атаковать нас; на четвертый день они подожгли его стрелами, к которым были привязаны куски горящей пакли, и дворец запылал, как факел. Горцы, измученные голодом и непривычной осадой, которая сильно действовала на них, привыкших к открытому бою, решились на вылазку, но она оказалась безуспешной, и многие воины в ней погибли.

Во дворце, вернее, за его оградой, потому что здание догорало, нас осталось шестеро: Македа, Оливер, Хиггс, я, Родрик и верный Яфет. Захватив лампы, мы скрылись в подземный город, а проход в него завалили камнями.

Не стану описывать муки голода и тьму, окружившую нас, когда кончилось масло в лампах. Три дня мы пробыли в полном мраке, совсем без еды. Только Македу нам удавалось заставить есть сохранившиеся для нее сухари, и то мы вынуждены были делать вид, что тоже едим, в то время как только пили воду. К счастью, воды у нас было достаточно, не то мы наверное погибли бы от жажды.

Наконец Яфет, не выдержав, выдал нас Джошуа, который и не подозревал, что мы живы, — абати думали, что мы сгорели заживо во дворце, и лишь удивлялись, не находя наших обгорелых трупов.

Как за нами пришли, я не помню. Все мы к тому времени впали в

забытье, а когда очнулись, то находились в светлой комнате, куда слуги вскоре принесли еду — сначала только жидкий суп, потом более существенную пищу. Они не говорили нам ни о том, где мы находимся, ни о том, что с нами будет, ни о том, где Македа. Снаружи до нас неоднократно доносились крики разъяренной толпы, требовавшей нашей смерти, а по взглядам, которые слуги бросали на нас, было ясно, что они тоже нас ненавидят.

Когда мы немного окрепли, то узнали, что вскоре предстанем перед верховным судилищем, возглавлять которое будет Македа. Впервые за долгое время мы опять услышали ее имя, и нас как гром поразило, что она будет судить нас. Такого предательства с ее стороны никто из нас не ожидал.

Настал день суда. Нас окружили три ряда воинов, чтобы охранять от ярости толпы, требовавшей смерти язычников и готовой тут же растерзать нас, и повели. Перед тем двинуться в путь, я успел дать своим спутникам по таблетке сильного яда, чтобы они могли принять его и сразу окончить свои мучения, если мы будем подвергнуты пытке.

Абати совсем оправились от своего страха перед фенгами, и улицы были заполнены возбужденной и злорадствующей толпой. Нас привели в зал суда, и там мы увидели весь Совет, Джошуа и Македу, сидевшую на троне и одетую в пышный наряд, с вышитым звездами покрывалом на голове. Какой-то человек, напоминающий прокурора, начал обвинительную речь.

Здесь произошло нечто удивительное. Хотя меня и поразило, что Македа не ответила на приветствия, с которыми каждый из пленников обратился к ней, заняв место, указанное сопровождавшими нас солдатами с обнаженными мечами, но того, что произошло дальше, никто из нас не ожидал. Из речи прокурора мы узнали, что, поступив на службу к абати, мы изменнически воспользовались своим положением, чтобы разжечь в стране междоусобную войну, в которой погибло много народу, и что мы повинны в том, что многих убили своими руками — мы и наш ныне покойный товарищ. Кроме того, мы виновны в том, что сожгли дворец Македы, и — это составило самое большое наше преступление — посягнули на священную особу самой Дочери Царей, Вальды Нагасты, силой заставив ее пойти с нами в подземный город, откуда ее спас один из наших сообщников, ныне раскаявшийся Яфет.

В обвинительной речи ни слова не говорилось о преступной любви Оливера к Македе, и хоть это обрадовало нас. Когда прокурор спросил, согласны ли мы с тем, в чем нас обвиняют, Оливер ответил от лица всех

нас, что мы действительно сражались и убивали и потом скрылись в пещере, но что касается всего остального, сама Дочь Царей, зная правду, может сказать, что сочтет нужным.

Раздались крики присутствующих:

— Они признали себя виновными! Приговорите их к смерти! К смерти!

Судьи встали со своих мест, окружили Македу и начали совещаться с ней.

Наконец совещание окончилось. Судьи вновь заняли свои места, и Македа подняла руку. Воцарилась тишина, и Вальда Нагаста заговорила холодным, ясным голосом.

— Язычники, — сказала она, обращаясь к нам, — вы признали свою вину по всем пунктам, по которым вас здесь обвинили, и даже в том, что похитили меня и силой заставили пойти с вами в подземный город, полагая, что я могу стать залогом вашей неприкосновенности.

Мы слушали ее, совершенно потрясенные, и молчали.

— За это, — продолжала Македа, — вы достойны того, чтобы вас приговорили к жестокой смерти.

Она помолчала немного, потом заговорила снова.

— Но в моей власти не казнить вас, и я вас не казню. Я повелеваю, чтобы сегодня же вы и все ваше имущество, оставшееся в подземном городе и в других местах, включая верблюдов для вас самих и для ваших вещей, были высланы из Мура, и если кто-либо из вас вернется сюда, его немедленно передадут в руки палачей. Я делаю это затем, что при вашем прибытии с вами был заключен определенный договор, и хотя вы и глубоко виноваты передо мной, я не хочу, чтобы на славное имя абати пала хотя бы тень подозрения. Уходите, чужестранцы, и чтобы мы никогда больше не видели ваших лиц!

Толпа вновь заволновалась, и раздались возбужденные крики:

— Нет! Убей их! Убей их!

Когда шум утих, Македа заговорила снова:

— О благородные и щедрые абати! Вы согласитесь, я знаю, помиловать их. Вы не захотите, чтобы в дальних странах, о которых вы могли не слышать, но где живут народы, почитающие себя не менее славными, чем вы, — нет, вы не захотите, чтобы там сочли вас жестокими. Мы сами призвали этих псов, чтобы затравить для нас дичь, львиноголового зверя, целое племя фенгов, и, по справедливости, они выполнили свою работу. Поэтому не мешайте им убежать с той костью, которую они заслужили. Что значит лишняя кость для богатых абати, лишь

бы их священную землю не обагрила кровь этих псов-язычников!

— Пусть идут! Дайте им их кость! — раздались крики. — Привяжите ее к их хвостам, и пусть они бегут с ней!

— Так и будет, о мой народ! А теперь, раз мы покончили с этими псами, вот что я хочу сказать вам. Быть может, вам казалось или вы слышали, что я увлеклась этими чужестранцами, и в особенности одним из них. — Она взглянула на Оливера. — Так вот, есть такие псы, которые не хотят работать, пока их не погладят по голове. И я гладила его, потому что он умный и знающий пес, который умеет делать многое, чего мы не умеем — например, знает, как разрушить идола фенгов. О абати, неужели кто-нибудь из вас действительно поверил, что я, потомок древней крови Соломона и царицы Савской, я, Дочь Царей, могла подумать о том, чтобы отдать свою руку язычнику, который пришел сюда ради награды? Неужто вы могли подумать, что я, торжественно обрученная с принцем Джошуа, моим дядей, могла хоть на мгновение, предпочесть ему этого человека? — И она снова бросила взгляд на Оливера, который сделал движение, как бы желая что-то сказать. Но не успел он открыть рот, как Македа заговорила снова:

— Знайте же, что все это я сделала ради спасения моего народа и завтра вечером приглашаю вас всех на свадьбу, когда, по древнему обычаю, я разобью свой стакан о стакан того, кто следующей ночью будет моим супругом. — И, поднявшись со своего места, она трижды поклонилась, а потом протянула руку Джошуа.

Он тоже встал, надувшись, как индюк, взял ее руку, поцеловал и пробормотал несколько слов, которые мы не расслышали.

Толпа ликовала и шумела, а потом среди внезапно наступившего молчания ясно зазвучал голос Оливера.

— Госпожа, — сказал он холодным тоном, но с оттенком горечи, — мы, «язычники», слышали твои слова. Мы благодарны тебе за то, что ты признала наши заслуги, а именно разрушение идола фенгов, которое стоило нам немалых трудов. Мы благодарим тебя и за то, что ты в награду за нашу службу позволяешь нам уехать из Мура, где нас оскорбили жестокими словами, позволяешь взять с собой то, что осталось из наших вещей, а не предаешь пыткам и смерти, хоть это во власти твоей и твоего Совета. Разумеется, этот блестящий пример щедрости твоей и всех абати мы никогда не забудем и всюду будем твердить об этом. Мы надеемся также, что ваш поступок дойдет до слуха дикарей фенгов, и они, быть может, поймут наконец, что истинное величие и благородство не в войне и жестоких деяниях, а в сердцах людей. Теперь же, Вальда Нагаста, я

обращаюсь к тебе с последней просьбой: я хочу еще раз увидеть твое лицо, чтобы увериться, что с нами говорила и в самом деле ты, а не какая-нибудь из твоих подданных, скрывшаяся под твоим покрывалом, и если это действительно так, я хочу увезти с собой воспоминание об истинном образе женщины, такой преданной своей стране и благородной по отношению к гостям, какой ты предстала перед нами сегодня.

Она выслушала его, потом медленно откинула покрывало, и я увидел лицо, которого никогда раньше не видел. О, это была Македа, это, без сомнения, была она, но как она изменилась! Лицо ее было бледно, глаза сверкали, как угли, губы крепко стиснуты. Но всего необычнее было выражение лица, одновременно вызывающе насмешливое и страдающее, оно так подействовало на меня, что я его никогда не забуду. Признаюсь, я не мог прочесть на этом лице ровно ничего, но был глубоко убежден, что женщина эта насквозь лжива и ее угнетает собственная лживость. И величайшей победой ее искусства явилось то, что при создавшихся обстоятельствах ей удалось убедить меня и сотню людей, впившихся в нее глазами, в своей лживости и порочности.

На мгновение ее глаза встретились с глазами Оливера, но хотя он ловил ее взгляд с тоской и отчаянием, я не мог заметить у нее ни малейшего сочувствия, ни капли тепла, а видел только высокомерие и насмешку. Потом с коротким смешком она опустила покрывало, отвернулась к Джошуа и заговорила с ним.

Оливер несколько секунд стоял не двигаясь, и за это время Хиггс успел шепнуть мне:

— Ну, разве это не ужасно?! Я предпочел бы вернуться в львиную пещеру, только бы не видеть эту сцену.

Рука Оливера потянулась к револьверу, но его, разумеется, не было. Потом он начал шарить по карманам, нашел таблетку с ядом, которую я дал ему, и поднес к губам. Но в то мгновение, когда она коснулась его губ, мой сын, стоявший рядом, вышиб ее у него из руки и ногой раздавил в порошок.

Оливер поднял руку, как бы для того, чтобы ударить его, потом, не произнеся ни звука, упал без сознания. Македа, по-видимому, заметила все это, от меня не укрылась пробежавшая по ее телу дрожь, а пальцы ее так стиснули ручки трона, что совсем побелели. Но она сказала только:

— Этот язычник лишился чувств оттого, что недоволен вознаграждением. Унесите его отсюда, и пусть его товарищ, доктор Адамс, поможет ему. Когда он придет в себя, выведите их всех из Мура, как я приказала. Не забудьте, что оружие им можно вернуть только у выхода из

ущелья. И дайте им достаточно пищи, чтобы никто не мог сказать, что мы сохранили им жизнь, но позволили умереть от голода у наших ворот.

Она махнула рукой, чтобы показать, что заседание окончилось, встала со своего места и удалилась в сопровождении слуг, военачальников и всей свиты.

В окружении отряд воинов мы вернулись в то самое помещение, откуда нас повели на суд, пройдя сквозь толпу, осыпавшую нас бранью и насмешками. Оливера несколько воинов несли на носилках.

Через некоторое время мне удалось привести его в чувство, он приподнялся, выпил немного воды и обратился к нам совсем спокойно:

— Вы видели все, друзья, и объяснять мне вам нечего. Только об одном прошу: никогда не говорите со мной о Македе и не упрекайте ее. У нее, наверное, были свои причины вести себя именно таким образом, к тому же она иначе воспитана и у нее совсем иные понятия о чести. Не будем осуждать ее. Я был глупцом, вот и все, и теперь я пожинаю плоды своего безумия или, вернее сказать, уже пожал их. Давайте пообедаем — ведь мы не знаем, когда нам снова придется поесть.

Мы молча выслушали его, и только Родрик, как я заметил, отвернулся, чтобы скрыть улыбку, которая тогда сильно удивила меня.

Едва мы поели или сделали вид, что поели, как в комнату вошел военачальник и грубо сказал, что нам пора выезжать. Несколько слуг, пришедших вместе с ним, бросили нам одежды и четыре превосходных плаща из верблюжьей шерсти, чтобы было чем укрыться от ночной стужи. Мы сбросили с себя лохмотья и переоделись в эти одежды, потом сложили все остальные вещи.

Теперь мы были одеты как знатные абати. Нас вывели к воротам, и здесь нас ожидал целый караван верховых верблюдов. Едва взглянув на этих животных, я понял, что это лучшие верблюды, каких только можно найти во всей стране, и что ценность их чрезвычайно велика. Верблюд, к которому подвели Оливера, принадлежал самой Македе — это было ее любимое животное, которое она часто предпочитала лошади. Бедняга тоже сразу узнал его и покраснел до корней волос от этого неожиданного знака внимания, единственного, который он увидел со стороны Македы.

— Пора, язычники, — торопил военачальник, — сосчитайте свое имущество и убедитесь, что мы ничего не украли у вас. Вот ваше оружие, но получите вы его только тогда, когда мы выедем на равнину, чтобы вы не смогли никого убить по дороге. На этих верблюдах навьючены ящики, в которых вы привезли с собой волшебные средства, разрушившие идола фенгов. Мы нашли их в пещере и возвращаем вам запакованными, как есть,

не заботясь о том, пусты они или наполнены чем-нибудь. (Я забыл сказать, что во время нашей осады в пещере, пока еще оставалось масло в лампах, Хиггс собрал в пустые ящики из-под взрывчатых веществ все наиболее ценное из клада древних царей.)

— Адамс, эти верблюды, — и он указал на двух других животных, — навьючены золотом, которое Дочь Царей дает вам в оплату за ваши труды, требуя, однако, чтобы вы открыли ящики не раньше, чем достигнете Египта или вашей родной страны, потому что она не желает спора с вами из-за вознаграждения. На остальных верблюдах — вьюки с пищей, а два верблюда даны вам в качестве запасных. Садитесь же, и в путь.

Мы взобрались на вышитые седла опустившихся на колени дромадеров и спустя некоторое время уже ехали через Мур по направлению к устью прохода. Нас сопровождала охрана, а кругом шумела толпа, постоянно пытавшаяся напасть на нас, однако всякий раз страже удавалось оттеснить ее назад.

Хиггс наклонился со своего верблюда и зашептал мне, что он безумно счастлив, ведь если бы не интуиция, заставившая его сложить в ящики все, что было интересного в Могиле Царей, мы не увезли бы с собой такого бесконечно ценного груза.

— Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — начал он, но в это время в переносицу ему попало гнилое яйцо, залепило нос и очки, и он вынужден был замолчать. Он представлял собой настолько смешное зрелище, что я расхохотался и вдруг почувствовал, что на душе у меня стало легче, потому что тучи, окружавшие нас, казалось, начали понемногу рассеиваться.

У устья прохода мы увидели Джошуа, пышно одетого и больше, чем когда-либо, напоминавшего свинью, сидящую на лошади.

— Счастливого пути, язычники, — сказал он, насмешливо кланяясь нам. — Слушай, ты, Орм! Вальда Нагаста просила меня кое-что сказать тебе. Она очень сожалеет, что не может заставить тебя присутствовать на ее свадьбе, так как уверена, что если вы останетесь в Муре еще на один день, народ разорвет вас в клочья, а она не хочет, чтобы священную землю Мура обагрила ваша песья кровь. Кроме того, она просила передать: она надеется, что твое пребывание здесь послужит тебе хорошим уроком. Теперь ты будешь знать, что не всякая женщина, желающая использовать тебя в своих целях, становится жертвой твоих чар. Прошу вас завтра и послезавтра вспомнить о нас и выпить чашу вина за наше счастье, за счастье Вальды Нагасты и ее супруга… Что же? Разве ты не желаешь мне счастья, о язычник?

Орм побледнел, как полотно, и пристально поглядел на него. Потом заговорил спокойным голосом, и серые глаза его странно сверкали.

— Принц Джошуа, кто знает, что может случиться, прежде чем солнце трижды взойдет над Муром? Все то, что хорошо начинается, не всегда хорошо кончается — я узнал это, и ты тоже, быть может, узнаешь. День расплаты рано или поздно настанет для тебя, и ты так же будешь обманут и предан, как был обманут и предан я. Лучше бы ты просил у меня прощения за оскорбления, которым в час твоего торжества ты не постыдился подвергнуть человека, бессильного ответить на них. — И он тронул своего верблюда.

Мы последовали за ним, и, проезжая мимо Джошуа, я увидел, что его лицо побледнело так же, как лицо Оливера, а его большие круглые глаза выкатились, совсем как у рыбы.

— Что он хотел сказать этим? — испуганно спросил Джошуа у своих спутников. — Надеюсь, он не напророчит нам зла. Даже теперь еще не поздно… Нет, пусть он едет. Я не хочу нарушить слово, данное мною Дочери Царей. Пусть едет! — И он со страхом и ненавистью глянул на Оливера.

Больше мы никогда не видели Джошуа, дяди Македы и знатнейшего принца абати.

Мы быстро проехали ущелье, оставляя за собой многочисленные укрепленные ворота, которые, пропустив нас, запирались. Миновав последние ворота, мы двинулись дальше, а сопровождавшие нас абати поторопились вернуться, из страха ли перед фенгами или желая принять участие в празднестве — не знаю. Послав нам вслед прощальное проклятие, они повернулись и оставили нас одних.

Выехав из ущелья, мы остановились на том самом месте, где несколько месяцев назад беседовали с Барунгом и где бедняга Квик наехал своим верблюдом на коня Джошуа, так что этот «герой» свалился на землю. Здесь мы привели в порядок наш караван, вооружились винтовками и револьверами и разделили между собой патроны, так как только теперь мы получили свое оружие.

Нам вчетвером предстояло вести довольно большой караван верблюдов, что вынуждало нас разделиться. Мы с Хиггсом отправились вперед, так как я лучше других был знаком с дорогой, Оливер поместился в центре, а Родрик замыкал шествие: у него были превосходные зрение и слух, и он хорошо умел управляться с верблюдами.

Направо от нас лежал город Хармак, и мы увидели, что он совершенно пуст. Фенги, очевидно, покинули страну.

Дальше наш путь лежал мимо долины Хармака, и там мы увидели огромного сфинкса, остававшегося все на том же месте, где он лежал много тысяч лет, и только голова его «улетела в Мур», а в плечах зияли большие темные дыры — результат взрыва. Из львиных пещер не доносилось ни звука. Без сомнения, все священные львы погибли.

Хиггс, археологический аппетит которого успел пробудиться с новой силой, предложил подъехать к сфинксу и произвести обмеры, но я поинтересовался, не сошел ли он с ума. Хиггс замолчал, и я знаю, что он до сих пор не простил мне этого.

Мы в последний раз взглянули на Хармак и быстро проехали мимо. Наш караван шел до наступления темноты; она настигла нас у тех самых развалин, где Шадрах пытался отравить Фараона, который позже перегрыз ему горло. Здесь мы решили остановиться на ночь.

Раньше чем рассвело, Родрик поехал вперед на разведку, и вернувшись, сообщил, что никого не встретил. Мы поели пищу, которой нас снабдили абати — не без опасения, что еда может оказаться отравленной — и решили ехать по направлению к Египту, тем более что дорога была нам знакома.

У нас, правда, возник спор, не попытаться ли поехать по северной дороге, о которой говорил в свое время Шадрах и которая была короче, но этот план мы отвергли, поскольку никто из нас по этой дороге не ездил, а еще потому, что Родрик сказал нам то, чего он не хотел говорить раньше. Он действительно никого не видел, но на расстоянии около тысячи ярдов от нашего лагеря обнаружил следы большого войска, совсем недавно проходившего здесь, и был убежден, что это войско Барунга, собирающегося напасть на Мур.

Мы поехали по прежней дороге, пустившись в путь около двух часов пополуночи, и двигались безостановочно до рассвета следующего дня. Теперь мы убедились в правильности наблюдений Родрика, потому что тоже натолкнулись на следы многотысячного войска, и, судя по отдельным частям вооружения, найденным нами на земле, это было войско фенгов.

Никого из воинов мы, однако, так и не увидели и, быстро проследовав вперед, около полудня добрались до реки Эбур, через которую без труда переправились, так как вода стояла совсем низко. Заночевали мы уже на другом берегу реки.

Незадолго до рассвета Хиггс, стоящий на часах, разбудил меня:

— Мне очень жалко тревожить вас, дружище, но на небе творится что-то неладное, и я счел нужным показать вам это.

Я поднялся и посмотрел. В прозрачном воздухе звездной ночи

виднелись вдали контуры гор Мур. Над ними все небо заливал какой-то красноватый свет. Я сразу сообразил, в чем дело, но сказал только:

— Разбудим Орма, — и направился в ту сторону, где он улегся под деревом.

Он не спал, а стоял на небольшом камне и смотрел на дальние горы и на зарево над ними.

— Мур в огне, — произнес он торжественно. — Мур в огне! — повторил он, вздохнул и отошел от нас.

— Бедная Македа! — повернулся я к Хиггсу. — Что будет с ней?

— Не знаю, — ответил он, — но, хотя когда-то я ей восхищался, теперь считаю, что она заслужила все, что бы с ней ни случилось, маленькая лгунья! Впрочем, надо сознаться, — добавил он, — что она дала нам превосходных верблюдов, не говоря уж о том, чем они нагружены.

Но я только повторял:

— Бедная Македа!

За этот день мы проехали немного, так как хотели отдохнуть сами и дать отдохнуть и напиться верблюдам, прежде чем углубиться в пустыню. Мы не торопились еще и потому, что знали, что нас никто не преследует. Ночь мы провели в котловине у склона холма. На рассвете нас разбудил Родрик, стоявший на часах. Он крикнул, что кто-то приближается к нам. Мы вскочили на ноги и схватились за ружья.

— Где они? — спросил я.

— Там, там, — ответил он, указывая на вершину холма.

Мы обежали несколько кустов, мешавших нам видеть самую вершину, и увидели там силуэт одинокого всадника на очень утомленном коне. Конь совсем задыхался, и голова его была опущена вниз. Всадник был закутан в длинный плащ с капюшоном и, казалось, осматривал наш лагерь, как это мог бы делать шпион. Хиггс прицелился в него, но Оливер, стоявший рядом, ударил по дулу снизу, так что пуля пролетела мимо.

— Не надо, — заметил он. — Если человек один, ни к чему убивать его, а если их много, вы только привлечете к себе внимание.

Всадник двинул вперед своего усталого коня и приблизился к нам. Я обратил внимание на то, что он очень маленького роста. «Мальчик, — подумал я про себя, — вероятно, с каким-нибудь известием».

Всадник подъехал к нам, соскочил с коня и молчал.

— Кто ты? — спросил Оливер, внимательно глядя на закутанную в плащ фигуру.

— Я привез тебе кое-что, господин, — последовал ответ, и голос говорившего был тих и глух. — Вот. — И рука, тонкая, небольшая рука,

поднялась, держа между пальцами перстень.

Я сразу узнал его. Это был перстень царицы Савской, который Македа когда-то дала мне с собой в качестве доказательства и в знак своего доверия, когда я уезжал в Европу. Этот перстень, как я уже говорил, мы публично вернули ей во время первой нашей аудиенции. Оливер побледнел, увидев его.

— Как он попал к тебе? — спросил он хриплым голосом. — Разве та, которая одна имела право носить его, умерла?

— Да, да, — ответил голос, искусственно измененный, как я подумал тут же. — Дочь Царей, которую ты знал, умерла, ей больше не нужен древний символ ее власти, и она дарит его тебе, о ком с нежностью вспоминала в последний миг.

Оливер закрыл лицо руками и отвернулся.

— Но, — снова зазвучал голос, на этот раз совсем тихо, — женщина Македа, которую ты, как говорят, некогда любил…

Он опустил руки и взглянул на говорившего.

— …женщина Македа, которую ты, как говорят, некогда любил, жива…

Плащ соскользнул с плеч, и в свете восходящего солнца мы увидели скрывавшееся под ним лицо.

Это было лицо Македы.

— Мой властелин, Оливер, — спросила она, — примешь ли ты мой подарок — перстень царицы Савской?

Послесловие Македы,

которую звали Вальда Нагаста и Такла Варда, что означает Дочь Царей и Бутон Розы, которая была также по рождению правительницей абати, происходящих от Соломона и царицы Савской

— Я, Македа, пишу это по приказанию Оливера, моего владыки, который желает, чтобы я сама рассказала о некоторых событиях.

Воистину все мужчины глупцы, и самый больший глупец — Оливер, мой владыка, хотя, быть может, с ним сравнится тот ученый человек, которого абати зовут Темные Окошки, и доктор Адамс. Но тот, кого звать Родриком, дитя Адамса, несколько менее слеп, потому что он вырос среди фенгов и других народов пустыни и приобрел некоторую мудрость. Я знаю это, так как он сказал мне, что он один понял мой план, как спасти их жизни, но ничего никому не объяснил, потому что желал скорее покинуть Мур, где его спутников ожидала верная смерть. Впрочем, быть может, и он лжет, чтобы доставить мне удовольствие.

Теперь я расскажу вкратце, как все произошло.

Меня вынесли из пещеры вместе с моим властелином и другими, и я так ослабела от голода, что не в силах была даже убить себя, что непременно бы сделала, чтобы не попасть в руки своего проклятого дяди Джошуа. Все же я была крепче своих спутников благодаря тому, что они обманывали меня и заставляли есть сухари, делая вид, что они тоже едят, тогда как на самом деле ничего не ели — этого я им никогда не прощу.

Нас предал Яфет, смелый человек, нов душе такой же трус, как все абати, и побудил его к тому голод, хотя, сказать правду, голод — плохая подмога храбрости. Он выбрался из пещеры и рассказал Джошуа, где мы находимся, и они пришли за нами.

Они разъединили меня и чужестранцев и давали мне еду, пока ко мне не вернулись силы — о, как вкусен был тот мед, которым накормили меня, потому что я не в силах была есть ничего другого. Когда я окрепла, пришел

принц Джошуа и сказал:

— Теперь ты в моих сетях, теперь ты моя.

Я ответила:

— Глупец, твоя сеть из воздуха, я улечу из нее.

— Каким образом? — спросил он.

— Я умру, — ответила я, — а это я могу сделать тысячью способами. Ты помешал мне однажды, но у меня остается столько возможностей умереть, Я пойду туда, куда ни ты, ни твоя любовь не сможете последовать за мной.

— Хорошо, Дочь Царей, — согласился он, — но что же будет с высоким язычником, который пленил твое сердце, и с его спутниками? И их тоже нашли вместе с тобой, и они тоже умрут, каждый своей смертью (это я, Македа, не стану описывать, потому что есть вещи, о каких не подобает писать). Если ты умрешь — умрут и они; я уже сказал тебе, что они умрут, как умирает волк, которого поймали пастухи, они умрут, как павиан, которого захватил супруг похищенной им женщины.

Теперь я поняла, что спасения мне нет. И я начала торговаться с ним.

— Джошуа! — умоляла я. — Отпусти этих людей, и я клянусь тебе именем нашей праматери, царицы Савской, что буду твоей женой. А если ты убьешь их, я никогда не достанусь тебе.

В конце концов он согласился, потому что желал меня и ту власть, которую получил бы вместе со мной.

Тогда я разыграла свою роль. Моего владыку и его спутников привели ко мне, и я смеялась над ними в присутствии всего моего народа; я плюнула им в лицо, — о глупцы! глупцы! глупцы! — они поверили мне! Я подняла покрывало и показала им свои глаза, и они поверили тому, что, как им показалось, прочли в них, забыв, что я женщина и могу играть любую роль. Да, они забыли, что не только они одни хотели читать в моих глазах, но здесь был еще весь народ абати, что народ, если бы он обнаружил обман, разорвал бы чужестранцев в клочья. Всего тяжелее было мне уверить даже моего властелина, что из всех злых женщин, когда либо ступавших по земле, я была самой подлой. И все же я сделала это, и он не может этого отрицать; мы часто говорили с ним об этом, но теперь больше не говорим.

Они уехали и увезли с собой все то, что я могла им дать, хотя никто из них не искал богатства. Они уехали — мне донесли об этом, и для меня настало время адских мучений, потому что я знала, что мой властелин считает меня лживой и подлой и он никогда не узнает правды. Я думала, что пока он не вернется на родину и не откроет ящики с сокровищами, —

если он когда-либо их откроет, — он не будет знать, что все это я сделала, чтобы спасти ему жизнь. И все это время он будет верить, что я стала женой Джошуа и — о, я не в силах писать об этом! А я, я буду мертва. Я не могу сказать правду, пока мы не соединимся в загробном мире, чтобы больше не разлучаться навеки.

Поэтому я избрала такой путь. Я решила, что когда он и его спутники будут уже так далеко, что их не смогут догнать, я расскажу всю правду Джошуа и абати, расскажу ее в таких словах, которые они будут помнить многие поколения, и убью себя на их глазах, чтобы у Джошуа не было жены, а у абати — Дочери Царей.

Я сидела на Предсвадебном празднестве и улыбалась, улыбалась.

Потом прошел следующий день, и наступил вечер Празднества Свадьбы. Стакан был разбит, церемония окончилась. Джошуа встал со своего места, чтобы объявить меня своей женой перед всеми присутствующими. Он пожирал меня глазами, которые я так ненавидела, меня, свою жену. А я сжимала рукоятку ножа, спрятанного в складках платья, и желала — так велика была моя ненависть к нему — убить и его тоже.

И здесь сбылось то, о чем я мечтала во сне. Вдали раздался одинокий крик, на него ответили другие, потом громкие вопли и звуки приближающихся шагов. Языки пламени взвились в воздух, и все стали спрашивать друг у друга, что случилось.

Потом из тысяч уст праздничной толпы вылетел один общий вопль, и все они кричали:

— Фенги! Фенги! Фенги напали на нас! Спасайтесь! Спасайтесь! Спасайтесь!

— Идем! — крикнул Джошуа, хватая меня за руку, но я замахнулась на него кинжалом, и он отпустил меня. Потом он побежал с другими военачальниками, а я осталась одна на своем золотом троне под пышным балдахином.

Абати бежали, даже не пытаясь сражаться. Они бежали в подземный город, бежали в горы, прятались, где придется, а за ними следовали фенги, убивая их и сжигая все на своем пути, пока Мур не запылал со всех концов, а я сидела на своем троне и смотрела на все это, дожидаясь, когда и для меня придет время умереть.

Не знаю, сколько времени прошло, но наконец передо мной предстал Барунг с окровавленным мечом в руках, который он поднял в знак приветствия.

— Привет, о Дочь Царей, — сказал он. — Ты видишь, Хармак пришел спать в Мур.

— Да, — ответила я, — Хармак пришел спать в Мур, и многие из живших здесь тоже заснули навеки. Скажи, Барунг, ты и меня тоже убьешь, или лучше мне самой себя убить?

— Ни то ни другое, Дочь Царей, — произнес он. — Разве я не дал тебе обещания там, у входа в ущелье, когда говорил с тобой и с чужестранцами с Запада, и разве султан фенгов нарушил когда-нибудь свое слово? Я овладел городом, который некогда принадлежал нам, потому что поклялся сделать это, и очистил его огнем. — И он указал на бушевавшее вокруг нас пламя. — Теперь я построю его заново, и ты будешь править им под моей властью.

— Нет, — ответила я, — вместо этого я буду просить тебя о трех вещах.

— Говори, — промолвил Барунг.

— Во-первых, дай мне доброго коня и пищи на пять дней и отпусти меня уехать туда, куда я захочу. Во-вторых, разыщи, если он еще жив, одного горца по имени Яфет, который помогал мне и заставлял других делать то же самое, и возведи его в высокий чин подле себя. В-третьих, пощади жизнь тех абати, которых не убили до сих пор.

— Ты можешь отправляться, куда тебе угодно, и я думаю, что знаю, куда ты направишься, — ответил Барунг. — Мои разведчики видели четырех белых чужестранцев на превосходных верблюдах, ехавших в сторону Египта, и они донесли мне об этом, когда я вел свое войско к горному проходу, который указал мне Хармак и которого вы, абати, не могли никак найти. Но я сказал: «Пусть едут. Да будет дарована свобода отважным людям, которые опозорили навек всех абати». Да, я сказал это, хотя один из них был супругом моей дочери или почти был им. Но она не хочет иметь мужем человека, который убежал к своему отцу и бросил ее, и потому лучше для него, что он уехал, иначе мне пришлось бы умертвить его.

— Да, — смело призналась я, — я поеду за этими чужестранцами; я покончила навсегда с абати. Я хочу увидеть другие страны.

— И увидеть человека, которого ты любишь и который плохо думает о тебе теперь, — сказал он, поглаживая свою бороду. — И неудивительно, ведь здесь праздновали свадьбу. Скажи, что ты намерена была сделать, о Дочь Царей? Прижать жирного Джошуа к своей груди?

— Нет, Барунг, я хотела прижать другого супруга к своей груди. — И я показала ему кинжал, спрятанный в складках моего подвенечного платья.

— Нет, — усмехнулся он, — я думаю, что нож предназначался сперва для Джошуа. Ты храбрая женщина, и ты сумела спасти жизнь тому, кого любишь, ценой собственной жизни. Мой лучший конь ожидает тебя, и пять самых отважных моих воинов будут сопровождать тебя, пока ты не догонишь белых чужестранцев. Счастлив тот, кто прижмет благоуханный Бутон Розы к своей груди. Что касается остальных твоих просьб, то Яфет в моих руках. Он сам ко мне пришел, потому что не хотел сражаться за народ, который причинил столько зла его друзьям, белым людям. Я уже отдал приказ прекратить побоище, ибо хочу, чтобы абати были моими рабами. Хотя они трусы, но зато опытны и искусны во многих ремеслах. Только один человек должен еще умереть, — прибавил он сурово, — и это Джошуа, который хотел поймать меня в западню в устье прохода, ведущего в Мур. Не проси за него — твои просьбы, клянусь головой Хармака, ни к чему не приведут!

Я побоялась рассердить Барунга и не стала просить его, только вздохнула.

На рассвете я села на коня, и меня сопровождали пять военачальников фенгов. Проезжая по городской площади, я увидела оставшихся в живых абати, которых согнали в кучи, как животных; среди них был принц Джошуа, мой дядя. На шее у него висела веревка, и его вел воин, а другой подталкивал сзади, потому что Джошуа знал, что его ведут на смерть, и не хотел идти. Он увидел меня и упал на землю, умоляя спасти его. Я сказала, что не могу ничего сделать, хотя, клянусь вам, спасла бы его, если бы только смогла, несмотря на все зло, которое он причинил мне и тому, кого я люблю. Но я ничего не могла сделать, и хотя я попыталась еще раз просить за него, Барунг не стал даже слушать меня. Поэтому я ответила ему:

— Проси того, о Джошуа, в чьей власти теперь Мур, — у меня теперь нет власти. Ты сам повинен в своей судьбе и сам уготовил себе этот путь.

— Куда ты едешь, Македа, на коне равнин? О, незачем и спрашивать! Ты едешь за этим проклятым язычником, которого я убил бы теперь так же охотно, как и тебя!

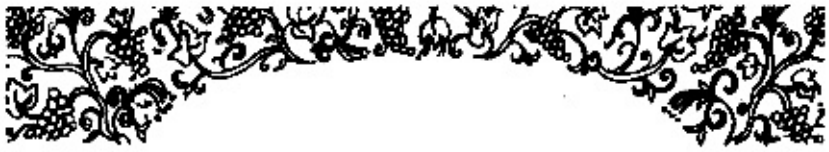
Он стал поносить меня разными словами и пробовал броситься на меня, но тот, кто стоял за ним и держал веревку, дернул ее, Джошуа упал, и я больше не видела его лица…

О, как грустно было мне ехать по большой площади! Все пленные абати: мужчины, женщины и дети — со слезами умоляли меня спасти их от смерти и рабства. Но я сказала им:

— То зло, которое вы причинили мне и отважным чужестранцам, я вам прощаю, но можете ли вы, о абати, простить самих себя? Если бы вы

послушались меня и тех, кого я призывала, чтобы помочь вам, вы давно прогнали бы фенгов и навеки были бы свободны. Но вы трусы; вы не хотели учиться носить оружие, как подобает мужчинам, вы даже не хотели охранять свои горы, а рано или поздно народ, который не готов сражаться за свою свободу, должен погибнуть и стать рабом тех, кто готов сражаться за нее.

А теперь, о мой Оливер, мне больше нечего писать. Скажу только, что я рада, что перенесла много страданий и заслужила этим ту радость, которая досталась мне ныне. И я, Македа, не желала бы снова властвовать над Муром, потому что я властвую теперь над твоим сердцем.



Люди тумана





ЛЮДИ ТУМАНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У работорговцев

I . Два брата

— Который час, Леонард?

— Семь часов, Том.

— Уже семь? На заре я умру, Леонард!

— Не говори так, Том. Если ты все время будешь думать о смерти, то действительно умрешь!

Больной глухо усмехнулся.

— Дело не в словах, Леонард! Моя жизнь гаснет, как догорающий огонь. Лихорадка совсем изнурила меня. Я бредил, Леонард?

— Немного, дружище!

— О чем я говорил?

— Больше всего о доме.

— О доме! У нас его нет, Леонард. Он продан. Сколько времени мы находимся на чужбине?

— Семь лет.

— Да! Ты помнишь, как мы прощались с нашим старым домом в ту зимнюю ночь после аукциона? Ты помнишь, что мы тогда решили?

— Да.

— Повтори!

— Мы поклялись, что будем стараться разбогатеть, чтобы выкупить Атрем, и что одна только смерть может освободить нас от этого. Мы поклялись не возвращаться в Англию, не достигнув нашей цели. Затем мы отправились в Африку. Семь лет мы старались разбогатеть, но достигли лишь того, что едва можем поддерживать свое существование!

— Леонард! Теперь ты — единственный наследник нашей клятвы. Я старался исполнить свой обет до самой смерти. Ты освободишься от

обязательства, когда достигнешь цели или умрешь. Мне в удел досталась борьба; быть может, ты достигаешь цели. Будешь ли ты стремиться к ней, Леонард?

— Да, Том!

— Дай мне руку!

Леонард Атрем наклонился к умирающему брату, и они пожали друг другу руки.

— Теперь я засну; я утомлен. Но ты не бойся, я проснусь перед… концом.

Глаза Томаса закрылись, и он впал в оцепенение или сон.

Леонард сел на пустой бочонок из-под джина, заменявший стул. Шум бури доносился в жалкую хижину, колебал пламя лампы и шевелил волосы на лбу больного. Леонард подошел к низкому полукруглому отверстию, служившему дверью хижины, и отодвинул доску, прикрывавшую его. Хижина стояла на склоне высокой горы, у подошвы которой выросло море кустарников, а кругом виднелись фантастические очертания других гор. Черные облака закрывали луну, но временами небо прояснялось, и тогда окружающая местность открывалась во всей ее необъятности и ужасающей пустынности.

Леонард закрыл дверное отверстие и, вернувшись к брату, пристально посмотрел на него. Несколько лет тяжелых трудов и лишений не стерли с лица Томаса Атрема его удивительной красоты, но теперь на нем была написана смерть.

Леонард вздохнул и отыскал кусок зеркала. Он подошел поближе и стал всматриваться в собственные черты. В зеркале отразилось красивое лицо человека с бородой, загорелого, со смелым взглядом, присущим тому, кто привык к постоянным опасностям, кудрявыми волосами и широкими плечами; человека, не особенно высокого ростом, но крепкого сложения, каждое движение которого обнаруживало силу. Он был еще молод, но мало юношеского осталось в нем; труды и борьба оказали свое действие, закалив его характер так же, как закалили его тело. Лицо выражало доброту, но многие предпочли бы видеть отражение дружбы в этих проницательных черных глазах, нежели искру вражды. Леонард был опасный враг, и долгая борьба со всем миром заставляла его иногда видеть врагов там, где их не было и в помине.

Несколько часов просидел Леонард в задумчивости у постели брата, всматриваясь в его лицо, то спокойное и бледное, то вспыхивающее огнем.

Наконец Томас Атрем открыл глаза и посмотрел на Леонарда. Глаза умирающего пытливо глядели на него, и Леонард чувствовал, что тот видит

в его лице что-то такое, что ему самому неизвестно и что не могло быть заметно ни для кого другого. Этот испытующий взгляд был так странен, что Леонард не мог его долго выдержать и окликнул брата, но не получил ответа, а большие глаза умирающего продолжали читать в его лице, словно в раскрытой увлекательной книге.

Порыв ветра сотряс хижину, вырвав часть веток из крыши. Тонкая струя дождя ворвалась через образовавшееся отверстие и упала на лоб больного; капли дождя, подобно слезам, скатились по бледным щекам. Тогда его странный взгляд принял более естественное выражение, губы приоткрылись.

— Воды! — пробормотал умирающий.

Леонард дал ему пить, одной рукой поднося кружку ко рту, а другой поддерживая голову брата. Том сделал два глотка и затем внезапным движением руки выбил у Леонарда кружку, которая упала на пол.

— Леонард, — сказал он, — ты будешь иметь успех!

— Успех? В чем, Том?

— Ты станешь богат, выкупишь Атрем, но достигнешь этого не один. Тебе поможет женщина!

Затем его мысли спутались, и он пробормотал:

— Как поживает Джейн? Слышал ли ты о ней?

При этом имени лицо Леонарда смягчилось, но тотчас же стало суровым и озабоченным.

— Я ничего не слыхал о Джейн, дружище, все эти годы, — ответил он. — Вероятно, она или умерла, или вышла замуж!

— Слушай, — сказал Томас. — Я скоро умру. Ты знаешь, что умирающие могут иногда предвидеть будущее. Мне снилось или я прочел на твоем лице вот что: ты умрешь в Атреме. После моей смерти останься на этом месте некоторое время. Останься здесь, Леонард!

Ослабев, Томас откинулся назад. В это время сильный порыв ветра налетел на хрупкую хижину, разрушив ее восточную стену. Кобра, скрывавшаяся в густых ветвях, которыми были покрыты стены хижины, с мягким шумом упала на пол на расстоянии не более фута от лица умирающего; вытянувшись на полу и зашипев, она показала свой гибкий язык и в бешенстве раздула пасть. Леонард отскочил назад и схватил лежавший вблизи лом, но, прежде чем он успел ударить змею, пресмыкающееся, скользнув чешуйчатым телом по лицу умирающего, опустилось на пол и опять спряталось в ветвях. Но Томас Атрем не видел ничего и не пошевелился даже, когда отвратительное тело змеи скользнуло по его лицу. Тяжелое, прерывистое дыхание указывало на скорую развязку.

На душе Леонарда стало тяжело; он обнял брата и в первый раз за многие годы поцеловал его в лоб.

Умирающий открыл глаза. На востоке занималась заря. Вершины гор загорались пламенем.

Томас Атрем при виде этого, приподнявшись, протянул руки к восходящему солнцу, слегка пошевелил губами, упал на грудь Леонарда — и все было кончено.

II. Похороны

Долгое время Леонард просидел у тела брата. Наступил день. Круглый диск солнца поднялся высоко над горами.

Ветер затих, и если бы не обломки полуразрушенной хижины, то трудно было бы поверить, что недавно здесь свирепствовала буря. Кругом слышалось стрекотание насекомых; ящерицы выползли из щелей скал; омытые дождем цветы горных лилий резко бросались в глаза своими яркими красками.

Леонард продолжал сидеть, опустив голову, как вдруг сверху упала какая-то тень. Он взглянул вверх и заметил коршуна, реявшего высоко в воздухе.

Схватив заряженное ружье, Леонард вскочил на ноги. Птица все приближалась, описывая круги в воздухе. Леонард поднял ружье, прицелился и выстрелил. Выстрел гулко раздался в тишине, и звук его был подхвачен эхом в горах. Птица некоторое время оставалась неподвижной в воздухе и затем тяжело рухнула на землю, ударившись могучим клювом о камень.

— Итак, я еще могу убивать, — проговорил про себя Леонард. — Убивай, чтобы не быть самому убитым, — таков закон жизни!

Он подошел к покойнику, закрыл ему глаза и сложил на груди исхудалые руки.

— Куда же, однако, девались кафры? — произнес он, вспомнив о своих слугах, которых что-то долго не было видно.

— Эй, Оттер! Оттер!

Эхо откликнулось в горах, но на зов Леонарда никто не явился. Он вторично окликнул кафра, и вновь безрезультатно.

— Не мешало бы выяснить, в чем дело.

Покрыв тело брата красным одеялом для защиты от коршунов, он вышел, чтобы обойти скалы, окаймлявшие маленькое плато, на котором стояла хижина. Плато продолжалось за скалами, и ярдах в пятидесяти от них, в склоне горы, было углубление или грот, образовавшийся вследствие выветривания мягкой породы камня. В этом углублении кафры — их было четверо — спали и тут же обычно разводили огонь для приготовления пищи. Но сейчас огонь не горел, и вокруг никого не было видно.

«Еще спят», — подумал Леонард, направляясь к гроту.

— Оттер, Оттер! — громко позвал он и наткнулся на какую-то массу,

лежавшую у входа в грот. Леонард стал всматриваться и вдруг отпрянул, воскликнув:

— Это Чит — мертвый!

Из глубины грота раздался глухой голос Оттера, говорившего по-голландски:

— Я здесь, баас; пусть баас развяжет меня, а то я не могу пошевелиться!

Леонард вошел в пещеру и увидел Оттера со следами жестоких побоев на лице и на теле, связанного по рукам и ногам. Вынув нож, Леонард перерезал веревки и вывел Оттера из грота. Это был карлик-кафр, ростом немногим более четырех футов, найденный братьями полумертвым в пустыне. Он служил им верой и правдой в течение нескольких лет. Братья окрестили его именем Оттер (по-английски — выдра), во-первых, потому, что его настоящее имя европейцу почти невозможно было выговорить, а во-вторых — из-за его необыкновенного умения плавать, которым обычно отличаются выдры. Лицо его было безобразно, но в этом безобразии не было ничего отталкивающего. Несмотря на маленький рост, у Оттера была необыкновенно большая голова, длинные руки и огромный нос. По его коренастому телу можно было понять, что карлик отличался большой физической силой.

— Что случилось? — спросил Леонард по-голландски.

— Вот что, баас. Прошлой ночью эти три негодяя басуто, твои слуги, задумали бежать. Мне они ничего не сказали и были так осторожны, что хотя я и следил даже за их мыслями, однако ни о чем не мог догадаться. Дождавшись, пока я крепко заснул, они связали меня, взяли ружье бааса Тома, порученное мне, и другие вещи. Я понял их намерение, и мое сердце закипело от бешенства. Связав меня, собаки басуто стали смеяться мне в лицо, ругая меня и говоря, что я могу теперь умереть с голоду вместе с моими глупыми белыми господами, которые ищут повсюду желтое железо и, по своей глупости, нашли его очень мало. Затем они поделили между собой все ценные вещи, и, перед тем как уйти, каждый из них подходил ко мне и бил по лицу, а один прижег мне нос горячей головней!

Все это я переносил терпеливо, но когда Чит взял ружье бааса Тома, а другие хотели привязать меня к скале, я не вытерпел. Бросившись на Чита, я с силой ударил его головой в живот, так что он отлетел в сторону и стукнулся о скалу. А! Они забыли, что если руки мои крепки, то голова еще крепче. Тогда двое других бросились на меня, и я, связанный по рукам, не мог защищаться. Боясь, что они меня убьют, я со стоном упал на землю и притворился мертвым. Басуто поспешно ушли, думая, что покончили со

мной. Они боялись, что вы услышите шум и будете догонять их, и так торопились, что даже оставили ружье и многие другие вещи. Вот и все. Я думаю, баас Том будет рад, что я спас его ружье. Когда он узнает об этом, то забудет свою болезнь и скажет: «Молодец, Оттер, голова у тебя крепкая!»

— Баас Том умер, — сказал Леонард. — Он умер на рассвете, на моих руках. Лихорадка убила его, как других нкоси!

Оттер, услышав печальную весть, опустил голову на грудь и некоторое время не произносил ни слова. Когда он взглянул на Леонарда, по лицу его скатились две слезы.

— Как! — воскликнул Оттер. — Ты умер, мой отец, храбрый, как лев, и красивый, как девушка. Да, ты умер, мои уши слышали это, и если бы не твой брат, баас Леонард, то я убил бы себя!

— Пойдем, — сказал Леонард, — я не могу его оставлять одного надолго!

Леонард вернулся в хижину. Оттер шел за ним. Приблизившись к телу Томаса Атрема, Оттер сделал рукой приветственный жест, говоря:

— Хозяин и отец, когда ты жил на земле, ты был добрым и храбрым человеком, хотя немного вспыльчивым и иногда капризным, как женщина.

Теперь ты удалился с этого света, улетел, подобно орлу, к солнцу. Живя там, ты будешь еще храбрее, еще лучше и терпеливее к тем, кто менее чист, чем ты. Отец и хозяин! Приветствую тебя. Что касается собаки басуто, который хотел украсть твое ружье, то я убил его. Слава тебе, отец мой! Прощай, и пусть твой дух будет милостив к нам, которые любят тебя!

Оттер отошел от тела и, обмыв свои раны, принялся за приготовление пищи. После обеда Леонард и Оттер перенесли тело Томаса в грот, убрав оттуда труп басуто, который Оттер бесцеремонно сбросил в расщелину скалы. Леонард остался в пещере, а Оттер, взяв с разрешения Леонарда ружье Томаса, ушел на охоту.

Леонард, отпуская карлика, приказал ему к вечеру вернуться назад.

— Где мы будем рыть могилу, баас? — спросил, уходя, Оттер.

— Она уже готова, — отвечал Леонард. — Умерший сам ее вырыл, подобно многим. Мы его похороним в последней яме, вырытой им в поисках золота. Она достаточно глубока!

— Да, баас, хорошее место, хотя, быть может, баас Том не так тщательно работал бы над ней, если бы знал, для чего она послужит; кто знает, к какому концу ведут наши работы? Но эта дважды обваливалась, когда баас рыл ее…

— Я уже все подготовил, — коротко сказал Леонард. — Ступай и будь

здесь по крайней мере за полчаса до заката солнца. Да, если сможешь, принеси еще горных лилий. Баас Том любил их!

Карлик вышел.

— А, — начал он говорить сам с собою, направляясь к подножию холма, — ты не боишься мертвых, а живых — тем более. Однако, Оттер, по правде говоря, здесь при солнечном зное ты чувствуешь себя лучше, чем там, в гроте. Оттер, Оттер! Баас Том мертвый теперь так страшен, а ведь при жизни он был так красив! Чит после смерти не выглядел страшным, только еще безобразнее. Но ведь Чита убил ты, а бааса Тома убило небо, положив на него свою печать. Что теперь будет делать баас Леонард, когда его брат умер и басуто убежали? Идти рыть золото, найти которое так трудно, а найдя, невозможно долго сохранить? Но тебе-то что до этого, Оттер? Что тебе за дело до того, что делает баас? Смотри, вот след козы!

День выдался чрезвычайно жаркий. Лето в Восточной Африке, точнее осень — время малярии, бурь и ливней. Только люди, дешево ценящие свою жизнь, могли жить здесь в этот период в поисках золота, со скудными запасами пищи и почти не находя себе приюта.

Когда Леонард Атрем, его брат и два их товарища по приключениям услышали от туземцев о богатом золотом месте в горах, находящемся номинально на португальской территории, вблизи нижнего рукава Замбези, то ценой двух ружей и собаки они получили от фактического правителя этой территории концессию на разработку руды. Несмотря на нездоровое время года, они не отложили своего предприятия из опасения, что кто-нибудь другой за три ружья и двух собак убедит владельца территории отнять у них концессию в свою пользу. Настойчиво принялись они за работу, и сначала счастье улыбалось им. Попалось даже несколько самородков. Но все же один из компаньонов, Аскью, заболел малярией и умер, а за ним погиб и второй компаньон — Джонстон. Леонард хотел было уже бросить предприятие, но на следующий же день после смерти Джонстона они нашли золото в таком количестве, что Томас, надеясь вскоре достичь богатства, и слышать не хотел о том, чтобы оставить работу.

Тогда они перенесли свое жилище на более возвышенное и здоровое место и остались. Но однажды Томас Атрем, заблудившись во время охоты, провел ночь на болоте. Неделю спустя он заболел малярией и через три недели умер.

Все эти события и многое другое проносилось в памяти Леонарда, сидевшего долгие часы у тела брата. Никогда до сих пор он не чувствовал себя таким одиноким, таким покинутым и несчастным. Теперь в целом свете у него нет друга, если не считать слуги Оттера. Несколько лет уже,

как он не был в Англии; самые близкие родственники не заботились более о них с братом, странствующих по чужим местам; его школьные товарищи, вероятно, забыли о его существовании.

На родине был один человек, который мог бы вспоминать о нем — Джейн Бич, считавшаяся некогда его невестой. Но простившись с ней памятной ночью семь лет тому назад, после того как корыстный отец запретил ей даже думать о нем, рассчитывая выдать ее за некоего Когена, купившего их старинное имение Атрем с аукциона, Леонард ничего не слыхал о Джейн. Дважды писал он девушке, но ответа на письма не получил. Самолюбие не позволило ему возобновить эти попытки. Вместе с тем он догадывался, что ответа быть и не могло. Как он сказал своему брату, Джейн или умерла, или, что было всего вероятнее, вышла замуж за мистера Когена. Однако когда-то они любили друг друга, да он и теперь еще любит ее или, по крайней мере, думает, что любит. За все тяжелые годы изгнания, трудов и беспрестанных поисков неуловимого золота память о Джейн жила в нем, как далекий сладкий сон, полный мира и красоты, хотя у него остался лишь ее последний подарок — книжка и локон волос в ней. Пустыня — не то место, где люди могут забыть свою первую любовь. А он был один, совершенно один, в дикой стране. Что он теперь станет делать? Здешний прииск истощен. Тут действительно было золото, но не в земле, а в жилах кварца, скрытых в горной породе. Чтобы извлечь оттуда богатство, нужны машины и капитал. Его слуги — кафры исчезли, стремясь избежать тяжелой работы и малярии, а других в это время года не найти. Очевидно, останется одно: вернуться в Наталь и приняться за какое-нибудь другое дело.

Леонард вдруг вспомнил о своем обете — искать до тех пор, пока он или придет к своей цели, или погибнет. Хорошо! Он исполнит свое обещание. Затем он вспомнил последние слова умирающего о том, что он достигнет богатства.

Конечно, это был не более чем бред. Столько лет его брат безуспешно стремился к цели: выкупить старинное имение Атрем, и неудивительно, что в час смерти его посетило видение, будто цель эта достигнута. Но все это, конечно, не может иметь никакого значения; он, Леонард, дал несколько лет тому назад клятву и еще в прошлую ночь обещал выполнить ее. Поэтому, худо или хорошо, но он должен действовать до конца.

Так размышлял Леонард, сидя у тела своего брата.

Иногда он поднимался с места и прохаживался возле грота. После полудня воздух стал еще более знойным и большая туча собралась на горизонте.

— Вечером будет гроза, — проговорил Леонард. — Как только Оттер придет, надо будет поторопиться с похоронами, а то придется ждать до завтра.

За полчаса до захода солнца пришел Оттер, неся на плечах убитую козу, а в руках — большой пучок ярких горных лилий.

Двое мужчин похоронили Томаса Атрема в вырытой им самим могиле.

III. Встреча с незнакомкой

Похоронив Тома, Леонард и Оттер вернулись в пещеру и поужинали, не произнося ни слова. После ужина Леонард обратился к карлику: — Оттер! Ты человек надежный и ловкий. Я хочу рассказать тебе одну историю и спросить тебя кое о чем.

— Говори, баас, — ответил тот, — мои уши открыты.

— Оттер! Умерший баас и я приехали в эту страну около семи лет тому назад. До того как отправиться сюда, мы были богатыми людьми — старейшинами в нашей земле, но потеряли наши краали, скот и земли, они были проданы, и другие взяли их, а мы стали бедными. Да, мы, бывшие жирными, стали тощими, как быки в конце зимы. Тогда мы сказали друг другу: здесь у нас больше нет дома, мы — разбитые корабли, люди, не имеющие никакого значения. Большой каменный крааль отнят у нас, другие занимают его, чужие женщины хозяйничают в нем, и их дети бегают по нашей земле. Мы должны уехать.

— Отчего ты, отец мой, не выгнал этих чужестранцев и не взял обратно свой крааль? — прервал его Оттер.

— В нашей стране этого нельзя сделать, Оттер: богатство там много значит. Если бы мы сделали это, то подверглись бы большому позору. Одно богатство могло бы возвратить нам наш дом, а у нас его не было. Тогда мы поклялись друг другу, умерший баас и я, что поедем в эту дальнюю страну искать богатство, с которым могли бы вернуть наши земли и крааль, чтобы оставить их после себя своим детям!

— Прекрасная клятва, — сказал Оттер, — но здесь мы поклялись бы иначе и сталь решила бы спор о краале, а не желтое железо!

— Мы приехали сюда, Оттер, и семь лет усердно работали, путешествовали по различным местам, смешивались со многими народами, изучили несколько языков, и что же мы нашли? Баас Том — могилу в пустыне, а я — скудную пищу, которую может дать пустыня, не более. Богатства мы не приобрели, Оттер, а я поклялся или достать его, или умереть, и еще в прошлую ночь повторил брату свою клятву!

— Это хорошо, баас, клятва есть клятва, и честные люди должны исполнять ее. Но здесь нельзя добыть богатства. Золото скрыто в скалах, которые слишком тяжелы, чтобы увезти их, а кто может достать золото из скал? Этого не сделают все волшебники Земли Зулу. Тем более этого не сделаем мы, если даже лихорадка и пощадит нас. Надо уходить отсюда

куда-нибудь в другое место!

Едва Оттер кончил говорить, как пронзительный вой огласил воздух. Луна выступила из-за облаков, и при ее свете они увидели, что в двадцати шагах от них, на склоне противоположного холма, скорчившись на камне и закрыв лицо руками, сидит высокая женщина.

Леонард и карлик направились к ней. Женщина была так поглощена своим горем, что не слышала и не видела их приближения. Леонард с любопытством посмотрел на нее. Это была женщина средних лет, очевидно, когда-то красивая и со слишком светлой для туземки кожей. Кудрявые волосы ее уже поседели, руки и ноги были тонки и красивой формы. Больше Леонард ничего не мог разглядеть, так как лицо она закрыла руками, а сама закуталась в рваное одеяло.

— Матушка, — сказал он на диалекте племени сизуту, — что с тобой, о чем ты плачешь?

Женщина с криком ужаса вскочила на ноги. Вид ее был так странен, что карлик и Леонард с удивлением смотрели на нее, ожидая, что будет дальше.

Женщина первая прервала молчание: заговорив голосом, полным суеверного ужаса, она упала на колени.

— Ты пришел требовать от меня ответа, — сказала она, обращаясь к Оттеру, — о ты, имя которого — Мрак, кому я была назначена в замужество и от кого в молодости убежала?… Тебя ли я вижу во плоти, господин ночи, король крови и ужаса, а это твой жрец? Убей меня, жрец, и пусть мой грех будет очищен!

— Кажется, — заметил Оттер, — мы имеем дело с сумасшедшей!

— Нет, Джаль, — ответила женщина, — я не сошла с ума, хотя недавно была близка к этому!

— Но меня зовут не Джаль и не Мрак! — крикнул с раздражением карлик. — Перестань говорить глупости и скажи белому господину, откуда ты, а то я устал от твоего долгого разговора!

— Если ты не Джаль, черное существо, то это очень странно, так как Джаль имеет такой же вид, как ты. Но, может быть, ты не хочешь, облекшись в плоть, признаться в этом мне? Ну, тогда делай как хочешь. Если же ты не Джаль, то я не должна опасаться твоего мщения; а если ты Джаль, то прошу тебя простить грех моей юности и пощадить меня!

— Кто такой Джаль? — с любопытством спросил Леонард.

— Не знаю, — ответила женщина, внезапно переменив тон. — Голод и утомление смутили мой ум, и я говорила вздорные слова. Забудь их и дай мне есть, белолицый, — прибавила она жалобным голосом. — Дай мне

поесть, я умираю от голода!

— У нас очень мало пищи, — ответил Леонард, но мы поделимся с тобой чем можем. Иди за нами, матушка.

Оттер дал ей пищи, и она принялась есть, как человек, голодавший долгое время; покончив с едой, она посмотрела на Леонарда своими смелыми черными глазами и спросила:

— Скажи, белый господин, ты работорговец?

— Нет, — ответил он хмуро, — я раб!

— Кто же твой господин? Этот черный человек?

— Нет, он только раб раба. У меня нет господина, а есть госпожа, которую зовут судьбой!

— Самая худшая из господ и в то же время самая хорошая, — сказала Старуха, нахмурившись, — она часто смеется, но к ударам примешивает поцелуи!

— Удары ее я хорошо знаю, а поцелуи — нет, — ответил мрачно Леонард и прибавил другим тоном: — Что же с тобой случилось, матушка, как тебя зовут и что ты ищешь, бродя одна в горах?

— Меня зовут Соа, и я ищу помощи для той, кого люблю и которая теперь находится в тяжелом положении. Хочешь, выслушай мой рассказ.

— Говори, — сказал Леонард.

Женщина села на землю и начала свое повествование.

IV. Рассказ Соа

Я раба белого человека, купца, живущего на берегах Замбези в четырех днях пути отсюда. У него есть дом, построенный им несколько лет тому назад. — Как имя белого человека? — спросил Леонард. — Черный народ зовет его Мэвум, а белолицые — Родд. Он хороший господин, но у него есть один недостаток — он пьет. Двадцать лет тому назад или больше Мэвум женился на белой женщине, дочери португальца, жившего у бухты Делагоа. Она была прекрасна, ах, как прекрасна! После женитьбы он поселился на берегах Замбези, стал купцом и выстроил там дом, от которого теперь остались одни развалины. Здесь его жена умерла от родов. На моих руках осталась ее дочь Хуанна, которую я воспитала, ухаживая за ней от колыбели и до настоящих дней.

После смерти своей жены Мэвум стал сильно пить. Когда он не пил, это был ловкий и хороший торговец; он собирал много денег, продавая слоновую кость, золото и разводя рогатый скот. Часто он говорил, что хочет оставить пустыню и уехать за море, в неизвестную страну, откуда приезжают англичане.

Дважды он отправлялся в путь вместе со мной и с Хуанной, моей госпожой. Однажды Мэвум остановился в городе Дурбане, в Натале, и, напившись пьяным, в один месяц прожил все свои деньги, в другой раз он потерял нажитое им богатство при переправе через реку, когда лодку опрокинул гиппопотам и золото со слоновой костью потонуло. В последнюю поездку он оставил свою дочь в Дурбане, где она прожила три года, изучая те вещи, которые знают белые женщины, ведь она так же умна, как добра и прекрасна. Года два тому назад она вернулась назад в поселение, добравшись на судне до бухты Делагоа, где ее встретил Мэвум.

Моя госпожа сказала своему отцу, что ей наскучила их уединенная жизнь в пустыне и она хочет ехать за море в страну, которую она называла «домом». Он не послушался ее. Так как Мэвум очень любил свою дочь, он сказал, что сделает так, но сначала он хочет поехать по реке для закупки в одном месте большого количества слоновой кости. Она была против этого, говоря: «Поедем, наконец, мы уже достаточно богаты. Отправимся в Наталь и поедем за море». Но он ничего не хотел слушать, так как он — очень упрямый человек.

На следующее утро он отправился за слоновой костью, и Хуанна, дочь его, плакала, хотя она раньше всегда бесстрашно оставалась одна. Кроме

того, она не любила быть вдали от отца, не имея возможности следить за тем, чтобы он не напивался.

После отъезда Мэвума прошло двенадцать дней; я и моя госпожа ожидали его возвращения дома. У моей госпожи есть обыкновение, одевшись поутру, читать. Как-то утром она сидела на веранде дома и читала книгу, а я занималась приготовлением пищи. Вдруг я услыхала шум и, выглянув за забор, окружавший весь дом и сад, кроме веранды, увидела много людей: белых, арабов и мулатов. Один из них был верхом, а остальные пешие; за ними тянулся длинный караван рабов с веревками на шее.

Подойдя ближе, люди стали стрелять в жителей селения, некоторых убили, многих взяли в плен, а те, кто был на полевых работах и видел приближение работорговцев, убежали.

Со страхом увидела я, что моя госпожа все еще с книгой в руках побежала к забору, за которым я стояла. Но когда она подбежала, человек, сидевший верхом на муле, преградил ей дорогу, и она, обернувшись, посмотрела на него, прислонившись спиной к забору. Тогда я, спрятавшись за банановыми деревьями, стала смотреть в щель забора.

Человек, сидевший на муле, был стар и толст, с седыми волосами и с желтым, морщинистым лицом. Я знала его раньше и много слышала о нем: много лет он наводит ужас на эту страну. Черный народ зовет его Желтым Дьяволом, а белые — Перейра. Его жилище — в уединенном месте в одном из устьев Замбези. Туда он собирает своих рабов, и туда дважды в год приезжают торговцы и отвозят рабов на невольничьи рынки.

Этот человек посмотрел на мою госпожу, в ужасе прислонившуюся к забору, и, рассмеявшись, закричал по-португальски:

— Вот славная добыча! Должно быть, это та самая Хуанна, о красоте которой я столько слышал. Где ваш отец, моя голубка? Уехал по торговым делам, не правда ли? Я это знал, иначе, может быть, и не отважился бы приехать сюда. Но с его стороны нехорошо оставлять такую красотку. Хорошо, хорошо, он занят своим делом, а я должен приступить к своему, ведь я — тоже купец, моя голубка, торгующий черными птичками. Птички с серебристыми перьями не часто попадались мне. Здесь есть молодые люди, которые за такие глаза, как у вас, дадут много. Не бойтесь, моя голубка, мы скоро найдем вам супруга!

Так говорил Желтый Дьявол. Моя госпожа испуганно смотрела на него; слуги работорговца громко смеялись его злым словам.

Наконец она, казалось, поняла, о чем он говорил, и я увидела, что моя госпожа медленно подняла руку к голове. Я догадалась о ее намерении.

Она носила в своих волосах ужасный яд, малейшая крупица которого, попав на язык, тотчас же убивает человека. Секрет этого яда открыла ей я. Моя госпожа постоянно носила яд при себе на тот случай, если ей будет угрожать худшее, чем смерть. Тогда я в ужасе прошептала ей через щель забора на древнем языке моего народа:

— Удержи свою руку, госпожа. Пока ты жива, ты можешь еще освободиться, а от смерти нет избавления. Будет еще время употребить яд, когда самое худшее будет угрожать тебе!

Она услышала меня и опустила руку. Перейра заговорил снова:

— Теперь, если вы готовы, мы можем отправляться, до моего гнезда восемь дней пути, а кто может сказать, когда придут покупатели за моими черными птицами? Не скажешь ли ты, моя голубка?

Тогда моя госпожа впервые заговорила с ним.

— Я в вашей власти, но не боюсь вас! Знайте, что в случае необходимости я могу от вас ускользнуть. Только я скажу следующее: ваше злодейство навлечет смерть на вашу голову, — и она посмотрела на тела убитых работорговцами пленников и на дым, поднявшийся над ее домом, подожженным злодеями.

Португалец, казалось, испугался, затем громко рассмеялся и, перекрестившись по обычаю своего народа для защиты от проклятия, произнес:

— Как! Вы пророчествуете, моя голубка? Вы говорите, что можете ускользнуть, если захотите? Ну, это мы посмотрим. Приведите мула для госпожи.

Мул был приведен, и Хуанну, мою госпожу, посадили на него. Затем работорговцы пристрелили тех из рабов, которые, по их мнению, не имели никакой цены, и караван двинулся к берегам реки.

Когда он скрылся из виду, я вышла из своего убежища, отыскала тех из поселенцев, которым удалось ускользнуть от рук злодеев, и попросила их пойти с оружием по следам Желтого Дьявола, чтобы при удобном случае освободить мою госпожу. Но они боялись сделать это, да и многие из старейшин были взяты в плен. Они только плакали о своих убитых родственниках и сожженных краалях.

— Трусы! — сказала я им. — Если вы не хотите идти, то я одна пойду. По крайней мере, пусть кто-нибудь из вас пойдет вверх по реке и, отыскав Мэвума, расскажет ему обо всем.

Они обещали пойти. Взяв одеяло и немного пищи, я отправилась следом за караваном работорговцев. Четыре дня я шла за ними, пока у меня не вышла пища и силы не оставили меня. На утро пятого дня я не могла

больше идти и, взойдя на вершину скалы, долго следила за караваном. В середине его шли два мула, и на одном из них сидела женщина. Тогда я убедилась, что ничего не случилось с моей госпожой, что она еще жива.

С горы я увидела вдали маленький крааль. Собрав последние силы, я пошла к нему. Жителям его я сказала, что убежала от работорговцев, и они приняли меня ласково. От них я узнала, что несколько белых людей из Наталя искали в этих горах золото, и весь следующий день я провела в поисках этих людей. Что они могут мне помочь, это я хорошо знаю, англичане ведь не любят работорговцев. Вот, наконец, господин, я с превеликим трудом добралась сюда и прошу тебя освободить мою госпожу из рук Желтого Дьявола. О господин, я кажусь бедной и жалкой, — но скажу тебе, что если ты освободишь ее, то можешь получить большое вознаграждение. Да, я открою тебе то, что скрывала всю мою жизнь, даже от моего господина Мэвума. Я открою тебе тайну сокровищ моего народа — детей тумана! Леонард, все время молча и внимательно слушавший рассказ Соа, поднял голову и посмотрел на нее, думая, что горе помутило ее рассудок. Однако на лице женщины отражалось только сильное волнение, но не сумасшествие.

— В своем ли ты уме, матушка? — сказал он наконец. — Ты видишь, что я здесь один со слугой, так как три моих товарища, о которых люди из крааля говорили тебе, умерли от лихорадки, и я сам болен ею. И ты просишь меня отправиться в лагерь работорговцев, местонахождения которого ты даже не знаешь, чтобы одному освободить твою госпожу, если действительно у тебя есть госпожа и твой рассказ верен? Как не подумать, что ты не в своем уме?

— Нет, господин, я не сошла с ума, и я говорю тебе правду до последнего слова. Конечно, я прошу многого, но я хорошо знаю, что вы, англичане, способны на любые дела, если вам хорошо заплатить. Постарайся помочь мне, и ты получишь хорошее вознаграждение. Даже если тебе и не удастся помочь мне и при этом ты останешься жив, то все-таки получишь награду, хотя не так много, может быть, но все-таки больше, чем мог бы когда-нибудь получить.

— Не говори мне больше о вознаграждении, — раздраженно прервал ее Леонард, которого задел скрытый сарказм слов Соа. — Лучше скажи, не можешь ли ты вылечить меня от лихорадки? — прибавил он, смеясь.

— Я могу это сделать, — спокойно отвечала она, — завтра утром я начну лечить тебя!

— Тем лучше! — сказал он с недоверчивой улыбкой. — А теперь скажи мне, куда же увезли твою госпожу? Вероятно, это гнездо находится в

потайном месте? Сколько времени тому назад она была увезена?

— Сегодня идет двенадцатый день, господин. А место гнезда — тайна, вот все, что я знаю. Открыть его — дело твоей мудрости!

Леонард подумал немного и обратился к карлику, молча слушавшему разговор Соа с Леонардом, сказав ему по-голландски:

— Оттер, тебя когда-то уводили в рабство?

— Да, баас, десять лет тому назад!

— Как это случилось?

— Вот как, баас. Я охотился на Замбези с воинами одного племени — это было после того, как мой собственный народ прогнал меня, потому что, по их словам, я был слишком безобразен, чтобы быть их вождем, на что имел право по рождению. В это время Желтый Дьявол, тот самый человек, о котором говорит эта женщина, с арабами напал на нас и увел к своему убежищу, чтобы ждать там покупателей рабов. В тот день, когда покупатели прибыли, я убежал вплавь, а все остальные были увезены на кораблях на Занзибар!

— Можешь ли ты найти дорогу к этому месту?

— Да, баас, хотя сделать это очень трудно, так как дорога к нему идет болотами. Место это скрыто и защищено водой. Всем рабам в последний день были завязаны глаза. Но я поднял повязку с помощью носа — ах, мой большой нос очень хорошо послужил мне в тот день! — и следил за дорогой из-под повязки, а Оттер никогда не забудет дороги, по которой прошли его ноги. Вот почему я и смог по той же дороге вернуться назад.

— Ты мог бы отсюда добраться до этого места?

— Да, баас. Я пошел бы вдоль этих гор, за десять дней или более дошел бы до южного рукава Замбези ниже Луангвы, затем шел бы еще один день вниз по реке, а после того два дня по болотам, и я пришел бы к месту. Но это — очень сильно укрепленное убежище, баас, и там много людей с ружьями, есть даже большая пушка!

Леонард снова подумал и, обратившись к Соа, спросил ее:

— Ты понимаешь по-голландски? Нет? Я должен тебе сказать, что узнал кое-что об этом гнезде от моего слуги. Перейра сказал, что от дома твоего господина восемь дней пути, так что твоя госпожа три или четыре дня находится в гнезде, если только она увезена туда. Затем, насколько я знаю обычаи работорговцев этих мест, они не начнут вывозить рабов еще целый месяц, пока не прекратятся муссоны. Поэтому, если я не ошибаюсь, времени еще достаточно. Заметь, матушка, что я не обещаю пока ничего, сначала я должен подумать!

— Да, белый человек, ты сделаешь это, если узнаешь, каково

вознаграждение. Но все это я скажу тебе завтра, после того как вылечу тебя от лихорадки. А теперь, пожалуйста, черный человек, укажи мне место, где я могла бы поспать: я очень утомлена!

V . Леонард клянется кровью Аки

На следующее утро Леонард проснулся рано от тревожного сна. Но Соа встала раньше его, и когда Леонард вышел из грота, он увидел, что она стоит, склонившись над котелком, и что-то варит в нем.

— Доброго утра, белый человек! Вот здесь то, что вылечит тебя от болезни, как я обещала! — И она сняла с огня котелок.

Леонард понюхал; жидкость пахла отвратительно.

— Это скорее способно отравить меня, матушка! — сказал он.

— Нет, нет, — ответила она с улыбкой, — выпей половину теперь и половину в полдень, и лихорадка больше не будет тебя беспокоить. Как только жидкость остыла, Леонард выпил половину ее, сильно сомневаясь в успехе лечения.

— Хорошо, матушка, если грязь есть доказательство добродетели, то твое средство окажется хорошим, — проговорил он.

— Оно хорошо, — с важностью заявила Соа, — многие были спасены им на краю смерти!

Благодаря ли средству Соа или по другой причине, но Леонард уже с наступлением ночи стал чувствовать себя гораздо лучше, а дня через два был так же здоров, как и прежде.

— Старуха принесла нам счастье, — говорил карлик. — Кусты опять пополнились дичью. Я едва вышел сегодня, как убил молодую жирную куду, и там их еще много!

Из принесенной Оттером добычи был приготовлен завтрак.

— Матушка, — заговорил Леонард, — прошлой ночью ты просила меня отважиться на великое дело, обещая вознаграждение. Ты говорила, что мы, англичане, можем многое сделать за золото, а я — бедный человек и ищу богатства. Ты просишь меня рискнуть своей жизнью; ну так скажи, что ты предлагаешь за это?

Соа посмотрела на него внимательно.

— Белый человек, слыхал ли ты когда-нибудь о моем народе — детях тумана?

— Нет, только знаю, что он существует. Что же дальше?

— Я, Соа, — дочь верховного жреца этого народа и убежала оттуда много лет тому назад, после того как была назначена для жертвоприношения богу Джалю, который имеет такой же вид, как этот черный человек! — указала она на Оттера.

— Это очень интересно, — сказал Леонард, — продолжай!

— Белый человек, этот народ — великий народ. Он живет в стране тумана, под сенью снежных горных вершин. Мои соплеменники ростом больше других людей и очень жестоки, но женщины их прекрасны. О происхождении моего народа я не знаю ничего; оно затеряно в веках. Он почитает древнюю каменную статую карлика и приносит ему в жертву кровь людей. У подножия статуи находится пруд с водой, а к нему примыкает пещера. В этой пещере, белый человек, живет тот, чье изображение мой народ почитает, — Джаль, и имя его — Ужас!

— Ты хочешь сказать, что карлик живет в пещере? — спросил Леонард.

— Нет, белый человек, не карлик, но священный змей, самый большой змей в целом свете и самый старый, ибо он живет там с начала мира. Этот змей пожирает тела тех, кого приносят в жертву черному существу!

— Все это очень любопытно, — заметил Леонард, — но я не понимаю, какую же выгоду можно извлечь из всего этого.

— Белый человек, жрецы детей тумана приносят в жертву своему богу не только жизнь людей, но и такие безделушки! — и она показала Леонарду рубин необычайной величины и ослепительного блеска.

— У твоего народа много таких камней, Соа? — спросил Леонард. — Где же они находят их?

— Да, белый человек, они часто находят их в сухом ложе реки. Правда, такие большие попадаются редко, в одном месте, известном только жрецам. Вместе с такими находят еще другие камни, голубого цвета!

«Должно быть, сапфиры, — подумал Леонард, — их обычно находят вместе!»

— Они находят их каждый год, — продолжала Соа, — и самый большой из найденных камней привязывают ко лбу женщины, избранной в жены богу Джалю. Затем, еще до жертвоприношения, они снимают камень с ее лба и прячут в тайном месте, где сложены все камни, бывшие у всех жертв за многие годы. Глаза Джаля также сделаны из этих камней. Легенда моего народа гласит, белый человек, что Джаль, бог смерти и зла, убил свою мать Аку в давно минувшие времена. На том месте, где он убил ее, находят красные камни — это ее кровь, и голубые — ее слезы. С той поры кровь Аки приносят в жертву Джалю и будут приносить до тех пор, пока Ака не вернется снова на землю.

— Прекрасный сюжет из мифологии, — проговорил про себя Леонард, — наши старые друзья — мрак и заря в африканской форме, я полагаю.

— Слушай, матушка, — обратился он снова к Соа. — Этот камень,

если он драгоценный, стоит несколько унций золота, но есть другие камни, столь похожие на него, что неопытный человек может спутать их, и те камни имеют очень маленькую цену. Конечно, может быть, этот камень, а также и другие, о которых ты говоришь, — настоящие рубины; во всяком случае, я бы хотел достать их. Но скажи мне, как я могу сделать это?

— Белый человек! — отвечала она. — Если ты согласишься помочь мне, я теперь же дам тебе этот камень. Пообещай мне только попытаться освободить мою госпожу! Я вижу по твоим глазам, что ты исполнишь обещание, раз дашь его! — И она смело посмотрела на него.

— Очень хорошо, — сказал Леонард, — но, принимая во внимание риск, я нахожу цену недостаточной. Как я сказал тебе, этот камень может ничего не стоить. Ты должна предложить что-нибудь получше, матушка!

— Верно, белый человек, я судила о тебе правильно, — ответила с усмешкой Соа, — конечно, ты мудро рассудил: за маленькое вознаграждение — малое дело. Вот какую плату я предлагаю тебе. Если удастся освободить мою госпожу из когтей Желтого Дьявола, я от ее имени и своего собственного обещаю привести тебя в страну моего народа и укажу, где достать все другие бесценные камни, спрятанные там!

— Хорошо, — сказал Леонард, — но почему ты обещаешь не только от своего имени, но и от имени своей госпожи?

— Без нее ничего нельзя сделать, белый человек: мой народ великий и сильный, а у нас нет средств покорить его войной. Оружием здесь должна служить хитрость!

— Говори толком, Соа. Я не могу тратить время на распутывание загадок. Как ты хочешь покорить этот народ хитростью, и какое отношение ко всему этому имеет твоя госпожа?

— Ты постепенно узнаешь все, белый человек, после того, как освободишь ее. До тех пор я буду молчать. Скажу тебе только, что у меня есть план, и этого довольно. Если ты откажешься, то я пойду за помощью к другим.

Леонард подумал немного и, видя ее решительность, сказал:

— Хорошо. Но я не знаю, согласится ли твоя госпожа исполнить данное от ее имени обещание.

— Я отвечаю за нее, — сказала Соа, — она никогда не откажется от моего слова. Белый человек, я открыла тебе важную тайну, и если ты отправишься вместе со мной в страну моего народа, то мне грозит смерть, если меня узнают. Я рассказала тебе это и предложила подарок потому, что видела твою нужду в деньгах и была уверена, что, не имея надежды на получение денег, ты не захочешь рисковать жизнью. Но я так люблю мою

госпожу, что готова рискнуть своей жизнью, чтобы только спасти ее от позорного рабства. Ну, белый человек, я сказала достаточно. Ты согласен?

— Что ты скажешь, Оттер? — спросил Леонард задумчиво. — Ты слышал все. Дай мне совет: ты — ловкий человек!

— Я слышал все, баас, — отвечал Оттер. — Что касается моей ловкости, то я, может быть, ловок, может быть — нет. Мой народ говорил, что я ловок, и это было одной из причин, почему он не желал иметь меня своим вождем. Если бы я был только ловок или только безобразен — они бы это перенесли, но так как я был ловок и безобразен, то они не захотели такого вождя. Они боялись, что я могу сделать весь народ безобразным!

— К чему ты все это говоришь? — спросил Леонард, понимавший, однако, что карлик говорил так с целью дать самому себе время обдумать свой ответ. — Дай мне совет, Оттер!

— Баас, что я могу тебе сказать? Я не знаю цены этого красного камня. Я не знаю, откуда эта женщина, о которой сердце не говорит мне ничего хорошего; не знаю, правду ли она говорит или лжет о далеком народе, живущем в тумане и почитающем бога такого вида, как я. Нигде еще не поклонялись мне как богу, и если есть такая страна, то я бы хотел отправиться туда. Что касается освобождения ее госпожи из гнезда Желтого Дьявола, то я не знаю, как это сделать.

— Скажи мне, мать, сколько человек Мэвума было взято в плен с твоей госпожой? — обратился он к Соа.

— Человек пятьдесят! — ответила она.

— Хорошо, — продолжал карлик, — если мы освободим этих людей и если они храбры, то мы можем кое-что сделать, но все это не наверное, баас. Впрочем, если ты думаешь, что цена хорошая, то мы можем попробовать. Это будет все-таки лучше, чем сидеть здесь. Никто не может знать, что случится. От судьбы не уйдешь.

— Хорошая пословица! — сказал Леонард.

— Соа! Я принимаю твое предложение, хотя надеяться на успех бессмысленно. Теперь мы заключим с тобой письменное соглашение во избежание каких-либо недоразумений. Возьми немного крови из горла козы, Оттер, смешай ее с порохом и горячей водой — это заменит нам чернила!

Когда Оттер занялся этим, Леонард стал искать бумагу, которой не нашлось ни одного клочка. Последний запас бумаги, оставшийся у него, был унесен бурей в ночь смерти его брата. Тогда он вспомнил о книге, подаренной ему Джейн Бич. Чистый листок, на котором стояла подпись Джейн, он не хотел портить, и поэтому решил писать поперек заглавного

листа. Вот что он написал мелкими буквами:

Соглашение между Леонардом Атремом и Соа, туземной женщиной.

I. Означенный Леонард Атрем обязуется употребить все свои усилия для освобождения Хуанны, взятой в рабство Перейрой, работорговцем.

II. В вознаграждение услуг Леонарда Атрема означенная Соа обязуется от своего имени и от имени названной Хуанны Родд, провести его в некоторое место в центре Юго-Восточной Африки, населенное племенем, известным под именем детей тумана, здесь помочь ему завладеть большим количеством рубинов, используемых в религиозных церемониях этим племенем. Соа обязуется, от имени упомянутой Хуанны Родд, что последняя будет сопровождать ее в путешествии и будет исполнять среди народа тумана ту роль, в которой возникнет необходимость для успеха предприятия.

III. Названные лица взаимно обязуются продолжать предприятие до тех пор, пока Леонард Атрем не убедится, что оно невозможно.

Заключено в горах Маника, Восточная Африка,

9 мая 19… года.

Окончив этот документ, Леонард громко прочел его и от всей души рассмеялся.

Передав содержание документа Оттеру, он спросил мнение карлика.

— Очень хорошо, баас, очень хорошо, — ответил тот, — удивительны эти белые люди! Но, баас, как эта старуха может ручаться за других?

Карлик коснулся самого слабого места в документе. Но Соа избавила его от затруднений, сказав спокойно:

— Не бойся, белый человек, моя госпожа в точности исполнит то, что я обещала от ее имени. Дай мне перо, чтобы я могла сделать мой знак на бумаге. Но сначала ты должен поклясться этим красным камнем, что будешь стараться исполнить все, что написано тут!

Леонард улыбнулся, поклялся и подписал документ, а Соа поставила свою метку. Оттер скрепил бумагу в качестве свидетеля, и дело было окончено. Рассмеявшись снова над всем этим, Леонард, написавший документ скорее в шутку, чем из каких-либо других побуждений, положил книгу в свой карман, спрятав также и большой рубин.

Старуха следила, как исчез камень, с выражением торжества на своем злом лице, затем радостно воскликнула:

— А, белый человек, ты взял его, и теперь ты мой слуга до конца. Поклясться кровью Аки — настоящая клятва, и горе тому, кто нарушит ее!

— Да, я взял твой камень, — сказал Леонард, — и выполню свою клятву, но нечего говорить о крови Аки, когда мы рискуем нашей собственной кровью. А теперь давайте лучше готовиться в путь.

VI. Начало приключений

Прежде всего надо было позаботиться о пище. Оттер нарезал ломтями сырое козье мясо и положил его на скалы для сушки под палящими лучами солнца. Затем они рассортировали свое имущество и выбрали то, что можно было взять с собой. Его было мало: по одеялу на каждого, по паре сапог, немного каломели и других лекарств, два самых лучших ружья с запасом зарядов, компас, бутылка для воды, три ножа, гребень и маленький железный котелок — значительная тяжесть для двух мужчин и одной женщины, решивших идти через горы, проходить равнины и болота.

Этот багаж был разделен на три части, причем Соа досталась самая легкая часть, а Оттеру — наиболее тяжелая.

— Ничего, — сказал карлик, — я мог бы нести все в случае необходимости!

Зная силу карлика, Леонард понимал, что его слова — не пустое хвастовство.

Все остальное было спрятано в гроте вместе с горным инструментом. Леонард взял с собой также и все добытое им золото — около ста унций. Одну половину его он спрятал вместе с рубином в своем поясе, а другую отдал Оттеру. Сначала он хотел оставить золото в гроте, но потом вовремя вспомнил, что золото может пригодиться везде, а тем более среди работорговцев.

Вечером Леонард прикрепил свой узел себе на плечи ремнями; Оттер и Соа последовали его примеру. Чтобы избежать дневного зноя и опасности натолкнуться где-нибудь на работорговцев, решено было совершать путешествие ночью, при свете луны.

— Подождите меня несколько минут, — сказал Леонард Оттеру, — я пойду попрощаюсь с могилой брата!

Через четверть часа они тронулись в путь, навстречу новым опасностям, а может быть, и смерти. Мы не будем следовать шаг за шагом за Леонардом Атремом и его спутниками. Целую неделю они шли, совершая путешествие по ночам, как решено было ранее, взбирались на горы, проходили болота, переплывали реки, то голодая, то имея достаточные запасы пищи, которую находили в изредка попадавшихся им бедных краалях.

На восьмую ночь от начала путешествия они остановились на склоне высокой горы. Луна зашла, идти дальше было невозможно; кроме того, они

устали от долгого путешествия. Завернувшись в свои одеяла, чтобы защититься от ночного холода, они легли под сенью кустарников, рассчитывая проспать до зари.

На рассвете Оттер разбудил Леонарда.

— Смотри, баас, — сказал карлик, — мы шли правильно. Внизу большая река, а там вдали, вправо, море!

Действительно, в нескольких милях от них по большой равнине, покрытой кустарниками и переходившей постепенно в болото, шел тот рукав Замбези, до которого они хотели добраться.

— Около пяти часов пути отсюда, — продолжал карлик, — горы приближаются к реке. Туда-то нам и надо идти, чтобы достигнуть большого болота, где находится гнездо Желтого Дьявола!

После полудня путники отправились дальше и к ночи, еще до восхода луны, оказались у изгиба горы, примыкавшей к берегу реки. Взошедшая вскоре луна осветила удивительно безотрадную картину. В обширном полукруге, образованном изгибом гор, текла река, усеянная зелеными островами. Низменный берег реки переходил в громадное болото, имевшее в ширину от одной до двадцати миль и заросшее камышом. Запах гнили носился в воздухе над этим местом, наводившим ужас своей пустынностью и разрушением. Однако оно жило своей собственной жизнью. Стаи диких уток летели с моря, чтобы искать здесь пищу; аллигаторы и гиппопотамы плескались в воде; выпь кричала в камышах; отовсюду раздавалось кваканье тысяч лягушек.

— Там проходит дорога работорговцев, — сказал Оттер, указывая на одно место на горном берегу реки, — или, по крайней мере, раньше она проходила там!

— Выйдем на нее, — ответил Леонард. — Мы можем немного пройти по ней и затем расположиться на ночлег.

Путники дошли до указанного карликом места, где Оттер стал, точно гончая собака, рыскать по кустам. Через несколько минут он поднял руку и свистнул.

— Так я и думал, — сказал он, когда его спутники подошли ближе, — тропинка та же, что была и раньше. Смотри, баас!

Оттер раздвинул ногой один из кустов, и под ним оказался разложившийся труп женщины с ребенком.

— Умерла не более двух недель тому назад, — хладнокровно произнес карлик. — Да, Желтый Дьявол оставляет за собой такие следы, что нетрудно найти дорогу!

Соа стала внимательно рассматривать скелет.

— Одна из женщин Мэвума, — сказала она наконец, — я узнаю по костям ног!

Они пошли дальше и часа через два достигли места, где тропинка упиралась в реку.

— Что нам теперь делать, Оттер? — спросил Леонард.

— Здесь рабов сажают в лодки, — отвечал карлик, — перед этим они «выпалывают сорную траву», то есть убивают слабых и больных, чтобы не возиться с ними. Пойдем туда, посмотрим, там, наверное, есть лодки!

Леонард и Соа тотчас пошли по указанному Оттером направлению.

— Есть одна лодка, — сказал карлик, остановившись, — и «сорная трава» лежит по-прежнему!

Леонард, подойдя ближе, увидел ужасную картину. На небольшом открытом пространстве лежали сложенные в кучу тела мужчин, женщин и детей, недавно умерших. Вблизи виднелись кучи костей, белевших при лунном свете, — памятники прежних жертвоприношений. Гора мертвецов лежала вблизи заросшего мхом места, где были видны следы лодок, очевидно только недавно отчаливших отсюда.

При виде несчастных жертв зверства работорговцев в душе Леонарда вспыхнуло сильное желание встретиться лицом к лицу с Желтым Дьяволом, издевавшимся над жизнью беззащитных людей, и отомстить ему.

— Мы должны остановиться здесь до утра, стало уже темно, — сказал Леонард.

Путники расположились на ночлег на этой Голгофе.

Когда ночь прошла и солнце показалось во всем своем блеске, путешественники поднялись, стряхнули ночную росу с волос и принялись за скудный завтрак. Затем они молча направились к лодке, спустили ее на воду, и Леонард с Оттером взялись за весла.

Карлик прекрасно помнил дорогу. Без него нельзя было бы сделать ни одной мили, так как река дробилась на бесчисленные лагуны и естественные каналы, прорезанные течением воды в густой чаще тростника. Не было никакой возможности отличить один канал от другого. Тем не менее карлик уверенно показывал дорогу. Десять лет тому назад он был в этих местах и все же вел Леонарда безошибочно.

По временам попадались новые каналы, не существовавшие раньше, но, подумав немного, Оттер указывал, куда направиться дальше.

Так двигались они вперед большую часть дня, пока к вечеру не достигли места, где канал разделялся на два рукава: один к северу, другой к югу.

— Куда теперь, Оттер? — спросил Леонард.

— Ну, баас, я и сам не знаю. Вода изменила свое течение: здесь прежде была суша, и дорога шла прямо.

Это было серьезное затруднение: один неверный шаг — и они могли бы заблудиться.

После долгого размышления Оттер наконец предложил поехать по левому рукаву, но Соа, все время до сих пор молчавшая, посоветовала взять сначала вправо и поискать в этом направлении. Леонард не соглашался, но она настаивала, и лодка пошла по новому направлению. Пройдя ярдов триста и не видя ничего, Оттер хотел посоветовать повернуть назад.

— Подожди, белый человек, — произнесла вдруг Соа, внимательно оглядывая поверхность воды. — Что это там? — указала она на что-то белевшее в тростниках ярдах в сорока впереди.

— Перья, я полагаю, — ответил Леонард, — однако поедем и посмотрим!

— Это бумага, баас! — сказал Оттер, когда они подъехали близко к заинтересовавшему их белому предмету, — кусок бумаги на тростнике.

— Сними его поосторожнее! — сказал Леонард с невольно забившимся сердцем при виде куска бумаги в подобном месте.

Когда Оттер положил на скамейку лодки снятый им с тростника кусок бумаги, Соа стала внимательно разглядывать его.

— Это лист из книги, которую читала моя госпожа, — уверенно произнесла она наконец. — Я узнаю ее. Моя госпожа вырвала один лист и укрепила на тростнике как знак для того, кто пошел бы по ее следам!

— Очень вероятно, — отвечал Леонард. — С твоей стороны было очень удачной мыслью поехать в этом направлении.

Через час они достигли конца острова, вдоль которого ехали.

— Ага, — сказал Оттер, — теперь я снова узнаю дорогу. Это тот самый рукав. Если бы мы не вошли в него, то, вероятно, так бы и не попали на настоящую дорогу!

— Скажи, Оттер, — спросил Леонард, — как ты убежал из лагеря работорговцев?

— Баас знает, что я силен, а если бы я был так же красив, как ты, но не имел силы, то я был бы теперь или рабом, или мертвым. Со скованными цепями руками я убил того, кто был приставлен стеречь меня, и взял у него нож. Затем я разорвал свои цепи. Смотри, баас, у меня до сих пор остались от них рубцы. Когда другие подбежали, чтобы убить меня, я бросился в воду и нырнул так, что они более не видели меня. После я поплыл этой дорогой, останавливаясь по временам на островах, иногда же бежал вдоль

берега, где тростники так густы, что меня никто не мог увидеть. Через четыре дня я был уже в безопасности!

— Чем же ты питался?

— Кореньями и птичьими яйцами.

— А крокодилы не пытались съесть тебя?

— Да, баас, однажды. Но я ловок в воде. Я вскочил на спину водяной змеи и через глаз вонзил нож в ее мозг. Затем, вымазавшись кровью крокодила, я спокойно поплыл дальше, и аллигаторы более не трогали меня, принимая по запаху за своего брата.

— Скажи, Оттер, а теперь разве ты не боишься возвращаться в эти места?

— Немножко, баас, но куда идет баас, туда охотно последую и я. Кроме того, мне хотелось бы взглянуть еще раз на Желтого Дьявола, чтобы убить его этими руками!

И карлик, подняв весла, зарычал в ярости:

— Убить его! Убить его! Убить его!

— Тише, — сказал с досадой Леонард. — Ты хочешь навлечь на нас арабов, что ли?

VII. Гнездо Желтого Дьявола

Солнце зашло, и путешественники, как и в предыдущую ночь, расположились на острове, ожидая восхода луны. Найдя пару диких утят, они хотели развести костер, чтобы приготовить себе ужин, но Леонард запретил:

— Опасно, — заметил он, — огонь могут увидеть издали! Пришлось ограничиться скудным ужином из сушеного мяса и сырых утиных яиц.

И действительно, едва мрак сгустился, послышался шум весел, и несколько лодок проплыли мимо них. Люди, сидевшие в лодках, перекликались по временам на арабском и португальском языках.

— Ложитесь на землю и не шевелитесь! — прошептал Оттер. — Работорговцы пристанут со своими лодками!

Леонард и Соа последовали его совету, а работорговцы, усердно гребя против течения, прошли ярдах в сорока от них и повернули к берегу.

— Дорогу! — кричал один из работорговцев, выезжая вперед. — Место остановки близко, и там есть ром для тех, кто заслужит его!

— Надеюсь, что они не остановятся здесь! — тихо сказал Леонард.

— Тсс… — прошептал Оттер, — они причаливают, я слышу! Действительно, работорговцы пристали к берегу. Вскоре два ярких языка пламени показали, что они развели костры.

— Нам лучше уйти отсюда, — произнес Леонард, — если они откроют нас, то…

— Они не откроют нас, баас, если мы будем лежать тихо! — возразил Оттер. — Подождем здесь. У меня есть другой план. Слушай, баас… — И он зашептал что-то на ухо своему господину.

Леонард согласился с предложением карлика, и они остались на прежнем месте. От костров к ним доносился шум пьяной оргии работорговцев.

Через час Леонард поднялся на ноги, его примеру последовал

Оттер, проговорив:

— Я пойду ближе, баас. Я могу двигаться, как кошка!

— Куда вы хотите идти, белый человек? — спросила Соа.

— Поближе к ним, чтобы подслушать их разговор. Я понимаю по-португальски. Оттер, возьми нож и револьвер, но ружья не бери!

— Хорошо, — сказала женщина, — только будьте осторожны. Они — ловкий народ.

— Да-да, — ответил Оттер, — но баас тоже ловок, да и я также. Не бойся за нас, мать!

Осторожно крадясь по камышам, Леонард и карлик двинулись вперед. Когда они были уже близко от костров, Леонард оступился и попал ногой в болото, произведя при этом сильный шум. Несколько работорговцев, услышав всплеск воды, вскочили на ноги, но Оттер тотчас же зафыркал, подражая голосу молодого гиппопотама.

— Речная корова, — произнес один работорговец по-португальски. — Огонь испугает ее, и она не тронет нас!

Леонард и Оттер, выждав некоторое время, подкрались к кусту, вблизи которого сидели работорговцы. Леонард мог ясно слышать каждое слово из их разговора. Работорговцев было двадцать два человека. Один только их предводитель, по-видимому, был чистокровный португалец, а остальные — мулаты и арабы. Все они пили из оловянных кружек ром, и многие из них уже опьянели, по крайней мере, языки их развязались.

— Проклятие отцу нашему, дьяволу, — произнес один мулат, — что ему вздумалось как раз теперь отправить нас с лодками! Мы можем пропустить потеху!

— Какую потеху? — спросил предводитель банды. — Еще три или четыре дня птиц не будут сажать в клетки: покупателей еще ждут, да и, кроме того, здесь говорят об английском крейсере, — чтоб ему провалиться в преисподнюю! — будто он снует у устья реки!

— Нет, я не про то говорю, — ответил мулат, — не много удовольствия смотреть на продажу вонючих негров. Я говорю о продаже с аукциона белой девушки, дочери англичанина-купца, захваченной нами недавно. Вот красотка для счастливой собаки! Я еще никогда не видел ничего подобного; что у нее за глаза, что за характер!

— Ну, вам нечего думать о ней, — усмехнулся вожак, — она слишком дорога для таких молодцов, как вы; кроме того, глупо тратить много денег на девушку, белую или черную. Когда будет аукцион?

— Он был назначен в ночь перед отправлением партий, но теперь говорят, что он состоится завтра ночью. Скажу вам, почему Желтый Дьявол спешит с этим делом: он боится ее, думая, что она принесет ему несчастье, и хочет скорее отделаться от нее. Ах! Старик — забавник, любит шутки. Все мужчины братья, — сказал он вчера, — черные и белые; поэтому все женщины — сестры. На этом основании он хочет продать ее как негритянку. Ха-ха-ха! Дайте, братцы, рому, дайте еще рому!

— Может быть, он еще отложит этот аукцион, и мы поспеем вовремя, — заметил вожак, — во всяком случае, за здоровье этой девушки! Кстати,

догадался ли кто-нибудь спросить пропуск? Я сам забыл это сделать!

— Да, — отвечал мулат, — прежнее слово: «Дьявол»!

Они проболтали около часу, частью о Хуанне, частью о других вещах. Когда работорговцы совершенно опьянели, разговор их стал настолько возмутительным, что, прислушиваясь к нему, Леонард едва мог лежать спокойно. Наконец один за другим все крепко уснули.

Тогда Оттер приподнялся на руках, и его лицо при слабом свете луны загорелось огнем дикого торжества.

— Баас, — прошептал он, — не сделать, ли нам это? — и он провел рукой по горлу.

Леонард задумался. Его ярость была велика, но он содрогался при мысли об убийстве спящих людей, хотя бы и злодеев. Кроме того, можно было вызвать шум. Остальные проснутся, страх отрезвит их, и тогда борьба будет немыслимой.

— Нет, — шепотом отвечал он, — иди за мной. Мы лучше спустим в воду их лодки!

— Хорошо, хорошо! — сказал Оттер.

Крадучись, как змеи, они подползли к тому месту, где к низкому дереву были привязаны лодки — три катера и пять широких плоскодонных барок с оружием и провизией работорговцев. Отвязав лодки, они слегка толкнули их, и флотилия работорговцев двинулась вниз по течению.

Леонард и Оттер пошли назад. Путь их проходил шагах в пяти от мулата, говорившего с вожаком о Хуанне. Леонард посмотрел на него и хотел ползти дальше. Оттер был уже шагах в пяти впереди, как вдруг луна выступила из-за облаков и свет ее упал на лицо работорговца. Он проснулся, поднял голову и увидел Леонарда. Медлить было нельзя, или все пропало; подобно тигру, вцепился он в горло мулата и сильно сжал его в своих руках, прежде чем тот мог вскрикнуть. Произошла короткая борьба, и в руке Леонарда сверкнул нож. Оттер не успел еще подойти к своему господину, как все было кончено так быстро и тихо, что ни один человек из банды не проснулся, хотя один или два из них шевелились и бредили в тяжелом сне.

Леонард вскочил на ноги и вместе с Оттером поспешно направился к тому месту, где осталась Соа.

Женщина, посмотрев на запачканную кровью куртку Леонарда, лаконично спросила:

— Сколько?

— Один! — отвечал Оттер.

— Я бы хотела, чтобы все, — свирепо промолвила Соа, — но вас

только двое!

— Скорее в лодку! — сказал Леонард. — Они сейчас погонятся за нами!

Вскоре они уже плыли по реке, удаляясь от острова. Сначала лодка была направлена поперек реки к противоположному берегу, чтобы можно было скрыться в его тени. Когда они приблизились к берегу, Оттер, положив весла, весело рассмеялся.

— Что ты смеешься, черный человек? — спросила Соа.

— Взгляни туда, — ответил карлик, указывая на какой-то предмет, плывший по течению и почти скрывшийся из виду. — Это плывут лодки работорговцев с их оружием и провиантом. Мы пустили их по течению, баас и я. Там на острове спят двадцать два человека, все, за исключением одного. Что они найдут, когда проснутся? Они увидят, что очутились одни на островке среди большой реки, переплыть которую не осмелятся, если бы даже и могли, из боязни перед аллигаторами. Никакой пищи найти на острове они не смогут, не имея ружей; утки ведь не будут дожидаться того, чтобы их схватили голыми руками. У берега будут собираться сотнями аллигаторы, чтобы стеречь их. Мало-помалу они от голода придут в бешенство, станут кричать, но никто не услышит их. Тогда они начнут нападать один на другого и в конце концов погибнут все жалким образом, от рук своих товарищей или от челюстей аллигаторов. Погибнут, погибнут все! — закончил Оттер и снова рассмеялся.

Но вот по тихим водам реки пронесся звук, скоро перешедший в вопль ужаса и бешенства. Очевидно, работорговцы, проснувшись, заметили, что кто-то убил одного из их товарищей. Вскоре крики их перешли в вой», конечно, они увидели, что лодок их нет и они очутились в западне. Леонард и Оттер с противоположного берега реки могли различить тени испуганных людей, бросавшихся туда и сюда в поисках своих лодок. Но последние исчезли и больше не вернутся. По мере того как путники продвигались вперед, крики становились все менее и менее слышными, и наконец стало совсем тихо.

Леонард рассказал Соа то, что они узнали из разговора работорговцев.

— Далеко ли еще нам ехать, черный человек? — спросила старуха.

— На закате солнца завтра мы будем у ворот гнезда Желтого Дьявола! — ответил карлик.

Два часа спустя они нагнали лодки работорговцев; пущенные ими по течению.

— Нам лучше пустить их ко дну! — сказал Леонард.

— Нет, баас, — возразил Оттер, — они могут нам еще понадобиться,

если нам удастся благополучно уйти из гнезда Желтого Дьявола. Кроме того, там найдется пища, в которой мы нуждаемся.

Совет был основателен, и Леонард принял его.

Взяв лодки на буксир, на заре трое путников пристали к берегу. Обыскав лодки работорговцев, они, к своей величайшей радости, нашли в них большие запасы пищи: жареное мясо, спиртные напитки, сухари, хлеб и несколько апельсинов и бананов. Только те, кому приходилось в течение нескольких недель обходиться совсем без мучной пищи, могут понять их радость. Они нашли в лодках и другие полезные для себя вещи: ружья, тесаки, боевые припасы и, что всего лучше, ящик с одеждой, принадлежавшей, очевидно, вожаку банды. Между прочим, здесь находилось форменное платье, богато расшитое золотыми шнурами, высокие сапоги и шляпа с пером, несколько длинных арабских одеяний и тюрбанов — парадные костюмы работорговцев. Но самой ценной находкой оказался кожаный кошелек с сотней английских соверенов и пятнадцатью португальскими золотыми монетами — честный заработок предводителя невольничьей партии.

— Ну, баас, — сказал Оттер, — мы должны переодеться в эти платья!

— Зачем это? — спросил Леонард.

— Чтобы работорговцы приняли нас за своих собратьев!

Оба немедленно переоделись. Леонард в платье работорговца, с пистолетами за шелковым поясом вполне мог быть принят за одного из самых свирепых охотников за рабами. Оттер, нарядившись в арабский костюм, который ему пришлось обрезать снизу, тоже выглядел внушительно.

Свое собственное платье они спрятали в камышах вместе с лодками на случай, если им посчастливится вернуться обратно. Кошелек с деньгами Леонард положил в карман. Он не чувствовал никаких угрызений совести, присвоив деньги работорговца, предполагая употребить их не на свои собственные нужды, а для успеха предприятия.

Далее дорога шла вдоль болот и состояла из таких троп, которые мог разыскать только человек, часто бывавший в этих местах. Но Оттер не забыл пройденного пути.

Так как необходимо было к ночи поспеть в гнездо Желтого Дьявола, они продвигались вперед, несмотря на палящий зной. Ни одного живого существа не попалось им навстречу, хотя вдоль дороги, в кустах, и валялись трупы рабов.

Наконец за час до заката солнца они подошли к жилищу Желтого Дьявола. Гнездо было устроено на большом острове, заросшем высокими

камышами. Камыши начинались от большой лагуны на северной и восточной окраинах острова и примыкали к ряду низких строений, которые считались достаточно защищенными обширным водным пространством.

На южной и западной сторонах вид лагеря был иной: здесь местность была сильно укреплена не только природой, но и руками человека. Прежде всего кругом шел канал, не особенно широкий и глубокий, но вследствие вязкого дна доступный для переправы только на лодках. На внутреннем берегу канала сооружен был вал, по гребню которого шел крепкий палисад, а бока обсажены кустами алоэ и других колючих растений.

Таков был внешний вид этого места. Внутри же оно разделялось на три главные части. Восточная представляла самое гнездо, длинное деревянное строение с большим мощеным двором впереди.

Кроме него были еще два строения; навес на столбах, примыкавший к тому месту, где выгружались транспорты с рабами. Далее, к северу, почти составляя продолжение самого гнезда, но отдельно от него, стояла крепкая каменная постройка — магазин. Вокруг строений виднелись соломенные крыши хижин туземного типа, занятых, очевидно, работорговцами низшего разряда — арабами и мулатами.

Вторая часть, расположенная к западу от первой, представляла собой лагерь рабов, и единственными зданиями в ней были четыре навеса, подобных тому, в котором продавались рабы, но только большей длины. Здесь рядами лежали рабы, прикованные к железным брусьям, шедшим вдоль навесов. Этот лагерь был отделен от первой части глубоким каналом, футов в тридцать шириной. В одном месте через него перекинут был простого устройства подъемный мост, соединявший лагерь рабов с гнездом. Лагерь рабов, подобно гнезду, был окружен также высоким валом, обсаженным колючими растениями. На валу, вблизи ворот, которые вели к лагерю рабов, и примыкавшей к ним небольшой сторожки, стояла шестифунтовая пушка, дуло которой было направлено на лагерь рабов — грозное предостережение для его обитателей. Вообще при устройстве гнезда были приняты все предосторожности как против восстаний рабов, так и против нападения внешних врагов на гнездо.

Наконец, третью часть владений Желтого Дьявола составлял сад за лагерем рабов. Он также был окружен каналом и земляными валами, но укреплен не так сильно, как первые две части гнезда.

VIII. План Леонарда

Леонард и его спутники пришли к окраине главного южного канала, на противоположном берегу которого виднелись ворота в гнездо. Но Оттер не повел Леонарда к воротам, где их могли бы заметить часовые, на вопросы которых они едва ли могли ответить удовлетворительно, несмотря на свои маскарадные костюмы. Поэтому они, не доходя до ворот, свернули в густой кустарник, покрывавший берег канала. Пройдя через него, они наконец оказались у поверхности воды, почти против юго-западного угла лагеря рабов, под тенью колючих кустарников вала.

— Слушай, баас, — тихо сказал карлик, — путешествие окончено; я привел тебя к жилищу Желтого Дьявола. Остается теперь взять его или освободить оттуда девушку.

Леонард печально посмотрел на гнездо. Возможно ли двум мужчинам и одной женщине взять это укрепленное место, наполненное десятками храбрецов? Удастся ли даже проникнуть туда? Издали это казалось возможным, но теперь все представлялось в ином свете. И тем не менее нужно было предпринять что-нибудь, иначе их труды пропадут даром и бедная девушка, освободить которую они пришли, будет отдана на позор или доведена до самоубийства.

— Оттер, — произнес наконец Леонард. — Я совершил ради этого дела длинный путь и теперь не отступлю назад. Никогда я еще не делал этого; не сделаю и теперь, хотя знаю, что верная смерть грозит мне!

— Все в руках будущего, — ответил Оттер, — но надвигается ночь, и нам пора подумать, как действовать. Смотри, баас, вот большое дерево. Влезем на него, чтобы посмотреть на лагерь!

Леонард согласился и, легко взобравшись на вершину дерева, увидел как на ладони весь лагерь. Оттер указал Леонарду подробности, знакомые ему как прожившему некоторое время пленником в лагере.

На дворе гнезда было видно множество людей разных национальностей в странных костюмах: то были торговцы черной костью различных оттенков. Некоторые гуляли группами, куря и разговаривая, другие забавлялись разными играми. Наконец, одна из групп — вожаки, судя по богатству костюмов, — стояла около магазина. Эти люди старались заглянуть внутрь здания сквозь защищенное решеткой окно, на уровень которого они поднимались, садясь один на плечи другого. Это забавляло их некоторое время, пока наконец любопытных не разогнал какой-то внезапно

появившийся толстый старик.

— Это Желтый Дьявол, — сказал Оттер, — а эти люди смотрели на девушку. Она заперта там и выйдет оттуда, только когда наступит час ее продажи. Эти люди — покупатели!

Леонард не произнес ни слова: он изучал местность. Пробил барабан, и появились люди с широкими оловянными мисками, от которых шел пар.

— Это несут пищу для рабов, — снова заметил Оттер. — Сейчас им будут раздавать ее!

Люди, несшие миски в сопровождении нескольких надсмотрщиков с треххвостыми бичами в руках, перейдя двор, подошли ко рву с водой, отделявшему лагерь рабов от гнезда, и велели часовому опустить мост. Когда это было сделано, люди, несшие миски и сопровождаемые каждый еще двумя помощниками, из которых один нес деревянную ложку, а второй воду в большом сосуде, начали обходить навесы. Человек, державший деревянную ложку, захватывал ею порции и швырял рабам пищу прямо на землю, как кидают кость собаке, а раб, несший сосуд, лил рабам воду в деревянные баки.

Вдруг группа людей, обносивших рабов пищей, и надсмотрщики стали о чем-то говорить.

— Раб болен! — пояснил Оттер.

Рослый человек с бичом начал наносить удары какой-то черной массе, лежавшей без движения под навесом; наконец, заметив, что его удары не производят на лежащего раба никакого действия, перестал бить и что-то громко крикнул. Два араба подошли к сторожке и, взяв оттуда инструменты, сняли с ног жертвы кандалы и освободили ее от цепей. Затем они поволокли тело к высокому валу и, взойдя по короткой лестнице на его вершину, сбросили тело в канал.

— Желтый Дьявол хоронит своих мертвых и лечит больных! — произнес Оттер.

— Я достаточно видел, — сказал Леонард и начал поспешно спускаться с дерева.

— Ах, баас, — сказал карлик, когда они спустились на землю, — ты, однако, малодушен; сердца же тех, в лагере, рабов крепки, да и, в конце концов, лучше быть в желудке рыбы, чем в руках работорговцев. Кто делает эти вещи? Разве это не белые люди, твои братья, разве не произносят они много молитв Великому Человеку на небе, творя подобные дела?

— Дай мне вина! — произнес вместо ответа Леонард, не будучи в состоянии защищать блага цивилизации в том виде, в каком она

выражалась в Африке. Он с ужасом подумал, что судьба несчастного раба может ожидать и его.

Сделав несколько глотков из бутылки с вином, Леонард некоторое время молча сидел, поглаживая бороду, смотря на сгущавшийся мрак зоркими глазами.

— Иди сюда, Соа! — произнес он наконец. — Мы пришли сюда по твоей просьбе. Посоветуй же теперь, что делать дальше. Как освободить твою госпожу из этого лагеря?

— Освободите рабов, и пусть они убьют своих господ! — лаконично ответила старуха.

— Я сомневаюсь, чтобы у рабов было много мужества! — заметил Леонард.

— Здесь должно быть около пятидесяти людей Мэвума, — возразила Соа, — они будут драться хорошо, если дать им оружие!

Леонард посмотрел на Оттера, ожидая дальнейшего развития плана.

— Мой дух говорит мне, — сказал карлик, — что огонь — надежный друг, когда врагов много. Тростник здесь сух, а морской ветер начнет дуть еще до полуночи. Да еще можно зажечь и все эти дома. Но разве у войска могут быть два предводителя? Ты — наш вожак, баас; говори, и мы исполним твою волю. Здесь один совет так же хорош, как и другой. Пусть судьба говорит твоими устами, баас!

— Хорошо, — сказал Леонард. — Вот мой план. Мы должны войти в гнездо, пока еще довольно темно. Я знаю пропуск — «Дьявол», и, может быть, часовой пропустит нас без малейших расспросов, увидев наши костюмы. Если же он задержит нас, то мы должны убить его, соблюдая полную тишину!

— Хорошо, — ответил Оттер, — но как быть с женщиной?

— Мы оставим ее в кустах. В лагере же она может только помешать нам!

— Нет, белый человек, — прервала его Соа, — я пойду с вами. Моя госпожа там, и я хочу видеть ее!

— Как хочешь! — согласился с ней Леонард и продолжал развивать свой план:

— Проникнув за ворота, мы должны идти по краю канала, отделяющего гнездо от лагеря рабов. Если мост будет поднят и мы не найдем средства опустить его, тогда нам придется переплыть канал, снять часового и проникнуть в лагерь рабов, где мы попытаемся освободить некоторых из них и пошлем их через сад в тростники, чтобы зажечь их. Тем временем я смело войду в гнездо, поздороваюсь с Перейрой, выдав себя за

работорговца, прибывшего с товаром к устью реки, скажу, что хочу купить рабов и прежде всего попрошу белую девушку. К счастью, у нас есть порядочно золота. Вот мой план пока, остальное надо предоставить случаю. Если удастся мне купить девушку — хорошо, если же нет, то я постараюсь вырвать ее оттуда каким-либо иным способом!

— Пусть будет так, баас, — сказал Оттер, — а теперь нам надо поужинать: ведь ночью нам понадобится вся наша сила. После этого мы пойдем к воротам и попытаем счастья!

В девять часов они, осторожно крадясь по кустам, вышли снова на дорогу и берегом канала пошли к воротам. Дойдя до того места, где привязывали лодки и барки, они остановились. Из гнезда до них доносился шум пирушки, а из лагеря рабов — стоны несчастных пленников. Мало-помалу небо несколько прояснилось.

— Тут есть лодка, — сказал Леонард, — нам лучше немного проехать в ней; она может облегчить нам возвращение из гнезда.

Едва он успел произнести эти слова, как послышался шум весел и мимо них проехала лодка, направлявшаяся к воротам.

— Кто едет? — раздался окрик часового на португальском языке. Отвечай живей, или я буду стрелять.

— Не спеши так, дурень, — ответил часовому грубый голос. — Самый лучший из друзей, честный купец по имени Ксавье, едущий со своей плантации рассказать вам хорошие новости!

— Виноват, сеньор, — ответил часовой, — в этой темноте не рассмотришь даже и такого рослого человека, как вы. Но какие же у вас новости? Есть в виду покупатели?

— Сойди вниз и помоги нам привязать эту проклятую лодку, потом я расскажу тебе все!

Часовой быстро сбежал по ступенькам лестницы, ведшей от ворот к пристани. Человек, назвавший себя Ксавье, продолжал:

— Да, покупатели есть в виду, но не думаю, что они приедут в эту ночь из-за ветра, а завтра ты увидишь, как будут выгружать черных птиц. Один, впрочем, прибыл из Мадагаскара, капитан-иностранец, здоровый француз или англичанин, точно не знаю, по имени Пьер. Я послал ему свой привет, хотя его самого и не видал. В своей записке я известил его, что сегодня ночью будет очень интересный аукцион, что было очень великодушно с моей стороны, так как этот капитан может быть очень серьезным соперником!

— Он приедет сюда, сеньор? Я спрашиваю об этом потому, что тогда надо пропустить его!

— Не знаю, сказал, что приедет, если будет возможность. Но скажи, как идут дела с английской девушкой? Сегодня ночью она будет продана?

— О да, сеньор, в двенадцать часов будет большое собрание. Как только она будет куплена, патер Франциско повенчает ее со счастливым купцом. Старик настаивает на этом. Он сделался суеверным и говорит, что выдаст ее замуж самым настоящим образом!

Ксавье громко расхохотался.

— Я приехал за этой девушкой, — произнес он, — думаю, что мне удастся купить ее за сто унций золота!

— Сто унций золота за девушку! Это большая сумма, сеньор, но вы богаты, не то что мы, бедняки, подвергающиеся такому же риску, но получающие мало барышей.

Гребцы между тем привязали лодку к пристани и вынули из нее багаж или что-то, чего не мог разглядеть Леонард. Ксавье вместе с часовым поднялся по лестнице, сопровождаемый двумя лодочниками, а ворота сейчас же снова были заперты, как только эти люди прошли в них.

— Хорошо, — прошептал Леонард, — мы кое-что узнали, по крайней мере. Ну, Оттер, я — Пьер, французский работорговец из Мадагаскара, а ты — мой слуга; что касается Соа, то она — наш проводник. Мы пройдем в ворота, но настоящий Пьер не должен проникнуть через них. Поэтому надо устранить часового, который мог бы впустить его. Как ты думаешь, Оттер, кто это сделает лучше, ты или я?

— Мне пришло в голову, баас, что мы можем последовать примеру этого Ксавье. Я могу что-нибудь оставить в лодке, и часовой должен помочь мне взять это оттуда, пока ты будешь в воротах, а затем… я ловок, силен и не люблю шума!

— Ты должен действовать ловко, быстро и без шума. Малейший крик, и все пропало!

Подкравшись к лодке и отвязав ее от пристани, все трое сели в нее и тихо спустились по течению метров на пятьдесят от пристани. Затем они повернули лодку назад.

— Что это, дурак, куда ты едешь? — громко сказал Леонард Оттеру на испорченном арабском языке, слывшем за туземное наречие в этих местах. — Поезжай к берегу, говорю я тебе, к берегу! Проклятый ветер и эта тьма! Стой теперь, безобразная черная собака! Должно быть, это те ворота, о которых говорилось в письме, так или лет, женщина? Зацепи за пристань багром!

Окно в воротах открылось, и раздался обычный оклик часового.

— Друг, друг, — отвечал Леонард по-португальски, — иностранец,

приехавший засвидетельствовать свое почтение вашему предводителю, дону Антонио Перейра, и поговорить с ним о деле!

— Как ваше имя? — подозрительно спросил часовой.

— Пьер мое имя, собака — имя моего слуги, а эту старуху можете назвать как хотите!

— Какой пропуск? Никто не входит сюда, не сказав пропуска! — сказал часовой.

— Пропуск? Ах, как было в письме дона Ксавье — «Враг»? Нет. Да, вспомнил — «Дьявол». Я из Мадагаскара, где есть еще спрос на ваше добро. Ну, впустите нас, мы не можем сидеть здесь всю ночь и пропустить аукцион.

Часовой начал отпирать ворота, но внезапно остановился.

— Вы не похожи на наших и говорите по-португальски, как проклятый англичанин!

— Да, ведь я сам проклятый англичанин, то есть, собственно, сын англичанина и креолки, родившийся на острове Маврикия. Кстати, попрошу вас быть поучтивее, а то я очень горячий человек!

Наконец часовой, ворча, открыл одну половину ворот, и Леонард стал подниматься по ступенькам лестницы, ведшей от пристани к воротам. Пройдя через ворота, он внезапно обернулся и ударил по лицу сопровождавшего его Оттера.

— Как, собака! — сердито крикнул он. — Ты забыл вынести бочонок с коньяком, мой маленький подарок дону Антонио. Ступай и вынеси его живей!

— Виноват, господин, — отвечал Оттер, — но я мал, а бочонок тяжел для меня одного. Не удостоишься ли ты помочь мне, так как старуха тоже слабосильна?

— Ты, кажется, принимаешь меня за носильщика, предлагая мне тащить по лестнице бочонок?! Вот что, дружище, — продолжал Леонард, обращаясь к часовому, — если вы хотите заслужить маленький подарок и выпить, то помогите ему втащить бочонок. В нем есть кран, и вы можете после попробовать его содержимое!

— Слушаюсь, сеньор! — уже весело ответил часовой и стал спускаться по лестнице к пристани.

Леонард и карлик переглянулись. Затем Оттер пошел вслед за часовым, держа руку на эфесе арабской сабли, а Леонард и Соа остались наверху, томительно ожидая, что произойдет дальше.

— Где же бочонок? Я не вижу его! — донесся до них голос часового.

— Наклонись, сеньор, наклонись, — отвечал Оттер, — он на корме!

Позволь, я помогу тебе!

После этого наступила минутная пауза, затем Леонард и Соа услыхали звук удара и шум от падения чего-то тяжелого в воду. Затем все смолкло. Через несколько секунд Оттер был возле них, и при слабом свете фонаря у ворот Леонард мог разглядеть только его блестевшие глаза и раздувавшиеся ноздри.

— Удар был быстрый и сильный, человек тот замолк навеки, — прошептал карлик, — как баас приказывал, так и было сделано!

IX. Геройство Оттера

— Помоги мне запереть ворота! — сказал Леонард карлику.

В следующую минуту большой железный засов был вложен на свое место, и Леонард, повернув ключ, опустил его в свой карман.

— Зачем баас запер ворота? — прошептал Оттер.

— Чтобы настоящий Пьер не мог пройти через них. Второй Пьер был бы лишним.

Крадучись, они прошли вдоль вала, пока не достигли хижины или навеса, обращенного задней стороной ко рву, отделявшему гнездо от лагеря рабов. К счастью, их никто не заметил, а собак в жилище Желтого Дьявола совсем не было.

Конец навеса, за которым они притаились, был шагах в десяти от подъемного моста, представлявшего единственное средство сообщения с лагерем рабов.

— Баас, — сказал Оттер, — позволь мне пойти вперед. Мои глаза видят в темноте, как глаза кошки. Я посмотрю, может быть, мост опущен.

Не дожидаясь ответа, карлик пополз вперед на руках, не производя ни малейшего шума. Несмотря на свое белое платье, он не мог быть замечен издали, скрытый густой тенью от навеса и кустов вдоль канала.

Прошло пять минут, десять минут, Оттер все еще не возвращался. Леонард забеспокоился, не случилось ли с ним чего.

— Пойдем, посмотрим, в чем дело! — шепнул он Соа.

Пройдя к другому концу навеса, они увидели лежавшее на земле платье и оружие Оттера, но самого карлика не было видно.

— Черный человек покинул нас! — в отчаянии воскликнула Соа.

— Никогда! — сказал Леонард, недоумевая, зачем понадобилось Оттеру снять свое платье. — Очевидно, он пошел в воду. Но зачем?

Леонард посмотрел на канал. Он разглядел, что на противоположном берегу его поднимался от воды ряд ступеней, ведших к воротам, а на нижней ступени сидел человек, близ которого лежало ружье. Ноги его находились на расстоянии всего нескольких дюймов от поверхности воды. Очевидно, это был часовой.

Леонард заметил, что под ногами часового на воде появилась рябь, сверкнуло что-то вроде стали и какой-то маленький черный предмет направился к ногам часового, полусонно мурлыкавшего что-то себе под нос. Еще мгновение — и часовой, как бы по волшебству, исчез со ступенек

в глубине воды.

Леонард догадался, что Оттер, подплыв под водой к часовому, схватил его за ноги и увлек за собой в глубину. Вскоре Леонард заметил, что карлик поднялся на ступени с ножом в руке и, пройдя через ворота, исчез в сторожке на верху вала. Прошла еще минута, послышался скрип канатов, и подъемный мост опустился, открыв трем смельчакам доступ в лагерь рабов. Черная тень появилась снова, на этот раз на мосту.

— Идем! — прошептал Леонард своей спутнице. — Этот герой Оттер утопил часового и опустил мост. Возьми-ка его оружие и платье!

В этот момент к ним подошел сам Оттер.

— Скорее переходи, баас, пока они не заметили, что мост опущен, — произнес карлик. — Дай мне мое платье и оружие!

— Вот они! — сказал Леонард, и все трое, перейдя мост, остановились на валу.

— Скорей в сторожку, баас, в ней никого нет; там находится ворот! Войдя в сторожку, Оттер схватил рукоять ворота и начал ее вертеть, напрягая свои могучие мускулы, и мост был снова поднят.

— Теперь мы на некоторое время в безопасности, баас, — произнес карлик, — однако мне надо одеться. Извини меня, баас, что я, такой безобразный, появился перед тобой без одежды!

— Оттер, — сказал Леонард, — ты сделал великое дело, но это еще не все. Теперь надо идти к рабам. Посвети мне, покажи дорогу. Здесь мы ведь в безопасности, не правда ли?

— Да, баас, сюда никто не может попасть, разве только после штурма, но там есть большое ружье, которое можно поворачивать кругом. Направим его на гнездо на всякий случай.

— Я не имею никакого понятия о пушках! — сказал с сожалением Леонард.

— Зато я знаю кое-что, белый человек, — вмешалась Соа. — У Мэвума есть в поселении маленькая пушка, и я часто помогала ему стрелять из нее для подачи сигнала лодкам на реке; многие из людей Мэвума, находящиеся здесь, также знают толк в этом деле!

— Отлично! — сказал Леонард.

По тропинке, идущей вдоль гребня вала, они подошли к платформе, где стояла пушка. Это было шестифунтовое, заряжающееся с дула орудие. Леонард, взяв банник, всунул его в дуло.

— Заряжено, — произнес он, — повернем его кругом!

Повернув пушку, они направились к маленькой хижине, стоявшей вблизи. Тут были спрятаны, на случай восстания рабов, боевые припасы —

картечь и порох.

— Зарядов достаточно, — заметил Леонард, — этим господам не приходило в голову, что пушки могут стрелять во все стороны. Ну, Оттер, веди нас скорее к рабам!

— Надо сначала взять инструменты для отмыкания оков. Они, наверно, в сторожке! — проговорил карлик.

Взяв необходимые инструменты и фонарь, они подошли к первому навесу с рабами. Посреди его шла дорожка, по обеим сторонам которой стояли железные брусья с прикованными к ним рабами. Под этим навесом было около двухсот пятидесяти человек.

Несчастные пленники лежали на мокрой земле, мужчины и женщины вместе, стараясь забыться во сне; впрочем, большая часть их бодрствовала, и стоны их неслись отовсюду.

Завидев свет, рабы перестали стонать и, как собаки, заползали по земле, ожидая ударов. Они думали, что пришли их поработители. Некоторые, подняв кверху свои закованные руки, умоляли о пощаде, но большинство, не надеясь ни на что, хранили глубокое молчание. Нельзя было без содрогания смотреть на их искаженные ужасом лица и дрожавшие фигуры.

Соа обошла первый ряд рабов, внимательно всматриваясь в их лица.

— Ты не видишь никого из людей Мэвума? — тревожно спросил ее Леонард.

— В этих рядах их нет, белый человек; освободим их и посмотрим следующий навес!

— Не надо делать этого, мать, — сказал Оттер, — эти только выдадут нас!

Тогда они прошли к следующему навесу — их было всего четыре. — И здесь Соа остановилась подле второго человека с краю.

— Питер! Питер! — окликнула его Соа.

Раб проснулся, дико осматриваясь вокруг. Это был красивый парень, лет тридцати.

— Кто зовет меня? — спросил он хриплым голосом.

— Питер, — снова сказала женщина, — проснись, сын Мэвума, это я, Соа, пришедшая спасти вас!

Раб громко вскрикнул и задрожал всем телом, но остальные пленники не обратили на это внимания, думая, что его наказывают» плетью.

— Тише, — сказала Соа, — или мы погибли. Освободи его, черный человек, это старейшина поселения и храбрый человек!

Оковы были сняты с Питера, и он, высоко подпрыгнув от радости,

бросился к ногам Оттера, чтобы поцеловать их.

— Перестань, глупый, — сурово сказал карлик, — лучше покажи нам других людей Мэвума, да живее, а то скоро опять окажешься на цепи.

— Здесь их около сорока человек, — сказал Питер, оправившись, — кроме того, несколько женщин и детей. Остальные умерли. Госпожа находится там! — показал он рукой на гнездо.

Пройдя вдоль навеса, Оттер по указанию Соа освобождал от цепей людей Мэвума. Пока карлик снимал с них железные наручники, Соа объясняла план действий Леонарда Питеру, весьма толковому малому. Он быстро понял положение дел и весьма серьезно помог Леонарду в его усилиях сохранить тишину и порядок.

— Ну, — обратился Леонард к Соа, — теперь пора действовать. Я должен уйти. Вы можете освободить остальных людей Мэвума. Теперь половина двенадцатого, и мне нельзя терять ни одной минуты. Оттер, скажи, как послать людей поджигать тростники, через сад?

— Нет, баас, я думаю, лучше их послать той же дорогой, по которой я убежал отсюда. Но для этого надо уметь плавать!

— Они все родились на берегах реки и умеют плавать! — сказала Соа.

— В таком случае четверо из них должны плыть по каналу к тому месту, где я убил часового. Может быть, путь их будет прегражден деревянными сваями, но в мое время они уже были гнилые; наконец, если они крепки, то нужно перелезть через них. Дойдя до того места, где солнце восходит и откуда сильнее всего дует ветер, люди должны поджечь тростники. Сделав это, они могут уйти за огонь и ждать, что будет. Если нам будет сопутствовать удача, они найдут нас здесь; если же мы будем убиты, то они могут убежать. Но захотят ли идти эти люди?

Соа, шагнув вперед, вызвала четырех человек, к которым обратилась со следующими словами:

— Вы слышали слова черного человека? Повинуйтесь ему, и если кто-нибудь из вас не послушается его в самой ничтожной мелочи, то…

— И Соа произнесла такое ужасное проклятие, что Леонард с удивлением посмотрел на нее.

— Да! И если я останусь жив, то перерву тому глотку! — прибавил Оттер.

— Ни к чему угрожать, — ответил один из четверых, — мы сделаем все ради нас самих, вас и нашей госпожи. Мы поняли, что надо делать, но чтобы зажечь тростник, нужен огонь!

— Вот спички! — сказал Оттер.

— Но мокрые спички не загорятся, ведь мы будем плыть.

— Глупый, разве ты будешь плавать головой в воде? Привяжите спички к волосам!

— Хорошо, — продолжал поселенец, — если нам удастся живыми добраться до тростников, то когда их надо зажечь?

— Как дойдете до конца их, а это ведь нелегко. Прощайте, мои дети. Если вы посмеете не исполнить то, что вам поручено, то лучше вам умереть прежде, чем снова увидеть мое лицо! — грозил карлик.

Через две минуты четыре человека тихо плыли по каналу.

— Опусти мост, — произнес Леонард, — пора отправляться!

Оттер опустил мост, объяснив действие его несложного механизма Соа, Питеру и прочим людям Мэвума.

— Ну, матушка, — обратился Леонард к Соа, — освободи остальных людей, кого можно, и зорко смотри, чтобы вовремя опустить мост, как только мы или твоя госпожа приблизимся к нему. Если мы на заре не вернемся сюда — значит, мы убиты или в плену, и тогда действуй сама!

— Слышу, господин, — сказала Соа. — Ты храбрый человек, и удача встретит тебя или неудача, но красный камень уже заслужен тобою!

Перейдя через мост, снова поднятый вслед за ними, Леонард с Оттером вернулись назад к тому же месту, под тень навеса. Затем, пробежав несколько шагов по открытому пространству, они оказались около ворот, откуда не торопясь направились к навесу, где производилась продажа рабов. Под навесом не было никого, но они увидели перед верандой самого гнезда большое и шумное сборище людей.

— Слушай, Оттер, — прошептал Леонард, — мы должны идти к ним. Зорко следи за мной и делай то, что буду делать я; держи наготове свое оружие, и если дело дойдет до борьбы, то убей меня как врага. Нам никак нельзя попадаться в плен!

Леонард говорил внешне спокойно, но сердце его билось сильно. Впереди было сборище всякого сброда: португальцев, арабов, мулатов, различных черных племен, каких Леонард никогда не видывал при всем своем богатом жизненном опыте. Порок и жадность были написаны на лице каждого. Большинство из них были уже пьяны и располагались спиной к ним, смотря на веранду. На ступенях веранды стоял окруженный группой избранных сотоварищей, одетых в роскошные костюмы, человек, в котором Леонард по первому взгляду угадал бы дона Перейру, даже если б Оттер не шепнул ему:

— Смотри, баас, это Желтый Дьявол!

Это был толстый старик лет семидесяти, убеленный сединами. Его маленькие черные глаза, острые, яркие, но холодные, бегали по сторонам.

Желтый цвет лица Перейры оправдывал данное ему прозвище; на морщинистых щеках кожа отвисла, рот был широк и груб, а жирные пальцы беспрестанно сжимались, как будто захватывали деньги. Он был роскошно одет и, подобно своим товарищам, почти пьян.

Таков был внешний вид Перейры, главы работорговцев этой части африканского берега. Не видя его лица, на котором лежал отпечаток всевозможных гнусных пороков, трудно было вообразить, в какие бездны зла может опуститься человек. Недаром про Перейру туземцы Африки говорили, что увидеть его — значит, познать дьявола и его дела.

X . Аукцион

Желтый Дьявол уже собирался произнести речь, и глаза всех работорговцев были обращены на него, так что никто из них не слышал шагов двух вновь прибывших людей.

— Дайте, пожалуйста, дорогу, друзья мои, — сказал громко Леонард на португальском языке, — я хочу поздороваться с вашим хозяином.

Десятки людей повернулись кругом, как один человек.

— Кто вы такой? — вздрогнули они, смотря на чужестранца.

— Если вы будете любезны дать мне дорогу, то я буду весьма счастлив объяснить это! — отвечал Леонард, пробираясь через толпу.

— Кто это там? — закричал грубым, жестким голосом Перейра. — Подать его сюда!

— Пропустите нас, вы слышали слова дона, пропустите, друзья! — говорил Леонард.

Толпа расступилась, и Леонард с Оттером прошли вперед, провожаемые подозрительными взглядами работорговцев.

— Привет вам, сеньор! — сказал Леонард, оказавшись перед верандой.

— К черту ваш привет! Кто вы такой, во имя сатаны? — грубо ответил Перейра на обращенное к нему приветствие.

— Ваш скромный собрат по почтенной профессии, — сказал спокойно Леонард, — пришел засвидетельствовать свое почтение и устроить маленькое дельце!

— Так ли это? Вы похожи на англичанина, а кто этот урод? — и он показал на Оттера. — Я полагаю, что вы — шпионы, а если это так, то, клянусь всеми святыми, я еще потягаюсь с вами!

— Вот интересная история, — ответил, смеясь, Леонард, — вообразить, что один человек и черная собака отважились проникнуть в главную квартиру господ, подобных вам, не будучи вашими собратьями. Впрочем, я думаю, среди вас находится благородный дон — я разумею дона Ксавье, — который может поручиться за меня. Разве он не посылал записки капитану Пьеру, прибывшему из Мадагаскара? Ну вот, капитан Пьер имел честь принять это предложение и прибыл сюда, хотя и не без затруднений. Но теперь он начинает думать, что лучше бы ему остаться на своем судне!

— Это правда, Перейра, — сказал Ксавье, громадного роста португалец с примесью негритянской крови и зверским лицом, тот самый человек, следом за которым Леонард с Оттером и Соа прошли в ворота. —

Я говорил вам об этом!

— Лучше бы вы оставили его в покое, — прорычал в ответ Перейра. — Мне не нравится вид вашего приятеля. Может быть, он капитан английского военного судна, переодевшийся в наше платье!

Дело принимало серьезный оборот, и Леонард увидел, что надо действовать решительно. Как бы потеряв терпение, он закончил грубо:

— Черт вас всех побери с вашими подозрениями! Говорю вам, что мое судно с товаром стоит в гавани. Я полуангличанин, полукреол и такой же хороший человек, как каждый из вас. Смотрите, дон Перейра, если вы или кто-нибудь из ваших товарищей осмелится сомневаться в правдивости моих слов, пусть выступит вперед, и я живо разорву ему глотку! — и Леонард, грозно нахмурившись, сделал шаг вперед, положив свою руку на эфес сабли.

Эти слова моментально произвели желаемое действие. Перейра немного побледнел под своей желтой кожей, так как, подобно большинству жестоких людей, он был отъявленный трус.

— Полно! Я вижу, что вы — добрый малый. Я хотел только испытать вас. Вы знаете, мы должны соблюдать большую осторожность. Дайте вашу руку, и добро пожаловать! Я вам верю, а старый Антонио ничего не делает наполовину!

— Лучше еще испытать его немного, — заметил молодой человек, стоявший рядом с Перейрой, — пошлите за рабом, и пусть наш гость даст нам обычное доказательство, то есть собственноручно зарежет его, — это самое лучшее!

Перейра было замялся.

— Молодой человек, — закричал Леонард яростно, — я перерезал горло большему числу людей, чем те, которых хлещут бичами. Но вы хотите доказательства, и я могу вам его дать. Идите сюда, молодой петушок, идите! Здесь достаточно светло, чтобы пощипать у вас перья или перерезать вам горло!

Работорговец, видя атлетическую фигуру и смелые глаза Леонарда, остановился в нерешительности, осыпая Леонарда ругательствами.

Перейра поспешил прекратить ссору.

— Тише! — загремел он в бешенстве своим могучим голосом. — Я принял этого человека, и он будет нашим гостем. Неужели моих слов недостаточно для такого молодого горлопана, как ты? Заткни свой рот, или, клянусь святыми, я закую тебя в цепи!

Работорговец повиновался. Возможно, что он сам был рад удобному случаю избежать борьбы с Леонардом; бросив на последнего злобный

взгляд, он замолчал.

Перейра подозвал Леонарда, пожал ему руку и приказал рабу принести вина для нового гостя. Затем он обратился к собранию с речью:

— Дети мои, мои дорогие товарищи, мои верные, испытанные друзья! Наступил печальный для меня момент, когда я, ваш старый предводитель, должен проститься с вами. С завтрашнего дня гнездо больше не увидит Желтого Дьявола, и вы должны найти себе другого главу. Увы! Я постарел, а торговля теперь не та, что была прежде, эти проклятые англичане и их крейсеры, шныряющие повсюду в наших водах, чтобы отнимать у честных людей плоды их трудов, довели меня до этого. Пятьдесят лет я занимался этим делом. Думаю, что местные аборигены вспомнят обо мне как об их благодетеле. Ведь разве около двадцати тысяч молодых людей не прошло через мои руки, не было избавлено мною от проклятия варварства и не было послано изучать блага цивилизации и мирные искусства в домах добрых и снисходительных господ? Иногда во время наших маленьких экспедиций проливалась кровь. Я сожалею об этом, но что поделаешь? Этот народ так упрям, что не может понять, как хорошо для него покориться моей власти. Когда нам мешали в нашем добром деле, приходилось сражаться. Мы все хорошо знаем горечь неблагодарности, но должны переносить ее.

Я удаляюсь с теми скромными сбережениями, какие мне удалось собрать за свою трудовую жизнь, удаляюсь, чтобы провести закат дней своих в мире. Но мне надо устроить еще одно маленькое дельце. Во время нашего последнего путешествия, на наше счастье, к нам в руки попала дочь проклятого англичанина. Я привез ее сюда и просил вас собраться здесь, чтобы выбрать между вами ей супруга, как велит сделать мой долг. Я не могу взять ее с собой, так как вблизи Мозамбика, куда я переселюсь, ее присутствие у меня могло бы дать повод к неприятным расспросам. Вот почему я и решил великодушно передать ее другому.

Но кому отдать эту драгоценность, эту жемчужину, эту прелестную, милую девушку? Находясь среди столь уважаемых господ, как вы, разве я могу поставить одного выше другого и объявить его более достойным девушки? Я не могу сделать этого, я должен предоставить все случаю: я знаю, что небо сделает лучший выбор, чем я. Поэтому тот, кто сделает мне самый щедрый подарок, получит эту девушку, чтобы она услаждала его своей любовью. Сделает подарок, заметьте, а не заплатит цену!

Быть может, будет лучше всего установить, что размер подарка будет определен обычным путем, посредством состязания, в унциях золота, если вам угодно?

Еще одно условие, друзья мои. Все должно быть сделано как следует: церковь произнесет свое слово, и тот, кого я изберу, должен обвенчаться с девушкой здесь, в нашем присутствии. У нас ведь есть под рукой священник, и неужели мы не найдем для него дела?

Теперь, дети мои, пора, приступим к делу. Эй, вы, приведите девушку!

Речь Перейры прерывалась возгласами самого иронического свойства, а объявление о предстоящем браке было встречено взрывом смеха.

Через несколько минут показалась фигура в белом. Ее сопровождало несколько человек.

Легкими, быстрыми шагами женщина прошла по открытому пространству, освещенному лунным светом, подошла к веранде, где и остановилась. В первый раз Леонард увидел Хуанну Родд. Она была высокого роста, чрезвычайно стройная. Темные волосы были завязаны узлом на затылке ее прекрасной головы. У нее были необыкновенно тонкие черты и прекрасный цвет красивого лица, но замечательнее всего были глаза — большие, выразительные, со смелым и вместе с тем нежным выражением, цвет которых изменялся от серого до голубого, в зависимости то падавшего на них света. Одета она была в роскошное арабское платье.

Остановившись, Хуанна заговорила чистым, приятным голосом:

— Что вам еще нужно от меня, дон Антонио Перейра?

— Голубка моя, — отвечал Перейра грубым и насмешливым тоном, — не огорчайтесь вашей неволей. Я обещал вам найти супруга, и вот все эти любезные господа собрались здесь для того, чтобы я мог сделать между ними выбор. Теперь ваш брачный час настал, моя голубка!

— В последний раз прошу вас, — заговорила снова девушка. — Позвольте мне уйти, умоляю вас!

— Позволить уйти? Как?! Вы, конечно, уйдете, моя голубка, — сказал Перейра, — я ведь заявил, что хочу отдать вас супругу!

— Я никогда не пойду к избранному вами супругу, дон Антонио, — сказала Хуанна серьезным, твердым голосом. — Будьте уверены в этом вы все! А теперь в последний раз я повторяю свою просьбу, в последний раз предостерегаю вас, дон Антонио, и ваших товарищей также. Прекратите ваше беззаконие. Смерть висит над вашей головой, убийца, а после смерти — мщение!

Она говорила негромко, но с таким убеждением, с такой твердостью и достоинством, что сердца самых отчаянных тревожно забились. В конце своей речи Хуанна впервые взглянула на Леонарда, и глаза их встретились. Он наклонился вперед, слушая ее, и в своей скорби и тоске забыл удержать на лице то беспечное выражение, которое ему следовало сохранить в

соответствии с разыгрываемой им ролью. В этот миг у Леонарда было лицо благородное и открытое, хотя немного и суровое.

Во взгляде Леонарда, обращенном на Хуанну, было что-то, заставившее ее остановить свои глаза на молодом человеке. Мягко посмотрела на него девушка, как бы желая заглянуть в его душу, и Леонард вложил в ответный взгляд всю свою волю, все свое горячее сердечное желание показать ей, что она может считать его своим другом.

Они до сих пор никогда не встречались. Она даже не подозревала о его существовании, а в наружности Леонарда, одетого в костюм работорговца, было, по-видимому, мало отличия от окружавших его. Однако ее обостренные отчаянием чувства прочли то, что было написано в его глазах, и прочли правильно. С этого момента Хуанна знала, что она не одна среди этих волков, что есть по крайней мере один человек, который спасет ее, если это будет возможно.

Суеверный ужас овладел Перейрой. Задрожав от страха, он в бессилии опрокинулся на спинку своего роскошного кресла черного дерева с инкрустацией из слоновой кости.

Сцена была такова, что Леонард никогда не мог забыть ее. Луна ярко сияла на небе, и, облитая лунным светом, стояла прекрасная девушка, гордая среди позора, презиравшая своих врагов, даже будучи в их руках.

— Отпустите ее! — раздался наконец голос из толпы. — Она колдунья и принесет нам несчастье!

Эти слова, казалось, пробудили Перейру. С отвратительным проклятием он вскочил со своего кресла и, спустившись со ступенек веранды, подошел к своей жертве.

— Черт вас возьми, проклятая шлюха! — закричал он. — Вы думаете испугать меня вашими угрозами. Желтый Дьявол здесь — сам бог. Вы полностью в моей власти. Пусть все взглянут на то, что хотят купить!

Перейра, ухватив белое платье Хуанны, разорвал его.

Поддерживая одной рукой разорванное платье, молодая девушка начала другой рукой искать что-то в своих волосах.

Ужас охватил Леонарда. Он вспомнил о яде, который имела при себе Хуанна. Неужели она сейчас прибегнет к нему?

Глаза их снова встретились, и во взгляде Леонарда было предостережение. Хуанна распустила свои темные волосы, которые рассыпались вокруг ее плеч, прикрывая ее до пояса. Больше она ничего не сделала. Однако Леонард заметил, что правая ее рука была сжата; очевидно, в ней-то и был скрыт яд.

Указав на разорванное платье, молодая девушка еще раз обратилась к

Перейре, проговорив:

— В ваш последний час вы вспомните об этом!

К ней подошли рабы, чтобы исполнить волю своего господина — сорвать платье, но все собравшиеся закричали:

— Оставьте ее! Мы видим, что девушка прекрасна! Рабы отступили.

Перейра вернулся на веранду, стал у своего кресла и, взяв в руки пустой стакан вместо молотка аукциониста, заговорил:

— Сеньоры, я хочу предложить вам прекрасный выигрыш, по своей ценности превосходящий все, что имеется в продаже. Выигрыш этот — белая девушка англо-португальской крови. Она очень хорошо воспитана и набожна! Что же касается ее послушания, то об этом я не могу ничего сказать. Дело будущего супруга научить ее этому. О красоте ее мне нет нужды распространяться: вы сами можете судить об этом. Взгляните на фигуру, волосы, глаза. Видели ли вы что-нибудь подобное? Выигрыш этот достанется тому из вас, кто сделает мне самый щедрый подарок. Он может взять ее вместе с моим благословением. Но я ставлю такие условия: тот, кого я одобрю, должен быть законным образом обвенчан с ней патером Франциско. — И, повернувшись, он указал на стоявшего вблизи человека с несколько меланхолическим взглядом, облаченного в разорванное священническое одеяние.

— Этим я исполняю свой долг по отношению к этой девушке, — продолжал Перейра. — Еще одно слово, сеньоры: мы не будем тратить время на пустяки и начнем состязание прямо с унций!

— Серебра? — спросил какой-то голос.

— Серебра? Нет, конечно! Разве дело идет о продаже негритянки? Золота, братец, золота! Тридцать унций золота, и притом уплата сейчас же!

В толпе послышались разочарованные голоса, восклицавшие:

— Тридцать унций золота! Что же делать нам, беднякам!

— Что вам делать? Работать усерднее и сделаться богатыми! — сказал Перейра. — Неужели вы могли думать, что такие призы — для бедняков? Ну-с, аукцион открыт. Начальная цена тридцать унций. Кто прибавляет за белую девушку Хуанну? Кто прибавляет, кто?

— Тридцать пять, — сказал человек низенького роста, худой, с чахоточным кашлем, годившийся скорее для могилы, нежели для свадьбы.

— Сорок! — вскричал другой, чистокровный араб стройного вида с мрачным выражением лица, желавший, очевидно, прибавить к своему гарему новую гурию.

— Сорок пять! — заявил его противник.

Тогда араб предложил пятьдесят, но маленький человек увеличивал

свои ставки. Предложив шестьдесят пять, араб прекратил свои надбавки, решив, очевидно, обождать с гурией.

— Она моя! — закричал чахоточный.

— Подожди немного, дружок, — заговорил гигант португалец Ксавье, — я сейчас только начну… семьдесят пять!

— Восемьдесят, — сказал низенький человек.

— Девяносто, — прокричал третий.

— Девяносто пять, — отрезал Ксавье.

— Сто! — прорычал маленький человек, ломая свои пальцы.

— Сто пять! — торжествующим тоном проговорил Ксавье.

Тогда его противник отступил с проклятием, и толпа зашумела, думая, что выиграл Ксавье.

— Пристукните, Перейра! — сказал португалец.

— Подождите немного, — вмешался Леонард, — теперь начну я. Сто десять!

Толпа снова загудела, состязание становилось интересным. Ксавье посмотрел на Леонарда и сжал от ярости кулаки.

— Ну, — закричал Перейра, облизывая от удовольствия свое губы, так как цена за приз уже превысила намеченную им сумму на двадцать унций, — я пристукну красотку чужестранцу Пьеру. Ксавье, взгляните на девушку и прибавьте еще. Право, она идет очень дешево. Только помните: кредита не будет ни на одну унцию. Уплата сейчас же!

— Сто пятнадцать! — сказал Ксавье.

— Сто двадцать, — ответил спокойно Леонард, хотя он предложил последнюю имевшуюся в его распоряжении унцию и, если бы Ксавье прибавил еще, должен был или прекратить состязание, или предложить в уплату рубин Соа. Конечно, он сделал бы это с удовольствием, но, пожалуй, никто не поверил бы, что камень таких размеров — настоящий рубин.

Тем не менее Леонард спокойно повернулся к слуге, приказал подать себе бутылку с вином и сам наполнил свой стакан. Леонард знал, что его противник следит за ним. Прояви он хоть малейшее волнение — и все пропало.

Перейра подстегивал Ксавье прибавить еще. Одно мгновение португалец колебался, взглянув на Хуанну, которая, бледная, молча стояла, опустив голову на грудь.

Со стаканом вина в руке Леонард повернулся к своему противнику.

— Вы прибавите еще, сеньор? — спросил он.

— Нет, черт с вами! Берите ее! Я не дам больше ни одной унции ни за

нее, ни за какую другую женщину на свете!

Леонард только улыбнулся и посмотрел на Перейру.

— Белая девушка, Хуанна, — начал тот медленно, — переходит чужестранцу Пьеру за сто двадцать унций золота. Ксавье, не теряйте ее. Смотрите, пожалеете после. Я спрашиваю вас в последний раз! — И он поднял вверх свой стакан.

Ксавье сделал шаг вперед и хотел что-то сказать. Сердце Леонарда сильно забилось, но португалец раздумал и отвернулся.

— Кончено! — прокричал Перейра, стукнув стаканом о ручку своего кресла с такой силой, что осколки стекла полетели в разные стороны.

XI. Полночный брак

— Кончено! — повторил Перейра. — Теперь, друг Пьер, прежде чем мы узаконим это дело при помощи церкви, быть может, вы отдадите золото. Вы помните, что дело шло на наличные. — Конечно, — сказал Леонард. — Где эта черная собака, мой карлик? А, вот он! Собака, дай золото. Если у тебя его недостаточно, то вот еще! — И, сняв свой пояс, из которого он предварительно вынул рубин, Леонард швырнул его Оттеру.

— А теперь, сеньоры, — продолжал он, — выпейте за здоровье мое и невесты. Надеюсь, что мы еще будем иметь дела с вами. Я заплатил довольно дорого за эту девушку, но что же делать? Люди нашей профессии должны быть готовы удовлетворять свои прихоти, чтобы увеселять нашу краткую жизнь!

— Зато она будет лучшего мнения о вас, а вы о ней, — произнес один голос. — За здоровье капитана Пьера и его невесты! — И они выпили с громкими, пьяными криками.

Между тем Оттер, подобострастно приблизившись к Перейре, стал пригоршнями класть золотые слитки и монеты на чашу весов, которые держал в своих руках Желтый Дьявол. Наконец все золото, имевшееся у Леонарда, было положено на весы блестящей грудой.

— Не хватает до ста двадцати унций, — сказал Ксавье, — я беру девушку!

— Баас, — тихо сказал Оттер, — у тебя есть еще золото? Тут не хватает до полного веса.

Леонард посмотрел беззаботно на чашу с золотом, которая стояла почти вровень с другой чашей весов.

— Сколько угодно, — сказал он, — но сюда будет достаточно и этого!

С этими словами, сняв со своего пальца кольцо с печатью, он бросил его на весы. Исключая рубин, это была последняя ценная вещь, которую он имел при себе. Чаша с золотом опустилась книзу.

— Хорошо, — сказал Перейра, потирая от удовольствия руки при виде такого богатства. — Принесите мне кислоты, чтобы испытать золото. Не обижайтесь, чужестранец Пьер, но ведь есть негодные люди, которые выдают медь за золото!

Исследовав качество золота и найдя его удовлетворительным, Перейра обратился к патеру:

— Ну, отец, приступайте к своему делу!

Патер Франциско выступил вперед. Он был очень бледен и, казалось, сильно напуган. Леонард с удивлением спросил себя, что могло привлечь священника в такую компанию, тем более что лицо его отличалось добротой.

— Дон Антонио, — сказал священник мягким голосом. — Я протестую против вашего приказания. Судьба бросила меня в вашу среду, и я принужден был видеть много зла, но сам его еще не делал. Я напутствовал умирающих, ухаживал за больными, утешал угнетенных, но еще не принимал участия в кровавых подвигах. Я пастырь, и если обвенчаю этих двух лиц, то они будут мужем и женой до самой смерти. Я не хочу призывать благословение церкви на такой позорный акт. Я не хочу делать этого.

— Вы не хотите делать этого, бритый изменник? — прорычал Перейра. — Разве вы хотите последовать за вашим братом? Смотрите, мой друг, или вы исполните мое приказание и повенчаете этих двух людей, или… — Перейра не договорил фразы.

— Нет, нет, — сказал Леонард. — Оставьте его в покое. Что значат молитвы попа? Сеньора и я обойдемся без них!

— Я вам говорю, чужестранец, что вы должны жениться на девушке, а этот плакса повенчает вас. Если вы этого не сделаете, то я удержу и золото, и девушку. Что же касается его, то он может выбирать. Эй, рабы, принесите бич!

Лицо Франциско покрылось розовой краской.

— Я не герой, чтобы перенести это, — произнес он. — Я исполню ваше приказание, дон Антонио, и да простит мне Бог этот грех. Слушайте меня вы, Пьер и Хуанна! Я сделаю вас мужем и женой, соединю вас при помощи таинства, святость которого не уменьшится от тех ужасных обстоятельств, при которых оно будет совершено. Вам, Пьер, я советую оставить ваши злодеяния, любить и оберегать эту женщину. Вы, Хуанна, надейтесь и простите меня.

Патер попросил дать ему воды для освящения и кольцо.

— Вот кольцо! — сказал Перейра, взяв из золотой кучи кольцо Леонарда. — Это — мой свадебный подарок!

Патер предложил Леонарду стать рядом с девушкой и попросил толпу отступить несколько назад. Все это время Леонард наблюдал за Хуанной. Она не произнесла ни слова, и лицо ее было спокойно, хотя глаза полны были ужаса и отчаяния.

Раз или два она подносила свою сжатую правую руку ко рту, но опускала ее, не коснувшись губ. Леонард читал ее мысли и, чтобы

предотвратить роковой исход, решился заговорить с ней.

Повинуясь указанию священника, он стал, улыбаясь, рядом с ней. Затем, продолжая улыбаться, он взял в руку волну темных волос молодой девушки, как бы любуясь ею, и нагнулся к ней, сделав вид, что хочет поцеловать ее. Бледная и суровая стояла Хуанна, и рука ее еще раз поднялась к устам.

— Стойте! — шепнул ей Леонард по-английски. — Я пришел освободить вас. Перенесите этот фарс, он не имеет никакого значения. Затем, когда я скажу вам, бегите по подъемному мосту в лагерь рабов!

Она поняла, и рука ее опять опустилась.

— Эй, друг Пьер, что это вы там шепчете? — спросил подозрительно Перейра.

— Я говорил невесте, как она прекрасна! — ответил беспечно Леонард.

У священника был прекрасный, звучный голос, и при свете луны он совершал венчание так торжественно, что все прекратили свои шутки и замолкли. Все было сделано правильно, хотя Хуанна и не ответила на обычные вопросы. Перейра с нахальной любезностью руководил церемонией. Наконец руки новобрачных были соединены, кольцо надето на палец Хуанны, произнесено благословение, и все было кончено.

Леонард стоял, как во сне. Ему казалось, что они действительно обвенчаны. Но когда церемония кончилась, он пробудился от своих мечтаний: фарс был сыгран, теперь надо было уходить.

— Ну-с, дон Антонио, — сказал он Перейре, — теперь я должен попрощаться с вами. Моя лодка…

— Глупости, — перебил его работорговец, — вы останетесь здесь ночевать.

— Благодарю вас, но мне нельзя, — ответил Леонард. — Завтра я могу вернуться, чтобы устроить маленькое дельце. У меня есть поручение купить человек пятьдесят за хорошую цену.

Леонард взглянул на восток и увидел густые массы дыма, поднимавшиеся к небу вдали. Тростники были зажжены. Люди Мэвума сделали свое дело, и пламя скоро будет замечено. Надо было уходить, пока еще не поздно.

— Ну, если вы должны, так нечего делать, — ответил Перейра, причем Леонард заметил, что он как будто даже доволен его уходом. Впоследствии Хуанна объяснила ему, что Желтый Дьявол был напуган ее предсказанием, что тот, кто возьмет ее, погибнет. Суеверно ожидая исполнения этого предсказания, Перейра был рад уходу покупатели: если бы тот умер в

гнезде, то могли бы подумать, что он убил его с целью завладеть золотом и девушкой.

Попрощавшись с Перейрой, Леонард повернулся, чтобы уйти в сопровождении Оттера и Хуанны, которую он вел за руку. Леонард хотел сначала идти к воротам, затем быстро свернуть к подъемному мосту, за которым должны были ждать его Соа и люди Мэвума; вместе с ними он предполагал скрыться из гнезда.

Но едва он успел сделать несколько шагов, как гигант португалец Ксавье, стоявший до сих пор в глубокой задумчивости, подошел к ним.

— Я, по крайней мере, должен разок поцеловать ее за мое беспокойство, — сказал он и, схватив Хуанну за талию, притянул ее к себе.

Леонард, забыв всякую осторожность, со сжатыми кулаками бросился на нахала и ударил его по лицу с такой силой, что тот упал на землю, увлекая за собой Хуанну.

Молодая девушка быстро вскочила на ноги и стала возле Леонарда. Ксавье тоже поднялся с земли и с проклятием обнажил свою саблю.

— Следуйте за мной! — сказал Леонард Хуанне и Оттеру и, не прибавив более ни слова, бросился бежать.

Толпа разразилась смехом.

— Вот так храбрец! Это французский фокусник! — кричали работорговцы. — Бьет безоружных, а сам боится сражаться!

— Остановить его! — раздалось несколько голосов, и с десяток людей бросились за ним.

Леонард мог бы убежать от них, так как бегал очень быстро, но ни Хуанна, ни Оттер не могли поспеть за ним. Он замедлил свои шаги и вскоре увидел перед собой работорговцев с ножами в руках.

— Стой, трус! Стой и сражайся! — закричали они, размахивая оружием перед его лицом.

— Хорошо! — ответил Леонард, остановившись и оглядываясь вокруг.

Не далее чем в тридцати ярдах от него был подъемный мост, который, как показалось Леонарду, начал немного колебаться, словно готовый спуститься. Оттер и Хуанна стояли возле Леонарда, на которого уже наскакивал со зверским, окровавленным лицом гигант португалец с саблей наголо.

— Оттер, — быстро проговорил Леонард, вытаскивая свою саблю, — стань сзади меня, чтобы, пока я дерусь с этим, остальные не бросились на меня, а вы, — обратился он к Хуанне, — бегите к мосту, если можно. Соа и ваши люди там!

Едва он успел произнести эти слова, как Ксавье, яростно

замахнувшись, хотел нанести удар Леонарду, но последний отпрыгнул назад, и удар пришелся по воздуху. Еще два раза Ксавье пытался ударить своего противника саблей, но оба раза Леонард повторял свой маневр, отступая к подъемному мосту. Но когда португалец бросился на него в четвертый раз, англичанин не мог повторить своего приема, так как сзади него уже были работорговцы.

Ксавье размахнулся, и при лунном свете Леонард увидел, как сверкнула сталь, но парировал удар своей саблей. При ударе стали о сталь посыпались искры и на землю полетели обломки сабель.

— Продолжай, баас, продолжай, — сказал Оттер, — обе сабли сломались!

Леонард увидел, что Оттер говорил правду. Португалец швырнул в сторону свое сломанное оружие и схватился за нож.

У Леонарда не было ножа, а о револьвере в этот момент он не вспомнил. С обломком сабли в руке он бросился на Ксавье. Противники ударились друг о друга, как два ядра. Леонард нанес Ксавье один удар своим обломком сабли, бросив его затем, как бесполезную вещь. Однако этот обломок оказал ему хорошую услугу: попав в правую руку португальца, он парализовал ее на одно мгновение, и Ксавье уронил свой нож. Противники схватились друг с другом без всякого оружия.

Дважды гигант португалец поднимал англичанина с земли, но ему не удавалось бросить его оземь, как он того хотел.

Дав португальцу время истощить себя в усилиях поднять его с земли, Леонард, сделав быстрое движение, поставил свою правую ногу за левой ногой Ксавье и с силой толкнул врага в грудь. Потеряв равновесие, гигант упал на землю с глухим стуком, как срубленное дерево, увлекая за собой Леонарда.

Одно мгновение португалец лежал тихо, тяжело дыша, Леонард повел глазами вокруг: шагах в восьми от них лежал нож, кто сумеет схватить его, тот выиграет эту смертельную игру. Ксавье также видел нож и хотел завладеть им. Чтобы лишить врага такой возможности, Леонард сделал движение и закрыл своим корпусом нож от глаз врага. Но для этого ему пришлось ослабить давление на грудь противника, чем тот и воспользовался, чтобы оторвать свою спину от земли. Толпа, увидев это, возликовала, думая, что чужеземец ослабел.

— Нож! Дайте нож! — прохрипел Ксавье, и несколько человек бросились исполнять его приказание.

Но Оттер с обнаженной саблей загородил им дорогу. Его лицо подергивалось от волнения, глаза сверкали и плечи вздрагивали.

— Кто коснется ножа — умрет, — проговорил он по-арабски, протянув свою длинную руку с обнаженной саблей. — Пусть эти петухи дерутся!

Оттер был так страшен, что никто не смел приблизиться к нему. Ксавье сделал усилие и освободил правую руку, которой и сжал горло противника. Леонард напряг все свои силы, и наконец ему удалось опять повалить Ксавье на спину, но гигант с удивительной силой сжимал его горло. Собрав последние силы, Леонард ударил португальца кулаком правой руки в лоб так сильно, что голова гиганта стукнулась о каменистую почву. Еще один удар, и Леонард почувствовал, что его горло свободно и воздух ворвался в его легкие. Теперь он мог схватить нож, но в нем уже не было надобности. Португалец, широко раскинув руки, судорожно вытянулся и затих.

Зрители с удивлением смотрели на ужасный исход борьбы. Хуанна, помня наставления своего избавителя, повернувшись, побежала к подъемному мосту. Оттер же, подскочив к Леонарду, поднял его с земли.

— Вот хороший удар! — восторгался карлик. — Он мертв, клянусь духом моей матери, хотя сталь и не коснулась его. Очнись, баас, очнись: хотя борова уже нет, но свиньи еще остались!

Леонард пришел в себя. Посмотрев кругом, он увидел Хуанну, стоявшую у моста, по-видимому, в нерешительности — бежать ли ей или стоять на месте.

— Сеньоры, — прохрипел Леонард, обращаясь к окружившим его работорговцам, — я сражался, и победа осталась за мной. Теперь дайте мне спокойно уйти вместе с девушкой. Жив ли этот человек?

Работорговцы обступили тело Ксавье, среди них находился и патер Франциско, который, став на колени, осмотрел португальца.

— Бесполезно ухаживать за ним, он мертв! — проговорил патер, встав с колен.

Работорговцы посмотрели на Леонарда с удивлением, смешанным с ужасом: кто бы мог подумать, что такой силач, как Ксавье, будет убит ударом кулака?

Однако удивление их перешло скоро в ярость. Ксавье был их любимцем, и они не хотели оставить неотомщенной его смерть. С угрозами и проклятиями подступили они к Леонарду.

— Назад! — произнес он. — Дайте мне дорогу. Я честно сражался с вашим другом, видите, я даже не воспользовался вот этим! — прибавил он, внезапно вспоминая о своем кольте, и направил на них дуло револьвера.

При блеске стали пыл работорговцев несколько уменьшился, и они расступились.

— Быть может, вы дадите мне вашу руку? — сказал Леонард, обращаясь к Франциско, стоявшему возле него. — У меня немного повреждена нога!

Франциско исполнил его просьбу, и Леонард направился к Хуанне, а Оттер шел сзади с обнаженной саблей.

Не успели они сделать и десяти шагов, как Перейра, наскоро посоветовавшись с одним из своих помощников, быстро выступил вперед.

— Схватить этого человека! — закричал он. — Он убил уважаемого дона Ксавье, нанеся ему к тому же оскорбление. Он должен поплатиться за это!

Десяток людей бросились вперед исполнять приказание своего вождя, но револьвер и сабля Оттера охладили их усердие. Леонард увидел, что положение становится серьезным.

— Хотите вы убежать отсюда? — быстро спросил он священника.

— Да, — отвечал Франциско, — здесь настоящий ад!

— В таком случае как можно скорее ведите меня к мосту. Я слаб и измучен, но там нас ждет помощь!

В это время подъемный мост, бывший от него не далее десяти ярдов, с треском опустился.

— Бегите туда, Хуанна Родд! — закричал по-английски Леонард.

Девушка немедленно повиновалась. Но взгляд ее, казалось, говорил: как я могу оставить вас?

— Ну, теперь скорей к мосту! — прибавил Леонард и, опираясь о плечо священника, прихрамывая, пошел вперед.

— Измена! — заревел Перейра. — Остановите его! Кто опустил мост?

Один из работорговцев бросился на Леонарда. Это был тот самый молодой человек, которому Леонард предлагал драться перед аукционом. Он замахнулся, чтобы ударить Леонарда ножом в спину, но Оттер, охранявший своего господина, взмахнул саблей, и работорговец рухнул на землю с раскроенным черепом.

— Взять мост и задержать его! — заревел снова Перейра.

— Поднимите мост! Поднимите! — кричал в свою очередь Оттер, с саблей и револьвером в руках отгоняя наседавших на него работорговцев.

Подъемный мост был поднят с такой быстротой, что Леонард и Франциско, которые еще не успели его перейти до конца, покатились на землю и оказались наконец в лагере рабов.

— Оттер! — тревожно позвал его Леонард, быстро вскочив на ноги. — Они убьют его!

Вместо ответа карлик, подобно дикой кошке, подпрыгнул и схватился

за железные цепи поднимавшегося моста. Один из врагов попробовал было схватить его, но он с такой силой ударил его ногой по лицу, что тот полетел в воду. В следующий момент он был вне досягаемости врагов и быстро карабкался вверх. Два-три ножа и несколько пуль были пущены ему вслед, но безрезультатно.

— Ага, Желтый Дьявол, — торжествовал карлик, — посмотри назад: там виден другой дьявол, еще желтее тебя!

Перейра со всей компанией обернулся и увидел громадный столб пламени, вырвавшийся из болота. Тростники разгорались, и ветер разносил пламя.

XII. Месть

— Измена! Измена! — заревел Перейра. — Тростники горят… Этот мерзавец погубил нас!

— Ха-ха-ха! — хохотал Оттер в своем воздушном убежище. — Измена! Измена! А что если рабы освобождены, что если ворота заперты?

При этих словах Оттера толпа застыла от ужаса, смотря то на карлика, то на приближавшееся пламя. Наконец раздались крики:

— Это враги! Убить их! На штурм лагеря! К воротам!

Для большинства работорговцев это были последние их слова на земле, так как в тот же момент над валом показалось пламя, сопровождаемое гулом выстрела, и шесть фунтов картечи врезалось в толпу-

Оказавшись в лагере рабов, Леонард и Франциско нашли Хуанну в безопасности около сторожки, среди группы людей ее отца.

— К орудию! — приказал Леонард. — К орудию! Стрелять в них!

Опираясь на Оттера и Франциско, Леонард в сопровождении Хуанны пошел вдоль вала к тому месту, где стояла пушка. У пушки находилась Соа с несколькими из людей Мэвума, державшая в руках фитиль. В момент подхода к орудию Леонарда она только что дернула за шнур и отскочила назад при откате орудия, точно была заправским артиллеристом.

— Ага! — произнес Оттер. — Старуха не ленится. Она искусна, как мужчина!

Соа бросилась на колени перед Хуанной, целуя ее руки.

— Ну, подожди пока! — сказал Леонард, опускаясь на землю от утомления. — Эти дьяволы пошли за своим оружием. Они, вероятно, сейчас атакуют нас. Соа, опусти ниже дуло орудия!

Затем он приказал всем рабам вооружиться кто чем может, так как в сторожке нашлось всего два ружья.

Работорговцы с воем начали наступать, таща за собой длинные доски, с помощью которых они надеялись перейти канал.

— Смотрите, — сказал Леонард, — они хотят открыть огонь. Все за вал! — И, схватив стоявшую вблизи него Хуанну, он потянул ее за вал. Едва он успел это сделать, как посыпался град пуль. Несколько человек, не успевших спрятаться за вал, были убиты или тяжело ранены. Осыпав врагов пулями, работорговцы стали приближаться к лагерю, переходя группами открытое пространство. Заметив это, Леонард дал команду

стрелять, и опять картечь произвела опустошение в их рядах. Пораженные ужасом, работорговцы бросили всякую мысль о штурме лагеря, думая только о спасении собственной жизни. Большинство врагов бросилось теперь к воротам, надеясь найти спасение в бегстве. Но ворота были заперты. Работорговцы пытались с помощью бревна разбить ворота. Снова раздался выстрел из орудия в гущу людей, столпившихся у ворот. Большинство их разбежалось, стараясь найти защиту в гнезде, а человек десять после нескольких выстрелов из ружей Леонарда и Оттера отказались от попытки разрушить ворота и последовали примеру своих товарищей.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Хуанна, указывая на восток.

Зрелище было действительно необыкновенное. Горели густые тростники, и море пламени бушевало, уничтожая все перед собой.

— Дома и навес скоро сгорят, и тогда они должны будут выйти на открытое место, где мы и уничтожим их! — сказал Леонард.

— Надо осторожнее, баас, — сказал Оттер, — а то навесы для рабов сгорят со всеми находящимися в них людьми!

— Я забыл об этом! — ответил Леонард. — Если вы хотите, — обратился он к Франциско, — сделать доброе дело, возьмите несколько людей с ведрами и водой и тушите искры, падающие на навесы!

Патер взялся за это дело и, работая без устали в течение двух часов, спас навесы с рабами от пожара.

К восходу солнца от гнезда остались одни развалины, а работорговцы, не находя спасения в горевших зданиях, то бросались в болото, то, подходя к лагерю рабов, просили пощады, но их безжалостно убивал Оттер.

Все были утомлены и нуждались в отдыхе, но Оттер все еще горел желанием мести и, выпросив у Леонарда позволение взять с собой нескольких людей Мэвума, пошел уничтожать тех, кто еще был жив. Леонард и другие, достав воды, помылись и вообще привели себя в порядок, а затем сели завтракать. К концу завтрака вернулся Оттер, цел и невредим, хотя пяти людей из числа взятых им недоставало.

— Все кончено? — спросил Леонард у карлика. Оттер кивнул головой.

— Некоторые убиты, другие убежали, — сказал он, — но последние для нас не опасны, так как не посмеют вернуться сюда. Но это еще не все, баас. Мы взяли одного из них живым. Посмотри на него, баас!

Леонард перешел по мосту через канал и подошел к группе людей. Среди них лежал на земле какой-то белый человек, издававший стоны ужаса и страха. Когда он поднял голову, то Леонард увидел, что это сам Желтый Дьявол.

— Где вы его нашли, Оттер? — спросил Леонард.

— В магазине, баас, твое золото с ним, а также много ружей и пороху. У него не хватило духу поджечь порох и покончить со всем!

Перейра, не замечая Леонарда, попросил воды.

— Дайте ему крови, — мрачно сказал один из освобожденных рабов, — всю жизнь он пил ее, пусть напьется ею и в последний раз!

Леонард попросил Франциско дать ему воды, а Перейра стал молить о прощении.

— Антонио Перейра, — отвечал сурово Леонард, — вы получите только справедливое возмездие, не более!

— Баас! — вмешался Оттер. — Отдайте его нам: он — наш мучитель и принадлежит нам!

— Как! — завыл Перейра. — Я буду отдан этим черным собакам? Пощады! Пощады! Франциско, просите за меня! Я убил вашего брата, но я должен был сделать это. Просите за меня! — И он попытался обнять ноги Леонарда.

Туземцы яростно бросились на Перейру, но Леонард остановил их, сказав:

— Я не допущу здесь ваших диких жестокостей. Пусть этот человек будет расстрелян, но не более!

Очевидно, однако, Перейре не суждено было погибнуть от руки человека, так как едва Оттер коснулся его, он побагровел, всплеснул руками и со стоном рухнул на землю.

Леонард посмотрел на него: он был мертв, умер от страха смерти. Ужас прекратил биение сердца злодея.

— Оттащить его прочь! — сказал Леонард с содроганием и прибавил:

— Оттер, возьми этих людей и освободи остальных пленных, затем забери боевые припасы, ружья и провиант из склада оружия и снеси все к воротам. Мы должны скорее уходить отсюда, а то убежавшие работорговцы могут вернуться со свежими силами!

Такая судьба постигла в конце концов Антонио Перейру, Желтого Дьявола.

XIII. Разочарование

Наступило утро, и путешественники расположились лагерем на том скрытом в тростниках месте, где были спрятаны Леонардом и Оттером лодки, захваченные у работорговцев. Сотни освобожденных рабов были перевезены на другой берег реки, снабжены всем необходимым и затем предоставлены собственной участи, так как взять их с собой не было никакой возможности.

Когда освобожденные пошли своей дорогой, Оттер сказал Леонарду:

— Ну, мы сделали наше дело в гнезде, поговорили с Желтым Дьяволом и его бандой, баас! Что же, пойдем теперь искать золото — настоящего желтого дьявола?

— Я предполагаю, что да, Оттер, — отвечал Леонард. — Если только Соа сдержит свое слово. Но дело идет не о золоте, а о рубинах. Во всяком случае, сначала мы должны отправиться в поселение, отвести этих людей назад и узнать что-нибудь о Мэвуме!

— Так, — сказал, помолчав немного, Оттер. — Девушка желает, конечно, разыскать своего отца. Однако, баас, не желаешь ли ты выкупаться в реке, чтобы печаль оставила тебя?

Леонард последовал этому совету и вернулся с купания совсем новым человеком, так как холодная вода производила на него волшебное действие. Он чувствовал себя вполне хорошо, ибо, за исключением легкого вывиха ноги и царапины на горле, в том месте, где схватил его Ксавье, он не поплатился более ничем в памятную ночь в гнезде Желтого Дьявола. Среди добычи, найденной в лагере, оказалось несколько перемен платья, в которое Леонард и поспешил переодеться, скинув с себя португальскую форму. Теперь он был одет как обыкновенный английский колонист, довольно неуклюже, но удобно.

Хуанна окончила свой туалет с помощью Соа, воспользовавшейся этим временем, чтобы рассказать своей госпоже историю встречи с Леонардом Атремом. Но нарочно или по забывчивости она ни словом не обмолвилась о состоявшемся соглашении.

Окончив одеваться, молодая девушка вышла прогуляться, направившись по узенькой тропинке через тростниковую заросль. Едва она успела сделать несколько шагов, как столкнулась лицом к лицу с Леонардом.

— Доброго утра! — сказала Хуанна. — Надеюсь, что вы хорошо спали

и нет никаких недобрых новостей?

— Я провел восемь часов в состоянии совершенного оцепенения, — ответил он смеясь, — а новостей нет никаких, исключая то, что я освободил рабов. Думаю, что наши друзья, работорговцы, достаточно уже наслаждались нашим обществом и едва ли последуют за нами!

Побледнев, она сказала:

— Вероятно. По крайней мере, я достаточно перенесла от них. Я должна поблагодарить вас за ту громадную услугу, какую вы оказали мне.

При этом ее взгляд упал на золотое кольцо, блестевшее на ее пальце.

— Это кольцо принадлежит вам, — прибавила она, — и я должна вернуть его вам!

— Мисс Родд, — сказал медленно Леонард, — мы пережили вместе с вами очень странное приключение. Не сохраните ли вы это кольцо на память?

Первым ее побуждением было отказаться. Пока она будет носить это кольцо, мысль об ужасной сцене ее продажи и еще более ненавистном браке будет постоянно с ней. Однако, когда слова отказа уже были готовы слететь с ее уст, какое-то неизвестное чувство удержало ее.

— Вы очень любезны, — сказала она, — но это ваше фамильное кольцо. Вы не можете отдавать его случайным знакомым.

— Да, это мое фамильное кольцо, но если вы взглянете на герб и девиз, то увидите, что они имеют общее значение. Поэтому я могу дать его даже случайному знакомому, если вы не разрешите мне более задушевного определения. Читайте: «За честь и любовь», — сказал Леонард.

Хуанна при слове «любовь» покраснела, сама не зная почему.

— Хорошо, я буду носить это кольцо, если вы желаете, мистер Атрем, в память о наших приключениях, — смущенно проговорила она, — но в этих приключениях есть одна подробность, — прибавила она другим тоном, — я имею в виду отвратительный и негодный фарс, в котором мы принуждены были принимать участие. Большинство свидетелей этой позорной сцены умерли и не могут говорить об этом. Но вы должны заставить вашего слугу-карлика молчать, я сделаю то же по отношению к патеру Франциско. Пусть это будет забыто нами обоими!

— Конечно, мисс Родд, — сказал Леонард, — если только такая странная вещь может быть забыта. А теперь не угодно ли вам пожаловать к завтраку?

Она наклонила голову и прошла мимо него с красными лилиями в руке.

— Странно! Какую власть она может иметь над Франциско, —

пробормотал Леонард, — и как она может заставить его молчать? Что касается меня, то я с удовольствием обошелся бы без его общества. Странная девушка.

Вернувшись на место стоянки, Леонард увидел священника, дружески беседующего с Хуанной.

— Кстати, — внезапно обратился он к патеру, — как вы знаете, я отправил всех рабов по домам, так как взять с собой их было невозможно. Каковы ваши планы? Вы относились к нам до сих пор хорошо, но я не могу забыть, что застал вас в дурной компании. Быть может, вы желаете возвратиться к ней, в таком случае ваш путь на восток. — И Леонард указал рукой по направлению к гнезду.

— Я не удивляюсь, сеньор, что вы не доверяете мне, — сказал Франциско, причем его бледное лицо вспыхнуло румянцем, — так как внешние обстоятельства говорят против меня. Но уверяю вас, что хотя я и угодил в компанию Антонио Перейры по собственному желанию, но не с дурной целью. У меня был брат, который, совершив преступление, бежал из Португалии и вступил в шайку Перейры. С большим трудом я нашел его здесь и был весьма охотно принят в гнезде, так как я могу и ухаживать за больными, и напутствовать умирающих, ведь злодеи, сеньор, в конце концов, — тоже люди. Я убедил моего брата вернуться со мной, и мы составили план бегства, но Перейра узнал об этом и повесил брата. Они не тронули меня, но стали возить с собой пленником в свои экспедиции. Вот и вся история. Теперь, с вашего позволения, я бы хотел следовать с вами, так как у меня нет денег и я не могу идти один по этой пустыне, хоть и боюсь, что по своему слабосилию могу оказать вам мало помощи, а в моих услугах вы едва ли будете нуждаться.

— Очень хорошо, — ответил холодно Леонард, — но поймите, что нам предстоит много опасностей и предательство может погубить нас. Поэтому предупреждаю вас, что в случае, если я открою что-либо подобное, мой суд будет короток!

— Не думаю, чтобы вам нужно было предупреждать патера Франциско, мистер Атрем, — проговорила с негодованием Хуанна. — Я обязана ему многим, если бы не его советы, меня бы не было в живых теперь. Я ему глубоко благодарна!

— Если вы ручаетесь за него, мисс Родд, то, конечно, этого достаточно. Вы имеете передо мной преимущество более тесного знакомства с ним! — отвечал медленно Леонард, мысленно сопоставляя разницу в оценке услуг патера и своих собственных.

Окончив завтрак, наши путешественники стали подниматься вверх по

реке в лодках работорговцев. В каждую лодку были посажены лучшие гребцы из поселенцев. Считая с женщинами и детьми, всех было шестьдесят человек.

Вечером они миновали остров, где оставили без лодок компанию работорговцев, но на острове не заметно было ни малейших признаков жизни.

Через час они расположились для отдыха на берегу реки. Сидя около костра, Хуанна рассказала Леонарду о всех пережитых ею ужасах во время путешествия с караваном работорговцев. Она вспомнила, как, вырывая из книги листы, она укрепляла их в тростнике с целью облегчить ее отцу розыски.

— Все пережитое было кошмаром, — говорила она, — а что касается отвратительного фарса с браком, то я не могу спокойно вспоминать о нем.

Франциско, молча сидевший до сих пор, заговорил:

— Вы говорите, сеньора, об этом отвратительном фарсе-браке, подразумевая, вероятно, церемонию, которую я совершил над вами и сеньором Атремом, будучи принужден к тому Перейрой. Мой долг сказать вам обоим, что, как ни необычен был этот брак, однако я не могу считать его фарсом. Я верю, что вы — законные муж и жена до тех пор, пока смерть не разлучит вас, если только, конечно, папа не расторгнет этот брак, так как только он один может сделать это!

При этих словах священника Хуанна вскочила со своего места с пылавшими гневом глазами.

— Невыносимо слышать такую ложь! — сказала она. — Если вы будете снова повторять ее в моем присутствии, отец Франциско, то я совсем не буду говорить с вами… Я отвергаю этот брак. Перед началом церемонии мистер Атрем шепнул мне, что надо проделать этот фарс, — и это был действительно фарс. Если бы я думала иначе, то предпочла бы принять яд. Если правда, что вы говорите, значит, я была обманута и вовлечена в ловушку.

— Виноват, сеньора, — возразил священник, — но вы не должны так горячиться. Сеньор Атрем и я сделали это потому, что не было иного выхода!

— Предполагая, что отец Франциско прав, чему я, кстати, не верю, — сказал саркастически Леонард, — неужели вы, мисс Родд, думаете, что подобный факт устраивал бы меня более, чем вас? Если бы я хотел обмануть вас и вовлечь в ловушку, то сделал бы это, не связывая самого себя, ведь даже такой маленький человек, как я, не возьмет жены после пяти минут знакомства. Говоря откровенно, я предпринял ваше

освобождение по побуждению, ничего общего не имеющему с матримониальными соображениями!

— Могу я узнать, что это за побуждение? — спросила Хуанна все тем же оскорбленным тоном.

— Разумеется, мисс Родд! Прежде всего я должен объяснить вам, что я не странствующий рыцарь, а просто бедный искатель приключений, настойчиво ищущий богатства вследствие особенных, лично меня касающихся причин. Когда эта женщина, — Леонард указал на Соа, — пришла ко мне с рассказом о бесценном сокровище, открыть которое она обещала в том случае, если я возьмусь за дело вашего освобождения, и даже уплатила мне вперед камнем значительной стоимости, то, не имея в виду ничего лучшего и находясь в полном отчаянии, я согласился. Мало того, я заключил с ней письменное соглашение, которое она подписала как за себя, так и за вас!

— Я не имею ни малейшего понятия о том, на что вы намекаете, и никогда не уполномочивала Соа подписывать за меня документы. Я хочу видеть этот документ!

— Разумеется, — ответил Леонард и, поднявшись, пошел к своим вещам, откуда возвратился с фонарем и книжкой Джейн.

Хуанна, поставив фонарь рядом с собой, открыла книжку. Первое, что ей бросилось в глаза, была подпись на заглавном листе «Джейн Бич» и внизу торопливо сделанная надпись: «Дорогому Леонарду от Джейн. 23 января».

— Переверните! — сказал он поспешно. — Документ на другой стороне!

Она хорошо заметила и надпись, и смущение на его лице, когда он увидел, что она прочла посвящение. Кто такая была Джейн Бич и почему она называла мистера Атрема дорогим Леонардом? В этот момент — так странно устроены сердца женщин — она чувствовала предубеждение против этой Джейн Бич, кто бы она ни была. Перевернув лист, она прочла текст соглашения, потом, окончив чтение, подняла голову, и на лице ее появилась улыбка.

— Поди сюда, Соа, — произнесла она, — скажи мне, что значат все эти глупости относительно рубинов и людей тумана?

— Госпожа, — отвечала Соа, садясь перед Хуанной, — это не глупости. Язык, которому я научила тебя, когда ты была маленькой, — язык этого народа. Рассказ о сокровищах верен, хотя до сих пор я скрывала его от тебя и твоего отца Мэвума, так как он пошел бы на поиски этих сокровищ и погиб бы из-за этого. Слушай, госпожа!

И она повторила свой рассказ.

— Скажи, Соа, — спросила Хуанна, — чтобы найти это сокровище, необходимо мое путешествие в страну людей тумана?

— Я не вижу другого выхода! — ответила старуха.

— Ну что же, если это так, я помогу вам!

— Мы выступим завтра в путь очень рано, поэтому, с вашего позволения, я вернусь к себе! — сказал Леонард, вскакивая со своего места.

Хуанна с невинным видом наблюдала за ним, и, когда он проходил мимо, она при свете костра заметила, что лицо его было пасмурно и угрюмо.

«Я рассердила его, — подумала она, — и очень рада этому. Что за нужда была освобождать меня за деньги? Но он странный человек. Любопытно, кто такая эта Джейн Бич? Может быть, это ей-то и нужны деньги!»

Затем она повторила громко:

— Соа, поди сюда и, пока я раздеваюсь, расскажи мне снова все о твоей встрече с мистером Атремом, скажи, что он говорил, не пропуская ничего. Ты поставила меня своими словами, Соа, в неловкое положение, этого я тебе никогда не прощу. Расскажи мне также, как я могу помочь ему добыть сокровища людей тумана.

XIV. Недоразумение

После этого разговора отношения Леонарда и Хуанны сильно обострились, хотя им постоянно приходилось сталкиваться друг с другом.

Хуанне очень хотелось узнать, кто такая Джейн Бич. Она стала расспрашивать Оттера, но карлика, по-видимому, вовсе не интересовала Джейн Бич. Он заметил только, что, вероятно, это одна из жен бааса, живущих в большом краале за морем.

Это еще больше заинтересовало Хуанну, а упоминание Оттера о большом краале, где жил раньше Атрем, возбудило ее любопытство, и она стала расспрашивать Оттера о подробностях жизни его господина.

Карлик охотно рассказал ей, что его господин был одним из богатейших и могущественнейших людей во всем свете, но что он потерял свои владения из-за происков негодных женщин, отчего и приехал в эту страну искать счастья.

До последнего дня путешествия Хуанне так и не удалось поговорить подробно с Леонардом. Она понимала, что он нарочно избегал ее, постоянно садясь в первую лодку с Оттером, предоставляя ей с Франциско и Соа вторую. К патеру она относилась весьма любезно, разговаривала с ним по целым часам, словно с подругой. И в самом деле, в характере Франциско было что-то женственное; самая наружность его, нежное телосложение, изящные руки и черты лица еще более усиливали это впечатление. Лицом он немного походил на Хуанну, и если бы переодеть его в ее платье, то в темноте можно было принять священника за нее, хотя она была выше ростом.

Был чудный вечер, и путешественники тихо плыли в лодке мимо поросшего камышом берега.

Хуанна запела весьма распространенную песню, которую хором подтянули гребцы.

— Я не совсем понимаю, — сказал Леонард, — как вы могли изучить музыку!

— Кажется, мистер Атрем, вы принимаете меня за настоящую дикарку, но, живя на Замбези, я могла получать книги и общаться с европейскими торговцами, путешественниками и миссионерами, Мой отец, хорошо воспитанный и очень образованный человек, научил меня многому. Затем я три года училась в школе в Дурбане, где недаром провела время.

— Да, это объясняет все. Вам нравится ваша жизнь среди дикарей?

— До сих пор я жила довольно хорошо и мне все нравилось, но это последнее приключение разочаровало меня. О! Оно было ужасно! Нервная женщина сошла бы с ума на моем месте. Общение с природой есть лучшая подготовка для общения с людьми, если только вы действительно любите природу. Но теперь я хотела бы поехать в Европу, посмотреть цивилизованный свет, а между тем, вероятно, это никогда не случится. Во всяком случае, прежде всего я должна разыскать своего отца! — закончила она, вздохнув.

Леонард не сказал ничего и погрузился в глубокую задумчивость.

— А вы, мистер Атрем, какие надежды возлагаете на эту жизнь?

— Я? — горько воскликнул он. — Подобно вам, мисс Родд, я — жертва обстоятельств. Как я уже говорил вам, я — бедный искатель приключений, домогающийся богатства, и большого богатства!

— Зачем вам это? — спросила она. — Какой смысл рисковать жизнью в поисках богатства?

— Есть! — и Леонард рассказал о разорении его отца, о своем путешествии и о цели, которой он обещал добиться умирающему брату, — выкупить Атрем.

Разговор коснулся и Джейн Бич. Хуанна все старалась выспросить своего собеседника об этой девушке, о ее наружности и наконец прямо спросила:

— Скажите, вы сильно ее любите?

— Да, я ее очень любил!

Хотя громадная разница и существует между словами «люблю» и «любил», но Хуанна не обратила на это внимания. Он сказал ей, что любил Джейн Бич и, конечно, теперь еще любит ее. Откуда она могла знать, что образ этой далекой и ненавистной для нее Джейн Бич давно вытеснен из его сердца другим образом.

Сердце Хуанны сжималось от скорби, и она поняла, что полюбила этого человека с самой первой встречи. Под влиянием этой, хотя и неосознанной еще, любви, она дурно обошлась с ним раньше. Для нее была ужасна мысль о комедии брака. Еще обиднее было узнать, что он взялся за ее освобождение не ради нее самой, а в надежде приобрести богатство. Собрав всю свою энергию, она заговорила твердым голосом:

— Мистер Атрем, я весьма обязана вам, что вы мне рассказали об этом. Ваши слова сильно заинтересовали меня, и я серьезно надеюсь, что рассказ Соа о сокровищах окажется правдивым и что вы приобретете их с моей помощью! А теперь прошу вас простить мою резкость, грубость и мои горькие слова!

Хуанна стала снимать кольцо Леонарда со своего пальца, но тотчас же оставила это намерение. Это был его подарок, единственное звено между нею и человеком, теперь для нее совершенно потерянным. Неужели ей расстаться с кольцом? Оно напоминает ей так много!

Леонард с удивлением посмотрел ей в лицо. Он видел, что она страдает. Он любил ее. Может ли быть, что и она отвечала ему тем же и в этом разгадка ее странного поведения? Он хотел раз и навсегда выяснить этот вопрос, хотел сказать ей, что Джейн Бич для него не более, чем нежное воспоминание и что она, Хуанна, стала для него всем.

Через несколько минут они были на берегу. Во время остановки раз или два он пробовал поговорить с ней откровенно, но она в самом начале разговора делалась холодной и неподвижной, как мрамор. Он не мог понять этого и стал даже несколько побаиваться ее.

XV. Смерть Мэвума

Наконец путешественники прибыли к развалинам поселения. Внутренность домов выгорела, но стены их были целы, а многие хижины туземцев стояли совершенно нетронутые. Леонард с дороги послал вперед людей сказать туземцам о возвращении Хуанны; весть быстро разнеслась по соседним краям, жители которых толпами стекались к месту высадки. С ними были и те люди Мэвума, которые не попали в плен к Перейре. Все они вышли навстречу Хуанне. Прием девушки был самый трогательный. Мужчины, женщины и дети бежали к ней, мужчины приветствовали ее радостными криками, а женщины и дети целовали ее платье и руки.

Нетерпеливо отстранив женщин, Хуанна стала расспрашивать мужчин, не слыхали ли они чего-либо о ее отце. Но те отвечали отрицательно. Некоторые из них отправились вверх по реке на его поиски в тот же самый день, когда Хуанна была захвачена в плен, но до сих пор еще не вернулись.

Освобожденные пленники восторженно рассказали историю взятия и разрушения лагеря работорговцев. Оттер, видя удобный случай воспеть славу своего господина, метался взад и вперед среди толпы, потрясая копьем и распевая по зулусскому обычаю хвалебный гимн Леонарду.

— Слушайте! — говорил он. — Слушайте! Смотри на него, народ, и удивляйся!

Воздайте хвалу тому, кто сокрушил силу угнетателя!

Воздайте хвалу ему, освободителю Хуанны, которую он увел из дома злодея!

Воздайте ему хвалу, дети Мэвума, в его руках жизнь и смерть!

Никогда еще о таких подвигах не было слышно в этой земле!

Воздайте хвалу избавителю, возвратившему вам ваших детей!

— Да, воздайте ему хвалу! — сказала стоявшая подле Хуанна. — Воздайте ему хвалу, дети моего отца, так как без него никто из вас не увидел бы дневного света!

Как раз в это время появился на сцену и Леонард, слышавший слова Хуанны. Все поселенцы бросились к нему с криками, другие туземцы присоединились к ним.

— Хвала тебе! — кричали они. — Хвала тебе, избавитель!

И с этого дня Леонард стал известен у туземцев под именем Избавитель.

Вечером, когда Леонард, Хуанна и Франциско сидели за обедом в доме

Мэвума, с беспокойством рассуждая о его судьбе и удивляясь, отчего о нем нет до сих пор никаких известий, они услышали шум во дворе.

В комнату вбежал Оттер с криком: «Мэвум приехал!»

Все выбежали во двор, где шесть человек держали носилки, на которых лежал мужчина, покрытый одеялами.

— О! Он умер! — крикнула Хуанна, прижимая руки к сердцу.

Леонард сначала думал, что она права, но с носилок послышался слабый голос, просивший туземцев нести его осторожнее, и Хуанна бросилась вперед с криком:

— Папа! Папа!

Носильщики внесли мистера Родда в дом и поставили носилки на пол. Леонард увидел перед собой красивого мужчину лет пятидесяти, несомненно близкого к смерти.

— Хуанна, — с трудом произнес мистер Родд, — это ты? Значит, ты спасена? Теперь я могу умереть спокойно!

Мы не будем передавать всех подробностей бессвязного разговора между отцом и дочерью.

По-видимому, мистера Родда постигла неудача в его поисках слоновой кости в намеченном им месте. Не желая, однако, возвращаться с пустыми руками, он решился подняться дальше вверх по реке, но и тут его преследовали неудачи. Уже возвращаясь домой, он встретил людей, посланных Соа, и услышал от них о похищении его дочери Перейрой.

Известие он получил ночью, было слишком темно для продолжения пути, но под влиянием винных паров он решился тотчас же отправиться на поиски дочери, несмотря на темноту. Напрасно его люди указывали на опасность путешествия ночью. Он не обратил на их слова никакого внимания и тронулся в путь. Однако путешествие продолжалось недолго: вскоре люди услышали проклятие и шум, вслед за которыми их господин исчез, и они не могли найти его до самого рассвета. Тогда только они увидели, что находятся на краю небольшой, но крутой скалы, и у подножия ее лежит Мэвум, без чувств, с тремя ранами и со сломанной правой ногой.

Несколько дней они ухаживали за ним там же, пока наконец он не приказал им отнести его домой на носилках.

Франциско осмотрел раны мистера Родда и нашел их смертельными.

На следующее утро умирающий послал за Леонардом. Войдя в комнату, Леонард нашел его лежащим на полу, голова его покоилась на коленях у дочери, а патер Франциско молился подле него.

— Мистер Атрем, — сказал умирающий, — я узнал всю историю взятия лагеря и освобождения вами моей дочери. Это было самое смелое

дело, о котором я когда-либо слышал, и только сожалею, что меня не было там в это время!

— Не говорите об этом, — сказал Леонард. — Быть может, вы слышали также, что я сделал это из известного расчета!

— Да, мне говорили об этом, но вас порицать тут не за что. Если бы только эта старая дура Соа посвятила меня в тайну этих рубинов, я сам давно бы отправился в поиски за ними. Ну, по крайней мере, я надеюсь, что вам удастся добыть их. Но у меня нет времени говорить о рубинах, так как смерть уже витает надо мной. Теперь слушайте, что я вам скажу. Я нахожусь в безнадежном состоянии и беспокоюсь не за себя, конечно, — не велика важность, если свет избавится от такого бесполезного человека, как я, — а за свою дочь. Что станет с ней? Я не оставляю ей ни цента. Эти проклятые работорговцы отняли у меня все. Мне остается только поручить дочь вашему попечению. Я слышал, что вы проделали брачную церемонию там, в лагере работорговцев, и не знаю, какие отношения установятся между вами после моей смерти. Но что бы ни случилось, я полагаюсь на вашу честь и могу доверить свою дочь только вам. Дайте мне слово, что вы будете заботиться о ней, а если бы ей угрожало самое худшее, что может случиться, то у нее есть яд для защиты самой себя. Ну, что вы скажете?

Леонард задумался, а умирающий с беспокойством следил за ним.

— Я беру на себя очень тяжелую ответственность, — наконец произнес он, — но пусть будет так. Я буду заботиться о ней так, как если бы она была моей женой или дочерью!

— Благодарю вас! — сказал мистер Родд. — Я верю вам!

В тот же вечер мистер Родд скончался, и на другой день состоялись его похороны, причем Франциско совершал погребение.

Прошло три дня. Леонард не начинал разговора с Хуанной относительно продолжения путешествия, решив и не заикаться об этом, пока она сама не заговорит.

Наконец Хуанна обратилась к нему:

— Мистер Атрем, когда вы предполагаете отправиться в путь?

— Право, не знаю. Я не уверен, что когда-либо отправлюсь. Это зависит от вас. Вы знаете, что я отвечаю за вас, и моя совесть не позволяет мне вовлекать вас в такие похождения.

— Пожалуйста, не продолжайте, — ответила она. — Я должна вам сказать, что сама решила отправиться туда!

— Однако вы без меня не можете отправиться! — сказал он с улыбкой.

— Неправда, — смело возразила Хуанна, — я могу отправиться и одна, и Соа будет указывать мне дорогу. Это вы не можете идти без меня,

если только Соа говорит правду. Плохо или хорошо, но мы пока действовали вместе, мистер Атрем, и ни к чему теперь пытаться идти разными дорогами.

XVI. Соа предупреждает об опасности

Прошло три месяца с того дня, когда Хуанна объявила о своем непоколебимом решении сопровождать Леонарда в его путешествии за сокровищами людей тумана.

Был вечер, и караван путешественников-туземцев расположился на отдых на берегу реки, протекавшей по большой пустынной равнине. Среди них было трое белых: Леонард, Франциско и Хуанна. Караван шел под предводительством Питера, того самого, который был освобожден из лагеря Перейры. Кроме того, конечно, присутствовали карлик Оттер и старая нянька Хуанны — Соа.

Три месяца шли они, следуя указаниям Соа и двигаясь постоянно к северо-западу. Сначала они десять дней плыли вниз по течению реки в лодках. Затем, оставив главное русло Замбези, они три недели поднимались по ее притоку Мазоэ, вдоль горной цепи Манг-Анджа. Пороги заставили их продолжать путешествие пешком.

Велики были опасности речного путешествия, но их нельзя было и сравнить с тем, что пришлось им перенести за время долгого пути по неизвестной стране, грозившей самыми разнообразными опасностями. Равнина тянулась за равниной, пустыня за пустыней, и казалось, конца не будет долгому пути.

Климат становился все холоднее: они перешли часть неисследованного плато, отделяющего Южную Африку от Центральной. Местность была так ужасна, так пустынна, что носильщики начали роптать, уверяя, что их ведут на край света, где они встретят смерть. В одном только отношении путешествие было удобно: благодаря высоким местам нечего было бояться лихорадки, и путешественники не рисковали заблудиться, так как, по словам Соа, следуя вдоль берега реки, они непременно должны попасть в страну людей тумана.

Мы не станем описывать бесчисленные приключения, с которыми путешественники сталкивались на каждом шагу, их встречи с дикими животными и дикарями. Все они оканчивались благополучно благодаря огнестрельному оружию, с которым как туземцы, так и животные этих мест не были еще знакомы.

Наконец они достигли границы страны людей тумана. Прямо перед ними возвышался громадный утес, или скалистая стена, шедшая поперек равнины, как гигантская ступень, высотой от восьмисот до десяти тысяч

футов. С высоты этого плато водопадами стекали воды реки Замбези.

Едва путешественники поужинали, взошла луна, и при ее свете трое европейцев стали рассматривать грозное естественное укрепление, с удивлением спрашивая себя, неужели они должны взобраться на эту твердыню и какие ужасы ожидают их за ней. В душе они уже жалели, что решились на такое безумное предприятие.

Леонард взглянул направо, где шагах в пятидесяти их черные спутники возились около костра. Они тоже молчали и также были удручены мыслью о предстоящих опасностях.

Соа подошла к ним и сказала:

— Избавитель, несколько месяцев тому назад, когда ты рыл золото у могильной горы, я заключила с тобой условие, обещая привести тебя в страну, где можно достать драгоценные камни, если ты освободишь мою госпожу. Ты спас госпожу, ее отец умер, и теперь настало время исполнить мое обещание. Если бы на то была моя воля, я никогда бы не исполнила его, так как, заключая условие, я хотела обмануть тебя. Но моя госпожа отказывается слушаться меня. «Нет, — говорит она, — то, что ты обещала от моего имени и за себя, должно быть исполнено, иначе, Соа, между нами все будет кончено».

Тогда, Избавитель, чтобы не расставаться с той, которую я любила и воспитывала с детских лет, я уступила. И вот теперь вы стоите у границ страны моего народа. Скажи, Избавитель, ты намерен перейти эту границу?

— Для чего же я пришел сюда, Соа? — ответил он.

— Я не знаю. Ты пришел сюда, чтобы удовлетворить желание твоего сердца. Слушай: то, что я тебе рассказывала, верно, но я тебе еще не сказала всей правды. За горами живет сильный народ, у которого есть обычай приносить иностранцев в жертву своим богам. Идите туда, и они убьют вас!

— Прекрасно! Однако я прошел сотни миль не для того, чтобы накануне достижения цели повернуть назад. Ты можешь даже оставить меня одного, если угодно, но я пойду. Я не хочу быть одураченным!

— Никто из нас не имеет желания быть одураченным, мистер Атрем, — кротко заметила Хуанна, — по крайней мере, я предпочту умереть, чем вернуться назад ни с чем. А ты, Соа, скажи же, наконец, что мы должны сделать, чтобы примирить с собой твоих очаровательных соплеменников? Вспомни, — прибавила она, сверкнув глазами, — что я не позволю шутить над собой, Соа. В этом деле интересы Избавителя сливаются с моими, его гибель — моя гибель!

— Твоя воля — моя воля, госпожа, — ответила Соа, — я люблю тебя

одну в целом свете, а остальных ненавижу! — прибавила она посмотрев на Леонарда и Оттера. — Слушай! У моего народа есть закон, по крайней мере был, когда я еще жила среди него сорок лет тому назад. По этому закону всякий иностранец, перешедший границу летом, приносится в жертву матери Аке, а явившийся зимой — ее сыну Джалю, так как жители туманной страны не любят иностранцев. Но моему народу было предсказано, что Ака-мать и Джаль-сын вернутся в страну, которой они некогда управляли, в человеческом образе. Ака будет иметь такой же вид, как ты, госпожа, а Джаль — вид этой черной собаки-карлика, которого я в своем безумии и приняла за божество, увидев его впервые. Когда мать и сын вернутся в страну, короли ее должны будут сложить свою власть, а жрецы Змея будут служить им. С богами в страну вернутся мир и счастье, которые не прекратятся никогда. Госпожа, ты знаешь язык моего народа, в детстве я обучала тебя ему, ты знаешь также песнь, священную песнь возвращения, которую будет петь Ака, когда она вернется в свою страну. Я научу тебя, что нужно делать потом!

На следующее утро Леонарда разбудил шум среди его спутников-туземцев. Подойдя к ним ближе, он догадался о причине его: два бушмена, подкравшись к лагерю путешественников, стащили несколько мелких вещей и пытались скрыться с ними, но были пойманы. Воры выли от страха, пока их не успокоили, подарив им несколько пустых патронов и зернышек бус. Оттер при посредничестве одного из людей Мэвума, знавших язык бушменов, стал расспрашивать дикарей о стране, лежавшей за скалистой стеной. Пленники заявили, что сами никогда не осмеливались проникнуть туда, но слышали о ней от других. По их словам, страна эта холодна и чрезвычайно туманна, в ней живут рослые люди, одевающиеся в звериные шкуры и приносящие иностранцев в жертву Змею, а всех своих красивейших девушек они отдают в жены богу. Вот и все, что они знают об этой стране, так как немногие люди, проникшие туда, никогда не возвращались обратно. Очевидно, это — заколдованная страна.

Видя, что от этих людей больше ничего нельзя добиться, Леонард отпустил их. Затем он приказал поселенцам готовиться к выступлению. Но здесь возникло новое затруднение. Переводчик повторил рассказ бушменов своим товарищам, и носильщики, вместо того чтобы складывать вещи путешественников, после короткого совещания в полном составе подошли к Леонарду.

— В чем дело, Питер? — спросил он вожака.

— Избавитель, мы не хотим идти туда на верную смерть. Правда, и назад трудновато идти, но все же лучше, так как хотя бы немногие из нас

смогут тогда вернуться живыми к своим хижинам; а если мы пойдем туда, — указал он на скалистую стену, — то все наверное умрем, принесенные в жертву дьяволу или Змею!

Леонард задумчиво пощипал свою бороду и наконец сказал:

— В таком случае, Питер, мне кажется, ничего более не остается сказать, кроме — прощайте!

Питер поклонился и пошел прочь со сконфуженным лицом. Хуанна остановила его. Вместе с Оттером и другими она молча слушала разговор и теперь впервые заговорила.

— Питер, — кротко сказала она, — когда ты и твои товарищи были в руках Желтого Дьявола, кто освободил вас?

— Избавитель.

— Так. А теперь, должно быть, мои уши обманывают меня, или я действительно слышала, что ты и твои братья, со мной вместе спасенные Избавителем от позора и лишений, хотите покинуть его в минуту опасности?

— Ты слышала верно! — сказал печально Питер.

— Хорошо. Идите, дети Мэвума, моего отца, покиньте меня в нужде, но знайте, что я, белая женщина, пойду одна с Избавителем туда, куда вы боитесь ступить. Идите, дети моего отца, и пусть мир будет с вами, если это возможно. Как вы знаете, я верно предсказала гибель Желтого Дьявола; теперь я предскажу вам, что немногие из вас увидят снова свои краали и ты, Питер, не будешь в числе их. Те же, которые целы и невредимы вернутся домой, будут покрыты позором!

Поселенцы призадумались и затем дружно заявили, что пойдут за Хуанной хоть на край света.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В стране тумана

XVII. На той стороне

Через час путешественники начали восхождение на скалистую стену, оказавшееся на самом деле еще более трудным, чем они предполагали. Дорог не было никаких, ибо люди, жившие за скалистой стеной, никогда не выходили на равнину, а немногие жители равнин почти никогда не отваживались подниматься по ее отвесам. За неимением других дорог путешественники продвигались вдоль реки. Восхождение оказалось настолько трудным, что Леонард хотел уже бросить попытку взойти на скалистую стену и, следуя вдоль ее подошвы, постараться найти какую-либо иную дорогу, но Оттер, с ловкостью кошки взбиравшийся по отвесным скалам, с помощью веревки помог преодолеть наиболее опасные места, и поздно вечером путешественники наконец оказались на вершине стены. Ночь они провели, страдая от холода и ветра, пронизывавшего их до костей. Утром вся равнина была покрыта туманом, который не исчез и к девяти часам, вследствие чего они решились продолжать свое путешествие под руководством Соа, следуя к северу по восточному берегу реки.

Целый день шли они, блуждая в тумане, как привидения, руководствуясь лишь глухим журчанием реки. Ни одно живое существо не попалось им навстречу, за исключением большого стада быков с прекрасной белой шерстью. Один из этих быков был убит Леонардом, ибо их пищевые запасы истощились.

Близилась ночь, и путешественники решили остановиться на ночлег. Во время заката солнца небо несколько прояснилось — по крайней мере, красный диск солнца стал виден сквозь туман, и они внезапно заметили гигантскую фигуру человека, одетого в козью шкуру, с большим копьем в руке и с висевшим на бедре луком. Хуанна первая заметила его и с ужасом указала Леонарду на молча наблюдавшего за ними гиганта. Леонард, держа наготове ружье, бросился к тому месту, где стоял неизвестный, но тот исчез в тумане. Не успел Леонард вернуться к Хуанне, как в воздухе что-то

просвистело и ударилось о землю вблизи него; нагнувшись, Леонард увидел большую стрелу с зазубренным острием и красными перьями на конце. Подняв ружье, он сделал выстрел в том направлении, откуда была послана стрела, и приказал своему маленькому отряду приготовиться к защите, но больше никто не появлялся. Ночь путешественники провели без сна, ожидая нападения и дрожа от холода; в довершение всех несчастий пошел крупный град. Настроение их еще более ухудшилось, так как они увидели, что Соа говорила правду и что рассказы бушменов о великанах, покрытых шкурами, — не преувеличенные выдумки дикарей.

Наконец наступило утро, пасмурное и туманное. Путешественники были едва живы от холода. Некоторые из носильщиков были так напуганы, что громко ворчали и думали было вернуться, но теперь никто из них не осмелился бы сделать и шага назад; кроме того, Леонард объявил им, что предаст смерти каждого, кто окажет ему малейшее неповиновение.

Промокшие до нитки, голодные и дрожащие от холода, они продолжали свой путь по неизвестной стране. Соа с каждым часом становилась все злее и с горделивым видом выступала впереди. Целый день шли путешественники, не встретив ни одного человека; наконец надвигавшийся мрак заставил их остановиться. Леонард и Оттер пошли разыскивать подходящее место для ночлега, где бы они могли раскинуть единственную имевшуюся у них палатку для Хуанны. Вдруг Оттер, издав громкий крик удивления, указал Леонарду на что-то видневшееся ярдах в ста перед ними.

— Смотри, баас, там дом, каменный дом, а на крыше растет трава!

— Глупости, — сказал Леонард, — просто куча камней. Впрочем, пойдем посмотрим!

Осторожно подойдя, они увидели, что это был действительно дом или подобие его, построенный из громадных необработанных камней, покрытый стволами маленьких деревьев, а сверху — зеленым дерном. В нем были два оконных и одно дверное отверстие, завешанные бычьими шкурами. Леонард позвал Соа и спросил у нее, что это такое.

— Это, без сомнения, дом пастуха, стерегущего стада короля или жрецов. Очень может быть, что здесь живет тот самый человек, который пустил вчера стрелу!

Убедившись, что внутри постройки никого не было, путешественники вошли в нее. Стены из нетесаных камней, покрытые плесенью, земляной пол и убогая обстановка жилища дикаря имели в себе мало привлекательного, однако путешественники обрадовались возможности провести ночь под крышей. Бесчисленные насекомые беспокоили их, но

все это были пустяки в сравнении с неудобствами предыдущих дней.

Прошла и эта тяжелая ночь, и наконец настало утро. Туман рассеялся, и они могли ясно разглядеть местность. Они находились на громадной равнине, мало-помалу возвышавшейся и оканчивавшейся у подножия величественной цепи гор со снежными вершинами. Внизу склоны гор были покрыты лесами.

Оттер взглянул вдаль своими ястребиными глазами и наконец спокойно сказал, обращаясь к Леонарду:

— Взгляни, баас. Старая ведьма не солгала нам. Вон там виден город людей тумана!

Взглянув по направлению, указанному карликом, Леонард разглядел в широкой излучине горной цепи, у ее подошвы, множество домов, построенных из серого камня и покрытых зеленым дерном.

— Да, это, очевидно, крааль великого народа, — продолжал Оттер. — Крепкий крааль. Взгляни, баас, как он превосходно защищен: сзади него такие горы, через которые никто не может перейти, а вокруг стен течет река!

Некоторое время путешественники молча смотрели на открывшееся перед ними зрелище. Им казалось странным, что они достигли этого города. Какой прием они встретят за его стенами?

К полудню они приблизились к городу еще на пятнадцать миль и могли уже хорошо разглядеть его. Дома в городе были сгруппированы в виде улиц и построены так же, как и та хижина, где они провели ночь два дня тому назад. Среди построек выделялись по своей величине два здания, стоявших у самого склона горы. Одно из них своей конструкцией напоминало другие дома, но было обнесено оградой, а другое, расположенное на возвышенности, имело вид римского амфитеатра. На дальнем конце этого амфитеатра стояла громадная каменная масса, имевшая грубое подобие человеческой фигуры.

— Что это за здание, Соа? — спросил Леонард.

— Нижнее — дворец короля, белый человек, а верхнее — храм Глубоких вод, он находится на том месте, где река берет начало в недрах гор!

— А что это за громадный камень по ту сторону храма?

— Это, белый человек, статуя бога, вечно охраняющего город своего народа.

— Должно быть, большой бог! — заметил Леонард, имея в виду размеры статуи.

— Он действительно велик, — ответила она. — И мое сердце

наполнилось страхом при одном взгляде на него.

После двухчасовой остановки путешественники снова тронулись в путь и скоро убедились, что их движение замечено. На дороге показались люди, одетые в козьи шкуры, с копьями в руках, луками и рогами. Подпустив путешественников ярдов на шестьсот, один из этих людей пустил в них стрелу и, протрубив в рог — по-видимому, это был сигнал, — исчез. Подойдя еще ближе, они ясно заметили вооруженных людей, переправляющихся в лодках и на плотах через реку. Вскоре все эти люди выстроились четырехугольником, пустым внутри, и весь полк, приблизительно тысяча вооруженных людей, двинулся им навстречу.

Положение становилось опасным.

XVIII. Возвращение Аки

Леонард обернулся и вопросительно посмотрел на своих спутников.

— Что делать? — спросил он.

— Мы подождем, пока они не подойдут ближе к нам, — ответила Хуанна, — затем я и Оттер пойдем одни им навстречу; я знаю песню, которой меня научила Соа. Не бойтесь, я хорошо выучила свой урок, и если все пойдет правильно, то они подумают, что мы — их исчезнувшие боги; по крайней мере, так говорит Соа!

— Да, если все пойдет правильно… А если нет?

— Тогда прощайте, — сказала Хуанна, пожав плечами. — Во всяком случае, мне надо приготовиться к эксперименту. Соа! Отнеси мой узел за те камни! — показала она рукой. — Да! Я забыла: мистер Атрем, вы должны дать мне ваш рубин!

Леонард отдал ей рубин, подумав, что, вероятно, он никогда уже больше не увидит его. Но теперь, когда дело шло о спасении жизни, нечего было думать о рубинах.

Взяв драгоценный камень, Хуанна побежала за груду скал на равнине, Соа пошла вслед за ней, неся узел.

Через десять минут Соа вышла из-за скал и окликнула путешественников. Подойдя к ней, они увидели интересное зрелище. За камнями стояла Хуанна в белом арабском одеянии, с открытыми шеей и плечами. Прекрасные волосы ее были распущены, доходя почти до колен, а над ее лбом, сверкая, как красный глаз, сиял большой рубин, искусно прикрепленный Соа с помощью ленты.

— Взгляните на богиню и воздайте ей божеские почести! — сказала Хуанна, улыбаясь, но Леонард видел, что она дрожала от волнения.

— Я не совсем понимаю, что вы хотите сделать, но к своей роли вы очень подходите! — заметил он, ослепленный блеском ее красоты.

Хуанна покраснела, увидев восхищение в его глазах, и, обратившись к карлику, проговорила:

— Ну, Оттер, ты также должен приготовиться. Помни, что Соа говорила тебе. Что бы ты ни увидел и ни услышал, не открывай своего рта. Иди рядом со мной и делай то же, что и я, — вот и все!

Оттер, проворчав что-то, стал готовиться. Ему пришлось снять свою куртку и панталоны и остаться совсем нагим, исключая пояса, прикрытого *умутшей* — набедренной повязкой, местным костюмом жителей тумана.

— Что это значит? — спросил Питер, дрожавший от страха.

— Это значит, Питер, — сказала Хуанна, — что Оттер и я представляем собой богов этого народа. Если они признают в нас богов — хорошо, если же нет — тогда мы погибли. Если мы будем признаны, остерегайтесь выдать нас малейшим неосторожным словом. Будьте благоразумны и молчаливы и делайте то, что мы время от времени будем говорить вам, если хотите остаться в живых!

Питер с удивлением отступил назад, а Леонард и Франциско обратили внимание на приближавшихся воинов людей тумана.

Медленно и в молчании приближались они, их мерные шаги глухо отдавались в воздухе. Наконец шагах в полутораста они остановились. Леонард разглядел, что среди них не было ни одного человека ниже шести футов. В наружности их не было ничего отталкивающего, а большие глаза выражали странное спокойствие, спокойствие статуй. Все они были, по-видимому, хорошо дисциплинированы. У командиров кроме оружия в руках были еще трубы из рогов дикого быка.

Полк стоял молча, смотря на группу чужеземцев, или, скорее, на груду камней, за которыми они спрятались. В центре полка, построенного в виде пустого внутри четырехугольника, стояла группа людей, среди которых особенно выделялся могучей фигурой молодой воин. Леонард принял его за вождя или короля. Сзади него стояли советники, а впереди — три пожилых человека с жестким выражением лица. Эти люди были обнажены до пояса и не имели при себе иного оружия, кроме ножей, прикрепленных к поясу. На груди их была вытатуирована голубой краской голова гигантского змея. Очевидно, это были жрецы.

Пока путешественники наблюдали за ними, король, или вождь, отдал какой-то приказ, и командиры, приложив к губам трубы, подали какой-то сигнал.

Полк все еще продолжал стоять спокойно, смотря на камни, а три жреца приблизились к королю, или вождю, и стали с ним совещаться.

— Теперь пора! — сказала взволнованно Хуанна. — Если только они атакуют нас, все погибло: пустив только раз тучу своих стрел, они убьют всех нас. Пойдем, Оттер!

— Идите, Хуанна, — произнес Леонард. — Если что-нибудь случится, я постараюсь отомстить за вас прежде, чем буду сам убит. Идите и простите меня!

— За что мне вас прощать? — спросила она, глядя на него сияющими глазами. — Разве вы не подвергались величайшей опасности ради меня?

— Да, иди, — заметила Соа, до сих пор чрезвычайно внимательно

смотревшая на трех стариков в середине полка. — Здесь нечего бояться, если только этот глупец карлик будет держать язык за зубами. Я знаю свой народ и скажу тебе, что если ты споешь ту песню, то они объявят тебя и черного человека богами своей земли. Но торопитесь: солдаты скоро будут стрелять!

Соа была права: раздалась команда, и солнце засверкало на остриях тысячи стрел, направленных на путешественников.

Хуанна вскочила на большой камень и встала на нем во весь свой рост, освещенная яркими лучами солнца. При виде ее по рядам воинов пронесся шепот смущения. Громкий голос снова произнес команду, и стрелы воинов опустились к земле.

Тогда Оттер, прикрытый только умутшей, вскочил на камень и стал рядом с Хуанной, и шепот солдат перешел в громкий крик удивления и страха.

Одно мгновение плохо подходящая друг к другу пара стояла вместе на камне, затем Хуанна соскочила с него, ее примеру последовал Оттер, и они вместе направились к воинам. Шагов двадцать Хуанна прошла в молчании, держа карлика за руку, а затем внезапно запела дикую, но мелодичную песню:

Я спала: плакали ли вы обо мне?
Я спала, но проснулась, мой народ.
Я не умерла, ибо никогда не могла умереть.
Теперь я вернулась назад.
Взгляните на меня, восставшую от сна;
Взгляните на странницу, долгожданную вами.
Повторите имя мое — Рассвет!

Воины со страхом и удивлением прислушивались к пению прекрасной женщины, приближавшейся к ним легкими шагами.

Подойдя к первым рядам, Хуанна остановилась, прекратив пение.

— Что же вы не приветствуете меня, дети детей моих? — громко спросила она.

Солдаты с ужасом смотрели один на другого, и Хуанна увидела, что ряды воинов вдруг раздвинулись и из-за них показались три старика, сопровождаемые вождем. Остановившись перед Хуанной в нескольких шагах, старший из них, которому было, по-видимому, лет девяносто, заговорил среди воцарившегося кругом молчания, обращаясь к молодой девушке:

— Кто ты? Женщина или дух?

— Я женщина и дух в одно и то же время! — ответила она.

— А тот, кто с тобой? — продолжал трепещущий жрец, показывая на Оттера. — Он бог или мужчина?

— Он бог и мужчина вместе!

— А те, — указал жрец на спутников Хуанны, — кто они?

— Это наши доверенные и слуги, люди, а не духи!

Три жреца стали совещаться между собой, а вождь с восхищением смотрел на прекрасную девушку. Старший из жрецов заговорил снова:

— Ты сказала нам на нашем собственном языке о таких вещах, которые долго были скрыты, хотя, быть может, о них еще помнят. Или, прекраснейшая, ты лжешь, и в таком случае вы все будете отданы на съедение Змею, против которого вы богохульствовали, или вы действительно боги, и тогда вам следует воздать божеские почести. Скажи нам твое имя и имя твоего карлика!

— Среди людей я слыла под именем Небесной Пастушки, а его звали Оттером, живущим в воде, но кроме этих мы имеем другие имена!

— Скажи нам их, Пастушка!

— В далеком прошлом я называлась Блеском, Зарей, Дневным светом, он — Молчанием, Ужасом, Мраком. Но в самом начале мы имели другие имена. Быть может, вы знаете их, служители Змея?

— Быть может, знаем! — ответили те. — А знаете ли вы?

— Эти священные имена в течение многих лет произносились изредка в полном мраке и с покрытой головой, — смело ответила Хуанна, — а теперь, в час возвращения, их можно произносить громко, при свете дня. Слушайте, дети Змея, наши первоначальные имена: Ака — мое имя, мать Змея; Джаль — имя того, кто сам Змей! Ну, узнаете теперь нас?

Когда эти слова слетели с ее уст, вопль ужаса раздался в толпе воинов, и старший из жрецов закричал громким голосом:

— Падите ниц, дети Змея! Копьеносный народ, живущий в тумане! Ака, бессмертная королева, вернулась к нам. Джаль, бог, облекся в человеческую плоть. Олфан! Сложи власть: она принадлежит ему. Жрецы, раскройте перед ними двери храмов. Воздайте почести матери и честь — богу!

Все воины пали ниц, как один человек, громко крича:

— Ака, мать жизни, вернулась; Джаль, мрачный бог, облекся в плоть. Воздадим божеские почести матери и честь — богу!

Хуанна и Оттер одни стояли на ногах, все остальные лежали, распростершись на земле, за исключением, впрочем, вождя, по-видимому

не обнаруживавшего желания сложить свою власть в пользу карлика, независимо от того, был ли он богом или человеком. Оттер, с изумлением следивший за тем, что происходило перед его глазами, и не понимавший ни слова, обратил внимание Хуанны, что вождь стоял на ногах. Великан, заметив, что карлик указал на него копьем, принял этот жест за изъявление гнева новоявленного божества. Суеверие взяло верх над гордостью, и он, подобно другим, опустился на колени.

Когда приветственные клики замолкли, Хуанна заговорила снова, обращаясь к старейшему из жрецов:

— Встань, дитя мое, — (дитя это, надо сказать, могло быть ее прадедом), — и вы все встаньте, копьеносные воины и слуги Змея, и слушайте мои слова. Вы признали меня теперь по моему лицу, священному имени и красному камню. В давние времена моя кровь пролилась и превратилась в такие камни, которые вы ежегодно приносили в жертву тому, кто мой сын и кто убил меня. Теперь его царствование кончено. Конечно, он бог, но он снова любит меня как сын и с почтением преклоняет колени передо мной! Теперь проводите меня в город!

Хуанна медленно и важно стала отступать вместе с Оттером назад к куче камней, за которой стояли ее спутники, и пела все время, пока шла.

XIX. Безумие Оттера

Хуанна и Оттер вернулись к своим спутникам, которые, лежа за камнями, с изумлением наблюдали за всем происходившим. С души их упало тяжкое бремя, когда они увидели, что целый полк рослых людей пал ниц перед молодой девушкой и карликом.

— Что случилось? — спросил быстро Леонард, когда Хуанна вернулась. — Ваш замысел, кажется, имел успех?

— Отошлите этих людей назад, и я скажу вам! — ответила Хуанна.

Когда Леонард исполнил это, молодая девушка разразилась истерическим смехом, ее напряженные нервы в конце концов не выдержали.

— Вы все должны с большим почтением относиться к Оттеру и ко мне, — сказала она наконец, — потому что мы действительно боги. Не возмущайтесь, Франциско, я начинаю сама верить в это. Уверяю вас, что это факт. Они вполне признали нас за богов, и это — после пятиминутного разговора. Слушайте! — И она рассказала обо всем происшедшем.

Пока она говорила, полк начал двигаться уже не четырехугольником, а по отрядам. Отряд за отрядом проходили они мимо путешественников мерным шагом. Хуанна с Оттером опять стали на камне, и воины, проходя мимо них, бросали в воздух копья с криками: «Слава матери! Слава Змею!» Наконец последний отряд скрылся из глаз.

— Прекрасно, — сказал Леонард, — чем дальше, тем лучше, Хуанна! Вы — самая смелая и ловкая девушка в целом свете. Большинство молодых женщин на вашем месте забыли бы все и в критическую минуту упали в обморок!

— Я только, как попугай, повторяла то, чему меня научила Соа, — скромно сказала Хуанна, — я знала, что при малейшей ошибке с моей стороны буду убита, а это обостряет память. Скажу также, что если тот змей, о котором они так много говорили, хоть немного походит на изображенных на груди жрецов, то я не имею желания ближе познакомиться с ним. Я ненавижу змей. Если кого и надо благодарить, так это Соа!

— Я с удовольствием сделаю это, — сердечно сказал Леонард, пришедший в самое лучшее настроение, — Соа, ты сказала нам правду и хорошо сделала свое дело, благодарю тебя!

— Разве ты принимал меня за лгунью? — ответила старуха, устремив

свои мрачные глаза в лицо Леонарда. — Я говорила тебе правду, Избавитель, что мой народ примет Хуанну и твою черную собаку за своих богов. Но разве я не говорила тебе также, что остальным угрожает смерть? Если не говорила, то скажу теперь. Тебя не назвали богом, Избавитель, как и этого Плешивого, — так туземцы звали Франциско из-за его тонзуры, — и твоя черная собака предаст вас своим тявканьем. Когда ты увидишь челюсти Змея, ты вспомнишь, что Соа говорила тебе правду, Избавитель. Быть может, белый человек, в его желудке ты найдешь те красные камни, которые ищешь!

— Молчать! — сказала с негодованием Хуанна, и Соа отступила назад, как побитая собака.

— Проклятая старуха! — произнес с содроганием Леонард. — Это настоящий дьявол в юбке, но если мне суждено попасть в желудок Змея, то, надеюсь, я встречу и тебя там!

— Я, право, не знаю, что с ней сделалось. Воздух ее родины, очевидно, оказывает на нее плохое влияние! — воскликнула Хуанна.

— Все в руках будущего, а пока мы должны сами принять меры к тому, чтобы исход дела был для нас благоприятен. Оттер, слушай меня! — сказал Леонард и дал подробные указания карлику, как себя вести в роли бога.

Затем, позвав Питера и его товарищей, он сказал им, что замысел удался, Оттер и Хуанна приняты народом тумана за богов и для спасения всех необходимо не подавать ни малейшего повода к сомнению в божественности Хуанны и Оттера.

Поселенцы быстро усвоили рассказ Леонарда и поняли, как им надо держаться.

Затем все направились к городу. Впереди шли двое белых мужчин, затем Хуанна с Оттером, сопровождаемые Соа, и, наконец, поселенцы. Через час они были на берегу реки, против города, к которому были подвезены на лодках. На другом берегу реки их ждали жрецы с двумя носилками, приготовленными для Хуанны и Оттера. Тысячи жителей толпились здесь, и когда божественная чета вступила на городскую землю, все распростерлись ниц, разразившись криками приветствия.

Хуанна и Оттер не обратили на это никакого внимания. С подобающим достоинством они сели на носилки, и шествие тронулось. Сзади шли Леонард, Франциско и другие.

Солнце уже клонилось к закату, но путешественники могли еще достаточно ясно разглядеть город и население. Улицы были крайне грубо вымощены, дома стояли отдельно один от другого, окруженные садами. В городе имелась большая торговая площадь. Женщины были гораздо

красивее мужчин, с прекрасными большими глазами и величественной походкой.

Перейдя торговую площадь, шествие подошло к воротам нижнего из больших зданий, виденных с равнины; у дверей здания стояли жрецы с факелами. На дворе бил фонтан, и все здание отличалось грубой роскошью отделки. Судя по трону, стоявшему на дворе под навесом и сделанному из черного дерева и слоновой кости, здесь должно было быть жилище короля, как и оказалось впоследствии. Жрецы указали помещение для вновь прибывших: поселенцам в одном углу, Леонарду, Франциско и Соа — в другом; Хуанне и Оттеру отвели две отдельные комнаты во внутренней части дворца. Такое размещение было неудобно в том отношении, что они были отделены друг от друга, но пришлось покориться.

После ужина Леонард, прежде чем идти спать, заглянул на двор и встревожился, увидев у каждой наружной двери, ведущей в помещение, занятое путешественниками, часовых; перед дверьми Хуанны и Оттера стояли жрецы с факелами в руках. Когда Леонард хотел пройти мимо них, чтобы навестить Хуанну, они молча загородили ему дорогу своими большими копьями, и он вынужден был оставить свою попытку.

— Зачем стоят жрецы перед дверьми Хуанны, Соа? — спросил Леонард.

— Они охраняют богов! — ответила та. — Без воли богов никто не может войти!

— Скажи, Соа, — спросил снова Леонард, — ты не боишься, что тебя узнают здесь?

— Много лет прошло с той поры, когда я убежала отсюда, Избавитель, поэтому и думаю, что меня забыли, разве только жрецы откроют мою тайну посредством волшебства!

На следующее утро Леонард поднялся на заре и в сопровождении Франциско вышел на двор. Часовые уже не останавливали его, но жрецы по-прежнему стояли перед дверью Хуанны; Хуанна, услышав шум, вышла и приказала впредь беспрепятственно пропускать к ней ее спутников.

Путешественники вошли, и за ними закрылся занавес двери.

— Я так рада видеть вас, — сказала Хуанна. — Вы не знаете, как страшно мне было одной пробыть всю ночь в этой большой комнате. Я боюсь этих величественных жрецов, стоящих у дверей. Женщины, принесшие мне вчера пищу, все время бродили около и выли, как собаки. Это было ужасно!

— Очень жаль, что вы оставались одни, — сказал Леонард. — Но вы должны попытаться устроить иначе. Соа, по крайней мере, может спать с

вами. А где Оттер? Надо навестить его! Я хочу посмотреть, как чувствует себя бог.

Хуанна подошла к двери и сказала жрецам, что она со своими слугами желает быть допущена к Змею. Они после, некоторого колебания дали ей дорогу, и все четверо вошли во дворик, в котором не было видно ни одного человеческого существа. Войдя в примыкавшую к нему комнату, они увидели любопытное зрелище. В громадном кресле под балдахином сидел Оттер с самым яростным выражением лица. Четыре жреца, распростершись ниц перед ним, беспрестанно бормотали молитвы.

— Здравствуй, баас! — вскричал он, вскакивая со своего места при виде Леонарда. — Здравствуй, Хуанна!

— Идиот! — сказал по-голландски Леонард, говоря самым смиренным тоном и преклоняя колени. — Если ты не вспомнишь, что ты бог, то я отплачу тебе за это, когда мы останемся одни. Вышли этих людей. Хуанна переведет им твои слова!

— Вон, собаки, — закричал на них Оттер, — вон и принесите мне пищи. Я хочу говорить с моим слугой, имя которого баас, и с моей матерью!

— Вот слова Змея, которые он произнес на священном языке! — сказала Хуанна, переведя слова Оттера жрецам.

Четверо дикарей встали и, низко нагнувшись, попятились задом из комнаты. Как только они ушли, Оттер оставил свой трон с восклицанием бешенства, заставившим прочих разразиться смехом.

— Смейся, баас, смейся, если хочешь, — сказал карлик, — ты никогда не был богом и не знаешь, что это такое. Что ты думаешь, баас? Всю ночь я просидел на этом большом стуле, а эти проклятые собаки жгли под моим носом вонючие курения и что-то бормотали. Еще час — и я бросился бы на них и убил бы их, так как ничего не ел и голод делает меня безумным!

— Тс-с… — сказал Леонард, — я слышу шаги. Живее на свой трон, Оттер! Хуанна, станьте рядом с ним, а мы опустимся на колени!

Едва они успели сделать это, как занавес был откинут и вошел жрец, неся деревянный сосуд, покрытый материей. Медленно подполз он к трону с головой, почти касавшейся его колен.

Затем, внезапно выпрямившись, он протянул сосуд, провозгласив громко:

— Мы принесли пищу, о Змей! Ешь и будь удовлетворен!

Оттер взял сосуд и, сняв покрывало, жадно взглянул на его содержимое, но был страшно разочарован.

— Собачий сын! — возмущался он на своем собственном языке. —

Разве такую пищу надо подавать мужчине?

И, нагнув вниз сосуд, он показал его содержимое.

Там находилось немного овощей и водяных растений в сыром виде. В середине их был помещен прекрасный рубин, согласно какой-нибудь религиозной традиции или для украшения — неизвестно. Леонард с удовольствием посмотрел на драгоценный камень, но карлик под влиянием голода, забыв о том, что его господин совершил далекое путешествие в поисках таких камней, пришел в ярость и, схватив рубин, швырнул его в лицо жрецу.

— Разве я угорь, — заревел он, — чтобы питаться травой и красными камнями?

Жрец, испуганный странным поведением божества, поднял рубин и убежал вон из комнаты.

Хуанна и Франциско разразились неудержимым смехом, и даже Соа улыбнулась, только Леонард не смеялся.

— О осел! — горько сказал он. — Что ты сделал? Ты швырнул жрецу в лицо драгоценный камень, и он уже никогда не будет приносить их опять!

Оттер пришел в такое уныние и был так жалок, что Леонард простил его, заставив только съесть принесенную пищу.

Едва Оттер покончил с едой, как за дверьми раздались шаги, и в комнату снова вошли жрецы, во главе со стариком, с которым Хуанна говорила при первой встрече с людьми тумана. Его звали Нам.

Леонард стоял в это время возле Соа и заметил, что она, взглянув в лицо старого жреца, с трепетом отступила назад за трон.

Нам распростерся ниц перед богами и затем стал произносить речь, содержание которой Хуанна постепенно переводила своим спутникам. Жрец изъявил горькое сожаление, что Змею было нанесено оскорбление поднесением среди пищи красного камня, известного под названием «кровь Аки». Сделавший это человек должен был поплатиться своей жизнью. Он должен был понимать, что после того как мать и Змей примирились между собой, подносить Джалю эти камни — значит, напоминать ему о совершенном некогда грехе. Такой безумный поступок мог навлечь проклятие на всю страну. Пусть Змей будет спокоен. Уже отдано приказание спрятать эти камни в самое сокровенное место, и это сделал тот самый человек, который совершил преступление. Если он вернется живым оттуда, то будет убит, но он не вернется из места, куда его послали, и в стране нельзя будет найти ни одного камня, который бы напоминал матери о прошлом.

— О Оттер, мой друг, — произнес про себя Леонард, — если я не

заплачу тебе за это, то имя мое тогда не Атрем!

— Но довольно говорить о камнях, — продолжал Нам, — я пришел сообщить о более важной вещи. Этой ночью в храме будет собрание всего племени, за час до восхода луны, чтобы мать и Змей могли принять бразды правления над страной в присутствии всего народа. В надлежащее время жрецы проводят в храм богов и их слуг!

Хуанна наклонила голову в знак согласия, и жрец повернулся, чтобы уйти, но прежде чем сделать это, он спросил снова, все ли идет так, как боги желают.

Хуанна велела ему выдавать всем ее слугам пищу и, кроме того, приказала принести рубины, так как «Змей прощает нанесенное ему оскорбление», а она хочет «посмотреть на свою кровь», пролитую много лет тому назад.

— Увы! Это невозможно, матушка! — отвечал тоном сожаления жрец. — Все камни, красные и голубые, сложенные в кожаных мешках, скрыты вместе с оскорбителем в таком месте, откуда их невозможно достать. Других же в это время года нельзя добыть, так как они лежат глубоко в земле, покрытой теперь снегом. Летом, когда солнце растопит снег, их можно найти, если только ваши глаза желают видеть их блеск!

Хуанна не ответила ничего, и жрец вышел. Леонард громко выругался, да и все были в унынии. Оттер заплакал от горя.

— Кто же мог знать это, баас?! — простонал он. — Вид зеленой пищи привел меня в бешенство. Теперь все погибло, и я должен еще несколько месяцев быть богом, если только они не откроют, кто я на самом деле!

— Ничего, Оттер, — сказал Леонард, почувствовав сострадание к карлику при виде его искреннего горя. — Ты потерял эти камни, ты и найдешь их потом как-нибудь. Соа, отчего ты спряталась, когда вышел старый жрец?

— Оттого, что это мой отец, Избавитель! — ответила она.

Леонард свистнул: возникло новое осложнение. Что если Нам узнает ее?

XX. Храм Джаля

В большом смущении Леонард простился с Хуанной, обещая вскоре вернуться, и пошел навестить поселенцев.

Он нашел их в довольно хорошем помещении, причем они были обильно снабжены пищей и находились в тепле. Однако настроение их было подавленное, и они умоляли Леонарда не оставлять их одних, говоря, что каждую минуту ожидают, что их убьют. Он успокоил их как мог, обещав скоро вернуться и напомнив, что жизнь их зависит от поддержания веры в божественность Хуанны и Оттера.

Остаток дня прошел довольно грустно. После первого возбуждения, вызванного их странным положением, наступила реакция, и все чувствовали себя в угнетенном состоянии духа. Молча сидели все в большой комнате, часам к десяти погрузившейся в полнейший мрак. За дверями слышались монотонные голоса жрецов, бормотавших молитвы. Наконец Леонард, на которого эта картина навеяла тоску, встал, объявив, что он пойдет погулять. Подойдя к большим воротам во дворе дворца, он стал смотреть сквозь них.

Туман немного рассеялся, и шагах в ста он увидел двери храма и его стены, футов в пятьдесят высотой. Там шли приготовления к церемонии, и кучки народа толпились у дверей. Больше он ничего не разглядел, так как ворота дворца были заперты и часовые не пропустили его. До захода солнца стоял он и наблюдал, а затем вернулся к своим спутникам.

Прошел еще час. Занавес над входом в комнату был внезапно отдернут, и появились двенадцать жрецов со свечами в руках во главе с Намом. Простершись ниц перед Хуанной и Оттером, они молча лежали на полу.

— Говорите! — сказала наконец Хуанна.

— Мы пришли, о мать и о Змей, — сказал Нам, — вести вас в храм, чтобы народ мог взглянуть на своих богов!

— Хорошо, веди! — ответила Хуанна.

— Но сначала надо облачить тебя, матушка, — сказал Нам, — так как вне храма созерцать тебя никто не должен, кроме жрецов!

Он подал ей платье, вынутое одним из его помощников из большого кожаного мешка. Платье спереди застегивалось на пуговицы, сделанные из рога, и соткано было из мягкой шерсти черного козла. Платье было с рукавами и глухим капюшоном с двумя отверстиями для глаз и одним для рта.

Хуанна удалилась, чтобы одеться, и вскоре появилась снова в облике средневекового монаха. Жрецы дали ей в руки по белой и красной лилии, и весь ее туалет был, по-видимому, окончен. Затем они подошли к Оттеру и повязали ему лоб бахромой из шерсти, закрывавшей его глаза, а в руки дали скипетр из слоновой кости, очевидно весьма древней работы, в виде змея, стоявшего на своем хвосте.

— Все готово! — сказал Нам.

— Ждите нас, — ответила снова Хуанна. — Но пусть с нами пойдут все наши слуги, кроме этой женщины, которая будет ждать нашего возвращения здесь!

Соа просила не брать ее в храм, на что Хуанна согласилась, посоветовавшись с Леонардом, заметившим, что, вероятно, она имеет свои основания для этой просьбы.

— Они пойдут также, — сказал Нам, — и для них все приготовлено! — И усмешка скривила его сморщенное лицо.

Леонард встревожился, спрашивая самого себя, что такое могло быть для них приготовлено?

Все вышли во двор, где уже ждали вооруженные воины и двое носилок. Здесь же были и поселенцы с оружием в руках, испытывавшие сильный страх, так как их окружало около пятидесяти вооруженных воинов.

Хуанна и Оттер заняли места на носилках; позади носилок Леонард построил свой маленький отряд, став во главе его вместе с Франциско. У обоих в руках были ружья и револьверы за поясом; никто не отнял у них оружия, не зная его употребления. Затем они тронулись в путь, окруженные жрецами, размахивавшими зажженными факелами и распевавшими гимны, а сзади процессии шли ряды воинов, на копьях которых также горели факелы. Пройдя ворота дворца, процессия вступила на площадь, перейдя которую, подошла к широко распахнутым дверям храма.

Здесь Хуанна и Оттер сошли со своих носилок, и все факелы были потушены.

Леонард почувствовал, что его взяли за руку и повели неизвестно куда. Он не мог даже разглядеть лица ведшего его жреца, настолько темно было кругом. По доносившемуся до него шуму он догадался, что и остальных вели подобным же образом. Раз или два он слышал голоса поселенцев и восклицания ужаса или жалобы, за которыми следовал шум борьбы, произведенный, без сомнения, жрецами или солдатами, принуждавшими к молчанию нарушителей тишины. Вскоре Леонард догадался, судя по спертому воздуху, что они вступили в какое-то закрытое помещение.

— Должно быть, мы в туннеле! — прошептал он Франциско.

— Молчи, собака, — прошипел ему на ухо жрец. — Молчи, здесь священное место!

Они не поняли значения слов, но в тоне голоса совершенно ясно слышалась какая-то угроза. Леонард замолчал и только крепче сжал ружье. Что это за место, куда их вели, быть может — тюрьма? Они скоро узнают это; казалось невероятным, чтобы эти варвары причинили какой-либо вред Хуанне. По туннелю или коридору они шли шагов полтораста. Сначала пол коридора постепенно понижался, затем стал ровным и, наконец, перешел в подъем, имевший ступени. Этих ступеней Леонард насчитал шестьдесят одну, высотой дюймов в десять каждая. Поднявшись на верх лестницы, они через семь шагов вступили опять в туннель, настолько низкий, что, проходя его, должны были нагибать головы. Выйдя через узкое отверстие, они оказались на платформе, сделанной также из камня, и почувствовали веяние холодного ночного воздуха.

Мрак был так густ, что Леонард не мог бы сказать, где он находится, но где-то далеко под ногами слышалось журчание воды и смешанный гул, как будто шепот тысячи людей. По временам доносился также шелест, напоминавший шум листьев в лесу или шуршание платьев многочисленных женщин. Ощущение, что он находится неизвестно где, шум воды и громадной толпы народа казались до такой степени странными, что ему представлялось, будто бесчисленный сонм духов окружил и следовал за ними.

Леонарду хотелось громко крикнуть, так велико было напряжение его нервов, обычно крепких, и он не один испытывал такое желание. Вдруг он услышал снизу истерические голоса нескольких людей и сердитый возглас жреца, приказывавшего молчать. Рыдания и смех перешли в страшный визг, за которым послышался шум борьбы, падение чего-то тяжелого, стон, и снова невидимые толпы народа шептались и шуршали платьями.

— Кого-то убили, — пробормотал Франциско на ухо Леонарду. — Кого только?

Леонард вздрогнул, но не успел ответить, так как рука жреца угрожающе закрыла ему рот.

Наконец тягостное молчание было нарушено, и послышался голос старого жреца Нама. Среди царившей тишины могло быть слышно ясно каждое слово, но слова жреца доносились откуда-то издали, и звук их был тих и слаб. Вот что он говорил, как сообщила им после церемонии Хуанна:

— Слушайте меня, вы, дети Змея, древний народ тумана! Слушайте меня, Нама, жреца Змея! Прошло много поколений с начала времен, — так

говорит легенда, — как мать-богиня, которую мы издревле почитаем, спустилась к нам с неба вместе со Змеем, своим сыном. Пока она была в стране, совершилось страшное преступление, мрак убил дневной свет, и свет ушел отсюда; мы не знаем, как и куда. С этого времени страна стала землей тумана; народ ее начал блуждать в тумане, и тот, кому имя Мрак, стал править им, отвечая смертью на его молитвы. Но в наказание за преступление Змей должен был лишиться человеческого вида и удалиться в священное место, где, как знаем мы и знали наши отцы, его вечный символ обитает в воде, требуя себе в жертву людей!

Но еще до убийства мать дала обещание своему народу.

«Я умру от руки того, кого родила, так назначено судьбой, — сказала она, — но оставлю вас не навсегда, и не вечно Змей будет нести наказание. Много поколений пройдет, и наконец мы вернемся править нашей страной снова. Занавес тумана будет снят с вашей страны, и вы будете велики на земле. До тех пор избирайте себе королей и пусть они управляют вами. Не забывайте почитать меня и наблюдать за тем, чтобы алтарь Змея был постоянно влажен от крови и чтобы он не терпел лишений. А вот знак, по которому вы узнаете, что час забвения наконец наступил!

Я вернусь к вам в виде прекрасной белой девушки, а Змей из-за своего греха — в виде черного, отвратительного лицом карлика, фигура которого находится в нашем храме. Так мы вернемся к вам снова и вы узнаете нас, тогда мы скажем вам наши священные имена, которые отныне и до часа нашего возвращения не должны произноситься громко.

Но берегитесь, чтобы лживые и обманчивые боги не появились среди вас, так как тогда на вас обрушатся несчастья и солнце скроет свое лицо».

Так, дети тумана, говорила мать тому, кто был ее главным жрецом в те отдаленные времена. И вот теперь наступило назначенное время, и мне, его преемнику, в своем старческом возрасте удалось увидеть исполнение обещанного. Народ тумана! Бессмертные боги, имена которых священны, снова явились править своими детьми. Они пришли вчера, и вы сами слышали, как они громко назвали священные имена.

Леонард некоторое время стоял молча на одном месте, затем быстро шагнул вперед, чтобы узнать, где он находится. Но едва он успел сделать один шаг, как почувствовал, что его правая нога встретила пустое пространство, и он чуть-чуть не свалился неизвестно куда.

Удержавшись, однако, он придвинулся назад к Франциско, шепнув ему, что при каждом неосторожном движении он рискует своей жизнью. Ночной мрак начал немного проясняться, взошла луна, и ее лучи осветили небо и верхушки гор.

Теперь Леонард мог различить, что влево от него высоко поднималась в воздухе черная масса и что далеко внизу виднелось что-то вроде тени на поверхности бурлившей воды. Некоторое время он смотрел на эту воду, пока глухое восклицание Франциско не заставило его снова взглянуть вверх. Луна вышла из-за стен храма, и открылось удивительное зрелище.

Перед ним, глубоко внизу, стояло громадное здание без крыши, открытое с востока, занимавшее около двух акров пространства и окруженное громадной стеной, футов пятьдесят высотой. Здание это имело вид римского амфитеатра, все ступени которого были заняты сотнями людей, мужчин и женщин. На западной стороне храма возвышалась громадная статуя, имевшая в высоту футов семьдесят или восемьдесят, сделанная, вероятно, из массива скалы. За этим колоссом, не далее ста шагов от него, поднимались высокие горы, вершины которых были покрыты вечными снегами.

Колосс имел вид громадного карлика с безобразным лицом, сидевшего с протянутыми вперед руками, но с согнутыми локтями. Статуя стояла на платформе, выделанной из скалы; не далее как в четырех шагах от ее основания внизу виднелся круглый бассейн, в котором кипела и бурлила, как в котле, вода. Откуда она шла и куда направлялась, этого разглядеть было нельзя, но Леонард узнал впоследствии, что здесь-то и брала начало река, берегом которой они шли так много дней.

Выйдя из бассейна подземными ходами, пробитыми водой в скалах, она двумя потоками окружала городские стены, снова соединяясь на равнине. Между ступенями, расположенными рядами вокруг бассейна, и подножием статуи стоял алтарь, или жертвенный камень. На передней стороне этого алтаря, занимавшего поверхность целой комнаты, лежал связанный человек, в котором Леонард узнал короля Олфана, а сбоку алтаря стояли жрецы, вооруженные ножами. Среди них была видна кучка поселенцев, дрожавшая от страха. Опасения их были небезосновательны, так как один из них был уже мертв. Это был тот человек, нервы которого не выдержали, и он издал вопль ужаса в темноте и за это был задушен.

Все это Леонард разглядел постепенно, но первое, что осветили блестящие лучи луны, скользнув по амфитеатру, была громадная голова идола, и на ее поверхности, на высоте семидесяти футов от земли и около ста от уровня бурлившей в бассейне воды, сидела на троне из стеновой кости Хуанна. С нее был снят черный балахон, вместо которого было надето белоснежное платье, низко вырезанное на груди и перетянутое в талии поясом. Темные волосы были распущены, и в каждой руке она держала лилии, белую и красную, а на лбу блестел, как красная звезда,

рубин. Она сидела спокойно, но глаза ее были широко раскрыты от ужаса. Сначала лунный луч блеснул на драгоценном камне, потом осветил ее бледное, прекрасное лицо, затем белоснежные руки и грудь, белое платье и, наконец, подножие ее трона.

Когда луна осветила нижнюю часть статуи, Леонард увидел и Оттера. Карлик, не имея другой одежды, кроме пояса и бахромы на лбу, сидел тоже на троне, держа в руке скипетр из слоновой кости. Трон его, сделанный из черного дерева, был расположен на коленях колосса, футов на сорок ниже того места, где сидела Хуанна.

Наконец Леонард разглядел и место, где находились они с Франциско. Место было ужасное. Они стояли вместе с двумя жрецами на кисти правой руки идола, образовавшей маленькую площадку, поверхностью не более шести футов, на которую они взошли, пройдя через туннель, сделанный в руке идола. Никакой ограды вокруг не было, а перед ними и с обеих сторон на глубине девяти-десяти футов виднелась поверхность воды, а в пятидесяти футах — скалистая платформа. Вначале Леонард чуть не потерял сознание, но, сделав над собой необыкновенное усилие воли, устоял на месте, опершись на ствол ружья.

Внезапно он вспомнил о Франциско и поспешил открыть свои закрытые было глаза, чтобы не глядеть на зиявший в глубине водяной бассейн. Взглянув, он увидел, что священник уже потерял сознание от ужаса и, опустившись на колени, качался взад и вперед. Леонард проворно схватил Франциско за его одеяние и таким образом удержал от падения.

Два жреца Змея, спокойно стоявшие на площадке, как будто под ногами их была твердая земля, увидав все происходившее, не пошевельнулись. Леонард заметил только, что на их лицах сверкнула злобная радость, и сердце его тоскливо сжалось. Что если они ждут сигнала сбросить его вниз? Это могло случиться. Он уже видел их обряды и понял, что религия, исповедуемая ими, требовала крови и человеческих жертвоприношений.

XXI. Как Хуанна покорила Нама

Еще царило молчание, и луна поднималась все выше и выше, освещая все большее и большее пространство; наконец ее лучи скользнули по поверхности воды, и весь амфитеатр оказался освещенным луной. Тогда снова раздался голос Нама, стоявшего вместе с тремя помощниками на площадке левой руки колосса.

— Слушайте, вы, живущие в тумане дети Змея! Вы видели ваших древних богов, ваших отца и матерь, вернувшихся назад, чтобы управлять вами и вести всех вас к миру, богатству, могуществу и славе. Вы видите их теперь. Скажите, верите ли вы в них и принимаете ли их? Отвечайте все до единого, громким голосом!

Могучий рев раздался в ответ на слова жреца:

— Верим и принимаем!

— Хорошо! — сказал Нам, когда шум затих. — Слушайте, вы, высокие боги, Ака и Джаль! Удостойте выслушать вашего жреца и слугу, говорящего от имени ваших детей, народа тумана. Царствуйте и управляйте нами! Примите власть и жертвы и живите в жилище королей. Мы возвращаем вам управление над всей землей, жизнь каждого человека в ваших руках, вам принадлежат все стада скота, город и его войско. В вашу честь алтари будут обагряться кровью, крики жертв будут музыкой для ваших ушей. Вы будете смотреть на того, кто издавна сторожит страшное, таинственное место, и он будет ползать под вашими ногами. Как вы правили нашими отцами, так управляйте и нами согласно издревле установленным обычаям. Слава тебе, о Ака, и тебе, о Джаль, наши бессмертные боги!

Все собрание загудело вслед за жрецом:

— Слава тебе, Ака, и тебе, Джаль, наши бессмертные боги!

Затем Нам заговорил снова:

— Выведите вперед прекрасную девушку, назначенную для Змея, чтобы он мог посмотреть на нее и взять себе в жены. Выведите также и ту, которая двенадцать месяцев тому назад была обручена с каменным изображением, чтобы она простилась со своим господином!

Около идола послышался шум, и с каждой стороны его показалось по одной женщине, которых жрецы вели за руку к небольшому пространству между подножием статуи и краем бассейна. Девушки были поставлены одна по правую сторону алтаря, а другая — по левую. Обе они были

высоки ростом и отличались несколько устрашающей красотой женщин народа тумана. Одна, поставленная справа от алтаря, была совершенно обнажена; только пояс из козьей шкуры и роскошные распущенные волосы прикрывали ее наготу. На голове ее был надет венок из красных лилий. Стоявшая слева от алтаря была, наоборот, одета в черное платье с вышивкой, изображавшей кроваво-красного змея, голова которого находилась на ее груди. Леонард заметил, что лицо женщины было искажено ужасом и вся она дрожала, тогда как вид другой, с венком на голове, был веселый и надменный.

Одно мгновение обе женщины стояли неподвижно у алтаря. Затем по знаку Нама увенчанная цветами была выведена вперед и трижды склонила колени перед идолом или, правильнее, перед Оттером, молча смотревшим на девушку, решительно не понимая значения происходившей на его глазах церемонии. Как оказалось впоследствии, он не мог бы действовать более мудро, по крайней мере, в интересах невесты, так как молчание служило знаком согласия.

— Взгляните, бог принимает ее! — воскликнул Нам. — Красота девушки приятна для его глаз. Стань в стороне, Сага благословенная, чтобы народ мог посмотреть на тебя. Привет тебе, жена Змея!

Торжествующе улыбаясь, девушка отошла назад к своему месту у алтаря. Толпа загремела:

— Привет тебе, невеста Змея! Привет тебе, благословенная избранница!

Потом вывели и другую женщину, одетую в черное платье, и она тоже совершила обряд преклонения перед идолом.

— Долой ее, чтобы она могла найти своего господина в его жилище! — яростно кричал Нам.

— Долой ее, ее дни кончены! — заревела толпа.

И не успела Хуанна вмешаться, не успела произнести хоть одно слово, как два жреца стащили с несчастной платье и одним взмахом швырнули ее далеко в бассейн с бурлившей водой. С криком упала несчастная в воду, и тело ее стало швырять из стороны в сторону бурными волнами. Вся толпа, наклонившись вперед, наблюдала за ней. Леонард, нагнувшись вперед, также смотрел вниз.

Вода под ногами идола зашумела, и показалась голова громаднейшего крокодила. Глаза чудовища были величиной с кулак, желтые челюсти подобны пасти льва, и с нижней из них свешивались клочья белого мяса, придававшие ему вид бородатого козла. Кожа гигантского пресмыкающегося, имевшего в длину не менее пятидесяти футов, а в

толщину четыре, была покрыта огромными наростами. Действительно, по внешнему виду чудовище, видимо, было очень старо.

Услышав шум в воде, пресмыкающееся выползло из пещеры под ногами идола, где оно скрывалось, чтобы найти свою обычную пищу из человеческих жертв, время от времени бросаемых ему. Подняв отвратительную голову и посмотрев вокруг, чудовище наконец нашло девушку и в одно мгновение исчезло с ней в глубине бассейна.

Пораженный ужасом, Леонард откинулся назад и взглянул вверх на Хуанну. Она согнулась в своем кресле, и ее глаза были закрыты, оттого ли, что она была без сознания, или просто сомкнуты, чтобы не видеть ужасного зрелища. Затем Леонард взглянул на Оттера. Карлик, пристально смотря на воду, спокойно сидел, подобно каменному изображению, поддерживавшему его.

— Змей принял жертву! — вскричал снова Нам. — Змей взял ту, которая была его невестой, чтобы жить с ней в его священном жилище. Продолжим дальше жертвоприношение. Возьмите Олфана, бывшего короля, и принесите его в жертву. Сбросьте белых слуг матери. Схватите рабов, которые стояли перед ней на равнине, и принесите их в жертву. Выведите вперед пленных и принесите их в жертву. Совершим жертвоприношение, установленное обычаем при короновании королей, чтобы бог, имя которому Джаль, был успокоен, чтобы он мог слушать просьбы своей матери, чтобы солнце светило нам, чтобы земля наша была плодотворна и чтобы мир был внутри наших стен!

Так кричал жрец, и Леонард почувствовал, что кровь стынет в его жилах и волосы на его голове поднимаются дыбом, так как, не понимая слов жреца, он догадывался об их значении. Он взглянул на двух жрецов, стоявших возле него, и мужество снова вернулось к нему. По крайней мере, у него есть ружье, и он будет сражаться за свою жизнь. Жрецы внизу уже схватили Олфана, чтобы положить его могучее тело на жертвенный камень, но вдруг Хуанна заговорила в первый раз, и глубокое молчание воцарилось в храме.

— Слушайте, дети тумана! — начала она, и ее звучный голос, хотя слабо, но совершенно ясно был слышен среди ночной тишины. — Слушайте меня, народ тумана и вы, жрецы Змея. Ака и Джаль возвратились на землю, и вы вернули им бразды правления; в их руках находится теперь жизнь каждого из вас. Как было сказано в древнем предании, мать оделась красотой, символом жизни и плодородной земли; сын — чернотой и безобразием, символом смерти и зла, рассеянного по земле. Теперь вы хотите принести жертвы Джалю согласно старому обычаю, чтобы он

успокоился и слушал просьбы своей матери, чтобы земля была плодородна. Не это успокоит Джаля и не из-за жертвоприношения людей Ака будет упрашивать его, чтобы счастье царствовало в стране!

Слушайте! Старый закон уничтожается, и мы даем новый закон. Настал час примирения, теперь жизнь и смерть должны идти рука об руку, и после долгих лет сердца Аки и Джаля сделались кроткими; они уже не жаждут людской крови как жертвоприношения своему величию. Отныне вы будете приносить им плоды и цветы, а не жизнь людей. Смотрите, я держу в руке зимние лилии: одна бела, как снег, другая — цвета крови. Красную, выросшую на крови жертв, я бросаю прочь, а белый цветок любви и мира кладу себе на грудь. Он уничтожен, старый закон. Смотрите, он падает в жилище Змея, его родину; а новый закон расцветает над моим сердцем и внутри него. Так ли, мои дети, народ тумана? Принимаете вы или нет мое прощение и любовь?

Толпа смотрела, как красный цветок упал на поверхность воды. Затем, как один человек, толпа взглянула вверх и увидела на груди Хуанны белый цветок. Движимые общим побуждением, тысячи людей встали со своих мест с криком:

— Прошел день крови и жертв, настал день мира! Благодарим тебя, мать, и принимаем твое прощение и любовь!

Затем все снова смолкли и уселись на своих местах.

Верховный жрец Нам был уничтожен. В первый раз в течение всей своей жизни он должен был признать над собой господ в лице тех самых богов, которых он провозгласил.

— Пусть будет так! — сказал он. — Старый обряд уничтожается и вводится новый!

Его помощники развязали бывшего короля Олфана, и он поднялся с камня смерти.

— Олфан, — закричала сверху Хуанна, — мы, взявшие у тебя власть, отдаем тебе жизнь, свободу и честь. В оплату за это служи нам верно, или ты будешь лежать снова на этом камне. Клянешься ли ты нам в верности?

— Навеки! Клянусь! — ответил Олфан.

— Хорошо. Мы поручаем тебе командование войском наших детей. Прими под свою власть снова всех. Прикажи тем, кто привел нас сюда, отвести нас обратно в наше жилище и поставь около нас стражу, чтобы никто не побеспокоил нас. А вы, наш народ, пока прощайте. Идите с миром и спокойно живите под сенью нашего могущества.

XXII. Рассказ Олфана о рубинах

Выйдя на свежий воздух, Леонард увидел, что Хуанна и Оттер, заняв свои места на носилках, уже направлялись к дворцу.

У ворот дворца их встретил Олфан с сотней солдат, поднявших копья в знак приветствия при их приближении.

— Олфан, слушай наше приказание! — сказала Хуанна. — Не позволяй ни одному жрецу Змея войти в ворота дворца. Мы даем тебе власть над их жизнью и смертью. Поставь стражу у каждой двери и войди с нами!

Бывший король поклонился и отдал несколько приказаний, услышав которые, мрачные жрецы с ропотом отступили назад. Затем Хуанна и ее спутники прошли двор и вступили в комнату, где Хуанна провела предыдущую ночь. Здесь для них была приготовлена пища. Соа внимательно осмотрела всех вошедших и особенно Леонарда и Франциско, как будто она не ожидала увидеть их снова.

— Слушай, Олфан, — сказала Хуанна, — сегодня ночью мы спасли тебе жизнь, и ты поклялся нам в верности, не так ли?

— Да, королева, — ответил воин, — и я буду верен своей клятве. Это сердце бьется для тебя одной. Жизнь, которую ты мне возвратила, — твоя, и для тебя я живу и умру за тебя!

Олфан смотрел на нее с таким выражением, что, по-видимому, как показалось Хуанне, к его суеверному чувству обожания примешивалось другое чувство — восхищения мужчины перед женщиной. Не начал ли он подозревать, что она совсем не богиня? Время покажет все, но пламя, горевшее в его глазах, встревожило Хуанну.

— Не бойтесь, — продолжал Олфан, — тысяча человек будет охранять вас днем и ночью. Могущество Нама сокрушено, и теперь все ваши слуги могут спать спокойно!

— Хорошо, Олфан! Завтра утром ты снова придешь ко мне, так как нам надо о многом поговорить с тобой. А пока зорко смотри!

Олфан, поклонившись, ушел, и они наконец оказались одни. После ужина по просьбе Леонарда Хуанна перевела все, что было сказано в храме. Внимательнее всех отнеслась к ее рассказу Соа.

— Скажи, Соа, — обратился к старухе Леонард, когда Хуанна окончила свой рассказ, — ты не ожидала, что мы вернемся?

— Нет, Избавитель! — согласилась она. — Я думала, что все вы будете

убиты; это бы и случилось, если бы не Хуанна. Но я осталась здесь потому, что тот, кто хоть раз видел Змея, не захочет смотреть на него снова. Много лет тому назад я была невестой Змея, и если бы я не убежала, Избавитель, то моя участь была бы такой же, как участь той, что умерла сегодня ночью!

— Теперь я не удивляюсь, что ты не пошла, — сказал Леонард.

— О баас, зачем ты не застрелил главного колдуна? Тогда это легко было сделать, и теперь он не был бы жив. Он сошел с ума от ярости, и я скажу тебе, что он погубит нас всех, как только будет в состоянии это сделать! — заявил Оттер.

— Да, лучше было бы сделать это, — сказал Леонард, пощипывая свою бороду, — но я не мог этого сделать. Кстати, Оттер, на будущее время помни, что имя твое — Молчание. Счастье, что этот народ не понимает тебя. Что такое, Соа?

— Ничего, Избавитель, — ответила Соа, — только я думаю, что Нам — мой отец и что ты хорошо сделал, не застрелив его, как советует эта черная собака!

— Я должна лечь, — произнесла Хуанна слабым голосом, — у меня кружится голова.

*** * ***

На следующее утро Леонард проснулся около девяти часов, так как заснул не раньше четырех часов утра. Франциско уже встал и был одет. Когда Леонард оделся, они пошли в комнату Хуанны, где был приготовлен завтрак. Здесь они нашли Оттера, чем-то весьма расстроенного.

— Баас, баас, они пришли и не хотят уходить! — сказал он.

— Кто?

— Женщины, баас! Та, которую называли моей женой, и с ней много других женщин, ее служанок. Их больше двадцати, и все рослые. Ну что я с ними буду делать, баас?

Леонард стал успокаивать беднягу. Хуанна, бледная, вышла из своей комнаты, и все сели за завтрак. Но не успели еще они окончить его, как Соа доложила о приходе Олфана.

— Все благополучно, Олфан? — спросила Хуанна.

— Все, королева! — ответил он. — Нам и триста его приверженцев сегодня на заре держат совет в жреческом доме. В городе большое

смущение и много толков, но сердца народа легки, так как к нему вернулись его старые боги, принесшие с собой мир!

— Хорошо! — сказала Хуанна и стала искусно задавать Олфану вопросы, из ответов на которые мало-помалу узнала много подробностей о народе тумана.

По-видимому, это был очень древний народ, издавна живший в этом месте. Он жил не совсем изолированно, так как по временам вел войны с соседними племенами. Но с представителями этих племен дети тумана никогда не заключали браков, а пленных приносили в жертву при совершении религиозных церемоний. Управление общиной сосредоточено было в руках общества жрецов Змея, звание которых переходило по наследству — исключения из правила были крайне редки. Совет жрецов избирал короля, а когда они были недовольны одним королем, то приносили его в жертву богам и избирали другого. Таким образом, отношения между властями — государством и церковью — были довольно натянуты, но до сих пор, как заявил со скрытой яростью Олфан, церковь одерживала верх.

Король в руках жрецов представлял простое орудие, орган исполнительной власти. Если он не умирал естественной смертью или не погибал в бою, то конец его был почти всегда один: короля приносили в жертву, если погода была плоха или Джаль гневался.

Страна была обширна, но крайне редко населена. Способных носить оружие людей в ней насчитывалось всего около четырех тысяч, из которых примерно половина жила в большом городе, а остальные — в деревнях, по склонам гор. Причиной малонаселенности страны был обычай человеческих жертвоприношений, сделавший власть жрецов неограниченной, а их самих — богатейшими людьми по всей стране, так как они избирали жертвы из богатых семей для заклания на алтаре богов, а имущество их обычно конфисковывали «на нужды храма».

Дважды в год устраивались торжественные празднества в храме Джаля: одно — в начале весны, другое — осенью, после снятия урожая. И в каждое празднество приносили много человеческих жертв, половину закалывали на камне, а половину бросали в бассейн на съедение Змею. Весенний праздник посвящен Джалю, а осенний — матери Аке. В праздник Джаля приносились в жертву одни женщины, а в праздник матери — одни мужчины. На съедение Змею поступали также и преступники. У жрецов есть еще много других обрядов, говорил Олфан, и они могут увидеть их во время весеннего праздника, который наступит через день.

— Его не будут праздновать! — сказала горячо Хуанна.

На вопрос Леонарда, куда делись красные камни и тот, кто оскорбил бога, принеся ему один из камней, Олфан ответил:

— Большинство из них брошено в реку, и оттуда их никто не может вытащить. Таких было три полных кожаных мешка. Но самые лучшие камни, — продолжал Олфан, — положенные в маленький мешок, были привязаны на шею согрешившего человека и вместе с ним опущены на веревках туда, где живет Змей, чтобы он вечно сторожил их. Этот человек, конечно, уже съеден Змеем.

Олфан ушел, но после полудня вернулся снова, чтобы доложить о приходе Нама и двух старших жрецов. Хуанна приказала впустить их, и они вошли. Вид у них был самый смиренный, головы низко опущены, но маска смирения не обманула Леонарда, зам жившего мрачный огонь их глаз.

— Мы пришли, — сказал Нам, обращаясь к Хуанне и Оттеру, сидевшим рядом на креслах, — мы пришли спросить ваших повелений, ибо вы дали нам новый закон, которого мы не понимаем. Через два дня будет праздник Джаля, к которому приготовлено пятнадцать женщин, дабы принести их ему в жертву, чтобы утихла его ярость и чтобы души их он мог считать в числе своих слуг и отвратил свой гнев от народа тумана, дав ему хорошую погоду. Этот обычай существует в стране уже много лет, и, как только его нарушали, солнце не светило, хлеба не росли и скот не плодился. Но теперь вы дали новый закон, и я, который все еще ваш слуга, пришел сюда спросить ваших приказаний. Как будет идти празднество, и какие жертвы должны быть принесены вам?

— Празднество пройдет таким образом, — ответила Хуанна, — вы должны нам принести в жертву по быку и по козлу каждому; та же жертва должна быть принесена Змею, но не кровь людей. Кроме того, мы назначаем празднество днем, а не ночью!

— Хорошо! — сказал смиренно Нам. — Ваше слово — закон! — И, поклонившись до земли, старик вышел, сопровождаемый своими спутниками.

— Этот дьявольский жрец меня бесит! — сказала Хуанна, переведя присутствующим слова Нама.

— О баас, баас, — подхватил Оттер, — зачем вы не убили его сегодня ночью? Теперь он наверное бросит нас Змею!

Соа вышла из-за кресел, где скрывалась, пока в комнате находился Нам.

— Нехорошо собаке, выдающей себя за бога, угрожать жизни того, кого она обманула! — произнесла угрожающе старуха. — Быть может,

настанет час, когда истина отомстит лжи рукой своего верного слуги, которому ты угрожаешь смертью, подлый карлик! — И прежде чем кто-нибудь успел ответить, Соа оставила комнату, бросив злобный взгляд на Оттера.

— Эта ваша старуха с ума меня сведет, Хуанна, — сказал Леонард. — В одном я уверен, что мы не должны позволять ей проникать в наши планы; она и так знает довольно!

— Я не могу понять, что стало с Соа, она так изменилась! — печально ответила Хуанна.

— Вы заметили это только теперь, Хуанна; что касается меня, то я не думаю, чтобы она изменилась. Вид ее любезного родителя разбудил ее скрытые добродетели, вот и все!

XXIII. Новый закон

Наступил день праздника Джаля. Согласно приказанию Хуанны, празднество должно было происходить днем, а не ночью. В сопровождении жрецов и воинов Хуанна и Оттер прежним порядком прибыли в храм. По-прежнему амфитеатр наполняла тысячная толпа, но на этот раз боги заняли место не на своих высоких тронах, а у подошвы идола, почти на краю бассейна. Леонард, Франциско и поселенцы стояли сбоку. День был пасмурный и холодный, и снег падал крупными хлопьями со свинцового неба.

Нам открыл праздник речью.

— Народ тумана! — начал он. — Вы собрались здесь, чтобы чествовать праздник Джаля по древнему обычаю, но боги вернулись к нам, как вы знаете, и в своей мудрости изменили обычай. Пятнадцать женщин были приготовлены для жертвоприношения. Сегодня утром они встали, радуясь и ликуя, что назначены Змею, но их радость обратилась в печаль, потому что боги не хотят принимать их, выбрав новые жертвы для принесения себе. Привести их сюда!

Помощники жрецов вывели из-за идола двух упиравшихся быков и двух козлов. Они были убиты, за исключением одного козла, который, вырвавшись из рук своих преследователей, с громким блеянием бросился вниз к амфитеатру и стал скакать с одной скамьи на другую. Эта сцена была настолько комична, что даже мрачные и молчаливые дикари начали смеяться.

Праздник потерпел полное фиаско.

— Кончено, народ тумана, — сказал Нам, указывая на убитых животных, — жертвоприношение совершено, праздник Джаля прошел. Пусть мать молит Змея, чтобы солнце сияло и плодородие благословило землю!

Празднество окончилось всего через десять минут, прежде же оно занимало большую часть ночи, каждую жертву убивали с известными церемониями. Ропот неодобрения раздался с заднего конца амфитеатра, ропот, перешедший вскоре в рев. Народ, приученный жрецами к кровавым зрелищам, жаждал крови.

— Вывести женщин! Пусть их принесут в жертву Джалю по старому обычаю! — вопила яростно толпа в течение десяти минут.

Тогда Нам лукаво проговорил:

— Народ тумана! Боги дали нам новый закон, по которому следует вместо мужчин и девушек приносить в жертву быков и козлов, и вы сами приняли этот закон. Отныне это священное место должно обратиться в скотобойню. Пусть будет так, дети мои!

Возбужденная его словами толпа закричала: «Крови, крови!» Послышался шум и угрожающие крики. Король заявил, что Хуанне и ее спутникам лучше удалиться. Поднявшись со своего места, девушка подошла к туннелю в скале.

Не всем удалось беспрепятственно достичь входа в туннель, так как толпа разъяренного народа, руководимая двумя жрецами, прорвав цепь солдат, ворвалась на платформу и смешалась с маленьким отрядом спутников Хуанны.

Вход в туннель защищался дверью, которую Олфан и Леонард поспешили закрыть, как только все прошли, оставив за ней завывающую от ярости толпу. Затем все поспешили ко дворцу, исключая Олфана, оставшегося около двери, чтобы наблюдать за движением толпы.

— Что это такое? — слабо спросила Хуанна, но в этот момент, откинув занавес, в комнату вошел Олфан с печальным лицом.

— Говори, Олфан! — сказала она.

— Народ приносит жертвы по-прежнему, королева! — отвечал он. — Не все мы прошли через ворота, двое из ваших черных слуг, смешавшихся с толпой, были схвачены, и теперь их приносят в жертву Джалю и других с ними!

Леонард выбежал на двор и сосчитал поселенцев. Действительно, двух недоставало.

На обратном пути он встретил уходившего Олфана.

— Куда он идет? — спросил Леонард у Хуанны.

— Охранять ворота. Он говорил, что не ручается за солдат. Поселенцев нет?

— Увы, да. Двух не хватает!

Хуанна закрыла лицо руками.

Теперь началось для них самое страшное испытание, продолжавшееся около пяти недель.

Приближалась весна, время таяния снега. В этой холодной, туманной стране от более или менее раннего или позднего наступления теплой погоды зависела жатва. Стоило только весне запоздать на несколько недель, и жителям грозил голод. Праздник Джаля и устраивался для того, чтобы обеспечить раннее наступление весны и хорошую жатву. Хуанна и Оттер уничтожили отвратительные церемонии праздника, и народ тумана,

возбуждаемый жрецами, мрачно следил за результатами нового закона. Если погода улучшится, тогда хорошо, но если она ухудшится, тогда…

Леонард и Хуанна с беспокойством следили за погодой, но не было ничего утешительного: каждое утро густой туман висел над землей, а ночью дул холодный ветер.

Озлобление жителей выражалось в их отношении к спутникам Хуанны, становясь все более резким; они уже совсем не осмеливались выходить из своих помещений. К Хуанне и Оттеру пока еще относились с почтением.

Это была ужасная жизнь. Они ничего не могли делать, им нечего было читать. Большую часть дня Леонард и Хуанна проводили в разговорах на языке народа тумана с целью практики. Когда тема разговоров истощалась, они рассказывали друг другу о различных событиях своей прошлой жизни или даже сочиняли сказки, как дети или пленники. Да и на самом деле они были пленниками, которым грозила смерть.

Они хорошо узнали друг друга за эти пять недель, но ни одного нежного слова не было произнесено ими. Леонард не забывал, что Хуанна вверена его попечению покойным отцом ее, и тщательно скрывал от нее свои чувства.

Хуже всего чувствовала себя Соа. Она видела, что Хуанна больше не доверяет ей. День за днем она со все возраставшей ревностью наблюдала за Леонардом.

Оттер тоже считал, что час смерти для всех близок, но не особенно беспокоился. Наоборот, несмотря на увещевания Леонарда, он стал частенько прикладываться к сосуду с пивом. Когда Леонард предостерегал его, карлик отвечал сердито:

— Сегодня я — бог, баас, а завтра могу быть падалью! Пока я бог, дай мне пить и веселиться. Всю мою жизнь женщины проклинали меня за мое безобразие, а теперь моя жена считает меня великим и прекрасным. К чему же горевать? Скоро и так наступит конец. Нам уже точит нож для наших сердец. Пойдем, баас, со мной и будем веселиться, если только Ака позволит!

— Ты принимаешь меня за такую же свинью, как ты сам! — сказал сердито Леонард. — Хорошо, делай как хочешь, но берегись пива и вина. Теперь ты стал говорить на их языке, а когда пьян, то становишься болтлив. Сага — внучка Нама, и ты одурел от нее. Будь осторожен, а то ты будешь виноват в смерти всех нас!

— Это все равно случится, баас, так будем же пока смеяться, — мрачно возразил Оттер. — Неужели же я должен сидеть здесь, ничего не

делая, до тех пор, пока не умру?

Леонард, пожав плечами, ушел. Он не мог порицать карлика, смотревшего на вещи с точки зрения дикарей.

В течение первой недели поселенцы, испуганные участью двух своих товарищей, не отваживались выходить за ворота дворца, но мало-помалу им наскучило однообразие жизни, и они приняли приглашение нескольких туземцев и без позволения Леонарда вышли на улицу. Вернулись они в свое помещение ночью пьяные, и двоих не оказалось между ними. Когда они протрезвели, Леонард стал расспрашивать их об участи пропавших товарищей, но они не могли ничего толком ему объяснить. Два пропавших поселенца так и не вернулись, а товарищи их на этот раз уже не принимали приглашений туземцев. Но все эти предосторожности не привели ни к чему. Вскоре ночью пропали неизвестно куда еще три человека, исчезли сквозь запертые и охраняемые двери. На том месте, где они спали, лежали их ружья и вещи, но сами они исчезли без следа. Олфан, узнав об этом, крайне встревожился и заметил, что во дворце есть тайные ходы, известные одним только жрецам. Возможно, что людей утащили этим путем.

XXIV. Последний из поселенцев

В день исчезновения трех поселенцев Нам пришел «воздать честь богам», что он делал еженедельно, и Леонард, успевший уже достаточно освоиться с местным языком, спросил у него, куда девались пропавшие слуги.

Жрец со свирепой улыбкой ответил, что боги, конечно, знают, куда девались их собственные слуги, и что, вероятно, они нашли нужным устранить их.

Затем, обратившись к Хуанне, он спросил, когда матери будет угодно войти в соглашение со Змеем, чтобы солнце светило и можно было сеять; народ ропщет, опасаясь голода.

Конечно, Хуанна не могла дать удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Поселенцев на ночь разместили в другое место. Несколько ночей они провели спокойно, но на третью ночь двое из них были похищены прежним таинственным образом. Один из оставшихся поселенцев клялся, что, проснувшись ночью, он увидел, как в их комнате раскрылся пол и из образовавшегося отверстия просунулись чьи-то длинные руки, схватившие одного из его товарищей. Леонард внимательно осмотрел каменный пол комнаты, в которой спали поселенцы, но ничего не обнаружил. После этого ни один из них, за исключением Оттера, не обращавшего ни на что внимания, не мог спать, опасаясь, чтоб его не утащили в темноте невидимые враги. Леонард и Франциско поочередно охраняли сон друг друга, лежа у дверей в комнату Хуанны. Что касается поселенцев, то невозможно описать охвативший их ужас. Горько упрекали они Леонарда, заведшего их в эту дьявольскую землю, и проклинали тот час, когда они впервые увидели его лицо. «Гораздо лучше было бы, — говорили они, — оставаться в руках Желтого Дьявола, так как это был все же человек, а здесь живут колдуны, злые духи в человеческом образе».

Вожак поселенцев, Питер, которого они все любили, сошел с ума от ужаса и бегал взад и вперед по дворцу, выкрикивая проклятия Леонарду и Хуанне. Бывшие во дворе солдаты и женщины с любопытством наблюдали за ним. Так продолжалось несколько часов, товарищи его не хотели вмешиваться, думая, что он одержим духом. В конце концов несчастный покончил с собой. Напрасно Леонард просил остальных воздерживаться от спиртных напитков и быть всегда настороже — они не послушались его

совета и один за другим исчезли таинственным образом.

Никогда Леонард не мог забыть чувства, овладевшего им, когда на пятый день их заключения, войдя утром в комнату поселенцев, он нашел помещение пустым. На полу лежали два одеяла и заботливо положенные неизвестной рукой крест-накрест два жреческих ножа. Оцепенев от ужаса, Леонард вернулся в комнату.

— Что такое? — спросила Хуанна, уже вставшая. Глаза молодой девушки выражали ужас, губы ее дрожали.

— Только что, — ответил он печально, — двое последних из ваших слуг исчезли, и вот что осталось вместо них! — показал он найденные им ножи.

Хуанна не выдержала.

— О Леонард, Леонард! — сказала она, горько плача. — Ведь это были слуги моего отца, которых я знала с детства, и я довела их до этого страшного конца. Не можете ли вы придумать, как бы уйти из этих мест, иначе я умру от страха?! Я больше не могу спать. Я чувствую, что за мной ночью следят, хотя не могу сказать — кто. Прошлой ночью мне казалось, что кто-то двигался вблизи занавеса, где вы с Франциско спали. Соа говорит, что это фантазия!

— Это невозможно, — сказал Леонард, — Франциско караулил. Да вот и он сам!

Франциско вошел в комнату с растерянным лицом.

— Утром, — едва мог произнести он, — очевидно, кто-то входил в комнату, где мы спали прошлой ночью. Все ружья исчезли, наши и поселенцев.

— Как! — ужаснулся Леонард. — Ведь вы же караулили ночью!

— Должно быть, меня усыпили на некоторое время; это ужасно, мы теперь без оружия!

— О! Неужели нет выхода отсюда? — спросила Хуанна.

— Нет никакой надежды! — мрачно ответил Леонард. — У нас здесь нет друзей, кроме Олфана, но у него мало власти, ибо жрецы склонили на свою сторону воинов. Да если бы нам и удалось бежать отсюда, что мы будем делать без оружия, без слуг? Все, что нам остается, это — скрепя сердце надеяться на лучшее. Конечно, правы те, кто говорит, что от поисков сокровищ не бывает добра, но я все-таки надеюсь остаться в живых и приобрести их!

— Как, Избавитель, — раздался сзади него насмешливый голос, — ты все еще хочешь получить красные камни? Ты, чья кровь скоро сделается красной, подобно этим камням?! Поистине, жадность белого человека

велика!

Леонард оглянулся. Соа, слышавшая их разговор, смотрела на него с выражением дикой ненависти в своих мрачных глазах. Внезапная мысль пришла ему: не этой ли женщине они были обязаны своими несчастьями? Каким образом из всех слуг Хуанны только она одна уцелела?

Он стал расспрашивать Соа, и та не могла удержаться от выражения ненависти к нему, похитившему любовь ее госпожи, хотя и сказала, что неповинна в исчезновении поселенцев. Наконец она заявила, что госпожа должна выбирать между ней и Избавителем.

— Пусть госпожа предоставит его жрецам и вверится ей, Соа, и она спасет ее!

Одна мысль о таком спасении возмутила девушку, и она стала упрекать Соа. Но старуха была непоколебима. Леонард уже вытащил уцелевший у него револьвер и хотел убить ее, но Хуанна остановила его. Тогда он велел Франциско принести веревку, чтобы связать Соа.

Франциско вышел и тотчас же вернулся в сопровождении Оттера. Месяц беспутства наложил свою печать даже на железную натуру карлика. Его блестящие черные глаза были красны, руки дрожали, и он даже не мог твердо держаться на ногах.

— Ты опять пьян! — сказал Леонард. — Ступай прочь, мы здесь в горе и не хотим иметь дела с пьяницами. А теперь, Франциско, дайте мне эту веревку.

— Да, баас, я был пьян, — смиренно отвечал карлик, — надо выпить перед тем, как идти на смерть.

— Слушай, — сказал Леонард, — пока ты веселился, последние из людей Мэвума исчезли, и вот что осталось вместо них! — И он указал на ножи.

— Вот как, баас, — ответил Оттер, — ну, мы от этого немного потеряли, на них было мало надежды. Однако я хочу стать снова мужчиной, чтобы собственноручно задушить этого колдуна Нама!

— Скоро тебя самого задушат, Оттер, — сказал Леонард. — Смотри, перестань пить, а то я буду бить тебя!

— Я уже трезв, баас, в самом деле. Прошлой ночью я был пьян, но сегодня ничего не осталось, кроме сильной боли здесь! — И он хлопнул рукой по своей большой голове. — Зачем ты хочешь связать эту старую корову Соа, баас?

— Она грозит нам, Оттер. Она говорит, что предаст нас. Слушай, — продолжал Леонард, — мы должны сторожить эту женщину днем и ночью. Твоя очередь начнется с этой ночи — авось, это удержит тебя от пьянства!

Связав Соа самым надежным образом, они положили ее в угол комнаты, и весь день Франциско и Леонард сторожили ее. Старуха не оказала никакого сопротивления, когда ее связывали, и не произнесла ни одного слова. Очевидно, после взрыва бешенства наступила реакция, и, утомленная, откинув голову назад, она заснула или сделала вид, что спит.

День прошел спокойно, без всяких происшествий. Олфан посетил их и сообщил, что волнение в городе все усиливается. Невиданная ранее продолжительность холодной погоды приводила народ в суеверную ярость, которая, несомненно, должна вскоре вылиться в ту или иную форму насилия. Жрецы прилагали все усилия к тому, чтобы разжечь страсти, но непосредственной опасности еще не было.

После заката солнца Леонард и Франциско вышли на двор посмотреть на состояние погоды, но ничего утешительного не было: небо было так же, как и прежде, пасмурно, и дул пронизывающий, холодный ветер.

Возвратившись во дворец и строго наказав Оттеру наблюдать за Соа, они завернулись в свои одеяла и легли спать. Хуанна была уже в постели, поставленной непосредственно по другую сторону занавеса, у которого спали они, так как Хуанна боялась спать одна.

Среди ночи Леонард открыл глаза, услышав чьи-то шаги, и тотчас же протянул руку к занавесу, чтобы убедиться в безопасности Хуанны. Она была там, и ее пальцы инстинктивно сжали его руку. Тогда он взглянул в другую сторону и увидел причину своего беспокойства. В дверях комнаты стояла невеста Змея, Сага, с зажженным факелом в одной руке и сосудом в другой. Красивая молодая женщина выглядела чрезвычайно живописно при свете факела, озарявшего ее благородную фигуру.

— В чем дело? — спросил Леонард.

— Все благополучно, баас, — ответил Оттер, — старуха под крепким надзором. Сага принесла мне воды, вот и все. Я просил воды, ибо внутри меня бушует пламя, и голова сильно болит. Не бойся, баас, пока я на часах, я не буду пить пива!

— Держись подальше от твоей жены, — ответил Леонард. — Скажи ей, чтобы она ушла прочь!

Леонард снова заснул, на рассвете его разбудил Оттер, громко окликнувший его печальным голосом:

— Баас, иди сюда!

Леонард, вскочив с постели, побежал к тому месту, где находился Оттер, и увидел, что Соа исчезла. Веревка, которой она была связана, валялась на полу.

— Негодяй! — рассвирепел Леонард, схватив Оттера за плечи. — Ты

заснул, и она убежала. Теперь мы погибли!

— Да, баас, я заслужил это. Однако мне совсем не хотелось спать, пока я не выпил этой воды. Я никогда не спал на часах, баас!

— Оттер, — сказал Леонард, — твоя жена опоила тебя сонной водой?

— Может быть, баас. Но куда же ушла старуха?

— К Наму, своему отцу! — ответил Леонард.

XXV. Отец и дочь

Пока Леонард и Оттер говорили о внезапном исчезновении Соа, интересный разговор происходил ярдах в трехстах от них, в секретной комнате храма. В комнате были Нам, Соа и Сага. Нам в это утро проснулся рано, задолго до рассвета. Сидя один в маленькой комнате, он предавался размышлениям. Действительно, ему было о чем подумать.

Боги, служению которым он посвятил свою долгую жизнь, явились в образе людей и разрушили весь религиозный церемониал, без которого его должность лишается ореола, а его могущество становится мифом, да и сами они враждебно относятся к нему. И действительно ли это боги? По виду в них нет ничего божественного: Хуанна — просто прекрасная женщина, а Оттер, видимо, — обыкновенный карлик, довольно разнузданного характера. Против божественности этих лиц говорило и то обстоятельство, что с прибытием их в стране вовсе не водворилось благополучия; напротив, погода установилась такая дурная, какой уже давно не было.

Так размышлял Нам. Вдруг его мысли были прерваны стуком в дверь.

— Войди! — сказал он, накидывая на плечи козью шкуру. Вошел жрец с зажженным факелом в руке, а за ним две женщины.

— Кто это? — спросил Нам, указывая на вторую женщину.

— Это служанка Аки, отец! — ответил жрец.

— Отведи ее в сторону и наблюдай за ней. Ну, Сага, рассказывай. Во-первых, какова погода?

— Очень пасмурно, отец, солнца не видно из-за густого тумана!

— Я догадывался об этом потому, что мне холодно даже здесь! — И он плотнее закутался в свое платье. — Еще несколько дней, и… — жрец остановился и затем продолжал: — Скажи мне о Джале, твоем господине!

— Джаль такой же, как и раньше: весел и немножко пьян. Он говорит на нашем языке плохо, но в последний раз, выпив, запел песню о подвигах того, кого они называют Избавителем. В песне говорилось о том, как он избавил богиню Аку от плена. Так, по крайней мере, поняла я эту песню!

— Может быть, ты неверно поняла? — спросил Нам. — Скажи, внучка, ты все еще почитаешь этого бога?

— Я почитаю бога Джаля, а мужчину, жителя вод, ненавижу! — пылко проговорила Сага.

— Вот как! Всего два дня тому назад ты говорила мне, что любишь его

и что нет такого бога, как этот мужчина, и нет такого мужчины, как этот бог!

— Это правда, отец, но теперь, когда он оттолкнул меня, сказав, что я надоела ему, и стал ухаживать за моей собственной служанкой, я требую жизни этой служанки!

Нам мрачно улыбнулся.

— Быть может, ты требуешь также жизни бога?

— Да, — ответила она без всякого колебания, — я хотела бы видеть его мертвым, если это возможно!

Нам опять улыбнулся.

— Однако, внучка, у тебя характер совсем такой же, как у твоей бабки, моей сестры. Та заставила принести в жертву трех мужчин, возбудивших ее ревность. Ну, а что нужно этой женщине?

— Она была связана по приказанию Аки, и Джаль стерег ее. Но я напоила сонным питьем Джаля и, развязав ее, секретным ходом привела сюда, так как она желает говорить с тобой.

— Но ведь я не понимаю ее языка!

— Она, отец, понимает наш. Если бы она родилась в нашей земле, и то не могла бы говорить лучше!

Удивленный Нам позвал жреца и приказал ввести чужестранку.

— Ты хочешь говорить со мной? — спросил он Соа.

— Да, господин, но наедине. То, что я скажу тебе…

Нам рассмеялся.

— Не бойся, — сказала Соа, читая его мысли. — Видишь, я безоружна.

Нам приказал всем уйти и, когда дверь за ними закрылась, вопросительно посмотрел на Соа.

— Скажи мне, кто я такая? — начала она, снимая покрывало со своей головы и поворачивая лицо к свету факела.

— Как я могу знать, кто ты, чужеземка? Похоже, правда, на то, что ты нашей крови.

— Я действительно вашей крови. Обрати свой ум назад и подумай, не припомнишь ли ты дочь, которую ты любил много лет тому назад и которая по проискам твоих врагов была выбрана в невесты Змею! — И Соа остановилась.

— Продолжай! — сказал Нам тихо.

— Быть может, ты припомнишь, что, побуждаемый любовью и состраданием, ты в ночь жертвоприношения помог этой дочери избегнуть челюстей Змея.

— Я припоминаю кое-что, — ответил осторожно жрец, — но мне говорили, что та женщина подверглась мщению бога и умерла во время своего бегства.

— Это неправда. Я твоя дочь, а ты не кто иной, как мой отец. Я узнала тебя, как только увидела твое лицо!

— Докажи это и берегись, если ты лжешь! — сказал он. — Покажи мне тайный знак и шепни мне на ухо секретное слово.

Соа подошла к нему и сделала несколько движений рукой по столу, а затем, наклонившись вперед, прошептала что-то на ухо Наму. Едва она кончила, как старик поднял голову и на его глазах выступили слезы.

— Здравствуй, моя дочь! — сказал он. — Я думал, что одинок и никого из моих близких нет на земле. Здравствуй! Твоя жизнь была обещана Змею, но, забывая свои обеты, я буду покровительствовать тебе, хотя бы это стоило мне жизни!

И отец с дочерью обнялись с видимой нежностью, — зрелище, которое поразило бы всякого, кто знал характеры обоих.

Выйдя на минуту из комнаты и отпустив Сагу и жреца, Нам вернулся к своей дочери и просил объяснить ему, почему она явилась сюда с Акой.

— Прежде всего, отец, ты должен дать мне клятву, иначе я не скажу тебе ни слова. На крови Аки ты должен поклясться, что не сделаешь ничего против жизни той женщины, с которой я прибыла сюда. С другими можешь делать, что тебе угодно, но ее не должен трогать, потому что та, которую ты любишь, любит ее, а также потому, что этим ты достигнешь еще больших почестей!

— Разве я мог бы поднять руку против богов, дочка? Клянусь тебе кровью Аки: если я нарушу свою клятву, пусть Джаль поступит со мной так же, как поступил некогда с Акой!

Соа, хорошо знавшая, что подобную клятву невозможно нарушить, рассказала отцу всю свою жизнь: свой побег из страны тумана, описала свою жизнь с Хуанной, пленение последней работорговцами и историю освобождения молодой девушки Леонардом.

Старый жрец, выслушав эти необычайные разоблачения, был не то что поражен ими как громом он — был совершенно убит. Наконец он разразился гневом и хотел немедленно предать смерти обманщиков, но Соа уговорила его быть осторожнее.

— Лучше сегодня явись к ним и смиренно проси их изменить погоду, чтобы солнце сияло. Затем скажи им, что до твоих ушей дошли странные слухи через Сагу и других женщин, слышавших слова бога Джаля: оказывается, что он вовсе не бог, но что ты этому не веришь. Наконец,

скажи, что если завтра утром небо не прояснится, то поверишь слухам, и в таком случае они должны быть приведены в храм для суда над ними по народному обычаю.

Затем она посоветовала умертвить карлика и Избавителя и отдать Хуанну в жены королю, который с этих пор станет послушным орудием в руках Нама. Во время же суда народного, когда ярость народа обратится против обманщиков, нужно заменить Хуанну Франциско, одев его в ее платье: народ издали не признает обмана. А затем спрятать и выдать ее замуж.

— Замысел хорош, дочка! Однако все в руках судьбы. Пусть же все идет так, как назначено ею. А теперь следуй за мной, я тебе укажу место, где ты с удобством сможешь расположиться. После обеда я пойду говорить с этими богами, которых ты напустила на нас!

*** * ***

Утро прошло довольно тяжело для четырех пленников во дворце. В течение нескольких часов они сидели вместе в комнате, почти не говоря ни слова, подавленные несчастьем и ужасом. Леонард и Хуанна, сидя рука об руку, тихо говорили, а Оттер, словно беспокойный дух, бродил взад и вперед, проклиная Соа, Сагу и всех женщин. Наконец он исчез за дверьми.

Но карлик думал о мести, а не о пьянстве. Спустя несколько минут после его ухода Леонард, услышав шум и визг на дворе, выбежал из комнаты и увидел курьезное зрелище. На земле окруженная группой других женщин, смеявшихся над ее положением, лежала стройная Сага, невеста Змея. Над ней стоял ее повелитель и господин — Джаль; запустив левую руку в ее длинные волосы, в правой он держал ременную плеть и наносил ей жестокие удары.

— Что ты делаешь? — спросил Леонард.

— Учу свою жену, баас, — ответил, тяжело дыша, Оттер, — что нехорошо опаивать сонным питьем бога. — И нанеся последний жестокий удар своей жертве, добавил: — Пошла вон, ведьма! Чтобы я не видел больше твоей безобразной рожи!

Женщина встала и ушла с плачем, произнося проклятия, а карлик вернулся вместе с Леонардом в комнату.

Здесь они застали посланного от Нама, пришедшего просить

аудиенции.

— Пусть войдет, — сказала, вздохнув, Хуанна.

Войдя в комнату и склонившись смиренно перед Хуанной и карликом, Нам заговорил:

— О боги, я пришел от имени народа просить у вас совета. Неизвестно почему, но несчастья готовы обрушиться на страну: солнца не видно, и народ боится, что будет голод. Мы просим вас утешить нас от избытка вашей мудрости.

— А если мы этого не сделаем, Нам?

— Тогда народ просил вас соизволить прибыть в храм завтра, через час после восхода луны, чтобы он мог говорить с вами моими устами.

— А если нам надоел ваш храм и мы не пойдем туда, Нам? — спросила Хуанна.

— Тогда по приказанию народа, Ака, мы приведем вас туда. Такое приказание не может быть не исполнено! — ответил медленно верховный жрец.

— Берегись, Нам, — сказала Хуанна. — Здесь происходят странные вещи, которые вопиют о мщении. Наши слуги исчезли, подобно теням, а на их месте мы находим ваше оружие. — И она указала на ножи жрецов. — Завтра ночью мы придем в храм, но я снова повторяю тебе — берегись, ибо нашему долготерпению может прийти конец.

— Вы лучше нас знаете, куда делись ваши слуги. О Ака, — сказал жрец, молитвенно простирая вперед руки, — такие великие боги, как вы, сами могут охранить своих слуг! Мы благодарим вас, о боги, за ваши слова и молим пощадить нас, так как угрозы богов ужасны. А теперь мне надо вам сказать еще об одной вещи. Я прошу у вас правосудия, о боги. Моя внучка, Сага, невеста Змея, была жестоко избита каким-то злодеем здесь, во дворце; я встретил ее избитую и плачущую. Прошу вас наказать этого злодея смертью или плетьми. Прощайте, о высокие боги!

Леонард смотрел на смиренно склонившегося жреца, и его охватило желание последовать совету Оттера и убить его, ибо он знал, что жрец пришел с целью звать их к суду, а затем, может быть, к гибели. У него оставался еще револьвер, а широкая грудь жреца была слишком заметной целью, чтобы можно было промахнуться; но стоило ли проливать кровь? Место Нама займут другие и отплатят насилием за насилие. Нет, пусть он уйдет спокойно, а там видно будет.

XXVI. Хуанна кривит душой

День клонился к вечеру; погода была пасмурная и туманная, даже выпал град. После полудня туман был рассеян сильным ветром, дувшим с гор, но никакой перемены погоды к лучшему нельзя было ожидать.

После захода солнца Леонард подошел к воротам дворца и взглянул на храм, около которого уже собралась толпа народа. Некоторые из толпы, заметив его, подошли к воротам и, сжав кулаки, посылали ему проклятия.

— Вот предзнаменование того, что ожидает нас сегодня ночью, — сказал Леонард Франциско. — Дела наши очень плохи, дружище! Я не особенно беспокоюсь за себя, но у меня разрывается сердце при мысли о Хуанне. Чем все это кончится?

Возвратившись в комнату, они увидели, что Оттер, в течение последних двадцати четырех часов совершенно трезвый, сидел скорчившись на полу, а Хуанна, погруженная в размышления, ходила взад и вперед по комнате.

— Что нового, Леонард? — спросила она, когда они вошли.

— Ничего, только там идут большие приготовления, — он кивнул по направлению к храму, — и толпа воет у ворот.

Последовало продолжительное молчание, прерванное приходом Олфана с встревоженным лицом.

— Что случилось, Олфан? — спросила Хуанна.

— Королева, — печально ответил тот, — в городе большое волнение, народ жаждет вашей крови. Нам сказал вам, что вас просят прийти в храм для переговоров с народом. Увы! Я должен вам сообщить иное: сегодня ночью состоится суд над вами перед советом старейшин.

— Мы догадывались об этом, Олфан. Ну, если приговор будет против нас, тогда что?

— Тогда, королева, все вы будете брошены в бассейн на съедение Змею.

— Не можешь ли ты защитить нас, Олфан?

— Не могу, королева! Солдаты действительно находятся под моей командой, но они не послушаются меня, так как жрецы нашептали им, что если солнце не покажется, то следующей зимой они все умрут с голоду. Извините меня, королева, но раз вы боги, то зачем вам нужна моя помощь? Ведь я простой человек. Разве боги не могут сами защитить себя и отомстить своим врагам?

Хуанна безнадежно посмотрела на Леонарда,

— Я думаю, вам лучше открыться ему! — сказал он по-английски. — Наше положение безнадежное. По всей вероятности, через несколько часов он узнает, что мы — обманщики. Пусть лучше он узнает правду из наших уст. Он — человек честный. Кроме того, нам он обязан жизнью, хотя его жизнь подвергалась опасности также из-за нас. Мы должны довериться ему и попытать счастья. Если нас постигнет неудача, то все равно мы имели их уже много.

Хуанна поникла головой и некоторое время раздумывала; затем, подняв голову, она спросила:

— Олфан, мы одни? То, что я хочу сказать, не должно быть подслушано никем.

— Мы одни, королева, — ответил он, оглядевшись кругом, — но эти стены имеют уши.

— Олфан, подойди ближе!

Он подошел, и Хуанна, нагнувшись вперед, заговорила с королем почти шепотом:

— Ты не должен меня звать более королевой! Я не богиня, а только смертная женщина; этот же человек, — указала она на Оттера, — не бог, а просто черный карлик.

Она остановилась, ожидая эффекта, который должны были произвести ее слова. Выражение удивления пробежало по лицу короля, но оно было вызвано скорее смелостью, чем содержанием речи Хуанны. Затем он улыбнулся.

— Быть может, я и раньше догадывался об этом! — ответил он. — Однако я все еще должен звать тебя этим именем; ты — королева всех женщин. Разве есть другая столь прелестная и смелая? По крайней мере, здесь таких нет! — И король склонился перед ней с такой изысканной любезностью, которая была бы впору европейцу.

— Я очень рад узнать из твоих собственных уст, королева, — продолжал Олфан, — что ты не богиня, а смертная женщина, так как богини от нас далеки и мы должны почитать их издали, а смертных женщин мы можем любить! — И он снова поклонился.

— Честное слово, — сказал Леонард сам себе, — король выступает в качестве моего соперника!

Что касается Хуанны, то она вскочила, и лицо ее покрылось румянцем. Появилось новое осложнение, но теперь нельзя было обнаруживать свое недовольство.

— Слушай, Олфан, — сказала она, — теперь некогда заниматься

разговорами, так как еще до рассвета я могу умереть и очутиться далеко от всякой любви и почитания. Мы пришли в вашу страну за теми красными камнями, которые вы называете кровью Аки и которые у белых людей имеют большую цену и служат для украшения женщин. Вот почему я как женщина побудила Избавителя предпринять это путешествие, а теперь из-за моего безумия наша жизнь в опасности.

— Извини меня, королева, — сказал смущенно Олфан, — но прежде чем ты окончишь свой рассказ, я хотел бы спросить, кто для тебя этот белый человек?

— Он — мой супруг! — смело сказала она.

Олфан печально поник головой, но искра сомнения закралась в его душу, так как образ жизни Хуанны, до мелочей известный ему, противоречил ее ответу. Видя, что он не верит ей, Хуанна прибавила:

— Он мой супруг, и этот человек, — указала она на Франциско, — исполняющий у нас обязанности жреца, повенчал нас согласно нашим обычаям шесть месяцев тому назад, а Оттер был свидетелем брака.

— Ты говоришь, что Избавитель твой супруг, королева, и эти люди подтверждают это, исключая его самого. Скажи мне: ты любишь его и стала бы сожалеть, если бы он умер?

Хуанна вспыхнула, как рубин, украшавший ее лоб, но ответила:

— Да, я люблю его, и если бы он умер, то и я бы умерла!

Леонард с трудом подавил восклицание, готовое сорваться с его губ.

— Я слышал твой ответ, королева, — сказал Олфан тоном глубокого разочарования, — не угодно ли тебе окончить свой рассказ?

— Дальше остается недолго рассказывать, — сказала Хуанна, подавив вздох облегчения, когда затруднительный допрос был окончен, — женщина Соа, моя служанка, принадлежит к вашему народу. Она — дочь жреца Нама и убежала отсюда сорок лет тому назад, после того, как была избрана в невесты Змею.

— Где же она теперь? — спросил Олфан.

— Мы не знаем: прошлой ночью она исчезла, подобно прочим нашим слугам.

— Быть может, Нам знает, где она, и тогда вы скоро увидите ее, — высказал предположение Олфан. — Продолжай, королева!

— После того как Избавитель и я были обвенчаны, Соа, бывшая моей нянькой много лет, рассказала нам о великом народе, своих братьях, среди которых она желала бы умереть.

— Пусть ее желание исполнится! — вставил Оттер.

— Она и научила нас, что добраться до красных камней можно будет,

разыграв роль богов.

Король закрыл глаза, как бы не желая созерцать красоту, принадлежавшую, как теперь он узнал, белому чужестранцу.

— Разве я не говорил, что власть моя мала, королева? — сказал он мрачно. — И потом, как я могу помогать тем, кто пришел в эту страну, чтобы обманывать нас, и навлек гнев богов на их детей?

— Но ведь мы спасли твою жизнь, Олфан, и ты поклялся нам в верности.

— Если бы вас не было, королева, то моя жизнь и не подвергалась бы опасности, а в верности я поклялся богам, а не смертным, которым отомстят истинные боги. Как же я буду помогать вам?

— Но мы были друзьями, Олфан. Ты поможешь нам ради меня!

— Ради тебя, королева, — горько сказал он, — ради той, которая говорит, что этот человек — ее муж и что она любит его! Нет, это значит просить слишком многого. Если бы ты не была замужем и захотела благосклонно взглянуть на меня, короля этой земли, тогда, конечно, я умер бы за тебя в случае нужды. Но теперь?! Нет ли у тебя других причин, по которым я, по-твоему, должен был бы рисковать своей жизнью для тебя и этих людей?

— Во имя дружбы, которую ты должен считать священной, кроме того, помогая нам, ты победишь Нама, иначе он, погубив нас, погубит и тебя!

Олфан, подумав несколько, ответил:

— Поистине твой ум велик, королева, и смотрит далеко во мрак вещей! Ты могла бы быть королевой! Я человек иной расы, чем ты; я — дикий вождь дикого племени, имеющий весьма мало мудрости. Однако я научился следующим вещам: никогда не нарушать обещания, никогда не покидать друга и никогда не забывать оказанной услуги. Итак, королева, хотя ты не можешь для меня быть чем-либо, пока этот человек жив, я все-таки готов отдать за тебя свою жизнь. Что касается других, то скажу только, что не трону и не предам их. А теперь я пойду, чтобы поговорить с некоторыми из вождей, моих друзей, которые ненавидят жрецов, чтобы, если дело дойдет до суда, иметь их голоса в вашу пользу, так как без хитрости ничего нельзя сделать. Скоро я вернусь, чтобы проводить вас в храм. Пока прощайте.

И, поклонившись, король вышел.

После его ухода несчастные искатели приключений решили на всякий случай поделить между собой яд Хуанны. Все взяли, только карлик отказался.

— Сбереги это для себя, баас, — сказал он. — Как бы ни умереть, но

только не так. Я не люблю этих средств, от них люди корчатся и делаются зелеными. Нет, нет. Лучше встретиться с челюстями Змея.

Тогда Леонард и этот кусочек взял себе.

XXVII. Испытание богов

Едва Хуанна успела спрятать остатки ада, как в комнату вошел Нам. После приветствий, на этот раз еще более многословных, чем раньше, он вкрадчиво заметил, что луна взошла на небе.

— Значит, нам пора отправляться! — угрюмо сказал Леонард.

Хуанна одела свое монашеское платье, а Оттер — красную бахрому и шапку из козьего меха, и они вышли из дворца; у ворот они встретили Олфана и воинов, а также большое число жрецов, которые должны были идти впереди и сзади них. Заняв свои места, все двинулись с большой торжественностью к храму, куда вошли через другие двери. На этот раз Хуанна и Оттер должны были занять места на удаленной от идола площадке, вблизи бассейна. На той же площадке было поставлено полукругом еще около тридцати сидений, предназначенных, очевидно, для старейшин.

Когда Хуанна и Оттер сели, а Леонард и Франциско разместились позади них, Нам выступил вперед и обратился со следующей речью к совету старейшин и народу:

— Старейшины народа тумана! Я передал ваши желания священным богам, удостоившим некоторое время тому назад облечься в человеческую плоть и посетить свой народ; милостивые боги согласились явиться сюда, чтобы поговорить с вами о беде, угрожающей стране. Вот они лицом к лицу с вами и со всем большим собранием своих детей. Сообщите богам, чего вы хотите от них, чтобы они могли ответить вам своими собственными устами или через меня, их слугу.

Нам замолчал, и послышался сердитый ропот народа. Наконец поднялся один из старейшин и обратился к Хуанне и Оттеру:

— Мы хотели узнать у вас, о Ака и о Джаль, почему лето покинуло эту страну. Теперь нам предстоит печальное будущее, ибо вместе с зимним снегом к нам придет голод. Некоторое время тому назад, о Ака и о Джаль, вы изменили нашу религию, запретив жертвы весеннего празднества, и с тех пор весна не приходила. Мы спрашиваем у вас об этом потому, что народ, посоветовавшись, просил сообщить вам нашими устами, что он не хочет иметь богов, убивающих весну. Скажите, о боги, и ты, Нам, говори также, чтобы мы могли узнать причину этих бед; а у тебя, Нам, мы хотим узнать, как ты провозгласил таких богов, чье дыхание убивает солнечный свет?

— Вы спрашиваете меня, о народ тумана, — ответила Хуанна, — почему зима мешает пробуждению весны, и я отвечу вам на это в немногих словах. Это случилось из-за вашего непослушания и жестокости ваших сердец, о мятежные дети. Разве вы не принесли в жертву кровь людей, вопреки нашему запрещению? Разве наши слуги не были тайно похищены и преданы смерти для удовлетворения вашей страсти к убийству?

Тогда старейшина снова поднялся со своего места и проговорил:

— Мы слушали твои слова, о Ака, и они очень неутешительны, так как жертвоприношения — в обычаях страны, и до сих пор от этого с нами не происходило ничего дурного. Если же здесь было оскорбление вам, то в нем виноваты жрецы, а не народ. Это дело их рук. Что касается ваших слуг, то мы не знаем ничего о них и о постигшей их судьбе. Теперь, Нам, отвечай на обвинение богов и вопросы народа, так как ты — глава жрецов и провозгласил этих богов истинными, поставив их управлять нами.

Нам выступил вперед, чувствуя себя довольно тревожно, так как хорошо знал, что его обвинители не будут церемониться с ним и что его жизнь, во всяком случае власть, висит на волоске.

— Дети тумана, — начал он, — ваши слова остры, но я не жалуюсь на это, так как вы узнаете, что моя ошибка была очень серьезной. Совершенно верно, что я — глава слуг богов, равно как слуга народа. По-видимому, оказывается, что я обманул как богов, так и народ, хотя и против моей воли. Слушайте! Вы знаете, как явились к нам воплощенные боги, как мы приняли их. К крайнему своему стыду, после долгих наблюдений я — увы! — убедился, что они не истинные боги, а негодные обманщики, вздумавшие занять места богов.

Он остановился, и рев ярости и удивления пронесся над амфитеатром.

— Вот, наконец, развязка! — шепнул Леонард на ухо Хуанне.

— Да, развязка, — ответила она, — но я ожидала этого, а потому смело встретим ее.

Когда шум утих, оратор из старейшин снова заговорил, обращаясь к Наму:

— Это очень важные слова, Нам, и если только ты докажешь их правдивость, мы можем поверить, что могут быть настолько преступные люди, которые осмелились назвать себя богами. Но, быть может, Нам, тебе бы хотелось устранить богов, которые грозили тебе смертью и не любят тебя?

— Я был бы слишком смел, если бы решился возвести ложное обвинение на этих чужестранцев, не имея на то достаточных оснований! Слушайте, вот правда о тех, кого мы почитали как богов. Имя прекрасной

женщины — Хуанна, как она сама нам говорила. Она — жена белого человека по имени Избавитель, а карлик, именуемый Оттером, — их слуга, вместе с другим белым человеком и прочими. Живя в дальней стране, эти люди и женщина случайно узнали историю нашего народа, — как, я вам скажу сейчас, — узнали, что мы находим на нашей земле красные и голубые камни и пользуемся ими в наших священных церемониях. Среди белых людей эти камни ценятся очень высоко. Эти люди жаждали богатства, и они решили украсть их. С этой целью Хуанна изучила наш язык и разыграла роль Аки, а собака-карлик осмелился принять священное имя Джаль. Я буду краток: они совершили свое путешествие, а остальное вы знаете. Но ни одного из камней они не получили, так как и тот камень, что носит на лбу Хуанна, был принесен ею самой.

Затем, о дети тумана, когда у меня возникли сомнения относительно богов, я послал шпионов наблюдать за ними во дворце. Такими шпионами были женщина, данная в жены карлику, и ее служанки. Кроме того, я приказал схватить их черных слуг и бросить Змею, полагая, что если они имеют власть, то смогут защитить своих слуг. Но, как известно, эти люди не нашли защиты. Тем временем женщины донесли мне, что карлик вел себя, как подлая собака, и когда напивался пьяным, что случалось очень часто, то распевал о своих подвигах, совершенных вместе с Избавителем в других странах, хотя всего, что он говорил, они не могли мне сообщить, так как он еще плохо говорит на нашем языке.

Когда эти рассказы дошли до моих ушей, о народ тумана, то у меня исчезли последние сомнения, но все-таки у меня не было бесспорных доказательств обмана этих людей. Тогда я попросил богов просветить меня, и они исполнили мою просьбу. Среди спутников этих людей есть женщина, вчера она пришла ко мне и призналась во всем. Сорок лет тому назад она убежала из нашей страны, я не знаю по какой причине, унеся с собой наши тайны. Она рассказала этим людям легенду о наших богах и научила их, каким способом можно обмануть вас и достать красные камни. Но сердце ее теперь раскаивается в совершенном зле, и я представлю ее вам, чтобы вы были судьями между мною и этими лжецами, навлекшими на меня позор. Вывести вперед эту женщину!

Наступило молчание, и вся масса народа стала нетерпеливо ждать появления свидетельницы. Два жреца вывели Соа и поставили ее перед судьями.

— Говори, женщина! — сказал Нам.

— Я происхожу из народа тумана, — заговорила Соа, — о чем вы можете судить по моему виду и выговору. Я — дочь жреца, и сорок лет

тому назад, когда я была молода и прекрасна, убежала из этой страны по причинам, касающимся только меня. Направившись к югу отсюда, я шла три месяца, пока не пришла в одну деревню на берегу могучей реки, где и прожила двадцать лет, зарабатывая себе пропитание как знахарка. В это время в деревню прибыл белый человек, жена которого, родив дочь, умерла. Я сделалась воспитательницей этой девочки. Моя воспитанница сидит теперь перед вами, и ее зовут Хуанна.

Прошло еще двадцать лет, и я захотела вернуться на родину, чтобы умереть среди своего народа, для чего рассказала о моей стране и ее богатствах Хуанне и ее мужу Избавителю, так как боялась идти одна. Затем я преступно объяснила им, как они могут выдать себя за вернувшихся на землю богов народа тумана. Будучи жадными, они согласились на это, надеясь достать красные камни.

Соа закончила, и Леонард, наблюдавший за толпой, шепнул Хуанне:

— Говорите скорей, если думаете что-либо сказать. Теперь они поражены и молчат, но в следующую минуту зашумят и тогда…

— Народ тумана, — закричала Хуанна, воспользовавшись минутой наступившего за словами Соа молчания, — вы слышали слова Нама и той, что была моей служанкой! Они осмелились говорить, что мы не боги. Мы не снизойдем до оправданий перед вами. Но смотрите, небо накажет вас голодом, мором и междоусобной войной, и они будут свирепствовать среди вас до тех пор, пока не исчезнет весь народ. Вы умертвили наших слуг, оказали нам неповиновение, вот почему солнце не светит и лето не приходит. Довершите ваши преступления до конца, если хотите, и заставьте богов пойти по той же дороге, по которой прошли их слуги!

Что касается слов этой низкой женщины, то она не сказала главного, что она — дочь Нама и убежала отсюда потому, что сорок лет тому назад была избрана в невесты Змею, а потому достойна смерти. Еще одно слово о Наме, ее отце. Если его рассказ верен, то он сам себя осудил, так как, несомненно, он знал все с самого начала из уст своей дочери. Да, зная правду, он осмелился поставить над страной богов, которых считал ложными, надеясь этим увеличить свою славу и власть, а когда это не удалось ему, то не постыдился громко заявить о своем бесстыдстве. Я сказала все, народ тумана! Теперь судите нас, и пусть судьба завершит ваш приговор, так как мы отказываемся от вас.

Хуанна закончила свою речь и отвернула свое лицо, пылавшее негодованием. Сила ее красноречия и красоты была настолько велика, что гробовое молчание водворилось после ее слов, между тем как Соа отступила назад, а Нам, видимо, струсил.

— Это ложь, народ! — крикнул он голосом, дрожавшим от ярости и страха. — Моя дочь призналась мне только сегодня утром!

Его слова вывели толпу из оцепенения; тотчас же поднялся невообразимый шум.

— Его дочь! Он говорит, что это — его дочь! Нам сознается в своих преступлениях! — кричали одни.

— Долой ложных богов! — ревели другие.

— Не трогать их: это истинные боги, они могут наслать на нас несчастья! — говорила третья партия, и среди них Леонард заметил Олфана.

Наконец, когда шум стал мало-помалу затихать, старейшина снова обратился к народу:

— Народ тумана! Успокойтесь и слушайте меня! Вы избрали нас в судьи этого дела и потому должны подчиниться нашему приговору. Мы не скажем ни слова о том, боги или нет эти чужестранцы, назвавшие себя Акой и Джалем. Но если они ложные боги, то, конечно, Нам виновен вместе с ними.

Слушатели громко выразили свое одобрение, и Леонард заметил, что верховный жрец задрожал от страха.

— Однако они сказали нам устами той, которая сидит перед вами, что солнце перестало светить по их приказанию, из-за нанесенного им оскорбления. Значит, по их приказанию оно может и снова показаться. Поэтому пусть они нам дадут знамение или умрут, если они смертные, потому что бессмертных мы не можем убить. Знамение это следующее: если завтра на заре туман рассеется и солнце покажется из-за той горы, тогда мы будем почитать их. Если же утро завтра будет снова холодное и туманное, то, истинные боги они или ложные, мы свергнем их с вершины статуи в бассейн, чтобы Змей рассчитался с ними или они рассчитались со Змеем. Вот наш приговор, народ тумана, и Нам приведет его в исполнение, после чего его самого будут судить.

Большинство народа громко изъявляло свое одобрение приговору, а меньшинство, не согласное с первыми, молчало, не смея выразить свое собственное мнение.

Хуанна поднялась со своего места и твердо проговорила:

— Мы слышали ваши слова и обсудим их. Завтра на заре вы увидите нас здесь! Но помните, мы жестоко отплатим за ваше неверие! Олфан, уведи нас отсюда!

Олфан выступил вперед со своими воинами, и процессия двинулась обратно во дворец при полном молчании народа. Во дворце они были в

десять, как заметил Леонард по своим часам.

— Теперь давайте есть и пить, — сказал Леонард, когда они очутились одни в комнате, — нам надо скопить силы на завтра!

— Да, — отвечала Хуанна с печальной улыбкой, — давайте есть и пить, так как завтра мы умрем.

XXVIII. Искупительная жертва Франциско

— Как вы думаете, можно ждать благоприятного исхода? — спросила Хуанна, когда они кончили свой ужин.

— Если солнце не покажется завтра, то мы умрем! — ответил Леонард, покачав головой.

— На это мало надежды, баас, — простонал Оттер. — Сегодняшняя ночь такая же, как и все ночи за эти пять недель. Неудивительно, что народ, живущий в таком климате, жесток и кровожаден.

Хуанна закрыла свое лицо руками и затем сказала:

— Они не говорили ничего о вас, Франциско, и о вас, Леонард, так что, может быть, вы уцелеете.

— Сомневаюсь в этом, — ответил Леонард, — да и, откровенно говоря, я предпочту умереть, если вы погибнете.

— Благодарю вас, Леонард. Но ведь это не поможет никому из нас. Что они сделают с нами? Столкнут с вершины идола?

Хуанна вздрогнула.

— Кажется, таково их любезное намерение, но, по крайней мере, нам незачем подвергаться этому, оставаясь в живых. Сколько времени действует ваш яд, Хуанна?

— Самое большее полминуты, я думаю, даже меньше. Ты решительно отказываешься от него, Оттер? Подумай, другой конец ужаснее.

— Нет, — сказал карлик, ставший теперь, в ожидании неизбежной опасности, снова храбрым, решительным и спокойным, каким он был всегда, — нет, когда наступит время, я спрыгну в воду добровольно и попробую еще справиться с великаном, живущим в воде. А теперь пойду приготовить оружие, которым буду сражаться.

Он встал и отправился на то место, где спал.

Франциско последовал его примеру и тоже направился спать. Леонард и Хуанна остались одни.

Несколько минут Леонард смотрел на ее прекрасное лицо, выражавшее глубокую печаль и раздумье, освещенное светом факела, и стыд и раскаяние овладели им. Кровь этой девушки была на его руках, и он ничем не мог помочь ей; благодаря своему эгоизму он увлек ее за собой в это несчастное предприятие, — и вот теперь наступает неизбежный конец.

Он — ее убийца, убийца девушки, вверенной его попечению ее отцом.

— Простите меня, — сказал он наконец голосом, похожим на рыдание, положив свою руку на ее пальцы.

— За что мне вас прощать, Леонард? — ласково спросила она. — Теперь, когда все кончено, я, оглядываясь назад, на прошедшие месяцы, вижу, что мне надо просить у вас прощения, так как я часто обижала вас.

— Глупости, Хуанна! Из-за моего преступного безумия вам угрожает смерть в расцвете молодости и красоты. Я ваш убийца, Хуанна! — И он хрипло рассмеялся, а затем продолжал: — Теперь мне надо высказаться, время коротко, хотя я часто клялся не говорить вам об этом. Я люблю вас!

И Леонард признался, как с первого взгляда у него в сердце вспыхнула любовь к Хуанне и заглохла любовь к Джейн Бич.

Едва он кончил, Хуанна медленно повернулась к нему, протянула свои руки и положила свою голову на его грудь.

На один момент Леонард остолбенел.

Затем, придя в себя, он нежно поцеловал ее.

Тогда Хуанна, выскользнув из объятий, сказала:

— Слушайте, Леонард, скажите, все ли мужчины слепы или вы один составляете исключение? Неужели то, что мне доставляло столько мучений в последние пять или шесть месяцев, оставалось незамеченным вами? Леонард, вы не один почувствовали любовь в лагере работорговцев. Но вы быстро охладили мое безумие, рассказав мне историю Джейн Бич, и, конечно, после этого я стала скрывать мои чувства и, по-видимому, с большим успехом. И хотя вы и говорите, что Джейн Бич умерла и похоронена в вашем сердце, — в один прекрасный момент она может воскреснуть. Я не верю, что люди забывают свою первую любовь, хотя и стараются по временам убедить себя в противоположном.

— Нельзя ли оставить Джейн в покое, моя дорогая? — ответил он с некоторым нетерпением.

— Хорошо, я готова не вспоминать о ней никогда!

И она зарыдала на груди Леонарда, как испуганное дитя, а затем впала в глубокий сон или обморок, он не знал точно. Поцеловав ее в лоб и положив на постель, он вышел в соседнюю комнату, где находились Франциско и Оттер.

— Посмотри, баас! — сказал карлик, вынимая из-под своего платья какой-то предмет.

Это был удивительный инструмент, составленный из двух жреческих ножей. Ручки этих ножей Оттер укрепил неподвижно при помощи ремней, причем получилось оружие около двух футов длины, отточенные части

которого были направлены в противоположные стороны.

— Что это такое, Оттер? — спросил Леонард, думавший о другом.

— Это кушанье для крокодила, баас; я прежде видел, как его братья ловились на эту удочку в болотах Замбези, — ответил карлик.

— Конечно, он захочет съесть меня, но я приготовил для него другое блюдо. Да! В одном я уверен: если он пойдет на меня, то будет хороший бой, кто бы ни остался победителем.

Оттер прикрепил длинный ремень к рукояткам ножей, затем намотал его вокруг своего тела, спрятав концы ремня, имевшего в длину около тридцати футов, и нож под своим платьем.

— Теперь я снова мужчина, баас, — сказал он решительно, — я покончил с пьянством и прочими глупостями, которыми занимался в часы моего безделья, а теперь пришло время сражаться. И я останусь победителем, баас. Вода — мой дом, и я не боюсь крокодилов, как бы велики они ни были, так как раньше убивал их. Вот увидишь, баас, увидишь.

— Я боюсь, что не буду в состоянии сделать это, Оттер, — ответил печально Леонард, — но желаю тебе, мой друг, удачи. Если ты выйдешь невредим из бассейна, то они будут думать, что ты действительно бог, и, если ты только сумеешь отказаться от пьянства, можешь управлять ими до глубокой старости.

— Мне это не доставит удовольствия, если ты умрешь, баас, — сказал карлик с тяжелым вздохом. — Клянусь тебе, баас, если я останусь жив, то отомщу за тебя. Не бойся, баас. Если я буду снова богом, то убью их всех, одного за другим, и когда они будут все мертвы, то убью себя и приду к тебе.

— Это очень любезно с твоей стороны, Оттер! — сказал Леонард с легким смехом, но вдруг занавес двери раздвинулся и появилась Соа в сопровождении четырех жрецов.

— Что тебе надо, женщина? — вскричал Леонард, инстинктивно бросаясь к ней.

— Назад, Избавитель, — сказала она, подняв руку и обращаясь к нему на диалекте сизуту, которого ее спутники не понимали. — Меня охраняют, и за моей смертью быстро последует твоя. Кроме того, тебе ни к чему убивать меня, так как я приношу надежду на жизнь той, которую ты любишь, и на твою собственную. Слушай: солнце завтра утром не покажется; уже теперь туман сгущается и будет держаться до тех пор, пока Хуанну и карлика не свергнут с вершины статуи; ты же и Плешивый будете оставлены в живых до осеннего жертвоприношения, когда вас принесут в

жертву вместе с другими.

— Зачем ты рассказываешь нам все это, женщина? — сказал Леонард. — Мы сами знаем обо всем кроме отсрочки нашей смерти, которой я не желаю. Если у тебя нет ничего лучшего сказать, то уходи вон, предательница, чтобы мы не видели более твоего ненавистного лица.

— Мне надо еще кое-что сказать тебе, Избавитель. Я люблю Хуанну, как ты, также как тот, Плешивый, любит ее. Но вот что я думаю: двое должны умереть на заре, но среди этих двоих Хуанны не будет. Утро будет туманное, статуя высока, и только немногие жрецы увидят жертву, закутанную в черное платье. Что если ей найти заместителя, похожего на нее фигурой, ростом и чертами лица? Со стороны никто не заметит обмана.

Леонард остолбенел.

— Кого же найти? — спросил он.

Соа медленно протянула руку и указала на Франциско.

— Вот человек! — сказала она. — Если его одеть в платье Аки, то кто отличит его от Хуанны? Река и Змей не возвращают тех, кого они поглотили.

Леонард, пораженный этим ужасным предложением, взглянул на Франциско, который стоял, не понимая ни слова из разговора Соа с Леонардом, не зная наречия сизуту.

— Скажи ему! — проговорила Соа.

— Подожди немного, — печально ответил Леонард. — Положим, что все уладится, что будет дальше с Хуанной?

— Она будет спрятана в темнице храма в его платье и под его именем, — указала Соа на Франциско, — пока ей не удастся убежать или вернуться и снова править народом. Мой отец посвящен в этот план и не будет препятствовать его исполнению из любви ко мне, а также, если говорить откровенно, потому, что он сам находится в опасности и надеется посредством Хуанны спасти свою жизнь, так как, пережив жертвоприношение, она будет скитаться народом бессмертной богиней.

— И ты думаешь, что я доверю ее тебе одной, злодейке и клятвопреступнице, а также нежным чувствам твоего отца? Нет, лучше ей умереть, покончив раз навсегда со всеми страхами и мучениями!

— Я этого не говорила, Избавитель! — спокойно ответила Соа. — Ты будешь взят вместе с ней, и если она будет жить, то ты не умрешь. Разве этого мало? Эти люди пришли взять тебя и Плешивого в темницу, они возьмут тебя и Хуанну, вот и все. Теперь поговори с ним. Может быть, он согласится.

— Франциско, подойдите сюда, — сказал серьезным голосом Леонард

по-португальски и рассказал священнику все. Патер побледнел, но не успел еще Леонард закончить, как он пришел в себя.

— Я согласен, — сказал он твердо. — Таким образом мне дано будет спасти жизнь сеньоры и искупить мой грех!

— Франциско, — пробормотал Леонард, который от волнения не мог говорить громко, — вы герой! Я с радостью очутился бы на вашем месте, но это невозможно.

— Кажется, здесь два героя, — кротко сказал Франциско, — но к чему говорить об этом? Обязанность каждого из нас — умереть за нее, и я думаю, что будет лучше, если я один умру, оставляя вас живым, чтобы любить и утешать ее.

Леонард задумался на одно мгновение.

— Кажется, иного выхода нет, — сказал он наконец. — Но как я могу довериться этой женщине? — указал он на Соа. — Если же ей не довериться, то Хуанна умрет.

— Вы не должны беспокоиться об этом, — сказал Франциско, — в конце концов, она любит свою госпожу; она предала нас только из ревности к ней.

— Затем, другой вопрос, — сказал Леонард, — как мы поступим с Хуанной? Если она угадает наш план, то все погибнет. Соа, поди сюда.

Леонард передал ей, что Франциско согласен, но что Хуанна, конечно, ни за что не согласится содействовать их плану.

— Я взяла с собой то, что устранит все затруднения, Избавитель, — ответила Соа, — так как предвидела их. Вот здесь, — она показала маленькую бутылочку, которую вынула из кармана, — та самая вода, которую Сага дала пить твоей черной собаке в ночь моего бегства. Смешай немного воды с вином и попроси Хуанну выпить. Она впадет в глубокий сон, который будет продолжаться не меньше шести часов.

— Это не отрава? — подозрительно спросил Леонард.

— Нет, это не отрава. Какая нужда отравлять того, кто будет мертв на заре?

Леонард согласился.

Приготовив сонное питье, он вошел в комнату Хуанны и застал молодую девушку крепко спавшей на большой постели. Подойдя к ней, он нежно коснулся рукой ее плеча, проговорив:

— Проснись, дорогая!

Она приподнялась и открыла глаза.

— Это вы, Леонард? — спросила она. — Мне снилось, что я снова девочка и учусь в дурбанской школе и что пора вставать. О! Разве уже

рассвет?

— Нет, дорогая, но скоро будет, — ответил он, — выпейте, это вам придаст мужества.

Она взяла питье и машинально выпила его.

— Какой неприятный вкус у этого вина! — сказала она и снова крепко заснула.

Леонард подошел к занавесу и позвал Соа и других. Они все вошли в комнату Хуанны, исключая жрецов, которые остались близ двери, тихо разговаривая между собой и, по-видимому, не обращая внимания на происходившее.

— Снимите это платье, Плешивый, — сказала Соа, — я дам вам другое.

Он повиновался и, пока Соа одевала крепко спавшую Хуанну в платье священника, вынул из кармана своего платья дневник, на чистой странице которого поспешно написал несколько строк. Затем, закрыв книжку, он подал ее Леонарду.

— Пусть сеньора прочтет то, что я написал здесь, — сказал он, — но лишь после моей смерти.

Леонард взял книжку, положил ее в карман и затем, быстро повернувшись к Оттеру, наскоро объяснил ему значение всего происшедшего.

Соа надела на Франциско черное платье Аки. Белого платья, носимого Хуанной при церковных церемониях, он не надел; оно осталось на молодой девушке, совершенно скрытое от взоров его рясой.

— Кто узнает со стороны, что это не она? — торжествующе спросила Соа и затем, подавая Леонарду большой рубин, снятый со лба Хуанны, прибавила:

— Это, Избавитель, принадлежит тебе. Не потеряй камня, ты много перенес, чтобы заслужить его.

Леонард, взяв камень, хотел сначала швырнуть его в лицо усмехнувшейся старухи, но затем, сообразив о бесполезности такой выходки, спрятал его в карман.

— Пойдем! — продолжала Соа. — Ты должен нести Хуанну, Избавитель. Я скажу, что это Плешивый, которому стало дурно от страха. Прощай, Плешивый. В конце концов, ты — храбрый человек, и я уважаю тебя за этот поступок. Закрой капюшоном свое лицо и, если ты хочешь, чтобы Хуанна была жива, не отвечай ни слова, о чем бы тебя ни спрашивали; старайся также не кричать, как бы ни был велик твой страх.

Франциско подошел к постели, на которой лежала Хуанна, и,

прошептав несколько слов прощания, обернувшись, сжал Леонарда в своих объятиях и поцеловал.

— Прощайте, Франциско, — сказал Леонард дрожащим голосом.

— Не плачьте, мой друг, — ответил священник, — я надеюсь встретить вас и ее в загробной жизни.

И они расстались.

XXIX. Белая заря

Взяв Хуанну на руки, Леонард вышел из спальни в комнату, где остановился в нерешительности, не зная, что делать дальше. Соа, шедшая впереди него с факелом в руке, в сопровождении четырех жрецов, подошла к стене комнаты, у которой она лежала связанной в ту ночь, когда Оттер был усыплен Сагой.

— Плешивый в обмороке от страха, он трус, — сказала она жрецам, указывая на ношу в руках Леонарда. — Откройте тайный выход.

Один жрец выступил вперед и нажал на камень в стене, который подался, открыв достаточно широкое отверстие, чтобы просунуть руку и нажать на скрытый механизм. Стена повернулась как на шарнире, открыв ряд ступеней, ведших в узкий коридор. Соа спустилась первая, держа в руке факел таким образом, чтобы оставить Леонарда с ношей в тени. За ней шли жрецы, за жрецами следовал Леонард. Когда последний очутился в коридоре, один из них опять нажал секретный механизм, и тайный выход был заперт.

— Так вот как исчезли поселенцы! — подумал про себя Леонард, тщательно наблюдавший за процедурой открывания и запирания секретного входа.

Оттер, следовавший за Леонардом, видел все это также, хотя и издали.

Когда стена снова стала на свое место, он обратился к Франциско:

— Я видел, как они открыли отверстие в стене и прошли через него. Конечно, наши товарищи-поселенцы тоже прошли этой дорогой. Не попытаться ли и нам сделать это?

— К чему это приведет, Оттер? — откликнулся священник. — Этот выход ведет только в храмовую темницу; если мы пойдем через него, то все будет открыто и, главным образом, этот обман! — указал он на одетое на него платье Аки.

— Это верно, — сказал Оттер. — Ну, в таком случае сядем и будем ждать, пока они придут за нами.

Усевшись в большие кресла, они стали ждать. Франциско думал о прошлом, а Оттер стал петь о своих подвигах, главным же образом о взятии лагеря рабов, чтобы «оживить свое сердце», как он объяснил Франциско.

Через четверть часа занавес раздвинулся и в комнату вошла толпа жрецов во главе с Намом.

— Теперь молчи, Оттер! — прошептал Франциско, нахлобучив на

лицо капюшон.

— Здесь сидят боги, — проговорил Нам, махнув факелом в сторону двух спокойно сидевших людей. — Сойдите, о боги, чтобы мы могли отнести вас в храм, где вы сядете на возвышенном месте, откуда можете наблюдать сияние восходящего солнца, — закончил иронически жрец.

Оттер и Франциско, не говоря ни слова, встали и заняли места на носилках. Тотчас же их понесли со значительной быстротой. Когда они были вне дворца, Оттер взглянул из-за занавеса носилок, надеясь заметить какую-нибудь перемену в погоде, но тщетно: туман был гуще обыкновенного. У подземных ворот их встретил Олфан с воинами.

— Прощайте, королева, — шепнул король на ухо Франциско, — я бы отдал свою жизнь, чтобы спасти вас, но мне не удалось. Я отомщу за вас Наму и всем его слугам.

Франциско не ответил ничего, но, поникнув головой, поспешил вперед. Вскоре они очутились на голове идола, где раньше еще не бывал ни один из них. Поверхность головы идола имела в окружности около восьми футов и не была ничем защищена с краев. Трона из слоновой кости, на котором сидела некогда Хуанна, не было. Вместо него стояли два деревянных стула, на них должны были сесть жертвы. За ними стали Нам и три других жреца. Нам стал таким образом, чтобы его товарищи не видели фигуры Франциско, которого они принимали за Хуанну.

— Держи меня, Оттер! — прошептал Франциско. — Силы покидают меня, я упаду.

— Закрой глаза и откинься назад; тогда ты не будешь ничего видеть. Приготовь также свое средство, так как уже пора.

— Оно готово, — сказал священник.

Оттер ничего не ответил и принялся наблюдать за тем, что происходило внизу. Храм был окутан туманом, точно дымом, сквозь который он едва мог различить черную движущуюся массу собравшегося народа, в течение целой ночи ждавшего развязки трагедии. Говор народа доходил до него подобно журчанию воды. За ним стояли четыре жреца, в торжественном молчании, устремив глаза на серую мглу.

Положение было ужасно, и даже неустрашимый карлик почувствовал себя жутко.

Так прошло около пяти минут. Затем снизу из тумана раздался голос, произнесший следующие слова:

— Наверху ли те, кто называл себя Акой и Джалем, жрец?

— Наверху! — откликнулся Нам.

— Час рассвета пришел, Нам? — продолжал тот же голос.

— Нет еще! — ответил Нам, всматриваясь в снежный пик, возвышавшийся сзади храма на тысячу футов.

Весь народ, вместе с Намом, стал с напряженным вниманием смотреть на восток, ожидая разрешения мучившей всех загадки, истинные ли боги были перед ним или ложные; эти минуты напряженного молчания были настолько ужасны, что Оттер, не выдержав, запел зулусскую военную песню. Громче и громче раздавался его голос, причем он стал притопывать своими босыми ногами по каменной платформе, тогда как народ с суеверным ужасом смотрел на него.

— Конечно, он бог, — думали некоторые, — если поет так громко перед тем, как попасть на зубы Змею.

— Он бог! — закричал один голос снизу, и его повторили во многих местах, пока наконец не водворилось молчание. Тогда и Оттер перестал петь и взглянул на небо. Увы, рассвет наступил, но снега, покрывавшие горы, остались бледными, как лица мертвецов.

— Белая заря! Белая заря! — закричали в толпе. — Долой ложных богов! Бросить их Змею!

— Все кончено, — прошептал Оттер на ухо Франциско. — Ну, принимай средство и прощай, друг!

Снизу опять раздался прежний голос:

— Красная или белая заря, скажите вы, стоящие наверху!

— Теперь совсем рассвело, и заря белая! — ответил Нам.

— Скорей! — шепнул Оттер Франциско.

Тогда священник поднес к своим губам руку, но спустя мгновение опять опустил ее, со вздохом шепнув Оттеру: «Не могу, пусть они убьют меня, а я сам не могу!»

Но прежде чем карлик успел что-либо сказать, природа сделала для Франциско то, что он не решался сделать сам. Внезапно он впал в бесчувственное состояние: лицо его покрылось смертельной бледностью, и он медленно откинулся назад. Нам поспешил поддержать его.

— Заря белая! Вы видите это вашими глазами! — раздался голос снизу. — Вы, стоящие наверху, столкните вниз ложных богов, согласно приговору народа тумана.

Оттер, услышав это, понял, что настала пора действовать. Быстро оглянувшись, он увидел, что Нам и другой жрец схватили бесчувственное тело Франциско, готовые сбросить его вниз, а два другие жреца протянули руки к нему самому. Едва они успели коснуться карлика, как он, схватив ближайшего из жрецов за туловище своими могучими руками, прыгнул вместе с ним вниз со словами: «Пойдем вдвоем!»

Жрец издал отчаянный крик, и толпа с удивлением увидела, как карлик и его жертва исчезли в бушующей воде. Вслед за ними безжизненное тело Франциско, столкнутое вниз Намом, полетело в воду, где и исчезло навеки.

Оттер выпустил жреца из своих железных объятий и, плывя под водой, направился прямо к северной стороне бассейна, где, как он заметил, было менее быстрое течение и где скалистый берег, свешиваясь над водой, скрывал его от взоров сидевших вверху людей. Схватившись за выступ скалы, он перевел дыхание и осмотрелся: все было хорошо, он не был ранен. Жрец, который был тяжелее его, первый встретил поверхность воды и предохранил его от последствий падения с высоты.

— Здесь, — сказал сам себе Оттер, — я могу пробыть несколько часов, и меня никто не увидит. Но придется еще иметь дело со Змеем. — И он, поспешно схватив свое оружие, сделанное им из двух ножей, распутал часть ремня около своего пояса. В самом центре бассейна, где вода образовала водоворот, еще было видно кружившееся тело жреца, но Франциско он нигде не заметил.

— Ну, если отец крокодилов проснулся, то сейчас он возьмет свою добычу, — подумал Оттер. — Надо ждать здесь и посмотреть, что будет.

В это время сверху раздался такой оглушительный шум, произведенный толпой, занимавшей амфитеатр, что на некоторое время он заглушил даже рокот бушевавшей воды.

— Что это там произошло? — подумал Оттер.

Шум поднялся оттого, что внезапно белая заря сменилась красной и пики гор окрасились в пурпур. Видя это, многие из народа стали кричать, что казненные боги были истинными богами. Но Нам ловко уверил их, что чудо оттого и произошло, что теперь, когда казнены обманщики, настоящие боги сняли проклятие с народа тумана и дают свет.

С этим объяснением одни из народа согласились, другие — нет, но открытого протеста не было, и собрание разошлось в беспорядке. Только жрецы и несколько любопытных остались у краев бассейна, чтобы посмотреть, что произойдет в глубине вод.

Тем временем Оттер увидел то, что заставило его забыть о странном шуме наверху. Обведя глазами окружность скалистой стены бассейна, он увидел круглое отверстие пещеры, расположенной непосредственно под основанием идола и имевшей в диаметре около восьми футов. Нижний край этой пещеры возвышался над уровнем воды в бассейне дюймов на шесть; оттуда лилась тонкая струйка воды. Из отверстия пещеры показалось ужасное гигантское пресмыкающееся — предмет поклонения народа тумана. Нырнув с необыкновенной быстротой в глубину, оно снова

появилось на поверхности воды близ тела жреца, который готов был уже пойти ко дну. Подняв над водой свою страшную голову и разинув ужасную пасть с могучими челюстями, чудовище схватило жертву за середину туловища и исчезло под водой. Затем Оттер увидел, как пресмыкающееся вползло со своей добычей в пещеру.

XXX. Как Оттер сражался со Змеем

Тщательно прячась за выступами скалистых стен бассейна и держа наготове в руке двойной нож, Оттер подплыл к отверстию пещеры. Здесь он по течению воды определил, что главный поток входил в бассейн ниже пещеры, а последняя была второстепенным каналом, через который воды реки катились лишь во время разлива.

Поднявшись на руках к устью пещеры, Оттер быстро скользнул внутрь нее, чтобы не быть замеченным со стороны амфитеатра. Впрочем, так как его одежда почти вся была смыта водой, его черное тело трудно было заметить на темном фоне скалы.

Очутившись внутри пещеры в совершенной темноте, Оттер благодаря своей способности видеть в темноте, нередко встречающейся у дикарей, вскоре мог вполне сносно ориентироваться. Пещера имела вид трубы, пробитой течением воды в твердой скале. Как далеко шла пещера, он пока не мог разглядеть, а также не заметил и ее страшного обитателя, хотя на песчаном дне пещеры отпечатались громадные следы пресмыкающегося. Воздух в пещере был спертый, и стоял отвратительный запах.

— Куда же этот дьявол ушел? — подумал Оттер. — Он должен быть где-то поблизости, а между тем я не вижу его. Быть может, он лежит где-нибудь дальше. — И, продвинувшись вперед, он начал всматриваться в мрак пещеры.

Теперь он заметил кое-что, сначала ускользнувшее от его глаз.

Это был столообразный камень, лежавший на дне пещеры футах в восьми от ее входа и имевший высоту футов в шесть над ложем ручья, протекавшего по дну пещеры.

— Должно быть, здесь крокодил спит! — размышлял Оттер, продвигаясь немного вперед и разглядывая камень, а в особенности какой-то треугольный предмет, лежавший на нем, и еще что-то под ним.

— Должно быть, это другой камень, — подумал опять Оттер, — но отчего же он не унесен водой и что это под ним? — И он сделал еще шаг вперед.

Оттер всматривался в занимавший его внимание предмет и чуть не упал от ужаса, когда увидел, что то, что он принимал за второй камень, оказалось головой жителя вод, на которой светились мрачным и меняющимся огнем два страшных глаза. Под головой чудовища лежало тело жреца.

— Может быть, я подожду, пока он съест его! — размышлял карлик, знавший привычки крокодилов. — Потом я нападу на него, так как он заснет после еды. — И, остановившись на этой мысли, он продолжал стоять, наблюдая за зеленым огнем, вспыхивавшим и угасавшим в глазах чудовища.

Сколько времени стоял так Оттер, он сам не знал, только после нескольких минут ожидания он стал сознавать, что эти глаза приобрели над ним власть, притягивая его к себе какой-то неведомой силой.

Пораженный ужасом, он хотел убежать, чтобы скрыться от этих дьявольских глаз. Увы! Было слишком поздно!

В отчаянии Оттер упал на песок и со стоном закрыл свое лицо руками.

— Это дьявол с колдовством в глазах! — подумал он. — Как мне, простому карлику, сражаться с царем дьяволов, принявшим вид крокодила?

Даже теперь, когда он не смотрел на крокодила, Оттер чувствовал, что глаза чудовища притягивали его к себе. Однако мужество и рассудок снова вернулись к карлику.

— Оттер, — сказал он сам себе, — если ты будешь лежать так, то колдовство скоро сделает свое дело. Этот дьявол проглотит тебя, и его желудок будет твоей могилой. Это неподходящий конец для того, кого называли богом. Подумай только: если бы твой господин, Избавитель, увидел тебя скорчившимся здесь, как жаба перед змеей, как он стал бы смеяться: «О, я считал храбрым этого человека; он сам говорил много о том, как он будет сражаться с жителем вод, а теперь я вижу, что он — подлая собака и трус».

Карлику показалось, что эти слова действительно говорил ему Леонард, смеявшийся над его трусостью.

Вскочив на ноги, Оттер крикнул так громко: «Никогда, баас!» — что эхо отразило его слова в пещере. Сердце Оттера наполнилось мужеством, и с ножом в правой руке он бросился на своего врага.

Крокодил, ждавший, что человек упадет без чувств подобно всем жертвам, на которых он устремлял свой ядовитый взгляд, услышав этот крик, пробудился от оцепенения. Он поднял голову, и огонь запылал в его мрачных глазах, длинное туловище начало шевелиться. Все выше и выше он поднимал свою голову, наконец сполз с камня и двинулся навстречу карлику.

Оттер снова громко закричал, наполовину от злобы, наполовину от страха, и этот звук, казалось, привел животное в еще большую ярость.

Оно разинуло свою гигантскую пасть и двинулось вперед, по-видимому, чтобы схватить карлика, но последний сделал быстрый прыжок

и всунул двойной нож прямо в раскрытую пасть чудовища, направив один конец своего оружия в сторону мозга крокодила, а другой вонзив в язык. В ту же минуту Оттер почувствовал, что челюсти гигантского пресмыкающегося сомкнулись, не причинив, впрочем, вреда его руке, так как между его зубами были большие промежутки, в один из которых и попала рука Оттера. После этого Оттер бросился на песок и лег, оставив нож в пасти чудовища.

Оно затрясло своей страшной головой, за чем Оттер наблюдал еле дыша, причем от смрадного дыхания чудовища его чуть не стошнило. Дважды крокодил открывал свою пасть, но тотчас же вынужден был сомкнуть свои челюсти.

— Ну, теперь он раздолбит меня на куски своим хвостом! — подумал Оттер, но чудовище, казалось, забыло о существовании своего врага. Оно билось на полу пещеры, тяжело дыша, и наконец быстро кинулось из пещеры, увлекая за собой карлика, у которого к поясу был прикреплен один конец длинного ремня, привязанного, как мы уже говорили, к рукояткам ножей. При этом движении крокодила весь ремень распутался, и карлик, несколько раз перевернувшись и ударившись о стены пещеры, бывшие, к счастью, гладкими, очутился вместе с крокодилом в бассейне.

Если бы на месте карлика был другой человек, то, конечно, он бы погиб, но карлик плавал, как рыба — или, лучше сказать, как то животное, именем которого он был назван.

Раненое чудовище дважды опускалось на дно бассейна, увлекая карлика за собой. Кровь била ключом изо рта и ноздрей пресмыкающегося, окрашивая воду.

Крокодил нырнул в третий раз к устью одного из подземных русел реки, и Оттер обрадовался, что был привязан к крокодилу, так как, будучи утомлен, он бы сам не смог преодолеть силы течения.

Наконец животное снова показалось на поверхности воды, и Оттер имел случай взглянуть наверх, где увидел массу народа, в большом волнении наблюдавшего за ним. Впрочем, у Оттера не было возможности долго заниматься этим наблюдением, так как крокодил впервые сообразил, что человек вблизи него был причиной его страданий. Своими челюстями он не мог кусать, поэтому старался ударить карлика хвостом, но Оттер нырнул, избегая удара. Дважды карлику удался этот маневр, но на третий раз он почувствовал, будто его тело разлетелось на куски от страшного удара и глаза выскочили из орбит; вслед за тем он потерял сознание.

Очнувшись, Оттер увидел себя на дне пещеры, но не одного, так как рядом с ним лежал мертвый Змей, скорчившийся в страшных

предсмертных судорогах. Очевидно, при последнем издыхании крокодил устремился в пещеру, где он жил в течение многих лет, и увлек за собой Оттера.

Карлик взглянул на мертвое чудовище, и сердце его забилось гордостью: перед ним лежал распростертым ужас народа тумана, его действительный бог, убитый благодаря ловкости и отваге Оттера.

— Если бы баас мог видеть это! — подумал карлик. — Увы! Он не может этого сделать!

Затем Оттер, оторвав почти перетертый между челюстями крокодила конец ремня, захватил с собой последний, оставив ножи в пасти чудовища, откуда их невозможно было вытащить — так глубоко они вошли в кости и мускулы головы пресмыкающегося. Обмыв свои раны в воде, Оттер решился пойти вперед, в поисках другого выхода из пещеры; он стремился выйти на свежий воздух, где бы можно было отдышаться после удушливого воздуха в пещере и дождаться наступления вечера. Первым выходом он побоялся воспользоваться, опасаясь, что люди, толпившиеся у краев бассейна, увидят его и закидают стрелами. Сообразив, что вода в пещере должна иметь какой-то выход, Оттер пошел в глубь пещеры, руководствуясь журчанием воды. На своем пути он беспрестанно натыкался на груды костей, остатки многочисленных жертв, пожранных чудовищем в течение многих лет. Среди этих груд оказались останки жреца. По-видимому, человек этот умер несколько недель тому назад. Увидев вблизи совершенно целый костюм из козьего меха, Оттер, дрожавший от холода, поспешил надеть его на себя. Под платьем скелета лежал какой-то мешок, сделанный из бычьей кожи.

— Быть может, он прятал здесь свою пищу, — подумал Оттер, — хотя вряд ли кто-нибудь, собираясь посетить жителя вод, стал бы запасаться пищей. Однако теперь она, конечно, испортилась, и мне лучше уйти отсюда. Только коршун может оставаться дольше в этом жилище смерти! — И Оттер поспешил вперед, держась рукой за стенки пещеры, в которой царил совершенный мрак. Карлик боялся двух вещей: во-первых, упасть в какую-нибудь расщелину, а во-вторых, опасался встречи с другим крокодилом, так как «без сомнения, — думал Оттер, — дьявол был женат».

Но Оттер не попал в расщелину и не встретил другого крокодила. Очевидно, житель вод был старый холостяк.

После получасовой ходьбы карлик заметил перед собой свет, на который и бросился и вскоре очутился на противоположном от входа конце пещеры, почти совершенно загроможденном глыбами льда. Проползши между льдинами, он очутился на краю непроходимой пропасти позади

города, а перед ним поднимался к небу громадный ледник, в котором ярко отражалось солнце.

XXXI. В западне

Пока Оттер боролся с крокодилом, Леонард также переживал невеселые минуты.

Пройдя через ряд туннелей и многочисленных поворотов, которые Леонард старался запомнить, они с Хуанной, следуя за Соа, в конце концов очутился в комнате, пробитой в скале и, очевидно, предназначенной служить им помещением, так как в ней стояла кровать, покрытая меховыми одеялами, и стол, на котором стояли кушанья. По знаку Соа Леонард положил Хуанну на постель, а старуха поспешила закрыть ее лицо от посторонних взоров одеялом. В то же время Леонард почувствовал, что его схватили сзади. И в то время как два жреца держали его за руки, третий по указанию Соа отбирал у него револьвер и охотничий нож.

— Ты, подлая собака, — сказал Леонард Соа, — берегись, я тебя убью!

— Убить меня, Избавитель, значило бы убить себя самого и кое-кого другого. Эти вещи взяты у тебя потому, что такие игрушки не для капризных детей.

— Обыщи его карманы! — прибавила она, обращаясь к четвертому жрецу.

Тот исполнил ее приказание и выложил все, что имел при себе Леонард, на стол: часы, дневник Франциско, большой рубин, и, наконец, кусочек яда, завернутый в лоскуток козлиной кожи. Соа взяла последний предмет и, осмотрев его, произнесла:

— Как, Избавитель, и ты запасся лекарством, которое приносит мало счастья тем, кто примет его?

Подойдя к маленькой нише, сделанной в стене комнаты, она взяла что-то оттуда, и Леонард узнал маленький мешочек, который Хуанна прятала в своих волосах.

— Теперь ты не сможешь причинить себе вреда! — сказала Соа по-португальски. — Позволь мне сказать тебе одну вещь: пока ты будешь спокоен, все пойдет хорошо. Но если ты сделаешь попытку убежать или причинить кому-то из нас вред, тогда тебя свяжут и поместят отдельно, и этим ты навлечешь смерть на Хуанну. Остерегайся же этого, белый человек, и веди себя смирно; вспомни, что теперь пришел мой черед и ты полностью в моей власти!

— Я понимаю это, мой почтенный друг! — с яростью ответил Леонард, стараясь овладеть собой. — Но не знаю, на что ты намекаешь, да

я и не забочусь ни о чем, лишь бы известная особа находилась в безопасности!

— Не беспокойся, Избавитель, она в безопасности. Как тебе хорошо известно, я ненавижу тебя и если и оставила в живых, то только потому, что без тебя она могла бы умереть. Поэтому не опасайся за нее. Не делай никаких попыток к насилию в отношении меня или моего отца, когда мы одни будем посещать тебя, так как все устроено таким образом, что местонахождение Хуанны не может быть никем открыто и, если ты поднимешь на нас руку, она погибнет. А теперь я должна оставить тебя, чтобы посмотреть, что делается в храме. Если она проснется, постарайся не пугать ее. Прощай.

И Соа оставила комнату вместе с жрецами. Тяжелая дверь закрылась за ними.

Леонард взял со стола отобранные у него вещи и снова положил их в свои карманы. Револьвер, яд и нож Соа унесла с собой. Затем, отвернув одеяло с лица Хуанны, он стал смотреть на молодую девушку. Она спала глубоким и безмятежным сном, даже улыбка играла на ее лице. Тяжело вздохнув, Леонард стал рассматривать комнату. В ней были две двери: одна, через которую они вошли, и другая — такой же прочности. Единственным открытым местом была та ниша, из которой Соа взяла яд. В сущности, это была не ниша, а сквозное отверстие в скале, имевшее вид амбразуры, обращенной узкой частью внутрь комнаты. Это отверстие привлекло внимание Леонарда потому, что через него доносились какие-то звуки. Прежде всего Леонард различил шум текущей воды; затем до него донеслись голоса толпы, то усиливавшиеся, то замолкавшие. Наконец он понял, где они находились. Они были спрятаны в стене храма, в непосредственной близости от бассейна, а крики, доносившиеся до него, были криками народа, следившего за судьбой Оттера и Франциско.

В течение часа раздавались голоса, а затем наступило молчание, прерываемое только журчанием воды.

Леонард понял, что Оттер и Франциско погибли, и с тяжелым сердцем, полный самых мрачных дум, взял стул и сел около Хуанны.

Молодая девушка еще спала под влиянием сонного питья. Наконец бледное лицо ее покрылось краской, она открыла глаза и села на своем ложе.

— Где я? — спросила она, недоумевающе оглядываясь кругом. — Это не моя постель.

— Успокойтесь, дорогая, я с вами! — сказал Леонард, взяв ее за руку.

— Я это вижу. Но где же другие и что это за ужасное место? Разве мы

заживо похоронены, Леонард? Это место похоже на могилу.

— Нет, мы только в плену. Идите сюда, съешьте и выпейте сначала что-нибудь, тогда я расскажу вам все!

Она встала и впервые обратила внимание на свое одеяние.

— Что это? Это платье Франциско! Где же он сам?

— Ешьте и пейте! — повторил он.

Она машинально исполнила его просьбу, смотря в его лицо удивленными и испуганными глазами.

— Теперь, — произнесла она, — скажите мне. Я не могу выносить дольше неизвестности. Где Франциско и Оттер?

— Увы, Хуанна, они умерли! — ответил он торжественно.

— Умерли! — простонала она, ломая свои руки. — Франциско умер! Но почему же мы еще живы?

Леонард рассказал весь план спасения, придуманный Соа. Хуанна вскочила на ноги и устремила на собеседника свои сверкающие глаза.

— Как вы смели сделать это? — выкрикнула она. — Кто дал вам право на это? Я считала вас мужчиной, а теперь вижу, что вы трус!

— Хуанна, — сказал Леонард, — нам ни к чему говорить так. Все это было сделано ради вас, а не для кого-то другого!

— О, конечно, вы так должны говорить, но я думаю, что вы сговорились с Соа умертвить Франциско с целью спасти вашу собственную жизнь. Между нами все кончено! Я больше никогда не буду разговаривать с вами!

— Вы можете сделать это, если вам будет угодно, — запальчиво сказал Леонард, приведенный ее словами в состояние крайнего раздражения, — но я буду говорить с вами. Вы бросили мне слова, за которые, будь вы мужчиной, я постарался бы отомстить вам, но так как вы женщина, то я могу только ответить на них, а затем умываю руки. Когда к вам вернется рассудок, то вы поймете, что я с радостью занял бы место Франциско. Но это было невозможно, так как если бы я вздумал надеть на себя платье Аки, то был бы тотчас же узнан, и вы поплатились бы за мое безумие. Мы все хорошо понимали это, почему, посоветовавшись, решили сделать так, как я уже вам говорил. Я согласился, чтобы вас перенесли сюда только при том условии, что я буду сопровождать вас для вашей безопасности. Ну, а теперь я сожалею об этом: лучше было пойти вместе с Франциско. Тогда, быть может, я нашел бы покой вместо обидных слов и упреков. Впрочем, не бойтесь, вероятно, я скоро последую за ним. Я знаю, что вы любили этого человека, этого героя; знаю также, что вы, случайно или намеренно, сделали все, чтобы нарушить покой его души. Поэтому я извиняю ваше

поведение.

Он замолчал и посмотрел на нее, сидевшую на краю кровати с закушенными губами и поглядывавшую на него с выражением любопытства на прекрасном лице, в котором попеременно отражались то скорбь, то гордость и гнев. Даже в этот момент Хуанна думала не о Франциско и его жертве, а о человеке, которого она никогда так не любила, как теперь, когда он говорил с ней так горько, отплачивая ей ее же монетой.

— Я не могу состязаться с вами в резкости и грубости, — сказала Хуанна, — и не стану возражать вам. Однако, быть может, вы вспомните, что моя жизнь касается только меня и что я никому не давала права спасать за ее счет другой жизни!

— Что сделано — сделано! — мрачно ответил Леонард. — В другой раз я не буду делать ничего подобного без вашего согласия. Кстати, мой бедный друг просил вам передать эту вещь! — И он подал ей дневник. — Он написал кое-что для вас на последней странице книжки и просил вас, если вам удастся избежать смерти, взять это на память о нем и не забывать его.

Хуанна взяла дневник и, повернув его к свету, открыла наугад. Первое, что бросилось ей в глаза, было ее собственное имя, так как в дневнике в действительности излагалось увлечение священника Хуанной со дня их первой встречи и старания преодолеть свою слабость. Поспешно перелистав дневник, она открыла наконец последнюю страницу, где Франциско признавался в своей любви к ней, которую он должен был скрывать.

Хуанна расплакалась, читая предсмертные сроки несчастного. Но открылась дверь, и в комнату вошли Нам и Соа.

— Избавитель, — сказал престарелый жрец, лицо и смущенные глаза которого носили на себе отпечаток различных волновавших его чувств, — и ты, Хуанна, я пришел, чтобы поговорить с вами. Как вы видите, я один, исключая этой женщины, — указал он на Соа, — но если вы совершите какое-либо насилие в отношении ее или меня, это послужит сигналом для вашей смерти. С большим трудом и немалым риском для самого себя я спас жизнь Хуанны, устроив так, что вместо нее был принесен в жертву белый человек, ваш спутник.

— Жертвоприношение было совершено? — прервал его Леонард.

— Я буду откровенен с тобой, Избавитель, — ответил верховный жрец, которому Соа перевела вопрос Леонарда. — Я знаю теперь, что Хуанна и карлик не боги, а такие же смертные, как и мы; ты знаешь, что я осмелился оскорбить истинных богов, подменив избранную ими жертву.

Жертвоприношение было совершено, но с такими знамениями, что я был поставлен в тупик. Народ тумана также поражен, и никто не знает, что и думать обо всем этом. Белый человек, твой спутник, был сброшен в бесчувственном состоянии в воду, когда показалась белая заря; карлик же, твой слуга, не дожидаясь того, чтобы его столкнули, сам прыгнул вниз, захватив с собою одного жреца!

— Браво, Оттер! — радостно воскликнул Леонард. — Я знал, что он умрет молодцом!

— Он умер действительно молодцом, Избавитель! — сказал со вздохом Нам. — Таким молодцом, что многие клянутся, что он — действительно бог, а не человек. Едва они исчезли в воде, — продолжал жрец, — как произошло такое чудо, о котором никогда не было слышно в кашей стране; белая заря превратилась в красную, быть может потому, что я крякнул для успокоения народа, что ложные боги встретили свою гибель.

— В таком случае истинные боги должны быть удивительно слепыми, — заметила Хуанна, — садя, что я, которую ты осмеливаешься назвать ложной богиней, еще жива!

Этот аргумент заставил Нама замолкнуть на одно мгновение, но он нашелся что ответить Хуанне.

— Да, ты еще жива, — сказал он со странным ударением на слове еще. — И если вы не будете безумствовать, — продолжал он, — то долго останетесь в живых оба, так как я вовсе не желаю вашей крови, стараясь провести в мире свои последние дни. Слушайте же конец моего рассказа. Пока народ с изумлением наблюдал за изменением зари, выяснилось, что карлик, твой слуга, Избавитель, не был мертв в воде. Да! Можно было видеть, Избавитель, как громадный житель вод носился туда и сюда по бурлившей воде, а вместе с ним карлик, которому Змей не причинил никакого вреда. Как этот человек мог плавать вместе со Змеем, этого никто не может сказать!

— Браво, Оттер! — снова сказал Леонард, обдумывая про себя объяснение чуда, которого он, конечно не хотел открывать Наму. — Ну, чем же это все кончилось?

— Этого никто не знает наверно, Избавитель, — сказал в недоумении жрец. — Житель вод опустился на дно вместе с карликом, но затем снова всплыл и вполз в пещеру, свое жилище. Изо рта его шла кровь. Но был ли карлик вместе с ним или нет, этого я не могу сказать, так как никто не мог этого разглядеть, а отважиться войти в пещеру, чтобы узнать правду, не смеет никто!

— Хорошо, мертв он или жив, но он храбро сражался! — воскликнул

Леонард. — А теперь, Нам, что тебе надо от нас?

Этот вопрос, казалось, смутил жреца.

— Я пришел сюда, Избавитель, — ответил он, — рассказать вам, что случилось!

— То есть, — заметил Леонард, — сказать мне, что ты умертвил моего лучшего друга и того, кто у вас был ранее богом? Благодарю тебя, Нам, за эти новости. А теперь я беру на себя смелость спросить, каковы твои дальнейшие намерения относительно нас?

— Поверь мне, Избавитель, я хочу спасти вашу жизнь. Если другие были принесены в жертву, то это не моя вина: в настоящее время страна в смятении и полна самых тревожных слухов. Я не знаю сам, что может случиться в течение ближайших дней, а пока вы должны оставаться здесь. Это — жалкое место для жилья, но зато тайное и безопасное. Впрочем, здесь есть еще одна комната, которой вы можете пользоваться; быть может, ты уже видел ее? — И, положив руку на что-то, казавшееся задвижкой, Нам открыл вторую дверь, которая вела в комнату одинакового вида с той, в которой они были, но несколько больших размеров.

— Посмотри, Избавитель, — продолжал жрец, делая шаг вперед, чтобы войти в комнату, и затем отступая назад, как бы желая из учтивости дать пройти вперед Леонарду. Леонард почти машинально вошел в комнату, совершенно забыв о характере своего хозяина и о назначении этого жилища. Когда он вспомнил об этом и, быстро повернувшись, хотел уйти назад, тяжелая дверь с шумом захлопнулась перед самым его лицом, и он оказался в западне.

XXXII. Последний аргумент Нама

Одно мгновение Хуанна стояла в безмолвном изумлении: проделка Нама была совершена так быстро, что она едва могла опомниться.

— Теперь, Хуанна, — вкрадчиво начал Нам, — мы можем свободно поговорить, ибо не годится слушать посторонним ушам то, что я тебе скажу!

— Мерзавец! — ответила она с негодованием, но затем, понимая бесполезность упреков, прибавила: — Говори, я слушаю тебя!

Нам рассказал свой план ее выхода замуж за короля.

— Народу мы объявим, — закончил он, — что ты была богиней, но из любви к Олфану отказалась на время от своей божественности и облеклась в плоть, чтобы провести немного лет с тем, кого ты полюбила!

— В самом деле, — сказала Хуанна, — а что, если я откажусь подчиниться этому плану, который, как я думаю, мог выйти только из мозга женщины?! — И она указала на Соа.

— Ты права, — ответила Соа, — я составила этот план, чтобы спасти тебя и отомстить, — прибавила она пылко, — тому белому вору, который любит тебя; пусть он увидит тебя отданной дикарю!

— Но разве ты никогда не думала о том, Соа, что я могу иметь в этом отношении свои собственные желания?

— Конечно, но даже прекраснейшая из женщин не может всегда иметь то, что ей случится пожелать. Знай, что все должно быть сделано как ради тебя самой, так и ради моего отца. Олфан любит тебя; в эти смутные времена отцу и жрецам необходимо иметь поддержку в лице короля, расположение которого будет нами приобретено в тот день, когда он получит надежду получить тебя в жены. Наконец, для тебя самой, хотя бы ты и желала выйти замуж за человека твоего племени, лучше стать королевой, чем погибнуть жалким образом!

— Я думаю иначе, Соа, — спокойно ответила Хуанна, понимавшая, что ни жалобы, ни просьбы не помогут ей, — я предпочту умереть! — И она протянула руку к своим волосам, но остановилась, не найдя там яда.

— Ты предпочитаешь умереть, — сказала с холодной усмешкой Соа, — но это не так-то легко сделать — я отобрала у тебя яд во время сна.

— Я могу уморить себя голодом, Соа, — сказала с достоинством Хуанна.

— На это потребуется какое-то время, а сегодня ты станешь женой

Олфана! Необходимо, конечно, чтобы ты сама дала согласие на брак с ним, так как он в своем безумии объявил, что может жениться на тебе, только получив согласие из твоих уст и в присутствии свидетелей!

— В таком случае я боюсь, что этот брак не состоится! — сказала Хуанна с горьким смехом, чувствуя омерзение к этой негодной женщине, которая в своей необузданной любви хотела спасти жизнь своей питомицы ценой ее позора.

Между тем Соа сказала ей, что если она не выполнит указанного плана, то умрет Избавитель.

Жрец и его дочь оставили Хуанну одну. Несколько долгих часов провела молодая девушка в мрачной комнате, в которую, кроме журчанья воды, не доходило никакого звука.

В эти часы перед ней пронеслись все приключения, испытанные ею в течение последних шести месяцев; но ужас всего перенесенного бледнел перед тем, что ждало ее впереди. День проходил для нее с томительной медленностью; наконец, когда начали сгущаться ночные тени, снова пришли Нам и Соа.

— Мы пришли за ответом! — произнес жрец, вставляя в стенную скобку принесенный им светильник. — Соглашаешься ты или нет взять в супруги Олфана?

— Не соглашаюсь! — ответила Хуанна.

— Подумай еще!

— Я думала, и вот мой ответ!

Нам схватил руку Хуанны, говоря:

— Иди сюда, я тебе покажу кое-что! — И он подвел ее к двери в следующую комнату. Соа, погасив светильник, вышла из комнаты, заперев за собой дверь, так что Нам и Хуанна остались в полном мраке.

— Хуанна, — сурово сказал Нам, — ты сейчас увидишь того, кого ты называешь Избавителем, но помни: если ты крикнешь или даже скажешь громко одно слово, он умрет!

Хуанна ничего не ответила, хотя сердце ее тревожно забилось. Внезапно в верхней части двери, ведшей в комнату Леонарда, образовалось отверстие, через которое Хуанна могла видеть то, что делалось в соседней комнате, не будучи сама видима оттуда, так как там было светло, а она находилась в полном мраке. Хуанна увидела, что в соседней комнате вблизи отверстия в полу лежал связанный Леонард, окруженный жрецами. Шагах в двух от двери стояла Соа, на которую жрецы устремили свои глаза, видимо, ожидая ее приказаний.

Едва только Хуанна успела посмотреть на эту сцену, отверстие в двери

опять закрылось, и Нам проговорил:

— Ты видела, что Избавитель связан; видела отверстие в полу тюрьмы. Тот, кого бросят в это отверстие, попадет в пещеру Змея, откуда нет возврата ни для кого. Через отверстие мы бросаем пищу жителю вод, пока нет жертвоприношений. Выбирай одно из двух: или добровольно выйди замуж за Олфана сегодня ночью, или на твоих глазах Избавитель будет брошен Змею. В последнем случае ты все равно выйдешь замуж за Олфана, хочешь ты этого или нет. Что ты скажешь?

Хуанна решила еще немного сопротивляться, думая, что вся сцена была проделана только для того, чтобы испугать ее.

Тогда Нам, открыв отверстие в верхней части двери, шепнул одно слово на ухо Соа, а та отдала какое-то приказание жрецам. Хуанна увидела, что связанного Леонарда положили вблизи отверстия в полу так, что его голова свесилась внутрь этого отверстия, и одного движения было достаточно, чтобы сбросить его вниз, в пещеру Змея.

— Развяжите его, — слабо произнесла Хуанна, — я выхожу замуж за Олфана!

Нам снова шепнул что-то Соа, и та приказала жрецам оттащить Леонарда в сторону, что те и исполнили с видимой неохотой. В то же время дверное отверстие опять закрылось.

— Я сказала «развяжите его», — повторила Хуанна. — А он лежит на полу, как срубленное дерево, не имея возможности пошевелиться!

— Нет, — возразил Нам, — быть может, ты раздумаешь, и тогда придется его снова связать, а это сделать не так-то легко, так как он силен и отважен. Слушай, когда Олфан придет просить твоей руки, ты не должна говорить ему ничего о том человеке, он его считает мертвым. Если же ты скажешь о нем хоть слово, то он умрет. Ты поняла меня?

— Понимаю, — ответила Хуанна, — но, по крайней мере, надо снять повязку с его рта!

— Не бойся, это будет сделано после того, как ты поговоришь с Олфаном. А теперь скажи, когда тебе будет угодно принять его?

— Когда хочешь. Чем скорее все будет кончено, тем лучше!

— Хорошо! Дочь моя! — обратился Нам к Соа, только что вошедшей в комнату. — Зажги, пожалуйста, огонь и попроси короля Олфана.

Соа пошла исполнять приказание своего отца, а Хуанна, будучи не в силах совладать с охватившим ее ужасом, опустилась на кровать, закрыв руками лицо. На мгновение в комнате водворилась тишина; затем дверь снова открылась, и перед Хуанной появился король Олфан, сопровождаемый Соа.

— Берегись, — шепнул Хуанне Нам, — одно слово, и Избавитель умрет!

XXXIII. Будь благородным или низким

Некоторое время Хуанна молча смотрела в лицо Олфана, на котором, однако, не могла прочесть ничего, так как король, подобно всем своим соплеменникам, привык скрывать свои чувства под маской торжественного спокойствия. Он стоял перед ней, опершись о древко копья, со слегка опущенной головой, устремив темные глаза на ее лицо, бесстрастный, неподвижный, являя собой картину дикого достоинства. Свет факелов падал на него, освещая его стройную богатырскую фигуру. Он отражался на его ожерелье из слоновой кости — символе королевской власти, запястьях и кольцах, на глянцевитой шерсти его платья из козьего меха и блестящих локонах черных волос, подвязанных узкой белой лентой.

— Говори, Олфан! — произнесла наконец Хуанна.

— Мне сказали, королева, — начал Олфан низким, звучным голосом, — что ты хочешь говорить со мной. Я, как и всегда, повинуюсь тебе. Королева, я узнал, что твой супруг умер, и, поверь мне, сожалею об этом. В этом постыдном деле я не принимал участия. Смерть его, а также и другого белого человека и карлика произошла по вине этого жреца; он клялся, что был вынужден так поступить, ибо народ криками требовал их смерти. Королева, они все ушли, а ты, как слабая голубка, прилетевшая издалека, из южного края, сделалась добычей орлов народа тумана!

Но всего несколько часов тому назад я вместе с тысячами людей и тебя считал мертвой и думал, что твое прекрасное тело было сброшено Намом на заре с вершины статуи. Скажу тебе, что, видя это, я, воин, плакал и проклинал самого себя за то, что, хотя я и король, но был лишен возможности спасти тебя. Потом этот человек, верховный жрец, пришел ко мне и рассказал всю правду, а также сообщил придуманный им план для спасения твоей жизни, для упрочения моей власти и его собственной безопасности. Выйди за меня замуж, королева! — закончил Олфан.

Хуанна быстро оценила свое положение. Оно было отчаянным. Нам и Соа стояли по обеим сторонам, причем последняя держалась близ двери, за которой лежал связанный Леонард. Она знала, что стоит ей сказать одно слово правды королю, и Леонард умрет. Поэтому оставалось одно — согласиться для виду сделаться женой Олфана. Хотя ей казалось постыдным обманывать этого честного человека, единственного их друга среди народа тумана, но обстоятельства вынуждали ее к этому.

— Олфан, — сказала она, — я выслушала тебя, и вот мой ответ: я

согласна взять тебя в супруги. Ты знаешь мою историю, знаешь, что тот, кто был моим господином, умер сегодня, — (Соа одобрительно улыбнулась на эту ложь), — и что я любила его. Надеюсь, что ты будешь настолько добр, что предоставишь мне несколько недель, чтобы я могла оплакать свое вдовство, прежде чем перейду от него к тебе. Больше я ничего не скажу тебе, но, конечно, ты поймешь скорбь моего сердца и все то, чего я не высказала.

— Пусть будет так, как ты желаешь, королева! — ответил Олфан, целуя ее руку, причем его хмурое лицо засияло от счастья. — Ты перейдешь ко мне тогда, когда будет угодно тебе, но я боюсь, что одну вещь ты должна будешь проделать сейчас же!

— Что, Олфан? — спросила с беспокойством Хуанна.

— Только то, королева, что обряд должен быть совершен сейчас же. Это необходимо по многим причинам, о которых ты узнаешь завтра. Кроме того, таково было мое соглашение с Намом, закрепленное клятвой на крови Аки, а такой клятвы я не могу нарушить!

— О нет, нет! — сказала Хуанна в отчаянии. — Подумай, Олфан, как я могу. Муж мой умер всего только шесть часов тому назад. Дай мне хоть несколько дней!

В разговор вмешался Нам.

— Королева, — сказал он, — теперь нечего терять время в пустых разговорах. От этой церемонии зависит больше, чем ты думаешь, — жизнь многих людей, быть может, наша собственная и особенно жизнь того, о ком мне теперь не годится говорить! — И как бы случайно Нам повел глазами на дверь соседней комнаты.

Олфан подумал, что жрец намекает на его собственную жизнь, но Хуанна и Соа хорошо понимали, что речь идет о Леонарде.

— Ты слышала эти слова, королева, — сказал Олфан, — они верны. Теперь опасные времена, и если наш замысел будет выполнен, то я должен дать клятву вождям и совету старейшин, что ты вернулась на землю снова, чтобы стать моей женой!

— Хорошо, — в отчаянии ответила Хуанна, — но неужели я, будущая королева этого народа, буду обвенчана тайно? Я желаю иметь, по крайней мере, свидетелей. Позови нескольких вождей, которым ты доверяешь, Олфан, иначе может наступить время, когда меня не станут считать за настоящую королеву и не будет никого, кто бы мог восстановить мою честь!

— Этого нечего бояться, королева, — ответил Олфан с легкой улыбкой, — однако твое желание вполне законно. Я позову трех из моих

вождей, людей, которые не предадут нас! — И он повернулся, чтобы пойти за ними.

— Не оставляй меня, — удержала его Хуанна, — я верю тебе, но этим двум — нет. Я боюсь быть одна вместе с ними!

— Здесь ни к чему свидетели! — воскликнул Нам угрожающим голосом.

— Королева просит свидетелей, и они будут! — ответил Олфан. — Старик, довольно ты играл мною, до сих пор я был твоим слугой, а теперь хочу быть твоим господином. Несколько часов тому назад твоя жизнь была в моих руках, когда белая заря превратилась в красную! Я пощадил тебя потому, что ты поддел меня на эту приманку, — указал он на Хуанну. — Ну, нечего класть руку на рукоять ножа, ты забываешь, что у меня есть копье. Твои жрецы за дверьми, я это знаю, но там и мои вожди, которым я сказал, где нахожусь; если я исчезну, как исчезали многие здесь, то за мою жизнь ответишь ты, Нам, так как власть поколеблена. А теперь повинуйся мне. Прикажи женщине позвать того, кто стоит на страже у двери; нет, не шевелись, — прибавил он, направляя острие своего копья на обнаженную грудь жреца. Прикажи ей подойти к двери и позвать жреца. Я сказал — к двери, а не за нее, или берегись!

Нам струсил: его орудие сделалось его господином.

— Повинуйся! — сказал он Соа.

— Повинуйся, но не более! — повторил Олфан.

Рыча, как волчица, женщина подошла к двери и, приоткрыв ее, свистнула.

— Спрячься, госпожа! — сказал Олфан.

Хуанна отошла в неосвещенный угол комнаты, и в тот же момент раздался голос у открытой двери, произнесший:

— Я здесь, отец!

— Теперь говори! — сказал Олфан, приближая копье на дюйм ближе к сердцу Нама.

— Сын мой, — сказал жрец, — пойди ко входу, которым вошел король, ты найдешь там трех вождей, позови их сюда!

— И смотри, не говори ни с кем по пути! — шепнул Олфан на ухо Наму.

— И смотри, не говори ни с кем по пути! — повторил Нам.

— Слушаю, отец! — сказал жрец и ушел.

Минут через десять двери снова отворились, и чей-то голос произнес:

— Вожди здесь!

— Позови их сюда! — сказал Нам.

Трое рослых, вооруженных копьями вождей вошли в его комнату. Один из них был брат короля, а двое других — его избранные друзья.

— Братья, — обратился Олфан к вновь вошедшим, — я послал за вами, чтобы сообщить вам о тайне и просить вас быть свидетелями брачной церемонии. Богиня Ака, брошенная сегодня в бассейн Змея, вернулась на землю женщиной и хочет сделаться моей женой. Не спрашивайте ни о чем, — прибавил он, заметив удивление на лицах вождей. — А теперь, жрец, делай свое дело!

Впоследствии Хуанне все происшедшее казалось сном, которого она даже не могла в точности припомнить. Кажется, она стояла рядом с Олфаном, причем Нам бормотал молитвы и заклятия, призывая имена Аки и Джаля. Больше она ничего не могла припомнить. Ей на память пришла другая брачная церемония, совершенная Франциско в лагере работорговцев над ней и Леонардом. Странная ирония судьбы: ей пришлось принимать участие в двух драмах, в одной из которых Леонард должен был подвергнуться церемонии брака, чтобы спасти ее, а во второй — она должна была сделать то же самое для его спасения.

Наконец все было кончено, и еще раз Олфан склонился перед ней, поцеловав ее руку.

— Да здравствует королева народа тумана! — воскликнул он. Вожди повторили его слова.

Хуанна очнулась как бы от сна. Что теперь делать? Что можно было сделать? Казалось, все было потеряно. Но внезапно ее осенило вдохновение.

— Правда, что я королева, Олфан?

— Да, госпожа!

— И как королева народа тумана имею власть, не правда ли, Олфан?

— Даже над жизнью и смертью! — ответил тот важно. — Впрочем, если ты присудишь к смерти кого-либо, то должна сказать мне и совету старейшин. Все в этой стране твои слуги, и никто не смеет ослушаться тебя ни в чем, исключая религиозные дела!

— Хорошо! — сказала Хуанна и, обратившись к вождям, повелительно произнесла:

— Схватить этого жреца, по имени Нам, и эту женщину!

Олфан удивленно посмотрел на нее, а вожди стояли в нерешительности, но Нам не медлил и сделал быстрый прыжок к двери.

— Подожди немного, Нам, — сказал король, преграждая ему путь копьем, — конечно, у королевы есть свои причины, и ты, очевидно, узнаешь их. Держите их, вожди, раз королева приказала так!

Три человека бросились на Нама и Соа. Старый жрец, выхвативший было свой нож, скоро покорился, но с Соа сладить было не так легко: она визжала и кусалась, как дикая кошка, порываясь подойти к двери комнаты Леонарда и крикнуть находившимся внутри жрецам.

— Не позволяйте ей подходить к этой двери, — крикнула Хуанна, — сейчас я вам все объясню.

Тогда брат короля схватил Соа и, бросив ее на кровать, стал рядом, приставив острие своего копья к ее горлу.

— Теперь, королева, — сказал Олфан, — твоя воля исполнена, и, быть может, ты объяснишь нам все?

— Слушай, король, слушайте вы, вожди! — ответила Хуанна. — Эти лжецы сказали вам, что Избавитель умер, не правда ли?! Он не умер, а лежит связанный в соседней комнате, но если бы я сказала вам хоть слово об этом, он бы умер. Олфан, знаешь ли ты, как было получено мое согласие стать твоей женой? В этой двери открылось отверстие, сквозь которое я увидела своего мужа, связанного, с закрытым ртом и положенного над отверстием в полу тюрьмы, которое ведет в неизвестное мне место.

«Соглашайся, или он умрет!», — сказали они, и я, ради моей любви, согласилась. Вот в чем состоял их замысел, Олфан: женить тебя на мне отчасти потому, что та женщина, бывшая моей нянькой, не желает моей смерти, отчасти потому, что Нам хотел воспользоваться этим, чтобы спасти самого себя от народного гнева. Не думай, однако, Олфан, что ты бы удержал меня надолго; после того как ты послужил его цели, ты бы умер тайным образом как человек, знающий слишком много!

— Это ложь! — сказал Нам.

— Молчать! — ответила Хуанна. — Отворите эту дверь и вы увидите, лгала ли я!

— Подожди немного, королева! — сказал Олфан, казавшийся крайне удрученным всем происшедшим. — Если я понял тебя правильно, твой супруг жив. А потому ты говоришь, что слова и клятвы, которыми мы обменялись, не значат ничего и ты не жена мне?

— Это так, Олфан!

— В таком случае я готов сделаться злодеем и допустить его смерть, — медленно сказал король, — знай, госпожа, что я не могу отказаться от тебя!

Хуанна побледнела как смерть, поняв, что страсть этого человека, раз ей дали волю, ускользнула из-под ее контроля.

— Я не могу отказаться от тебя! — повторил он. — Разве я поступил нехорошо с тобой? Разве я не говорил тебе: согласись или откажи? Но

согласившись, ты не должна брать своих слов назад! Королева, ты обручена со мною. Те клятвы, которые ты произнесла, не могут быть нарушены. Теперь слишком поздно: ты моя, и я не позволю тебе уйти к другому, хотя бы этот другой был твоим мужем до меня!

— А Избавитель? Неужели я должна сделаться убийцей своего супруга?

— Нет, я буду защищать его и найду средство выслать его из страны.

Хуанна, пораженная отчаянием, молча стояла, как вдруг резкий смех Соа подействовал на нее, как удар бича, и молодая девушка заговорила снова:

— Король, до сих пор ты хорошо поступал со мной. Останься же благородным до конца. Ты говоришь, что любишь меня. Скажи же, если бы моя жизнь зависела от одного твоего слова, разве ты не сказал бы его? То же самое произошло и со мной. Я сказала это слово и на один только час обманула тебя. Неужели ты, столь великодушный, свяжешь меня этой клятвой, данной мною для того, чтобы спасти моего возлюбленного от власти этих собак? Если так, то, значит, я ошиблась в тебе, думая, что ты скорее погибнешь, нежели будешь настолько низок, что заставишь беспомощную женщину быть твоей женой, женщину, единственное преступление которой состоит в том, что она обманула тебя ради спасения жизни своего мужа!

Хуанна остановилась и, молитвенно сложив руки, умоляющими глазами смотрела на смущенное лицо короля, но видя, что он молчит, прибавила:

— Скажу тебе еще одно, король. Конечно, ты сильнее меня и можешь взять меня силой, но тебе не удержать меня при себе, и тот час, когда ты захочешь овладеть мною, будет моим последним часом, а ты будешь иметь запятнанную честь и мертвую невесту!

Олфан хотел ответить, но Соа, беспокоясь, что жалобы Хуанны преодолеют его страсть, заговорила:

— Не давай себя одурачить, король, пустыми речами женщины или ее фальшивыми угрозами. Она не убьет себя, я знаю ее слишком хорошо. Когда ты женишься на ней, то она скоро полюбит тебя, так как мы, женщины, относимся с почтением к тем, кто властвует над нами. Избавитель — ее супруг только по имени: я жила с ними несколько месяцев и знаю все. Возьми ее, король, теперь же, или будешь всю жизнь оплакивать ее потерю и собственное безумие.

— Я не хочу отвечать на лживые слова этой рабыни, — сказала, гордо выпрямившись, Хуанна, — и будет более достойно тебя, король, не слушать

их. Я сказала все. Теперь делай, что ты хочешь. Будь велик или ничтожен, будь благороден или низок, как научит тебя твоя душа!

И, внезапно опустившись на пол, она принялась горько плакать, причем ее длинные волосы закрыли ей лицо и руки.

Дважды король взглядывал на нее и дважды отворачивался, как бы не смея более смотреть. Наконец он заговорил, устремив свои глаза на стену:

— Встань, королева! — печально сказал он. — Перестань плакать, тебе нечего бояться меня. Я всегда исполнял твою волю, но спрячь свое лицо от меня, мое сердце разбито, и я не могу смотреть на то, что я потерял!

Все еще плача, но полная удивления перед тем, что дикарь мог быть так великодушен, Хуанна поднялась с полу и несвязно заговорила слова благодарности, в то время как вожди с изумлением смотрели на нее, а Соа издевалась и проклинала всех.

— Не благодари меня! — кротко сказал Олфан. — Ты, которая читаешь в сердцах всех, верно прочла в моем сердце. Ну а теперь, покончив с любовью, пойдем воевать. Женщина, в чем секрет этой двери?

— Найди его сам! — прорычала Соа. — Зная ключ, ее легко открыть, Олфан, так же, как и женское сердце. Если не найдешь ключа, то надо овладеть входом силой, так же, как и женской любовью. Конечно, ты, столь искусный в добывании невест, не нуждаешься в моих советах для открытия двери, потому что ты не слушал моих слов относительно женщин, Олфан, и размягчился при виде женских слез, а ты мог бы смыть их поцелуями!

Хуанна, слыша это, в первый раз сказала себе, что у нее с Соа все покончено, что бы ни случилось впоследствии. Действительно, немногие женщины могли бы простить то, что она перенесла из-за нее.

— Направь-ка на нее копье! — сказал Олфан одному из вождей.

Только почувствовав прикосновение стали, Соа перестала смеяться и открыла секрет двери.

XXXIV. Как Оттер вернулся из пещеры Змея

Очутившись на краю ледника, Оттер осмотрелся кругом.

Он стоял на краю пропасти, опускавшейся тремя террасами, общая высота которых составляла не менее трехсот футов. Насколько он мог видеть, было совершенно невозможно спуститься ни на одну из этих террас без помощи веревки. Рассмотреть ближе Оттер не мог, так как шагах в четырехстах от отверстия, ведшего в пещеру, склоны гор, покрытые снегом, были так круты, что он не отважился довериться им.

Усевшись на землю, карлик стал обдумывать свое положение.

Оттер понимал, что было бы безумием пытаться ускользнуть через бассейн до наступления темноты. Перед ним круто поднималась гора, склоны которой были покрыты глыбами льда. Однако кое-где виднелись полоски земли с росшими на них деревьями, кустарниками и даже цветами. Проголодавшись, Оттер пошел искать себе какой-нибудь пищи среди этой бедной растительности.

Взобравшись на склон горы, он вскоре нашел знакомые ему растения, которые когда-то были принесены ему в пищу жрецами.

Подкрепившись этой жалкой пищей и найдя большой сук, заменивший ему палку, он продолжал карабкаться по склону горы, пока наконец не достиг перевала, где и остановился в изумлении: сзади него глубоко внизу лежал город тумана.

Над его головой могучий пик на тысячи футов возносился вверх, оканчиваясь на самой вершине чем-то похожим на человеческий палец, обращенный к небу. Перед ним зрелище было еще страннее: снежные поля, прерываемые черными расщелинами скал, лежавшие одно ниже другого и переходившие постепенно в поля, покрытые растительностью.

Первое из этих снежных полей лежало в полумиле от того места, где стоял Оттер, и ниже его на несколько сот футов.

Между краем перевала и этим полем простиралась громадная пропасть с такими стенами, что ни одно животное не могло бы ступить здесь ногой. Со дна этой пропасти поднималась скала, служившая ложем для ледника, соединявшего обе стены пропасти и служившего своего рода мостом через нее.

Поверхность этого моста местами была довольно отлога, а местами

довольно крута. Однако Оттер не мог разглядеть, прерывался ли ледяной мост в каком-нибудь месте на ширину хоть нескольких ярдов. Желая узнать это, карлик взял один из осколков скалы, выглаженной от постоянного трения об лед, и столкнул его вниз по гладкой поверхности ледяного моста. Камень быстро покатился вниз, изменяя свою скорость в зависимости от крутизны склона, по которому он проходил, но нигде не останавливаясь. Приблизившись к самой узкой части моста, он понесся вниз со страшной быстротой, и в одном месте, очевидно, встретил пустое пространство, о ширине которого трудно было судить. Камень как бы повис в воздухе, но через одно мгновение продолжал свой путь по снежному полю и наконец остановился, представляясь издали в виде мошки на белой скатерти.

— Вот, если человек сядет на такой камень, то ему можно безопасно перейти через этот мост! — сказал сам себе Оттер. — Однако немногие согласятся на такое путешествие, разве что верная смерть будет позади них!

Решив сделать вторую пробу, он взял второй камень, более легкий, чем первый, и пустил его вниз по ледяному мосту. Достигнув самого узкого места, камень исчез.

Карлик повторил свой опыт в третий раз, выбрав самый тяжелый камень, какой только он мог сдвинуть. На этот раз камень, подобно первому, благополучно миновал расщелину моста. «Странное место, — подумал Оттер, — лучше, если мне не придется ехать на таком каменном коне!»

С этими словами Оттер пошел обратно в пещеру, где решил провести ночь, чтобы с рассветом попытаться найти выход через горы, примыкавшие к противоположному концу туннеля.

Он отошел на несколько шагов от входа в пещеру и сел вблизи хвоста мертвого крокодила. Он пытался заснуть, но не мог. Ему казалось, что глаза мертвого крокодила смотрят не него из глубины и что мертвецы, жертвы чудовища, шепчут один другому рассказы о своей страшной гибели. Ужас все более и более овладевал Оттером.

Чтобы успокоить себя, Оттер начал громко говорить сам с собой. Вдруг он испуганно вскочил, волосы на его голове встали дыбом, зубы застучали, и самый нос, как он говорил впоследствии, похолодел от ужаса — он услышал, или ему показалось, что сверху раздался голос его господина, звавшего его по имени.

Карлик задрожал при звуке этого голоса. Только громкое «дурак», которым его обозвал Леонард, несколько привело его в себя. Однако из осторожности он все-таки спросил:

— Если это ты, баас, то отчего ты говоришь из воздуха? Подойди ближе ко мне, чтобы я мог коснуться тебя и успокоиться!

— Я не могу этого сделать, Оттер, — отвечал тот, — я связан и нахожусь в тюрьме над тобой. Здесь в полу есть отверстие, и, быть может, ты взберешься ко мне!

Карлик встал на ноги и, подняв свою палку, достал до потолка пещеры, на котором он скоро отыскал и отверстие.

Поспешно привязав ремень к средней части палки и сделав в ремне петлю, достаточную для того, чтобы поставить ногу, карлик швырнул палку в отверстие и стал дергать за ремень.

— Готово, ремень держится крепко! — прошептал сверху Леонард. — Взбирайся!

Через полминуты карлик был уже возле Леонарда.

— У тебя есть нож, Оттер?

— Да, баас, есть, но маленький, больших уже нет!

— Оттер, мои руки связаны за спиной. Разрежь узлы и дай мне нож, чтобы я мог освободить ноги!

Оттер повиновался, и Леонард вскочил на ноги, с облегчением выпрямившись.

— Где госпожа, баас?

Леонард рассказал Оттеру о коварной проделке Нама.

— Не лучше ли нам убежать, баас? Я нашел выход в горы!

— Убежать, оставив Хуанну?! Лучше, когда жрецы вернутся сюда, схватим их и завладеем их ножами. А затем подумаем, что дальше делать. Мы можем взять у них ключи!

— Да, баас, сделаем так. Ты возьмешь палку, она крепка!

— А что же будет у тебя? — спросил Леонард.

— Я в две минуты сделаю себе оружие! — И, отвязав ремень от палки, Оттер начал копошиться над ним. — Я готов, баас! — произнес карлик. — Где мы станем?

— Здесь! — ответил Леонард, подведя его к двери. — Мы спрячемся за дверью и, когда они войдут и, закрыв дверь, станут смотреть, где я, набросимся на них. Только, Оттер, все это надо сделать без шума!

Когда они стали по местам, Оттер шепотом рассказал Леонарду о своем бое с крокодилом.

Едва карлик успел кончить свой рассказ, как открылась дверь, и в комнату вошли двое жрецов, из которых один нес в руке светильник. Ничего не подозревая, он повернулся, чтобы закрыть дверь. В это время Леонард, выйдя из тени, ударил его палкой по голове с такой силой, что

жрец был оглушен, если не убит, и, не издав ни звука, повалился на пол. В то же время Оттер, искусно накинув петлю на шею второго жреца, крепко затянул ее, и жрец также упал на пол.

После этого они завладели ножами и ключами жрецов.

Почти вслед за этим вторая дверь в комнату открылась, и через нее вошли Хуанна, Олфан, Нам, Соа и трое других мужчин.

На одно мгновение воцарилось молчание. Затем один из спутников Олфана воскликнул:

— Смотрите: бог Джаль вернулся и уже требует себе жертв! — указал он на лежавших на полу жрецов. На лицах вошедших отразилось сильное смущение, даже Олфан и Нам были поражены тем, что казалось им чем-то вроде чуда. В то время как Леонард и Хуанна смотрели друг на друга, три вождя глядели на Оттера как на духа. Однако одно лицо в этой компании не растерялось — то была Соа. Пользуясь тем, что вождь, под надзором которого она находилась, зазевался, она молча отступила в тень и исчезла в ту же дверь, через которую вошли все. Через минуту Оттер, услышав шум за той дверью, в которую вошли двое жрецов, подошел к ней, чтобы открыть ее. В то же время Олфан хватился Соа.

— Где женщина, дочь Нама? — спросил он.

— Кажется, она ушла и заперла нас здесь, король! — ответил спокойно Оттер.

Подойдя к дверям, все убедились, что они заперты.

— Это ничего не значит, здесь есть ключи! — сказал Леонард.

— Они не помогут нам, Избавитель! — ответил Олфан. — Эти двери запираются толстыми каменными засовами, толще моей руки. Теперь эта женщина ушла за жрецами, которые скоро будут здесь, чтобы убить нас, как крыс в клетке!

— Скорее! Нечего терять времени! — сказал Леонард. — Взломаем двери!

— Да, Избавитель, — насмешливо сказал Нам. — Бейте их вашими кулаками, пронизывайте камни вашими копьями, они, конечно, ничего не значат перед вашей силой!

XXXV. «Я вознагражден, королева»

Соа ушла, конечно, для того, чтобы позвать на помощь своему отцу жрецов и отомстить Леонарду, Оттеру и, наконец, Олфану. Верная смерть угрожала всем запертым в комнате. Необходимо было поскорее выбраться из нее. В течение часа они пытались взломать двери, но безуспешно: их ножи и копья только царапали двери, не поддававшиеся их усилиям. Также безуспешной была и попытка разрушить их огнем; не достигнув ничего, они сами чуть не задохнулись в дыму.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил наконец Леонард. — Если так, то наша игра, кажется, проиграна!

— Баас, — сказал Оттер, — мы можем спуститься вниз, в отверстие, через которое я поднялся сюда. Житель вод мертв, я собственноручно убил его, и теперь его нечего бояться. Внизу же идет туннель, ведущий на склон горы. На вершине этого склона начинается ледяной мост, по которому можно достигнуть прекрасной страны.

— Пойдем туда! — вмешалась Хуанна.

— Я видел этот мост, — сказал Олфан, между тем как его вожди изумленно смотрели на человека, победившего Змея, — но никогда не слыхал, чтобы кто-либо осмелился поставить на него свою ногу!

— Через него можно переправиться, хотя и с большим риском, — возразил Оттер. — По крайней мере, лучше сделать эту попытку, нежели оставаться здесь, чтобы нас убили колдуны!

— Я думаю, нам лучше отправиться туда, Леонард! — сказала Хуанна. — Если суждено умереть, то лучше на открытом воздухе. Только что же делать с Намом? Может быть, Олфан и вожди предпочтут остаться здесь?

— Нам в любом случае пойдет с нами, — ответил сурово Леонард, — мне надо свести счеты с этим господином. Что касается Олфана и его вождей, то они должны сами решить этот вопрос.

— Что ты собираешься делать, Олфан? — спросила Хуанна.

— Кажется, королева, — ответил он, опустив глаза, — я поклялся защищать тебя до последней крайности и сделаю это с тем большей готовностью, что теперь моя жизнь имеет для меня весьма малую цену. Мои же товарищи, я думаю, подобно тебе, предпочтут умереть на воздухе, нежели ожидать здесь смерти от рук жрецов.

Все три вождя утвердительно кивнули головами в знак согласия со словами короля. После этого, захватив с собой запас пищи, в изобилии

оказавшейся в комнате, все спустились в пещеру Змея.

— Оттер, — спросил у карлика Леонард, оказавшись в пещере, — ты не видел здесь рубинов?

— Там, возле жителя вод, лежит какой-то мешок, баас, — ответил беспечно карлик, — но я не позаботился заглянуть в него. Что за нужда теперь для нас в красных камнях?

— Теперь нет, но они могут пригодиться впоследствии, если мы уйдем отсюда.

— Да, баас, если мы уйдем отсюда, — ответил Оттер, думая о ледяном мосте, — мы можем захватить его по пути!

Как раз в это время Олфаном и его вождями вниз был спущен Нам, озиравшийся не без некоторого ужаса, так как до сих пор ни он, ни кто другой из его собратьев не осмеливался посетить священное жилище бога Змея. После него спустились вожди и, наконец, сошел вниз Олфан.

— Нам надо спешить, Избавитель, — сказал король, — дверь сейчас будет открыта!

И действительно, все услышали сильный треск наверху. Оттер стал дергать за ремень, пока наконец палка не скользнула по отверстию в полу и не упала к его ногам.

— Нечего им оставлять это, чтобы они могли последовать за нами, — сказал он, — да и ремень еще может нам пригодиться!

В это время голова одного из жрецов показалась над отверстием. Нам, воспользовавшись этим, поспешно крикнул:

— Ложные боги убежали через туннель в горы, вместе с ними и лжекороль. Преследуйте их и не бойтесь: житель вод мертв. Не думайте обо мне, Наме, и убейте их!

С восклицанием ярости Оттер, ударив его по лицу, повалил навзничь, но зло было уже сделано, и голос сверху ответил Наму:

— Мы слышим тебя, отец! Сейчас возьмем веревки и спустимся вниз!

Все двинулись вперед. Проходя мимо мертвого крокодила, все на одно мгновение остановились посмотреть на гигантское пресмыкающееся.

— Этот карлик — действительно бог! — сказал один из вождей. — Ни один человек не мог бы сделать ничего подобного!

— Вперед, — сказал Леонард, — нам нельзя терять времени!

Пройдя мимо крокодила, они наткнулись на груду костей.

— Где же мешок, Оттер? — спросил Леонард.

— Здесь, баас! — ответил карлик, вытащив что-то из-под разложившегося трупа несчастного жреца, оскорбившего новоявленного бога и опущенного за это в пещеру к Змею.

Леонард взял мешок и, развязав ремень, которым он был перевязан, посмотрел внутрь его. Оттер держал над ним светильник. В глубине мешка сверкали красным и голубым цветом драгоценные камни.

— Это целое сокровище! — сказал Леонард с восторгом. — Наконец-то счастье вернулось к нам!

— Сколько весу в мешке? — спросила Хуанна, когда все поспешили вперед.

— Около семи-восьми фунтов, я думаю! — ответил Леонард, все еще полный восторга.

— Семь или восемь фунтов драгоценных камней, прекраснейших в целом свете! В таком случае отдайте мне мешок. Мне нечего нести, а вам надо иметь теперь обе руки свободными!

— Верно! — ответил Леонард, отдавая ей мешок.

Вскоре они достигли устья туннеля и, пройдя между глыбами льда, очутились на склоне горы. Но в это время облака закрыли луну, и при наступившей темноте было бы безумием начать восхождение на гору, рискуя заблудиться и сломать себе шею среди бесчисленных расщелин и пропастей.

Посоветовавшись, они решили закрыть вход в туннель оказавшимся под рукой материалом: кусками мерзлого снега, щебнем и немногими большими камнями, которые, к счастью, удалось найти вблизи. Вскоре в туннеле послышались голоса жрецов, становившиеся все громче и громче. Надо было каждую минуту ждать нападения, однако его не последовало и голоса жрецов замолкли.

— Что же они решили делать? — спросил Леонард. — Взойти на гору по другой тропинке и отрезать нам путь?

— Не думаю, Избавитель! — ответил Олфан. — Я не знаю такой тропинки. Они пошли за тяжелыми брусьями и хотят сломать ледяную стену!

— Нет, тропинка есть! — сказал один из вождей. — В дни моей молодости я часто лазил по ней, разыскивая подснежные цветы.

— Вот что, королева, — сказал Олфан, подумав немного, — мы должны взять этого человека в проводники и вернуться через горы в город, где можем найти друзей среди воинов и дать битву жрецам!

— Нет, нет! — страстно воскликнула Хуанна. — Я скорее умру, чем вернусь назад в то страшное место, где все равно не избежать конца. Иди туда, если хочешь, Олфан, и предоставь нас нашей судьбе!

— Этого я сделать не могу, королева, я поклялся! — гордо ответил он. — Но слушай, мой друг, — обратился король к одному из вождей. —

Ступай по той тропинке, если можешь сделать это в темноте, и приведи помощь. Поскорее, мы постараемся продержаться до твоего прихода. Но если ты не найдешь нас в живых, то я поручаю тебе: говори везде, что боги оставили нашу страну из-за того, что с ними дурно поступили, и подними народ против жрецов. Только тогда можно будет покончить с ними раз и навсегда!

Не сказав ни слова, вождь пожал руку Олфану и двум своим товарищам, поклонился Хуанне и исчез в темноте. Все опустились на землю у входа в туннель и ждали, что будет. Оттер благоразумно захватил меховые платья жрецов, и это сильно помогло им справиться с холодом.

— Леонард, — сказала Хуанна, — вы еще не знаете, что произошло после того, как Нам запер нас в отдельную комнату?

И она рассказала ему все.

Когда она окончила, Леонард встал и, взяв за руку Олфана, произнес:

— Король, благодарю тебя! Пусть судьба отнесется к тебе так же, как ты отнесся ко мне и моим близким!

— Не говори больше ни слова, Избавитель, — ответил поспешно Олфан. — Я исполнил только долг и мою клятву, хотя это мне и тяжело!

Взглянув вверх, они заметили, что снежные вершины гор начали краснеть от приближающейся зари, и в туннеле снова послышались голоса, а сквозь щели в грубом ледяном сооружении, заграждавшем вход, заблестели огни. Очевидно, жрецы, запасшись необходимыми орудиями, явились снова.

Вскоре действительно раздались глухие удары в ледяную стену.

— Скоро рассветет, Избавитель, — спокойно сказал Олфан. — Я думаю, что вы можете теперь вполне безопасно начать восхождение на гору!

— А что же делать с этим человеком? — указал Леонард на Нама.

— Убить его! — проговорил Оттер.

— Нет, нет пока! — сказал король. — Возьми это, — и Олфан протянул Леонарду копье третьего вождя, оставленное им, — и захвати с собой жреца. Если нас одолеют, то вы можете купить свою жизнь ценой его жизни, если же мы отбросим жрецов и вам удастся уйти, то сделайте с ним что вам будет угодно!

— Я хорошо знаю, что сделаю! — пробормотал Оттер, сверкнув глазами на жреца.

— А теперь прощайте! — продолжал Олфан тем же спокойным тоном. — Принесите еще льду или камней, если можно, стена трещит!

Леонард и Оттер молча пожали руку короля, но Хуанна не могла

расстаться с ним таким образом. Ее сердце было переполнено благодарностью за его доброту.

— Прости меня, — пробормотала она, — я причинила тебе горе, за которым, боюсь, последует смерть!

— Сожаление не поможет ничему, королева, а смерть я охотно встречу, поверь мне. Отправляйся же, и пусть счастье сопутствует тебе. Желаю тебе уйти безопасно с теми блестящими побрякушками, которых ты хотела. Да будешь благословенна ты со своим Избавителем долгими годами взаимной любви. Когда же состаришься, то вспоминай иногда дикого человека, любившего тебя, когда ты была молода, и отдавшего свою жизнь для твоего спасения.

Хуанна слушала, и слезы полились из ее глаз. Затем, внезапно обняв гиганта за шею, она поцеловала его.

— Я вознагражден, королева, — нежно воскликнул он, — и, может быть, твой супруг не приревнует. А теперь — скорее отправляйтесь!

Пока король говорил, небольшая часть стены под ударами жрецов обрушилась, и из отверстия показалось лицо жреца. Олфан с криком поднял копье и метнул его. Жрец упал назад, а в это время пришли вожди с камнями, которыми и заложили отверстие.

Леонард и Хуанна, повернувшись, побежали вверх по склону горы, причем Оттер с проклятиями гнал перед собой Нама, наделяя его ударами кулака, пока наконец тот не свалился со стоном на землю. Никакими усилиями Оттер не мог заставить его встать на ноги.

— Вставай, подлая собака! — сказал Леонард, угрожая ему копьем.

— В таком случае ты должен развязать мои руки, Избавитель, — ответил жрец, — я очень слаб и не могу идти по горам со связанными за спиной руками. Конечно, вам нечего бояться старого и безоружного человека!

— Я думаю, что теперь нечего бояться, — пробормотал Леонард, — хотя в прошлом нам доводилось сильно опасаться тебя! — И взяв нож, он разрезал связывавшие руки Нама веревки.

Хуанна обернулась и посмотрела назад. Далеко внизу она могла различить фигуры Олфана и его товарищей, стоявших плечом к плечу один возле другого, и даже блеск лучей солнца на остриях их копий. Еще ниже она увидела поросшие травой крыши земного ада, города тумана, бесконечную равнину за ним и реку, извивавшуюся змеей. Там же виднелись и громадные стены храма, и черный колосс, на верху головы которого она сидела в тот страшный час, когда тысячи людей приветствовали ее как свою богиню, и откуда ее друг Франциско был

свергнут вниз на ужасную смерть.

Нам, шепча проклятия, шел впереди, награждаемый неутомимым Оттером ударами в спину. Хуанна, потеряв из виду Олфана и его товарищей, присоединилась к своим спутникам, и все они продолжали в полной безопасности свой путь, пока наконец не достигли края перевала и не увидели ледяной мост, ведущий к снежным полям.

XXXVI. Торжество Нама

— Куда же мы пойдем? — спросила Хуанна. — Неужели мы должны спуститься в эту пропасть?

— Нет, госпожа, — ответил Оттер. — Посмотри, перед тобой мост! — И он указал на ледяную ленту, соединявшую оба края бездны.

— Мост?! — проговорила с ужасом Хуанна. — Как, эта скользкая и крутая, как крыша дома, полоса льда — мост? Да на нем не может устоять и муха!

— Оттер, — сказал Леонард, — ты или шутишь или сошел с ума! Как мы можем перейти через это место? Не успеем мы сделать и десяти шагов по этому мосту, как упадем и разобьемся вдребезги!

— Вот как, баас: мы должны сесть, каждый из нас, на один из этих плоских камней и тогда камень перевезет нас на противоположную сторону пропасти. Я знаю, я однажды пробовал это!

— Ты хочешь сказать, что переходил через пропасть?

— Нет, баас, но я послал вниз три камня. Два пролетели благополучно, а третий исчез в середине пути. Я думаю, что там, в мосту, разрыв, но мы должны рискнуть. Если камень достаточно тяжел, то он перелетит через провал, если же нет, тогда мы полетим вниз и навеки успокоимся!

— Неужели нет другого пути?

— Я не вижу, баас, я думаю, что нам лучше перестать разговаривать и приготовиться, а то ведь жрецы за нами. Если ты посторожишь на верху перевала, чтобы не было внезапного нападения, я пойду за камнями.

— А что делать с этим человеком? — спросил Леонард, указывая на старого жреца, лежавшего лицом вниз в снегу, по-видимому, в полном изнеможении.

— О, мы должны задержать его еще немного, баас; если жрецы придут, то он может быть нам полезен. Если же они не придут, то я поговорю с ним потом. А теперь он не может убежать!

Леонард пошел на вершину перевала, находившуюся ярдах в двадцати от того места, где они стояли, а Оттер стал искать нужные ему камни.

Хуанна, повернувшись спиной к ледяному мосту, на который она едва отваживалась взглянуть, села на камень, чтобы отвлечь свои мысли от предстоящего ей нового и ужасного испытаниями, развязав мешок, стала любоваться драгоценными камнями. Она выбрала наиболее крупные камни и разложила их на обломке скалы возле себя. Вскоре перед ней лежало

такое сокровище, которое никогда не снилось ни одной белой женщине.

Созерцая это сокровище, Хуанна забыла обо всем на свете, кроме необычайной красоты и бесконечной ценности камней, добытых для Леонарда при ее помощи.

Старый жрец поднял голову и некоторое время смотрел на нее с холодным и жестоким выражением лица, затем стал медленно перекатываться по снегу по направлению к ней, избегая малейшего шума.

Полюбовавшись на свое сокровище, Хуанна стала снова складывать камни в мешок и, крепко завязав его, хотела надеть себе на шею. В этот момент чья-то сухая старческая рука мелькнула перед ее глазами и вырвала у нее мешок. С громким криком молодая девушка вскочила на ноги и увидела, что старый жрец, захватив мешок, с необыкновенной быстротой побежал прочь. Оттер и Леонард, услыхав ее крик и думая, что жрец хотел убежать, поспешили наперерез ему. Но он и не думал убегать. Шагах в сорока от того места, где стояла Хуанна, над пропастью нависал маленький выступ скалы. К этому-то месту и направился Нам. Остановившись на краю выступа над пропастью, он обернулся лицом к своим преследователям.

— Если вы сделаете еще шаг, — закричал он, — то я брошу этот мешок туда, откуда вам никогда не достать его. На этих скалистых стенах нельзя поставить ноги, а на дне пропасти — вода!

Леонард и Оттер остановились, дрожа за судьбу драгоценных камней.

— Слушай, Избавитель, — продолжал Нам, — ты пришел в нашу страну за этими вещицами, не правда ли? Найдя их, ты хотел бы уйти с ними? Но прежде чем уйти, ты хотел бы убить меня из мести за то, что я разоблачил ваш обман и хотел принести вас в жертву оскорбленным вами богам. Но ведь красные камни теперь у меня в руках, и если я выпущу их из своих рук, то они исчезнут для тебя и всего света навеки. Скажи теперь, поклянешься ли ты оставить мне жизнь и позволишь ли мне мирно вернуться домой за то, что я отдам тебе назад эти камни?

— Да, да, клянемся тебе в этом! — сказал Леонард, не будучи в состоянии скрыть своего беспокойства. — Иди сюда, Нам, и мы дадим тебе спокойно уйти, но если ты бросишь камни вниз, то и сам последуешь за ними!

— Вы клянетесь! — сказал презрительно жрец. — Ты дошел до того, что соглашаешься пожертвовать местью в угоду твоей жадности, о белый человек с благородным сердцем! Ну, я выше тебя; хотя я и не благороден, но хочу пожертвовать своей жизнью для того, чтобы обмануть ваши желания. Как? Неужели можно допустить, чтобы священное сокровище

народа тумана было украдено двумя белыми ворами и их черной собакой? Никогда! Я хотел убить вас всех, но мне это не удалось, и теперь я очень рад этому, видя, что могу нанести вам удар сильнее, чем сама смерть. Да разразится над вами проклятие Джаля и Аки, бездомные собаки! Живите изгнанниками, умрите в нищете, и пусть ваши отцы, матери и дети плюнут на ваши кости, как я это делаю. Прощайте!

И он плюнул по направлению к ним, а затем внезапным движением опрокинулся и полетел в пропасть, унося с собой сокровище.

Некоторое время все трое, пораженные происшедшим, молча стояли на месте, устремив свои глаза на выступ скалы. Наконец Хуанна, рыдая, упала на снег и стала упрекать себя, что по ее вине Леонард сделался нищим.

Леонард, хотя и был огорчен этой потерей, стал утешать ее. В это время Оттер прикатил два камня: один, побольше, для девушки и Леонарда, другой, поменьше, для себя.

Но теперь — другая беда. Хуанна ни за что не соглашалась сесть на камень, чтобы совершить опасный переход. С большим трудом спутникам удалось убедить ее.

— Послушай, госпожа, — говорил карлик, — я свяжу тебя и Избавителя веревкой для безопасности и сам покажу вам дорогу!

С этими словами Оттер оттащил оба камня на самый откос пропасти и, связав веревкой по талии Леонарда и Хуанну, стал готовиться к своеобразному переходу через ледяной мост.

— Ну, Избавитель, — проговорил он, — когда я перейду через мост, вы оба должны лечь на камень и слегка оттолкнуться копьем. И прежде чем вы успеете опомниться, вы уже будете возле меня!

Оттер лег на камень лицом книзу с легким смехом, хотя Леонард заметил, что и он дрожал.

— Теперь, баас, — сказал карлик, схватившись своими длинными руками за края камня, — когда я скажу, толкни слегка камень и тогда увидишь, как может лететь черная птица. Нагнись ко мне, баас!

Леонард повиновался, и карлик шепнул ему:

— Я хотел только сказать, баас, на тот случай, если мы больше не встретимся, так как несчастные случаи бывают и на самых безопасных дорогах, что я очень сожалею о том, что вел себя словно свинья в городе тумана, но пьянство и женщины портили и лучших людей, чем я. Не отвечай мне, баас, а толкни камень, а то я уже начинаю бояться!

Положив свою руку на заднюю часть камня, Леонард дал легкий толчок. Камень начал двигаться, сначала очень медленно, затем все скорее

и скорее и наконец со свистом понесся по скользкому ледяному пути. Достигнув подошвы первого склона, он поднялся на легкий подъем следующего, но так медленно, что Леонард подумал, что он остановится. Однако камень перевалил через хребет и исчез на несколько секунд в неглубокой впадине, образованной поверхностью льда, откуда опять вылетел на вершину второго, более длинного поля с весьма крутым спуском. Отсюда камень понесся с быстротой стрелы, пока не достиг самой узкой части ледяного моста, показавшейся издали серебристой нитью, затем, внезапно поднявшись на воздух, через несколько секунд продолжал свое движение по ледяному пути, пока наконец не остановился.

Леонард посмотрел на свои часы — время, занятое переходом, не превышало пятнадцати секунд, а расстояние было не менее полумили.

— Посмотрите, — сказал он Хуанне, все время сидевшей с закрытыми рукой глазами, чтобы не видеть страшного путешествия карлика, — он на той стороне, цел и невредим! — И он показал на фигуру, казалось, весело танцевавшую на снежном поле и кричавшую:

— Поезжай, баас, это легко!

— Я рада, что он цел, — слабым голосом сказала Хуанна. — Теперь мы должны отправиться вслед за ним. Возьмите, Леонард, мой платок и завяжите, пожалуйста, мне глаза, я не могу иначе!

Затем она призналась, что часто дурно поступала с Леонардом, и чистосердечно попросила прощения. Конечно, ее спутник от души простил ее.

Леонард повел девушку к плоскому камню, но по дороге споткнулся и упал, потащив за собой Хуанну. По счастью, падение было далеко от края пропасти и потому оказалось безопасным. Вставая, он заметил какие-то красные пятна на снегу. Присмотревшись внимательнее, он увидел три великолепных рубина, а немного подальше и четвертый. Очевидно, когда Хуанна укладывала камни в мешок, эти откатились и, по счастливой случайности, уцелели от зорких глаз Нама. Леонард с радостью поднял их и спрятал в карман. Хуанна ничего не заметила, так как очищала лицо и волосы от снега, засыпавшего ее при падении.

Леонард дал время Хуанне оправиться, а затем снова повел ее к камню, но вдруг сзади них раздался глухой звук чьих-то шагов по снегу, и, обернувшись, он увидел бежавшую к ним Соа, почти нагую, с раной от копья в боку и с выражением безумия в глазах.

— Ступай прочь или… — И он поднял выразительно свое копье.

— О Хуанна, — умоляющим голосом воскликнула старуха, — возьми меня с собой, я не могу жить без тебя.

— Скажите ей, чтобы она шла прочь, — сказала Хуанна, узнав голос Соа, — я не хочу ее больше видеть!

— Слышишь, Соа, — сказал Леонард. — Подожди! Как дела там? — указал он рукой в направлении туннеля. — Говори правду!

— Я не знаю, Избавитель, когда я была там, Олфан и его брат еще держались у входа в туннель и не были ранены, а один вождь был мертв. Я пробежала мимо них и вот что получила! — показала она на рану в боку.

— Если они еще немного продержатся, к ним может подоспеть помощь! — проговорил про себя Леонард.

Затем, не говоря ни слова, он лег вместе с Хуанной на широкий камень лицом книзу.

— Сейчас мы отправимся, Хуанна! — проговорил он. — Держитесь крепче за край камня правой рукой и не отнимайте руки, а то мы оба можем соскользнуть с него!

— О, возьми меня с собой, дитя мое, возьми с собой, я не стану больше злобствовать, а буду служить тебе по-прежнему! — отчаянным голосом закричала Соа, и крик ее гулко отозвался в горах.

— Держитесь крепче! — сквозь зубы проговорил Леонард и, отняв свою правую руку от талии Хуанны, с помощью копья слегка оттолкнулся от выступа скалы сзади него. Камень вздрогнул и медленно и величественно начал свой путь вниз по льду.

Сначала он, казалось, еле-еле двигался, затем, в следующую секунду, когда движение его сделалось более ощутимым, Леонард услышал шум за собой и почувствовал, что за его ногу ухватилась человеческая рука. Произошел толчок, вследствие которого они чуть не слетели с камня, но Леонард крепко ухватился за передний край камня, и рука почти перестала тащить его за ногу, хотя он все еще чувствовал ее на своей щиколотке.

XXXVII. Переправа по ледяному мосту

Осторожно приподняв голову, Леонард взглянул через плечо, и ему стало все ясно. В своей безумной любви к Хуанне, которую она предала и оскорбила, Соа хотела броситься на камень, чтобы отправиться вместе с ними, как только камень начал двигаться. Но было слишком поздно, и, почувствовав, что она скользит вперед, Соа в отчаянии ухватилась за то, что подвернулось ей под руку, а именно — за ногу Леонарда. Теперь она должна была сопровождать их в ужасном путешествии, но тогда как они катились вниз на камне, ее волокло за ними по ледяному скату.

Искра сострадания вспыхнула в груди у Леонарда, когда он заметил ее странное положение, но делать было нечего, к тому же мысли его были заняты опасностью, угрожавшей Хуанне и ему самому. Со все возраставшей быстротой они мчались вниз по длинному скату, приближаясь к первому подъему, ярдах в десяти от вершины которого движение их замедлилось гораздо больше, чем у Оттера, так что Леонард ожидал остановки камня. Но этого не случилось, и они достигли верхушки подъема, спустившись с которого попали в ледяную выемку. Затем они наконец очутились в начале склона ярдов в четыреста или пятьсот длиной, настолько крутого, что человек не мог бы стоять на нем, если бы даже поверхность склона и не была скользкой. Ширина ледяного моста здесь быстро уменьшилась, и при приближении к противоположному краю пропасти он казался длинной белой иглой, а вскоре, по-видимому, и совсем прерывался.

Они продолжали мчаться вниз, рассекая воздух. Уже была пройдена половина, чуть не две трети пути. Наконец Леонард взглянул, и мороз пробежал у него по коже. Ширина моста в том месте, где они находились, не превышала размеров небольшой комнаты, ярдах в шестидесяти далее она сужалась до того, что камень почти покрывал ее, а с обеих сторон под ними зияли безграничные пропасти. Но это было еще не все: в самом узком месте ледяная лента прерывалась на ширине десяти-двадцати футов, а затем продолжалась дальше на более низком уровне, круто поднимаясь к снежному хребту, где цел и невредим сидел Оттер.

Холодный пот прошиб Леонарда. Вот уже перед его глазами провал, вот уже камень, оставив ледяной путь, понесся по воздуху. Но прежде чем они достигли противоположного края провала, Леонард услыхал нечеловеческий крик и почувствовал такой сильный толчок, что не мог

удержаться за камень, который выскочил из-под него, а он, ударившись о лед, продолжал нестись по его гладкой плоскости. Леонард почувствовал, что ледяная поверхность жжет его, как раскаленное железо, но его ногу уже выпустила державшаяся за нее человеческая рука, а дальше он ничего не помнил, так как впал в бесчувственное состояние.

Придя в себя, он услышал голос Оттера, кричавшего ему: — Лежи спокойно, баас, не шевелись, ради своей жизни, я приду к тебе!

Леонард совсем очнулся и, слегка приподняв голову, увидел, в каком отчаянном положении находится.

Им оставалось преодолеть всего около пятидесяти футов ледяной поверхности, но на протяжении этих пятидесяти футов лед был так гладок и поверхность его так круто подымалась вверх, что ни один человек не мог бы взобраться по ней. Под ними склон продолжался на тридцать-сорок ярдов вниз, пока наконец не встречал соответствующего подъема, ведущего к разрыву моста.

На этой ледяной поверхности они и лежали, распростершись, как орлы. Сначала Леонард удивился, отчего они не соскользнули назад на дно откоса, где бы они, конечно, погибли, так как выбраться оттуда было невозможно без особых приспособлений. Но их спасла счастливая случайность.

Когда бесчувственные тела Леонарда и Хуанны по инерции вынеслись вверх по подъему, то, конечно, стали скользить назад, в соответствии с законами тяжести, и разбились бы вдребезги, если бы их не задержало копье, рукоятка которого была соединена с обвязывавшим их талии ремнем. Острие этого копья застряло в расщелине льда.

Все это Леонард осознал постепенно, он увидел также, что Хуанна была мертва или без чувств, он не мог пока сказать точно.

— Что ты хочешь делать? — спросил он Оттера.

— Подожди, баас, дай мне время подумать! — И на минуту Оттер, присев на льду, задумался.

— Нашел! — сказал он затем и, сняв с себя платье из козьего меха, стал резать его на куски дюйма в два шириной. Связав крепкими узлами эти куски, он получил довольно сносную веревку достаточной длины.

Затем, заострив конец своей палки, он глубоко укрепил ее в земле и снегу на краю ледяного поля, привязал к ней импровизированную веревку и по ней быстро спустился к Леонарду.

— Разве госпожа умерла, баас? — спросил он, посмотрев на побледневшее лицо Хуанны и ее закрытые глаза. — Или она только спит?

— Я думаю, она только в обмороке, — ответил Леонард. — Но ради

неба, Оттер, действуй проворнее, а то я замерз на этом льду. Что ты хочешь делать?

— Вот что, баас: обвязать около твоего пояса сделанную веревку, затем развязать ремень, связывающий тебя с госпожой, и вернуться на вершину склона, откуда я могу поднять ее наверх, так как ремень очень прочен и она будет легко скользить по льду, а ты последуешь за ней!

— Хорошо! — сказал Леонард.

Когда все это было сделано, держась одной рукой за ледяную скалу, другой — за древко копья, Оттер с большим трудом взбирался наверх по льду, держа в зубах ремень. Замерзшему на льду Леонарду казалось, что прошли часы, прежде чем Оттер поднялся на вершину склона и велел ему отпустить Хуанну.

Леонард повиновался, и карлик, сидя на снегу и упершись ногами в край ледяного моста, стал тянуть девушку кверху. Леонард с облегчением вздохнул, когда увидел ее распростертой на снегу.

Затем Оттер, поспешно отвязав ремень от талии Хуанны и сделав петлю, кинул ее Леонарду, а тот надел ее на свои плечи. Вынув копье из расщелины, в которой оно стояло, он начал свое восхождение. Первые движения причиняли ему мучительную боль, и неудивительно, так как кровь из ран, полученных им при путешествии по льду, заморозила его члены. Собрав всю энергию, он стал подниматься по самодельной веревке, а Оттер тащил его за ремень.

Хорошо, что карлик бросил Леонарду ремень, так как вдруг палка, к которой была прикреплена веревка из кусков платья, выскочила из того места, где она была закреплена, и покатилась вниз вместе с веревкой. Карлик, громко вскрикнув, чуть было не бросился вперед, но удержался и стал крепко держать длинный ремень, на котором и повис Леонард, раскачиваясь как маятник на гладкой поверхности льда.

— Мужайся, баас, — сказал Оттер, крепко державший ремень, — когда я буду тянуть кверху, старайся подняться! — И он потянул вверх ремень, причем Леонард старался зацепиться за ледяную поверхность коленями, пятками и свободной рукой.

Увы! Держаться было не за что, он был словно на глади стекла с наклоном в шестьдесят градусов.

— Подожди немного, баас, — сказал карлик, изнемогавший от усталости, — постарайся сделать острием копья маленькое гнездо во льду и, когда я потяну, помогай мне тянуть тебя, опираясь на копье!

Леонард сделал это, не говоря ни слова.

Медленно, с огромными трудностями Оттер поднял Леонарда вверх по

скату на два фута. Этот процесс пришлось повторить несколько раз. Наконец Леонард поставил свою левую ногу на нижнюю ступень, вырубленную Оттером во льду. Еще одно последнее усилие — и Леонард, дрожащий, как испуганное дитя, лежал на краю ледника.

Испытание было кончено, опасность миновала, но ценой каких усилий!

Нервы Леонарда были совершенно расшатаны; он не мог держаться на ногах, лицо было окровавлено, ногти обломаны, и одна из костей на ноге обнажилась от трения об лед, не говоря уже об ушибах. Состояние Оттера было немногим лучше: руки его были изрезаны веревками, и он был совершенно без сил. Меньше всех пострадала Хуанна, бывшая в обмороке с начала движения по ледяному мосту; она не получила даже ушибов после падения с камня, так как, будучи легче Леонарда, упала на него. Кроме того, толстая одежда из козьего меха предохранила ее от ранений, исключая небольшие царапины и ушибы. Об их страшном положении в то время, когда они повисли на копье, она не знала ничего, равно как и о смерти Соа.

— Оттер, — пробормотал Леонард дрожащим голосом, — ты не потерял бутылки с вином?

— Нет, баас, она цела!

— Поднеси ее к моим губам, если можешь!

Карлик дрожащей рукой протянул ему бутылку, и Леонард сделал несколько глотков.

— Что случилось с Соа, Оттер?

— Я не мог точно разглядеть, баас, я был слишком испуган, даже больше, нежели катясь сам на камне. Но я думаю, что ноги ее задели за край пропасти и она свалилась. Это хороший конец для нее, злой старой коровы! — прибавил он довольным тоном.

— А для нас был очень близок худой конец, — сказал Леонард, — но все-таки мы избежали его. За все рубины на свете я не хотел бы пройти опять этой дорогой!

— И я тоже, баас. Да, это было ужасно! А теперь, — прибавил он, — не пора ли нам разбудить госпожу и уходить отсюда?

— Да, — сказал Леонард, — хотя я не знаю, куда мы пойдем. Во всяком случае недалеко, я еле двигаюсь!

Подойдя к Хуанне, Оттер влил ей в рот несколько капель туземного вина, а Леонард стал растирать ей руки, вскоре после чего она быстро очнулась, присела и, видя лед перед собой, закричала:

— Возьмите меня отсюда, возьмите, я не могу этого сделать, Леонард, не могу!

— Все уже кончено, дорогая! — ответил он со слабой улыбкой.

Оттер собрал их небольшой багаж, состоявший главным образом из ременной веревки и копья, и они побрели вверх по снежному склону. В двадцати-тридцати ярдах впереди них и почти бок о бок лежали два камня, на которых они ехали по мосту, а возле них — те два, которые были пущены раньше Оттером.

Когда они достигли вершины склона, Оттер, обернувшись назад, сказал:

— Взгляни, баас, на той стороне стоят люди!

Он был прав. На далекой окраине пропасти виднелись фигуры людей, которые, казалось, махали оружием и что-то кричали. Были ли это жрецы, осилившие сопротивление Олфана и преследовавшие их, или солдаты короля, победившие жрецов, — этого за дальностью расстояния нельзя было рассмотреть.

Путешественники начали спускаться с одного ледяного поля на другое, и только большой пик над ними напоминал им о близости страны тумана. После частых остановок, вызванных усталостью, они к вечеру оказались наконец ниже снеговой линии, в мягком и теплом климате.

— Я должна остановиться, — сказала Хуанна, когда солнце начало садиться, — я не могу больше идти!

Леонард в отчаянии посмотрел на Оттера.

— Вот там большое дерево, баас, и вода около него! — сказал карлик. — Это хорошее место для ночлега: здесь тепло, и мы не будем страдать от холода. Да, нам везет. Подумайте, как мы провели прошлую ночь.

Они подошли к дереву, и Хуанна в полном изнеможении опустилась на землю, прислонившись спиной к его стволу. Леонарду с трудом удалось уговорить ее съесть кое-что из скудных запасов и глотнуть вина, после чего она впала в сон, скорее похожий на оцепенение.

XXXVIII. Прощание Оттера

Нечего говорить о том, что наступившая ночь была одной из самых ужасных, какие только доводилось провести Леонарду. Несмотря на свою крайнюю усталость, он не мог спать: нервное потрясение было слишком велико, да и раны сильно беспокоили его. Хотя климат был мягок, но со снежных гор дул холодный ветер, и они даже не могли развести огня, чтобы согреться и прогнать диких животных, завывавших невдалеке от них.

Едва ли когда-либо беглецы оказывались в более отчаянном и безнадежном положении, чем Леонард и его спутники в эту ночь: безоружные, выбившиеся из сил, без пищи и почти без одежды, находившиеся в неизвестной им местности среди пустынь Центральной Африки. Если не подоспеет к ним откуда-нибудь помощь, на что было мало надежды, то они должны погибнуть от голода в челюстях львов или от копий туземцев.

Наконец ночь прошла и засияла заря, но Хуанна проснулась только тогда, когда солнце стояло уже высоко в небе. Леонард, подползши к ней на близкое расстояние — ходить он уже не мог, — увидел, что она блуждающими глазами посмотрела на него и сказала что-то о Джейн Бич. Она была в бреду. Что же можно было сделать? Как двинуться в путь с женщиной в горячке среди пустыни? Оставалось только ждать смерти.

Несколько часов Леонард и Оттер провели в безмолвном ожидании. Наконец Оттер, лучше всех перенесший невзгоды предыдущего дня, взяв копье, подарок Олфана, сказал, что пойдет на поиски дичи. Леонард кивнул ему головой, хотя трудно было ожидать успеха от охоты человека, вооруженного только копьем.

К вечеру карлик вернулся с пустыми руками, заявив, что хотя дичи и попадалось много, но убить ему ничего не удалось, как и ожидал его господин. Страдая от голода, провели они ночь, поочередно ухаживая за Хуанной, все еще бредившей. На заре Оттер опять ушел, оставив Леонарда, который не мог заснуть и лежал, скорчившись, подле Хуанны, закрыв лицо руками.

До полудня карлик вернулся к Леонарду, радостно сообщив ему, что, кажется, есть надежда на спасение.

— Что такое, Оттер? — спросил он.

— Там идет какой-то белый человек и с ним более сотни слуг, баас! —

сказал карлик. — Они поднимаются на склон горы.

— Ты, должно быть, сошел с ума, Оттер! — возразил Леонард. — Скажи во имя Аки и Джаля, что здесь делать белому человеку? Только я и Франциско были настолько глупы, что забрались в эти места! — И Леонард, закрыв глаза, замолк и вскоре от усталости заснул.

Оттер смотрел на него некоторое время, затем, хлопнув себя рукой по лбу, снова отправился вниз по склону. Спустя час Леонарда разбудил звук многих голосов и чья-то рука сильно встряхнула его.

— Проснись, баас, — говорил карлик, расталкивая своего спавшего господина, — я привел сюда белого человека!

Леонард, подняв голову, увидел перед собой окруженного вооруженными носильщиками и другими слугами англичанина средних лет с круглым, добродушным лицом, загоревшим на солнце, с большими темными глазами. Незнакомец с состраданием смотрел на Леонарда.

— Как вы поживаете, сэр? — спросил он приятным голосом. — Насколько я мог узнать от вашего слуги, вы не в блестящем положении. Ба! Да тут есть женщина!

Леонард вместо ответа произнес несколько бессвязных фраз.

— Ахмет, — сказал тогда незнакомец, обращаясь к стоявшему рядом арабу, — пойди к первому мулу и возьми хинина, шампанского и лепешек из овсяной муки, они, кажется, нуждаются в этом, вели также носильщикам разбить мою палатку здесь, возле воды, да живей!

Прошло сорок восемь часов, и благодушный незнакомец сидел на походном стуле возле входа в палатку, внутри которой лежали две фигуры, обе закутанные в одеяла и сладко спавшие.

— Должно быть, они скоро проснутся! — проговорил про себя незнакомец, вынув изо рта трубку. — Хинин и шампанское хорошо подействовали на них. Но что за бессовестный лгун этот карлик! Одну вещь он хорошо делает — это ест. И что они делали здесь? Я знаю пока одно, что не видел более благородного вида мужчины и более прекрасной девушки! — И, набив снова свою трубку, незнакомец начал курить.

Десять минут спустя Хуанна внезапно села на своем ложе. Дико оглядевшись кругом и наконец увидев Леонарда, лежавшего у другой стенки палатки, она подползла к нему и, принявшись целовать его, заговорила:

— Леонард! Вы живы! Мне снилось, что мы оба умерли!

Мужчина, к которому она обратилась с этими словами, также проснулся и ответил ласками на ее поцелуи.

— Это довольно трогательно! Должно быть, они супруги или

собираются пожениться. Во всяком случае, пока мне лучше на время уйти! — пробормотал незнакомец, заглянув в палатку.

Когда через час путешественник вернулся, он нашел их уже вполне бодрствующими, сидевшими на солнце у входа в палатку. Оба помылись и оделись в то платье, которое они нашли в палатке. Приподняв свой шлем, он подошел к ним. Леонард и Хуанна встали при виде его.

— Позвольте представиться! — произнес незнакомец. — Я английский путешественник, совершающий маленькую экспедицию за свой счет, за недостатком других занятий. Мое имя — Сидни Уоллес!

— Меня зовут Леонард Атрем, — ответил Леонард, — а эта молодая леди — мисс Хуанна Родд!

Мистер Уоллес снова поклонился.

«Итак, они не были женаты!» — подумал он.

— Мы очень обязаны вам, сэр, — продолжал Леонард, — вы спасли нас от смерти!

— Вовсе нет, — отвечал мистер Уоллес, — вы должны благодарить вашего слугу, карлика, а не меня: если бы он не увидел нас, мы прошли бы значительно левее вас. Меня привлек к себе этот большой пик над нами, кажется, высочайший во всей цепи гор Биза-Мушинга. Я хотел подняться на него, прежде чем вернуться домой через озеро Ньяса, горы Ливингстона и Келимане. Но, быть может, вы не откажетесь сообщить мне, как вы очутились здесь? Я слышал кое-что от вашего карлика, но его рассказ несколько фантастичен!

Леонард передал вкратце историю своих приключений мистеру Уоллесу, который, по-видимому, не поверил ни одному его слову.

Впрочем, спокойно выслушав рассказ Леонарда до конца, Уоллес поднялся со своего места, сказав, что пойдет немного поохотиться.

До захода солнца он явился снова и, подойдя к палатке, попросил извинения у Леонарда и Хуанны за свою недоверчивость.

— Я был там, — сказал он, — на той дороге, которой вы шли, видел ледяной мост и камни, рассмотрел ступени, сделанные во льду карликом. Все нашел так, как вы мне говорили, и мне остается только поздравить вас, что вам удалось благополучно перенести самые ужасные опасности, о которых я когда-либо слыхал!

— Кстати, — прибавил путешественник, — я послал людей исследовать пропасть на протяжении нескольких миль, но они донесли мне, что нет ни одного места, по которому можно было бы спуститься в нее, и я боюсь, что драгоценные камни потеряны навеки. Сознаюсь, что я хотел бы проникнуть в страну тумана, но мои нервы недостаточно крепки

для перехода через ледяной мост, да и камни не могут скользить вверх по скату. Кроме того, вы уже достаточно натерпелись всего и, должно быть, ждете не дождетесь возможности вернуться в цивилизованные страны. Поэтому, отдохнув здесь дня два, мы можем отправиться в Келимане, до которой отсюда, не принимая во внимание неблагоприятные случайности, три месяца пути!

Вскоре они отправились в путь, но описывать подробности этого путешествия не входит в нашу задачу.

*** * ***

Наконец они благополучно прибыли в Келимане. На следующее утро мистер Уоллес отправился в почтовую контору, где его ожидали письма, а Леонард и Хуанна вышли погулять, пока солнце еще не особенно жгло. Наступило время, когда им неудобно было больше пользоваться любезностью мистера Уоллеса, а между тем у них не было в кармане ни одного пенни. Когда они медленно подвигались вперед по обширным африканским пустыням, питаясь в изобилии попадавшейся дичью, любовь и поцелуи заменяли им все на свете. Но теперь они приближались к цивилизованным странам, где без денег было невозможно жить.

— Что нам делать, Хуанна? — спросил печально Леонард. — У нас нет денег на то, чтобы добраться до Наталя, и нет кредита, чтобы занять где-нибудь!

— Мне кажется, мы должны продать большой рубин, — сказала она со вздохом, — хотя мне очень жаль расставаться с ним!

— Никто здесь не купит такого камня, Хуанна, да он, может быть, и не настоящий!… Может быть, Уоллес даст мне под него безделицу, хотя мне и не хотелось бы просить у него. Я, впрочем, должен признаться вам, что у нас не один рубин, а целых пять!

— Откуда, Леонард? Ведь Нам захватил все!

— Нет, кое-что, по счастью, уцелело!

И Леонард рассказал Хуанне о своей находке, достав рубины из своего полого пояса.

Хуанна с восторгом рассматривала камни.

— Знаете, Леонард, больше всего удручало меня сознание, что из-за моего легкомыслия мы лишились сокровищ, из-за которых пришлось

перенести столько мук. Теперь у меня свалилась с души огромная тяжесть. Эти камни так прекрасны, что, наверно, мы получим за них много денег. Покажите их мистеру* Уоллесу и посоветуйтесь с ним, как лучше поступить. Он так хорошо относится к нам.

— Да, вы правы, я, пожалуй, так и сделаю.

После прогулки они сели за завтрак, к концу которого вернулся из города мистер Уоллес.

— Я могу сообщить вам хорошие новости, — проговорил он. — Через два дня здесь будет пароход, так что, расплатившись с моими людьми, я могу отправиться на нем в Аден, а оттуда домой. Конечно, вы также поедете со мной. Здесь несколько номеров «Тайме», просмотрите их, мистер Атрем, пока я буду читать свои письма.

— Мистер Уоллес, мне совестно злоупотреблять вашей добротой, но у нас нет ни гроша. Все наше богатство заключается в этих камнях, причем я не уверен, что это действительно настоящие рубины.

Говоря это, Леонард разложил на столе пять великолепных рубинов.

Мистер Уоллес с удивлением смотрел на камни.

— Но ведь это нечто невиданное! Я никогда в жизни не видал таких прекрасных камней такой чистой воды и таких чудовищных размеров. Да вы богатый человек! Вам стоит только приехать в Лондон и появиться среди наших ювелиров, как они заплатят вам бешеные деньги.

— Да, но до Лондона надо доехать, — печально заметил Леонард.

— Так вы находите, что камни настоящие! — радостно воскликнула Хуанна. — Леонард все время сомневается.

— Ну конечно же, настоящие, разве возможна такая подделка? Я не знаток в рубинах, мистер Атрем, но все же понимаю, что такая подделка невозможна. Вы можете считать себя обеспеченными. Хорошо, что среди всех злоключений вам удалось спасти хоть это. Конечно, мы едем вместе в Лондон продавать ваши камни! И продадим их там хорошо, за дорогую цену.

Через два дня из города им сообщили, что прибыл идущий на север пароход.

Оттер, все последнее время не говоривший ни слова, торжественно приблизился к Леонарду и Хуанне с протянутой вперед рукой.

— Что такое, Оттер? — спросил Леонард, помогавший укладывать Уоллесу его охотничьи трофеи.

— Ничего, баас! Я пришел сказать «прости» тебе и госпоже, вот и все. Я хочу уйти прежде, чем увижу, что паровая рыба увезет вас прочь!

Леонард и Хуанна так сроднились с Оттером, что даже во время

приготовлений их к отъезду в Англию никому из них в голову не пришла мысль о возможности расстаться с ним.

— Почему же ты собрался уходить? — спросил Леонард.

— Потому что я — безобразная, старая собака, баас, и не могу быть полезен вам там! — кивнул карлик по направлению к морю.

— Кажется, ты намекаешь на то, что не хочешь оставить Африку даже на время? — спросил Леонард с плохо скрытым огорчением и тревогой. — А я взял тебе билет на пароход.

— Что говорит баас? — медленно спросил Оттер. — Баас взял мне место на паровой рыбе?

Леонард утвердительно кивнул головой.

— В таком случае я прошу прощения, баас! Я думал, что ты покончил со мной и хочешь бросить меня, как сломанное копье!

— Значит, ты хочешь ехать с нами, Оттер? — воскликнул Леонард с оживлением.

— Хочешь ехать?! — с удивлением воскликнул карлик. — Разве ты не мой отец и моя мать, и разве то место, где будешь ты, не мое место? Знаешь ли, баас, что я собирался сделать? Я хотел влезть на вершину дерева и следить за паровой рыбой, пока она не исчезнет на краю света, затем я взял бы эту веревку, так хорошо послужившую мне среди народа тумана, накинул бы ее себе на шею и повесился бы на том дереве. Ведь это самый лучший конец для старых собак, баас!

Леонард отвернулся, чтобы скрыть слезы, выступившие у него на глазах. Привязанность карлика тронула его больше, чем он хотел это показать.

XXXIX. Конец приключений

Спустя шесть недель к подъезду лучшего ювелирного магазина Лондона подкатил экипаж, из которого вышли Леонард, Хуанна и мистер Уоллес. В магазине было довольно много народа, но навстречу Уоллесу из-за прилавка вышел, извинившись перед покупателями, пожилой человек.

— Вы, вероятно, хотите видеть мистера Бартлета? Он здесь, сэр, пожалуйста, я провожу вас.

Пожилой человек повел мистера Уоллеса и следовавших за ним Хуанну и Леонарда в глубь магазина, где за тяжелой плюшевой портьерой скрывалась дверь в контору крупной ювелирной фирмы.

Пройдя контору, они вошли в небольшой, но очень уютно обставленный кабинет. В глубине за столом сидел знакомый мистера Уоллеса, мистер Бартлет, глава фирмы.

Увидев мистера Уоллеса, он быстро встал и приветливо поздоровался с ним, поздравляя его с приездом.

— Альфред, позвольте вам представить моих приятелей — мистера Леонарда Атрема и его жену. Им нужно поговорить с вами по делу о драгоценных камнях.

Ювелир пригласил всех присесть.

Леонард вынул из портфеля продолговатую коробку, открыл ее, и на зеленом сукне стола ярко засияли кровавым блеском пять громадных рубинов людей тумана.

Ювелир и его помощник остолбенели от удивления при виде редких камней.

— Какая красота! По окраске — настоящие восточные корунды! — воскликнул ювелир.

Мистер Бартлет осторожно взял один из рубинов, отошел к противоположной стене, где стоял продолговатый узкий высокий стол, уставленный различными принадлежностями ювелирного дела, проделал ряд опытов, результатов которых Леонард и Хуанна дожидались, затаив дыхание, затем медленно вернулся к столу.

— Да, рубины превосходные, настоящие, поразительной красоты. Я не встречал таких ни разу. Вы владеете редким сокровищем, сэр Атрем. Можно мне спросить вас, откуда они?

Не успел Леонард ответить, как вмешался мистер Уоллес.

— Это длинная история, сэр Альфред, я как-нибудь на досуге расскажу

вам, а сейчас вкратце сообщу, что они привезены из глубины Африки, из далеких, недоступных мест. И, что самое важное, больше их оттуда достать невозможно. Оцените их.

— Оценить их сейчас невозможно. Оставьте их у меня на два дня. Я приглашу некоторых специалистов, и мы оценим их. Вы хотите продать их?

— Да, — ответил Леонард.

— Камни настолько ценны, что я один вряд ли буду в состоянии купить их. Придется с кем-нибудь сообща купить ваши сокровища, мистер Атрем.

Рубины были оставлены у ювелира, а Леонард и Хуанна, полные радости, отправились осматривать Лондон. Леонард с удовольствием знакомил молодую жену со всеми достопримечательностями старинной столицы Англии.

Через два дня ювелир купил у Леонарда его рубины, причем один из них, самый большой, Леонард оставил для Хуанны. За четыре остальных рубина он получил колоссальную сумму, обеспечивавшую его на всю жизнь.

* * *

Таким образом, путешествие в страну тумана оказалось не напрасным. Леонард стал богатым человеком и отправился, согласно данному умирающему брату обещанию, выкупить свое родовое имение.

Однако выполнить это ему не удалось, замка он не нашел. На месте старинной мрачной усадьбы новый владелец успел построить машиностроительный завод. Вокруг завода вырос целый рабочий поселок, кипела оживленная промышленная жизнь, и от прежней дворянской усадьбы не осталось никаких следов. Выполнение обещания, таким образом, отпадало само собой.

* * *

Жизнь в Англии не понравилась ни Хуанне, ни Леонарду, ни тем более

Оттеру. Привычка к свободной, интересной, полной приключений жизни в Африке сделала из Леонарда другого человека. Жизнь в Англии казалась прекрасной издалека, она была слишком однообразна, монотонна, стеснительна.

Через год такой жизни Леонард и Хуанна охотно простились с Англией и снова вернулись в Африку, где на одном из притоков Замбези построили себе, по выражению Оттера, «просторный каменный крааль».

Прекрасная Маргарет



ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРЕТ

Глава I . Питер встречает испанца

Это случилось весенним днем в шестой год правления короля Англии Генриха VII. В Лондоне было большое торжество — его величество открыл только что созванный парламент и объявил своим верноподданным, что он намерен вторгнуться во Францию и собственной персоной возглавить английскую армию. Народ встретил это известие радостными криками. Правда, когда в парламенте был сделан намек на то, что война потребует денег, это сообщение вызвало гораздо меньший восторг. Но толпу около парламента, состоявшую в большинстве своем из людей, которым не нужно было раскошеливаться, эта сторона дела не волновала. Когда появился король, окруженный блестящей свитой, в толпе принялись кидать в воздух шапки и кричать до хрипоты.

Король, уже усталый человек, несмотря на свою молодость, с тонким и нервным лицом, улыбался чуть иронически. Вспомнив, однако, что ему, занимающему несколько сомнительное положение на троне, нужно радоваться этим приветствиям, он произнес несколько милостивых слов и допустил трех граждан к своей королевской руке. Король даже разрешил каким-то больным детям дотронуться до своей одежды — это должно было излечить их от злого духа. Его величество задержался, чтобы принять прошения от бедняков, передал их одному из своих офицеров и, провожаемый возобновившимися с новой силой приветственными возгласами, проследовал в Вестминстерский дворец на пир.

В свите короля находился и посол де Айала, представлявший при английском дворе государей Испании — Фердинанда и Изабеллу. Его сопровождала группа роскошно одетых дворян. Судя по тому месту, которое занимал испанец в процессии, его страна пользовалась здесь почетом. Да и как могло быть иначе — ведь уже четыре года назад принц Артур, старший сын короля, которому исполнился тогда только год, был официально обручен с дочерью Фердинанда и Изабеллы, инфантой Екатериной, которая была старше его на девять месяцев. Ведь в те времена считалось, что привязанности принцев и принцесс должны направляться заранее по пути, выгодному их коронованным родителям и воспитателям.

Слева от посла на превосходном черном коне ехал высокий испанец,

одетый богато, но просто, в черный бархат; его черную бархатную шляпу украшала единственная жемчужина. Это был красивый мужчина лет тридцати пяти, с суровым и резко очерченным лицом и острыми черными глазами. Говорят, что в каждом человеке можно найти сходство — иногда, конечно, довольно далекое и приблизительное — с каким-нибудь зверем или птицей. В данном случае это сразу бросалось в глаза. Спутник посла напоминал орла, и случайно или умышленно изображение орла украшало ливреи его слуг и сбрую коня. Пристальный взгляд, крючковатый нос, гордый и властный вид, тонкие, длинные пальцы, быстрота и изящество движений — все в нем напоминало царя птиц. Намекал на это сходство и девиз, сообщавший, что владелец его все, что ищет, находит и все, что находит, берет. С презрительным и скучающим видом он наблюдал за разговором английского короля с предводителями толпы, которых его величеству угодно было вызвать.

— Вы находите эту сцену странной, маркиз? — обратился к нему посол.

— Здесь, в Англии, если ваше преосвященство не возражает, называйте меня сеньор, — с достоинством ответил он, — сеньор д'Агвилар. Маркиз, которого вы изволили упомянуть, живет в Испании и является полномочным послом у мавров в Гранаде. Сеньор д'Агвилар, смиренный слуга святой церкви, — он перекрестился, — путешествует за границей по делам церкви и их величеств.

— И по своим собственным, я полагаю, — сухо заметил посол. — Откровенно говоря, сеньор д'Агвилар, одного я не могу понять: почему вы — а я знаю, что вы отказались от политической карьеры, — почему вы тогда не облачитесь в черное одеяние? Впрочем, почему я сказал — черное? С вашими возможностями и связями оно уже сейчас могло бы быть пурпурным, с головным убором того же цвета.

Сеньор д'Агвилар улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что я иногда путешествую по своим собственным делам? Ну что ж, вы правы. Я отказался от мирского тщеславия — оно причиняет беспокойство, а для некоторых людей, высокорожденных, но не обладающих соответствующими правами, весьма опасно. Из желудей этого тщеславия часто вырастают дубы, на которых вешают.

— Или плахи, на которых отрубают головы. Сеньор, я поздравляю вас: вы обладаете мудростью, которая умеет извлекать главное, отбрасывая в сторону призрачное. Это так редко встречается.

— Вы спрашиваете, почему я не меняю покроя своей одежды, —

продолжал д'Агвилар, не обращая внимания на то, что его прервали. — Если быть откровенным, ваше преосвященство, — по личным соображениям. У меня те же слабости, что и у других людей. Меня могут увлечь прекрасные глаза или ослепить чувство ненависти, а это все несовместимо с черным или красным одеянием.

— Однако те, кто носят его, грешат всем этим, — многозначительно заметил посол.

— Да, ваше преосвященство, и это позорит святую церковь. Вы, как служитель ее, знаете это лучше, чем кто-либо другой. Оставим земле все зло, но церковь, подобно небу, должна быть над всем этим, непорочная, ничем не запятнанная. Пусть она будет обителью молитв, милосердия и праведного суда, куда не вступит нога такого грешника, как я, — и д'Агвилар вновь перекрестился.

В его голосе было столько искренности, что де Айала, знавший кое-что о репутации своего собеседника, с любопытством посмотрел на него.

«Истый фанатик, — подумал де Айала, — и человек полезный нам, хотя он отлично знает, как получать радости и от церкви и от жизни».

Вслух же он сказал:

— Неудивительно, что святая церковь радуется, имея такого сына, а ее враги трепещут, когда он поднимает свой меч. Однако, сеньор, вы так и не сказали мне, что вы думаете обо всей этой церемонии и здешнем народе.

— Народ этот, ваше преосвященство, я знаю хорошо — ведь мне случалось уже жить здесь и я говорю на их языке. Именно поэтому я покинул Гранаду и нахожусь сегодня здесь, чтобы наблюдать и докладывать… — Он приостановился и добавил: — Что же касается церемонии, то, будь я королем, я бы вел себя иначе. Ведь только что в этом здании чернь — представители общин, так ведь, кажется, они себя называют? — чуть ли не угрожала своему коронованному владыке, когда он униженно просил ничтожную частицу богатств страны для того, чтобы вести войну. Я видел, как он побледнел и задрожал от этих грубых голосов, будто один звук их может поколебать его трон. Уверяю вас, ваше преосвященство, настанет время, когда Англией будут править эти самые общины. Посмотрите на человека, которого его величество держит за руку и называет сэром. Ведь король, так же как и я, знает, что это еретик, и имей король права, этого человека за его грехи следовало бы отправить на костер. По полученным мною вчера сведениям, он высказывался против церкви…

— Церковь и ее слуги не забудут об этом, когда придет время, — обронил де Айала. — Однако аудиенция окончена, и его величество

приглашает нас на пир, где не будет еретиков, которые раздражают нас, а так как сейчас пост, то и еды почти не будет. Поедем, сеньор, а то мы загораживаем путь.

Прошло три часа, солнце уже садилось. Оно было красноватое, несмотря на начало весны; на болотистых полях Вестминстера было холодно. На пустыре напротив дворца, где шел пир, толпились лондонские горожане. Они окончили свои дневные дела и пришли посмотреть на королевское торжество. В этой толпе обращали на себя внимание мужчина и дама, которую сопровождала молодая хорошенькая женщина.

Мужчине на вид было лет тридцать. Одет он был скромно, как одевались обычно лондонские купцы; у пояса его висел нож. Роста в нем было добрых шесть футов. Впрочем, и его спутница, закутанная в отделанный мехом плащ, тоже была высокого роста. Строго говоря, мужчину вряд ли можно было назвать красивым — у него был слишком высокий лоб и резкие черты лица. К тому же правую сторону его чисто выбритого лица от виска и до энергичного подбородка пересекал красноватый шрам от удара мечом. Тем не менее лицо это было открытое, мужественное, хотя и несколько суровое, а серые глаза смотрели прямо. Это было лицо не купца, а скорее человека благородного происхождения, привыкшего к походам и войнам. У него была великолепная подвижная фигура, а голос его, когда он говорил, что бывало весьма редко, звучал ясно и приятно.

О фигуре его спутницы сказать что-либо было трудно, так как ее скрывал длинный плащ, но лицо, выглядывавшее из-под капюшона, когда она поворачивала голову и лучи заходящего солнца падали на него, поражало своей красотой. Маргарет Кастелл, или, как ее называли, прекрасная Маргарет, до конца жизни затмевала других женщин своей редкостной красотой. Нежными тонами и округлыми линиями ее лицо напоминало цветок. Его украшал белоснежный ясный лоб и великолепно очерченные яркие губы. Но для того чтобы понять секрет обаяния, выделявшего ее среди других красивых женщин того времени, нужно было заглянуть в ее глаза. Они были не голубыми или серыми, как можно было ожидать, судя по цвету лица, но огромными черными, блестящими и в то же время влажными, как у лани; их обрамляли черные, изогнутые ресницы. От этих глаз нельзя было оторваться, как, скажем, от розы, лежащей на снегу, или от утренней звезды, сверкающей в предрассветном тумане. И несмотря на застенчивость этих глаз, мужчине требовалось немало времени, чтобы забыть их, особенно если ему удавалось видеть глаза Маргарет в сочетании с темно-каштановыми волосами, волнами

спадавшими на ее точеные плечи.

Питер Брум — так звали мужчину — несколько беспокойно посматривал вокруг и наконец обратился к Маргарет:

— Стоит ли нам оставаться здесь, кузина? Тут много простолюдинов. Ваш отец может рассердиться.

Тут следует объяснить, что в действительности родственные отношения Питера и Маргарет были гораздо менее близкими — только дальнее родство по линии ее матери, — однако они называли так друг друга, поскольку это было удобно и могло значить и очень много и ничего.

— Почему? — возразила она. В ее глубоком и мягком голосе слышался чуть заметный иностранный акцент, нежный, как дуновение южного ветра ночью. — С вами, кузен, — и она с удовольствием посмотрела на его рослую, мужественную фигуру, — мне некого бояться. А я очень хочу поближе увидеть короля. И Бетти тоже об этом мечтает. Правда ведь? — обратилась она к своей спутнице.

Бетти Дин была кузиной Маргарет, хотя ее родство с Питером Брумом было уж совсем далеким. Бетти была благородного происхождения, но ее отец, необузданный и беспутный человек, разбил сердце ее матери и умер вслед за ней, оставив Бетти на попечении матери Маргарет, в доме которой она и выросла.

Бетти было по-своему примечательна как внешностью, так и характером. Красивая, превосходно сложенная, сильная, с большими дерзкими голубыми глазами и яркими полными губами, она отличалась смелостью и прямотой. Будучи женщиной романтической и тщеславной, Бетти любила общество мужчин и еще больше любила нравиться им. Однако в свои двадцать пять лет она была честной девушкой и умела постоять за себя, в чем имели возможность убедиться многие ее поклонники. И хотя Бетти занимала довольно низкое положение, в глубине души она очень гордилась своим происхождением и была весьма честолюбива. Самым сокровенным ее желанием было выйти замуж так, чтобы подняться до положения, которого ее лишили безумства отца, — довольно трудная задача для девушки, являвшейся чем-то вроде прислуги и к тому же без всякого приданого.

И наконец для завершения ее образа надо добавить, что она любила свою кузину Маргарет больше, чем кого-либо другого на всем свете, хотя Питера она уважала не меньше, вероятно потому, что, как она ни старалась, ее красота оставляла его совершенно хладнокровным.

В ответ на вопрос Маргарет Бетти рассмеялась:

— Конечно! Ведь мы так редко выбираемся их Холборна, и мне не

хотелось бы пропустить случай посмотреть на короля и его двор. Однако мастер Питер так благоразумен, что я всегда слушаюсь его. К тому же начинает темнеть.

— Ну хорошо, — ответила Маргарет со вздохом, слегка пожав плечами, — если вы оба против меня, придется идти. Но в следующий раз, когда я пойду гулять, кузен Питер, я пойду с кем-нибудь более добрым.

Она повернулась и начала быстро пробираться сквозь толпу. Прежде чем Питер успел остановить ее, Маргарет свернула направо, где было посвободнее, и очутилась на площадке перед самым залом. Здесь собрались солдаты и слуги с лошадьми, ожидающие своих господ. Толпа замкнулась за Маргарет, и Питер с Бетти на несколько минут остались отрезанными от нее.

Маргарет вдруг оказалась одна среди солдат, составлявших стражу испанского посла де Айала. Солдаты эти отличались своей заносчивостью и грубостью — они были уверены в полной безнаказанности, так как знали, что положение их господина всегда будет им защитой. К тому же почти все они были пьяны.

Один из этих людей, здоровенный рыжий шотландец, которого дипломат-священник вывез из его родной страны, где был раньше послом, неожиданно увидев перед собой молодую и красивую женщину, решил поближе рассмотреть ее и прибегнул для этого к грубой уловке. Сделав вид, что он споткнулся, шотландец схватился за плащ Маргарет якобы для того, чтобы удержаться, и с силой сдернул его, открыв прелестное лицо и стройную фигуру.

— Друзья, — заорал он хриплым, пьяным голосом, — эта голубка прилетела сюда, чтобы подарить мне поцелуй! — И, обхватив Маргарет своими длинными руками, он старался привлечь ее к себе.

— Питер! На помощь Питер! — закричала Маргарет, отчаянно сопротивляясь.

— Нет уж, красотка, если ты зовешь святого, — отвечал пьяный шотландец, — то Эндрью ничуть не хуже Питера.

Его приятели встретили это «остроумное» замечание громким смехом, ибо знали, что шотландца зовут Эндрью.

Однако в следующее мгновение они опять хохотали, но уже по другой причине. Эндрью показалось, что он очутился во власти урагана. Маргарет была вырвана из его рук, а сам он крутящимся волчком отлетел в сторону и со страшной силой упал вниз лицом.

— Вот это Питер! — воскликнул по-испански один из солдат.

— Да, у него стоящий святой патрон, — откликнулся второй.

А третий принялся поднимать лежащего Эндрью.

Вид шотландца был страшен. Шляпа слетела, и огненно-рыжие волосы были измазаны грязью. Кроме того, падая, он разбил себе нос о камни, и по лицу его текла кровь. Маленькие красные глаза его свирепо сверкали, как у хорька, а физиономия посерела от боли и ярости. Рыча что-то по-шотландски, он выхватил меч и бросился на своего противника с явным намерением убить его.

Питер был без меча, а свой коротенький нож он даже не успел вытащить. Однако в руке у него была толстая палка с железным наконечником. И не успела Маргарет всплеснуть руками, а Бетти взвизгнуть, как Питер отбил меч и, прежде чем шотландец мог напасть вновь, ударил его палкой. Страшный удар пришелся шотландцу по плечу и заставил его пошатнуться.

— Хороший удар, Питер! Отлично сработано, Питер! — закричали зрители.

Но Питер не видел и не слышал их — он был ослеплен яростью из-за оскорбления, нанесенного Маргарет. Палка вновь взлетела, но на этот раз всей силой обрушилась на голову шотландца, расколола ее, как яичную скорлупу, и оскорбитель рухнул мертвым.

Наступило минутное молчание — шутка окончилась трагедией. Наконец один из испанцев, глядя на поверженное тело, воскликнул:

— Во имя бога, нашего товарища убили! Этот торгаш бьет крепко!

Среди приятелей убитого поднялся ропот, и один из них закричал:

— Рубите его!

Питер рванулся вперед и схватил с земли меч шотландца. Одновременно он отбросил палку и левой рукой выхватил из ножен свой кинжал. Теперь Питер приготовился встретить врагов. Вид у него был такой свирепый и воинственный, что, хотя четыре или пять мечей сверкнули в воздухе, противники приостановились. Питер, однако, понимал, что против такого количества врагов ему не выстоять, и в первый раз за время всей этой сцены раздался его голос:

— Англичане! — громко крикнул он, не поворачивая головы и не отводя глаз от врагов. — Неужели вы будете стоять и смотреть, как эти испанские собаки убивают меня?

Наступила короткая пауза, и затем раздался чей-то голос:

— Клянусь, только не я! — И высокий вооруженный кентец очутился рядом с Питером. Вокруг левой руки у него был обернут плащ, а в правой он держал обнаженный меч.

— И не я! — крикнул другой. — С Питером Брумом мы вместе

воевали.

— И не я! — откликнулся третий. — Мы ведь с ним земляки из Эссекса!

Не прошло и минуты, как рядом с Питером собралась довольно внушительная группа крепких и рослых англичан. Силы противников оказались приблизительно равными.

— Теперь хватит, — сказал Питер. — Мы хотим только, чтобы игра была честная. Друзья, посмотрите за женщинами. А вы, убийцы, если хотите испробовать, как англичане умеют работать мечом, выходите. А если трусите, так дайте нам спокойно уйти.

— Выходите, чужеземные трусы! — зашумела толпа, которая не любила эту буйную и привилегированную стражу.

Теперь уже закипела кровь у испанцев — проснулась старая национальная вражда. На ломаном английском языке сержант выкрикнул несколько грязных ругательств по адресу Маргарет и призвал своих товарищей «перерезать глотки лондонским свиньям». В красноватых лучах заходящего солнца алым пламенем сверкнула сталь мечей, еще секунда — и завязалась бы кровавая драка.

Однако этого не случилось. Высокий сеньор, укрывавшийся в тени и наблюдавший всю эту сцену, стал между противниками и отвел готовые скреститься мечи.

— Довольно, — спокойно сказал по-испански д'Агвилар (ибо это был он). — Дураки! Вы что, хотите, чтобы всех испанцев в Лондоне разорвали на куски? Что касается этого пьяного животного, — и он тронул ногой труп Эндрью, — то он сам виноват. К тому же он не был испанцем, и вам незачем мстить. Слушайте меня. Или я должен сказать вам, кто я?

— Мы знаем вас, маркиз, — послушно ответил сержант. — Спрячьте свои мечи, приятели. В конце концов, это не наше дело.

Солдаты повиновались с явной неохотой, но в этот момент появился де Айала. Ему уже сообщили о смерти его слуги, и взбешенный посол громко потребовал, чтобы человек, убивший шотландца, был выдан.

— Мы не выдадим Питера испанскому попу! — зашумела толпа. — Идите сюда и попробуйте взять его, если хотите!

Опять все заволновались, а Питер со своими приятелями приготовился к бою.

Сражение было неминуемо, несмотря на попытки д'Агвилара предотвратить его, но шум неожиданно начал затихать, и воцарилась тишина. Среди поднятых мечей шел невысокий, богато одетый человек. Это был король Генрих.

— Кто осмелился обнажить мечи на моих улицах, перед самыми дверьми моего дворца? — ледяным голосом спросил он.

Дюжина рук указала на Питера.

— Говори, — приказал ему король.

— Маргарет, иди сюда! — крикнул Питер.

И девушку вытолкнули к нему.

— Ваше величество, — сказал Питер, показывая на труп Эндрью, — этот человек хотел обидеть девушку, дочь Джона Кастелла. Я, ее кузен, отшвырнул его. Тогда он обнажил свой меч и напал на меня, и я убил его палкой. Вон она лежит. А испанцы — его товарищи — хотели убить меня. Я позвал на помощь англичан. Вот и все.

Король оглядел его с ног до головы.

— Купец по одежде, — сказал он, — и воин по виду. Как твое имя?

— Питер Брум, ваше величество.

— А! Был такой сэр Питер Брум, который пал на Босвортском поле, сражаясь против меня. — Король улыбнулся: — Ты, случаем, не знаешь его?

— Это был мой отец, ваше величество. Я видел, как его убили, и убил убийцу.

— В это я могу поверить, — произнес король, разглядывая его. — Но почему сын Питера Брума, носящий на лице боевой шрам, одет в купеческое платье?

— Ваше величество, — спокойно ответил Питер, — мой отец продал свои земли, дав взаймы короне все, что у него было. А я никогда не предъявлял счета. Поэтому я должен жить так, как могу.

Король рассмеялся:

— Ты нравишься мне, Питер Брум, хотя ты, конечно, ненавидишь меня.

— Нет, ваше величество. Пока был жив Ричард, я сражался за Ричарда. Ричарда нет, и я, если понадобится, буду сражаться за англичанина Генриха и служить королю Англии.

— Хорошо сказано! Может быть, ты мне понадобишься. Я не помню зла. Однако я чуть не забыл: это ты так собираешься сражаться за меня — устраивая бунт на улицах и ссоря меня с моими друзьями испанцами?

— Ваше величество, я все рассказал вам.

— Твою историю я слышал. Но кто подтвердит, что это правда? Может быть, ты, дочь купца Кастелла?

— Да, ваше величество. Человек, которого убил мой кузен, оскорбил меня. А моя единственная вина в том, что я хотела посмотреть на ваше

величество. Вот, видите мой разорванный плащ?

— Неудивительно, что он убил его из-за таких глаз, как твои. Но ты можешь быть пристрастна. — Король опять улыбнулся и добавил: — Нет ли других свидетелей?

Бетти уже открыла рот, но вперед вышел д'Агвилар, снял шляпу, поклонился и сказал по-английски:

— Есть, ваше величество. Я все видел. Этот смелый джентльмен ни в чем не виноват. Виноваты слуги моего соотечественника де Айала. Во всяком случае, вначале. А потом уже началась ссора.

Тут вмешался де Айала. Он был все еще зол и заявил, что если он не получит удовлетворения за убийство его слуги, то напишет их величествам, королю и королеве Испании, и сообщит им, как обращаются с их людьми в Лондоне.

При этих словах Генрих помрачнел. Более всего он не хотел портить отношения с Фердинандом и Изабеллой.

— Ты сделал сегодня дурное дело, Питер Брум, — сказал он. — Разобраться в этом должен будет судья. А пока тебя следует задержать. — И король обернулся, как бы для того, чтобы отдать приказ об аресте.

— Ваше величество! — воскликнул Питер. — Я живу в доме купца Кастелла в Холборне и никуда не скроюсь.

— А кто поручится за это, — спросил король, — или за то, что ты не затеешь новой ссоры по дороге домой?

— Я поручусь, — спокойно сказал д'Агвилар, — если эта леди разрешит мне проводить ее вместе с ее кузеном домой. Кроме того, — добавил он тихо, — мне кажется, что если бросить его в тюрьму, то это гораздо скорее может вызвать мятеж, нежели если отпустить его домой.

Генрих посмотрел на толпу, которая следила за этой сценой, и прочел на лицах нечто такое, что заставило его согласиться с д'Агвиларом.

— Хорошо, маркиз, — сказал он, — я полагаюсь на ваше слово и слово Питера Брума, что он явится, когда будет вызван. Пусть этот труп оставят до завтра в аббатстве, пока не начнется расследование. Дайте мне руку, ваше преосвященство, у меня есть гораздо более важные вопросы, о которых я хочу поговорить с вами, прежде чем мы отойдем ко сну.

Глава II . Джон Кастелл

Когда король удалился, Питер обратился к тем, кто окружал его, и сердечно поблагодарил их. Затем он сказал Маргарет:

— Пойдемте, кузина. Представление окончено, и ваше желание исполнилось — вы видели короля. А теперь, чем скорее мы попадем домой, тем спокойнее я буду.

— Конечно! — ответила Маргарет. — Я видела больше, чем мне бы хотелось увидеть. Но прежде чем мы уйдем, надо поблагодарить этого испанского сеньора…

— …д'Агвилара, леди. Пока достаточно этого имени, — любезно ответил испанец, низко кланяясь и не сводя глаз с прекрасного лица Маргарет.

— Сеньор д'Агвилар, я благодарю вас от себя и от имени моего кузена, чью жизнь, возможно, вы спасли. Не так ли, Питер? И мой отец будет вам благодарен.

— Да, — несколько мрачновато произнес Питер, — я очень благодарен ему. Что же касается моей жизни, то я больше полагаюсь на мои собственные руки и руки моих приятелей. Покойной ночи, сэр.

— Я боюсь, сеньор, — с улыбкой отозвался д'Агвилар, — что мы еще не можем расстаться. Вы забыли, что я поручился за вас и поэтому должен сопровождать вас до вашего дома, чтобы увидеть, где вы живете. К тому же это будет безопаснее, ибо мои соотечественники мстительны, и, если я не пойду с вами, они могут напасть на вас.

Заметив по лицу Питера, что он решительно против такого сопровождения, Маргарет поспешно вмешалась:

— Конечно, это самое разумное. И мой отец решил бы так же. Сеньор, я буду показывать вам дорогу. — И, приняв галантно предложенную ей д'Агвиларом руку, Маргарет быстро пошла вперед, предоставив Питеру идти с Бетти.

Шествуя в таком порядке, они пересекли окутанные наступающими сумерками поля, лежащие между Вестминстером и Холборном, и углубились в лабиринт узеньких улочек. Маргарет довольно скоро разговорилась со своим спутником по-испански — язык этот она, по причинам, которые в дальнейшем будут разъяснены, знала хорошо. Позади шел Питер Брум в самом дурном настроении, держа в одной руке меч шотландца, а другой поддерживая Бетти.

Джон Кастелл жил в большом, выстроенном без четкого плана доме на главной улице Холборна. Позади дома находился сад, обнесенный высокой стеной. Фасад дома был занят лавкой, складом для товаров и конторой. Джон Кастелл был очень богатый купец, занимавшийся по королевскому разрешению вывозом товаров из Испании. Его суда привозили оттуда прекрасную испанскую шерсть, которая обрабатывалась в Англии, бархат, шелка и вина из Гранады, а также превосходное инкрустированное оружие из толедской стали. Иногда он имел дело с серебром и медью, добываемыми в горных рудниках, так как он был не только купцом, но и банкиром или тем, что подразумевалось под этим словом в те времена.

Никто точно не знал размеров его богатства. Говорили, что под лавкой находятся наполненные драгоценными товарами подвалы. Своими толстыми каменными стенами и железными дверьми, через которые не мог проникнуть ни один вор, его дом напоминал тюрьму. В этом большом здании, которое во времена Плантагенетов представлял собой укрепленную дворянскую усадьбу, существовали тайные помещения, известные одному лишь хозяину. Даже его дочь и Питер никогда не переступали их порога. В доме было немалое количество слуг, крепких парней, носивших под плащами ножи и даже мечи и охранявших покой хозяев. Внутренние комнаты, в которых жили сам Кастелл, Маргарет и Питер, отличались простором и удобствами, были заново отделаны дубом в соответствии с модой Тюдоров и имели глубокие окна, выходившие в сад.

Когда Питер и Бетти подошли к двери, они обнаружили, что Маргарет и д'Агвилар, шедшие гораздо быстрее их, уже вошли в дом. Дверь была закрыта. На довольно сильный стук Питера отворил слуга. Питер пересек прихожую и вошел в зал, откуда доносились голоса. Это была красивая комната, освещенная висящими лампами, заправленными оливковым маслом, с большим камином, в котором горел огонь. Дубовый стол, стоявший перед очагом, был накрыт для ужина. Маргарет, сбросившая с себя плащ, грелась, стоя у огня, а сеньор д'Агвилар удобно устроился в большом кресле. У него был такой вид, словно он здесь привычный гость. Шляпу он держал в руках и, откинувшись назад, наблюдал за Маргарет.

Перед ним стоял Джон Кастелл, крупный мужчина лет пятидесяти-шестидесяти, с умным лицом, на котором выделялись острые черные глаза и черная борода. Здесь, у себя дома, он был одет в богатый камзол, отделанный дорогим мехом и украшенный золотой цепью с драгоценным камнем на застежке. Когда Кастелл сидел у себя в лавке или в конторе, он одевался проще, чем любой купец в Лондоне. Однако в глубине души он любил роскошь и по вечерам, даже если никто не мог его увидеть,

доставлял себе такое удовольствие.

Едва взглянув на лицо Кастелла, Питер понял, что тот очень взволнован. Кастелл обернулся на звук шагов Питера и сразу обратился к нему со свойственной ему решительностью и твердостью в голосе:

— Что я услышал, Питер? Ты убил человека перед воротами дворца? Ссора! Бунт, который едва не дошел до кровопролития между англичанами с тобой во главе и стражей его преосвященства де Айала. Король арестовал тебя, а этот сеньор взял тебя на поруки. Это правда?

— Совершенная, — спокойно ответил Питер.

— Тогда я погиб, мы все погибли! О, будь проклят тот час, когда я пустил человека вашей кровожадной профессии в свой дом! Что ты можешь сказать?

— Что я хочу ужинать, — ответил Питер. — Те, кто начал рассказывать эту историю, пусть и кончают ее. У них язык привешен лучше, чем у меня! — И он сердито посмотрел на Маргарет, которая открыто смеялась, в то время как важный д'Агвилар улыбался.

— Отец, — вмешалась Маргарет, — не сердись на кузена Питера. Его единственная вина в том, что у него слишком тяжелая рука. Виновата я, потому что захотела остаться, чтобы посмотреть на короля, хотя и Питер и Бетти были против. А потом этот грубиян, — и ее глаза наполнились слезами стыда и гнева, — схватил меня, и Питер сбил его с ног. Когда же тот набросился на Питера с мечом, Питер убил его своей палкой, ну и… потом случилось все остальное.

— Это было великолепно проделано! — сказал д'Агвилар своим мягким голосом с иностранным акцентом. — Я видел все и был уверен, что шотландец вас убьет. Я еще понимаю, как вы сумели отпарировать удар, но как вы успели ударить его прежде, чем он напал вновь, — о, это…

— Ну ладно, — вмешался Кастелл. — Давайте сначала ужинать, а потом поговорим. Сеньор д'Агвилар, я надеюсь, вы окажете мне честь, разделив с нами наш скромный ужин? Хотя, конечно, трудно после королевского пира сесть за стол купца.

— Это вы мне оказываете честь, — ответил д'Агвилар, — что же касается пира, то в связи с постом его величество очень воздержан. Я почти ничего не ел и, так же как и сеньор Питер, весьма голоден.

Кастелл позвонил в серебряный колокольчик, и слуги принесли обильный и вкусный ужин. Пока они расставляли блюда, купец подошел к буфету, вделанному в стену, и вынул оттуда две оплетенные бутыли. Он осторожно откупорил их и объявил, что хочет угостить сеньора вином его родной страны. При этом он прочитал по-латыни молитву и перекрестился.

Д'Агвилар последовал его примеру, присовокупив, что он рад обнаружить, что оказался в доме такого доброго христианина.

— А кем, вы думаете, я еще могу быть? — спросил Кастелл, бросив на него проницательный взгляд.

— Я ничего не думаю, сеньор, — ответил д'Агвилар, — но, увы, не все же христиане. В Испании, например, есть много мавров и…

Евреев.

— Я знаю, — сказал Кастелл, — я ведь торгую с теми и с другими.

— Тогда вы, наверно, бывали в Испании?

— Нет, я английский купец. Но попробуйте это вино, сеньор, оно из Гранады, и одно это уже говорит за то, что оно хорошее.

Д'Агвилар пригубил, а потом выпил весь бокал.

— Вино действительно превосходное, — сказал он. — У меня нет подобного даже дома в моих подвалах.

— Значит, вы живете в Гранаде, сеньор д'Агвилар? — спросил Кастелл.

— Иногда, когда я не путешествую. У меня там есть дом, который оставила мне моя мать. Она любила этот город и купила у мавров старый дворец. А вам, сеньора, не хотелось бы повидать Гранаду? — спросил он, обращаясь к Маргарет. Похоже было, что он хочет переменить тему разговора. — Там есть великолепное здание, его называют Альгамбра. Оно видно из окон моего дома.

— Вряд ли моя дочь когда-либо увидит его, — обронил Кастелл. — Я не думаю, что она посетит Испанию.

— Вы не думаете, но кто может знать? Один лишь бог и его святые. — Д'Агвилар опять перекрестился и принялся расписывать красоты Гранады.

Он был прекрасный рассказчик, с приятным голосом, и Маргарет с интересом слушала его, забывая о еде, а ее отец и Питер наблюдали за ними обоими. Наконец ужин был окончен, слуги убрали со стола и удалились. Тут Кастелл обратился к Питеру:

— Ну, а теперь рассказывай свою историю.

Питер рассказал ему все в нескольких словах, не упустив, однако, ничего.

— Я не виню тебя, — сказал купец, когда Питер закончил, — и понимаю, что ты не мог действовать иначе. Я виню Маргарет, потому что я разрешил ей прогуляться с тобой и с Бетти только до реки и приказал остерегаться толпы.

— Да, отец, это моя вина, и я прошу у тебя прощения, — сказала Маргарет так покорно, что Кастелл не нашел в себе сил бранить дочь.

— Прощения ты должна просить у Питера, — пробормотал он, — похоже, он попадет в тюрьму за это дело, да еще его будут судить за убийство. Не забывай, это был слуга де Айала, с которым наш король не захочет портить отношения, а де Айала, по-видимому, весьма рассержен.

Эти слова напугали Маргарет.

Ее сердце сжалось при мысли, что Питер может пострадать. Она побледнела, и глаза ее опять наполнились слезами.

— О, не говори так! — воскликнула она. — Питер, тебе нужно немедленно скрыться.

— Ни в коем случае, — твердо ответил тот. — Ведь я дал честное слово королю, а этот иностранный господин поручился за меня.

— Что же делать? — продолжала Маргарет; затем повернулась к д'Агвилару и, сжимая свои тонкие пальцы, обратилась к нему, с надеждой глядя ему в лицо. — Сеньор, вы так могущественны, и вы в дружбе с сильными людьми, помогите нам!

— Разве я здесь не для того, чтобы сделать это? Хотя, я думаю, человек, который может созвать половину Лондона себе на помощь, как это сделал на моих глазах ваш кузен, вряд ли нуждается в моей поддержке. Однако послушайте меня. Испания имеет здесь при дворе двух послов — де Айала, который оскорблен, и доктора де Пуэбла, друга короля. Как это ни странно, де Пуэбла не любит де Айала. Но он любит деньги, которые, вероятно, можно добыть. Итак, если обвинение будет предъявлено не священником де Айала, а де Пуэбла, который знает ваши законы и ваш суд, то… вы понимаете меня, сеньор Кастелл?

— Понимаю, — ответил купец. — Но как я могу подкупить де Пуэбла? Если я предложу ему деньги, он только потребует еще.

— Я вижу, что вы знаете его светлость, — сухо заметил д'Агвилар. — Вы совершенно правы, никаких денег предлагать не нужно. Подарок должен быть сделан после того, как будет получено помилование, не раньше. О, де Пуэбла знает, что слово Джона Кастелла так же ценится в Лондоне, как и среди евреев Гранады и купцов Севильи. В обоих этих городах я слышал о богатстве купца Кастелла.

При этих словах глаза Кастелла вспыхнули, но он только сказал:

— Может быть. Но как я могу добраться до посла, сеньор?

— Если вы разрешите, это будет моя задача. А теперь скажите, какую сумму вы считаете возможной, чтобы выручить вашего друга из неприятностей. Пятьдесят золотых?

— Это слишком много, — возразил Кастелл. — Убитый мерзавец не стоит и десяти. Кроме того, шотландец был нападающей стороной и

платить вообще ничего не следует.

— Сеньор, в вас говорит купец. Вы опасный человек, если вы думаете, что миром должна управлять справедливость, а не короли. Мерзавец не стоит ничего, но слово де Пуэбла, замолвленное королю Генриху, стоит дорого.

— Ладно, пусть будет пятьдесят золотых, — сказал Кастелл, — и я заранее благодарю вас за посредничество. Вы возьмете деньги сейчас? — Ни в коем случае. Только тогда, когда я принесу решение о помиловании. Сеньор, я буду у вас и сообщу, как обстоят дела. Прощайте, прекрасная сеньора. Пусть святые заступятся за того покойного мошенника, благодаря которому я познакомился с вами, и благословят ум вашего отца и крепкую руку вашего кузена. До следующей встречи.

Д'Агвилар с поклоном удалился, провожаемый слугой.

— Томас, — сказал Кастелл слуге, когда тот вернулся, — ты умеешь хранить тайны. Надень-ка шапку и плащ и проследи, куда пошел этот испанец. Узнай, где он живет, и выспроси о нем все, что сумеешь. Поторапливайся!

Слуга поклонился и исчез. Кастелл прислушивался, пока не донесся стук запираемой двери, потом повернулся к Питеру и Маргарет и сказал:

— Не нравится мне это дело. Я чувствую, оно принесет нам несчастье. И испанец этот мне тоже не нравится.

— Он выглядит очень благородным джентльменом и высокого происхождения, — сказала Маргарет.

— Да, очень благородным, слишком благородным, и высокого происхождения, слишком высокого, если я не ошибаюсь. Таким благородным и такого высокого происхождения… — Кастелл остановился и затем добавил: — Дочь моя, ты своим своеволием привела в движение страшные силы. Иди в постель и моли бога, чтобы они не обрушились на наш дом и не сокрушили его и нас.

Маргарет удалилась, перепуганная и слегка возмущенная — что плохого она сделала? И почему ее отец не доверяет этому красивому испанцу?

Когда она ушла, Питер, который за все время почти ничего не произнес, поднял голову и прямо спросил:

— Чего вы боитесь, сэр?

— Многого, Питер. Во-первых, что из меня благодаря этому делу вытянут много денег. Известно ведь, что я богат. А вытянуть деньги не считается тяжелым грехом. А во-вторых, если я буду противиться, это может вызвать вопросы.

— Какие вопросы?

— Ты слышал когда-нибудь, Питер, о новых христианах, которых испанцы называют маранами?

Питер кивнул головой.

— Тогда ты должен знать, что мараны — это крещеные евреи. Так вот, — я рассказываю тебе об этом потому, что ты умеешь хранить тайны, — мой отец был мараном. Как звали его, не важно, пусть лучше имя его будет забыто. Но он бежал из Испании в Англию по причинам, которые касались его одного, и взял имя той страны, откуда приехал, — Кастилии, или Кастелл. А так как закон не разрешает евреям жить в Англии, он принял христианскую веру. Не доискивайся причин, почему он это сделал, они похоронены вместе с ним. Он крестил и меня, своего единственного сына. Мне тогда было десять лет. Его очень мало интересовало, как я клялся: отцом Авраамом или святой Марией. Документ о моем крещении до сих пор лежит у меня в стальном ящике. Так вот, отец был умный человек, и он создал свое дело. Когда же двадцать пять лет назад он умер, то оставил мне немалое состояние. В этот же год я женился на англичанке, двоюродной сестре твоей матери. Я любил ее, был счастлив с ней и дал ей все, о чем она могла мечтать. Но после рождения Маргарет — это было двадцать три года назад, — она заболела и уж не могла оправиться. Спустя восемь лет она умерла. Ты помнишь ее, ведь ты был уже юношей, когда она привезла тебя сюда и взяла с меня обещание, что я всегда буду помогать тебе, так как, кроме твоего отца, сэра Питера, не оставалось никого из вашего старинного рода. Сэр Питер вопреки моему совету поставил все на этого узурпатора и мошенника Ричарда, который обещал облагодетельствовать его, а сам тем временем забрал у него все деньги. Твой отец был убит при Босворте, оставив тебя без земель, без денег и в немилости, и тогда я предложил тебе кров, и ты, как умный человек, снял свои доспехи и надел суконную одежду купца, став моим партнером по торговле, хотя твоя доля в прибылях была ничтожна. Теперь ты опять сменил трость на сталь, — и Кастелл глянул на меч шотландца, лежавший на маленьком столике, — а Маргарет вызвала к жизни те страшные силы, о которых я тебе говорил.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Этого испанца, которого она привела в дом и нашла таким приятным.

— Вы что-нибудь знаете о нем?

— Подожди минуту, и я расскажу тебе.

Джон Кастелл взял лампу и вышел из комнаты. Вскоре он вернулся, держа в руках письмо и расшифрованный текст, написанный его

собственной рукой.

— Это, — сказал он, — письмо от моего компаньона и родственника Хуана Бернальдеса, марана, живущего в Севилье, где находится двор Фердинанда и Изабеллы. Помимо других дел, он пишет мне: «Я предупреждаю всех братьев в Англии, чтобы они были осторожны. Я узнал, что некто, чье имя я не могу упомянуть даже в шифрованном письме, могущественный и высокопоставленный человек, который, хотя и известен как любитель наслаждений и распутник, является одним из самых ярых фанатиков Испании, послан или в ближайшее время будет послан из Гранады, где он жил, чтобы наблюдать за маврами, в Англию в качестве посла, для того чтобы заключить секретное соглашение с королем. Должен быть составлен список богатых маранов, имена которых хорошо известны здесь, с тем чтобы, когда настанет момент для истребления всех евреев и маранов, их можно было схватить и доставить в Испанию на суд инквизиции. Он должен также договориться о том, чтобы ни одному еврею или марану не разрешалось искать убежища в Англии. Используй эту информацию и предупреди всех, кого это касается».

— Вы думаете, д'Агвилар и есть этот человек? — спросил Питер, пока Кастелл складывал письмо и прятал его в карман своего камзола.

— Думаю, да. Я уже слышал, что лиса вышла на охоту и надо следить за своими курятниками. А ты разве не заметил, что он крестился как священник и как он говорил о том, что находится среди добрых христиан? Потом, сейчас великий пост, а у нас, к несчастью, на столе было мясо, хотя никто из нас не ел его. Ты ведь знаешь, — добавил поспешно Кастелл, — я не очень строго соблюдаю всякие церковные правила. Испанец заметил это и притронулся только к рыбе, хотя выпил немало сладкого вина. Я уверен, сообщение об этом мясе будет отправлено в Испанию с первым же курьером.

— А если и так, что за беда? Мы живем в Англии, и англичане не подчиняются испанским законам и обычаям. По-моему, сеньор д'Агвилар убедился в этом сегодня около дворца. Последствий этой ссоры следует бояться здесь, дома. И пока мы в безопасности в Лондоне, нам ничего не угрожает из Испании.

— Я не трус, но я думаю, Питер, опасность гораздо серьезнее. У римского папы длинные руки, а у хитрого Фердинанда еще длиннее. И оба они тянутся к горлу и к кошелькам еретиков.

— Но мы не еретики.

— Да, вероятно, не еретики. Но мы богаты, а отец одного из нас был еврей. К тому же в этом доме есть еще кое-что, чего может пожелать даже

самый верный сын святой церкви. — И Джон Кастелл посмотрел на дверь, через которую ушла Маргарет.

Питер понял — его сильные руки сжались в кулаки, а серые глаза вспыхнули.

— Я пойду спать, — сказал он. — Я хочу подумать.

— Нет, — ответил Кастелл, — наполни свой бокал и посиди. Мне нужно еще кое-что сказать тебе, а такого подходящего момента у нас не будет. Кто знает, что может случиться завтра.

Глава III . Питер собирает фиалки

Питер послушно сел в глубокое дубовое кресло у потухшего камина и, по своему обыкновению, молча ждал, что скажет Кастелл.

— Слушай, — начал тот. — Пятнадцать месяцев назад ты говорил со мной кое о чем.

Питер кивнул головой.

— О чем ты тогда говорил?

— Что я люблю мою кузину Маргарет и прошу у вас разрешения сказать ей об этом.

— И что я ответил?

— Что вы запрещаете, потому что недостаточно испытали меня и она сама не испытала себя. И потому еще, что она будет очень богата и при ее красоте может рассчитывать на мужа с более высоким положением, хотя она и дочь купца.

— Ну, а дальше?

— А дальше ничего. — Питер медленно выпил свое вино и поставил стакан на стол.

— Ты очень молчаливый человек, даже когда дело идет о любви, — сказал Кастелл, пристально глядя на него своими острыми глазами.

— Я молчу, потому что говорить больше нечего. Вы приказали мне молчать, я и молчу.

— Даже тогда, когда ты видишь, как эти блестящие лорды делают ей предложения и она сердится, потому что ты никак не проявляешь своей любви, и уж готова уступить кому-либо из них?

— Да, даже тогда. Это тяжело, но я молчу. Разве я не ем ваш хлеб? Что же, я должен обманывать вас и нарушать ваш запрет?

Джон Кастелл опять посмотрел на него, и на этот раз в его взгляде было уважение и любовь.

— Молчалив и суров, но честен, — сказал он как будто про себя и тут же добавил: — Тяжелое испытание, но я понимал это и помогал тебе самым лучшим образом, отправляя этих поклонников — а все они нестоящие люди — к чертям. Теперь скажи, ты по-прежнему хочешь жениться на Маргарет?

— Я редко меняю мои решения, а в таком деле никогда.

— Отлично! Тогда я разрешаю тебе узнать, что она думает по этому поводу.

Лицо Питера вспыхнуло от радости, которую он не мог скрыть. Но затем, как будто устыдившись такого проявления чувств, он взял стакан и выпил несколько глотков вина, прежде чем ответить.

— Благодарю вас. Я даже не смел думать об этом. Но, по чести говоря, я действительно не пара кузине Маргарет. Земель, которые должны были принадлежать мне, у меня нет, и я ничего не скопил из того, что вы платите мне за мою скромную помощь в торговле. А Маргарет богата или будет богата.

Глаза Кастелла блеснули, ответ ему понравился.

— Зато у тебя честное сердце, — сказал он. — Какой мужчина в подобном случае стал бы говорить против себя? Кроме того, ты благородного происхождения и недурен собой; во всяком случае, так думают некоторые девушки. Что же касается богатства, то, как говорил мудрый царь нашего народа, богатые часто приделывают себе крылья и улетают. Больше того: я тебя полюбил и стал уважать, и я охотнее отдам свое единственное дитя тебе, чем любому лорду Англии.

— Я даже не знаю, что сказать, — прервал его Питер.

— Ничего не говори. Это твоя привычка, и неплохая. Слушай. Ты только что вспомнил о своих землях в Эссексе, в чудесной долине Дедхэма, как о пропавших. Так вот, они возвращены. Месяц назад я купил их и даже по цене более высокой, чем мне хотелось бы, так как на них были другие претенденты. И как раз сегодня я выплатил все в золоте и получил купчую. Она — на твое имя, Питер Брум, и, женишься ты на моей дочери или нет, земли будут твоими, когда я умру, потому что я обещал моей покойной жене помогать тебе, а она ребенком жила в вашем замке.

Взволнованный молодой человек вскочил на ноги и обратился, как было принято в то время, к святому, чье имя он носил:

— Святой Петр, благодарю тебя…

— Я просил тебя помолчать, — перебил Кастелл, — к тому же, кроме бога, благодарить нужно только Джона, а не святого Петра, который имел к этим землям не больше отношения, чем отец Авраам или терпеливый Иов. Ну, с благодарностью или без, но эти земли твои, хотя я и не собирался пока говорить тебе об этом. А сейчас я хочу кое-что предложить. Во-первых, скажи мне, что думает Маргарет по поводу твоего каменного лица и сжатых губ.

— Откуда я знаю? Я никогда не спрашивал ее об этом. Вы запретили мне. — Ха! Живя в одном доме, в вашем возрасте, я бы узнал все, и не нарушая слова. Однако темпераменты бывают разные, а ты слишком честен для влюбленного. Скажи, испугалась она сегодня, когда этот негодяй

бросился на тебя с мечом?

Питер ответил:

— Не знаю, я не смотрел на нее. Я смотрел на шотландца и его меч, иначе был бы мертв я, а не он. Но, конечно, Маргарет сильно испугалась, когда тот негодяй схватил ее, ведь она громко позвала меня.

— Ну, и что же? Какая женщина в Лондоне не позвала бы на помощь такого парня, как Питер Брум, в подобном случае? Ладно, ты должен спросить Маргарет, и поскорее, если ты сможешь найти слова. Поучись у этого испанского лорда — шаркай ногой, кланяйся и льсти, рассказывай ей всякие басни про войну и посвящай стихи ее глазам и волосам. Питер, ты же не дурак. Неужели я в мои годы должен учить тебя, как ухаживать за женщинами!

— Может быть, сэр. Я не умею делать ничего подобного, а стихи мне трудно читать, не то что писать. Но я могу задать вопрос и получить ответ…

Джон Кастелл нетерпеливо покачал головой:

— Спрашивай, если ты хочешь, но никогда не принимай ответа, если он отрицательный. Лучше подожди и спроси еще раз…

— И если понадобится, — продолжал Питер, не замечая, что его прервали, — я могу переломить этому испанцу все его кости, как веточки.

— Ну что ж, возможно, тебе и придется это сделать прежде, чем все это кончится. Что касается меня, то я думаю, что кости ему ломать нужно. А ты поступай как знаешь, спрашивай как умеешь. Но спрашивай! Я хочу услышать ответ до завтрашнего вечера. Однако становится поздно, а мне нужно еще кое-что сказать тебе. Мне угрожает опасность. О моем богатстве прослышали за границей, и есть немало людей, которые мечтают поживиться. Среди них, я полагаю, и некоторые высокие персоны. Так вот, Питер, я хочу закрыть свою торговлю и удалиться туда, где никто не найдет меня, — в твой замок в Дедхэме, если ты приютишь меня там. Уже больше года прошло с того дня, как ты заговорил со мной о Маргарет. Я собираю свои деньги в Испании и Англии, вкладываю их небольшими суммами в надежные дела, покупаю драгоценности или одалживаю деньги купцам, которым я доверяю и которые не ограбят ни меня, ни моих близких. Ты хорошо работал у меня, Питер, но ты не купец, у тебя нет этого в крови. Денег у нас более чем достаточно, я передам свое дело другим. Они продолжат его под своим именем, но на паях, и, если бог позволит, святки мы будем проводить в Дедхэме.

В эту минуту открылась дверь, и в комнату вошел слуга, которого Кастелл посылал проследить за испанцем.

— Ну, что скажешь? — обратился к нему Кастелл.

Слуга поклонился и начал рассказывать:

— Я шел за сеньором, как вы приказали мне, до его дома, но он не заметил меня. Он живет неподалеку от Вестминстерского дворца, в том же большом доме, где и посол де Айала. Люди, стоявшие у его дома, снимали перед ним шляпы. Потом я приметил, что некоторые из них вошли в таверну. Я последовал за ними, заказал себе вина и стал прислушиваться к их разговорам. Испанский язык я знаю хорошо, ведь я служил пять лет в вашей конторе в Севилье. Они обсуждали сегодняшнюю драку и говорили, что если бы они поймали того длинноногого парня, имея в виду мастера Питера, то расправились бы с ним, так как он опозорил их, убив своей палкой шотландца, который был их начальником. Я разговорился с ними, выдав себя за английского матроса, бывавшего не раз в Испании. Они были слишком пьяны, чтобы задавать мне вопросы. А я спросил их о высоком сеньоре, который вмешался в драку, перед тем как прибыл король. Они объяснили, что это богатый сеньор, по имени д'Агвилар, но служить ему во время поста плохо, потому что он очень строг в религии, хотя во всем другом совсем не строг. Я сказал, что принял его за очень знатного дворянина, и тогда один из них ответил, что я прав и в Испании нет более высокого рода, чем род этого господина, но, к несчастью, его родословная не так уж чиста — в его крови есть немного чернил.

— Что это значит? — спросил Питер.

— Это испанское выражение, — объяснил ему Кастелл, — оно означает, что он незаконнорожденный и что в его венах есть кровь мавров.

— Потом я поинтересовался, что здесь делает этот господин, а солдат ответил мне, что с этим вопросом лучше обращаться к самому господу богу или к королеве Испании. В конце концов после еще одной кружки вина солдат рассказал мне, что этот сеньор большей частью живет в Гранаде и что если я навещу его там, то увижу немало прелестных женщин. А имя его маркиз Нигель. Я заметил, что это значит маркиз Никто, на что солдат заявил мне, что я слишком любопытен и что он именно так и хотел сказать — никто. Он тут же крикнул своим товарищам, что я шпион, и я решил, что пора уходить, а то они были так пьяны, что могли изувечить меня.

— Хорошо, Томас, — сказал Кастелл. — Сегодня ты на страже? Посмотри хорошенько, чтобы двери были на запоре и мы могли спать спокойно, не боясь испанских воров. Иди отдыхай, Питер. А я еще задержусь. Мне нужно написать письма в Испанию, чтобы отправить с кораблем, который уходит завтра вечером.

Когда Питер ушел, Джон Кастелл потушил все свечи, за исключением

одной. Со свечой в руке он прошел в небольшой зал, в котором в старые времена, когда этот дом принадлежал знатному дворянину, находилась домашняя церковь. Здесь стоял алтарь и над ним распятие. Джон Кастелл преклонил колено перед алтарем — даже в этот ночной час он не был уверен, что за ним не следят чьи-нибудь глаза, — затем поднялся, проскользнул за алтарь, приподнял занавес и нажал пружину, скрытую в деревянной панели. Дверь открылась в крохотную потайную комнатку без окон, скрывавшуюся в толщине стены. Возможно, здесь когда-то священник хранил свое облачение или священные дары.

Сейчас в этой комнатке стоял простой дубовый стол, на нем свечи, небольшой деревянный ящик и несколько свитков пергамента. Джон Кастелл пал ниц перед этим столиком и начал горячо молиться отцу Аврааму. Хотя отец и крестил его, когда он был мальчиком, Джон Кастелл остался верен своей религии. Именно поэтому он так тревожился за свою тайну. Если это будет обнаружено, он погибнет — его уделом и уделом его семьи будет смерть, ибо в те времена не было более страшного преступления, чем молиться другому богу, кроме того, которому разрешала молиться святая церковь. Однако в течение многих лет он шел на этот риск, молясь так же, как молились его предки.

Окончив молитву, Кастелл покинул свою тайную молельню, закрыл потайную дверь и прошел в контору. Там он просидел до рассвета сначала за письмом к своему другу в Севилью, а потом зашифровал его. Он запечатал письмо, сжег черновик, потушил свечу и подошел к окну посмотреть на восход солнца. В саду под его окном цвели бледные примулы, пели дрозды.

— Интересно, — сказал он вслух, — увижу ли я эти цветы, когда они вновь распустятся? У меня ощущение, что петля уже затягивается на моей шее. Я почувствовал это, когда проклятый испанец перекрестился за моим столом. Ну что ж, пусть будет что будет, я постараюсь скрывать правду, пока смогу, но если они откроют мою тайну, я не стану отрицать ее. Большая часть моих денег в сохранности, моего богатства им никогда не получить, теперь я устрою свою дочь — с Питером она будет в безопасности. Мне не нужно было откладывать это так долго, но я мечтал о хорошей партии для нее — ведь она, как христианка, могла на это рассчитывать. Я исправлю свою ошибку — не позже завтрашнего утра она будет помолвлена с Питером, и не позже мая станет его женой. Бог моих отцов, дай нам спокойно и в безопасности прожить еще один месяц, а потом возьми мою жизнь, ибо я публично отрекся от тебя.

Раньше чем Джон Кастелл отправился к себе в спальню, Питер уже

был на ногах — по правде говоря, он почти не спал всю эту ночь. Разве мог он заснуть, когда между заходом и восходом солнца судьба его изменилась столь удивительным образом. Еще вчера он был только помощником купца — подходящее ли занятие для человека, приученного владеть оружием и с честью носившего его? Сегодня Питер стал джентльменом, владельцем обширных земель, принадлежавших многим поколениям его предков. Вчера он был безнадежным влюбленным, так как в глубине души он никогда не верил, что богатый Джон Кастелл позволит ему, бедняку без кола, без двора, ухаживать за его дочерью — самой прекрасной и самой богатой невестой в Лондоне. Он уже просил однажды его разрешения, но, как и ожидал, получил отказ. Будучи человеком слова, Питер ни разу не сказал Маргарет ни единого нежного слова, не пожал ей руки, даже не смотрел ей в глаза. Иногда, правда, ему казалось, что она не была бы против, если бы он сделал что-нибудь подобное. Пожалуй, Маргарет бывала даже удивлена, что он этого не делает. Больше того: теперь он понял, что даже ее отец удивлен его сдержанностью. Такова была странная награда за добродетель.

Питер любил Маргарет. С тех пор как мальчиком он играл с ней, он не любил никого, кроме нее. Она одна заполняла его мысли днем и сны по ночам. Она была его надеждой, его путеводной звездой. Небо представлялось ему местом, где он всегда будет вместе с Маргарет, земля без нее могла быть только адом. Только ради нее он оставался в лавке Кастелла, подставляя свою гордую шею под ярмо торговца, занимаясь торговыми операциями, выслушивая грубости от купцов и знатных покупателей, принимая чеки, торгуясь, и все это без малейшего неудовольствия, хотя частенько ему казалось, что он не выдержит и отвращение к такой жизни задушит его. Ведь только из-за нее он оказался здесь, вместо того чтобы вдали отсюда мечом пробивать себе дорогу к славе и успеху или этим же мечом вырыть себе могилу. Здесь он мог быть рядом с Маргарет, мог касаться ее руки утром и вечером, видеть сияние ее необыкновенных глаз, а иногда, когда она наклонялась над ним, чувствовать ее дыхание на своих волосах. И вот теперь испытание приходит к концу — ему вдруг приоткрылись врата рая.

Но что, если Маргарет окажется ангелом с огненным мечом, запрещающим ему войти в рай? Питер трепетал при этой мысли. Ну что ж, пусть будет что будет, он не станет силой навязываться ей или звать на помощь ее отца. Он сделает все, чтобы завоевать ее благосклонность, а если потерпит поражение, благословит ее и не будет досаждать ей.

Рассвет еще только наступал, но Питер не мог дольше лежать в

постели. Он встал и быстро оделся. У открытого окна он произнес молитву, поблагодарив бога за все прошлые милости, и попросил его благословения. Взошло солнце, и вдруг Питера охватило страстное желание оказаться на лоне природы, наедине с небом, птицами и деревьями. Ведь он родился в деревне и не любил город, а здесь, в Лондоне, куда ни пойдешь, обязательно всюду люди. Тут же он вспомнил, что теперь ему нельзя ходить по улицам одному, без охраны, — испанцы могут подкараулить его и захватить врасплох. Остается сад — туда он может пойти погулять.

Питер спустился по широкой дубовой лестнице, отпер дверь и очутился в саду. Хотя сад содержался не очень хорошо, но зато для Лондона он был достаточно велик. Сад окружала высокая стена. Одна из дорожек вела к старым вязам. Под ними была скамейка, невидимая из окон дома. Летом она была излюбленным местом Маргарет, которая также всей душой любила природу. Сад доставлял ей большую радость — почти все цветы были посажены ее руками.

Некоторое время Питер прогуливался по аллее. Случилось так, что Маргарет, тоже плохо спавшая этой ночью, проснулась рано и увидела Питера сквозь шторы окна. Ей стало любопытно, что он делает в саду в такой ранний час и почему он одет в свой лучший костюм. Может быть, подумала она, его обычная одежда оказалась порванной или испачканной во вчерашней стычке? Тут Маргарет вспомнила, как храбро вел себя Питер во время этого столкновения. Она как будто вновь увидела все это — как сильные руки Питера схватили огромного рыжего негодяя и швырнули его на землю, как Питер отражал удары сверкающей стали одной только тростью, потом последовал его удар, и оскорбитель упал мертвым.

Да, ее кузен Питер был настоящим мужчиной, хотя и несколько странным. Вспомнив некоторые непонятные для нее вещи, Маргарет пожала плечами и надула губки. Этот испанец за один час сказал ей больше учтивых слов, чем Питер за два года. К тому же испанец красив, и у него очень благородный вид. Но, в конце концов, испанец — это испанец, и все другие мужчины — только другие мужчины, а Питер — это Питер, человек особенный, интересующийся женщинами так же мало, как и торговлей.

Но почему же он, человек, который не интересуется ни женщинами, ни торговлей, живет здесь, думала она. Чтобы нажить богатство? Это было трудно предположить. Очевидно, деньги тоже мало его интересовали. Во всем этом была какая-то тайна. Маргарет очень хотелось бы заглянуть в сердце Питера и увидеть, что скрыто там. Ни один мужчина не имел права оставаться загадкой для нее. Да, в один прекрасный день она это сделает, чего бы это ей ни стоило.

Маргарет вспомнила, что она так и не поблагодарила Питера, больше того — предоставила ему идти домой с Бетти, а это путешествие, как она поняла из оживленного рассказа своей кузины, когда та раздевала ее, не доставило удовольствия ни ему, ни ей. Здесь надо разъяснить, что Бетти была сердита на Питера за то, что он однажды сказал ей, что она красивая дура, которая слишком много думает о мужчинах и слишком мало о своих делах. Маргарет подумала, что, когда начнется день со всеми его заботами, она уже не сможет поговорить с Питером, и решила сойти вниз, поблагодарить его и попробовать заставить его хоть на этот раз заговорить.

Итак, Маргарет завернулась в свой отороченный мехом плащ, накинула на голову капюшон, ибо апрельское утро было довольно холодным, и спустилась в сад. Однако, когда она оказалась в саду, Питера там уже не было. Маргарет пожалела, что она так рано пришла в сад, где было еще сыро, и стала подумывать, не пора ли ей вернуться. Тут она решила, что будет глупо, если кто-нибудь увидит ее, и направилась по дорожке, делая вид, что ищет фиалки. Но фиалок не было. Так она дошла до старых вязов в глубине сада и меж их древних стволов увидела Питера. Теперь она поняла, почему не нашла фиалок — их собрал Питер. В эту минуту он был занят тем, что пытался неуклюже, связать их травою вместе с листьями в небольшой букет. В левой руке он держал фиалки, правой тянул за один конец травинки, а так как ему не хватало пальцев ухватить другой конец, то Питер пытался сделать это с помощью зубов. Наконец ему удалось затянуть узелок, но стебелек травы разорвался, и фиалки рассыпались. Тут у Питера вырвалось такое словечко, которое не следует произносить даже наедине с самим собой.

— Я знала, что это случится, — воскликнула Маргарет, — но никогда не думала, что ты способен рассердиться из-за такого пустяка.

Питер поднял глаза и увидел Маргарет, освещенную солнцем, свежую и прекрасную, как сама весна. Она с упреком покачала головой, и от этого движения капюшон упал, ее губы и глаза смеялись. Маргарет была так прекрасна, что при виде ее у Питера дрогнуло сердце. Но, вспомнив вырвавшиеся у него только что слова и кое-что сказанное накануне Кастеллом, он покраснел так отчаянно, что щеки Маргарет от сочувствия к нему тоже зарделись. Это было глупо, но Маргарет ничего не могла с собой поделать. Питер сегодня был какой-то странный, и это невольно взволновало ее.

— Для кого ты так рано собираешь фиалки? — спросила она. — Тебе сейчас нужно было бы молиться за душу шотландца.

— Меня совершенно не интересует его душа! — раздраженно буркнул

Питер. — Если у этого негодяя была душа, то он должен был сам позаботиться о ней. А фиалки я собираю для тебя.

Маргарет изумленно раскрыла глаза. У Питера никогда не было привычки преподносить ей цветы. Неудивительно, что он выглядел так странно.

— Ну, тогда я помогу тебе связать их. Ты знаешь, почему я встала так рано? Это все из-за тебя. Я дурно вела себя вчера вечером. Я рассердилась, потому что ты перечил мне, когда я хотела остаться посмотреть на короля. Я так и не поблагодарила тебя за все, что ты сделал, хотя в глубине души я так признательна тебе. Ты выглядел очень благородно, стоя с мечом в руке, окруженный англичанами. Иди сюда, и я как следует поблагодарю тебя.

Питер от растерянности выронил и остальные фиалки. В этот момент его осенила идея, и он сказал:

— Ты видишь, я не могу подойти к тебе. И если ты действительно хочешь отблагодарить меня за такой пустяк, иди сюда и помоги мне собрать эти фиалки, черт бы их побрал, у них такие короткие стебли!

Маргарет чуть помедлила, затем подошла поближе, наклонилась и начала подбирать фиалки одну за другой. Питер рассыпал их на довольно большом пространстве, и сначала он и Маргарет находились далеко друг от друга, но по мере того как фиалок становилось все меньше, они сближались. Наконец на земле остался только один цветок, и оба потянулись за ним. Маргарет схватила фиалку, а Питер — ее руку. Они выпрямились, и лица их оказались совсем рядом — глаза Маргарет сияли, а в глазах Питера вспыхнуло пламя. Секунду смотрели они друг на друга, и неожиданно Питер поцеловал ее в губы.

Глава IV . Влюбленные

— Питер! — задохнулась от волнения Маргарет. — Питер!

Но Питер не отвечал, только его лицо стало таким бледным, что шрам от удара меча, пересекавший щеку, казался красной ниткой узора, вышитого на белой скатерти.

— Питер, — повторила Маргарет, освобождая свою руку, — ты понимаешь что ты сделал?

— По-моему, ты сама понимаешь, — пробормотал Питер, — зачем же мне объяснять?

— Значит, это не случайно! Значит, ты действительно хотел этого! И тебе не стыдно?

— Если бы это было случайно, то я не прочь чаще сталкиваться с такими случайностями.

— Питер, пусти меня! Я сейчас же скажу обо всем отцу.

Питер радостно улыбнулся:

— Можешь все рассказать ему. Он не будет сердиться. Он сам сказал мне…

— Питер, как ты смеешь еще и лгать! Не хочешь ли ты убедить меня, что мой отец велел тебе поцеловать меня и сделать это непременно в шесть часов утра?

— Он ничего не говорил о поцелуях, но я думаю, что он имел это в виду. Он сказал мне, что я могу просить тебя выйти за меня замуж.

— О, это совсем другое дело! — ответила Маргарет. — Если бы ты попросил меня выйти замуж и я после долгого раздумья сказала бы «да», чего мне, конечно, не следовало бы делать, тогда, может быть, перед нашей свадьбой ты мог бы поцеловать меня… А ты начал с этого, и это бессовестно и безнравственно с твоей стороны, и я никогда не буду больше разговаривать с тобой.

— Тем более я должен поговорить с тобой, — покорно заметил Питер, — раз у меня есть такая возможность. Ты не должна уходить, прежде чем не выслушаешь меня. Послушай, Маргарет, я люблю тебя с той поры, когда тебе было еще двенадцать лет…

— Это новая ложь, Питер, или ты сошел с ума. Если ты любишь меня целых одиннадцать лет, ты бы сказал мне об этом.

— Я давно хотел сказать, но твой отец запретил мне. Я просил у него разрешения пятнадцать месяцев назад, но он взял с меня слово, что я

ничего не скажу тебе.

— Ничего не скажешь?… Но он же не мог заставить тебя обещать никак не показывать этого.

— По-моему, это одно и то же. Теперь я понимаю, что вел себя, как дурак, и, кажется, упустил время.

Питер выглядел таким удрученным, что Маргарет несколько смягчилась.

— Ну что ж, — сказала она, — по крайней мере, это было честно, и я рада, что ты честен.

— Ты только что сказала, что я лгал… дважды. Если я честен, как я мог лгать?

— Я не знаю. Для чего ты загадываешь мне загадки? Дай мне уйти и постарайся забыть все это.

— Только после того, как ты прямо ответишь мне. Ты выйдешь за меня замуж? Если нет, то тебе незачем уходить, потому что тогда уйду я и не буду больше тебя беспокоить. Ты знаешь меня и знаешь все обо мне. Мне нечего тебе больше сказать, кроме того, что, хотя ты можешь найти более красивого мужа, ты никогда не найдешь такого, который любил бы тебя и заботился о тебе больше, чем я. Я знаю, что ты очень красива и очень богата, а я некрасив и небогат. Я не раз молил небо, чтобы ты была не такой богатой и не такой красивой, потому что иногда это приносит несчастье женщине, когда она честна и имеет только одно сердце, чтобы отдать его мужчине. Но это так, и я не могу ничего изменить. И хотя у меня мало шансов на успех, но я решил довести дело до конца. Есть ли у меня какая-нибудь надежда, Маргарет? Скажи мне и положи конец моим страданиям. Я ведь не умею много говорить.

Теперь заволновалась Маргарет, обычная кокетливая уверенность покинула ее.

— Так делать не полагается, — прошептала она, — и я не хочу… Я поговорю с отцом. Он даст тебе ответ.

— Не нужно беспокоить его, Маргарет. Он уже сказал свое слово. Его самое большое желание — чтобы мы поженились. Твой отец хочет оставить торговлю и поселиться с нами в Дедхэме, в Эссексе. Он купил там имение моего отца.

— Ты полон странными новостями сегодня утром, Питер.

— Да, Маргарет, колесо нашей жизни, которое тащилось так медленно, сегодня закрутилось. Наверно, бог там, над нами, подхлестнул лошадей нашей судьбы, и они понеслись галопом, куда — я не знаю. Будут ли они бежать вместе или врозь? Это ты должна сказать.

— Питер, — попросила она, — дай мне немного подумать.

— Хорошо, целых десять минут по часам, а если нет, то всю твою жизнь, потому что я соберу свои вещи и уеду. Пусть говорят, что я боялся быть схваченным за убийство солдата.

— Это нехорошо с твоей стороны — так настаивать.

— Нет, так лучше для нас обоих. Может быть, ты любишь другого?

— Должна тебе признаться, да, — прошептала Маргарет, незаметно взглянув на него.

Тут Питер, как ни крепок он был, побледнел и в волнении отпустил ее руку, все еще державшую фиалки. Маргарет с удивлением посмотрела на него. — Я не имею права спрашивать тебя, кто он, — пробормотал Питер, пытаясь прийти в себя.

— Конечно, нет, но я скажу тебе: это мой отец. Какого еще мужчину я могу любить?

— Маргарет! — с гневом вскричал Питер. — Ты дразнишь меня!

— Почему? Какого еще мужчину могу я любить… разве только тебя…

— Я не могу больше переносить эту игру! — вырвалось у Питера. — Прощайте, госпожа Маргарет. Да будет с вами бог! — И он бросился бежать.

— Питер! — позвала она, когда он пробежал уже несколько ярдов. — Хочешь взять эти фиалки на прощанье?

Питер остановился.

— Тогда иди сюда и возьми их.

Питер подошел. Чуть дрожащими пальцами Маргарет стала прикалывать цветы к его камзолу, придвигаясь все ближе к нему, пока ее дыхание не коснулось его лица, а волосы не задели его шляпу. И не важно, как это случилось, но фиалки опять оказались на земле, она вздохнула, а Питер обнял ее своими сильными руками и начал целовать в волосы, в глаза, в губы. Она не сопротивлялась.

Наконец она оттолкнула его и, взяв за руку, заставила сесть на скамейку и сама села на некотором расстоянии.

— Питер, — прошептала она, переводя дыхание, — я должна сказать тебе кое-что. Питер, ты плохо думаешь обо мне? Нет, нет, молчи, теперь моя очередь говорить. Ты думаешь, что я бессердечна и играю с тобой. Я делала это только для того, чтобы убедиться, что ты действительно любишь меня. Теперь я уверена и хочу сказать тебе. Я люблю тебя так же давно и так же сильно, как и ты. Иначе разве я не могла бы выйти замуж за кого-нибудь из моих многочисленных поклонников? И признаюсь тебе, к стыду своему, однажды я так рассердилась на тебя за твое молчание, что чуть не

вышла замуж за другого. И все-таки я не смогла сделать этого. Питер, когда я увидела вчера, как ты с одной только тростью в руках защищал меня, и подумала, что тебя могут убить, тогда я поняла всю правду, и сердце мое чуть не разорвалось. И если бы ты умер, оно разорвалось бы. Но теперь все это позади, и мы знаем тайну друг друга. Ничто теперь не разлучит нас. Только смерть.

Так говорила Маргарет, и Питер жадно впитывал ее слова, подобно тому как пустыня, иссушенная годами засухи, впитывает капли дождя. Он смотрел в ее лицо, с которого исчезла насмешливость, — это было лицо самой прекрасной и самой серьезной женщины, к которой неожиданно пришло сознание, что такое жизнь со всеми ее радостями и тяготами. Когда Маргарет кончила говорить, этот молчаливый мужчина, который даже в минуту величайшего счастья оставался немногословным, сказал:

— Бог был добр к нам! Поблагодарим его.

Так они и сделали. Их молитва была детски простодушной, они верили, что сила, которая соединила их, научила любить друг друга, благословит и защитит их от всяких бед, врагов и зла на всю жизнь.

Они еще долго сидели, то разговаривая, то опять замолкая. И вдруг после одного из таких моментов блаженного молчания они оба чего-то испугались — так бывает, когда темная туча среди ясного дня вдруг закрывает солнце и грозит ураганом и ливнем.

— Пойдем, уже пора, — сказала Маргарет. — Отец будет искать нас.

Они молча вышли из укрытия старых вязов на поляну. И вдруг Маргарет заметила, что ее нога наступила на чью-то тень. Она подняла глаза: перед ней стоял не кто иной, как сеньор д'Агвилар, серьезно и немного иронически смотревший на них. Возглас испуга вырвался у Маргарет, а Питер, повинуясь инстинкту храброго человека, всегда идущего навстречу опасности, шагнул к испанцу.

— Матерь божья! Уж не приняли ли вы меня за вора? — В голосе д'Агвилара была насмешка.

Чтобы не столкнуться с Питером, испанец посторонился.

— Извините, сеньор, — ответил, придя в себя, Питер, — но вы появились столь неожиданно. Мы меньше всего ожидали видеть вас здесь.

— Не более, чем я мог думать, что встречу вас. Мне кажется, в саду несколько неуютно в такое холодное утро. — И д'Агвилар оглядел их обоих своими внимательными, насмешливыми глазами. Под его испытующим взглядом молодые люди покраснели. — Позвольте мне объяснить, — продолжал д'Агвилар. — Я явился сюда так рано по вашему делу — предупредить вас, мастер Питер, чтобы вы не выходили сегодня из дому,

так как есть приказ о вашем аресте, а я еще не имел возможности уладить это дело и добиться его отмены. Совершенно случайно я встретил ту красивую леди, которая была с вами вчера. Она возвращалась с рынка и сказала мне, что она ваша кузина. У нее добрая душа. Она привела меня в дом и, узнав, что ваш отец, которого я хотел повидать, молится в старой часовне, проводила меня до ее дверей. Я вошел, но никого не увидел и, подождав немного, спустился через открытую дверь в этот сад, решив погулять, пока кто-нибудь не выйдет. Ну, и, как видите, мне посчастливилось гораздо больше, чем я мог надеяться.

— Так, — заметил Питер. Манеры этого человека и его пространные объяснения были ему неприятны. — Надо найти господина Кастелла.

— Мы очень благодарны вам, что вы пришли предупредить нас, — пробормотала Маргарет. — Я пойду поищу отца. — И она проскользнула мимо испанца.

Д'Агвилар посмотрел ей вслед и обернулся к Питеру:

— Вы, англичане, крепкие люди: вы не боитесь холодного весеннего воздуха. Хотя в таком обществе и я бы не побоялся. Она поистине красавица. У меня есть кое-какой опыт по этой части, но такой женщины я никогда еще не видел.

— Моя кузина достаточно хороша, — холодно ответил Питер, которому весьма не понравились слова испанца.

— Да, — продолжал д'Агвилар, не обращая внимания на тон Питера, — она так хороша, что достойна иного положения — не дочери купца, а благородной леди, графини, правящей городами и землями, а может быть, даже королевы. Королевская одежда и украшения очень пошли бы ей.

— Моя кузина не ищет этого. Она счастлива своим скромным жребием, — возразил Питер и тут же добавил: — А вот и господин Кастелл.

Д'Агвилар направился навстречу купцу и вежливо приветствовал его. От его внимания не ускользнуло, что, несмотря на все усилия, прилагаемые Кастеллом, чтобы выглядеть спокойным, ему это явно не удавалось.

— Я очень ранний гость, — обратился к нему д'Агвилар, — но я знаю, что вы, деловые люди, поднимаетесь вместе с жаворонками, а мне хотелось застать нашего друга раньше, чем он выйдет отсюда. — И д'Агвилар объяснил причину своего прихода.

— Благодарю вас, сеньор, — ответил Кастелл, — вы очень добры ко мне и к моей семье. Я весьма сожалею, что вам пришлось ожидать меня. Мне сказали, что вы искали меня в часовне, но я уже успел уйти оттуда в контору.

— Да, я смог убедиться в этом. Какое необычное место — ваша старая часовня! В ожидании вас я прошел в алтарь и прочитал молитву, которую не успел совершить дома.

Кастелл чуть заметно вздрогнул, быстро глянул на д'Агвилара и переменил тему разговора. Он предложил испанцу позавтракать вместе с ним. Однако тот отказался, объяснив, что спешит по их делам и своим собственным, и попросил разрешения прийти к ним ужинать завтра, в воскресенье, а заодно и рассказать, как идут дела, — предложение, не принять которое Кастелл не мог.

Итак, испанец вежливо откланялся и вышел из дома. Он пришел сюда пешком и без сопровождающих. Завернув за угол, д'Агвилар столкнулся не с кем иным, как с Бетти. Она возвращалась откуда-то с поручением, которое ей показалось удобным выполнить именно сейчас.

— Как! — воскликнул д'Агвилар. — Опять вы! Святые очень добры ко мне сегодня. Прошу вас, сеньора, пройдемте немного со мной. Мне хочется спросить вас кое о чем.

Помедлив секунду, Бетти согласилась. Не часто случалось ей пройти по Холборну с таким благородным кавалером.

— Пусть вас не смущает ваше скромное платье, — говорил д'Агвилар. — С такой фигурой, как ваша, можно одеваться во что угодно.

Этот комплимент заставил Бетти покраснеть от удовольствия — она очень гордилась своей фигурой.

— Не хотелось бы вам, — продолжал д'Агвилар, — иметь мантилью из настоящего испанского кружева? Ну, так вы получите ее. Я привез одну такую мантилью из Испании и преподнесу ее вам. Я не знаю ни одной женщины, которой она пойдет больше, чем вам. Однако, госпожа Бетти, вы сказали мне неправду о вашем хозяине. Я пошел в часовню и не нашел его там.

— Он был там, сеньор, — возразила Бетти, стараясь оправдаться перед этим приятным и изысканным иностранцем. — Я видела, как он вошел туда за минуту до вашего появления и не выходил оттуда.

— Но куда же он девался, в таком случае, сеньора? Может быть, там есть склеп?

— Не знаю, но там, за алтарем, есть маленькая комнатка.

— Вот как! А откуда вы знаете?

— Однажды я услышала голос за занавесом, приподняла его и увидела приоткрытую потайную дверь. За ней был господин Кастелл, он стоял на коленях перед столиком и произносил молитву.

— Как странно! А что было на столике?

— Только деревянный ящик странной формы, похожий на маленький домик, два подсвечника и несколько свертков пергамента. Но, сеньор, я совсем забыла — я обещала господину Кастеллу никому не рассказывать об этом. Он тогда обернулся и бросился на меня, как сторожевой пес. Вы ведь никому не скажете о том, что я вам рассказала?

— Никогда. Меня не интересуют частные дела вашего хозяина. Я хочу спросить вас о другом. Скажите, почему ваша прелестная кузина не замужем? Разве у нее нет поклонников?

— Поклонников? О, сколько угодно, но она отказывает им и делает вид, что они ее не интересуют.

— Может быть, она влюблена в своего кузена, этого длинноногого, здоровенного и крепколобого мастера Брума?

— О нет, сеньор, не думаю. В него не может влюбиться ни одна женщина — он слишком суров и молчалив.

— Я согласен с вами, сеньора. Но тогда, вероятно, он влюблен в нее?

Бетти покачала головой.

— Питер Брум не думает о женщинах, сеньор. Во всяком случае, он никогда не говорит ни о них, ни с ними.

— Ну, это как раз доказывает обратное. Но, в конце концов, ведь это не наше с вами дело. Я просто рад услышать, что между ними ничего нет, потому что ваша хозяйка должна выйти замуж за человека высокого рода и стать благородной леди, а не женой купца.

— Конечно, сеньор. Хотя Питер Брум не купец, по крайней мере по рождению. Он дворянин и был бы сэром Питером Брумом, если бы его отец не сражался против нынешнего короля и не лишился своих земель. Питер Брум солдат, и, говорят, очень храбрый. В этом все могли убедиться вчера вечером.

— Без сомнения. Пожалуй, он со своим суровым лицом и молчаливостью мог бы стать великим полководцем, если бы подвернулся случай. Однако, сеньора Бетти, скажите мне, как это могло случиться, что вы, такая красавица, — и д'Агвилар поклонился, — до сих пор не замужем? Я не думаю, чтобы это было от недостатка в претендентах на вашу руку.

И опять Бетти, эта глупая девушка, покраснела от удовольствия.

— Вы правы, сеньор, — ответила она, — у меня их много, но я в этом отношении похожа на свою кузину — они мне не нравятся. Хотя мой отец потерял свое состояние, я благородного происхождения, и, полагаю, именно поэтому меня не привлекают все эти простолюдины. Я скорее останусь здесь навсегда, чем выйду замуж за кого-нибудь из них.

— Вы совершенно правы, сеньора, — проникновенно сказал

д'Агвилар. — Не позорьте вашу кровь. Выходите замуж только за человека, равного вам по происхождению. Для такой прекрасной и обворожительной девушки это не будет трудно. — И он посмотрел в ее большие глаза с выражением нежного обожания.

Теперь, когда они уже шли по полю, где встречалось мало людей, проявления этой нежности со стороны испанца становились все откровеннее, и тщеславная Бетти, которая тем не менее была гордой и честной девушкой, сочла за лучшее заявить, что ей нужно возвращаться. Несмотря на протесты д'Агвилара, она оставила его и побежала обратно, не чуя под собой ног от счастья.

«Как красив и благороден этот джентльмен! — думала Бетти. — Настоящий кавалер. И, конечно, он влюбился в меня. Почему бы и нет? Это случается довольно часто. Многие богатые леди, которых она знает, не были и вполовину так красивы и благородны по происхождению, как она, а оказались бы менее подходящими женами для него… если только, — эта мысль несколько охладила ее, — если только он уже не женат».

Судя по всему, д'Агвилар довольно быстро добился успехов в выполнении замысла, который родился у него всего несколько часов назад. Бетти была уже наполовину влюблена в него. Правда, он совершенно не стремился покорить сердце этой красивой, но глупой женщины, он видел в ней только полезное для него орудие, ступеньку, благодаря которой он мог приблизиться к Маргарет.

В Маргарет он влюбился с первого взгляда. Когда он впервые увидел ее в толпе перед королевским дворцом, без плаща, испуганную, разгневанную, ее нежная и в то же время величественная красота зажгла огонь в его южной крови. Д'Агвилар был человеком чувственным и пресыщенным, но чувство, которое он испытывал в этот момент, было для него совершенно неизведанным. Его потянуло к этой женщине так, как не тянуло ни к одной женщине до тех пор, и более того — он захотел сделать ее своей женой. Почему бы и нет? Правда, в его родословной есть пятно, но положение он занимает высокое. Маргарет, конечно, ниже его, но это возмещается ее красотой; кроме того, она остроумна и образованна настолько, чтобы занять то положение, которое он может предложить ей. К тому же как ни велико его состояние, но беспутный образ жизни заставил его наделать много долгов, а она единственная дочь одного из самых богатых купцов Англии, и ее приданому позавидуют многие принцессы. Что еще может помешать ему? Он оставит Инессу и всех остальных — по крайней мере, на время — и сделает Маргарет хозяйкой своего дворца в Гранаде. Короче говоря, как это часто бывает с теми, у кого в венах течет

восточная кровь, он решил все еще до того, как встал из-за стола Кастелла накануне вечером. Он должен жениться на Маргарет и ни на ком другом.

Правда, он тут же представил себе все трудности, стоявшие на его пути. Прежде всего он не доверял Питеру, этому спокойному, сильному человеку, который мог одной тростью расправиться с хорошо вооруженным воином и одним словом призвать половину Лондона себе на помощь. Д'Агвилар был уверен, что Питер не может не быть влюбленным в Маргарет, а это был опасный соперник. Ну что ж, если Маргарет не думает о Питере, то это не страшно, но если это так — кстати, что они делали сегодня утром одни в саду? Пожалуй, от Питера необходимо избавиться, вот и все. Это не так уж трудно, если прибегнуть к некоторым известным способам: здесь найдется немало испанцев, которым ничего не стоит нанести ему в темноте удар кинжалом в спину.

И все же при всех его грехах мысль о таком шаге смущала д'Агвилара. Он был фанатиком, у которого злодеяния сменялись периодами раскаяния и молитв. Тогда он отдавал свои средства и свой талант на службу церкви, как было в настоящий момент. Нет, д'Агвилар никогда не запятнает себя убийством, об этом не может быть и речи, иначе чем он сможет смыть этот грех со своей души? Но есть другие пути. Разве, к примеру, этот Питер — правда, при самообороне — не убил одного из слуг испанского посла? А может быть, этим не придется воспользоваться. Ему казалось, что он нравится Маргарет, и, кроме этого, он многое может предложить ей. Он будет честно ухаживать за ней и, если она или ее отец отвергнут его, тогда начнет действовать. Тем временем над головой Питера будет занесен меч, и д'Агвилар сделает вид, что он единственный человек, который может удержать этот меч. А пока он должен узнать все о Кастелле.

На этот раз судьба в лице глупой Бетти улыбнулась ему. У него не было сомнений, об этом он уже слышал в Испании, и пребывание в доме купца окончательно убедило его, что Кастелл — еврей. Рассказ Бетти о комнате за алтарем, где был молитвенный ящик, свечи и свитки, подтверждал это. В конце концов, этого было вполне достаточно, чтобы отправить его на костер испанской инквизиции или изгнать из пределов Англии. Если теперь Джон Кастелл, испанский еврей, не захочет отдать ему свою дочь, не заставит ли его переменить свое решение легкий намек на полномочия их величеств королей Испании и святого отца?

Обдумывая все это, д'Агвилар вернулся к себе и прежде всего записал рассказ Бетти и все, что он сам видел в доме Джона Кастелла.

Глава V . Тайна Джона Кастелла

В доме Джона Кастелла, как и во многих других домах в те времена, было принято, что все продавцы и клерки завтракали и обедали вместе с хозяевами в одном зале, но за двумя отдельными столами. Исключение составляла Бетти, как кузина и компаньонка дочери хозяина, — она ела за одним столом с Кастеллами. В это утро место Бетти оказалось пустым. Кастелл, хотя и сидел в глубокой задумчивости, заметил это. Ни Маргарет, ни Питер не могли ответить на его вопрос. Однако один из слуг, как раз тот, которого накануне вечером Кастелл посылал проследить за д'Агвиларом, сказал, что он видел Бетти, когда проходил через Холборн, — она шла вместе с тем самым испанским господином. Услышав это, хозяин дома помрачнел.

Завтрак прошел в полном молчании, и едва слуги покинули зал, появилась раскрасневшаяся Бетти.

— Где ты была? — обратился к ней Кастелл. — И почему опоздала к завтраку?

— Я ходила за полотном для простынь, но оно не было приготовлено, — бойко протараторила Бетти.

— Как видно, тебя заставили долго ждать, — спокойно заметил Кастелл. — Ты никого не встретила?

— Только людей на улице.

— Я не буду тебя больше ни о чем спрашивать, иначе ты будешь продолжать лгать и принимать грех на свою душу, — сурово сказал Кастелл. — Отвечай мне: куда ты ходила с сеньором д'Агвиларом и о чем ты с ним говорила?

Бетти поняла, что ее видели с испанцем и что продолжать скрывать это бесполезно.

— Я прошла с ним совсем немного и то только потому, что сеньор попросил показать ему дорогу.

— Послушай, Бетти, — перебил ее Кастелл, не обращая внимания на ее слова, — ты уже достаточно взрослая девушка, чтобы отвечать за себя. Я не буду ничего говорить тебе относительно прогулок с кавалерами. Эти прогулки не приведут к добру. Но имей в виду: ни один человек, знающий дела моего дома, — и он пристально посмотрел на нее, — не должен иметь ничего общего ни с одним испанцем. Если тебя еще раз увидят с этим господином, ты никогда не перешагнешь порог моего дома. Молчи, мне не

нужно твоих оправданий. Забирай свой завтрак и иди с ним куда-нибудь в другое место.

Бетти, чуть не плача, покинула зал. Она была очень рассержена, ибо по характеру своему была девушкой упрямой. Маргарет, любившая свою кузину, попыталась сказать что-то в ее оправдание, но отец перебил ее:

— Глупости! Я знаю Бетти — она тщеславна, как павлин. Она не может забыть о своем благородном происхождении, о том, что она хороша собой, и ищет мужа выше себя по положению. А этот испанец играет на ее слабостях в своих целях, и я ручаюсь, что эти цели не из хороших. Если мы не помешаем этому, она может навлечь беду на всех нас. Ну, хватит говорить о Бетти Дин. Я должен идти работать.

Однако Питер, не промолвивший ни слова за все это время, остановил его:

— Сэр, нам нужно сказать вам кое-что о себе.

— О себе? — с удивлением переспросил Кастелл. — Ну что ж, говорите. Впрочем, здесь не место для таких разговоров. Я думаю, что у стен тут тоже есть уши. Идите за мной.

Он провел их в старую часовню и запер дверь.

— Вот теперь говорите, в чем дело.

— Сэр, — начал Питер, — получив ваше разрешение, я просил сегодня утром вашу дочь стать моей женой.

— Я вижу, ты не терял времени даром, друг мой. Если б ты поднял ее с постели или просил ее руки через дверь, то и тогда не мог проделать это быстрее. Впрочем, понятно; ты всегда был человеком действия. Так что ответила тебе моя Маргарет?

— Час назад она сказала, что согласна стать моей женой.

— Ты осторожный человек, — улыбнулся Кастелл, — ведь известно, что женщина за час может изменить свое решение. А что ты скажешь теперь, Маргарет, после столь долгого раздумья?

— Что я сердита на Питера! — воскликнула Маргарет, топнув своей маленькой ножкой. — Если он не доверяет мне на час, то как он может навеки связать свою жизнь с моей?

— Нет, нет, Маргарет, — вмешался Питер, — ты не поняла меня. Я просто не хотел связывать тебя в случае, если…

— Вот ты опять говоришь то же самое! — перебила его Маргарет, раздраженная и в то же время довольная.

— Похоже, что мне лучше помолчать, — смиренно заметил Питер. — Говори сама.

— Да уж, конечно, молчать ты мастер. Я это знаю лучше, чем кто-либо

другой, — ответила Маргарет, вознаграждая себя за томительные месяцы и годы ожидания. — Хорошо, я скажу за тебя. Отец, Питер сказал правду, я согласилась выйти за него замуж, хоть это и означает вступить в орден Молчаливых братьев. Да, я согласна, не ради Питера, конечно, — у него слишком много недостатков, — а ради себя, потому что я люблю его. — И Маргарет мило улыбнулась.

— Не шути, Маргарет.

— А почему, отец? У Питера такой торжественный вид, что этого хватит на двоих. Посмотри на него. Давай смеяться, пока это возможно. Кто знает, не придется ли нам плакать.

— Хорошо сказано, — вздохнул Кастелл. — Итак, вы решили обручиться. Я рад этому, дети мои, ибо кто знает, когда могут нагрянуть те слезы, о которых сейчас говорила Маргарет. Возьми ее руку, Питер, и клянись распятием, которому ты поклоняешься, — Питер с удивлением посмотрел на него, но Кастелл продолжал, — поклянитесь оба, что в любом случае, вместе и порознь, при добрых или худых вестях, в бедности или богатстве, в мирные дни или в дни гонений, в тяжких испытаниях, в радостях или горе, вы останетесь верными своему слову, пока не будете обвенчаны, а после этого — верными друг другу всю жизнь, пока смерть не разлучит вас.

Кастелл произнес эти слова серьезно и взволнованно, он всматривался в лица Питера и Маргарет так, словно хотел прочитать их самые сокровенные мысли. Его волнение передалось молодым людям — они опять ощутили страх, подобный тому, который охватил их в саду, когда они увидели перед собой тень испанца. Торжественно, почти не испытывая радости, естественной в такой момент, они взялись за руки и поклялись на распятии, что через все испытания, даже те, которые они сейчас не могут предвидеть, они пронесут эту клятву и сохранят верность друг другу до самой смерти.

— И после нее, — добавил Питер.

Гордая голова Маргарет склонилась в знак согласия.

— Дети, — сказал Кастелл, — вы будете богаты. Не так много людей в этой стране богаче вас. Но, пожалуй, разумнее будет с вашей стороны не выставлять напоказ ваше богатство и не пытаться подражать знатным людям. Иначе вы возбудите зависть, и она погубит вас. Умейте ждать, и положение само придет к вам, а если не к вам, то к вашим детям. Питер, я хочу сказать тебе сейчас, чтобы не забыть, что опись всех моих капиталов и вложений в движимую собственность, в земли, суда и торговые предприятия зарыта под полом в моей конторе, как раз под тем местом, где

стоит мой стул. Поднимете доски, выкопаете землю и найдете каменную плиту, под ней железный ящик с документами, инвентарными книгами, там лежат и драгоценности. Если по какой-либо причине этот ящик будет потерян, копии почти всех документов находятся у моего друга и партнера по торговле в Англии — Симона Леветта, которого вы знаете. Запомните мои слова.

— Отец, — озабоченно прервала его Маргарет, — почему ты так говоришь? Как будто ты не будешь с нами. Ты боишься чего-нибудь?

— Да, дочь моя, я боюсь или, вернее сказать, не боюсь, а жду. Я готов встретить все, что ждет меня. Но и вы ведь поклялись, и вы сдержите клятву?

— Да, — в один голос ответили Питер и Маргарет.

— Тогда приготовьтесь принять на себя тяжесть первого испытания, потому что я не хочу больше скрывать от вас правду. Дети, вы были убеждены, что я одной с вами веры, на самом деле это не так. Я еврей, как были ими мой отец и дед еще во времена Аврваама.

Эти слова произвели на Питера и Маргарет ошеломляющее впечатление. Питер от удивления раскрыл рот и второй раз за этот день побледнел; Маргарет без сил опустилась в кресло и беспомощно смотрела на него. В те времена быть евреем означало подвергаться страшной опасности. Кастелл смотрел на них обоих — их молчание показалось ему оскорбительным.

— Ах, вот как! — воскликнул он с горечью. — И вы, оказывается, как все? Вы презираете меня за то, что я принадлежу к расе более древней и благородной, чем все эти ваши выскочки лорды и короли? Вы знаете мою жизнь — сделал я что-нибудь плохое? Обманывал своих соседей или грабил бедняков? Или я насмехался над вашим причастием? Замышлял ли я крамолу против властей? Может быть, я был плохим другом или жестоким отцом? Вы качаете головой, но почему же тогда вы смотрите на меня, как на отверженного? Разве я не имею права следовать вере моих отцов? Разве я не могу молиться богу так, как мне нравится? — И он с вызовом посмотрел на Питера.

— Нет, сэр, — ответил тот, — конечно, вы можете. По крайней мере, я так считаю. Но почему же тогда вы все эти годы притворялись, что молитесь так же, как мы?

При этом прямом вопросе, столь характерном для Питера, Кастелл отпрянул, как воин, получивший неожиданный удар в самое уязвимое место. Мужество покинуло его, гнев в его глазах сменился смирением, и сам он стал как будто меньше ростом. Теперь это был обвиняемый,

ждущий милосердного приговора из рук своей дочери и ее возлюбленного.

— Не судите меня жестоко, — сказал он. — Подумайте о том, что значит быть евреем — отверженным, которого каждый бродяга может оттолкнуть и оплевать, человеком вне закона, за которым охотятся в каждой стране, охотятся, как за диким волком, и, поймав, убивают для развлечения добрых христиан, предварительно обобрав его до нитки. И теперь представьте себе, что была возможность избежать всех этих ужасов, приобрести безопасность, спокойствие и защиту церкви, а затем богатство и положение.

Он остановился на мгновение, словно ожидая возражений, но Питер и Маргарет молчали, и Кастелл продолжал:

— К тому же в детстве меня крестили, но сердце мое, как и сердце моего отца, осталось с евреями, а там, где сердце, там и человек.

— Это ухудшает дело, — заметил как бы про себя Питер.

— Так учил меня мой отец, — защищался Кастелл.

— Мы должны отвечать за свои грехи, — еще раз прервал его Питер.

Тут уже Кастелл не выдержал:

— Вы молокососы, вы еще ничего не знаете об ужасах жизни, а готовы упрекать меня! Если бы вам пришлось пережить то, что пережил я, кто знает, оказались ли бы вы хоть наполовину так смелы, как я. Почему, вы думаете, я открыл вам эту тайну, которую я мог бы скрыть от вас так же, как скрывал ее от твоей матери, Маргарет? Я открыл ее вам потому, что это часть той кары, которую я должен нести за свой грех. Да, я знаю, мой бог ревнив, и грех падет на мою голову, я заплачу все, до последнего гроша, хотя и не знаю еще, когда и где эта кара обрушится на меня. Иди, Питер, иди, Маргарет, донесите на меня, если хотите. Ваши попы похвалят вас за это и откроют вам кратчайший путь в рай. Я не буду винить вас и не уменьшу ваше богатство ни на один золотой.

— Не давайте волю своему гневу, сэр, — сказал Питер. — Это дело касается только вас и бога. Что мы можем сказать вам, и кто поставил нас судьями над вами? Мы только молим бога, чтобы ваши опасения оказались напрасными и чтобы вы окончили свои дни в мире и почете.

— Я благодарю тебя за эти добрые слова, они делают честь тебе, — сказал Кастелл. — Но что скажет Маргарет?

— Что я скажу? — растерянно спросила Маргарет. — Мне нечего сказать. Питер прав: это дело твое и бога. Но мне тяжело потерять любимого.

Питер удивленно посмотрел на нее, а Кастелл воскликнул:

— Потерять? Почему? Разве он только что не клялся?

— Дело не в этом. Как я могу просить его, дворянина, христианина по рождению, жениться на дочери еврея, который всю жизнь молился Христу, а на самом деле отрицал его!

Тут Питер поднял руку.

— Прекрати этот разговор, — сказал он. — Даже если бы твой отец был самим Иудой, какое это имеет отношение к тебе и ко мне? Ты принадлежишь мне, а я тебе до тех пор, пока смерть не разлучит нас. И никакая вера другого человека не может стать между нами ни на минуту. Сэр, мы благодарим вас за доверие, и будьте уверены, что, хотя все, что вы сказали, огорчило нас, мы будем любить и уважать вас ничуть не меньше оттого, что знаем правду.

Маргарет с рыданием припала к груди отца:

— Прости меня, если я была резка. Ведь я ничего не знала об этом, а меня всю мою жизнь учили ненавидеть евреев. Какое мне дело до того, какой ты веры, — ведь для меня ты только любимый отец!

— Зачем же тогда плакать? — спросил Кастелл, нежно гладя ее по голове.

— Потому что тебе грозит опасность. По крайней мере, ты так говоришь, а если с тобой что-нибудь случится…

Что я тогда буду делать?

— Прими это как волю божью и, если удар падет на меня, встреть его храбро, как, надеюсь, встречу его я. — Кастелл поцеловал Маргарет и вышел из часовни.

— Оказывается, радость и беда идут рука об руку, — прошептала Маргарет.

— Да, дорогая, они близнецы. Но если мы уже обрели радость, то не будем страшиться беды. Чума побери всех попов и весь их фанатизм! Христос старался обратить всех евреев в свою веру, но он не призывал убивать их. А что касается меня, то я уважаю человека, который держится своей веры, и могу простить его, потому что это попы заставили его притворяться и лгать. Моли бога, чтобы мы скорее обвенчались и спокойно уехали из Лондона туда, где сумеем укрыть твоего отца.

— Я молю, молю… — прошептала Маргарет, придвигаясь к Питеру.

И скоро они забыли обо всех страхах в объятиях друг друга.

На следующее утро — это было воскресенье — Питер, Маргарет и Бетти отправились к мессе в храм святого Павла. Кастелл сослался на плохое самочувствие и остался дома. Теперь, когда его тайна уже не была тайной, он решил, насколько это возможно, избегать посещения христианского храма. Поэтому он сказался больным. Но Маргарет это не

могло не тревожить. Что же будет? Ведь нельзя же все время притворяться больным! А не посещать церковь — значило объявить себя еретиком.

Оставшись дома, Кастелл послал двух крепких парней из числа своих слуг незаметно сопровождать Питера и Маргарет, приказав следовать всюду за ними.

Когда Питер, Маргарет и Бетти выходили из церкви, Питер заметил двух испанцев, лица которых были ему знакомы. Ему показалось, что они следят за ним. В толпе он потерял их из виду, поэтому ничего не сказал своим спутницам. Самая близкая дорога к дому шла через поля и сады, где было совсем мало домов. Питер и Маргарет шли, разговаривая; вдруг Бетти, которая шла сзади, вскрикнула. Питер поднял голову и увидел двух испанцев, пролезающих через дыру в изгороди не более чем в шести шагах от него. Он заметил также, что испанцы держатся за рукоятки мечей.

— Вперед, смелей, — прошептал Питер Маргарет, — я не покажу им спину.

При этом он взялся за рукоятку меча, который был у него под плащом, и попросил Маргарет держаться позади.

Они оказались лицом к лицу с испанцами. Те довольно вежливо поклонились и спросили, не он ли мастер Питер Брум. Говорили они по-испански, но Питер, как и Маргарет, знал этот язык довольно прилично — он учил его в детстве, и ему приходилось говорить по-испански, работая у Джона Кастелла, который широко пользовался этим языком в своих торговых операциях.

— Да, это я, — ответил он. — У вас дело ко мне?

— У нас есть поручение к вам от одного нашего товарища, шотландца, по имени Эндрью, которого вы встретили на днях, — обратился к Питеру один из испанцев. — Он умер, но просил передать поручение, суть которого сводится к тому, чтобы вы встретились с ним. Мы все поклялись передать вам это и проследить за тем, чтобы вы явились на свидание.

— Вы хотите сказать, что собираетесь убить меня, — ответил Питер, стискивая зубы и вытаскивая меч из-под плаща. — Ну что ж, подходите трусы, и мы увидим, кто из нас составит компанию в аду вашему Эндрью. Маргарет, Бетти, бегите!

Питер сбросил плащ и обмотал им левую руку. Испанцы на мгновение остановились — решительный вид Питера ясно говорил о том, что сладить с ним будет нелегко. Когда же они двинулись на него, послышался звук шагов, и рядом с Питером оказались двое слуг с мечами в руках.

— Очень рад вас видеть, — заметил Питер, взглянув на них. — А теперь, сеньоры, вы все еще хотите передать послание?

Вместо ответа испанцы пустились бежать. Один из слуг схватил с дороги большой камень и изо всех сил бросил им вслед. Камень попал в спину отставшего испанца и свалил его лицом в грязь. Испанец вскочил и, прихрамывая, побежал дальше, выкрикивая по-испански проклятья.

— Я думаю, — сказал Питер, — теперь мы можем спокойно идти домой. Сегодня мы, пожалуй, больше никаких посланцев от Эндрью не встретим.

— Сегодня, может быть, и нет, — вздохнула Маргарет, — но завтра или послезавтра они опять придут. Чем все это кончится?

— Ну, это знает один бог, — мрачно ответил Питер, опуская свой меч в ножны.

Когда они рассказали про нападение Кастеллу, тот очень взволновался.

— Они хотят отомстить тебе за смерть того шотландца, — озабоченно сказал он. — Испанцы мстительны. Кроме того, они никогда не простят, что ты тогда позвал англичан на помощь. Я боюсь за тебя, Питер; если ты будешь выходить из дому, они убьют тебя.

— Но ведь я не могу вечно сидеть взаперти, как крыса в щели! — сердито возразил Питер. — Что же делать? Обратиться к закону?

— Нет, ты ведь сам нарушил закон, убив человека. Я думаю, что тебе лучше всего уехать на время, пока эта буря не минует нас.

— Уехать? Питеру уехать? — испуганно вскрикнула Маргарет.

— Да! Послушай меня, дочь. Вы не можете сейчас же обвенчаться. Это не так просто. Нужно дать извещение, договориться о церемонии. На это уйдет около месяца. Это не так уж долго. В конце концов, вы ведь только вчера обручились. Теперь вот что: никто не должен знать о вашей помолвке. Иначе испанцы начнут преследовать и тебя, Маргарет. Я заклинаю вас, это должно храниться в полной тайне. Вы должны держаться подальше друг от друга, как будто между вами ничего нет.

— Как хотите, сэр, — заметил Питер. — Что касается меня, то мне не нравится, когда скрывают правду. Это всегда приводит к осложнениям. По-моему, мне нужно рискнуть и остаться здесь, а свадьбу устроить как можно скорее.

— Чтобы твоя жена через неделю стала вдовой или чтобы эти мерзавцы сожгли наш дом? Нет, нет, Питер, не надо дразнить судьбу. Мы узнаем, как обстоят дела у д'Агвилара, и тогда решим.

Глава VI . Прощание

Д'Агвилар, как и обещал, явился в тот же вечер, но не пешком и не один, как в прошлый раз, а со свитой, приличествующей знатному вельможе. Двое слуг бежали впереди, расчищая дорогу. За ними на великолепном белом коне следовал сам д'Агвилар в бархатном плаще и шляпе с длинными страусовыми перьями. Четверо вооруженных всадников в ливреях с гербом д'Агвилара сопровождали его.

— Мы приглашали одного гостя, или, скорее, он сам напросился, а кормить придется семь человек, не говоря уже о лошадях! — проворчал Кастелл, наблюдая за этой процессией из окна верхнего этажа. — Ну что ж, делать нечего. Питер, пойди проследи, чтобы хорошо накормили слуг — они не должны обижаться на наше гостеприимство. Слуг можно накормить в маленьком зале вместе с нашими людьми. А ты, Маргарет, надень свое лучшее платье и драгоценности, которые ты надевала, когда я прошлым летом брал тебя на городской бал. Покажем этим изысканным иностранным птицам, что у лондонских купцов тоже есть красивое оперение.

Питер медлил, сомневаясь, разумно ли устраивать такой роскошный прием. Будь на то его воля, он бы послал сопровождающих испанца людей в таверну, а его самого принимал бы в скромном платье и за обычным столом. Но Кастелл, который в этот вечер нервничал и, кроме того, любил иногда похвастать своим богатством, рассердился и стал кричать, что, очевидно, ему самому придется идти встречать д'Агвилара. Кончилось тем, что Питер, сокрушенно качая головой, ушел, а Маргарет отправилась выполнять приказание отца.

Через несколько минут Кастелл в своем самом дорогом парадном костюме приветствовал д'Агвилара в гостиной. Воспользовавшись тем, что они одни, Кастелл спросил гостя, как обстоят дела с де Айала.

— И хорошо и плохо, — ответил д'Агвилар. — Доктор де Пуэбла, на которого я рассчитывал, покинул Лондон, заявив, что он оскорблен и что при дворе нет места двум послам. В результате мне пришлось обратиться к самому де Айала. Короче говоря, я дважды беседовал с этим высокопоставленным священником по поводу совершенно заслуженной смерти его мерзкого слуги. Де Айала считает себя оскорбленным, ибо он потерял уже несколько слуг в подобных стычках, поэтому мне с большим трудом удалось убедить его взять пятьдесят золотых — конечно, для

передачи семье покойного, как он сказал, — и дать расписку. Вот она. — И д'Агвилар протянул Кастеллу бумагу, которую тот внимательно прочитал.

Там было сказано, что Питер Брум уплатил сумму в пятьдесят золотых родственникам Эндрью Ферсона, ввиду чего слуги испанского посла и упомянутый посол обязуются не преследовать никаким образом упомянутого Питера за убийство, совершенное им.

— Но ведь деньги не были заплачены, — заметил Кастелл.

— Я заплатил их. Де Айала не дает расписок в обмен на обещания.

— Я благодарен вам за вашу любезность, сеньор. Вы получите это золото прежде, чем покинете мой дом. Немногие на вашем месте настолько доверяли бы незнакомому человеку.

Д'Агвилар протестующе поднял руку.

— Не будем говорить о таких пустяках. Я прошу вас рассматривать это как знак уважения к вашей семье. Иначе это было бы оскорблением такого богатого человека, как вы. Но я должен еще кое-что рассказать вам. Вы или, скорее, ваш родственник Питер, все еще находитесь в опасности. Де Айала простил его. Но есть еще король Англии, чей закон он нарушил. Я сегодня видел короля, и он, между прочим, говорил о вас как об очень достойном человеке. К тому же он добавил, что всегда думал, что таким богатством может обладать только еврей. Но король знает, что вы не еврей; ему говорили о вас как о верном сыне церкви. — Тут д'Агвилар остановился, пытливо глядя на Кастелла.

— Боюсь, что его величество преувеличивает мое богатство, — холодно ответил Кастелл, делая вид, что не обратил внимания на последние слова испанца. — Что же сказал король?

— Я показал его величеству расписку де Айала, и он сказал, что если его преосвященство удовлетворен, то его это больше не касается и с его стороны не последует никаких распоряжений о судебном следствии. Но король приказал передать вам и Питеру Бруму, что, если тот еще раз устроит драку на улицах, хотя бы вынужденную и в особенности между англичанами и испанцами, он повесит его — по суду или без суда. Король говорил об этом весьма раздраженно, потому что меньше всего его величество желает каких-либо недоразумений между Испанией и Англией.

— Это очень плохо, — вздохнул Кастелл. — Только сегодня утром такая драка была весьма возможна. — И он рассказал, как двое испанцев следили за Питером и как одного из них слуга свалил ударом камня.

При этом сообщении д'Агвилар сокрушенно покачал головой.

— Вот с этого и начинаются неприятности! — воскликнул он. — Я знаю от своих слуг, которые всегда обо всем рассказывают мне, что слуги

де Айала, а их более двадцати, поклялись севильской мадонной, что, прежде чем покинут эту страну, они заставят вашего родственника кровью заплатить за убийство шотландца Эндрью Ферсона, который был их офицером и храбрым парнем. Они его очень любили. Если они нападут на Питера, будет схватка, потому что Питер умеет драться, а если будет схватка, то Питера наверняка повесят, как обещал король.

— Прежде чем они покинут эту страну? А когда они это сделают?

— Де Айала уедет не позже чем через месяц со всей своей свитой. Дело в том, что другой посол, де Пуэбла, не хочет больше терпеть его и написал из своего загородного дома, что один из них должен уехать.

— Тогда я думаю, сеньор, что будет лучше всего, если Питер уедет на месяц.

— Друг мой Кастелл, вы мудры. Я думаю о том же и советую вам сделать это немедленно. О, сюда идет ваша дочь!

На широкой дубовой лестнице, ведущей в гостиную, появилась Маргарет. В руке она держала лампу, которая ярко освещала ее, в то время как д'Агвилар и Кастелл стояли в полутьме. На ней было открытое платье из темно-красного бархата, вышитое по лифу золотом. Цвет платья оттенял поразительную белизну ее стройной шеи и груди. Ее горло охватывала нитка крупного жемчуга, а на голове была золотая сетка, усеянная менее крупными жемчужинами, из-под которой густыми волнами спадали великолепные темно-каштановые волосы, достигавшие колен. Повинуясь приказанию отца, она оделась, чтобы выглядеть как можно лучше, но не для гостя, а для любимого, с которым она только что обручилась. Она была так прекрасна, что у д'Агвилара, художника и поклонника красоты, перехватило дыхание.

— Во имя одиннадцати тысяч девственниц! — воскликнул он. — Ваша дочь прекраснее, чем все они вместе взятые. Она должна быть королевой и покорить весь мир.

— Нет, нет, сеньор, — поспешно заметил Кастелл, — пусть она остается честной и скромной и покоряет своего мужа.

— Так бы и я сказал, если бы был ее мужем, — прошептал д'Агвилар, шагнув вперед и низко кланяясь Маргарет.

Теперь свет серебряной лампы, которую она высоко держала в руке, падал на них двоих, и они выглядели очень подходящей парой. Оба были высокие и статные, оба отличались величавостью движений, глубоким голосом и речью, исполненной достоинства. Кастелл заметил это и испугался, сам не зная чего.

В этот момент через другую дверь вошел Питер. Он был в своей

обычной одежде серого цвета, так как ему и в голову не пришло надевать праздничный наряд ради испанца. Он тоже обратил внимание на Маргарет и д'Агвилара, и инстинкт влюбленного подсказал ему, что этот великолепный иностранец — его соперник и враг. Но Питер не испугался, он почувствовал только ревность и злобу. Больше всего ему вдруг захотелось, чтобы испанец ударил его и в следующие же пять минут можно было бы доказать, кто из них настоящий мужчина. Он понял, что когда-нибудь это должно произойти, и подумал, что было бы лучше, если бы это случилось сейчас, а не позднее, тогда один из них был бы избавлен от многих волнений. Но Питер вспомнил, что он обещал не выдавать своих отношений с Маргарет, и поэтому вежливо, но холодно приветствовал д'Агвилара, сообщив ему, что лошади находятся в конюшне, а люди устроены.

Испанец поблагодарил его, и они прошли к столу. Это был странный ужин для всех четверых, хотя внешне весьма приятный. Кастелл позабыл о своих опасениях и, подливая то и дело вино, рассказывал всевозможные истории, свидетелем которых ему приходилось быть. Д'Агвилар, в свою очередь, охотно рассказывал об испанских войнах и политике — в войнах он сам участвовал, а политику знал до тонкостей. Нетрудно было понять из его слов, что он один из тех людей, которые бывают при дворах и пользуются благосклонностью министров и королей. Маргарет с интересом и любопытством слушала о том, что делается в большом мире, за пределами Холборна и Лондона. Она засыпала гостя вопросами. Ее интересовало, что представляет собой Фердинанд, король Арагонский, и его жена Изабелла, знаменитая королева.

— Я расскажу вам об этом в нескольких словах, сеньора, — с готовностью начал д'Агвилар. — Фердинанд — самый честолюбивый человек в Европе. К тому же он лжив, когда это нужно для его целей. Деньги и власть для него превыше всего. Это боги, которым он поклоняется, потому что подлинной религии у него нет. Он не очень умен, но зато хитер, а это помогает ему добиваться успеха и оставлять других позади.

— Довольно неприглядная картина, — заметила Маргарет. — Ну, а какова королева?

— Это великая женщина! — воскликнул д'Агвилар. — Она знает как использовать дух времени для достижения своих целей. Она умеет показать свое мягкосердечие, но под этим скрывается железная решимость.

— А к чему она стремится? — поинтересовалась Маргарет.

— Подчинить своей власти всю Европу; сокрушить мавров и захватить

их земли; добиться того, чтобы Христова церковь восторжествовала во всем мире; искоренить ересь; обратить всех евреев в христианскую веру или уничтожить их, — медленно продолжал д'Агвилар, и Питер, наблюдавший за ним, заметил, что глаза его при этих словах блеснули, — предать тела их очистительному огню, а богатство — своей казне. Таким путем она думает заслужить благодарность всех верующих на земле и престол в раю.

После этих слов воцарилось молчание, затем Маргарет храбро сказала:

— Если троны в раю зиждятся на человеческой крови и слезах, то какие же камни и известь применяют в аду, хотела бы я знать.

Не дожидаясь ответа, она встала, сославшись на усталость, присела в реверансе перед д'Агвиларом, отцом и Питером и удалилась.

После ее ухода беседа не ладилась, и д'Агвилар вскоре стал прощаться. Перед уходом он сказал:

— Дорогой мой друг Кастелл, вы расскажете о новостях, которые я вам принес, вашему родственнику. Во имя нашего блага, я надеюсь, что он склонит свою голову перед необходимостью и тем самым сохранит ее на плечах.

— Что имел в виду этот человек? — спросил Питер, когда стук копыт замер вдали.

Кастелл рассказал ему о своей беседе с д'Агвиларом перед ужином, показал расписку де Айала и добавил раздраженно:

— Я забыл отдать ему деньги! Надо будет отправить их ему завтра.

— Не волнуйтесь, он сам придет за ними, — холодно заметил Питер. — Что касается меня, то, будь моя воля, я бы предпочел встретиться с мечами этих испанцев и с веревкой короля, но остаться здесь.

— Этого ты не должен делать, — возразил Кастелл, — если не ради себя самого, то во имя моей и Маргарет безопасности. Не хочешь же ты сделать ее вдовой раньше, чем она станет твоей женой? Но слушай меня, я требую, чтобы ты отправился в Эссекс и занялся оформлением передачи тебе земель твоего отца в Дедхэме и приведением в порядок дома, который, как я слышал, сильно в этом нуждается. А когда эти испанцы покинут Лондон, ты вернешься, и мы тут же устроим свадьбу. Это будет всего-навсего через месяц.

— А вы с Маргарет не поедете со мной в Дедхэм?

Кастелл покачал головой:

— Это невозможно. Я должен закончить все свои дела, а Маргарет одна не может ехать с тобой. Кроме того, там ей негде остановиться. Я буду оберегать Маргарет до твоего возвращения.

— Да, сэр, но сумеете ли вы уберечь ее? Коварные речи испанцев иногда опаснее их мечей.

— Я думаю, что у Маргарет есть лекарство против этого, — с улыбкой ответил Кастелл и вышел, оставив Питера одного.

На следующий день, когда Кастелл объявил Маргарет, что ее возлюбленный должен вечером уехать, — сам Питер был не в состоянии сказать ей это, — она со слезами на глазах умоляла отца не отсылать Питера так далеко или уехать всем вместе. Но Кастелл мягко объяснил ей, что это невозможно и, если Питер немедленно не уедет, ему грозит смерть. А через месяц, когда испанцы уедут, они поженятся и будут жить в мире и спокойствии.

В конце концов Маргарет признала, что это лучший и, пожалуй, самый мудрый выход из положения. Но чего ей это стоило и каким скорбным было их расставание! Поездка в Эссекс была не таким уж далеким путешествием, а вступление во владение землями, которые для Питера еще два дня назад казались навсегда потерянными, было не таким уж неприятным делом. И все-таки у них было очень грустно на сердце, и звезда надежды казалась им весьма далекой.

Маргарет беспокоилась, как бы Питера не подстерегли по дороге, но он посмеялся над ее опасениями, объяснив, что Кастелл посылает с ним шесть крепких молодцов и что с таким эскортом он не боится никаких испанцев. Питер же боялся, что д'Агвилар станет ухаживать за Маргарет в его отсутствие. Но тут уж Маргарет посмеялась над ним, заявив, что ее сердце принадлежит Питеру и ей нечего предложить ни д'Агвилару, ни какому-либо другому мужчине. Кроме того, она напомнила ему, что Англия свободная страна и ни одну женщину, если она не находится под опекой короля, нельзя заставить делать то, чего она не хочет. Таким образом, казалось, им нечего было бояться. И все-таки они испытывали тревогу.

— Любимый мой, — сказала, немного подумав, Маргарет, — наша дорога кажется прямой и легкой, и тем не менее на ней могут оказаться западни, о которых мы и не подозреваем. Ты должен поклясться мне в одном: что бы ты ни услышал и что бы ни случилось, ты никогда не будешь сомневаться во мне, так же как и я в тебе. Если, к примеру, тебе скажут, что я отказала тебе и выхожу замуж за другого, или даже если ты будешь уверен, что это написано моей рукой, или услышишь это, сказанное моим голосом, все равно не верь.

— Как это может случиться? — с тревогой спросил Питер.

— Я и не предполагаю, что это может случиться. Я говорю о самом худшем, чтобы мы были готовы ко всему. До сих пор моя жизнь была

безоблачна, как летний день, но ведь неизвестно, когда могут налететь зимние бури. Мне часто кажется, что я рождена для того, чтобы испытать дождь, ветер и бури так же, как тишину и солнце. Не забывай, что мой отец еврей, а с евреями и их детьми случаются иногда страшные вещи. Все наше богатство может исчезнуть в какой-нибудь час, и ты можешь найти меня в тюрьме или в нищенских лохмотьях. Так ты клянешься? — Маргарет поднесла к губам Питера золотой крест.

— Да, — сказал он, — я клянусь этим святым крестом и твоими губами. — Питер поцеловал сначала крест, потом ее губы и добавил: — Должен ли я потребовать такой же клятвы и от тебя?

Маргарет засмеялась:

— Если ты хочешь. Но, по-моему, это не нужно. Я знаю, что сердце твое никогда больше никого не полюбит, даже если я умру и ты женишься на другой. И все-таки мужчины — это мужчины, поэтому я поклянусь вот в чем: если ты случайно поскользнешься и я доживу до того, что услышу об этом, я постараюсь не судить тебя сурово. — И она засмеялась, так как была абсолютно уверена в своей власти над Питером.

— Благодарю тебя, — ответил Питер. — Но я постараюсь крепко стоять на ногах, и, если тебе будут рассказывать какие-либо сказки обо мне, прошу тебя, хорошенько разберись в них.

Они забыли о своих страхах и сомнениях и принялись говорить о будущей свадьбе, назначенной ровно через месяц, и о своей счастливой жизни в Дедхэме. Маргарет хорошо знала тамошний дом, так как жила в нем ребенком, и надавала Питеру массу наставлений, как устроить комнаты, какую и где поставить мебель. Денег на обстановку решили не жалеть, и Маргарет обещала отправить туда все, что нужно, как только потребуется.

Так текли часы за часами, и вот уже настал вечер. В последний раз они втроем сели за стол. Было решено, что Питер тронется в путь, когда взойдет луна, чтобы никто его не увидел. Ужин нельзя было назвать веселым, хотя все трое делали вид, что едят с аппетитом. Наконец лошади были поданы, и Маргарет пристегнула Питеру его меч и набросила плащ на плечи. Питер пожал руку Кастеллу, напомнил ему об обещании беречь их общее сокровище, поцеловал на прощанье Маргарет и пошел к выходу.

Маргарет с серебряной лампой в руке провожала его до прихожей. В дверях Питер обернулся и увидел, что она смотрит ему вслед широко раскрытыми глазами. Лицо у нее было напряженное и бледное. Питер заколебался, решимость почти покинула его. Ему так захотелось остаться! Но он превозмог себя и вышел.

Маргарет стояла неподвижно, пока не услышала стук копыт. Тогда она обернулась к отцу и сказала:

— Отец, я не знаю почему, но мне кажется, что теперь мы с Питером встретимся далеко отсюда, в бушующем море. Я только не знаю, где это будет.

Не ожидая ответа, она пошла к себе в комнату. Кастелл молча смотрел ей вслед, потом пробормотал:

— Хвала богу, она не прорицательница. Но почему у меня так тяжело на сердце? Ведь я сделал для нее и для Питера все, что мог. А что будет со мной, мне теперь все равно.

Глава VII . Новости из Испании

Питер Брум был очень спокойный человек — его голос редко слышался в доме Кастелла. И тем не менее без Питера большой старый дом в Холборне казался пустым. Даже красивая Бетти, с которой Питер никогда не был особенно дружен, так как он многого не одобрял в ее поведении, и та чувствовала, что его не хватает, и сказала об этом своей кузине. Маргарет в ответ только вздохнула.

В глубине души Бетти боялась и уважала Питера. Она боялась его внимательных глаз и насмешливых замечаний, ибо знала, что они всегда справедливы. А уважала она его за прямоту и честность характера, особенно в тех случаях, когда дело касалось женщин.

Ходили слухи, что, когда Питер впервые появился в доме Кастелла, Бетти решила, что это человек благородного происхождения — как раз тот, кого бы ей хотелось иметь своим мужем, и она пошла в наступление. Но так как ее чары оставались незамеченными, атаки постепенно становились все более и более откровенными. Чем это кончилось, знали только они двое. С тех пор Бетти отзывалась о Питере как о бессердечном грубияне, который думает только о делах и выгоде. Постепенно другие заботы заставили ее позабыть об этом эпизоде, но уважение к Питеру осталось. Более того: Питер доказал, что он хороший друг, и — что еще важнее — друг, который умеет молчать. Бетти хотелось, чтобы он вернулся именно теперь, когда нечто более серьезное, чем простое тщеславие и жажда острых ощущений, охватило ее, ибо Бетти чувствовала, что она вступила на очень опасный и довольно скользкий путь.

Приказчики и слуги тоже ощущали отсутствие Питера. Ведь это к нему они приходили для разрешения всех споров. Кроме того, он всегда был готов помочь или выручить из беды, если только человек, обратившийся к нему, не совершил бесчестного поступка. Больше всех не хватало Питера Кастеллу; только теперь, после его отъезда, он понял, что значил для него Питер и как помощник и как друг. Что касается Маргарет, то без Питера жизнь казалась ей долгой и одинокой ночью.

В такой момент в доме бывают рады всякому разнообразию, и, хотя д'Агвилар мало интересовал Маргарет, она все же была довольна, когда однажды утром Бетти сообщила ей, что испанец собирается сегодня навестить ее и преподнести подарок.

— Меня не интересуют его подарки, — безразлично ответила

Маргарет и тут же спросила. — А откуда ты знаешь об этом, Бетти?

Девушка покраснела:

— Я знаю об этом потому, что вчера, когда я шла навестить мою старую тетку, которая живет на набережной у Вестминстера, я встретила его. Он окликнул меня и сказал, что у него есть подарок для тебя и для меня тоже. — Будет лучше, Бетти, если ты не станешь встречать его так часто.

Испанцы не всегда отличаются большой честностью. Как бы тебе самой не пришлось убедиться в этом.

— Я благодарна тебе за добрый совет, — обиженно промолвила Бетти, — но я старше тебя и достаточно хорошо знаю мужчин, чтобы оберегать себя и держать их на расстоянии.

— Я очень рада этому, Бетти, только иногда мне кажется, что это расстояние бывает слишком близким, — заметила Маргарет и прекратила разговор на эту тему, ибо ее в настоящую минуту занимали совсем другие мысли.

Днем, когда Маргарет гуляла по саду, к ней прибежала раскрасневшаяся Бетти и сообщила, что лорд д'Агвилар ожидает ее в зале.

— Хорошо, — ответила Маргарет, — я сейчас приду. Сходи к отцу и скажи ему, что у нас гость. Но что с тобой, почему ты вся такая взволнованная и запыхавшаяся? — добавила она с удивлением.

— О! — вырвалось у Бетти. — Он принес мне подарок, такой прелестный подарок! Он подарил мне мантилью из самых удивительных кружев, какие я когда-либо видала, и оправленный в золото черепаховый гребень, для того чтобы придерживать ее на голове. Он не отпускал меня, пока не показал, как она надевается. Потому я так спешила.

Маргарет с трудом могла уловить связь между этими двумя сообщениями и только сказала:

— Я думаю, что разумнее было бы сначала прийти сюда. И вообще, я не понимаю, почему этот красивый лорд носит тебе подарки.

— Но он принес и тебе подарок, он только не хотел сказать, что это за подарок.

— Тут я понимаю еще меньше. Пойди скажи отцу, что сеньор д'Агвилар ожидает его.

Маргарет вошла в зал. Д'Агвилар рассматривал украшенный цветными рисунками молитвенник, который она обычно читала. На одной странице молитвы были написаны по-испански, на противоположной — по-латыни. Д'Агвилар приветствовал Маргарет со свойственным ему изяществом, которое выглядело естественным и отнюдь не вызывающим, когда он

обращался к ней, и сразу же спросил:

— Так вы читаете по-испански, сеньора?

— Немного.

— И по-латыни?

— Тоже немного. Читая молитвенник, я стараюсь лучше постичь оба языка.

— Я не сомневаюсь, что вы столь же образованны, как и прекрасны. — И он изысканно поклонился ей.

— Благодарю вас, сеньор, но я не претендую ни на то, ни на другое.

— Зачем претендовать на то, чем уже обладаешь, — заметил д'Агвилар и добавил: — Но я совсем забыл: я принес вам подарок, если вы соблаговолите принять его. Вернее сказать, я принес вам то, что принадлежит вам или, во всяком случае, вашему отцу. Я торговался с его преосвященством доном де Айала, доказывая ему, что пятьдесят золотых слишком высокая цена за жизнь того негодяя. Но он мне не вернул деньги, поскольку он не в силах расстаться с золотом. Все-таки я получил кое-что взамен, и это находится сейчас у ваших дверей. Это испанская лошадь настоящих арабских кровей, из тех, которых мавры сотни лет назад привели с собой с востока. Его преосвященству она больше не нужна, так как он возвращается в Испанию. Она приучена к дамскому седлу.

Маргарет не знала, что ответить, но, к счастью, в этот момент вошел ее отец. Д'Агвилар повторил всю историю, добавив, что он слышал, как Маргарет говорила, что ее лошадь упала во время прогулки и она не может больше на ней кататься.

Кастеллу не хотелось принимать этот подарок — он понимал, что это именно подарок, — но д'Агвилар заверил его, что если Кастелл откажется, то он вынужден будет продать коня и вернуть Кастеллу деньги, так как они не принадлежат д'Агвилару. Другого выхода не было, и Кастелл поблагодарил испанца от имени своей дочери и от своего собственного, и они прошли в дворик посмотреть лошадь.

В тот момент, когда Кастелл увидел лошадь, он понял, что она представляет собой огромную ценность. Лошадь была совершенно белого цвета, с длинным и низким крупом, маленькой головой, ласковыми глазами, круглыми копытами и развевающимися гривой и хвостом. На такой лошади могла ездить королева.

Это смутило Кастелла — он был уверен, что такое животное никто не отдаст в качестве сдачи, хотя бы потому, что оно стоит больше пятидесяти золотых. Кроме того, на лошади было женское седло и уздечка из великолепно выделанной красной кордовской кожи, серебряные стремена и

мундштук. Но д'Агвилар улыбался и клялся, что все произошло именно так, как он рассказал. Делать было нечего. К тому же Маргарет была так довольна лошадью, на которой ей сразу же захотелось прокатиться, что забыла о своих подозрениях. Заметив радость, которую Маргарет не могла скрыть, д'Агвилар сказал:

— Теперь я попрошу вас сделать мне одно одолжение. Вы говорили, что совершаете по утрам прогулки с отцом. Могу я просить вашего разрешения, — обратился он к Кастеллу, — сопровождать вас завтра утром, часов, скажем, в семь? Мне хотелось бы показать вашей дочери, как обращаться с лошадью этой породы.

— Если вы желаете, — ответил Кастелл, — и если погода будет хорошая.

Предложение было столь любезным, что отказать было невозможно.

Д'Агвилар поклонился, и они вернулись в дом. Когда они вошли в зал, испанец спросил, благополучно ли добрался их родственник Питер до места, и добавил:

— Прошу вас не говорить мне, где он, чтобы я мог положа руку на сердце поклясться кому угодно, а особенно тем, кто продолжает искать его, что я не знаю, где он скрывается.

Кастелл ответил, что всего несколько минут назад он получил письмо, в котором сообщается о благополучном прибытии Питера. При этой новости Маргарет встрепенулась, но, вспомнив данное обещание, с безразличным видом заметила, что рада слышать это, так как дороги не совсем безопасны. Д'Агвилар тоже сказал, что весьма рад этому обстоятельству, и, поднявшись, попросил разрешения откланяться.

Когда он ушел, Кастелл передал Маргарет адресованное ей письмо Питера, написанное его прямым и твердым почерком. Она быстро пробежала его. Письмо начиналось и кончалось нежными словами, но было кратким и деловым. Питер сообщал, что его путешествие закончилось благополучно и он счастлив оказаться в старом доме. На следующий день он собирался встретиться с мастерами, ведь ремонт необходим — даже ров полон грязи и сорной травы. Письмо заканчивалось так: «Я не верю этому красивому испанцу и ревную, когда думаю, что он будет рядом с вами в мое отсутствие. Остерегайтесь его, прошу вас, остерегайтесь его. Да хранит вас пресвятая матерь божья и все святые. Преданный вам всей душой ваш возлюбленный».

Ответ Маргарет написала в тот же день, так как посланный должен был на рассвете ехать обратно. Помимо всех прочих дел, она сообщила Питеру о подарке д'Агвилара и о том, как она и отец были вынуждены

принять его. Она умоляла Питера не ревновать: хотя подарок ей и нравится, но того, кто преподнес его, она не любит, а только считает часы, когда ее возлюбленный вернется и возьмет ее с собой.

Утро и погода были превосходны, Маргарет встала рано и оделась в костюм для верховой езды. Ровно в семь часов явился д'Агвилар. Из конюшни вывели испанскую лошадку, и он ловко помог Маргарет сесть в седло. Затем показал, как следует осторожно натягивать уздечку, и предупредил, что ускорять или замедлять бег лошади нужно только голосом, ни в коем случае не прибегать к хлысту или шпорам.

Лошадь была действительно великолепна: кроткая, как ягненок, послушная и в то же время горячая и быстрая.

Д'Агвилар оказался прелестным кавалером. Он рассказывал о самых разнообразных вещах — серьезных и веселых, так что в конце концов даже Кастелл забыл о своих тревогах и повеселел. Было свежее весеннее утро. Они легким галопом пересекали долины, взбирались на холмы, слушали пение птиц в лесу и наблюдали работающих в поле людей.

Эта прогулка оказалась только началом. Д'Агвилар узнавал часы прогулок даже тогда, когда они меняли их, и, приглашали они его или нет, присоединялся к ним или встречал во время прогулок с такой естественностью, что невозможно было отказаться от его общества. Отец и дочь никак не могли догадаться, каким образом д'Агвилар узнавал об их прогулках и даже о том, куда они собирались ехать. Они предполагали, что все это он узнает от грумов, хотя тем было дано строгое приказание ничего не говорить. Им и в голову не приходило, что это могла делать Бетти. Они не могли предположить, что если они встречаются с д'Агвиларом по утрам, то Бетти делает то же самое по вечерам, когда все думают, что она в церкви, или занимается шитьем, или навещает свою тетку в окрестностях Вестминстера. Но об этих своих прогулках девушка никому не рассказывала по причинам, одной ей ведомым.

Теперь, когда они катались вместе, д'Агвилар по-прежнему, оставался вежлив и предупредителен, но манеры его становились все более непринужденными. Он рассказывал всевозможные истории из своей жизни, наполненной необычайными событиями, намекал на свое высокое положение, которое он пока вынужден скрывать. Говорил о своем одиночестве, о том, как оно тяготит его и как бы он хотел найти родственную душу, которая разделила бы с ним его богатство, положение и надежды. В эти минуты его черные глаза останавливались на Маргарет, словно говоря: «Вы та женщина, которую я ищу».

В конце концов эти намеки испугали Маргарет, и она решила, не имея

возможности избежать встреч с д'Агвиларом, отказаться от верховых прогулок до возвращения Питера, хотя очень любила верховую езду. Она заявила, что повредила себе колено и седло причиняет ей боль. Великолепная испанская кобыла вынуждена была теперь оставаться в конюшне.

Таким образом Маргарет на несколько дней освободилась от общества д'Агвилара и занялась чтением, работой и сочинением длинных писем Питеру, который был чрезвычайно занят в Дедхэме и давал ей в своих посланиях многочисленные поручения.

Однажды утром, сидя у себя в конторе, Кастелл занимался расшифровкой только что полученных писем. Накануне ночью его лучшее судно водоизмещением в двести тонн, названное по имени его дочери «Маргарет», благополучно прибыло из Испании в устье Темзы. В этот вечер во время прилива оно должно было бросить якорь в Грейвсенде, и Кастелл собирался поехать туда, чтобы посмотреть за разгрузкой. Это был последний из его кораблей, который еще не был продан, и Кастелл намеревался тут же вновь нагрузить корабль товарами и продовольствием и отправить в Севильский порт, где испанский компаньон Кастелла, Хуан Бернальдес, на чье имя был зарегистрирован корабль, обязался приобрести его за условленную цену. После этого Кастеллу оставалось только передать свою торговлю лондонским купцам, и он мог, сохранив свое состояние, удалиться от дел и провести остаток жизни на покое, в Эссексе, со своей дочерью и ее мужем. Больше он ни о чем не мечтал.

Как только «Маргарет» оказалась у берегов Темзы, капитан Смит высадил на берег приказчика, приказав ему взять лошадь и немедленно доставить Кастеллу в Холборн письма и список грузов. Эти письма и читал сейчас Кастелл. Одно из них было от сеньора Бернальдеса из Севильи; оно не было ответом на письмо, посланное Кастеллом в ту ночь, когда началась вся эта история, — то письмо еще не дошло, — однако оно было посвящено тому же самому делу. В письме говорилось следующее:

Вы помните, я писал вам о человеке, посланном в Лондон ко двору.

Пользуясь тем, что наш шифр никому неизвестен, а это очень важно и вы должны быть предупреждены, я беру на себя риск назвать его имя. Его зовут д'Агвилар. После отправки моего прошлого письма я узнал еще кое-что об этом гранде. Хотя он называет себя просто д'Агвиларом, в действительности это маркиз Морелла. Говорят, в нем течет королевская кровь, так как он является незаконнорожденным сыном принца Карлоса и, следовательно, сводным братом короля. По слухам, Карлос был влюблен в

богатую и знатную мавританку из Агвилара. У нее были огромные поместья в Гранаде и в других местах. И так как Карлос не мог жениться на ней из-за разницы в их положении и вероисповедании, то союз их не был узаконен. У них родился сын. Перед тем как принц Карлос умер или был отравлен, будучи пленником в Морелле, он добился для этого мальчика титула маркиза, дав ему, по странной фантазии, имя Морелла. Ему же он завещал некоторые свои земли. После смерти принца его возлюбленная, которая тайно стала христианкой, перевезла сына в свой замок в Гранаде. Там она умерла десять лет назад, оставив сыну все свое богатство, так как не была замужем. Говорят, жизнь его была в опасности, потому что, хоть он наполовину мавр, но в его венах слишком много королевской крови. Однако маркиз оказался человеком умным и сумел убедить короля и королеву в том, что он думает только о собственных удовольствиях. К тому же за него вступилась церковь, ибо он доказал, что является ее верным сыном, занимаясь истреблением еретиков, особенно евреев, и даже мавров, хотя они с ним одной крови. Его оставили в покое и утвердили за ним его владения. Но стать священником он отказался.

С тех пор маркиз был представителем испанского престола в Гранаде, его посылали в Лондон, Рим и в другие места по делам, связанным с вопросами веры и создания святой инквизиции. Вот почему он находится сейчас в Англии — он должен добыть имена и сведения о маранах, живущих там, особенно если они торгуют с Испанией. Я видел список имен тех, кем он должен заняться в первую очередь. Поэтому я и пишу вам так подробно, — ваше имя стоит в этом списке первым. Я думаю, что вы поступили правильно, ликвидируя свою торговлю с Испанией и особенно, что вы срочно решили продать нам свои корабли. Иначе они могут быть захвачены, так же как и вы, если появитесь здесь. Мой совет вам: спрячьте свое богатство, — оно будет достаточно велико, после того как мы выплатим вам свои долги, — и уезжайте в безопасное место, пока эта ищейка д'Агвилар не напал на ваш след в Лондоне. Хвала всевышнему, никого из нас ни в чем не подозревают, вероятно потому, что мы многим хорошо платим.

Закончив расшифровку письма, Кастелл внимательно перечитал его. Затем он прошелся в зал, где горел камин, так как день был холодный, бросил письмо в огонь и подождал, пока оно не превратилось в пепел. После этого он вернулся в контору и спрятал оригинал письма в потайной ящик в стене. Только тогда он уселся в кресло и задумался:

«Мой добрый друг Хуан Бернальдес прав. Д'Агвилар, или маркиз

Морелла, выслеживает меня и других. Ну что ж, я не собираюсь и дальше связывать свою судьбу с Испанией. Почти все деньги, за исключением тех, которые еще должны прибыть из Испании, укрыты так, что ему никогда не добраться до них. И все-таки я молю бога, чтобы Питер и Маргарет скорее поженились и мы все трое уединились в Дедхэме, вдали от чужих глаз. Я слишком долго был в этой игре. Мне нужно было закрыть свои книги год назад. Но торговля шла так хорошо, что я не мог решиться на это. К тому же мне везло, и за этот год я удвоил свое состояние. И все-таки нужно было свернуть торговлю раньше, чем они пронюхали о моем богатстве. Жадность, чистая жадность! Ведь я не нуждался в этих деньгах, которые могут погубить нас».

Его раздумья были прерваны стуком в дверь. Джон Кастелл схватил перо, обмакнул в чернильницу и, крикнув: «Входите!», принялся вписывать колонки цифр в лежавшую перед ним бумагу.

Дверь отворилась, но Кастелл сделал вид, что он настолько поглощен счетами, что не слышит. Какое-то чутье подсказало ему, что за спиной стоит д'Агвилар. Возможно, он подсознательно узнал его шаги. На мгновение он похолодел — только что он читал о миссии этого человека, — страх перед наступающим охватил его. Однако Кастелл сыграл великолепно.

— Зачем ты беспокоишь меня, дочка? — спросил он раздраженно, не поворачивая головы. — У меня и так масса огорчений. Половина груза оказалась испорченной, а ты отрываешь меня, когда я подсчитываю свои убытки.

С этими словами Кастелл бросил перо и резко повернулся вместе со стулом.

Перед ним действительно стоял с улыбкой склонившийся в своем обычном поклоне роскошно одетый д'Агвилар.

Глава VIII . Д'Агвилар говорит

— Убытки? — переспросил д'Агвилар. — Неужели я ослышался: богач Джон Кастелл, который держит в своих руках половину торговли с Испанией, говорит об убытках?

— Да, сеньор, это так. Дела очень плохи. С этим судном мне не повезло. Оно едва уцелело от весенних бурь. Однако садитесь, прошу вас.

— Неужели дела действительно плохи? — усмехнулся д'Агвилар, усаживаясь. — Как, однако, нагло врут слухи! Я слышал, что ваши дела идут хорошо. Впрочем, конечно, то, что для вас является убытком, для такого человека, как я, было бы колоссальной прибылью.

Кастелл не ответил. Он выжидал, чувствуя, что его гость пришел не для того, чтобы разговаривать с ним о торговых делах.

— Сеньор Кастелл, — вновь обратился к нему д'Агвилар; в голосе его чувствовалось волнение. — Я пришел просить вас кое о чем.

— Если вы хотите одолжить у меня денег, сеньор, то боюсь, что момент как раз неподходящий. — И он кивнул на бумагу, испещренную цифрами.

— Я не собираюсь просить у вас денег в долг, я прошу вас сделать мне подарок.

— Все, что есть в моем бедном доме, принадлежит вам, — с восточной вежливостью ответил Кастелл.

— Рад слышать это, сеньор, потому что я действительно хочу получить кое-что из вашего дома.

Кастелл вопросительно посмотрел на него.

— Я прошу руки вашей дочери, сеньоры Маргарет.

Кастелл удивленно посмотрел на д'Агвилара, и с его губ сорвалось:

— Это невозможно.

— Почему невозможно? — медленно спросил д'Агвилар, словно ожидавший такого ответа. — По возрасту мы подходим друг другу, хотя я занимаю гораздо более высокое положение, чем вы предполагаете. Не хочу хвалиться, но женщины не считают меня уродливым. Я буду добрым другом дому, из которого возьму жену, а ведь может прийти день, когда понадобятся друзья. И, наконец, я хочу жениться на ней не ради того, что она принесет с собой, хотя богатство никогда не бывает лишним, а потому — прошу вас поверить мне, — что люблю ее.

— Я слышал, что сеньор д'Агвилар любит многих женщин там, в

Гранаде.

— Так же как я слышал, что «Маргарет» проделала очень выгодный рейс, сеньор Кастелл. Слухам, как я только что говорил, верить нельзя. Я буду говорить прямо. Я не был святым. Но теперь я им стану ради Маргарет. Я буду верен вашей дочери, сеньор. Что вы теперь скажете?

Кастелл только покачал головой.

— Послушайте, — сказал д'Агвилар, — я не тот, за кого выдаю себя. Ваша дочь, выйдя за меня замуж, получит высокое положение и титул.

— Да, вы маркиз Морелла, сын принца Карлоса и мавританки, племянник его величества короля Испании.

Д'Агвилар в упор посмотрел на своего собеседника и слегка поклонился.

— Ваши сведения не менее точны, чем мои. Вам, конечно, не нравится примесь в моей крови. Ну что ж, если бы ее не было, я бы теперь сидел на месте Фердинанда. Мне она тоже не по душе, хотя это древняя кровь благородных мавров. Однако разве племянник короля и сын гранадской принцессы не может быть подходящим мужем для дочери… еврея… да, марана, и английской леди, христианки, из хорошей семьи, но не больше?

Кастелл поднял руку, собираясь сказать что-то, но д'Агвилар продолжал:

— Не отрицайте этого, друг мой. Здесь, когда мы с вами одни, не стоит это делать. Разве некий Исаак из Толедо лет пятьдесят назад не покинул вместе со своим маленьким сыном Испанию и не стал известен в Лондоне как Джозеф Кастелл? Как видите, не только вы изучаете родословную.

— Ну, и что из этого, сеньор?

— Что из этого? Ничего, мой друг Кастелл. Кого может заинтересовать эта старая история, если старый Исаак давно умер, а его сын уже около пятидесяти лет добрый христианин, был женат на христианке и имеет христианку дочь. Вот если бы он только притворялся христианином, а в действительности тайно исполнял еврейские обряды, вот тогда…

— Что тогда?

— Тогда он безусловно был бы изгнан из этой страны, где евреям запрещено жить, его имущество было бы конфисковано в пользу королевской казны, его дочь попала бы под опеку короля и была бы выдана замуж по желанию его величества, а сам он был бы, по всей вероятности, предан в руки испанских властей, с тем чтобы ответить за все. Но мы отвлеклись. Все ли еще невозможен наш брак?

Кастелл посмотрел прямо в глаза д'Агвилару:

— Да!

Он произнес это слово так смело, что д'Агвилар на мгновение растерялся. Он не ожидал такого ответа.

— Может быть, вы будете так любезны объяснить мне причину?

— Причина проста, маркиз: моя дочь обручена.

Д'Агвилар не выразил удивления.

— С этим скандалистом, вашим родственником, Питером Брумом? — спросил он. — Я догадывался об этом, и, клянусь всеми святыми, мне жаль ее. Это слишком скучный возлюбленный для такой красивой и яркой женщины, а как муж… — Д'Агвилар передернул плечами. — Дорогой Кастелл, ради нее вы не допустите этого брака.

— А если допущу?

— Тогда я разрушу его ради нас всех, включая, конечно, и меня, потому что я люблю Маргарет и хочу возвысить ее, и ради вас, ибо я хочу, чтобы вы прожили оставшиеся годы в мире и довольстве, а не как затравленная собака.

— Как вы разрушите его, маркиз? Путем…

— О нет, сеньор, — перебил его д'Агвилар, — не чужими мечами, если вы это имеете в виду. Достойный Питер в безопасности от них, поскольку это зависит от меня, хотя, если мы столкнемся лицом к лицу, победит тот, кто сильнее. Не бойтесь, друг мой, я не унижусь до убийства, я слишком дорожу своей душой, чтобы осквернить ее кровью. И я никогда не женюсь на женщине вопреки ее воле. Однако Питер может умереть, и прекрасная Маргарет сможет протянуть мне руку и сказать: «Я выбираю вас своим мужем».

— Все это, конечно, может случиться, маркиз, но я не думаю, чтобы это произошло. Что касается меня, я благодарю вас, но вынужден отклонить ваше лестное предложение. Я полагаю, что моя дочь будет более счастлива в ее нынешнем скромном положении с тем человеком, которого она избрала. Вы разрешите мне вернуться к моим счетам? — Кастелл встал.

— Да, сеньор, — ответил д'Агвилар, тоже вставая, — но прибавьте к тем убыткам, о которых вы говорили, еще один — дружбу Карлоса, маркиза Морелла, а на той странице, где у вас прибыли, добавьте его ненависть. — Смуглое, красивое лицо д'Агвилара исказилось от злобы. — Вы что, сошли с ума? Вспомните о маленькой молельне за алтарем в вашей часовне и о том, что там находиться!

Кастелл пристально посмотрел на него и затем сказал:

— Пойдемте, посмотрим. Нет, не бойтесь: так же как и вы, я помню о своей душе и не обагрю своих рук кровью. Идите вслед за мной, вы будете

в безопасности.

Любопытство или какая-то другая причина заставила д'Агвилара подчиниться. Через несколько минут они оказались позади алтаря.

— Смотрите, — сказал Кастелл, нажав пружину и открыв потайную дверь.

Д'Агвилар заглянул в комнатку. Но куда делись стол, ящик, подсвечники, свитки, о которых говорила ему Бетти? Там были только старые пыльные ящики с пергаментами и поломанная мебель.

— Что вы видите? — спросил Кастелл.

— Только то, что вы гораздо умнее, чем я предполагал. Но отвечать на эти вопросы вам придется не сейчас и не мне. Поверьте, я не инквизитор.

С этими словами д'Агвилар повернулся и вышел.

Когда Кастелл, прикрыв потайную дверь, поспешно вышел из часовни, маркиза уже не было.

Чрезвычайно взволнованный, Кастелл вернулся в свой кабинет и сел поразмыслить. Судьба, которая так долго оставалась благосклонной к нему, теперь отвернулась. Хуже быть не могло. Д'Агвилар через своих шпионов раскрыл тайну его веры, и так как, к несчастью, маркиз влюблен в его дочь, а Кастелл вынужден отказать ему, то д'Агвилар стал его злейшим врагом. Почему же он отказал д'Агвилару? Ведь это человек знатный и занимающий высокое положение. Маргарет стала бы женой одного из первых грандов Испании, стоящего ближе всех к трону. Может быть — такие случаи бывают, — она стала бы королевой или матерью королей? Более того: этот брак принес бы самому Кастеллу безопасность, спокойную старость, тихую смерть в собственной постели — ведь будь он хоть пятьдесят раз мараном, кто посмеет тронуть тестя маркиза Морелла? Так почему же он отказал? Да просто потому, что он обещал выдать ее замуж за Питера, а за всю жизнь купца он никогда не отказывался от своего слова. И в душе Кастелл пожалел, что согласился выдать Маргарет за Питера. Почему он не заставил Питера, который так долго ждал, подождать еще месяц? Но теперь было уже поздно. Он дал слово и будет держать его, чего бы это ему ни стоило.

Кастелл встал и приказал служанке позвать к нему Маргарет. Однако та вернулась с сообщением, что ее хозяйка отправилась на прогулку вместе с Бетти и что лошадь ожидает хозяина, чтобы ехать к реке. Кастелл собирался провести ночь на борту своего судна.

Положив перед собой лист бумаги, Кастелл подумал было, не написать ли Маргарет и не предупредить ли ее. Но затем он решил, что ей нечего бояться д'Агвилара, по крайней мере в настоящее время, и что опасно

доверять бумаге такие вещи; он написал только, чтобы она берегла себя и что он вернется на следующий день утром.

В тот же день вечером, когда Маргарет сидела в своей маленькой гостиной, примыкавшей к общему залу, дверь отворилась, и, подняв глаза от вышивания, Маргарет увидела стоявшего перед ней д'Агвилара.

— Сеньор, — с удивлением воскликнула она, — как вы попали сюда?

— Сеньора, — с поклоном ответил д'Агвилар, закрывая за собой дверь, — меня принесли сюда мои ноги. Если бы я мог, я думаю, что никогда не уходил бы от вас.

— Не говорите мне комплиментов, сеньор, прошу вас, — нахмурившись, сказала Маргарет. — Я не могу принимать вас одна, поздно вечером, когда отца дома нет.

Маргарет встала и попыталась пройти мимо него к двери. Однако д'Агвилар не сдвинулся с места, и ей пришлось остановиться.

— Я знал, что его нет, — учтиво заметил д'Агвилар, — и именно поэтому я рискнул обратиться к вам по вопросу чрезвычайно важному. Я умоляю вас уделить мне несколько минут.

У Маргарет мелькнула мысль, что он принес ей новости о Питере, — вероятно, плохие.

— Садитесь и говорите, сеньор, — ответила она, опускаясь в кресло.

— Сеньора, — начал д'Агвилар, — мои дела в этой стране закончены, и через несколько дней я возвращаюсь в Испанию… — Он приостановился, словно выжидая.

— Я уверена, что ваше путешествие будет приятным, — заметила Маргарет, не зная, что еще сказать.

— Я тоже надеюсь на это, сеньора, потому что я пришел просить вас разделить его со мной. Выслушайте меня, прежде чем отказать мне. Сегодня я видел вашего отца и просил у него вашей руки. Он не дал мне никакого ответа, не сказав ни «да», ни «нет». Он заявил мне, что вы сами решаете свою судьбу и что я должен услышать решение из ваших уст.

— Мой отец сказал так? — перебила его удивленная Маргарет, но потом ей пришло в голову, что у Кастелла, очевидно, была какая-то причина для такого ответа, и она быстро добавила: — Ну что ж, мой ответ будет прост и краток. Я благодарю вас, сеньор, но я остаюсь в Англии.

— Ради вас и я готов остаться здесь, хотя, по правде говоря, я нахожу эту страну холодной и варварской.

— Если вы останетесь здесь, сеньор д'Агвилар, уеду в Испанию я. Прошу вас, пропустите меня!

— Только после того, как вы выслушаете все. Я уверен, что тогда вы

будете более снисходительны. Поймите, я занимаю очень высокое положение у себя на родине. Это здесь я предпочитаю жить инкогнито, под скромным именем д'Агвилара. Я маркиз Морелла, племянник короля Фердинанда. Я богат и знатен. Если вы не верите мне, я могу представить вам доказательства.

— У меня нет оснований не верить вам, — холодно ответила Маргарет. — Все это, может быть, и правда, но какое это имеет отношение ко мне?

— А то, что я, у которого в венах струится королевская кровь, прошу дочь купца стать моей женой.

— Благодарю вас, но меня вполне устраивает мой скромный жребий.

— Вам безразлично, что я люблю вас всем сердцем? Выходите за меня замуж, и я возвышу вас, может быть, даже до трона.

Маргарет подумала мгновение и затем сказала:

— Вы предлагаете крупную взятку, но как вы сделаете это? Разве девушек не обманывают поддельными драгоценностями?

— А как это делалось раньше? Далеко не все любят Фердинанда. У меня есть много друзей, которые помнят, что мой отец был старшим сыном, но его отравили. А моя мать была мавританской принцессой. И если я, живущий среди мавров в качестве посла испанского престола, соединю свой меч с их мечами… Есть и другие пути. Однако я говорю вещи, которые никогда раньше не произносили мои уста. Если они когда-либо станут известны, это будет стоить мне жизни — пусть это послужит доказательством того, насколько я доверяю вам.

— Благодарю вас, сеньор, за ваше доверие, но мне кажется, что эта корона находится так высоко, что путь к ней весьма опасен. Я предпочитаю оставаться внизу, в безопасности.

— Вы отказываетесь от славы, — взволнованно прервал ее д'Агвилар, — может быть, вас тронет любовь. Вам будут поклоняться. Вы будете окружены таким обожанием, как ни одна женщина в мире. Клянусь вам, в ваших глазах есть искра, которая зажгла в моем сердце огонь, он пылает день и ночь и никогда не погаснет. Ваш голос для меня сладчайшая музыка, ваши волосы пленили меня сильнее, чем кандалы — узника; когда вы идете, мне кажется, что богиня красоты Венера спустилась на землю. Ваш ум так же ясен и благороден, как и ваша красота, и с его помощью я достигну всего на земле и завоюю место на небе. Я люблю вас, моя госпожа, моя прекрасная Маргарет. Из-за вас все женщины на свете потеряли для меня всякую прелесть. Смотрите, как сильно я люблю вас, если я, один из первых грандов Испании, преклоняюсь перед вашей

красотой. — С этими словами д'Агвилар неожиданно упал перед ней на колени и, схватив подол ее платья, прижал к своим губам.

Маргарет смотрела на него, и гнев, вспыхнувший было у нее в душе, таял; вместе с ним исчезло чувство страха. Этот человек был искренен, в этом она не могла сомневаться. Рука, державшая подол ее платья, трепетала, лицо было бледно, а в черных глазах блестели слезы. Почему же бояться этого человека, который был ее рабом?

— Сеньор, — мягко сказала она, — поднимитесь, прошу вас. Не тратьте на меня свою любовь, я не заслуживаю ее и не достойна вас. Я не могу ответить на нее. Сеньор, я уже обручена. Забудьте меня и найдите другую женщину, достойную вашей любви.

— Обручена! — воскликнул д'Агвилар. — Я знаю об этом. Нет, я не хочу сказать о нем ничего дурного. Порочить того, кому более повезло, непристойно. Но какое имеет значение то, что вы обручены? Что значило бы для меня, если бы вы даже были замужем? Я все равно добился бы вас, для меня нет другого пути. Вы говорите, что вы ниже меня. Вы выше меня, как звезда, и вас так же трудно достичь. Искать другую любовь? Уверяю вас, что я завоевал немало женщин — ведь не все так неприступны, как вы, — и теперь я ненавижу их. Я жажду вашей любви и буду добиваться вас до последнего дня моей жизни. Я завоюю вас или погибну. Впрочем, нет, я не умру, пока вы не будете моей. Не пугайтесь, я не буду убивать вашего возлюбленного, иначе как в честном бою. Я не буду принуждать вас стать моей женой, даже если бы я имел такую возможность, но я еще услышу из ваших собственных уст, как вы попросите меня быть вашим мужем. Я клянусь в этом Иисусом! Я клянусь, что только этому посвящу всю свою жизнь! И если случится так, что вы умрете раньше меня, я последую за вами до самых ворот рая и найду вас там.

Страх вновь сжал сердце Маргарет. Любовь этого человека была страшна, хотя и величественна. Питер никогда не говорил ей таких слов.

— Сеньор, — сказала она почти виноватым голосом, — мертвые оказываются плохими невестами. Оставьте эти больные фантазии, их порождает ваша восточная кровь.

— Но это и ваша кровь — ведь вы наполовину еврейка, и вы должны понимать мои чувства.

— Возможно, я и понимаю. Может быть, я восхищаюсь ими и даже считаю их по-своему возвышенными и благородными, если можно считать благородным стремление завоевать чужую невесту. Но я, сеньор, невеста другого и принадлежу ему вся, телом и душой. И я не откажусь от своего слова и не разобью его сердца за все царства на земле. Еще раз прошу вас,

сеньор, предоставьте бедной девушке ту скромную участь, которую она избрала, и забудьте ее.

— Леди, — ответил д'Агвилар, — ваши слова мудры и деликатны, я благодарен вам за них. Но я не могу забыть вас. И клятву, которую я только что произнес, я повторяю. — И прежде чем Маргарет успела остановить его и даже догадаться о том, что он собирается делать, д'Агвилар взял золотое распятие, висевшее у нее на груди, поцеловал его и опустил со словами: — Вы видите, я мог поцеловать вас в губы и вы не успели бы остановить меня, но я никогда этого не сделаю, пока вы сами не позволите мне. Поэтому вместо ваших губ я поцеловал распятие, которое мы оба носим. Леди Маргарет, моя леди Маргарет, через день или два я уплываю в Испанию, и я увожу с собой ваш образ. Я верю, что пройдет немного времени — и наши пути скрестятся. Разве может быть иначе — ведь наши жизни переплелись в тот вечер около Вестминстерского дворца, переплелись для того, чтобы никогда не разойтись, пока один из нас не покинет этот мир. А сейчас прощайте.

Д'Агвилар исчез так же бесшумно, как и появился.

Выпустила его из дома та же Бетти, которая перед тем открыла ему дверь. Быстро оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что ее никто не видит — на это можно было надеяться, так как Питера дома не было, а с ним уехали лучшие слуги, хозяин тоже отсутствовал, — Бетти оставила дверь приоткрытой, чтобы иметь возможность вернуться незамеченной, и выскользнула вслед за д'Агвиларом. Они дошли до старой арки, которая в давние времена служила входом в ныне разрушенный дом. Сюда, в этот темный уголок, и завернула Бетти, потянув за руку д'Агвилара. Он остановился на мгновение, пробормотал сквозь зубы какое-то испанское проклятие и пошел за ней.

— Что вы хотите мне сказать, прелестная Бетти? — спросил он.

— Меня интересует, — с едва сдерживаемым негодованием воскликнула Бетти, — что вы хотите мне сказать, мне, которая так много сделала для вас сегодня! Для моей кузины у вас находится немало слов, я знаю. Я ведь была в саду и сквозь ставни слышала, как вы говорили, говорили, говорили, как будто защищали свою жизнь.

«Надеюсь, что в этих ставнях нет отверстий, — подумал про себя д'Агвилар, — и она ничего не могла увидеть». Вслух же он сказал:

— Мисс Бетти, вы не должны были стоять на этом жестоком ветре. Вы могли простудиться, что бы я тогда делал?

— Не знаю. Скорее всего, ничего. Но я хочу знать, почему вы уверяли меня, что хотите прийти, чтобы повидать меня, и вместо этого провели

целый час с Маргарет?

— Чтобы избежать подозрений, дорогая Бетти. Кроме того, я должен был поговорить с ней о Питере, который ее, по-видимому, так интересует. Вы ведь очень проницательны, Бетти, скажите мне: там готовится свадьба?

— Думаю, что да. Мне ничего не говорили, но я многое замечаю. Кроме того, она почти каждый день пишет ему письма. Я только не понимаю, что она нашла в этом человеке.

— Без сомнения, она высоко ценит его честность, так же как я вашу. Кто может объяснить движения сердца? Ведь, как говорят знающие люди, одни из них внушает небо, а другие ад. В конце концов, это не наше с вами дело. Пусть они будут счастливы, поженятся, и пусть у них будет многочисленное и здоровое потомство. Однако, дорогая Бетти, вы готовы к поездке в Испанию?

— Не знаю, — мрачно ответила Бетти. — Я не уверена, что можно довериться вам и вашим красивым словам. Если вы хотите жениться на мне, как вы клянетесь, почему мы не можем сделать все это до отъезда? Откуда я знаю, что вы выполните свое обещание, когда мы будем в Испании?

— Вы задаете много вопросов, Бетти. Я вам уже ответил на них раньше. Я уже говорил вам, что не могу жениться на вас здесь потому, что должен получить на это разрешение. Оно необходимо из-за различия в нашем положении. Здесь, где все знают, кто вы, я такого разрешения не получу. В Испании вы будете представлены как знатная английская леди — а вы действительно имеете на это право по своему рождению, — и я получу такое разрешение в течение часа. Но если вы сомневаетесь во мне, то, хотя сердце у меня разрывается в груди, когда я говорю это, нам лучше расстаться сейчас же. Мне не нужна жена, которая не доверяет мне. Скажите, жестокая Бетти, вы хотите покинуть меня?

— Вы знаете, что я не хочу этого, вы знаете, что это убьет меня! — воскликнула Бетти голосом, полным страсти. — Вы знаете, что я люблю землю, по которой вы ходите, и ненавижу каждую женщину, которая оказывается около вас, даже свою кузину, хотя она всегда была так добра ко мне. Я рискну и поеду с вами, потому что я верю, что вы честный джентльмен и не обманете девушку, доверившуюся вам. Но если вы обманете меня, пусть бог накажет вас. Я ведь не игрушка, которую можно сломать и выбросить, и вы убедитесь в этом. Да, я рискну, потому что вы заставили меня полюбить вас так, что я не могу жить без вас.

— Бетти, ваши слова восхищают меня! Я вижу, что не ошибся в вашем благородном сердце. Но говорите чуть потише. Вернемся к нашему плану.

Времени мало, и ваше отсутствие могут обнаружить. В день отплытия я приглашу госпожу Маргарет и вас на мой корабль.

— А почему не пригласить меня без Маргарет?

— Потому что это возбудит подозрения, которых нам нужно избегать. Не перебивайте меня. Я приглашу вас обеих или заставлю приехать под каким-нибудь другим предлогом и тогда распоряжусь, чтобы ее отправили на берег. Предоставьте все это мне, поклянитесь только, что вы выполните все, что я напишу вам. Если вы этого не сделаете, имейте в виду, у нас есть могущественные враги, которые могут навсегда разлучить нас. Я буду откровенен с вами, Бетти: есть одна знатная дама, которая ревнует и следит за вами. Вы клянетесь?

— Да, да, я клянусь! Но кто эта знатная дама?

— Ни слова о ней, во имя вашей и моей жизни! Я скоро извещу вас. А теперь, дорогая, до свидания.

— До свидания, — отозвалась Бетти, но не тронулась с места.

Поняв, что она ожидает еще чего-то, д'Агвилар собрался с силами и коснулся губами ее волос. В тот же момент он пожалел об этом — даже эта умеренная ласка вызвала в ней бурю страсти. Бетти обвила его шею руками и принялась целовать, пока он, наполовину задушенный, не вырвался из ее объятий и не спасся бегством.

«Матерь божья, — подумал он, — эта женщина похожа на вулкан во время извержения! Я буду теперь целую неделю ощущать ее поцелуи. — И он вытер лицо рукой. — Лучше было бы придумать другой план, но теперь уже поздно менять что-либо — она выдаст меня. Как-нибудь я от нее избавлюсь, хотя бы мне пришлось ее утопить. Тяжкая участь — любить госпожу и быть любимым служанкой».

Глава IX . Ловушка

На следующее утро, когда вернулся Кастелл, Маргарет рассказала ему о визите д'Агвилара и обо всем, что произошло между ними. Испанец сказал ей, что она наполовину еврейка, значит он раскрыл тайну Кастелла.

— Я знаю об этом, знаю! — ответил ей взволнованный и рассерженный отец. — Вчера он угрожал мне. Будь что будет, я встречу мой жребий. А сейчас я хочу знать, кто впустил этого человека в мой дом в мое отсутствие и без моего разрешения.

— Бетти, — ответила Маргарет. — Она клянется, что не думала, что поступает дурно.

— Пошли за ней, — сказал Кастелл.

Бетти тут же явилась и в ответ на расспросы хозяина сочинила длинную историю. Вечером она вышла подышать свежим воздухом, как вдруг подошел сеньор д'Агвилар, поздоровался с ней прошел в дом, сказав, что у него назначено свидание с хозяином.

— Со мной? — прервал ее Кастелл. — Но ведь меня не было дома.

— Я не знала, что вы уехали. Меня не было дома, когда вы уезжали, и никто мне об этом не сказал. А я знаю, что сеньор д'Агвилар ваш друг. Я его впустила и потом выпустила. Вот и все, что я могу сказать.

— Тогда я должен сказать, что ты потаскушка и лгунья и что этот испанец каким-то путем подкупил тебя! — вспылил Кастелл. — Вот что, девчонка, хоть ты и родственница моей жены, но я решил выгнать тебя на улицу. Можешь умирать там с голоду.

Бетти сначала вспылила, потом принялась плакать. Маргарет начала упрашивать отца не делать этого, потому что он погубит Бетти и возьмет грех на душу. Кончилось все тем, что Кастелл, будучи человеком добрым, вспомнил, что покойная жена любила Бетти Дин, как родную дочь, и ограничился тем, что запретил Бетти выходить из дома без Маргарет и распорядился, чтобы дверь отпирал только слуга.

В тот же день Маргарет написала Питеру обо всем, что у них произошло, и о том, как испанец просил ее выйти за него замуж. Умолчала она только о словах, которые он ей говорил. В конце письма она запрещала Питеру ревновать ее к сеньору д'Агвилару или к какому-либо другому мужчине, так как Питер знает, кому принадлежит ее сердце.

Получив это письмо, Питер чрезвычайно взволновался. Что Кастелл и Маргарет навлекли на себя злобу д'Агвилара, в этом он не сомневался. Его

возмутило, что д'Агвилар осмелился беспокоить Маргарет своими ухаживаниями. Все остальное его мало волновало, ибо он верил в нее, как в бога. Тем не менее Питеру захотелось как можно скорее вернуться в Лондон, пренебрегая опасностью. Однако не прошло и трех дней, как он получил письма сразу от Кастелла и Маргарет, которые успокоили его.

В письмах сообщалось, что д'Агвилар отплыл в Испанию. Во всяком случае Кастелл видел его стоящим на корме корабля, плывшего вниз по Темзе, по направлению к морю. То был корабль испанского посла де Айалы. Кроме того, Маргарет получила от него прощальный привет. В записке было написано:

Прощайте, прекрасная леди. До предопределенного часа, когда мы встретимся вновь. Я уезжаю, потому что должен ехать, но я увожу с собой ваш образ.

Любящий вас до самой смерти Морелла.

«Он может возить с собой ее образ, пока сама она со мной, но если он вернется со своей любовью, клянусь, что смерть и он не долго будут ходить порознь!» — таковы были мрачные мысли Питера. Затем он вернулся к письмам. Теперь, после отъезда испанцев, ему нечего бояться, а в Лондоне его уже ждут. Кастелл в своем письме назначил день приезда — 31 мая, ровно через неделю, с тем что на следующий день — 1 июня — состоится их свадьба. Устраивать свадьбу в мае нельзя — считалось, что это может принести несчастье.

Эти же новости сообщала и Маргарет в таких нежных словах, что Питер поцеловал ее письмо и тут же написал ей ответ — краткий, по обыкновению. Он писал, что, если на то будет воля святых, он приедет к вечеру 31 мая и что во всей Англии нет человека счастливее, чем он.

Всю эту неделю Маргарет была совершенно поглощена приготовлением своего подвенечного платья. Кроме того, она занималась и другими туалетами, так как было решено, что на следующий день после свадьбы они уедут в Дедхэм, а отец вскоре последует туда за ними. Старый замок был еще не готов, для окончания работ требовалось еще немало времени, но Питер привел в порядок несколько комнат, в них они могли жить летом, а к зиме должен был быть готов весь дом.

Кастелл тоже был очень занят. «Маргарет» готовилась к новому плаванию, и трюмы ее принимали последние грузы. Кастелл надеялся отправить судно в тот же день — 31 мая — и таким образом покончить с

этим последним своим делом. Ему оставалось только передать свои склады и лавки купцам, которые купили их. Дела держали его в Грейвсенде, где стояло судно, но он был спокоен, так как д'Агвилар и все остальные испанцы, в том числе и слуги де Айала, которые поклялись убить Питера, уехали.

О, как счастлива была Маргарет в эти прекрасные весенние дни! Сердце ее было спокойно, как безоблачное небо. Она была так счастлива, так поглощена хлопотами, что не обращала внимания на свою кузину Бетти, которая помогала ей готовить свадебный наряд и все что нужно для отъезда. Если бы она присмотрелась, то заметила бы, что Бетти встревожена и словно чего-то ждет. Она боролась с овладевшим ее отчаянием. Но Маргарет ничего не замечала, ее сердце было слишком полно своим счастьем, она считала часы до возвращения Питера.

Время шло. Наконец наступил день, когда должен был вернуться Питер. На следующий день была назначена свадьба. К ней все было готово, включая прекрасный костюм для Питера. Таких нарядных костюмов он никогда раньше не носил. Соседнюю церковь, где должно было происходить венчание, уже убрали цветами.

Рано утром Кастелл уехал в Грейвсенд, захватив с собой большую часть слуг. «Маргарет» на рассвете следующего дня уходила в море. Кастелл обещал вернуться к ночи, чтобы встретить Питера, который собирался выехать из Дедхэма утром и не мог приехать раньше ночи.

К четырем часам дня в доме все было готово, и Маргарет пошла в свою комнату переодеться к приезду Питера. Бетти она не взяла с собой — та была чем-то занята. Кроме того, сердце Маргарет было так переполнено радостью, что ей хотелось побыть немного одной.

Сердце Бетти тоже было переполнено, но отнюдь не радостью. Ее обманули. Красивый испанец, которого она так страстно полюбила, уехал и не прислал ей ни слова. Сомневаться в этом не приходилось — его видели на борту отплывавшего судна, — и ни единого слова! Это было жестоко, и теперь она, у которой украли надежду и любовь, должна была помогать другой женщине, которая собиралась стать счастливой женой. С сердцем, преисполненным горечью, Бетти, кусая губы и вытирая глаза рукавом платья, принялась за дела. Неожиданно открылась дверь, и слуга — не их, а со стороны, приглашенный для помощи на завтрашний день, — сообщил, что ее хочет видеть какой-то матрос.

— Впусти его. У меня нет времени ходить и выслушивать всех! — вспылила Бетти.

Слуга ввел матроса и тут же оставил их одних. Посланец оказался

смуглым малым с лукавыми черными глазами. Если бы он не говорил так хорошо по-английски, его можно было бы принять за испанца.

— Кто ты, и что у тебя за дело? — нетерпеливо спросила Бетти.

— Я плотник с «Маргарет», — объяснил он, — меня послали сказать, что с господином Кастеллом случилось несчастье и он просит, чтобы его дочь Маргарет немедленно приехала к нему.

— Какое несчастье? — вскрикнула Бетти.

— Он смотрел, как укладывают груз, поскользнулся и упал в трюм, повредил себе спину и сломал правую руку. Поэтому он не мог написать. Но доктор, которого мы вызвали, приказал мне передать мисс Маргарет, что в настоящий момент он не боится за его жизнь. Вы мисс Маргарет?

— Нет, — ответила Бетти, — но я сейчас же пойду за ней. Подожди здесь.

— Тогда, значит, вы ее кузина, мисс Бетти Дин? Если это так, то у меня есть кое-что и для вас.

— Да, это я.

— Вот, — сказал матрос, вытаскивая письмо и протягивая его Бетти.

— Кто дал тебе это? — подозрительно спросила Бетти.

— Я не знаю его имени, но по виду это очень благородный испанец. И очень щедрый. Он услышал про несчастье на «Маргарет» и о том, что я еду сюда, и попросил меня передать вам письмо. В награду он подарил мне золотой дукат и взял слово, что я передам это письмо только вам и никому не скажу о нем ни слова.

— Какой-нибудь неотесанный поклонник, — заявила Бетти, кивнув головой, — они вечно пишут мне. Жди здесь, я пойду за мисс Маргарет.

Как только Бетти очутилась за дверями, она быстро вскрыла письмо и впилась в него глазами.

Любимая!

Вы думаете, что я обманул вас и уехал, но это неправда. Я хранил молчание только потому, что вам все равно не удалось бы выйти одной из дома, ведь вас так стерегут. Но теперь бог любви дарует нам эту возможность. Конечно, ваша кузина возьмет вас с собой к отцу, который лежит у себя на судне, тяжело раненный. Пока она будет с ним, я уведу вас, и тогда мы обвенчаемся и тут же уедем — сегодня же или завтра. Зная, что вы хотите этого, я с огромными трудностями добился разрешения, и священник будет ждать нас, чтобы обвенчать. Не говорите никому ни слова и не высказывайте ни опасений, ни страха, что бы ни случилось, иначе мы будем разлучены навсегда. Уговорите вашу кузину поехать, чтобы вы могли

сопровождать ее. Помните, что ваш возлюбленный ждет вас.

К. д'А.

Когда Бетти разобрала содержание этого любовного послания, ее сердце забилось от волнения, голова закружилась, и она чуть не упала. Потом она подумала, что это могла быть шутка. Нет, Бетти узнала почерк д'Агвилара, — он верен ей, он женится на ней, как обещал, и увезет ее в Испанию, чтобы сделать там знатной дамой. Если она будет медлить, она может потерять его навсегда; его, за кем она готова идти на край света. В ту же минуту решение было принято — Бетти была храброй девушкой. Она поедет, даже если ей придется бросить кузину, которую она так любит.

Спрятав письмо на груди, Бетти бросилась в комнату Маргарет и рассказала ей о посланце и ужасном известии. О письме она не сказала ни слова. Маргарет побледнела от волнения, однако, овладев собой, выговорила:

— Я пойду поговорю с ним.

Они вместе спустились по лестнице.

Матрос повторил Маргарет всю историю. Он рассказал ей, как произошло несчастье — по его словам, это случилось у него на глазах, — и описал, какие раны получил ее отец. При этом он добавил, что, хотя врач и утверждает, что опасности для жизни нет, однако господин Кастелл думает об этом иначе и все время просит, чтобы к нему немедленно привели дочь.

Несмотря на все, Маргарет сомневалась и медлила — она боялась, сама не понимая чего.

— Питер будет здесь самое большее через два часа, — обратилась она к Бетти. — Может быть, лучше дождаться его?

— О Маргарет, а что, если тем временем твой отец умрет? Уж наверно, он лучше знает, что с ним, чем тот коновал, которого к нему позвали. Ведь ты тогда потеряешь покой на всю жизнь! Конечно, тебе нужно ехать. Или, в крайнем случае, поеду я одна.

Маргарет все еще колебалась, пока матрос не вмешался:

— Миледи, если вы поедете, я могу проводить вас к тому месту, где вас ожидает шлюпка, чтобы переправить через реку. Если же нет, я должен вас оставить — судно уйдет с восходом луны, они ждут только вашего приезда, чтобы перенести хозяина, вашего отца, на берег. Они думают, что лучше это сделать при вас. Если же вы не приедете, они сделают это сами, как можно бережнее. Там вы завтра и найдете господина Кастелла, живого или мертвого. — С этими словами матрос взял свою шапку, собираясь уходить.

— Я еду с вами! — воскликнула Маргарет. — Ты права, Бетти. Прикажи оседлать двух лошадей, мою и грума. Пусть на его лошадь найдут второе седло, удобное для тебя. Поедем вместе. У матроса, очевидно, лошадь есть.

Матрос утвердительно кивнул и отправился вслед за Бетти в конюшню. Маргарет же схватила перо и принялась наспех писать записку Питеру. Она сообщала ему о несчастье, постигшем их, и умоляла немедленно ехать вслед за ней. «Я вынуждена ехать, — приписала она, — одна, с Бетти и незнакомым мужчиной. Однако я должна это сделать, ибо сердце мое разрывается от страха за отца. Любимый, скорее следуй за мной».

Маргарет передала записку слуге, который впустил матроса, и приказала вручить это письмо мистеру Питеру Бруму немедленно, как только он приедет. Слуга поклялся, что сделает это.

Затем Маргарет достала для себя и для Бетти простые черные плащи с капюшонами, которые должны были скрывать их лица, и вскоре они уже были на конях.

— Стой! — воскликнула Маргарет, обращаясь к матросу, когда они уже собирались выехать. — Почему отец не послал вместо тебя кого-нибудь из своих слуг и почему он не написал мне?

Матрос искренне удивился:

— Его слуги ухаживали за ним, и он приказал ехать мне, потому что я знаю дорогу и у меня на берегу хорошая лошадь, на которой я обычно езжу с поручениями в Лондон. А что касается письма, то врач начал писать, но он делал это так медленно, что господин Кастелл приказал мне тотчас ехать. Похоже, — добавил он с некоторым раздражением, обращаясь к Бетти, — что госпожа Маргарет не доверяет мне. Если так, пусть она ищет себе другого проводника или остается дома. Мне все равно. Я выполнил то, что мне приказано.

Этими словами хитрый малый рассеял страхи Маргарет, но Бетти, помня о письме д'Агвилара, была все-таки встревожена. Вся эта история выглядела несколько странной, но глупая и тщеславная девушка уверяла себя, что если здесь что-то и подстроено, то только для того, чтобы помочь ей. Ведь одну ее не отпустили бы. Бетти поистине обезумела и не очень задумывалась над тем, что делает. В ее оправдание нужно только сказать, что ей и в голову не приходило, что ее кузине Маргарет может грозить какая-нибудь неприятность или что вся эта история с Кастеллом и его ранением — ложь.

Вскоре они уже оказались за пределами Лондона и быстро ехали вдоль

северного берега реки. Их проводник объяснил, что судно стоит не у самого берега и что лодка ждет их в Тильбюри. Туда было более двадцати миль, и как они ни спешили, ночь наступила раньше, чем они прибыли к месту. В конце концов, когда они были уже совершенно измучены тяжелой дорогой, матрос остановился у берега и объявил, что они приехали. Невдалеке виднелась маленькая пристань, но вокруг не было ни одного дома. Спешившись, матрос передал поводья своей лошади груму, спустился к пристани и громко спросил, здесь ли шлюпка с «Маргарет». Чей-то голос ответил: «Да». Затем он с минуту поговорил с людьми в шлюпке — о чем, Маргарет и Бетти не слышали — и прибежал обратно. Матрос предложил им спешиться и сообщил, что они очень хорошо сделали, приехав, потому что господину Кастеллу стало хуже и он все время зовет дочь.

Груму матрос приказал отвести лошадей на постоялый двор и дождаться там их возвращения или новых распоряжений. Бетти матрос предложил поехать вместе с грумом, так как в шлюпке не было места. Бетти готова была согласиться, думая, что это часть плана ее похищения, но Маргарет заявила, что, если Бетти не будет вместе с ней, она не сделает ни шагу. Немного поворчав, матрос повел их по каким-то деревянным ступенькам к шлюпке, очертания которой едва были различимы в темноте.

Как только Маргарет и Бетти уселись рядышком на корме, шлюпка оттолкнулась от берега и понеслась вперед, в темноту. Один из матросов зажег фонарь и укрепил его на носу. Где-то далеко, как бы в ответ на этот сигнал, тоже вспыхнул огонек, и шлюпка направилась к нему. Теперь Маргарет решилась спросить у гребцов о состоянии ее отца, но матрос, их проводник, попросил ее не отвлекать их разговорами, так как течение здесь очень быстрое и шлюпка может перевернуться. Маргарет замолчала, терзаемая сомнениями и страхом, следя за огоньком, который все приближался, пока наконец не оказался над их головами.

— Это «Маргарет»? — крикнул проводник, и опять чей-то голос ответил утвердительно.

— Тогда доложите господину Кастеллу, что его дочь здесь! — прокричал проводник, и тут же с борта был сброшен канат и шлюпку накрепко привязали к трапу.

Бетти, оказавшаяся ближе всех к трапу, вступила на него. Впрочем, проводник опередил ее, быстро взбежав по деревянным ступеням.

Сильная и ловкая Бетти последовала за ним. Следующей стала подниматься Маргарет. Когда Бетти очутилась на палубе, ей показалось, что она слышит испанскую речь, и она разобрала одну фразу: «Дурак! Зачем ты привез обеих?», но ответа она не расслышала. Она повернулась,

подала руку Маргарет, и они вместе пошли к мачте.

— Проводите меня к моему отцу, — сказала Маргарет.

Проводник тут же отозвался:

— Да, да, госпожа, вот сюда. Только идите одна: появление вас обеих может разволновать его.

— Нет, — ответила Маргарет, — моя кузина пойдет со мной. — И она крепко схватила Бетти за руку.

Пожав плечами, матрос повел их вперед. Маргарет успела заметить, что одни матросы ставили парус, другие, распевая какую-то странную, дикую песню, начали вращать нечто похожее на ворот. Но в этот момент они добрались до каюты. Дверь за ними захлопнулась. За столом сидел мужчина, над его головой висела лампа. При их появлении мужчина встал, повернулся к ним и поклонился — это был д'Агвилар.

Бетти остановилась как вкопанная, она ожидала встречи с ним, но не здесь и не при таких обстоятельствах. Ее глупенькое сердце так заколотилось при виде д'Агвилара, что, казалось, она сейчас задохнется от волнения. Она только смутно догадывалась, что произошла какая-то ошибка, и думала, как он теперь объяснит все Маргарет, чтобы она уехала и оставила их — Бетти и д'Агвилара — вдвоем. Бетти даже быстро оглядела каюту, чтобы выяснить, где ожидает священник. Увидев сзади дверь, она решила, что, конечно, он спрятан там.

У Маргарет при виде д'Агвилара вырвался короткий, сдавленный крик, но уже в следующую секунду, как храбрая женщина — одна из тех натур, которые становятся крепче перед лицом испытаний, — она выпрямилась и спросила низким, гневным голосом:

— Что вы здесь делаете? Где мой отец?

— Сеньора, — покорно ответил он, — вы находитесь на борту моей каравеллы «Сан Антонио», а что касается вашего отца, то он либо на своем корабле «Маргарет», либо, что более вероятно, дома в Холборне.

При этих словах Маргарет отпрянула назад.

— Не упрекайте меня, — торопливо продолжал д'Агвилар, — я скажу вам всю правду. Во-первых, не волнуйтесь за своего отца: с ним не случилось никакого несчастья, он цел и невредим. Простите меня за причиненное вам волнение, у меня не было другого пути. Эта история — всего лишь ловушка, одна из хитростей, к которым прибегает любовь… — Он приостановился, потрясенный выражением лица Маргарет.

— Ловушка! Хитрость! — чуть слышно пробормотала она; глаза ее метали молнии. — Ну, я отплачу вам за вашу хитрость!

Д'Агвилар увидел, что Маргарет выхватила кинжал, спрятанный у нее

на груди, и сейчас бросится на него. Он не мог сдвинуться с места: эти страшные глаза приковали его. Еще секунда — и стальное лезвие пронзило бы его сердце, но Бетти с криком бросилась к Маргарет и обхватила ее своими сильными руками.

— Послушай, ты не поняла его. Это меня он добивается, а не тебя. Он любит меня, а я люблю его и готова выйти за него замуж. Ты уедешь обратно домой.

— Отпусти меня, — сказала Маргарет таким тоном, что у Бетти руки сами опустились. Маргарет осталась стоять, сжимая в руке кинжал. — А теперь, — обратилась она к д'Агвилару, — говорите правду, и поскорее. Что означают ее слова?

— Ей лучше знать, — смущенно ответил д'Агвилар. — Ей нравится рядиться в эту паутину тщеславия.

— Которую вы, может быть, сами сплели. Говори, Бетти!

— Он ухаживал за мной, — всхлипнула Бетти, — и я влюбилась в него. Он обещал жениться на мне. Только сегодня он прислал мне письмо. Вот оно.

— Читай! — сказала Маргарет. И Бетти повиновалась.

— Значит, это ты предала меня, — произнесла Маргарет, — ты, моя кузина, которую я приютила и так любила!

— Нет! — закричала Бетти. — Я не думала предавать тебя, скорее я бы умерла! Я на самом деле поверила, что с твоим отцом несчастье и что, пока ты будешь с ним, этот человек сумеет похитить меня.

— Что вы на это скажете? — обратилась Маргарет к д'Агвилару все тем же ледяным голосом. — Вы предлагали и мне и ей вашу любовь и заманили сюда нас обеих. Что вы можете сказать?

— Только то, — ответил д'Агвилар, стараясь выглядеть мужественно, — что эта женщина глупа, я играл на ее тщеславии ради того, чтобы быть рядом с вами.

— Ты слышишь, Бетти, ты слышишь? — вскричала Маргарет с коротким и страшным смехом.

Но Бетти только стонала…

— Я люблю вас и только вас одну, — продолжал д'Агвилар. — Вашу кузину я отправлю на берег. Я совершил этот грех, потому что не мог совладать с собой. Мысль, что завтра вы станете женой другого, сводила меня с ума, и я пошел на все, чтобы вырвать вас из его объятий. Разве я не поклялся вам, — добавил он, пытаясь перейти на свою обычную галантную манеру, — что ваш образ будет сопровождать меня в Испанию, куда мы и плывем сейчас?

Как раз когда он произнес эти слова, корабль слегка накренился под ветром. Маргарет ничего не ответила. Она играла маленьким кинжалом и наблюдала за д'Агвиларом. Глаза ее блестели холоднее стали.

— Убейте меня, если хотите, — вновь заговорил д'Агвилар, и в голосе его прозвучали любовь и стыд. — Тогда я освобожусь от страданий.

При этих словах Маргарет как будто проснулась. Теперь она заговорила с ним совершенно иным голосом — размеренным и ледяным.

— Нет, — сказала она, — я не оскверню своих рук вашей кровью. К чему мне лишать бога его мести? Но если вы попытаетесь дотронуться до меня или разлучить меня с этой бедной женщиной, которую вы обманули, тогда я убью, но не вас, а себя. И я клянусь вам, что мой призрак будет сопровождать вас в Испанию и из Испании дальше, в ад, который ожидает вас. Слушайте меня, Карлос д'Агвилар, маркиз Морелла, ведь я знаю, что вы верите в бога и боитесь его гнева. Так я призову на вас мщение всемогущего. Оно обрушится на вас, будете ли вы бодрствовать или спать, любить или ненавидеть, будете ли вы живы или умрете. Творите зло, но все равно это напрасно. Буду ли я жива или мертва, каждое унижение, какое вы заставите меня испытать, каждое несчастье, которое причинили или причините моему возлюбленному, моему отцу и этой женщине, возместится вам в миллион раз на этом свете и на том. Вы все еще хотите, чтобы я сопровождала вас в Испанию, или вы отпускаете меня?

— Я не могу, — хрипло ответил д'Агвилар, — слишком поздно.

— Ну что ж, я буду сопровождать вас в Испанию, я и Бетти Дин, и с нами вместе месть всемогущего бога, которая нависла над вами. В одном вы должны быть уверены: я ненавижу вас, я презираю вас, но я не боюсь вас. Уходите.

Д'Агвилар, спотыкаясь, вышел из каюты, и обе женщины услышали, как захлопнулась за ним дверь.

Глава X . Погоня

Приблизительно в то самое время, когда Маргарет и Бетти поднялись на борт «Сан Антонио», Питер Брум со своими слугами подъехал к дому в Холборне. Питера на час с лишним задержала грязь на дороге. Целый месяц мечтал он об этой минуте, как может мечтать человек, уверенный, что его хорошо встретят. Ведь на следующий день состоится свадьба с прекрасной и любимой женщиной. Он представлял себе, как Маргарет будет поджидать его у окна, как она бросится к двери, как он спрыгнет с коня и обнимет ее — на глазах у всех. Кого им теперь стыдиться, если завтра они станут мужем и женой!

Но Маргарет у окна не было; во всяком случае, он не увидел ее — было темно. В окнах даже не горел свет. Старый дом был мрачен. Тем не менее Питер действовал так, как представлял себе в мечтах. Он соскочил с коня, подбежал к двери и хотел распахнуть ее, но не смог — дверь была заперта. Тогда он принялся колотить в нее рукояткой меча, пока наконец кто-то не подошел и не отпер замок. Это оказался незнакомый ему слуга, недавно принятый в дом, тот самый, которому Маргарет оставила письмо. В руке он держал фонарь.

При виде его у Питера похолодело сердце.

— Кто ты? — спросил он и, не ожидая ответа, продолжал: — Где господин Кастелл и госпожа Маргарет?

Слуга сообщил, что хозяин еще не вернулся с корабля, а леди Маргарет около трех часов назад уехала вместе с Бетти и матросом — все верхом.

— Она, наверное, поехала встречать меня и мы разминулись в темноте, — предположил Питер.

Тогда слуга спросил его, не он ли Питер Брум, так как для него оставлено письмо.

— Да, да! — крикнул Питер и вырвал письмо из рук слуги. Он приказал ему закрыть дверь и держать фонарь так, чтобы можно было читать. Он сразу узнал почерк Маргарет.

— Странная история! — пробормотал он, дочитав письмо, — я должен ехать.

Питер уже направился к двери и протянул руку, чтобы открыть ее, как вдруг дверь распахнулась и вошел Кастелл, здоровый и невредимый.

— Здравствуй, Питер! — весело закричал он. — Я знал, что ты уже

здесь, я увидел лошадей, но почему ты не с Маргарет?

— Потому что Маргарет уехала к вам. Вы ведь чуть ли не смертельно ранены — так, во всяком случае, говорится в этом письме.

— Уехала ко мне? Смертельно ранен? Дай-ка сюда письмо. Или нет, лучше прочитай сам, я ничего не вижу.

Питер прочитал письмо вслух.

— Здесь какой-то заговор, — с трудом выговорил Кастелл, когда письмо было окончено, — и думаю, что это дело рук испанца, или Бетти, или их обоих.

Ну-ка, парень, выкладывай нам все, что ты знаешь, да поскорее, если хочешь сохранить шкуру.

— Да я что! — торопливо ответил слуга и рассказал всю историю с приездом матроса.

— Беги скажи людям, чтобы привели обратно лошадей, — прервал его рассказ Кастелл. — А ты, Питер, приди в себя и выпей стакан вина. Нам обоим это не помешает. Эй, есть здесь кто-нибудь из моих слуг? — крикнул он.

Кастелл приказал прибежавшим слугам перекусить и выпить чего-нибудь для подкрепления и, пока они пили, рассказал им о том, что похищена их хозяйка Маргарет и что нужно отправиться в погоню. Послышался шум — это привели лошадей из конюшни. Все выбежали на улицу, вскочили в седла и помчались по дороге в Тильбюри. Они поскакали той же дорогой, какой ехала Маргарет, не потому, что они подозревали об этом, а потому, что она была самой короткой.

Однако лошади были усталые, ночь темная, шел дождь, и, когда они еще только подъезжали к Тильбюри, в какой-то церкви часы пробили три. Они как раз проезжали мимо той маленькой пристани, где Маргарет и Бетти садились в шлюпку. Питер и Кастелл скакали рядом, впереди всех, в полном молчании — говорить было не о чем, — как вдруг их окликнул знакомый голос. Это был голос грума Томаса.

— Я увидел головы ваших коней на фоне неба, — объяснил он, — и узнал их.

— Где твоя хозяйка? — в один голос спросили Питер и Кастелл.

— Уехала, уехала вместе с Бетти Дин в шлюпке вон от той пристани. Они поплыли, мне кажется, к «Маргарет». Я отвел лошадей на постоялый двор, как мне приказали, и вернулся, чтобы подождать их. Это было несколько часов назад. С тех пор я не видел ни одной живой души и ничего не слышал, кроме шума ветра и воды, пока не услышал топот ваших коней.

— Надо ехать в Тильбюри и достать шлюпку, — сказал Кастелл. —

Мы должны успеть на «Маргарет» раньше, чем она снимется с якоря. Может быть, женщины — на борту «Маргарет»?

— Если так, то я думаю, что их туда завлекли испанцы. Я уверен, что в этой шлюпке были не англичане, — сказал Томас.

Он бежал рядом с лошадью Кастелла, держась за стремя.

Кастелл ничего не ответил. Питер громко вздохнул — он тоже был уверен, что это дело рук испанцев.

Спустя час, когда уже брезжил рассвет, они поднимались на борт «Маргарет», как раз в тот момент, когда на ней выбирали якорь. Разговор с капитаном «Маргарет» Джекобом Смитом подтвердил их самые худшие опасения. Ни одна шлюпка не покидала судно, ни Маргарет, ни Бетти здесь не появлялись. Но часов шесть назад мимо них проплыла испанская каравелла «Сан Антонио», которая стояла выше их по течению. Более того: два лодочника, привозившие на «Маргарет» свежее мясо, рассказали, что, когда они привезли на «Сан Антонио» трех овец и домашнюю птицу, как раз перед отплытием, они видели, как две высокие женщины поднимались по трапу, и слышали, как одна из них сказала по-английски: «Проводите меня к моему отцу».

Теперь они знали всю правду и смотрели друг на друга, онемев от отчаяния. Первым нашел в себе силы заговорить Питер.

— Я должен ехать в Испанию — разыскать свою невесту, — медленно произнес он, — если она жива, и убить похитителя. Отправляйтесь домой, мастер Кастелл.

— Мой дом там, где моя дочь! — сердито отозвался Кастелл. — Я тоже еду.

— В Испании вам может угрожать опасность, если мы вообще туда доберемся, — многозначительно заметил Питер.

— Даже если бы там был вход в ад, я все равно поеду, — упрямо заявил Кастелл, — почему бы и мне не поохотится за дьяволом?

— Мы сделаем это вдвоем, — сказал Питер и протянул Кастеллу руку.

Это была клятва отца и возлюбленного следовать за той, которая была всем для них, до тех пор, пока смерть не прервет их поиски.

Подумав немного, Кастелл приказал собрать всю команду на палубе. Когда матросы во главе с офицерами и слуги, окружавшие Питера, собрались, Кастелл обратился к ним. Речь его была краткой. Он рассказал о злодейском похищении и заявил, что намеревается вместе с Питером Брумом, у которого украли невесту, — сегодня она уже была бы его женой, — преследовать похитителей. С помощью господа бога они надеются спасти Маргарет и Бетти. Кастелл добавил, что он хорошо понимает, что

это предприятие опасное, поскольку дело может дойти до сражения, а он не хочет требовать от кого бы то ни было, чтобы они рисковали своей жизнью против своего желания, тем более что они нанимались для торгового плавания, а не для сражений. Тем, кто согласится последовать за ним, он обещает в случае благополучного исхода двойное жалованье и подарок и готов дать им в этом расписку. Те, кто не хочет, должны сейчас же покинуть судно.

Когда Кастелл кончил, матросы — их было около тридцати человек — посовещались между собой и с капитаном Джекобом Смитом, отважным человеком лет пятидесяти, и заявили, что они принимают предложение. Отказался только один — молодой парень, совсем недавно женившийся. Все остальные поклялись, что они доведут это дело до конца, хорошего или плохого, потому что все они англичане и не любят испанцев. А от дерзости д'Агвилара у них закипела кровь. Кроме того, из двенадцати слуг, прискакавших с Кастеллом из Лондона, шесть человек, хотя они почти все не были моряками, попросились, чтобы их тоже взяли, потому что они любят Маргарет, своего хозяина и Питера. Решено было взять их. Остальных шестерых слуг отправили на берег, приказав отвезти письма Кастелла к его друзьям, агентам и приказчикам. В этих письмах Кастелл поручал им заботу о своих делах, землях и домах на время его отсутствия. Кроме того, они увезли с собой краткое завещание, подписанное Кастеллом и должным образом засвидетельствованное, в котором он оставлял все свое имущество, включая и прибыли от незавершенных сделок, а также имущество, не включенное в завещание, Маргарет и Питеру, или тому из них, кто окажется жив, или их наследникам. Если же таковых не окажется, то все свое состояние он завещал на устройство больниц для бедных.

После этого остающиеся распрощались с товарищами и грустные отправились на берег. В ту минуту якорь был поднят, и свежий утренний ветер наполнил паруса «Маргарет».

В десять часов они благополучно миновали Нор-Бенк и встретили здесь рыбаков, которые рассказали им, что шесть с лишним часов назад они видели, как «Сан Антонио» прошла к выходу в Ламанш. При этом они заметили двух женщин, которые стояли на палубе, держась за руки, и не отрываясь смотрели в сторону берега. Теперь Кастелл и Питер Брум были уверены, что ошибки быть не могло. Изменить что-либо они были не в силах, и им, измученным горем и дорогой, не оставалось ничего другого, как поесть и отправиться в каюту спать.

Едва Питер улегся, как он вспомнил, что в этот час он должен был стоять в церкви рядом с Маргарет, которая теперь находилась во власти

испанца, — и Питер поклялся страшной клятвой, что д'Агвилар заплатит ему за весь позор и страдания. И действительно, если бы его враг мог в эту минуту видеть лицо Питера, он бы, вероятно, содрогнулся — Питер был не из тех людей, которым можно безнаказанно причинять зло; он не умел прощать, да и оскорбление, нанесенное ему, было слишком жестоким.

В течение четырех дней держался попутный ветер, и «Маргарет» плыла по Ламаншу, надеясь нагнать испанца. Но «Сан Антонио» была быстрая каравелла, водоизмещением в двести пятьдесят тонн, с большим количеством парусов — на ней было четыре мачты, — а «Маргарет», хотя и была хорошим судном, имела только две мачты и не могла соперничать с «Сан Антонио». А может быть, они просто потеряли «Сан Антонио» в море…

На четвертый день, когда они миновали Лизард и ползли довольно медленно, подгоняемые легким бризом, сторожевой матрос крикнул, что видит впереди корабль, попавший в штиль. Питер, у которого были ястребиные глаза, вскарабкался на мачту, чтобы взглянуть на неизвестный корабль. Он сообщил, что, судя по очертаниям и оснастке, это каравелла. Но та ли это каравелла, которую они ищут, он не мог сказать, так как ни разу не видел «Сан Антонио». Тогда уже поднялся наверх сам капитан Смит и через несколько минут, спустившись, заявил, что вне всякого сомнения это «Сан Антонио».

Это сообщение вызвало суматоху на борту «Маргарет». Матросы осматривали свои мечи, луки и арбалеты. Луков было много, но зато бомбарды и пушки отсутствовали. Они редко встречались на торговых судах. План был выработан такой: подойти к борту «Сан Антонио» и взять ее на абордаж. Так они надеялись отбить Маргарет. Конечно, они рисковали тем, что на их головы обрушится гнев короля, поскольку его весьма мало интересует похищение двух английских женщин, но это их не останавливало.

Менее чем в полчаса все было готово, и Питер, шагая по палубе, выглядел счастливым в первый раз с тех пор, как выехал из Дедхэма. Легкий ветерок продолжал подгонять их вперед. С помощью этого ветерка они постепенно подошли на расстояние полумили от «Сан Антонио». Но тут ветер упал, и оба корабля замерли с опущенными парусами. Однако сила прилива или какого-нибудь течения сближала их, и к наступлению темноты между ними оставалось не более четырехсот футов. Англичане надеялись, что до рассвета они подойдут вплотную и смогут высадиться на «Сан Антонио» при свете луны.

Но этому не суждено было сбыться — около девяти часов тяжелые

тучи обложили небо, с берега поднялся сильный ветер, и, когда наступил рассвет, с «Маргарет» были видны лишь верхушки мачт каравеллы, быстро уходившей на юг.

Прошли две долгие недели, прежде чем они опять увидели «Сан Антонио». В течение всего пути от Уэссана через Бискайский залив дули легкие и изменчивые ветры, но, когда они миновали мыс Финистер, с северо-востока налетел шквал, который погнал «Маргарет» быстрее. На второй день этого шторма после захода солнца «Маргарет» вынырнула из тумана, смешанного с дождем, и в миле от нее матросы увидели «Сан Антонио». На «Маргарет» началось ликование — теперь англичане убедились, что «Сан Антонио» не зашла ни в один из портов севера Испании. Хотя порт назначения каравеллы был Кадикс, но на «Маргарет» опасались, что испанцы могут укрыться в одном из северных портов. Вскоре вновь хлынул ливень и скрыл от них «Сан Антонио».

Пока «Маргарет» шла вдоль берегов Португалии, погода становилась день ото дня все хуже и хуже, и, когда они миновали мыс Сан-Висенти и повернули к Кадиксу, начался сильный шторм. Во время этого шторма они в третий раз увидели «Сан Антонио», борющуюся с волнами. Теперь уже до конца путешествия, за исключением часов ночной темноты, англичане не теряли из виду «Сан Антонио». На следующий день «Маргарет» еще приблизилась к испанской каравелле, которая, лавируя, пыталась прорваться в Кадикс. Но в борьбе со штормом «Сан Антонио» потеряла одну из своих мачт. Кроме того, испанцы видели, что «Маргарет», которая лучше справлялась со штормом, вскоре нагонит их. Тогда они изменили свой план, и «Сан Антонио» направилась в Гибралтарский пролив.

Преследуя «Сан Антонио», «Маргарет» прошла мимо Тарифского мыса, африканский берег остался с правого борта, миновала Альхесирасскую бухту — «Сан Антонио» не пыталась зайти в нее, — прошла мимо древней серой скалы Гибралтара, на которой горели сигнальные огни, и под вечер оказалась в Средиземном море на расстоянии меньше мили от «Сан Антонио».

Здесь шторм был еще ужаснее, и матросы с трудом справлялись с обрывками парусов. К утру «Маргарет» потеряла одну из своих мачт. Это была кошмарная ночь — никто не знал, доживет ли он до утра. Сердца Кастелла и Питера разрывались к тому же еще от страха за испанскую каравеллу — ведь она могла пойти ко дну и унести с собой Маргарет. Однако, когда наступил рассвет, они увидели впереди по правому борту «Сан Антонио», правда в очень тяжелом состоянии. К полудню англичане были уже в двухстах ярдах от «Сан Антонио», так что можно было

различить испанских матросов, перебирающихся по ее высокому юту и по корме. Кроме того, они увидели нечто гораздо более важное — две женщины выбежали из каюты, и одна из них стала махать им белым платком. Женщин тут же затащили обратно, но Кастелл и Питер убедились теперь, что Маргарет и Бетти живы и знают, что их пытаются спасти.

Спустя некоторое время они увидели вспышку на борту «Сан Антонио», и, прежде чем до них долетел звук выстрела, большое чугунное ядро упало на палубу «Маргарет»; отскочив, оно ударило в грудь матроса, стоявшего рядом с Питером, и сбросило его в море. Это на «Сан Антонио» выстрелили из бомбарды, но так как больше выстрелов не последовало, англичане решили, что орудие при выстреле, наверно, разорвалось или поломало крепления.

Вскоре после этого «Сан Антонио», две мачты которой были сломаны, попыталась изменить курс и направилась было в Малагу, дома которой были видны у подножия снежных вершин Сиерры. Но сделать это испанцам не удалось: как только каравелла становилась под ветер, «Маргарет» оказывалась прямо перед ней, и, пока испанские матросы были заняты парусами, все свободные от работы англичане под командой Питера принимались обстреливать их из луков и арбалетов. Хотя вздымающаяся палуба «Маргарет» была отнюдь не лучшей площадкой для стрельбы, а ветер мешал правильному полету стрел, им удалось убить троих и ранить восемь или десять матросов из команды «Сан Антонио», заставив их выпустить из рук тросы; в результате этого каравеллу опять закружило ураганом.

На высокой площадке у кормовой мачты, обхватив ее рукой, стоял д'Агвилар, отдавая приказы своей команде. Питер приладил стрелу к тетиве лука, ожидая, пока «Маргарет» хоть на мгновение задержится на гребне волны, прицелился и выстрелил.

Однако волна подняла «Маргарет» чуть выше, и, когда д'Агвилар отскочил от мачты, стрела Питера вонзилась в дерево и пригвоздила к нему его большую бархатную шляпу. Питер скрипнул зубами от гнева и разочарования, тем более что корабли опять отнесло друг от друга и удобный момент был упущен.

— Пять раз из семи попадал я стрелой в бычье кольцо с пятидесяти шагов, чтобы завоевать значок победителя деревни, — с огорчением пробормотал он, — а теперь не могу подстрелить негодяя, чтобы спасти мою любимую от позора! Поистине бог лишил меня своей милости!

Всю вторую половину дня они обстреливали испанцев, как только представлялась такая возможность. Испанцы отвечали тем же, но потери у

обеих сторон были незначительны. Однако англичане заметили, что «Сан Антонио» получила течь, так как судно все глубже погружалось в воду.

Испанцы тоже заметили это и, понимая, что у них остается только два выхода — выброситься на берег или пойти ко дну, — во второй раз изменили курс и под градом английских стрел пошли в маленькую бухту Калахонда, в которой находился порт Мотриль, так как здесь до берега было совсем недалеко.

— В этой бухте расположен испанский город, — сказал капитан Джекоб Смит, стоя рядом с Кастеллом и Питером. — Я здесь когда-то бросал якорь. Если «Сан Антонио» доберется туда, прощай наша леди — они увезут ее в Гранаду. До Гранады всего тридцать миль через горы, а там маркиз Морелла всемогущ, в Гранаде его дворец. Что будем делать, хозяин? Через пять минут испанец опять будет против носа «Маргарет». Будем таранить и пытаться захватить женщин или допустим, чтобы их увезли в Гранаду и откажемся от погони?

— Ни за что! — воскликнул Питер. — Есть еще один путь: войти вслед за ними в бухту и напасть на них на берегу.

— Чтобы оказаться среди сотен испанцев и дать перерезать себе глотки? — хладнокровно добавил капитан.

— А если мы протараним их, — спросил Кастелл, все это время находившийся в глубокой задумчивости, — нам разве не грозит опасность утонуть вместе с ними?

— Возможно, — ответил Смит, — но наша «Маргарет» построена из английского дуба, и у нее крепкий нос. Думаю, что этого не случится. А «Сан Антонио» пойдет ко дну тут же, она и так уже близка к этому. Беда в том, что женщины, наверно, заперты в каюте, чтобы наши стрелы не могли поразить их, и они утонут вместе с судном.

— Есть другой план, — решительно сказал Питер. — Взять их на абордаж и высадиться на каравеллу. Так я и сделаю.

Капитан, плотный мужчина с широким лицом, выражение которого никогда не менялось, поднял брови — это был единственный признак удивления.

— Как, — спросил он, — при такой волне? Я сражался в нескольких войнах, но такой штуки не видывал.

— Ну, так увидите ее сейчас, если я найду хоть дюжину человек, которые пойдут со мной, — заявил Питер с мрачной решимостью. — А что же? Неужели я буду смотреть, как мою невесту увозят у меня из-под носа, и не попытаюсь спасти ее? Лучше уж я доверюсь судьбе и пойду на риск. А если умру, значит, так суждено, и я умру как мужчина. Другого пути нет.

Он обернулся и громко позвал:

— Кто пойдет со мной на абордаж испанца? Тем, кто останется жив, я обещаю, что они проживут остаток своих дней в довольстве, а кто погибнет — завоюет славу и блаженство на небесах.

Матросы с сомнением посмотрели на высокие гребни волн, вздымавшихся вокруг, на медленно погружавшееся в воду испанское судно и ничего не ответили. Тогда Питер продолжал:

— У нас нет другого выхода. Если мы протараним этот корабль, он потонет. Тогда как мы спасем женщин? Если его не трогать — скорее всего, он сам пойдет ко дну, и тогда мы все равно не спасем женщин. Может быть, испанцы и сумеют высадиться на берег, но тогда они увезут женщин в Гранаду, и вряд ли мы сможем вырвать их из рук мавров или из-под власти испанского короля. Но если мы захватим каравеллу, мы можем спасти женщин прежде, чем она пойдет ко дну или достигнет берега. Кто пойдет со мной?

— Я, сынок, — сказал старик Кастелл. — Я пойду.

Питер с удивлением посмотрел на него.

— Вы? В ваши годы?

— Да, в мои годы. Почему бы и нет? Что мне терять?

Тогда, словно устыдившись своих колебаний, вперед вышел здоровенный матрос и сказал, что он готов резать испанских воров в дурную погоду так же, как и в хорошую. Вслед за ним вышли слуги Кастелла, потом еще матросы, пока наконец почти половина экипажа — человек двадцать — не заявила, что они готовы на это рискованное предприятие. Питер вынужден был крикнуть: «Довольно!» Капитан Смит тоже выразил желание присоединиться к группе смельчаков, но тут запротестовал Кастелл, заявив, что капитан не должен покидать свой корабль.

«Маргарет» готовилась пересечь путь «Сан Антонио», медленно описывавшей круг и напоминавшей раненого лебедя. Участники абордажа готовили свои мечи и ножи — луки здесь были уже бесполезны. Кастелл тем временем отдавал распоряжения капитану. Он приказал ему, в случае если их убьют или захватят в плен, уходить в Севилью и там передать судно со всем товаром компаньонам Кастелла. При этом капитан должен просить их от имени Кастелла сделать все от них зависящее, чтобы добиться освобождения Маргарет и Бетти, если они будут живы, и наказания д'Агвилара — маркиза Морелла за его преступления. Если на все это потребуются деньги, то можно использовать сумму, вырученную от продажи судна и товаров.

Отдав эти распоряжения, Кастелл позвал одного из своих слуг и приказал принести легкий стальной панцирь. Питер решил не надевать никаких доспехов, так они были слишком тяжелы; он облачился в куртку из буйволовой кожи, достаточно прочную, чтобы выдержать удар мечом. Другие надели такие же куртки и стальные шлемы, в изобилии имевшиеся на судне.

Между тем «Сан Антонио», совершив круг, приближалась ко входу в бухту, стараясь держаться от «Маргарет» не менее чем в пятидесяти ярдах. Приказав поднять небольшой парус, капитан Смит взялся за штурвал «Маргарет» и направил ее наперерез «Сан Антонио». Смельчаки во главе с Питером и Кастеллом собрались около бушприта, укрылись там и стали ожидать.

Глава XI . Встреча в море

Еще минуту или две «Сан Антонио» продолжала идти своим курсом, пока испанцы не догадались о замысле своих противников. Увидев, что нос «Маргарет» вот-вот врежется в борт «Сан Антонио», они налегли на штурвал, и каравелла отклонилась в сторону. В результате «Маргарет», вместо того, чтобы столкнуться с «Сан Антонио», пошла рядом, обдирая ей обшивку борта. Несколько секунд они плыли, сцепившись таким образом, и, прежде чем волны оторвали их друг от друга, с борта «Маргарет» полетели абордажные крючья, один из них зацепился, и оба судна сблизились носами. Бушприт «Маргарет» оказался нависшим над верхней палубой «Сан Антонио».

— А теперь вперед! — скомандовал Питер. — За мной!

Он подбежал к бушприту и полез по нему. Это было опасное предприятие. Огромная волна подняла Питера высоко в воздух, в следующий момент он уже падал вниз, пока массивный брус бушприта «Маргарет» не обрушился на палубу «Сан Антонио» с такой силой, что Питер чуть не вылетел, как камень из пращи. Однако ему удалось удержаться. Он схватился за обрывок снасти, болтавшейся на конце бушприта, подобно бичу, свисавшему с рукоятки, и соскользнул по нему вниз. Ветер швырял Питера из стороны в сторону: судно, вздымаясь на волнах, подкидывало его высоко в воздух. Палуба «Сан Антонио» вздымалась и опадала, как живое существо, она была совсем близко — не более дюжины футов под ним, — и Питер, выпустив конец снасти, упал на площадку у передней мачты. Он не разбился. Вскочив на ноги, Питер добежал до разбитой мачты, обхватил ее левой рукой, а другой выхватил меч.

В следующее мгновение — каким образом, он никогда не мог этого вспомнить, — рядом с ним оказался Кастелл, а затем еще двое людей с «Маргарет», однако один из них скатился с палубы в море. Как раз в эту минуту железная цепь абордажного крюка лопнула, и «Маргарет» швырнуло в сторону. Подойти к «Сан Антонио» она уже не могла. Они трое остались во власти своих врагов. Однако испанцев не было видно — никто из них не осмеливался стоять на этой высокой площадке — фальшборт был уничтожен, когда бушприт «Маргарет», словно дубинка какого-нибудь гиганта, ударил по каравелле и снес его.

Трое смельчаков стояли, цепляясь за мачту и ожидая своего конца, ибо

теперь их друзья были в ста ярдах от них и они понимали, что попали в отчаянное положение. С разных концов каравеллы на них обрушился ливень стрел. Одна пронзила горло матросу, он упал, схватившись за нее руками, и тут же скатился в волны; другая стрела попала в руку Кастелла — его меч выпал и отлетел в строну. Питер схватил стрелу за конец, сломал ее пополам и вытащил, но правая рука Кастелла была уже беспомощна, а левой рукой он цеплялся за обломок мачты.

— Мы сделали все, что могли, сынок, — крикнул Кастелл, — и проиграли.

Питер заскрипел зубами и бросил вокруг отчаянный взгляд — говорить он не мог. Что ему было делать? Оставить Кастелла, броситься к центру корабля и там погибнуть или остаться на месте и здесь умереть? Нет, он не даст прикончить себя, как птицу на ветке, он погибнет сражаясь.

— Прощайте! — крикнул он сквозь шум бури. — Боже, спаси наши души!

Дождавшись, когда корабль хоть на секунду принял устойчивое положение, Питер бросился к корме, добежал до трапа, ведущего на нижнюю палубу, спустился по нему и остановился, держась за перила.

Картина, которую он увидел, была довольно странной. Вокруг, вдоль фальшбортов, стояли испанцы, с интересом наблюдая за ним. А в нескольких шагах от него, прислонившись к мачте, стоял д'Агвилар. Он поднял руку, в которой не было никакого оружия, и обратился к Питеру:

— Сеньор Брум! Не двигайтесь: еще один шаг, и вы будете мертвы. Выслушайте меня сначала, а потом поступайте, как вы решите. Пока я говорю, я могу не опасаться вашего меча?

Питер утвердительно кивнул, и д'Агвилар подошел ближе, потому что даже в этом, более закрытом месте трудно было расслышать что-либо из-за рева урагана.

— Сеньор, — сказал Питеру д'Агвилар, — вы очень храбрый человек и совершили такой подвиг, какого никто из нас никогда не видел. Я хочу спасти вас, если смогу. Я причинил вам зло — меня толкнули на это любовь и ревность, — и поэтому я опять-таки хочу пощадить вас. Нападать на вас сейчас будет не чем иным, как убийством, а я, кем бы я ни был, не убийца. Прежде всего успокойтесь. Властительница наших сердец находится здесь, на борту. Но не бойтесь, я не причинил ей никакого вреда и не причиню. Этого не сделает и никто другой, пока я жив. Не говоря уже об иных причинах, я не хочу оскорблять женщину, которая, я надеюсь, станет моей женой по своей собственной воле. Я увез ее в Испанию, чтобы она не могла стать вашей женой. Поверьте мне, сеньор, я так же не хочу

насиловать волю женщины, как не хочу стать убийцей ее возлюбленного.

— А не так ли вы поступили, когда похитили ее из дома при помощи подлой выдумки? — с яростью закричал Питер.

— Сеньор, я поступил плохо по отношению к ней и к вам всем, но я возмещу вам это.

— Возместите? Каким образом? Вернете мне Маргарет?

— Нет, этого я сделать не могу. Даже если она сама захочет этого, в чем я сомневаюсь. Никогда, пока я жив!

— Приведите ее сюда, и пусть она при мне скажет, хочет она вернуться или нет! — закричал Питер в надежде, что Маргарет услышит его.

Однако д'Агвилар только улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Этого я тоже не могу сделать, — сказал он, — это причинило бы ей боль. Тем не менее, сеньор, я готов расплатиться с вами и с вами, сеньор, — и д'Агвилар поклонился Кастеллу, который, не замеченный Питером, сполз по трапу и теперь стоял позади него, глядя на д'Агвилара с холодной ненавистью. — Вы причинили нам огромные разрушения, так ведь? Вы охотились за нами в море и убили немало наших людей. А теперь вы пытались захватить наше судно и перерезать нас, но господь бог помешал вам. Так что ваши жизни уже принадлежат нам, и никто не осудит нас, если мы вас убьем. Однако я пощажу вас обоих. Если окажется возможным, я верну вас обратно на борт «Маргарет», если же нет, вас высадят на берег, и вы будете вольны идти куда вам угодно. Вот так я расплачусь с вами, и никто не сможет меня в чем-нибудь упрекнуть.

— Вы что же, считаете меня таким же негодяем, как вы сами? — с презрительным смехом спросил Питер. — Я не уйду живым с этого корабля, если моя невеста Маргарет не уйдет отсюда вместе со мной.

— В таком случае, сеньор Брум, я боюсь, что вы уйдете отсюда мертвым, как, впрочем, возможно, и все мы, если нам не удастся быстро высадиться на берег. Судно полно воды. Однако, зная ваш характер, я ожидал от вас именно этих слов и готов сделать вам другое предложение, от которого, я уверен, вы не откажетесь. Сеньор, наши мечи одинаковой длины, не скрестить ли нам их? Я испанский гранд, маркиз Морелла, и для вас, надо думать, не будет бесчестьем сразиться со мной.

— Я в этом не уверен, — ответил Питер, — потому что я выше вас — я честный англичанин, не занимающийся кражей женщин. Тем не менее я с радостью буду сражаться с вами, на море или на суше, когда бы и где бы мы ни встретились, пока один из нас не отправится на тот свет. Однако какова будет ставка в этой игре и могу ли я быть уверен, что эти люди, — и

Питер указал на внимательно слушавших матросов, — не нанесут мне удар в спину?

— Я уже сказал вам, сеньор, что я не убийца, а это было бы предательским убийством. Что касается ставки, то победителю будет принадлежать Маргарет. Если вы убьете меня, то я от имени своих людей клянусь, что вы с ней и ее отцом уедете в полной безопасности. Если же я убью вас, вы оба должны сейчас поклясться, что она останется со мной и ко мне не будет больше никаких претензий. А женщине, сопровождающей ее, я дам свободу.

— Нет, — в первый раз заговорил Кастелл, — я настаиваю на своем праве также драться с вами, когда рука моя заживет.

— Я отказываюсь, — высокомерно ответил д'Агвилар, — я не могу поднять свой меч на старика, отца девушки, которая станет моей женой. Более того: я не могу сражаться с купцом и евреем. Нет, нет, не отвечайте мне, чтобы все здесь присутствующие не запомнили ваших враждебных слов. Я буду великодушен и освобожу вас от клятвы. Делайте все что хотите против меня и предоставьте мне после этого делать вам зло, господин Кастелл. Сеньор Брум, уже темнеет, и вода прибывает. Вы готовы?

Питер кивнул головой, и они шагнули навстречу друг другу.

— Еще одно слово, — сказал д'Агвилар, опуская свой меч. — Друзья, вы слышали наш договор? Клянетесь ли вы во имя Испании и рыцарского долга выполнить этот договор и, если я умру, отпустить этих двух мужчин и обеих женщин беспрепятственно на их судно или на сушу?

Капитан «Сан Антонио» и его помощники поклялись от имени всей команды.

— Вы слышали, сеньор Брум. А теперь условия. Они будут такие: мы бьемся на смерть, но, если мы оба будем ранены так, что не сможем закончить поединок, никому из нас не будет причинено никакого вреда, и о нас будут заботиться до тех пор, пока мы не выздоровеем или не умрем по воле господа.

— Вы хотите сказать, что мы должны умереть только от меча друг друга и, если предательский случай даст одному из нас преимущество, противник не должен воспользоваться этим?

— Да, сеньор, потому что в нашем положении это может произойти, — и он кивнул на огромные волны, вздымающиеся вокруг и грозящие поглотить наполненный водой корабль. — Мы не воспользуемся таким преимуществом — ведь мы хотим решить наш спор своими руками.

— Пусть будет так, — ответил Питер. — Господин Кастелл будет

свидетелем нашего договора.

Д'Агвилар кивнул в знак согласия, поцеловал крестообразную рукоятку своего меча в подтверждение клятвы, вежливо поклонился и встал в позицию.

Секунду они стояли друг против друга — великолепная пара противников. Ловкий, худощавый Питер с гневным лицом был страшен в багровом свете лучей, падавших на него из-за края черной тучи; испанец был тоже высок и строен, но по его виду можно было подумать, что это развлечение, а на смертельный поединок, в котором ставкой является судьба женщины. На д'Агвиларе был шлем и нагрудная кираса из черной стали, инкрустированная золотом. Питер же был защищен только курткой из бычьей кожи и шапкой с нашитыми на ней металлическими полосами. Но зато его прямой, остро отточенный меч был тяжелее и, пожалуй, на полдюйма длиннее, чем у его противника.

Так они стояли друг против друга, а Кастелл и вся команда каравеллы, кроме рулевого, который вел ее ко входу в бухту, уцепились за фальшборт и такелаж и, забыв об опасности, угрожавшей им самим, в полной тишине наблюдали за противниками.

Первым сделал выпад Питер — удар был направлен прямо в горло, но д'Агвилар ловко отпарировал его, так что острие меча скользнуло мимо его шеи, и, прежде чем Питер успел опомниться, д'Агвилар нанес ему удар. Клинок ударил по стальным полоскам на шапке Питера, скользнул по левому плечу, но, так как удар был не сильный, никакого вреда он не причинил. Молниеносно последовал ответный удар, и он уже был отнюдь не легок — меч с такой силой обрушился на стальной панцирь д'Агвилара, что испанец пошатнулся. Питер прыгнул вперед, думая, что игра уже выиграна им, но в этот момент каравелла, проходившая мимо скал, окаймлявших вход в бухту, сильно накренилась, и оба противника оказались отброшенными к борту. За этим толчком последовали другие. Питер и д'Агвилар, продолжая обмениваться ударами, метались от одного борта к другому, стараясь левой рукой схватиться за что-нибудь прочное, пока наконец, измученные и покрытые синяками, они не упали в стороне друг от друга.

— Неважная площадка для поединка, — задыхаясь, выговорил д'Агвилар.

— Я думаю, что она сослужит свою службу, — с неумолимой решимостью ответил Питер и снова ринулся на д'Агвилара.

Как раз в этот момент гигантская волна обрушилась на корабль, перекатилась через палубу, сшибла обоих противников с ног и, как

соломинки, смела их в углубление у борта. Питер поднялся первым, выплевывая соленую воду и протирая глаза. Он увидел д'Агвилара, лежащего на палубе, меч валялся рядом, левой рукой испанец сжимал правую.

— Вы ранены или ушиблись? — спросил Питер.

— Ушибся, — ответил д'Агвилар. — Похоже, что сломана кисть. Но у меня есть левая рука. Помогите мне подняться, и мы закончим наш поединок.

При этих словах сильный порыв ветра, самый свирепый из всех, подобный вихрю в горном ущелье, швырнул каравеллу в самый вход в бухту и почти положил ее на бок.

Казалось, еще мгновение — и каравелла перевернется и пойдет ко дну, но тут грот-мачта неожиданно сломалась, подобно трости, и свалилась за борт. Освободившись от ее веса, каравелла медленно выпрямилась. Поперечная рея рухнула на палубу — один конец ее проломил верх той каюты, в которой были заперты Маргарет и Бетти, расколов его надвое, а блок, висевший на другом конце, ударил Питера по голове, скользнул по шлему, задев шею и плечо. От этого удара Питер свалился без сознания на палубу и остался там лежать, продолжая сжимать в правой руке меч.

Из-под обломков каюты появились Маргарет и Бетти. Маргарет была бледна и испугана, а Бетти шептала про себя молитвы, но обе, по счастливой случайности, остались невредимы. Цепляясь за перепутавшиеся снасти, они пробирались, ища спасения в центре корабля. Тяжелая рея все еще висела над ними, упираясь одним концом в остатки каюты, а другим зацепившись за борт. Затем она соскользнула в море. Обломок грот-мачты загородил им путь. В эту минуту Маргарет увидела Питера с окровавленным лицом, лежащего на спине. Тело его перекатывалось взад и вперед от качки.

Маргарет не могла выговорить ни слова. Она только молча показала на Питера, затем обернулась к д'Агвилару, который стоял неподалеку. Держась за канат, д'Агвилар добрался до Маргарет и крикнул ей в ухо:

— Леди, это не моя вина. У нас была честная схватка. Мачта упала и убила его. Не вините меня в его смерти, а ищите утешения у бога.

Маргарет слушала, дико озираясь по сторонам, тут она увидела отца, пробирающегося к ней, и с криком упала без чувств на его грудь.

Глава XII . Отец Энрике

Ночь наступила сразу — огромная грозовая туча, в гуще которой сверкали молнии, поглотила последние лучи заходящего солнца. И тут ураган обрушился на тонущее судно, раскаты грома сопровождались потоками дождя. Рулевой уже не видел, куда он ведет корабль, не было никакой возможности определить направление, в котором неслась каравелла. Только уменьшившиеся волны говорили о том, что они вошли в бухту. Вскоре «Сан Антонио» налетела на скалу, и этот толчок отбросил Кастелла, склонившегося над лежавшей без сознания Маргарет, к борту и оглушил его.

В темноте раздался крик: «Идем ко дну!», и вода хлынула на палубу, но Кастелл не мог разобрать, были ли это волны или дождевые потоки. Он услышал новый крик: «Скорее в шлюпки, или мы погибли!», и шум спускаемых шлюпок. Судно повернулось раз, другой и остановилось. В свете молнии Кастелл увидел Бетти, держащую бесчувственную Маргарет в своих сильных руках. Она также увидела его и крикнула, чтобы он спускался в шлюпку. Кастелл пошел за ней, но вспомнил о Питере. Ведь Питер мог быть еще жив! Что он скажет Маргарет, если позволит ему утонуть? Кастелл пробрался к тому месту, где лежал Питер, и позвал на помощь бежавшего мимо матроса. Тот выругался в ответ и исчез в темноте. Оставшись один, Кастелл пытался поднять тяжелое тело, но правая рука его была беспомощна, и он сумел только приподнять верхнюю часть туловища и постепенно подтаскивать Питера к тому месту, где, казалось ему, должна была находиться шлюпка.

Однако шлюпки здесь не оказалось, а голоса доносились с противоположного конца судна — нужно было тащить Питера туда. Пока он добрался до другого борта, все смолкло, и в свете молнии Кастелл увидел переполненную людьми шлюпку на гребне волны ярдах в пятидесяти от судна. Те, кто не попал в шлюпку, цеплялись за ее корму и борта. Кастелл закричал, но никто ему не ответил, потому ли, что на корабле не оставалось никого живых, или потому, что в этой суматохе нельзя было услышать его.

Тогда Кастелл, понимая, что он сделал все, что мог, подтащил Питера под нависающую часть верхней палубы, которая хоть немного укрывала от дождя, положил его кровоточащую голову себе на колени так, чтобы она была выше уровня воды, и, усевшись таким образом, начал молиться,

ожидая смерти.

Он ни минуты не сомневался, что ему суждено погибнуть — при свете молний он видел, что палуба корабля находится уже почти на уровне воды. Правда, здесь, в бухте, море стало значительно спокойнее. Он угадал это по тому, что, хотя дождь лил по-прежнему и ветер налетал с той же силой, брызги волн обдавали его. Каравелла погружалась все глубже и глубже, пока наконец вода не покрыла ее палубу целиком. Кастеллу пришлось подняться на вторую ступеньку трапа, с которого Питер напал на испанца. Прошло некоторое время, и Кастелл почувствовал, что каравелла перестала погружаться. Он не мог понять, что это означало. Шторм прошел, видны стали звезды, ветер стих. Ночь стала теплее — это очень обрадовало его, иначе в промокшей одежде он бы совсем замерз. И все-таки это была длинная ночь, самая длинная в его жизни, — не было сна, чтобы успокоить его страдания или облегчить смерть.

Так он сидел, гадая, жива ли Маргарет, — Питер казался ему мертвым, — и он думал, наблюдают ли их души за ним с высоты, ждут ли, когда он присоединится к ним. Он вспомнил о днях своего процветания до того момента, когда он увидел проклятое лицо д'Агвилара, о своем богатстве и о том, что с этим богатством случится. Он даже подумал, что лучше, если Маргарет умерла, — лучше смерть, чем жизнь в позоре.

Вскоре он впал в забытье, и последней мыслью его было, что корабль утонул и сам он погружается в пучину смерти.

…Чей-то голос звал его, и Кастелл проснулся. Светлело. Перед ним, держась за поручни трапа, стоял Питер — мертвенно бледный, перепачканный кровью, зубы у него стучали, а глаза были неестественно тусклыми.

— Вы живы, Джон Кастелл, — произнес этот голос, — или мы оба умерли и находимся в аду?

— Нет, — ответил Кастелл, — я еще жив, мы оба еще на этом свете.

— Что же случилось? — спросил Питер. — Я был в каком-то мраке.

Кастелл коротко рассказал ему все, что произошло. Питер выслушал его, потом, шатаясь, дошел до борта и, не говоря ни слова, стал смотреть вдаль.

— Я ничего не вижу, — наконец сказал он, — слишком густой туман, но я думаю, что мы где-то недалеко от берега. Помогите мне. Надо разыскать еду, я совсем ослабел.

Кастелл поднялся, размял свои затекшие ноги, добрался до Питера, обнял его здоровой рукой, и таким образом они добрались до кормы, где, как думал Кастелл, должна была находиться кают-компания. Они нашли ее

и проникли внутрь. Это оказалось маленькое, но богато обставленное помещение, к задней стенке его было привинчено резное распятие. На полу валялись кусок солонины и несколько черствых пшеничных лепешек, которыми обычно питаются матросы. Очевидно, все это упало со стола. В сетке над столом висели бутыли с вином и водой. Кастелл разыскал кружку, наполнил ее вином и подал Питеру. Тот с жадностью выпил и вернул ее Кастеллу, который, в свою очередь, отпил глоток. После этого они отрезали с помощью своих ножей по куску мяса и съели, хотя Питеру было очень трудно жевать из-за ран на голове и шее. Затем они выпили еще вина и, несколько подкрепившись, покинули каюту.

Туман был все еще такой густой, что ничего не было видно, и они прошли в разбитую каюту, в которой жили Маргарет и Бетти, уселись на их койках и стали ждать. Питер обратил внимание на то, что каюта была роскошно обставлена, как будто в ней должна была обитать знатная дама. Даже посуда здесь была серебряная, а в приоткрывшемся шкафу виднелись роскошные платья. Были здесь и рукописные книги. В одной из них Маргарет сделала кое-какие пометки и написала молитву собственного сочинения, в которой она просила небо защитить ее, молила, чтобы Питер и ее отец остались живы и узнали правду о том, что произошло. Маргарет молила святых помочь ей спастись и соединиться с отцом и Питером. Эту книгу Питер спрятал под куртку, чтобы на досуге посмотреть внимательно.

Из-за гор, окаймлявших бухту, взошло солнце. Оставив каюту, Питер и Кастелл влезли на полубак и огляделись. Они обнаружили, что находятся в закрытой со всех сторон бухте, не более чем в ста ярдах от берега. Привязав к веревке кусок железа, они опустили его за борт и убедились, что судно сидит на мели и что глубина воды под носом каравеллы не превышает четырех футов. Выяснив это, они решили добираться до берега.

Предварительно они вернулись в каюту и наполнили найденный там кожаный мешок едой и вином. Затем им пришло в голову разыскать каюту д'Агвилара. Они нашли ее между палубами. В каюте обнаружили запертый ящик, крышку которого они взломали железной палкой. Здесь оказалось большое количество золота — по всей видимости, для выплаты команде — и драгоценности. Драгоценности они не тронули, а деньги разделили пополам и спрятали на себе, для того чтобы воспользоваться ими, если удастся добраться до берега. Затем они промыли и перевязали друг другу раны, спустились по веревочному трапу того борта, где испанцы спасались с корабля, и распростились с «Сан Антонио».

Ветер к тому времени стих, и солнце ярко сияло, разогревая застывшую кровь. Море совершенно успокоилось, и вода доходила им

только до пояса; дно было ровное, песчаное.

Когда Питер и Кастелл уже подходили к берегу, они увидели собравшихся там людей и решили, что это, наверно, жители маленького городка Мотриля, расположенного на берегу реки, впадающей в залив. Кроме того, они заметили на берегу шлюпку с «Сан Антонио» и обрадовались: шлюпка лежала на киле, и на дне ее было совсем немного воды, — значит, она благополучно добралась до берега. Поблизости лежало пять или шесть трупов, — по всей вероятности, это были матросы, поплывшие за шлюпкой или уцепившиеся за ее борта, но среди утонувших не было женщин.

Когда Питер и Кастелл выбрались на берег, здесь оставалось совсем мало людей; большинство отправилось грабить корабль, часть людей готовила лодки для той же цели. Их встретили лишь женщины, дети, трое стариков и священник. Этот последний, человек с жадным взглядом и хитрой, лицемерной физиономией, пошел им навстречу, вежливо поздоровался и сказал, что они должны благодарить бога за свое спасение.

— Это мы, конечно, сделаем, — ответил Кастелл, — но скажите нам, отец, где наши спутники?

— Вот некоторые из них, — сказал священник, указывая на трупы, — остальные вместе с двумя дамами два часа назад уехали в Гранаду. Маркиз Морелла, который дал мне этот приход, сказал нам, что корабль утонул и никого больше не осталось в живых, а так как в тумане ничего не было видно, мы поверили ему. Вот почему мы не пришли сюда раньше, ибо, — многозначительно добавил он, — мы люди бедные и святые редко посылают нам кораблекрушения.

— Как они отправились в Гранаду, отец? — перебил его Кастелл. — Пешком?

— Нет, сеньор, они силой забрали всех лошадей и мулов в деревне, хотя маркиз и обещал вернуть их и заплатить нам потом. Мы доверяем ему, потому что у нас нет другого выхода. Обе дамы плакали и умоляли нас приютить их, но маркиз не позволил, хотя они выглядели такими печальными и утомленными. Бог даст, нам вернут наших лошадей, — благочестиво закончил он.

— А для нас лошадей не найдется? У нас есть немного денег, и мы можем заплатить, если это будет не очень дорого.

— Ни одной, сеньор, ни одной, забрали всех. К тому же вы сейчас вряд ли сумеете ехать — вы так много перенесли, — и он указал на раненную голову Питера и перевязанную руку Кастелла. — Почему бы вам не остаться здесь и не отдохнуть?

— Потому что я отец одной из этих дам, и она, конечно, уверена, что я утонул. А этот сеньор — ее жених.

— Ага, — произнес священник, с интересом разглядывая их, — тогда какое же отношение имеет к ней маркиз? Но я лучше не буду задавать вопросов, здесь не исповедь, не так ли? Я понимаю ваше беспокойство — ведь этот гранд пользуется репутацией весьма веселого мужчины. Прекрасный сын церкви, но, без сомнения, очень веселый. — И священник, улыбаясь, покачал своей бритой головой. — Однако, сеньоры, пройдемте в деревню, вы там сможете отдохнуть и перевязать свои раны. А потом мы поговорим.

— Нам лучше пойти, — обратился Кастелл по-английски к Питеру, — здесь на берегу нет лошадей, а мы не можем в таком состоянии идти пешком в Гранаду.

Питер кивнул, и священник, которого, как они выяснили звали отец Энрике, повел их.

На вершине холма, в нескольких сотнях шагов от берега, они обернулись и увидели, что теперь уже все здоровые жители деревни были заняты грабежом каравеллы.

— Они хотят вознаградить себя за своих лошадей и мулов, — пожав плечами заметил отец Энрике.

— Это я вижу, — отозвался Кастелл, — но вы…

— О, за меня не бойтесь, — с хитрой улыбкой ответил священник. — Церковь не занимается грабежом, но в конце концов она получает свою долю. Народ здесь благочестив. Я только боюсь, что, когда маркиз узнает, что корабль не утонул, он потребует с нас возмещения убытков.

Они перевалили через холм и увидели белые стены и красные крыши деревушки, раскинувшейся на берегу реки. Еще через пять минут их проводник остановился перед домом на грубо замощенной улочке и отпер дверь ключом.

— Вот мое убогое жилище, когда я нахожусь здесь, а не в Гранаде, — сказал он. — В нем я буду иметь честь принять вас. Видите, рядом церковь.

Они вошли во внутренний дворик, где вокруг фонтанчика росло несколько апельсиновых деревьев, у стены стояло распятие в человеческий рост. Проходя мимо распятия, Питер поклонился и перекрестился, но Кастелл не последовал его примеру. Священник быстро взглянул на него.

— Вам, сеньор, следовало бы поклониться изображению нашего спасителя, по милости которого вы избегли смерти; маркиз говорил мне, что вы оба погибли.

— Моя правая рука повреждена, — не растерялся Кастелл, — и я

вознес молитву в моем сердце.

— Я понимаю, сеньор, но если вы в этой стране в первый раз, хотя на это не похоже — вы так хорошо говорите на здешнем языке, — то, с вашего разрешения, я хочу предупредить вас, что здесь разумнее совершать молитвы не только в сердце. За последнее время отцы инквизиции стали еще суровее — они придают очень большое значение внешним обрядам. Когда мне приходилось сталкиваться со святой инквизицией в Севилье, я видел, как сожгли одного человека за то, что он пренебрегал обрядами. У вас есть две руки и голова, сеньор, и к тому же еще колени, которые можно преклонить.

— Простите меня, — ответил Кастелл, — но я думал о другом. В частности, о том, что моя дочь увезена вашим патроном, маркизом Морелла.

Священник оставил эти слова без ответа и провел их через гостиную в спальню с высокими окнами, забранными решетками, так что, несмотря на то что комната была большая и высокая, она чем-то напоминала тюремную камеру. Здесь он оставил гостей, заявив, что пойдет искать местного лекаря, который к тому же и цирюльник, если только он не занят «облегчением корабля». Гостям своим он посоветовал снять мокрую одежду и прилечь отдохнуть.

Какая-то женщина принесла им горячей воды и одежду, чтобы они накинули ее на себя, пока их платье будет сушиться. Питер и Кастелл разделись, помылись и, совершенно измученные, свалились на кровати и заснули. Предварительно они вытащили деньги и засунули их в мешок для продуктов, который Питер спрятал к себе под подушку. Часа через два их разбудил приход отца Энрике с лекарем-цирюльником. Вместе с ними пришла служанка с высушенным и вычищенным платьем.

Когда лекарь увидел у Питера на левой стороне шеи и на плече раны, которые почернели и распухли, он покачал головой и заявил, что только время и покой излечат его и что Питер, должно быть, родился под счастливой звездой, так как, не будь на нем стального шлема и кожаной куртки, ему бы не миновать смерти. Поскольку все кости были целы, лекарю оставалось только помазать рану какой-то мазью, смягчающей боль, и перевязать ее чистым куском материи. Покончив с этим, лекарь занялся раной на правой руке Кастелла, промыл ее теплой водой и маслом и перевязал, заявив, что он будет здоров через неделю. При этом он заметил, что буря, очевидно, была сильнее, чем он предполагал, если она могла пронзить стрелой мужскую руку. При этих словах священник насторожился.

Кастелл не стал отвечать на это замечание, а вытащил золотой и предложил лекарю, попросив его достать им, если это возможно, мулов или лошадей. Цирюльник был чрезвычайно доволен столь крупным для Мотриля вознаграждением. Он обещал, что повидает их вечером и что если узнает о каких-нибудь лошадях или мулах, то сообщит. Кроме того, он обещал достать испанского покроя одежду и плащи, поскольку в их одежде ехать неудобно — она испачкана и окровавлена.

После этого он ушел, и священник последовал за ним, так как ему надо было проследить за дележом добычи с судна и обеспечить себе свою долю. Добрая служанка принесла Питеру и Кастеллу суп. Затем они улеглись опять на кроватях и принялись обсуждать, что им делать дальше.

Кастелл совсем упал духом. Он говорил, что они так же далеки от Маргарет, как и до сих пор, что она еще раз утеряна ими и находится в руках Морелла, из которых они вряд ли сумеют вырвать ее. К тому же, как видно, ее повезли в Гранаду, город мавров, где христианские законы и правосудие бессильны.

Выслушав все это, Питер, чье сердце всегда оставалось твердым, заявил:

— Бог обладает такой же властью в Гранаде, как и в Лондоне или на море, где он спас нас. Я думаю, что у нас есть все основания благодарить его, потому что мы могли погибнуть, но остались в живых, и потому что Маргарет тоже жива и, можно надеяться, не пострадала. Кроме того, этот испанский вор, похититель женщин, по всей видимости, довольно странный человек. Судя по его словам, если в них есть доля правды, хотя он и украл Маргарет, он не может решиться на насилие над ней, а хочет завоевать ее любовь и согласие, которое, я думаю, он не скоро получит… К тому же он избегает убийства — ведь он не прикончил нас, хотя спокойно мог это сделать.

— Я знавал таких людей, которые считают одни грехи допустимыми, а другие смертельными. Это плоды суеверия.

— Тогда мы должны молить бога, чтобы Морелла и впредь оставался суеверен и чтобы мы как можно скорее оказались в Гранаде. Не забывайте, что там у нас есть друзья и среди евреев и среди мавров, с которыми вы торговали много лет. Они могут укрыть нас. Так что, хотя дела и плохи, они могли быть еще хуже.

— Пожалуй, это так, — уже более спокойно согласился Кастелл, — если ее действительно увезли в Гранаду. Постараемся узнать что-либо об этом у цирюльника и у отца Энрике.

— Я не верю этому священнику: он хитрец и служит маркизу, —

отозвался Питер.

Они замолчали — слишком устали оба, да и говорить было больше не о чем, хотя о многом следовало подумать.

После захода солнца вновь пришел цирюльник и перевязал раны Питеру и Кастеллу. Он принес с собой испанские костюмы, шляпы и два тяжелых плаща, удобных для путешествия, — все это они купили у него за хорошую цену. Кроме того, он объявил, что во дворе стоят два прекрасных мула. Кастелл вышел посмотреть на них. Это оказались две жалкие клячи, истощенные и слабые, но так как других не было, не оставалось ничего иного, как вернуться в комнату и обсудить вопрос о цене. Торговались долго, потому что цирюльник запросил двойную цену. Кастелл заявил, что бедные люди, потерпевшие кораблекрушение, не могут заплатить такую сумму. В конце концов они договорились на том, что цирюльник заберет мулов на ночь к себе и накормит их, а утром приведет их вместе с проводником, который покажет им дорогу в Гранаду. Пока что они заплатили ему только за одежду.

Кастелл и Питер пытались выудить у цирюльника какие-нибудь сведения о маркизе Морелла, но, как и отец Энрике, он был хитрец и держал язык за зубами. Он заявил, что такому маленькому человеку, как он, вредно обсуждать дела больших людей; в Гранаде, дескать, они все узнают.

Цирюльник ушел, оставив им лекарства, и вскоре после этого явился священник. Он был в очень хорошем настроении, потому что в виде своей доли от грабежа судна получил драгоценности, оставленные Питером и Кастеллом в железном ящике. Заметив, как священник, доставая драгоценности, любовно перебирал их, Кастелл пришел к выводу, что отец Энрике человек в высшей степени жадный — из тех людей, которые ненавидят бедность и сделают все на свете ради денег. И когда священник со злобой заговорил о ворах, которые залезли в корабельный ящик и унесли оттуда почти все золото, Кастелл решил про себя, что отец Энрике никогда не должен узнать, кто были эти воры, иначе во время их путешествия с ними может произойти какой-нибудь несчастный случай.

Наконец драгоценности были спрятаны, и священник заявил, что они должны поужинать вместе с ним, но при этом он добавил, что не может предложить им вина, так как ему полагается пить только воду. Тогда Кастелл попросил его достать где-нибудь несколько фляг вина, лучшего, какое можно здесь найти, сказав, что он за него заплатит. Отец Энрике послал за вином служанку.

Переодевшись в испанское платье и спрятав деньги в два пояса, приобретенные тоже у цирюльника, они вышли к столу. Ужин состоял из

испанского блюда, называемого «олла подрида» (нечто вроде жирного мяса), хлеба, сыра и фруктов. На столе было также купленное за их счет вино, очень хорошее и крепкое. Правда, Питер и Кастелл почти не пили, опасаясь лихорадки от своих ран, но они усердно угощали отца Энрике. Кончилось тем, что к концу ужина он забыл о своей хитрости и начал разговаривать свободно. Заметив, что священник пришел в веселое настроение, Кастелл начал расспрашивать его о маркизе Морелла, почему у того дом в Гранаде, столице мавританского государства.

— Потому что он наполовину мавр, — ответил священник. — Его отец, говорят, был принцем Виана, а мать — мавританкой, в ее венах текла королевская кровь. От нее он и унаследовал свои богатства, земли и дворец в Гранаде. Он любит там жить. Хотя он и добрый христианин, однако у него вкусы еретика: подобно маврам, он завел у себя сераль прекрасных женщин. Я знаю это, потому что в Гранаде нет священников и мне приходится выполнять роль его капеллана. Но, кроме того, он живет в Гранаде еще по другой причине: он ведь наполовину мавр и является представителем Фердинанда и Изабеллы при дворе султана Гранады Боабдила. Вы, чужестранцы, должны знать, если еще не знаете, что их величества давно уже ведут войну с маврами и мечтают захватить остаток их государства так же, как они уже захватили Малагу, обратить его жителей в христианство и кровью и огнем очистить его от проклятой ереси.

— Да, — отозвался Кастелл, — мы слышали об этом в Англии. Я ведь купец и веду торговлю с Гранадой. Я еду туда по делам.

— А по каким делам едет туда сеньора, та, о которой вы говорите, что она ваша дочь? И что это за историю рассказывали матросы о сражении между «Сан Антонио» и английским кораблем, который мы видели вчера на взморье? И каким это образом ветер пробил стрелой вашу руку, друг мой купец? И почему так получилось, что вас обоих оставили на каравелле, в то время как маркиз и все его люди спаслись?

— Вы задаете много вопросов, святой отец. Питер, наполни стакан преподобного отца. Он ничего не пьет. Можно подумать, что здесь всегда пост. Ваше здоровье! О, вот хорошо! Налей, Питер, и передай мне флягу. Вот теперь я отвечу на все ваши вопросы и расскажу о кораблекрушении.

Тут Кастелл начал бесконечную историю о ветрах, парусах, скалах, падающих мачтах, об английском корабле, который пытался помочь испанской каравелле, и так продолжалось до тех пор, пока священник, чей стакан Питер наполнял каждый раз, когда тот отворачивался, не свалился, заснув.

— А теперь, — шепнул Питер по-английски Кастеллу, — я думаю, нам

лучше всего лечь спать. Мы узнали многое от этого шпиона в рясе — по-моему, он таков — и почти ничего не рассказали.

Они тихо пробрались в свою комнату, выпили настой, оставленный цирюльником, помолились каждый по-своему, заперли дверь и прилегли отдохнуть, насколько раны и тяжелые думы могли позволить им.

Глава XIII . Приключение на постоялом дворе

Питер спал плохо, рана, несмотря на перевязку, сделанную цирюльником, сильно болела. Кроме того, ему не давала покоя мысль, что Маргарет уверена в их гибели и страдает от этого. Как только Питер засыпал, он видел ее в слезах, слышал ее рыдания.

Как только первые лучи проникли сквозь высокие решетки окон, Питер вскочил и разбудил Кастелла: они оба не могли одеться без помощи друг друга. Услышав во дворе голоса людей и шум, они решили, что это явился цирюльник со своими мулами, отперли дверь и, встретив в коридорчике зевающую служанку, попросили ее выпустить их из дома.

Это действительно был цирюльник и с ним — одноглазый парень верхом на пони. Цирюльник объяснил, что этот парень будет их проводником до Гранады. Питер и Кастелл вернулись вместе с цирюльником в дом, он осмотрел их раны, покачал головой при взгляде на раны Питера и сказал, что ему не следовало бы так рано отправляться в путь. Потом снова началась торговля за мулов, упряжь, седельные сумки, в которые были уложены вещи, оплату проводнику и так далее, ибо Питер и Кастелл боялись показать, что у них есть деньги.

В конце концов все было улажено, и, так как их хозяин, отец Энрике, все еще не появлялся, они решили уехать, не простившись с ним, а просто оставить ему деньги в знак благодарности за его гостеприимство и в качестве подарка для его церкви. Однако как раз в тот момент, когда они передавали эти деньги служанке, появился священник. Он был небрит и держался рукой за голову. Он объяснил, что служил раннюю мессу в церкви, что было чистой ложью, и спросил, действительно ли они собираются уезжать.

Они подтвердили это и вручили ему свой подарок, который он принял не задумываясь, хотя похоже было, что щедрость гостей заставила его с еще большей настойчивостью уговаривать их остаться. Они, дескать, еще не в состоянии перенести трудный путь, дороги весьма небезопасны, они могут попасть в плен к маврам и окажутся в подземелье вместе с другими узниками-христианами, так как никто не может проникнуть в Гранаду без разрешения, и так далее. Но наши путешественники твердо стояли на своем.

Они заметили, что священник при этих словах заволновался и в конце концов заявил, что из-за них у него будут неприятности от маркиза Морелла. Как и почему, он не стал объяснять, но Питер решил, что он боится, как бы они не рассказали маркизу о том, что его капеллан участвовал в грабеже на судне, которое маркиз считал потонувшим, и завладел его драгоценностями. В конце концов они поняли, что отец Энрике способен на любую уловку, только бы задержать их, оттолкнули его, вскарабкались на мулов и вместе с проводником двинулись в путь.

Они долго еще слышали крики разъяренного священника, ругавшего цирюльника за то, что тот продал им мулов. До них доносились его выкрики: «Шпионы…», «Английские дамы…», «Приказ маркиза…». Они очень обрадовались, выбравшись за пределы селения, на улицах которого было мало людей, и, никем не потревоженные, выехали на дорогу, ведущую к Гранаде.

Дорогу эту никак нельзя было назвать хорошей, к тому же она шла то вверх, то вниз. Да и мулы оказались гораздо хуже, чем они предполагали. Мул, на котором ехал Питер, все время спотыкался. Они поинтересовались у юноши, их проводника, сколько времени потребуется, чтобы доехать до Гранады, но в ответ услышали:

— Кто знает? Все зависит от воли бога.

Прошел час, и они опять задали ему тот же вопрос; и на этот раз последовал ответ:

— Может быть, сегодня вечером, может, завтра, а может, никогда. На дороге много разбойников, но если путешественникам повезет и они не попадутся в руки бандитам, то наверняка их захватят мавры.

— Я думаю, что один из разбойников здесь, рядом с нами, — заметил по-английски Питер, взглянув на отталкивающее лицо их проводника, и добавил на ломаном испанском языке: — Друг мой, если мы столкнемся с бандитами или маврами, то первым, кто отправится на тот свет, будешь ты. — И Питер похлопал по рукоятке своего меча.

Парень в ответ пробормотал какое-то испанское проклятие и повернул своего пони назад, якобы собираясь ехать обратно в Мотриль, но тут же передумал и ускакал далеко вперед. В течение нескольких часов они не могли догнать его.

Дорога была так тяжела, а мулы так слабы, что, несмотря на то, что они решили не отдыхать днем, сумерки наступили прежде, чем они достигли вершины Сиерры. В последних лучах заходящего солнца они увидели далеко впереди минареты и дворцы Гранады. Питер и Кастелл хотели ехать дальше, но их проводник клялся, что в темноте они свалятся в

пропасть раньше, чем достигнут равнины. Он заявил, что здесь неподалеку есть вента или, иначе говоря, постоялый двор, где они могут отдохнуть, а на рассвете продолжить свой путь.

Когда Кастелл заявил, что они не хотят ехать на постоялый двор, проводник объяснил, что у них нет другого выхода, так как еда уже кончилась и, кроме того, здесь, на дороге, нельзя достать корма для мулов. Делать было нечего, и путешественники с неохотой согласились, понимая, что, если мулов не накормить, они никогда не довезут их до Гранады. Между тем проводник указал на домик, стоящий одиноко в лощине ярдах в ста от дороги, и, заявив, что он должен предупредить об их приезде, поскакал вперед.

Когда Кастелл и Питер добрались до постоялого двора, окруженного большой стеной, очевидно в целях обороны, они увидели своего одноглазого проводника, о чем-то серьезно беседовавшего с толстым человеком отталкивающей внешности, у которого за пояс был заткнут большой нож. Толстяк, кланяясь, двинулся им навстречу и объявил, что он здесь хозяин. Он согласился накормить путешественников и дать им ночлег.

Кастелл и Питер въехали во двор, и хозяин тут же запер за ними ворота, объяснив, что это делается для безопасности от бандитов. Им повезло, добавил он, что они попали в такое место, где могут спокойно переночевать. Вслед за этим появился мавр; он увел мулов в конюшню, а хозяин провел путешественников в большую комнату с низким потолком, где стояли столы и сидело несколько человек с грубыми и жестокими лицами. Они пили вино. Тут хозяин неожиданно потребовал деньги вперед, заявив, что он не доверяет незнакомцам. Питер хотел было вступить с ним в спор, но Кастелл решил, что разумнее согласиться, и принялся расстегивать свою одежду, чтобы достать деньги. В карманах у него ничего не осталось, последние деньги, которые не были спрятаны, он истратил в Мотриле.

Правой рукой Кастелл по-прежнему не мог шевельнуть, и он начал доставать деньги левой, но так неловко, что маленький дублон, который он вытащил, выскользнул и упал на пол. Забыв, что он не завязал пояс, Кастелл нагнулся поднять дублон, и штук двадцать золотых монет покатились по полу. Питер заметил, как хозяин и сидящие в комнате мужчины обменялись быстрыми и многозначительными взглядами. Однако они поднялись и помогли собрать золотые. Хозяин вернул их Кастеллу, присовокупив с гнусной улыбкой, что, если бы он знал, что его гости так богаты, он запросил бы с них больше.

— О нет, это далеко не так, — ответил Кастелл, — это все, что мы

имеем.

Как раз в тот момент, когда он произнес эти слова, еще один золотой, на этот раз уже большой дублон, застрявший у него в одежде, упал на пол.

— Конечно, сеньор, — заметил хозяин, поднимая монету и вежливо возвращая ее, — однако потрясите себя, может, у вас в куртке застряли еще один — два золотых.

Кастелл так и сделал, и при этом золотые, спрятанные в поясе, так как их стало меньше, зазвенели. Присутствующие в комнате улыбнулись, а хозяин поздравил Кастелла с тем, что он находится в честном доме, а не путешествует по горам, служащим приютом для дурных людей.

Кастелл, делая вид, что ничего не произошло, запрятал свои деньги и затянул пояс. Затем он и Питер уселись в сторонке и попросили, чтобы им подали ужин. Хозяин приказал слуге принести еду, а сам подсел к ним и принялся расспрашивать. Из его вопросов стало ясно, что проводник успел рассказать ему всю их историю.

— Откуда вы узнали про кораблекрушение? — вместо ответа спросил Кастелл.

— Откуда? Да от людей маркиза, которые вчера останавливались здесь выпить по стакану вина, когда маркиз проезжал с двумя дамами в Гранаду. Он говорил, что «Сан Антонио» затонула, но ничего не сказал о том, что вы остались на борту.

— Тогда извините нас, дружище, если мы, чьи дела не должны интересовать вас, тоже ничего не скажем, поскольку мы устали и хотим отдохнуть.

— Конечно, сеньоры, конечно, — засуетился хозяин, — я пойду потороплю с ужином и велю принести вам флягу гранадского вина, подобающего вашему положению.

Он удалился, а через некоторое время принесли ужин — хорошее жаркое и к нему в глиняном кувшине вино. Наполняя их кружки, хозяин сказал, что он сам перелил его из фляги, чтобы не взболтать осадок.

Кастелл поблагодарил его и предложил выпить стакан вина за успех их путешествия, однако хозяин отказался, заявив, что у него сегодня постный день и что он поклялся пить в этот день одну только воду. Тогда Питер, который не произнес ни слова за все это время, но многое приметил, пригубил вино и, почмокав, как будто пробуя, шепнул по-английски Кастеллу:

— Не пейте — оно отравлено.

— Что сказал ваш сын? — спросил хозяин.

— Он говорит, что вино великолепно, но при этом он вдруг вспомнил,

что доктор в Мотриле запретил нам прикасаться к вину, если мы не хотим ухудшить состояние наших ран, полученных при кораблекрушении. Но оно не должно пропасть. Поднесите его вашим друзьям. Мы удовольствуемся более слабым напитком.

С этими словами Кастелл взял кувшин с водой, стоявший на столе, наполнил кружку, выпил и передал ее Питеру. Хозяин посмотрел на них с явным неудовольствием.

Затем Кастелл поднялся и вежливо предложил кувшин с вином и две наполненные кружки мужчинам, сидевшим за соседним столом, добавив, что им очень жаль, что они не могут попробовать столь великолепное вино. Одним из этих людей случайно оказался их проводник; он пришел сюда, накормив мулов. И он и его сосед с готовностью взяли наполненные кружки и выпили их содержимое. Хозяин в это время с проклятием схватил кувшин и исчез.

Кастелл и Питер принялись за жаркое. Они видели, что их соседи едят то же самое, да и хозяин, вернувшийся в комнату, тоже принялся за такое же мясо. Питеру показалось, что хозяин с тревогой наблюдает за двумя мужчинами, выпившими вино. Вдруг один из них поднялся из-за стола и, пройдя несколько шагов до скамьи, стоявшей на другом конце комнаты, молча рухнул на нее. Между тем у одноглазого проводника бессильно опустились руки, и он, по-видимому без сознания, упал на стол, так что голова его уткнулась в пустое блюдо. Хозяин вскочил, но тут же остановился в нерешительности. Тогда поднялся Кастелл и заметил, что, очевидно, бедного парня сморил сон после долгой дороги и что они тоже устали и не будет ли хозяин так любезен проводить их в отведенную им комнату.

Хозяин охотно согласился — было ясно, что он хочет как можно скорее избавиться от них, тем более что остальные посетители разглядывали проводника и своего товарища и шептались между собой.

— Вот сюда, сеньоры, — указал он и повел их в конец комнаты, к лестнице.

Поднявшись по ней с лампой в руке, он поднял люк и предложил им следовать за ним. Кастелл так и сделал, а Питер обернулся и пожелал доброй ночи всей компании, наблюдавшей за ним. При этом, как бы случайно, он наполовину вытащил свой меч из ножен. Затем он вслед за хозяином и Кастеллом полез по лестнице и оказался на чердаке.

Это была пустая комнатушка, единственной мебелью которой были два стула и два грубых деревянных ложа без изголовий, стоявших на расстоянии трех футов друг от друга у дощатой перегородки, по-видимому

отделявшей это помещение от соседнего. Под самой крышей была завешанная мешком дыра, которая служила окном.

— Мы люди бедные, — сказал хозяин, пока они оглядывали этот пустой чердак, — но многие знатные господа прекрасно спали здесь. Вам тоже будет здесь хорошо. — И он повернулся к лестнице.

— Это нам подойдет, — согласился Кастелл, — только скажите вашим людям, чтобы они не запирали конюшню, так как мы уедем на рассвете, и будьте добры оставить нам лампу.

— Лампу я оставить не могу, — сердито проворчал хозяин; одна нога его уже была на лестнице.

Питер шагнул к нему и схватил одной рукой за руку, а другой — лампу. Хозяин выругался и принялся шарить у себя за поясом, очевидно ища нож, но Питер с такой силой сжал его руку, что от боли тот выпустил лампу, и она осталась в руке у Питера. Хозяин попытался схватить ее, но потерял равновесие и скатился вниз по лестнице, тяжело рухнув на пол.

Сверху они видели, как он поднялся на ноги и принялся поносить их, размахивая кулаками и клянясь, что отомстит за все. Питер захлопнул люк. Оказалось, что люк плохо пригнан к полу. К тому же засов, на который он должен был запираться, отсутствовал, хотя скобы имелись. Питер огляделся вокруг в поисках какой-нибудь палки или куска дерева, чтобы заложить в скобы, но ничего не нашел. Тут он вспомнил о веревке, предназначенной для крепления седельных сумок, которая была у него в кармане. Ею он связал скобы. Теперь люк нельзя было приподнять от пола более чем на один — два дюйма. Но тут же Питер сообразил, что если приподнять люк, то можно сквозь эту щель перерезать ножом веревку, и поставил один из стульев так, что две его ножки оказались на люке. После этого он сказал Кастеллу:

— Мы, как птицы, попались в ловушку. Но прежде чем свернуть нам шеи, они должны войти в клетку. Вино было отравлено. Если они сумеют, они убьют нас из-за наших денег, или потому, что им поручил сделать это проводник. Нам лучше не спать эту ночь.

— Я тоже так думаю, — с тревогой в голосе подтвердил Кастелл. — Послушай, они там внизу разговаривают.

Снизу действительно доносились звуки голосов, похоже было, что идет спор, но спустя не которое время шум затих. Когда все смолкло, Питер и Кастелл тщательно осмотрели чердак, но не обнаружили ничего подозрительного. Питер глянул на дыру, служившую окошком, и, решив, что она достаточно велика, чтобы в нее мог пролезть человек, попытался подтащить к ней кровать. Ему пришло в голову, что если кто-нибудь

попробует влезть в окно, то попадет прямо к нему в руки. Однако он убедился, что кровати прибиты к полу и сдвинуть их с места невозможно. Делать больше было нечего, и оба они уселись на кроватях с обнаженными мечами в руках и принялись ждать. Время шло.

В конце концов лампа, которая уже давно мерцала, зачадила и совсем погасла. Кончилось масло. Они очутились в темноте. Единственным источником света было окно, с которого они сняли мешковину.

Спустя некоторое время до них донесся стук конских копыт, они услышали, как открылась и опять захлопнулась дверь внизу и вновь раздались голоса. К голосам, которые они слышали раньше, присоединился еще один. Он показался Питеру знакомым.

— Я узнал его, — шепнул он Кастеллу. — Это отец Энрике. Он приехал узнать, как поживают его гости.

Прошло еще полчаса, и взошла бледная луна, послав в их комнату слабый луч света. Опять послышался стук копыт. Питер подошел к окну. Хозяин постоялого двора держал за поводья превосходного коня. Затем подошел человек и взобрался в седло. Хозяин что-то сказал ему, тот поднял голову. Питер узнал отца Энрике.

Священник и хозяин еще некоторое время шептались, потом отец Энрике благословил хозяина и уехал. До Питера и Кастелла опять донесся звук запираемой двери.

— Он поехал в Гранаду предупредить своего хозяина Морелла, что мы направляемся туда, — сказал Кастелл, после того как они опять уселись на своих кроватях.

— А может быть, сообщить маркизу, что мы никогда не приедем. Но все-таки ему нас не одолеть.

Время тянулось медленно, и Кастелл, который совсем ослабел, откинулся на подушку и задремал. Вдруг стул, стоявший на крышке люка, упал со страшным грохотом. Кастелл вскочил и уставился на Питера.

— Это всего-навсего крыса, — ответил Питер, не желая открывать ему правду.

Питер тихонько прокрался к люку, пощупал веревку — она была цела — и снова поставил стул на прежнее место. Проделав это, Питер вернулся к кровати и бросился на нее, как будто собираясь заснуть, хотя в действительности никогда еще он не был так настороже. Усталость между тем опять одолела Кастелла, и он задремал.

Было тихо, только один раз что-то заслонило лунный свет, и на мгновение Питеру показалось, что он видит в окне лицо, но оно исчезло и больше не появлялось. Но теперь какие-то слабые звуки, похожие на

сдерживаемое дыхание и на шаги босых ног, стали раздаваться у кровати Кастелла. Затем послышался легкий скрип и царапанье у стены, как будто скреблась мышь, и вдруг, как раз в полосе лунного света, сквозь перегородку просунулась обнаженная рука с ножом.

Нож на мгновение повис над грудью спящего Кастелла, — это продолжалось только мгновение, потому что уже в следующую секунду Питер вскочил и ударом меча, который лежал наготове рядом с ним, отсек руку у плеча.

— Что случилось? — спросил Кастелл, почувствовав, что что-то свалилось на него.

— Змея, — последовал ответ. — Ядовитая змея. Проснитесь и посмотрите.

Кастелл поднялся и молча глянул на ужасную руку, все еще сжимавшую нож. За перегородкой послышался подавленный стон и удаляющиеся тяжелые шаги.

— Ну что ж, — сказал Питер, — надо уходить, а то мы останемся здесь навсегда. Этот парень скоро вернется за своей рукой.

— Уходить! — отозвался Кастелл. — Но как?

— Похоже, что у нас есть только один путь и тот опасный: вот в это окошко и через стену, — ответил Питер. — Ага, они идут.

Не успел он это сказать, как они услышали, что кто-то поднимается по лестнице.

Под окном никто не сторожил, а до земли было не более двенадцати футов. Питер помог Кастеллу пролезть, держа его за здоровую руку, и опустил как можно ниже. Кастелл спрыгнул, не удержался и свалился на землю, но тут же поднялся. Питер собирался последовать за ним, но в это мгновение услышал звук падающего стула и, оглянувшись увидел, что крышка откинута. Они перерезали веревку!

В слабом свете была видна фигура человека с ножом в руке. За ним виднелась еще одна. Теперь уже Питер не мог скрыться через чердачное окно: если бы он попытался сделать это, то получил бы удар в спину. Питер сжал обеими руками меч и прыгнул на противника. Меч, по-видимому, достиг цели: человек свалился на пол и остался недвижим. Второй уже опирался коленкой о край люка. Удар меча, и тот тоже свалился вниз, на головы стоявших ниже. Лестница рухнула. В результате нападавшие оказались в куче на полу. Только один удержался руками за край люка. Питер захлопнул крышку, и человек с диким криком полетел вниз. За неимением ничего другого Питер навалил на крышку люка труп убитого им человека.

Затем он побежал к окну, вложив на ходу меч в ножны, протиснулся сквозь отверстие и, повиснув на руках, спрыгнул. Он благополучно очутился на земле, так как был достаточно ловок и к тому же от возбуждения вообще забыл о своей раненой голове и плече.

— Куда теперь? — спросил его Кастелл, когда Питер, тяжело дыша, остановился перед ним.

— В конюшню за мулами… Нет, это бесполезно, у нас нет времени оседлать их. Да и наружные ворота закрыты. К стене! Мы должны перелезть через нее. Они будут здесь через минуту.

Питер и Кастелл бросились к стене и, к счастью своему, обнаружили, что хотя она достигала десяти футов высоты, но сложена была из крупных камней, по которым можно было вскарабкаться.

Питер взобрался первым, лег поперек стены, протянул Кастеллу руку и с трудом — так как старик был тяжел и к тому же ранен — подтянул его наверх. В этот момент они услышали, как кто-то кричал с чердака:

— Эти английские черти удрали! Бегите к воротам и ловите их!

Они спустились или, скорее, свалились со стены в колючий кустарник, который смягчил падение, но так поцарапал их, что они чуть не закричали от боли. Однако кое-как они выбрались из него, все окровавленные, вышли на дорогу и пустились бежать в сторону Гранады.

Не успели они отбежать и сотни ярдов, как услышали позади себя крики и поняли, что их преследуют. Как раз в этом месте дорога пересекала овраг, заросший густым кустарником и заваленный множеством валунов. За ним виднелось открытое пространство. Питер схватил Кастелла и потащил в овраг. Здесь они нашли укромное местечко за большим камнем — нечто вроде пещеры, заросшей кустами и высокой травой. Они нырнули туда и притаились.

— Вытаскивайте меч, — шепнул Питер Кастеллу. — Если они найдут нас, мы должны как можно дороже продать свою жизнь.

Кастелл повиновался и взял меч в левую руку.

Они слышали, как грабители пробежали вперед по дороге, потом, обнаружив, что там никого не видно, вернулись обратно и принялись шарить по оврагу. Здесь было темно, потому что свет луны почти не проникал в него, и беглецы остались незамеченными. Двое преследователей остановились шагах в пяти от них, и один заявил, что, вероятно, те свиньи спрятались во дворе или побежали обратно в Мотриль.

— Я не знаю, где они спрятались, — ответил второй, — однако дело дрянь. У толстого Педро начисто отсекли руку, и он, пожалуй, истечет кровью. Двое других уже подохли или подыхают — этот длинноногий

англичанин рубит крепко, — да еще те, что выпили отравленное вино. Похоже, что они уже никогда не проснутся. Да, и все это ради того, чтобы добыть несколько дублонов и ублаготворить попа! И все-таки, если бы я поймал этих свиней… — Он пробормотал страшную угрозу. — Я думаю, лучше всего залечь у выхода из оврага на тот случай, если они спрятались здесь.

Питер слышал весь этот разговор. Остальные бандиты убежали. Питер был взбешен, к тому же колючий кустарник причинял ему страшную боль. Не говоря ни слова, он выбрался из убежища, держа в руке свой страшный меч.

Бандиты увидели его и вскрикнули от ужаса. Для одного из них это был последний звук в его жизни. Другой пустился бежать.

Это был как раз тот, который грозил беглецам страшной расправой.

— Стой! — крикнул Питер, настигая его. — Стой и сделай то, что ты собирался!

Негодяй повернулся и принялся молить о пощаде, но Питер был неумолим…

— Это было необходимо, — сказал Питер Кастеллу, — вы слышали — они собирались сторожить нас.

— Я думаю, что у них вряд ли появится когда-либо желание напасть на англичанина на этом постоялом дворе, — задыхаясь, говорил Кастелл, стараясь не отстать от Питера.

Глава XIV . Инесса и ее сад

Часа два пробирались Джон Кастелл и Питер Брум по Гранадской дороге. Там, где дорога была ровной, они бежали и шли, когда она становилась трудной; время от времени останавливались, чтобы перевести дыхание и прислушаться. Однако ночь была безмолвна — по-видимому, никто их не преследовал. Очевидно, оставшиеся в живых бандиты направились другим путем или же решили, что с них достаточно этого приключения, и не желали больше иметь дело с мечом Питера.

Наконец над огромной равниной, окутанной туманом, забрезжил рассвет. Взошло солнце, разогнало туман, и милях в двенадцати путники увидели Гранаду, расположенную на холме. Они посмотрели друг на друга — печальное зрелище они представляли: исцарапанные колючками, перепачканные кровью. У Питера была обнажена голова — шляпу свою он потерял. Теперь, когда прошло возбуждение, он почувствовал себя чрезвычайно плохо от боли, усталости и желания спать. К тому же солнце начало припекать с такой силой, что Питер чуть не потерял сознание. Они соорудили из стеблей и травы нечто вроде шляпы. Этот головной убор придавал Питеру такой странный вид, что несколько встречных мавров решили, что он сумасшедший, и пустились бежать прочь.

Питер и Кастелл шли, делая не более мили в час, освежаясь водой из всех встречных канав. К полудню зной стал невыносим. Они вынуждены были прилечь отдохнуть под тенью какого-то дерева, похожего на пальму, и здесь, совершенно измученные, погрузились в сон, похожий на забытье.

Проснулись они от звуков голосов и вскочили на ноги, обнажив свои мечи. Они решили, что их догнали бандиты. Однако вместо гнусных убийц они увидели перед собой восемь мавров верхом на великолепных белых конях, в тюрбанах и развевающихся плащах, каких Питеру раньше никогда не приходилось видеть. Мавры спокойно и, по-видимому, не без жалости рассматривали путников.

— Спрячьте ваши мечи, сеньоры, — произнес предводитель на прекрасном испанском языке. Похоже было, что он испанец, одетый по-восточному, — ведь нас много, а вас всего двое, да к тому же вы ранены.

Питеру и Кастеллу не оставалось ничего другого, как повиноваться.

— Скажите нам, хотя и нет большой нужды спрашивать, — продолжал предводитель, — вы и есть те двое англичан, которые оказались на «Сан Антонио» и спаслись, когда корабль утонул?

Кастелл кивнул:

— Мы оказались там, чтобы найти…

— Не важно, что вы искали, — перебил его предводитель. — Имена высокочтимых дам не должны упоминаться в присутствии неизвестных людей. Но вы после этого попали в беду на постоялом дворе, где этот высокий сеньор вел себя очень храбро. Мы уже слышали эту историю и свидетельствуем свое уважение человеку, который так владеет мечом.

— Мы благодарим вас, — ответил Кастелл, — но какое у вас дело к нам? — Сеньор, нас послал наш господин, его светлость маркиз Морелла, чтобы мы разыскали вас и привезли в качестве его гостей в Гранаду.

— Значит, поп рассказал, — пробормотал Питер. — Я так и думал.

— Мы просим вас следовать за нами без сопротивления, потому что у нас нет желания применять силу по отношению к столь храбрым людям, — продолжал офицер. — Будьте так любезны сесть на этих лошадей.

— Я купец, — сказал Кастелл, — и у меня есть друзья в Гранаде. Можем ли мы поехать к ним, если мы не хотим воспользоваться гостеприимством маркиза?

— Нет, сеньор, у нас есть приказ, а слово маркиза, нашего господина, является здесь законом, который нельзя нарушать.

— Я думал, что королем Гранады является Боабдил, — заметил Кастелл.

— Без сомнения, он король и по воле аллаха и будет им, но маркиз — его родственник, и к тому же, пока продолжается перемирие, он является послом их величеств короля и королевы Испании в нашем городе.

По знаку офицера двое мавров спешились, подвели к Питеру и Кастеллу своих коней и предложили помочь сесть в седло.

— Делать нечего, — сказал Питер, — придется ехать.

Довольно неловко, ибо оба они были совершенно разбиты, Питер и Кастелл взобрались на коней и тронулись в сопровождении своих стражей.

Солнце уже склонялось к закату — они проспали довольно долго, — когда они достигли ворот Гранады. Муэдзины с минаретов мечетей уже выкрикивали вечерние молитвы.

У Питера осталось весьма смутное представление о столице мавров, пока он ехал через нее, окруженный эскортом. Узкие, извилистые улицы, белые дома, закрытые ставнями окна, толпы вежливых и молчаливых людей в белых развевающихся одеждах, резные и остроконечные арки и огромное сказочное здание на холме. От боли и усталости он с трудом воспринимал что-либо, пока ехал по этому удивительному и величественному городу. Вид у него был довольно странный —

длинноногая фигура, вся окровавленная и увенчанная причудливой шляпой из травы.

Однако никто не смеялся над ним. Вероятно, потому, что его смешная внешность не мешала видеть в нем храброго воина. А может быть, сюда дошли слухи о том, как он работал мечом на постоялом дворе и на корабле. Во всяком случае, в отношении жителей чувствовалась сдержанная нелюбовь к христианам, смешанная с уважением к храброму человеку, попавшему в беду.

В конце концов после длительного подъема они оказались перед дворцом, напротив которого стояла огромная крепость с красными стенами, господствовавшая над городом. Позднее Питер узнал, что это Альгамбра. Между дворцом и крепостью была равнина. Дворец был колоссальным сооружением, расположенным по трем сторонам четырехугольника и окруженным садами, в которых высокие кипарисы устремлялись острыми вершинами в ясное небо. Всадники миновали многочисленные ворота, пока не оказались во дворе, где слуги с факелами в руках бросились им навстречу. Кто-то помог Питеру слезть с лошади, кто-то провел его по ступенькам мраморной лестницы, внизу которой бил фонтан, в большую прохладную комнату с резным потолком. После этого Питер уже ничего не помнил.

Прошло время, много-много времени — не меньше месяца, — прежде чем Питер открыл глаза и вновь увидел окружающий его мир. Нельзя сказать, что он все это время был без сознания — время от времени он узнавал большую прохладную комнату и людей, говоривших о нем, особенно легко двигавшуюся красивую черноглазую женщину в белом головном уборе. Похоже было, что она ухаживает за ним. Иногда ему казалось, что это Маргарет, и все-таки он знал, что это не может быть она, потому что женщина не была похожа на Маргарет. Питер припомнил, что раз или два он видел склонившееся над ним надменное и красивое лицо Морелла; тот как будто хотел узнать, останется ли Питер жив. Питер пытался подняться, чтобы сразиться с ним, но его укладывали обратно мягкие, белые, но удивительно сильные руки женщины.

Теперь же, когда Питер окончательно пришел в сознание, он увидел эту женщину, сидевшую рядом с его постелью; солнечный луч, проникавший сквозь верхнее окно, освещал ее лицо. Она сидела, подперев рукой подбородок, и с любопытством рассматривала его. Он заговорил с ней на ломаном испанском языке, потому что неизвестно откуда, но он знал, что она не понимает по-английски.

— Вы не Маргарет, — сказал он.

Задумчивость мгновенно исчезла с ее лица, она оживилась и подошла к нему. У нее была очень грациозная фигура.

— Нет, нет, — сказала она, склоняясь над ним и касаясь его лба своими тонкими пальцами, — меня зовут Инесса. Вы все еще бредите, сеньор.

— Какая Инесса?

— Просто Инесса, — ответила она. — Инесса, женщина из Гранады, все остальное забыто. Инесса, сиделка, ухаживающая за больным.

— Тогда где же Маргарет, англичанка Маргарет?

Ему показалось, что тень тайны окутала лицо женщины и голос ее изменился, когда она отвечала — он уже не звучал правдиво. Или это почудилось его рассудку, ставшему острее от лихорадки?

— Я не знаю никакой англичанки Маргарет. А вы любите ее, англичанку Маргарет?

— Да, — ответил Питер. — Ее украли у меня. Она жива или умерла?

— Я уже сказала вам, сеньор, что я ничего не знаю, но, — и опять ее голос стал естественным, — я поняла, что вы любите кого-то, судя по словам во время болезни.

Питер подумал немного. Он начал кое-что припоминать:

— А где Кастелл?

— Кастелл? Это ваш спутник, человек с поврежденной рукой, похожий на еврея? Я не знаю, где он. Наверно, в другой части города. Я думаю, что его отправили к его друзьям. Не спрашивайте меня об этом, я всего только ваша сиделка. Вы были очень больны, сеньор. Посмотрите. — И она подала ему маленькое зеркало, сделанное из полированного серебра, но, поняв, что он слишком слаб, чтобы взять его, подержала зеркало перед его лицом.

Питер увидел себя в зеркале и тяжело вздохнул — лицо его было мертвенно бледным и изможденным.

— Хорошо, что Маргарет не видит меня, — произнес он, пытаясь улыбнуться, — с бородой, да еще с какой! Как вы могли ухаживать за таким страшным мужчиной?

— Мне вы не показались страшным, — мягко ответила она. — Кроме того, это мое занятие. Но вам нельзя разговаривать, вы должны отдыхать. Выпейте вот это и отдыхайте.

Она подала ему суп в серебряной чашке. Питер с готовностью проглотил его и уснул.

Через несколько дней, когда Питер уже был на пути к выздоровлению,

пришла его прелестная сиделка и села рядом с ним, с жалостью глядя на него своими нежными восточными глазами.

— Что случилось, Инесса? — спросил Питер, обратив внимание на ее грустное лицо.

— Сеньор Педро, когда вы в первый раз проснулись после долгого сна, вы говорили со мной о некоей Маргарет, не так ли? Я узнавала об этой донне Маргарет, и у меня для вас дурные новости.

Питер стиснул зубы и вымолвил:

— Говорите самое страшное.

— Эта Маргарет путешествовала с маркизом Морелла.

— Он украл ее, — вырвалось у Питера.

— Увы, может быть. Но в Испании, и особенно здесь, в Гранаде, это вряд ли спасет честь той, о которой известно, что она путешествовала с маркизом Морелла.

— Тем хуже будет для маркиза Морелла, когда я опять встречу его, — зло пробормотал Питер. — Что вы еще хотели рассказать мне, Инесса?

Она с интересом посмотрела на его исхудавшее, суровое лицо.

— Плохие новости. Я уже сказала вам, что плохие. Говорят, что эту сеньору однажды нашли мертвой у подножия самой высокой башни дворца маркиза. Упала ли она, или ее сбросили, никто не знает.

Питер задохнулся. Наступило молчание. Потом он спросил:

— Вы видели ее мертвой?

— Нет, сеньор. Другие видели.

— И поручили вам сказать мне. Инесса, я не верю этому. Если бы донна Маргарет, моя невеста, умерла, я бы знал это. Но сердце мое говорит, что она жива.

— Вы так верите своему сердцу, сеньор? — отозвалась женщина с оттенком восхищения в голосе.

Питер заметил, что она не возразила ему.

— Да, я верю, — ответил он, — у меня не осталось ничего другого, а это не такая уж плохая поддержка.

Питер замолчал, только спустя некоторое время спросил:

— Скажите мне, где я нахожусь?

— В тюрьме, сеньор.

— Вот как? В тюрьме, с прекрасной женщиной в качестве тюремщика и с другими прекрасными женщинами, — он показал на красивую девушку, которая принесла что-то в комнату, — в качестве служанок. Да и сама тюрьма неплоха. — Он обвел взглядом мраморные своды, украшенные превосходной резьбой.

— Там, за дверьми, уже не женщины, а мужчины, — ответила она улыбаясь.

— Я полагаю. Пленников ведь можно связывать веревками и из шелка. Ну, а кому принадлежит эта тюрьма?

Инесса покачала головой:

— Я не знаю, сеньор. Наверно, королю мавров. Вы ведь сами сказали, что я только тюремщица.

— Тогда кто же платит вам?

— Может быть, мне вообще не платят. Может быть, я служу из любви, — она быстро взглянула на него, — или из ненависти. — При этих словах лицо ее изменилось.

— Я надеюсь, не из ненависти ко мне, — сказал Питер.

— Нет, сеньор, не из ненависти к вам. За что я могу ненавидеть вас, такого беспомощного и такого славного?

— Действительно, за что? Тем более что я так благодарен вам — ведь вы выходили меня и вернули к жизни. Но тогда зачем скрывать правду от беспомощного человека?

Инесса огляделась вокруг. В комнате в эту минуту, кроме них, никого не было. Она нагнулась к Питеру и прошептала:

— Вас никогда не заставляли скрывать правду? Я вижу по вашему лицу, что нет. К тому же вы не женщина, не заблудшая женщина.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, потом Питер спросил:

— Донна Маргарет действительно умерла?

— Я не знаю, мне так сказали. — И, как бы испугавшись, что она выдаст себя, Инесса отвернулась и быстро вышла из комнаты.

Шли дни. Питер понемногу начал поправляться. Но ему так и не удалось выяснить, где он находится и почему. Все, что он знал, сводилось к тому, что он был пленником в роскошном дворце. Но и в этом он не был уверен — стрельчатые окна одной из стен были заделаны. К нему никто не приходил, за исключением прекрасной Инессы и мавра, который или был глух, или не понимал по-испански. Правда, были еще женщины, служанки, все как одна красивые, но им не разрешалось приближаться к нему. Питер видел их только издали.

Таким образом, единственной собеседницей Питера была Инесса, и отношения их становились все более дружескими. Только один раз она решилась приподнять краешек вуали, скрывавшей ее мысли. Прошло много времени, прежде чем Инесса стала более доверять Питеру. Каждый день он

задавал ей вопросы, и каждый день она без тени раздражения или хотя бы досады уклонялась от прямого ответа. Оба отлично понимали, что каждый из них старается перехитрить другого, но пока что у Инессы было преимущество в этой игре, которая ей, пожалуй, нравилась. Питер расспрашивал ее о множестве вещей — об испанском королевстве, о мавританском дворе, об опасности, угрожающей Гранаде, которой предстояло пережить осаду. Все эти вопросы они обсуждали вместе, и Инесса проявляла при этом незаурядный ум. В результате Питер был осведомлен о политических событиях, происходящих в Кастилии и Гранаде, и довольно серьезно улучшил свои познания испанского языка.

Однако, когда он неожиданно — а он делал это при каждом удобном случае — снова спрашивал ее о маркизе Морелла, о Маргарет или о Кастелле, выражение ее лица менялось и печать молчания смыкала ее уста.

— Сеньор, — сказала однажды, смеясь, Инесса, — вы хотите узнать тайну, которую я, быть может, и раскрыла бы вам, если бы вы были моим мужем или любовником, но вы не можете рассчитывать узнать ее от сиделки, жизнь которой зависит от того, как она ее хранит. Это вовсе не означает, что я хочу, чтобы вы стали моим мужем или любовником, — добавила она с нервным смехом.

Питер серьезно посмотрел на нее.

— Я знаю, что вы не хотите этого, — сказал он. — Чем бы я мог привлечь такую блестящую и красивую женщину, как вы?

— Однако вы, кажется, привлекаете англичанку Маргарет, — быстро и раздраженно ответила она.

— Привлекал, вы имеете в виду. Ведь вы говорили мне, что она умерла.

Поняв, что она совершила ошибку, Инесса прикусила губу.

— Однако, — продолжал Питер, — хотя это, вероятно, не столь важно для вас, я должен сказать, что вы сделали меня своим хорошим другом.

— Другом? — переспросила Инесса, широко открыв свои большие глаза. — О чем вы говорите? Разве такая женщина, как я, может найти друга в мужчине моложе шестидесяти лет?

— Похоже на то, — улыбнулся Питер.

Легко поклонившись ему, Инесса вышла из комнаты.

Через два дня она появилась вновь, по-видимому, очень озабоченная.

— Я уж думал, что вы совсем бросили меня, — встретил ее Питер. — Очень рад видеть вас. Я устал от этого глухого мавра и от этой великолепной комнаты. Мне хотелось бы подышать свежим воздухом.

— Я догадывалась об этом и пришла, чтобы проводить вас в сад.

Питер подпрыгнул от радости, схватил свой меч, который был ему оставлен, и стал пристегивать его.

— Вам он не понадобится, — заметила Инесса.

— Я полагал, что он мне не понадобится и на том постоялом дворе… — буркнул Питер.

Инесса рассмеялась и положила руку ему на плечо.

— Слушайте, друг мой, — шепнула она, — вы хотите пройтись по свежему воздуху, не так ли? Кроме того, вас интересуют некоторые вещи. А я хочу рассказать вам о них. Но здесь я не смею делать этого — у этих стен есть уши. Ну, а когда мы будем гулять в саду, не будет ли для вас очень тяжелым наказанием обнять меня за талию? Вы ведь еще нуждаетесь в опоре.

— Уверяю вас, что это отнюдь не будет для меня наказанием, — улыбнулся Питер. В конце концов, он был мужчина, и к тому же молодой, а талия Инессы была так же прелестна, как и она сама. — Однако, — добавил он, — это могут неправильно истолковать.

— Совершенно верно, я и хочу, чтобы это было неправильно истолковано. Не мной, конечно. Я ведь знаю, что совершенно не интересую вас и что вы с таким же удовольствием обнимете эту мраморную колонну.

Питер открыл рот, чтобы возразить ей, но Инесса остановила его.

— О, не пытайтесь солгать мне, у вас это вряд ли получится! — сказала она с явным раздражением. — Если бы у вас были деньги, вы бы попытались заплатить мне за уход за вами, и кто знает, я, может быть, взяла бы их. Поймите: или вы должны сделать то, что я говорю, то есть изобразить влюбленного, или нам нельзя идти вместе в сад.

Питер все еще колебался, подозревая заговор, но Инесса наклонилась к нему так, что ее губы почти коснулись его уха, и прошептала:

— Я не могу сказать вам, каким образом, но может быть — я повторяю: может быть — вам удастся увидеть останки донны Маргарет. Ну вот, — добавила она, горько усмехнувшись, — теперь вы будете целовать меня всю дорогу, не так ли? Глупец, не сомневайтесь. Используйте эту возможность, быть может, она не повторится.

— Какую возможность? Поцеловать вас? Или что-либо другое?

— Это вы увидите, — ответила она, пожав плечами. — Пошли.

Питер, все еще колеблясь, последовал за ней. Инесса провела его в конец комнаты к двери, вверху которой было потайное отверстие для наблюдения. За дверью с обнаженной кривой саблей в руке стоял высокий мавр. Инесса сказала ему что-то, и он, отсалютовав ей саблей, пропустил их к винтовой лестнице. Внизу оказалась другая дверь. Инесса постучала в

нее четыре раза. Заскрипели засовы, повернулся ключ, и чернокожий страж распахнул ее. За дверью стоял другой мавр, тоже с обнаженной саблей в руке. Они миновали его, свернули направо по маленькому коридору, оканчивавшемуся несколькими ступеньками, и оказались перед третьей дверью. Здесь Инесса остановилась.

— А теперь, — сказала она, — приготовьтесь к испытанию.

— К какому испытанию? — спросил Питер, опираясь о стену: ноги его все еще были слабы.

— К этому, — ответила Инесса, показывая на свою талию, — и к этому, — и она коснулась кончиками тонких пальцев своих пухлых красных губ. — Может быть, вы хотите немного попрактиковаться, мой невинный английский рыцарь, прежде чем мы выйдем? Боюсь, что вы окажетесь неловким и не сумеете сыграть свою роль.

— Я думаю, — заметил Питер, ибо юмор всей ситуации становился ясен, — что такая практика несколько опасна для меня. Это может надоесть вам раньше времени. Я отложу это приятное занятие до того, как мы будем в саду.

— Я так и думала, — сказала Инесса. — Но смотрите, вы должны хорошо сыграть свою роль, иначе пострадаю я.

— Мне кажется, что я могу пострадать тоже, — пробормотал Питер, но не настолько тихо, чтобы Инесса не могла расслышать его слов.

— Нет, друг мой Педро, — обернулась она к Питеру, — в такого рода фарсах всегда страдает женщина. Она расплачивается, а мужчина исчезает, чтобы играть следующий фарс. — И, не говоря больше ни слова, Инесса толкнула дверь.

Стражи здесь уже не оказалось.

Перед ними был великолепный сад. Кругом высились конусообразные кипарисы и апельсиновые деревья, а цветущие кусты наполняли мягкий южный воздух благоуханием. Из пастей каменных львов били фонтаны. В разных уголках сада были устроены беседки, на каменных скамьях лежали цветные подушки. Это был подлинно восточный уголок наслаждений. Питер никогда не видел ничего подобного. К тому же он не видел ни неба, ни цветов в течение долгих, томительных недель болезни. Сад был совершенно изолирован, его окружала высокая стена, и только в одном месте между кипарисами возвышалась башня из красного камня, без окон, принадлежащая какому-то другому зданию.

— Это гаремный садик, — прошептала Инесса. — Много любимец порхало здесь в счастливые летние дни, пока не приходила зима и бабочка не погибала.

Инесса опустила на лицо вуаль и начала спускаться вниз по ступенькам.

Глава XV . Питер играет роль

— Стойте, — попросил Питер, остановившись в тени двери, — я все еще ничего не понимаю, Инесса. Что вы задумали? Почему вы не можете здесь рассказать мне то, что вы собираетесь сказать?

— Вы сошли с ума! — почти с неистовством прошептала она. — Неужели вы думаете, что мне доставляет хоть какое-то удовольствие изображать себя влюбленной в камень, принявший образ мужчины, который для меня ровным счетом ничего не значит… разве только как друг, — добавила она быстро. — Я уже сказала вам, сеньор Питер, что, если вы не исполните то, что я приказала вам, вы никогда не услышите того, что я должна вам сказать. Будет решено, что я не справилась с этим делом, и через несколько минут я исчезну отсюда навсегда. Конечно, что это значит для вас? Выбирайте и быстро, потому что я не могу долго стоять здесь.

— Я повинуюсь вам, пусть простит меня бог, — ответил в смятении Питер из темноты портала, — но я действительно должен…

— Да, да, вы должны! — яростно возразила Инесса. — И не всем это показалось бы столь тяжелым наказанием.

Затем она кокетливо приподняла край своей вуали и, выглядывая из-под нее, позвала мягким, ясным голосом.

— О, простите меня, дорогой друг, я шла слишком быстро, забыв, что вы все еще так слабы. Идите сюда, обопритесь на меня. Я слабая женщина, но вас я поддержу. — Инесса поднялась по ступенькам, чтобы в следующую минуту вновь появиться в полосе света.

Теперь рука Питера обнимала ее талию.

— Будьте осторожны на этих ступеньках, они такие скользкие! (При этих словах бледное лицо Питера неожиданно стало пунцовым.) Не бойся, — продолжала она сладким голосом, — в этом саду никто не услышит твоих нежных слов и не увидит, как ты ласкаешь меня. Даже самая ревнивая женщина. В старину этот сад называли спальней султанши — там, в конце, есть место, где она купалась летом… Что ты сказал о шпионах? О да, во дворце их много, но заглядывать сюда даже для евнухов было равносильно смерти. Здесь нет иных свидетелей, кроме цветов и птиц.

Они приблизились к главной дорожке и медленно пошли по ней. Питер все еще обнимал Инессу, а ее белая рука поддерживала его. При этом она смотрела ему в глаза.

— Наклонитесь ближе ко мне, — прошептала она, — а то у вас лицо, как у деревянного святого. — Питер повиновался. — Теперь слушайте. Ваша дама жива и здорова… Поцелуйте меня, пожалуйста, в губы, эта новость стоит того. Если вы закроете глаза, вы можете вообразить, что это она.

Питер опять повиновался, и с большей готовностью, чем можно было предполагать.

— Она пленница в этом замке, — продолжала Инесса. — Маркиз сходит с ума от любви к ней и любыми способами хочет заставить ее стать его женой.

— Будь он проклят! — воскликнул Питер, вновь обнимая Инессу.

— Все это время она была уверена, что вас нет в живых, но теперь она знает, что вы живы и выздоравливаете. Ее отцу удалось спастись и укрыться у своих друзей. Там его не сумеет разыскать даже Морелла. К тому же маркиз полагает, что старик бежал из города. Однако Кастелл здесь, и, так как у него много золота, он установил связь со своей дочерью.

Инесса остановилась для того, чтобы с нежностью обнять Питера. Они прошли под деревьями и вышли к мраморным бассейнам, где, как говорили, купались летом жены султана. Этот дворец принадлежал раньше королям Гранады, до того как они поселились в Альгамбре. Инесса уселась на скамью и откинула шарф, окутывавший ее шею.

— Что вы делаете? — со страхом спросил Питер.

— Мне жарко, — ответила Инесса, — ваши руки слишком горячи. Здесь мы можем посидеть несколько минут.

— Тогда продолжайте свой рассказ.

— Мне немного осталось сказать, друг мой. Если вы хотите ей передать что-нибудь, я, возможно, сумею это сделать.

— Вы ангел! — воскликнул Питер.

— Это что — другое название для посланца? Продолжайте.

— Скажите ей… что если она что-либо узнает о нашей прогулке, то пусть не верит.

— По этому поводу она может составить собственное мнение, — возразила Инесса. — Если бы я была на ее месте, я знаю, какое у меня было бы мнение. Однако не теряйте времени, скоро нам нужно опять идти.

Питер уставился на нее — он ничего не мог понять в этом спектакле. Однако Инесса спокойно и серьезно сказала:

— Вас удивляет, что все это значит и почему я поступаю таким образом? Я объясню вам, сеньор, а вы можете мне верить или не верить, как хотите. Может быть, вы думаете, что я влюблена в вас? Это было бы не

так уж удивительно. В старых сказках такие вещи часто случаются — дама лечит христианина-рыцаря, влюбляется в него, ну, и так далее.

— Я не предполагаю ничего подобного. Я не столь тщеславен.

— Я знаю это, сеньор, вы слишком хороший человек для того, чтобы быть тщеславным. Так вот, я делаю все это не из любви к вам или кому-либо еще, а из ненависти. Да, из ненависти к Морелла. — И она сжала в кулак свою маленькую ручку.

— Я понимаю это, — сказал Питер. — Что он сделал вам?

— Не спрашивайте меня, сеньор. Достаточно того, что я любила его. Проклятый отец Энрике продал меня ему… это было давно, и Морелла погубил меня. Я родила ему сына… и сын умер. О матерь божья, мой мальчик умер, и с той поры я стала отверженной, рабой… У них здесь, в Гранаде, есть рабы… Я ем его хлеб, и я должна выполнять его приказания, должна служить другим женщинам, которых он любит, — я, которая была султаншей, я, которая надоела ему. Только сегодня… Но зачем я буду рассказывать вам об этом? Он заставил меня пойти и на это — я должна целовать в саду чужестранца, который не любит меня! — Она громко зарыдала.

— Бедное дитя! Бедное дитя! — произнес Питер, гладя ее тонкие пальцы. — С этой минуты у меня еще один счет к Морелла, и я заставлю маркиза оплатить за все сполна.

— Вы сделаете это? — быстро спросила Инесса. — О, если так, я готова умереть за вас! Я ведь живу только для того, чтобы отомстить ему. И первая моя месть будет, когда я украду у него эту даму, которую он похитил у вас и полюбил так страстно. Ведь она первая женщина, которая сопротивляется ему, — а он считает себя непобедимым.

— У вас есть какой-нибудь план? — спросил Питер.

— Пока еще нет. Дело очень трудное. Я рискую жизнью. Если маркиз заподозрит, что я предала его, он, не задумываясь, убьет меня. Здесь, в Гранаде, это даже не считают преступлением. И никто не будет задавать никаких вопросов, особенно если жертвой была женщина из дома убийцы. Я уж говорила вам, что, если бы я отказалась сделать то, что мне приказали, от меня просто избавились бы тем или иным способом, а вас поручили бы другой. Нет, у меня пока еще нет никакого плана, но вы должны знать, что сеньор Кастелл поддерживает связь со своей дочерью через меня. Я увижу его и ее, и мы придумаем какой-нибудь план. Не благодарите меня. Морелла платит мне за услуги, и я с радостью принимаю эти деньги, потому что надеюсь бежать из этого ада, и тогда буду жить на них. И все-таки ни за какие деньги на свете я не пошла бы на тот риск, на

который иду сейчас, хотя, честно говоря, для меня жизнь ничего не значит. Сеньор, я не буду скрывать от вас — вся эта сцена дойдет до ушей донны Маргарет, но я обещаю объяснить ей все.

— Умоляю вас, сделайте это, — серьезно сказал Питер.

— Сделаю, сделаю. Я буду помогать вам, ей и ее отцу. И если я перестану это делать, знайте, что я умерла или брошена в тюрьму, и заботьтесь о себе сами как можете. Одно только могу сказать вам для вашего успокоения: вашей даме не причинено никакого вреда. Морелла слишком любит ее. Он хочет сделать ее своей женой. А может быть, он дал какую-нибудь клятву. Я вот знаю, что он поклялся не убивать вас — ведь он легко мог бы сделать это, пока вы были больны и находились в его власти. Однажды, когда вы были еще без сознания, он пришел и стоял над вами с кинжалом в руке. Тогда он рассказал мне все. Я спросила: «Почему ты не убьешь его?», зная, что, задавая такой вопрос, я наилучшим способом сохраню вашу жизнь. Он ответил: «Потому что я не хочу жениться на девушке, если у меня на руках будет кровь ее возлюбленного. Я могу убить его только в честном бою. Я поклялся в этом еще там, в Лондоне. Я обещал богу и моему святому, что я завоюю ее честным путем, и, если я нарушу клятву, бог покарает меня здесь и на небе. Делай то, что я тебе приказал, Инесса. Ухаживай за ним хорошо; если он умрет, то пусть уж не по моей вине». Нет, он не убьет вас и не причинит ей никакого вреда. Он не посмеет это сделать, друг мой Педро.

— Так вы ничего не можете сейчас придумать? — спросил Питер.

— Ничего. Пока ничего. Эти стены высоки, стража охраняет их день и ночь, а за стенами лежит большой город Гранада, в котором Морелла пользуется огромной властью и где ни один христианин не может скрыться. Но маркиз хочет жениться на Маргарет. Кроме того, есть красивая и глупая женщина, ее служанка, влюбленная в маркиза. Она рассказала мне все это на самом дурном испанском языке, который я когда-либо слышала. Но это слишком длинная история, чтобы пересказывать ее. И есть еще отец Энрике, по чьему приказу вас чуть не убили на постоялом дворе. Больше всего на свете он любит деньги… О, кажется, я кое-что начинаю придумывать!… Но у нас нет больше времени для разговоров, а мне нужно как следует подумать. Друг мой, Педро, приготовьтесь целовать меня, мы должны продолжить нашу игру, а честно говоря, вы играете довольно плохо. Давайте вашу руку. Там есть приготовленная для вас скамья. Улыбайтесь и старайтесь выглядеть влюбленным. У меня не хватает искусства на двоих. Пойдемте, пойдемте…

Они вышли из густой тени деревьев, миновали мраморные бассейны и

оказались у скамьи. На ней были разбросаны подушки, и среди них лежала лютня.

— Сядьте у моих ног, — предложила Инесса, располагаясь на скамье. — Вы умеете петь?

— Как петух, — ответил Питер.

— Тогда я буду петь для вас. Пожалуй, это будет лучше, чем изображать влюбленных.

Она принялась напевать своим прелестным голосом любовные мавританские песенки, аккомпанируя себе на лютне.

Питер, измученный физически и очень взволнованный, старался играть свою роль влюбленного как можно лучше. Постепенно наступили сумерки.

Наконец стало так темно, что уже не было видно другого конца сада. Инесса перестала петь и со вздохом поднялась.

— Пьеса окончена, и занавес опущен, — сказала она. — А вам пора уходить отсюда, здесь сыро. Сеньор Педро, я должна признаться, что вы очень плохой актер, но будем надеяться, что зрители были снисходительны и приняли желаемое за действительное.

— Я не видел зрителей, — заметил Питер.

— Но они видели вас, и я уверена, что вы скоро убедитесь в этом. А сейчас идемте в вашу комнату, потому что я должна покинуть вас. Хотите вы что-нибудь передать сеньору Кастеллу?

— Ничего, кроме моей любви и почтения. Скажите ему, что благодаря вам я хоть еще и слаб, но оправился от ран, полученных на корабле, и от лихорадки, и что, если он придумает какой-нибудь план, чтобы вытащить нас всех из этого проклятого города и из рук Морелла, я буду благословлять его и вас.

— Хорошо, я не забуду этого. А теперь молчите. Завтра мы опять будем гулять. Не пугайтесь: завтра уже не нужно будет играть в любовь.

Маргарет сидела у открытого окна в роскошной комнате во дворце Морелла. Она была облачена в богатое испанское платье с высоким воротником, украшенным жемчугом. Приходилось носить то, что нравилось человеку, похитившему ее. Длинные волосы Маргарет, схваченные обручем, усеянным драгоценными камнями, падали ей на плечи, руки лежали на коленях. Из окон своей тюрьмы она вглядывалась в расположенную напротив мрачную и величественную громаду Альгамбры и в десятки тысяч огней Гранады, сверкающих далеко внизу. Рядом с ней, под серебряной висячей лампой, сидела Бетти, тоже богато одетая.

— В чем дело, кузина? — допытывалась Бетти, с тревогой глядя на

Маргарет. — В конце концов, ты должна чувствовать себя счастливее, чем раньше. Теперь ты знаешь, что Питер жив, почти поправился и находится в этом же дворце. Отец твой здоров, скрывается у друзей и думает о нашем спасении. Почему же ты так грустна? По-моему, ты должна быть веселее, чем обычно.

— Разве ты не знаешь, Бетти? Ну, так я расскажу тебе. Меня предали. Питер Брум, человек, на которого я смотрела уже почти как на мужа, обманул меня.

— Мастер Питер обманул? — с удивлением воскликнула Бетти. — Нет, это невозможно! Я знаю его, он не мог этого сделать. Ведь он даже не смотрит на других женщин, если ты это имеешь в виду.

— Как ты можешь так говорить? Послушай и суди сама. Ты помнишь тот вечер, когда маркиз повел нас смотреть чудеса этого дворца? Я еще подумала, что, может быть, найду какой-нибудь путь, которым мы сможем бежать.

— Конечно, помню. Мы не так часто покидаем эту клетку, чтобы я могла забыть это.

— Ну, значит, ты помнишь тот сад, окруженный высокой стеной, в котором мы гуляли. Маркиз, этот ненавистный отец Энрике и я поднялись на башню посмотреть на окрестности с ее крыши. Я думала, что ты идешь вместе с нами.

— Служанки не пустили меня. Как только вы прошли, они закрыли дверь и сказали, чтобы я ждала, пока вы не вернетесь. Я уж хотела вцепиться в волосы одной из них, потому что я боялась оставить тебя одну с этими двумя мужчинами, но эта дрянь вытащила нож, и мне пришлось смириться.

— Ты должна быть осторожнее, Бетти, — заметила Маргарет, — иначе кто-нибудь из этих язычников убьет тебя.

— Только не они, — возразила Бетти. — Они боятся меня. Я уже спустила одну из них вниз головой с лестницы, когда застала ее подслушивающей под дверью. Она пожаловалась маркизу, а он только посмеялся над ней, и теперь она лежит в постели с пластырем на носу. Но продолжай свой рассказ.

— Мы поднялись на верх башни, — начала Маргарет, — и стали смотреть на горы и равнину, по которой они привезли нас из Мотриля. Вдруг священник, который ушел к северной стене, где нет окон, с дьявольской улыбкой на лице вернулся и шепнул что-то на ухо маркизу. Тот повернулся ко мне и сказал:

«Отец Энрике сообщил мне о гораздо более интересном зрелище,

которое мы можем увидеть. Пойдемте посмотрим, сеньора».

Я пошла, потому что мне хотелось как можно больше разузнать об этом задании. Они провели меня в маленькую нишу, высеченную в толщине стены. Там в стене есть щели, похожие на амбразуры для стрельбы из лука, широкие изнутри, но очень узкие снаружи, так что их, наверно, нельзя увидеть снизу — ведь они скрыты между камнями стены.

«Здесь, — сказал маркиз, — обычно сидели в старину короли Гранады, а они всегда были ревнивы — и наблюдали отсюда за своими женами. Говорят, что один из них однажды увидел свою наложницу с астрологом и утопил их обоих в мраморном бассейне в конце сада. Посмотрите, перед нами пара, которая не подозревает, что мы являемся свидетелями их ласк».

Я нехотя посмотрела вниз, только чтобы занять время, и увидела высокого мужчину, который шел, обнявшись с женщиной. Я уже хотела отвернуться, чтобы не подсматривать, как вдруг женщина подняла лицо, чтобы поцеловать своего спутника, и я узнала красавицу Инессу. Она иногда посещала нас, вероятно затем, чтобы шпионить. В этот момент мужчина, ответив на ее поцелуй, виновато оглянулся, и я узнала его.

— Кто же это был? — воскликнула Бетти; этот рассказ о двух влюбленных заинтересовал ее.

— Не кто иной, как Питер Брум, — спокойно ответила Маргарет, но в голосе ее слышалось отчаяние. — Питер Брум, бледный после болезни, но это был он.

— Святые, спасите нас! Вот уж не думала, что он способен на это! — выпалила в изумлении Бетти.

— Маркиз и священник не позволили мне уйти, — продолжала Маргарет, — и заставили смотреть. Питер и Инесса задержались на некоторое время под деревьями около бассейна, и их не было видно. Потом они появились опять и уселись на мраморной скамье. Женщина начала петь, а он обнимал ее. Это продолжалось до темноты, и мы ушли, оставив их там. Ну, — прибавила она, всхлипнув, — что ты на это скажешь?

— Скажу, что это был не мастер Питер, — ответила Бетти. — Он не любит незнакомых дам и потайных садиков.

— Это был он и не кто иной, Бетти.

— Тогда, значит, он был одурманен, пьян или околдован. Это был не тот Питер, которого мы знаем.

— Может быть, он околдован этой дурной женщиной? Но это не оправдывает его.

Бетти задумалась. У нее уже не было оснований сомневаться в рассказе Маргарет, но, видно, она не так осуждающе относилась к этому

преступлению.

— Что ж, — сказала она, — мужчины, насколько я знаю, всегда остаются мужчинами. Он долгое время никого не видел, кроме этой кокетки, а она довольно хороша собой. К тому же вряд ли было честно следить за ним таким образом. Будь он моим возлюбленным, я бы не обратила на это внимания.

— Я и не скажу ему ничего ни об этом, ни о чем-либо другом, — твердо заявила Маргарет. — Между мной и Питером все кончено.

Бетти минуту подумала и вдруг произнесла:

— Мне кажется, я начинаю понимать, в чем здесь фокус. Маргарет, ведь они объявили тебе, что Питер умер. Потом мы узнали, что он жив и только болен и находится в этом дворце. Ложь обнаружилась. Теперь они хотят доказать его неверность. Не может ли вся эта сцена быть только спектаклем, который с определенной целью разыграла эта женщина?

— Для того, чтобы сыграть такой спектакль, нужны были два актера, Бетти. Если бы ты видела…

— Если бы я видела, я бы уж рассмотрела, был ли это спектакль или настоящая любовь, а ты ведь слишком наивна, чтобы судить об этом. А о чем говорили маркиз и священник все это время?

— Очень мало, почти ни о чем. Они только обменивались улыбками, и, когда совсем стемнело и ничего не стало видно, они спросили, не думаю ли я, что пора возвращаться. Меня, которую они держали там все это время и заставили быть свидетельницей моего позора!

— Ну да, они удерживали тебя там, не так ли? И привели тебя туда как раз вовремя и не пустили меня в башню, чтобы я не могла быть с тобой. Если в тебе есть хоть капля справедливости, ты должна сначала выслушать Питера, что он скажет обо всей этой истории, а потом уже судить.

— Я уже осудила его, — холодно ответила Маргарет. — И вообще, я хотела бы умереть!…

Маргарет поднялась со своего кресла и подошла к окну. Башня стояла на гребне холма, и под ней с высоты двухсот футов слабо вырисовывалась в бледном свете белая лента дороги. Вид этот вызывал легкое головокружение.

— Это будет легко, не правда ли? — сказала Маргарет с принужденным смехом, — просто наклониться немного больше из окна, а потом одно движение — и тьма… или свет… навсегда… Что из двух?

— Свет, я думаю, — твердо произнесла Бетти, поворачиваясь спиной к окну, — свет адского огня и довольно сильный, потому что это не что иное, как самоубийство. А кроме того, ты представляешь, как ты будешь

выглядеть там, на этой дороге? Кузина, не будь дурой. Если ты права, то вовсе не ты должна выпрыгивать из окна, а если ты ошибаешься, то тем более — ты только сделаешь еще хуже. Умереть ты всегда успеешь. И все-таки, если бы я была на твоем месте, я сначала попыталась бы поговорить с мастером Питером, хотя бы для того, чтобы сказать ему, что я о нем думаю.

— Может быть, — вздохнула Маргарет, бросаясь в кресло. — Но я страдаю! Ты даже не можешь понять, как я страдаю!

— Почему я не могу понять? — возмутилась Бетти. — Ты думаешь, ты единственная женщина в мире, которая оказалась достаточно глупой, чтобы влюбиться? Разве я не могу быть влюблена, как и ты? Ты улыбаешься и думаешь, что бедная Бетти не может испытывать те же чувства, что и ее богатая кузина! И все-таки это так — я влюблена. Я знаю, что он негодяй, и все-таки люблю маркиза так же, как ты его ненавидишь, так же, как ты любишь Питера, я ничего не могу поделать с собой, такова уж моя судьба. Но я не собираюсь выбрасываться из окна. Я скорее выброшу его и тем самым сведу наши счеты. И клянусь, что я это сделаю так или иначе, даже если это будет стоить мне того, с чем мне не хочется расставаться, — моей жизни.

Бетти гордо выпрямилась. На ее красивом, полном решительности лице появилось такое выражение, что если бы маркиз видел его, то, наверное, пожалел бы, что избрал эту женщину в качестве своего орудия.

Маргарет с изумлением смотрела на Бетти. В эту минуту послышались шаги. Она подняла голову и увидела перед собой прекрасную испанку или мавританку, она не знала точно, — Инессу; ту самую женщину, которую она видела в саду вместе с Питером.

— Как вы попали сюда? — холодно спросила Маргарет.

— Через дверь, сеньора, которая была не заперта, что не совсем разумно для тех, кто хочет поговорить тайно в таком месте, как это, — ответила Инесса со скромным поклоном.

— Она все еще не заперта, — сказала Маргарет, показывая на дверь.

— Нет, сеньора, вы ошибаетесь, вот у меня в руке ключ. Я умоляю вас не приказывать вашей компаньонке выбрасывать меня отсюда — она достаточно сильна, чтобы сделать это, — мне нужно кое-что сказать вам, и, если вы разумны, вы выслушаете меня.

Маргарет помедлила, затем бросила:

— Говорите, но покороче.

Глава XVI . Бетти показывает коготки

— Сеньора, — начала Инесса, — мне кажется, что вы на меня сердитесь.

— Нет, возразила Маргарет, — вы то, что вы есть; почему же я должна винить вас?

— Ну, тогда вы вините сеньора Брума.

— Может быть. Но это касается только его и меня. Я не собираюсь обсуждать это с вами.

— Сеньора, — продолжала Инесса с улыбкой, — мы оба не виноваты в том, что произошло.

— Неужели? А кто виноват?

— Маркиз Морелла.

Маргарет ничего не ответила, но глаза ее были достаточно красноречивы.

— Сеньора, вы мне не верите, и в этом нет ничего удивительного. И все-таки я говорю правду. То, что вы видели с башни, было спектаклем, в котором сеньор Брум играл свою роль. Причем, как вы, может быть, заметили, играл довольно скверно. Я предупредила его, что моя жизнь зависит от того, как он справится с этой ролью. Я выходила его от тяжелой болезни, а он человек благодарный.

— Я так и думала, но я не понимаю вас.

— Сеньора, я в этом доме рабыня, рабыня, которая больше никому не нужна. Остальное вы, пожалуй, можете предположить. Здесь это обычная история. Мне предложили свободу, если я завоюю сердце этого мужчины и сделаю его своим любовником. Если же я не сумею этого добиться, меня, вероятно, продадут другому хозяину, а может, поступят со мной еще хуже. Я согласилась — почему мне было не согласиться? Мне это ничего не стоило. Передо мной стоял выбор: с одной стороны — жизнь и свобода, а с другой — позор или смерть, которая, без сомнения, ожидает меня теперь, если меня разоблачат. Сеньора, я не имела успеха; правда, я не очень добивалась его. Он видел во мне только сиделку, не больше, а для меня он был только тяжелобольной. Тем не менее мы стали настоящими друзьями, и постепенно я узнала всю вашу историю. Я поняла, что вам была устроена ловушка, что, обманувшись, вы попали в еще более страшную западню. Сеньора, я не могла объяснить ему всего, особенно в той комнате, где за нами шпионили. К тому же мне было совершенно необходимо, чтобы его

приняли за влюбленного. Я увела его в сад и, прекрасно зная, что вы наблюдаете за нами, заставила его сыграть роль. Очевидно, он все-таки провел ее достаточно хорошо, если вы обманулись.

— И все-таки я не понимаю вас, — сказала Маргарет уже более мягко. — Вы говорите, что ваша жизнь и благополучие зависят от этого постыдного поступка. Почему же вы рассказываете мне все?

— Чтобы спасти вас от вас самой, сеньора. Чтобы спасти моего друга сеньора Брума и отплатить Морелла его же монетой.

— Как же вы сделаете это?

— Первые два дела, мне кажется, я уже сделала. Но третье более трудное. Поэтому я и пришла к вам, несмотря на страшный риск. Если бы мой господин не был вызван ко двору короля мавров, я не сумела бы пробраться сюда. А он может в любую минуту вернуться.

— У вас есть какой-нибудь план? — спросила Маргарет, быстро наклоняясь к ней.

— Плана пока нет, есть только идея. — Инесса повернулась и, посмотрев на Бетти, продолжала: — Эта дама — ваша дальняя родственница, не так ли, только она занимает другое положение в обществе?

Маргарет кивнула головой.

— Вы довольно похожи, одного роста, у вас одинаковые фигуры, хотя сеньора Бетти гораздо крепче. У нее голубые глаза и золотые волосы, в то время как у вас глаза черные, а волосы каштановые. Однако под вуалью или ночью не так легко различить вас, если вы обе будете говорить шепотом.

— Да, — согласилась Маргарет, — но что из этого?

— Теперь в игру вступает сеньора Бетти, — ответила Инесса. — Сеньора Бетти, вы поняли наш разговор?

— Кое-что, но не все, — заявила Бетти.

— Тогда то, что вы не поняли, ваша хозяйка переведет вам. И, умоляю вас, не сердитесь на меня за то, что я знаю о вас и о ваших делах больше, чем вы рассказывали мне. Переведите, пожалуйста, мои слова, донна Маргарет.

Маргарет выполнила ее просьбу, и Инесса, подумав немного, медленно продолжала, а Маргарет переводила на английский в тех случаях, когда Бетти не понимала.

— Морелла ухаживал за вами в Англии, сеньора Бетти, не так ли? И покорил ваше сердце так же, как он покорял сердца многих других женщин. Вы поверили, что он хочет похитить вас для того, чтобы жениться

на вас, а вовсе не на вашей кузине.

— Какое вам до этого дело? — вспылила Бетти.

— Никакого, не считая того, что, если бы вы захотели, я могла бы рассказать вам немало подобных историй. Но сначала выслушайте меня, а потом задавайте вопросы. Или лучше ответьте мне сначала на один вопрос: хотели бы вы отомстить этому высокорожденному негодяю?

— Отомстить? — переспросила Бетти, сжав руки. — Я готова рискнуть жизнью ради этого!

— Так же как и я… Значит, у нас общая цель. Тогда, мне кажется, я могу указать вам путь. Послушайте, ваша кузина видела кое-что такое, чего женщины не любят. Она ревнива, она сердита — или была такой до тех пор, пока я не открыла ей правду. Так вот, сегодня вечером или завтра Морелла придет к ней и спросит: «Вы удовлетворены? Вы все еще отказываете мне из-за человека, который отдал свое сердце первой же кокетке, соблазнившей его? Будете ли вы моей женой?» Что, если она ответит: «Да, буду»? Нет, нет, помолчите и выслушайте меня до конца. Что, если потом состоится тайная свадьба и сеньора Бетти случайно наденет фату невесты, в то время как донна Маргарет, переодетая в платье Бетти, получит разрешение уехать вместе с сеньором Брумом и ее отцом?

Инесса умолкла и, играя веером, наблюдала за ними обеими.

Маргарет перевела, и обе девушки в изумлении уставились сначала на Инессу, а затем друг на друга — дерзость и бесстрашие этого плана ошеломили их. Первой заговорила Маргарет.

— Ты не должна соглашаться на это, Бетти, — вырвалось у нее: — ведь когда он узнает, что это ты, он убьет тебя.

Но Бетти не обратила внимания на ее слова, она думала.

Затем она подняла голову и сказала:

— Кузина, мое глупое тщеславие вовлекло тебя в эту беду, значит, я в долгу перед тобой. Я не боюсь этого человека. Он боится меня. И если дело дойдет до убийства, пусть Инесса одолжит мне свой кинжал, и я уверена, что сумею нанести первый удар. И кроме того, я люблю его, хотя он и мерзавец. А может быть, мы потом и помиримся, кто знает? Если же не сделать этого… Но скажите мне, Инесса, буду ли я его законной женой по обычаям этой страны?

— Безусловно, — ответила Инесса, — если только священник обвенчает вас и если маркиз наденет кольцо вам на палец и назовет вас своей женой. И после того, как будут произнесены слова благословения, один только папа римский сможет развязать этот узел. Но на это Морелла не пойдет. Разве маркиз Морелла, верный слуга церкви, может обратиться с

таким делом в Рим?

— Это будет обман, — не удержалась Маргарет, — отвратительный обман.

— А что он сделал со мной и с тобой? — воскликнула Бетти. — Нет, я пойду на это и не побоюсь его ярости, если только я буду уверена, что вы с Питером свободны и твой отец с вами.

— А что будет с Инессой? — в смущении спросила Маргарет.

— Я сама позабочусь о себе, — ответила Инесса. — Может быть, если все будет хорошо, вы увезете меня с собой. А теперь я не могу больше здесь оставаться. Я иду повидать вашего отца, сеньора Кастелла, и, если все будет улажено, мы еще встретимся с вами. Между прочим, донна Маргарет, ваш жених уже почти здоров и шлет вам свою любовь, а я советую вам, когда Морелла будет говорить с вами, выслушайте его благожелательно.

С тем же глубоким поклоном Инесса скользнула к двери, отперла ее и исчезла.

Через час старый еврей, одетый в мусульманскую одежду и тюрбан, вел Инессу по извилистым улочкам одного из самых населенных кварталов Гранады. Похоже было, что этого еврея здесь знают, потому что его появление вместе с женщиной в вуали не вызывало удивления у мавров, встречавшихся им на пути. Некоторые даже смиренно приветствовали его.

— Эти дети Магомета, кажется, любят вас, отец Израэль, — заметила Инесса.

— Да, да, моя дорогая, — отвечал старик с усмешкой, — многие из них брали у меня взаймы и должны вернуть свой долг прежде, чем начнется большая война с испанцами. Вот они и готовы подметать для меня улицу своими бородами. Все это очень полезно для осуществления планов нашего друга. О, тот, у кого есть в кармане кроны, может надеть на голову корону. Деньги все могут сделать в Гранаде. Дайте мне достаточно денег, и я куплю у короля его султаншу.

— У Кастелла много денег? — деловито осведомилась Инесса.

— Много. Он один из самых богатых людей в Англии. Но почему ты спрашиваешь об этом? Он не подумал о тебе, потому что он обеспокоен другими делами.

Инесса только громко рассмеялась, но не обиделась на эти слова.

— Я знаю, — ответила она, — но я думаю все же заработать кое-что, и я хочу быть уверена, что там хватит на всех нас.

— Хватит, хватит. Я ведь сказал, что там хватит и еще останется, —

ответил Израэль, стучась в дверь, прорубленную в грязной стене.

Дверь открылась, как по волшебству. Они пересекли мощеный дворик и подошли к полуразрушенному дому мавританской архитектуры.

— Наш друг Кастелл, поскольку он сейчас скрывается, снял себе погреб, — с усмешкой сказал Израэль Инессе, — так что следуй за мной. Остерегайся крыс и береги голову.

Они спустились по шатающейся лестнице, ведущей со двора прямо в подвал, где стояли чаны с вином. Старик зажег маленькую свечку и повел Инессу вглубь, запирая за собой многочисленные двери. Наконец они оказались перед сырой стеной в темном углу винного погреба.

Здесь старик остановился и опять постучал особым образом.

Часть стены повернулась на невидимом стержне, открыв узкий проход.

— Неплохо устроено, не правда ли? — ухмыльнулся Израэль. — Кому придет в голову искать здесь вход, особенно если ты должен деньги старому еврею! Проходи, красотка, проходи.

Инесса пробралась вслед за ним в темную дыру, и стена закрылась за ними. Взяв ее за руку, старик повернул сначала направо, потом налево, открыл ключом еще одну дверь, и они оказались в роскошно обставленной комнате, хорошо освещенной лампами. Окон в ней не было.

— Подожди здесь, — приказал старик Инессе, указывая на кушетку, на которую она и уселась, — пока я приведу моего жильца. — И он исчез за занавесями в конце комнаты.

Вскоре занавеси опять раздвинулись, и появился Израэль в сопровождении Кастелла, одетого в мавританскую одежду и выглядевшего несколько бледным от пребывания под землей, но совершенно здоровым. Инесса поднялась и стала перед ним, откинув с лица вуаль, чтобы он мог рассмотреть ее. Кастелл некоторое время пристально разглядывал ее и затем произнес:

— Вы и есть та женщина, с которой я установил связь через своих друзей? Докажите это, повторив содержание моих посланий.

Инесса повиновалась и рассказала ему все.

— Это правильно, — сказал Кастелл, — но как я могу быть уверен, что вам можно довериться? Насколько я знаю, вы любовница маркиза Морелла или были ею. Он мог с успехом использовать вас в качестве шпионки, чтобы погубить нас всех.

— Не слишком ли поздно задавать подобные вопросы, сеньор? Если я и не заслуживаю доверия, то все равно вы и ваши друзья целиком в моих руках.

— Не совсем, дорогая моя, не совсем, — вмешался Израэль. — Если у

нас будет хоть малейший повод сомневаться в вас, то здесь есть немало больших чанов, один из которых на крайний случай может послужить вам гробом, хоть и будет очень жаль портить хорошее вино.

Инесса засмеялась:

— Не тратьте на меня ваше вино и ваше время. Морелла бросил меня, и я ненавижу этого человека. Я хочу спастись от него и украсть его добычу. Кроме того, мне нужны деньги. И вы должны дать их мне, или я не пошевельну пальцем. Впрочем, вы можете пообещать мне, я знаю, вы держите свое слово. Я не возьму с вас ни гроша, пока не сделаю то, что нужно.

— А сколько мараведи вы потребуете с нас тогда?

Инесса назвала сумму, услышав которую оба старика широко открыли глаза.

— Если я останусь в живых, то я хочу жить в довольстве.

— Конечно, — пробормотал Кастелл, — мы понимаем. А теперь скажите нам, что вы предлагаете сделать за эти деньги.

— Я предлагаю вывести вас, вашу дочь, донну Маргарет, и ее возлюбленного, сеньора Брума, за стены Гранады и предоставить маркизу Морелла жениться на другой женщине.

— На какой женщине? На вас? — заинтересовался Кастелл, обратив внимание на этот последний пункт.

— Нет, сеньор, ни за какие деньги я не сделаю этого. На вашей родственнице, красавице Бетти.

— Каким образом вы это сделаете? — с изумлением воскликнул Кастелл.

— Между кузинами есть сходство, сеньор, хотя родство их довольно далекое. Сейчас я вам все расскажу. — И Инесса изложила свой план.

— Смелый план, — заметил Кастелл, когда Инесса закончила, — но если даже он удастся, будет ли этот брак законным?

— Я думаю, что да, — ответила Инесса, — если священник будет предупрежден, — а его можно подкупить, — да и невеста тоже. Это даже не имеет большого значения, потому что один Рим может объявить этот брак недействительным, а до тех пор наша судьба будет решена.

— Рим или смерть, — прошептал Кастелл.

И Инесса прочла в его глазах то, чего он боялся.

— Ваша Бетти решила испытать свою судьбу, — медленно продолжала Инесса, — ведь многим это удавалось до нее с гораздо меньшими основаниями. Она женщина крепкая, с сильным характером. Морелла заставил ее влюбиться и обещал жениться на ней. Потом он использовал ее,

чтобы похитить вашу дочь, и Бетти поняла, что она была всего лишь приманкой, пользуясь которой он стремился поймать белого лебедя. Она хочет отплатить ему — ведь из-за нее Маргарет постигли все эти неприятности. Если Бетти удастся выиграть, она станет женой испанского гранда, маркизой; если же она проиграет, ну что ж, она играла ради высокой ставки, и у нее останется месть. Наконец, она сама хочет испытать судьбу. А самое главное — вы все сможете уехать.

Кастелл с сомнением посмотрел на Израэля, который, поглаживая свою бороду, сказал:

— Пусть эта женщина осуществляет свой план. Во всяком случае, она не глупа и все, что она предлагает, стоило выслушать, хотя я и опасаюсь, что это будет стоить нам очень дорого.

— Я могу заплатить, — прервал его Кастелл и жестом попросил Инессу продолжать.

Но ей почти нечего было добавить, она только хотела предупредить, чтобы у них наготове были хорошие лошади. Нужно также послать человека в Севилью и передать капитану «Маргарет», что корабль должен быть готов выйти в море, как только они попадут на него.

Они обо всем договорились, и, когда Инесса с Израэлем уходили, она уносила с собой мешочек с золотом.

В тот же вечер Инесса разыскала отца Энрике в том зале дворца Морелла, который использовался как молельня. Инесса сказала, что она хочет поговорить с ним и исповедаться. Они ведь были старыми друзьями или, скорее, старыми врагами.

Случилось так, что она застала служителя церкви в весьма дурном настроении. Оказалось, что Морелла был чрезвычайно недоволен отцом Энрике. Маркизу донесли, что его драгоценности, находившиеся в ящике на «Сан Антонио», попали в руки священнику. Морелла потребовал от отца Энрике вернуть драгоценности, и более того: маркиз поклялся взыскать с священника за все, что жители Мотриля украли с корабля. А истинная причина заключалась в том, что маркиз не мог простить отцу Энрике, что по его вине Питер Брум спасся и добрался до Гранады.

— Итак, святой отец, — начала Инесса, выслушав жалобы священника, — вы считали себя богатым и опять оказались бедняком?

— Да, дочь моя. Так бывает с теми, кто возлагает свои надежды на принцев. Я служил маркизу много лет, боюсь даже, что в ущерб своей душе. Я все надеялся, что он, пользуясь таким уважением церкви, выдвинет меня на какое-нибудь хорошее место. А вместо этого что он делает? Он хочет отнять у меня несколько безделушек. Если бы я их не нашел, они все

равно пропали бы в море или кто-нибудь украл их. А он еще заявляет, что я должен ему за все остальное имущество, о котором я понятия не имею.

— О каком же месте вы мечтаете, святой отец? Я думаю, у вас есть уж что-то на примете.

— Дочь моя, я получил письмо от друга из Севильи. Он пишет, что, если у меня найдется сто золотых дублонов, чтобы заплатить за место, он может устроить меня на должность секретаря святейшей инквизиции. Я ведь служил в инквизиции раньше, до тех пор, пока маркиз не сделал меня своим капелланом и не дал мне в Мотриле приход, который, как оказалось, ничего не стоит, и множество обещаний, которые стоят еще меньше. За те безделушки я выручил дублонов тридцать, и еще двадцать я скопил. Я приехал сюда, чтобы занять у маркиза остальные пятьдесят. Ведь я оказывал ему столько услуг, ты об этом хорошо знаешь, Инесса. И видишь, чем это кончилось?

— Очень жаль, — задумчиво сказала Инесса. — Ведь те, кто служат инквизиции, спасают много душ, в том числе и свои собственные. Я, например, помню, — добавила она, и священник вздрогнул при этих словах, — как они спасли душу моей родной сестры и спасли бы мою тоже, если бы я не оказалась… как бы это сказать… с меньшими… с меньшими предрассудками. Кроме того, служители инквизиции получают часть имущества проклятых еретиков и таким образом богатеют и получают возможность продвигаться дальше по службе.

— Все это так, Инесса. Такой случай представляется один раз в жизни, особенно для такого человека, как я. Ведь я ненавижу еретиков. Но что говорить попусту, когда этот проклятый беспутный маркиз… — Священник спохватился и замолк.

Инесса взглянула на него.

— Отец мой, — сказала она, — если бы я смогла найти для вас эти сто золотых дублонов, смогли бы вы сделать кое-что и для меня?

Хитрое лицо священника оживилось:

— Я готов на все, дочь моя.

— Даже если это поссорило бы вас с маркизом?

— Если я буду секретарем инквизиции Севильи, у него будет больше оснований бояться меня, чем мне его. А он должен меня бояться! — В голосе священника звучала ненависть.

— Тогда выслушайте меня, святой отец. Я еще не исповедовалась, — я, например, еще не сказала вам, что тоже ненавижу маркиза. Причины для этого у меня есть, да вы, наверно, сами знаете их. Но помните: если вы предадите меня, вы никогда не увидите ста золотых дублонов и секретарем

в Севилье будет назначен какой-нибудь другой священник. Кроме того, с вами могут случиться и худшие вещи.

— Продолжай, дочь моя, — елейным голосом сказал священник, — разве мы не в исповедальне или, по крайней мере, не рядом с ней?

Инесса сообщила отцу Энрике весь план заговора, — она рассчитывала на его жадность. Она смертельно ненавидела священника и знала ему цену. Единственное, что она утаила от него, это откуда появятся деньги.

— Не такое уж это трудное дело, — произнес отец Энрике, когда Инесса кончила. — Если мужчина и женщина, не состоящие в браке, приходят ко мне для того, чтобы обвенчаться, я венчаю их, а когда надето кольцо и обряд произведен, они женаты, пока смерть или папа римский не разъединят их.

— А если мужчина во время свадебного обряда полагает, что он женится на другой женщине?

Отец Энрике пожал плечами.

— Он должен знать, на ком женится. Это его дело, а не мое, и не церкви. Имена не должны произноситься слишком громко, дочь моя.

— Но вы дадите мне свидетельство о браке, в котором имена будут написаны четко?

— Конечно. Я отдам тебе или кому угодно, — почему мне этого не сделать, — разумеется, если я буду уверен в оплате.

Инесса разжала кулак и показала десять дублонов, лежащих у нее на ладони.

— Возьмите их, отец, — предложила она, — они идут сверх обещанной суммы. Там, откуда берутся эти деньги, есть еще дублоны. Двадцать дублонов вы получите перед венчанием, а восемьдесят — в Севилье, когда я получу брачное свидетельство.

Священник сгреб монеты и спрятал в карман, говоря:

— Я доверяю тебе, Инесса.

— Конечно, — ответила Инесса, уходя, — теперь мы должны доверять друг другу: вы получили деньги и оба мы сунули голову в одну и ту же петлю. Завтра, отец, будьте здесь в это же самое время на тот случай, если мне потребуется опять исповедаться, потому что, увы, мы живем в грешном мире, вы ведь об этом хорошо знаете.

Глава XVII . Заговор

На следующее утро, сразу после того, как Маргарет и Бетти позавтракали, появилась Инесса и, как и в прошлый раз, заперла за собой дверь.

— Сеньоры, — спокойно сказала она, — я уже устроила то маленькое дельце, о котором мы вчера толковали, или, по крайней мере, подготовила первый акт пьесы. От вас зависит хорошо сыграть остальное. А сейчас меня прислали передать вам, что благородный маркиз Морелла просит разрешения видеть вас, донна Маргарет, в течение часа. Так что терять время нельзя.

— Расскажите нам, что вы успели сделать, Инесса, — попросила Маргарет.

— Я видела вашего уважаемого отца, донна Маргарет. И вот свидетельство, которое вы, прочитав, лучше уничтожьте.

И Инесса вручила Маргарет листок бумаги, на котором рукой ее отца по-английски было написано следующее:

Любимая дочка, женщина, которая вручит тебе это письмо и которой, я полагаю, можно доверять, договорилась со мной о плане действий. Я одобряю его, хотя риск велик. Твоя кузина храбрая девушка, но поймите, что я не толкаю ее на это опасное предприятие. Она должна сама решить. Я только обещаю, что, если она останется жива, а мы спасемся, я никогда не забуду того, что она сделала. Женщина принесет мне твой ответ. Да будет с вами бог. Прощайте.

Д. К.

Маргарет прочитала это письмо сначала про себя, а затем вслух для Бетти и после этого разорвала его на мельчайшие кусочки и выбросила в окно.

— А теперь рассказывайте, — обратилась она к Инессе.

Та сообщила ей все.

— Можете вы довериться священнику? — спросила Маргарет, когда Инесса кончила.

— Он страшный мерзавец, я это очень хорошо знаю, и все-таки думаю, что можно, — отвечала Инесса. — Но все это только до тех пор, пока капуста будет у осла перед носом. Я имею в виду, пока он не получит все деньги. Кроме того, он совершил ошибку, взяв часть денег заранее. До прежде чем говорить дальше, я хочу спросить: готова ли эта дама продолжать игру? — И она указала на Бетти.

— Да, я играю, — ответила Бетти, когда поняла, о чем идет речь, — я не откажусь от своего слова. Ставка слишком велика. Мне грозит большая опасность, но, — медленно добавила она, сжав губы, — я должна отомстить. Я ведь сделана не из испанской глины, вроде некоторых, из которых можно лепить все что хочешь, — и она посмотрела на скромную Инессу. — Однако и маркизу будет не сладко.

Когда Инесса уяснила себе смысл этой речи, она с восхищением подняла свои кроткие глаза и вспомнила испанскую пословицу о сатане, повстречавшемся с Вельзевулом на узкой дорожке.

После того как все подробности заговора были окончательно обсуждены, хотя и без одобрения Маргарет, которая волновалась за судьбу Бетти, Инесса, будучи женщиной находчивой и опытной, стала инструктировать их по части всевозможных практических уловок, при помощи которых можно было усилить сходство обеих кузин. Она пообещала достать им краску для волос и соответствующую одежду.

— От этого мало толку, — заявила Бетти, посмотрев на себя и на Маргарет. — Даже если мы изменим внешность, разве можно теленка выдать за молодого оленя, хоть они и выросли на одном лугу! Но вы все-таки принесите это, я сделаю все, что смогу. Я думаю, однако, что густая вуаль и молчание помогут мне гораздо больше, чем любая краска. Да, еще нужно длинное платье, которое скрывало бы мои ноги.

— Конечно, у вас прелестные ноги, — вежливо заметила Инесса, а про

себя добавила: «Они донесут вас туда, куда вы хотите дойти».

Затем Инесса обратилась к Маргарет и напомнила, что маркиз хочет видеть ее и ждет ответа.

— Я не хочу встречаться с ним наедине, — решительно заявила Маргарет.

— Это неудобно, — возразила Инесса. — Насколько я понимаю, он собирается сказать вам нечто такое, что, по его мнению, не следует слышать другим, особенно этой сеньоре. — Инесса кивнула в сторону Бетти.

— Я не хочу встречаться с ним наедине! — повторила Маргарет.

— Однако, если вы хотите, чтобы все было так, как мы договорились, вы должны принять его, донна Маргарет, и дать ему тот ответ, которого он жаждет. Но, я думаю, это можно устроить. Внизу есть большой двор. Пока вы с маркизом будете разговаривать в одном конце двора, мы с сеньорой Бетти можем прогуливаться в другом, где ничего не будет слышно. К тому же сеньоре Бетти нужно заняться испанским языком, и это будет прекрасным случаем начать наши уроки.

— Но что я должна сказать ему? — волнуясь, спросила Маргарет.

— Я думаю, — продолжала Инесса, — что вы должны последовать примеру изумительного актера, сеньора Питера, и сыграть свою роль так же хорошо, как сыграл ее он, или даже лучше, если сумеете.

— Моя роль будет совершенно иной, — произнесла Маргарет, заметно мрачнея при этом напоминании.

Деликатная Инесса, улыбаясь, заметила:

— Конечно, вы можете выглядеть ревнивой, ведь это так естественно для нас, женщин, можете постепенно уступать и наконец заключить с ним сделку.

— Какую сделку я должна заключить?

— Я полагаю, что вы должны поставить условием, что вы будете тайно обвенчаны христианским священником и бумаги, подписанные этим священником, будут переданы архиепископу Севильи и их величествам королю Фердинанду и королеве Изабелле. Кроме того, вы, конечно, должны обусловить, что сеньор Брум, ваш отец — сеньор Кастелл и ваша кузина Бетти в безопасности выедут из Гранады до вашего венчания. Вы должны видеть из вашего окна, как они выезжают из ворот. А вы поклянетесь, что согласитесь, чтобы в тот же день вечером священник совершил обряд и объявил вас женой маркиза Морелла. К этому времени вы уже будете далеко, а после того, как обряд будет совершен, я получу от священника документы и последую за вами, предоставив сеньоре Бетти сыграть свою

роль возможно лучше.

Маргарет колебалась. Ей казалось, что этот план слишком сложен и опасен. Но пока она раздумывала, в дверь постучали.

— Это напоминание мне. Морелла ожидает вашего ответа, — заторопилась Инесса. — Ну, так что будем делать? Помните, что другой возможности для вас и для всех остальных спастись из этого города нет. Во всяком случае, я ее не вяжу.

— Я согласна, — торопливо сказала Маргарет, — и пусть нам поможет бог, ибо мы нуждаемся в его помощи.

— А вы, сеньора Бетти?

— О, я решила уже давно. Мы можем только провалиться, но и тогда нам не будет хуже, чем сейчас.

— Хорошо. Но играйте свои роли как следует. Это будет не так уж трудно, так как священник не опасен, а маркиз никогда не заподозрит подобной проделки. Назначайте свадьбу через неделю, потому что мне нужно многое придумать и приготовить. — С этими словами Инесса вышла.

Через полчаса Маргарет сидела под прохладными сводами галереи мраморного двора, Морелла был рядом с ней, а по другую сторону плещущего фонтана, на почтительном расстоянии от них, прогуливались Бетти и Инесса.

— Вы посылали за мной, маркиз, — начала Маргарет, — и я, будучи вашей пленницей, должна была прийти. Что вам угодно от меня?

— Донна Маргарет, — ответил он серьезно, — разве вы не догадываетесь? Ну что ж, я скажу вам, чтобы вы не поняли меня неправильно. Прежде всего я хочу просить у вас прощения, как делал уже не раз, за те преступления, на которые толкнула меня моя любовь к вам. Еще совсем недавно я отлично знал, что мне нечего ожидать. Сегодня я таю надежду, что кое-что переменилось.

— Почему, маркиз?

— На этих днях вы видели некий садик. В нем гуляли мужчина и женщина. Вон та женщина, — и он кивнул в сторону Инессы. — Должен ли я продолжать?

— Нет, не надо, — глухо ответила Маргарет и закрыла лицо руками. — Кто эта женщина? — И она в свою очередь посмотрела в сторону Инессы.

— Зачем вам знать это? Ну что ж, хорошо, если вы желаете, я вам скажу. Она испанка, хорошего происхождения, вместе с сестрой она была захвачена маврами. Один священник, заинтересовавшийся сестрой,

обратил мое внимание на Инессу, и я выкупил ее. Родители ее умерли, ей некуда было деваться, и она осталась жить в моем доме. Вы не должны слишком строго судить меня, здесь это обычное дело. К тому же она была мне очень полезна, так как весьма умна, и благодаря ей я о многом узнаю. Однако последнее время ей надоела такая жизнь, и она хочет получить свободу, которую я обещал вернуть ей в награду за некоторые услуги, и уехать из Гранады.

— Скажите, маркиз, а то, что она выхаживала моего жениха, тоже было одной из услуг?

Морелла пожал плечами:

— Думайте как хотите, сеньора. Конечно, я простил ей эту нескромность, поскольку в конце концов это раскрыло вам правду о человеке, ради которого вы вынесли так много испытаний. Скажите, Маргарет, теперь, когда вы знаете, что представляет собой этот человек, вы все еще остаетесь верны ему?

Маргарет встала и сделала несколько шагов по галерее, затем вернулась и спросила:

— А вы лучше этого падшего человека?

— Думаю, что да, Маргарет. Ведь с тех пор, как я узнал вас, я стал другим человеком; все старое осталось позади, я грешу ради вас, а не против вас. Умоляю, выслушайте меня. Я похитил вас, это правда, но я не причинил и никогда не причиню вам никакого вреда. Ради вас я пощадил вашего отца, хотя мне достаточно было подать знак, чтобы убрать его с моего пути. Я допустил, чтобы он бежал из тюрьмы, но я знаю место, где он прячется у евреев в Гранаде и чувствует себя в безопасности. Я вернул к жизни Питера Брума, хотя в любую минуту я мог допустить его смерть. И все это ради того, чтобы потом меня не терзала совесть при мысли, что только моя любовь к вам была причиной его смерти. Но теперь вы убедились в его измене и все-таки по-прежнему отказываете мне? Посмотрите на меня, — Морелла встал во весь рост, — и скажите, неужели я тот мужчина, которого женщине стыдно иметь своим мужем? Не забывайте, что я могу многое предложить вам здесь, в Испании: вы станете одной из самых знатных дам страны, а в будущем, — многозначительно добавил он, — быть может, и больше. Надвигается война, Маргарет, этот город и все богатые земли перейдут в руки Испании, и после этого я буду здесь губернатором, почти королем.

— А если я откажусь? — поинтересовалась Маргарет.

— Тогда, — сурово ответил Морелла, — вы останетесь здесь, и ваш лживый возлюбленный и ваш отец останутся здесь, чтобы испытать все

тяготы войны вместе с тысячами других христианских пленников, томящихся в темницах Альгамбры. Моя миссия будет закончена, и я уеду отсюда, чтобы занять свое место в бою среди грандов Испании как один из первых военачальников их католических величеств. Но я не хочу запугивать вас, я хочу найти путь к вашему сердцу, потому что я ищу вашей любви и вашей дружбы на всю жизнь и, если это в моих силах, не хочу причинять вреда ни вам, ни вашим близким.

— Вы не хотите причинять им вреда? Но тогда, если я соглашусь, вы отпустите их всех? Я имею в виду моего отца, сеньора Брума и мою кузину Бетти. Ведь это ее, а не меня вы должны были бы просить остаться с вами в качестве вашей жены, будь вы честным человеком, за которого вы себя выдаете.

— Вот этого я не могу сделать! — вспыхнул Морелла. — Видит бог, я не хотел причинить ей зло. Я только использовал ее для того, чтобы быть ближе к вам и знать все. Должен признаться, что я несколько ошибался в ней.

— Разве здесь, в Испании, маркиз, не встречаются честные девушки?

— Редко, очень редко, донна Маргарет. Но я ошибся в Бетти, приняв ее за простую служанку, и я готов сделать все, чтобы исправить это.

— Все, за исключением того, на что вправе претендовать девушка, которую вы просили стать вашей женой. У нас в Англии она могла бы потребовать от вас выполнения вашего обещании или заклеймила бы вас позором. Но вы не ответили на мой вопрос. Будут ли они свободны?

— Как ветер. Особенно сеньора Бетти, — с легкой улыбкой добавил Морелла. — Честно говоря, в главах у этой женщины есть что-то пугающее меня. Мне кажется, она очень злопамятна. Ровно через час после нашей свадьбы вы выглянете в окно и увидите их всех, отправляющихся под охраной туда, куда они пожелают.

— Нет, — возразила Маргарет, — на это я не согласна. Я хочу сперва видеть их отъезд, а затем уж заплачу за них выкуп, обвенчавшись с вами. Но не раньше, чем скроется солнце.

— Значит, вы согласны? — быстро спросил Морелла.

— Кажется, я должна это сделать, маркиз. Мой возлюбленный обманул меня. Уже более месяца я пленница в вашем дворце, о котором, насколько мне известно, ходят дурные слухи. Кроме того, если я откажусь, то вы обещали, что всех нас бросят в темницу и затем продадут как рабов. Или же мы умрем пленниками мавров. Маркиз, судьба и вы не оставили мне другого выбора. Через неделю в этот день я выйду за вас замуж, но не обвиняйте меня, если вы найдете меня иной, чем вы представляете, так же

как вы нашли иной мою кузину, которую вы обманули. А до тех пор я требую, чтобы вы не беспокоили меня. Если вам нужно будет договориться о чем-нибудь или передать какое-либо поручение, пусть уж эта женщина Инесса будет вашим посланцем. Ведь о ней я знаю только самое плохое.

— Я буду повиноваться вам во всем, донна Маргарет, — покорно ответил Морелла. — Может быть, вы хотите видеть вашего отца или… — он остановился.

— Никого из них. Я напишу им и пошлю письма через Инессу. К чему мне видеть их? — взволнованно добавила она. — Ведь с прошлым, когда я была свободна и счастлива, покончено навсегда, и вскоре я стану женой благородного маркиза Морелла, одного из знатнейших грандов Испании, который обманул бедную девушку лживыми обещаниями жениться и воспользовался ее влюбленностью и безрассудством для того, чтобы украсть меня из моего дома. Милорд, я прощаюсь с вами на неделю. — С этими словами она прошла по галерее к фонтану и громко окликнула Бетти, приказав ей сопровождать себя в комнату.

Неделя, которую выторговала Маргарет, прошла. Все было готово. Инесса показала Морелла письма его невесты к отцу и Питеру Бруму и их ответы, взволнованные и умоляющие. Однако были и другие письма и другие ответы, о которых Морелла и не подозревал.

Настал наконец день, когда отличные лошади стояли наготове во дворе, там же находилась охрана. Кастелл и Питер, переодетые в мавританские одежды, ожидали под стражей в одной из комнат неподалеку. Бетти, тоже одетая как мавританка, под густой вуалью, стояла перед маркизом, к которому ее привела Инесса.

— Я пришла сообщить нам, — произнесла она, — что через три часа после того, как сядет солнце и мы проедем под окном моей кузины и хозяйки, она будет готова стать вашей женой. Но если вы побеспокоите ее до этого, она никогда уже не будет вашей женой.

— Я повинуюсь, — ответил Морелла. — Сеньора Бетти, я прошу у вас прощения и надеюсь, что вы примете от меня этот подарок в знак того, что вы простили меня.

С низким поклоном он вручил ей великолепное ожерелье из жемчуга.

— Я возьму его, — горько усмехнулась Бетти. — Может быть, оно пригодится мне для возвращения в Англию. Но простить вас, маркиз Морелла, я не могу. И предупреждаю вас, что у меня есть к вам счет, который я еще предъявлю. Пока что победа на вашей стороне, но бог на небесах ведет счет людской жестокости, и тем или другим путем, но он

всегда требует расплаты. Теперь я пойду попрощаться со своей кузиной Маргарет, но с вами я не прощаюсь, потому что надеюсь еще с вами встретиться.

С рыданием она опустила вуаль, которую чуть-чуть приподняла во время разговора, и вышла вместе с Инессой. Ей она шепнула:

— Он не захочет еще раз прощаться с Бетти Дин.

Они вошли в комнату Маргарет и заперли за собой дверь. Маргарет сидела на низком диване. Рядом с ней, сверкая серебром и драгоценными камнями, лежали ее свадебная фата и платье.

— Скорее, — обратилась Инесса к Бетти.

Та сбросила свое мавританское платье и длинную вуаль, окутывавшую ее голову. При этом обнаружилось, что цвет ее волос совершенно изменился — из золотых они стали темно-каштановыми. Глаза Бетти, обведенные краской, тоже казались уже не голубыми, а черными, как у Маргарет. И, что самое удивительное, на правой стороне подбородка и сзади на шее появились родинки, совершенно такие же, как у Маргарет. Короче говоря, учитывая, что фигуры у них были похожи — разве что Бетти была чуть-чуть полнее, — различить их даже без вуали было чрезвычайно трудно. В искусстве изменять внешность Инесса была мастерицей, а тут она особенно постаралась.

Маргарет надела на себя белое платье и плотную чадру, совершенно скрывавшую ее лицо, а Бетти с помощью Инессы облачилась в великолепный свадебный наряд, украшенный драгоценными камнями, которые преподнес Морелла в качестве свадебного подарка, и скрыла свои перекрашенные волосы под вуалью, усыпанной жемчугом. Через десять минут все было готово. Бетти успела спрятать под платьем кинжал, и две преображенные женщины стояли, разглядывая друг друга.

— Время идти, — произнесла Инесса.

Тогда Маргарет неожиданно дала волю своим чувствам:

— Мне не нравится эта затея! Никогда не нравилась! Когда Морелла все узнает, гнев его будет ужасен, он убьет Бетти. Я жалею, что согласилась на это.

— Теперь слишком поздно жалеть, сеньора, — заметила Инесса.

— А нельзя сделать так, чтобы Бетти тоже уехала? — в отчаянии спросила Маргарет.

— Можно попытаться, — ответила Инесса, — перед бракосочетанием, согласно старинному обычаю, я поднесу две чаши вина жениху и невесте. В чашу маркиза будет кое-что подмешано, ибо он не должен сегодня вечером слишком ясно видеть все происходящее. Я могу приготовить это

вино покрепче, так, чтобы через полчаса он вообще не знал, женат он или холост. И тогда Бетти, возможно, сумеет бежать вместе со мной и присоединиться к вам. Но это очень рискованно, и если наш замысел будет раскрыт, то дело, вероятно, не обойдется без крови.

Тут вмешалась Бетти:

— Спасай себя, кузина. Если чья-нибудь кровь должна пролиться, то все равно ничего не поделаешь. Во всяком случае, не тебе придется расхлебывать это дело. Я не собираюсь бежать от этого человека, скорее он убежит от меня. Я отлично выгляжу в твоем великолепном платье, и я намереваюсь долго носить его. А теперь уходите, уходите поскорее, пока кто-нибудь не пришел звать меня. Не печальтесь обо мне — я ложусь в постель, которую сама себе приготовила, а если дело дойдет до самого худшего, у меня в кармане есть деньги или то, что их заменит, и тогда мы встретимся в Англии. Передай мою любовь и уважение мастеру Питеру и твоему отцу, и, если я их больше не увижу, скажи им, чтобы добром вспоминали Бетти Дин, которая причинила им столько горя.

Обняв Маргарет своими сильными руками, она несколько раз поцеловала ее и вытолкнула из комнаты.

Однако, когда они ушли, бедная Бетти села и поплакала, пока не вспомнила, что слезы могут смыть краску с лица. Тогда она вытерла глаза, подошла к окну и стала ждать.

Через некоторое время она увидела шесть мавров, ехавших верхом по дороге к укрепленным воротам. Вслед за ними на прекрасных конях выехали двое мужчин и женщина, также в мавританских одеждах. За ними следовало еще шесть всадников. Кавалькада проехала сквозь ворота и начала взбираться по склону холма. На вершине его всадница остановилась и помахала платком. Бетти ответила на это приветствие, и в следующую минуту всадники скрылись. Бетти осталась одна.

Никогда еще ей не приходилось проводить такого тягостного вечера. Часа через два, все еще стоя у окна, она увидела возвращающуюся мавританскую охрану и поняла, что все в порядке и что теперь Маргарет, ее возлюбленный и ее отец в безопасности начали свое путешествие. Значит, она рисковала своей жизнью не напрасно.

Глава XVIII . Святая эрмандада

Длинными коридорами, через огромные пышные залы, через прохладные мраморные дворики лежал путь Инессы и Маргарет. Это было похоже на сон. Они прошли через комнату, в которой женщины, бездельничавшие или работавшие над гобеленами, с любопытством рассматривали их. Маргарет слышала, как одна из них сказала:

— Почему кузина донны Маргарет покидает ее?

И ответ:

— Потому что она сама влюблена в маркиза и не в силах оставаться здесь.

— Ну и дура, — заметила первая женщина. — Она красива, и ей нужно всего только подождать несколько недель.

Они прошли мимо открытой двери. Эта дверь вела в личные покои Морелла. Он сам стоял в дверях я наблюдал за тем, как они проходили. Когда Инесса и Маргарет поравнялись с ним, казалось, какое-то сомнение зародилось у маркиза, потому что он внимательно посмотрел на них и шагнул вперед. Но затем, видимо передумав или вспомнив острый язычок Бетти, остановился и отвернулся. Опасность миновала.

В конце концов, никем не потревоженные, они добрались до двора, где их ожидала охрана и лошади. Здесь же, в сводчатом проходе под аркой, стояли Кастелл и Питер. Кастелл поздоровался с Маргарет и поцеловал ее через вуаль. А Питер, не видевший ее вблизи уже много месяцев, с того самого дня, как он уехал в Дедхэм, смотрел на нее не отрывая глаз. Он котел прикоснуться к ней, чтобы выяснить, действительно ли это Маргарет. Угадав его мысли и понимая, что он может всех выдать, Инесса, у которой в руке была длинная булавка для вуали, сделала вид, что наткнулась на него, и при этом вонзила ему в руку булавку, пробормотав: «Дурак». Питер с проклятьем отскочил назад, стража рассмеялась, а Инесса принялась рассыпаться в извинениях.

Кастелл помог Маргарет сесть в седло, потом сел сам, его примеру последовал Питер, потирая уколотую руку. Он все еще не осмеливался смотреть в сторону Маргарет. Инесса на прощание пожала Маргарет руку, словно была равной ей по положению, и сказала несколько ласковых слов, какие обычно в ходу у испанских женщин. Испанский офицер из стражи, охранявшей дворец Морелла, подошел и пересчитал всех:

— Двое мужчин и одна женщина. Все правильно, только я не вижу

лица женщины.

Еще мгновение — и он, наверно, приказал бы Маргарет поднять вуаль, но Инесса крикнула ему, что это неприлично делать в присутствии мавров. Офицер кивнул и приказал двигаться.

Они проехали под дворцовой аркой, выехали на дорогу и вскоре оказались под большими воротами. Стража принялась расспрашивать эскорт и рассматривать их. Это продолжалось до тех пор, пока Кастелл не сунул им несколько монет, и стража пропустила путешественников, сказав им на прощанье, что они счастливые христиане, раз живыми уезжают из Гранады. Такими они себя и чувствовали.

На вершине холма Маргарет обернулась и махнула платком, вглядываясь в высокое окно, которое она так хорошо знала. В ответ там тоже взмахнули платком, и Маргарет, думая об одинокой Бетти, которая смотрит им вслед в ожидании конца своей отчаянной авантюры, поехала дальше. Вуаль скрывала слезы, катившиеся из ее глаз. Около часа они ехали, обменявшись всего несколькими словами друг с другом, пока не оказались на перекрестке двух дорог, из которых одна вела в Малагу, другая — в Севилью.

Здесь эскорт остановился. Старший заявил, что им приказано сопровождать их только до этого места, и спросил, куда они дальше поедут. Кастелл ответил, что они направятся в Малагу. На это старший заметил, что они мудро поступают, так как на этой дороге они меньше рискуют натолкнуться на банды мародеров и воров, которые называют себя христианскими солдатами и убивают или грабят всех путешественников, попадающих в их руки. Кастелл предложил старшему подарок, тот принял его с важностью, как будто делал большое одолжение, и после поклонов и прощальных слов эскорт отправился обратно.

Трое путешественников поехали по дороге на Малагу, но, как только они убедились, что никто их не видит, они свернули и выехали на дорогу, ведущую в Севилью. Наконец-то они были одни! Остановив лошадей под стеной дома, сожженного во время какого-то налета христиан, они впервые смогли свободно поговорить. Что это была за минута!

Питер повернул свою лошадь к Маргарет:

— Скажи, любимая, это действительно ты?

Однако Маргарет, не обращая на него никакого внимания, наклонилась к отцу, обвила его шею руками и принялась целовать его сквозь вуаль, благословляя бога, что они дожили до этой встречи. Питер тоже пытался поцеловать ее, но Маргарет тронула свою лошадь, я он чуть не вылетел из седла.

— Будь осторожнее, Питер, — бросила она ему, — а то твоя любовь к поцелуям доведет тебя до новых неприятностей.

Поняв, что она имеет в виду, Питер покраснел и принялся подробно объяснять ей все.

— Прекрати, — прервала она его, — прекрати. Я знаю все, потому что сама видела вас.

Смягчившись, она нежно поздоровалась с ним и протянула ему руку для поцелуя.

— Нам надо спешить, — спохватился Кастелл, — ведь нужно проехать еще двадцать миль, пока мы доберемся до постоялого двора, где Израэль подготовил нам ночлег. Мы будем разговаривать по дороге.

Путешественники спешили изо всех сил и как раз к наступлению темноты подъехали к постоялому двору. При виде его они поблагодарили бога, ибо эта гостиница была уже по ту сторону границы и здесь они были вне досягаемости мавров.

Хозяин постоялого двора, наполовину испанец, ожидал их. Он уже получил письмо от Израэля, с которым у него были дела. Хозяин предоставил путешественникам две довольно бедно обставленные комнаты, но зато предложил хороший ужин и вино, отвел в конюшню лошадей и задал им ячменя. После этого он пожелал путникам спокойной ночи, сказав, чтобы они ничего не боялись, так как он и его люди будут сторожить и предупредят их в случае какой-либо опасности.

Однако заснули они не скоро. Им так много нужно было сказать друг другу, особенно Питеру и Маргарет. Они были так счастливы, что им удалось спастись! Но радость их, подобно звону погребального колокола на веселом пиршестве, омрачала мысль о Бетти и ее роковой свадьбе, в которой она, очевидно, уже сыграла роль Маргарет. В конце концов Маргарет упала на колени и принялась молиться святым, чтобы они защитили ее кузину от страшной опасности, которой она подвергается ради них, и Питер присоединился к ее молитве. После этого они крепко обнялись, а затем все отправились спать — Кастелл с дочерью в одну комнату, Питер — в другую.

За полчаса до рассвета Питер уже был на ногах, чтобы присмотреть за лошадьми. Маргарет и Кастелл позавтракали и собирались в дорогу, упаковывая еду, которую им приготовил хозяин. Питер тоже проглотил немного мяса и вина, и при первых проблесках дня, расплатившись с хозяином и взяв у него письма к хозяевам других постоялых дворов, где им предстояло останавливаться, они двинулись по дороге на Севилью, очень довольные, что, по-видимому, их никто не преследует.

Весь этот день, делая остановки только для того, чтобы передохнуть самим и дать отдых лошадям, Маргарет, ее отец и Питер ехали без всяких приключений по плодородной равнине, орошаемой несколькими реками, через которые они переправлялись вброд или по мостам. К ночи они добрались до Осуны. Этот старинный город расположен на высоком холме, и наши путники увидели его издалека. Было уже темно, и это позволило беглецам проехать так, что никто не обратил внимания на их мавританскую одежду.

Наконец они добрались до постоялого двора, который им рекомендовали. Хозяин изумленно посмотрел на их одежду, но, сообразив, что у путешественников много денег, принял их хорошо, и им удалось получить комнаты.

В Осуне Кастелл собирался купить испанскую одежду, но оказалось, что они попали в праздник и все лавки заперты. Однако ждать до утра беглецы не хотели — они стремились доехать до Севильи к вечеру следующего дня, надеясь, что под покровом темноты им удастся пробраться на борт «Маргарет». Они знали, что капитан предупрежден о предполагаемом путешествии и ждет их. Необходимо было покинуть Осуну до рассвета. Таким образом, к несчастью, как это потом выяснилось, они не имели возможности снять с себя мавританскую одежду и сменить ее на христианскую.

Маргарет, Питер и Кастелл надеялись, что в Осуне к ним присоединится Инесса — она обещала сделать это, если удастся, — и расскажет им все, что произошло после их отъезда из Гранады. Но Инессы не было. Утешая себя тем, что, как бы ни торопилась Инесса, ей трудно было нагнать их, так как они выехали на несколько часов раньше, беглецы покинули Осуну затемно, когда все еще спали.

Проехав несколько миль по равнине, они выехали через оливковую рощу к холмам, где росли пробковые деревья, и остановились, чтобы перекусить самим и покормить лошадей. Как раз в ту минуту, когда они собирались ехать дальше, Питер увидел группу всадников весьма угрожающей внешности, скачущих с явной целью отрезать их от дороги.

— Бандиты! — лаконично бросил Питер. — Вперед!

Они пустили лошадей в галоп и промчались перед бандитами раньше, чем последние успели достигнуть дороги. Разбойники что-то кричали, вслед полетело несколько стрел, и вся банда бросилась в погоню. Питер, Кастелл и Маргарет скакали вниз по склону холма к лощине, отделявшей их от следующей гряды холмов, тоже покрытых пробковыми деревьями. Это была болотистая лощина шириной примерно в три мили. Питер

надеялся, что бандиты откажутся от погони или ему с его спутниками удастся скрыться от преследователей среди деревьев. Однако, когда цель была уже близка, Питер, к своему ужасу, увидел прямо впереди на дороге другую группу людей такого же разбойничьего вида. Их было человек двенадцать.

— Ловушка! — воскликнул Питер. — Мы должны прорваться, в этом наше единственное спасение. — Он пришпорил лошадь и обнажил меч.

Выбрав место, где линия противников была слабее, Питер довольно легко пробился, но в следующее мгновение он услышал позади крик Маргарет и, повернув лошадь, увидел Маргарет и Кастелла в руках бандитов. Эти негодяи держали Маргарет, а один из них пытался сорвать с ее лица вуаль. С яростным криком Питер бросился на него и нанес ему удар такой силы, что меч рассек шлем и череп бандита, и тот свалился замертво, продолжая сжимать в руке вуаль Маргарет.

Пять или шесть человек бросились на Питера, и, хотя ему удалось ранить еще одного противника, они стащили его с лошади. Питер упал навзничь, и бандиты навалились на него, чтобы прикончить, пока он не встал. Их мечи и ножи уже были занесены и Питер прощался с жизнью, когда вдруг он услышал голос, приказывающий остановиться и связать ему руки. Это было быстро сделано, и Питер поднялся с земли. Он увидел перед собой не маркиза Морелла, как ожидал, а человека, облаченного в прекрасные доспехи под грубым плащом, по-видимому офицера.

— Как ты, мавр, осмелился убить солдата Святой эрмандады в сердце королевских владений? — спросил он, указывая на убитого человека.

— Я не мавр, — возразил Питер на плохом испанском языке, — я христианин, бежавший из Гранады. Я зарубим этого человека потому, что он пытался оскорбить мою невесту. Вы сами на моем месте поступили бы так же, сеньор. Я не знал, что это солдат эрмандады, я думал, что он просто бандит, каких здесь немало в горах.

Эта речь, во всяком случае настолько, насколько тот понял ее, понравилась офицеру. Но прежде чем он успел что-либо сказать, вмешался Кастелл:

— Господин офицер, этот сеньор — англичанин и плохо говорит по-испански…

— Зато он хорошо владеет мечом, — перебил его офицер, взглянув на разрубленный шлем и голову мертвого солдата.

— Да, господин, он человек вашей профессии и, как показывает шрам на его лице, сражался во многих войнах. Он говорит правду. Мы христианские пленники, бежавшие из Гранады, и направляемся в Севилью

вместе с моей дочерью, которой, я надеюсь, вы не причините вреда, чтобы просить защиты у их милостивых величеств и найти возможность уехать в Англию.

— Вы не похожи на англичанина, — заметил офицер, — вы смахиваете на марана.

— Я купец из Лондона, мое имя Кастелл. Оно хорошо известно в Севилье, да и повсюду в этой стране, потому что у меня здесь крупные дела, и, если только я смогу увидеть вашего короля, он сам подтвердит это. Пусть вас не смущает наша одежда — мы должны были облачиться в нее только для того, чтобы спастись из Гранады. И я умоляю вас отпустить нас в Севилью.

— Сеньор Кастелл, — ответил офицер, — я капитан Аррано Пуэбло. Поскольку вы не остановились, когда мы требовали этого, и убили одного из моих лучшим солдат, вы, конечно, поедете в Севилью, но не одни, а со мной. Вы мои пленники, но не бойтесь этого. Никакого насилия в отношении вас или вашей дамы не будет допущено. Вы должны держать ответ за все совершенное перед королевским судом, и там вы все расскажете, будь то правда или ложь.

У Питера и Кастелла отобрали их мечи, им всем разрешили сесть на своих лошадей, и они тронулись по дороге на Севилью.

— В конце концов, — шепнула Питеру Маргарет, — нам нечего больше бояться бандитов.

— Так-то так, — вздохнул Питер, — но я надеялся, что сегодня мы будем ночевать на борту «Маргарет» в то время, как она будет идти вниз по реке, к открытому морю, а не в испанской тюрьме. Ну и судьба! Второй раз я убиваю человека из-за тебя и вся история начинается сначала. Вот уж не везет.

— Могло быть еще хуже, — ответила Маргарет, вспоминая грубые руки убитого солдата.

Весь остаток этого дня они ехали под палящим солнцем по направлению к Севилье, над которой на несколько сот футов возвышалась башня Жиральда. Когда-то она была минаретом мавританской мечети. В конце концов, под вечер, путешественники оказались в восточном предместье этого огромного города, миновали его, въехали в большие ворота и стали пробираться по извилистым улочкам.

— Куда мы направляемся, капитан Аррано? — поинтересовался Кастелл.

— В тюрьму Святой эрмандады, где вы будете ожидать суда за убийство одного из ее солдат, — ответил офицер.

— Я уже молю бога, чтобы мы скорее туда попали, — заметил Питер, глядя на Маргарет, которая от усталости качалась в седле, как цветок от ветра.

— Я тоже, — пробормотал Кастелл, поглядывая по сторонам на мрачные лица прохожих, которые, узнав, что пленники убили испанского солдата и принимая их за мавров, целыми толпами сопровождали их, выкрикивая угрозы. Когда они пересекали какую-то площадь, священник в толпе крикнул: «Убейте их!» — и толпа бросилась стаскивать их с коней. Солдаты с трудом оттеснили ее.

Тогда толпа принялась забрасывать их грязью, и вскоре белые одежды путешественников покрылись пятнами. Какой-то парень бросил камень и попал Маргарет в руку, она вскрикнула и выпустила поводья. Этого оказалось достаточно для вспыльчивого Питера — прежде чем солдаты успели вмешаться, он пришпорил лошадь, вырвался вперед и нанес оскорбителю такой удар в лицо, что тот свалился на землю. Кастелл решил, что теперь их уж наверняка убьют; однако, к его изумлению, в толпе вместо этого поднялся хохот, и кто-то крикнул:

— Хороший удар, мавр! У этого неверного тяжелая рука!

Офицер тоже как будто не рассердился. Когда парень поднялся с земли и в руке у него оказался нож, офицер обнажил меч и свалил его одним ударом. Затем офицер обратился к Питеру.

— Не марайте рук об эту уличную свинью, сеньор.

Он обернулся и приказал солдатам разогнать зевак.

Наконец путники выбрались из толпы и после длительной езды по боковым улицам, чтобы избежать главных, оказались перед большим мрачным зданием. Ворота здания распахнулись перед ними и опять захлопнулись. Они очутились во внутреннем дворе. Здесь им приказали спешиться, а лошадей увели. Капитан Аррано вступил в переговоры с комендантом тюрьмы, человеком с суровым, но не злым лицом, который с любопытством рассматривал их. Наконец он подошел и осведомился, есть ли у них деньги, чтобы заплатить за хорошие комнаты, так как он не хочет помещать их в общей камере. Кастелл вместо ответа вытащил пять золотых и, передавая их капитану Аррано, попросил его раздать солдатам в благодарность за то, что они охраняли путешественников во время пути. При этом он добавил — достаточно громко, чтобы все слышали, — что он хотел бы возместить убытки родственникам солдата, которого случайно убил Питер. Это заявление произвело благоприятное впечатление. Один из товарищей убитого заявил, что он сообщит об этом вдове, и от имени всех поблагодарил Кастелла. Они попрощались с офицером, который сказал, что

они еще встретятся в суде. Затем их повели всевозможными тюремными переходами в отведенные им комнаты — одну маленькую, а вторую большую, с решетчатыми окнами, дали воды помыться и обещали принести еду.

Через некоторое время тюремщики принесли им мясо, яйца и вино, чему заключенные были весьма рады. Пока они ели, в камеру пришли комендант и нотариус и, дождавшись окончания трапезы, принялись допрашивать заключенных.

— Наша история довольно длинная, — начал Кастелл, — но, с вашего разрешения, я расскажу ее вам. Только прошу вас позволить моей дочери, донне Маргарет, пойти отдыхать, она совершенно измучена. Если возможно, допросите ее завтра.

Комендант согласился. Маргарет откинула вуаль, чтобы обнять отца. Комендант и нотариус были поражены ее красотой и в изумлении уставились на нее. Маргарет протянула руку Питеру для поцелуя, поклонилась присутствующим и ушла прилечь в соседнюю комнату.

После ее ухода Кастелл рассказал всю историю о похищении его дочери маркизом Морелла, чье имя заставило коменданта широко раскрыть глаза, о том, как она была увезена из Лондона в Гранаду, как они, отец и жених, последовали за ней и как им всем удалось бежать. Однако о Бетти и о заговоре с подменой невесты Кастелл не сказал ни слова. Кастелл назвал свою фамилию, сообщил, чем он занимается, а также назвал своих партнеров и компаньонов в Севилье — фирму Бернальдеса. Оказалось, что комендант знает эту фирму, и Кастелл попросил его разрешения связаться с главой фирмы, сеньором Хуаном Бернальдесом. Кастелл подчеркнул, что он и его спутники не воры и не искатели приключений, а просто английские подданные, попавшие в беду, и еще раз намекнул, что они могут и готовы заплатить за все услуги, которые им будут оказаны. Эти слова не остались незамеченными комендантом.

Комендант обещал связаться со своим начальством и, если не последует никаких возражений, послать человека к сеньору Бернальдесу с просьбой завтра посетить тюрьму.

Наконец комендант и нотариус ушли, тюремщики убрали со стола, заперли дверь, и Кастелл с Питером улеглись в своих постелях, довольные, что они уже в Севилье, хотя и в тюрьме. Эту ночь они спали спокойно.

Утром они проснулись отдохнувшие. После завтрака появился комендант в сопровождении сеньора Хуана Бернальдеса. Это был не кто иной, как испанский компаньон Кастелла, писавший ему известные читателю тайные письма. Бернальдес был плотный мужчина со спокойным

и умным лицом, не слишком многословный.

Приветствовав Кастелла с почтением, которое не укрылось от коменданта, Бернальдес попросил разрешения поговорить с заключенными наедине. Комендант удалился, сказав, что вернется через час. Как только дверь за ним закрылась, Бернальдес обратился к Кастеллу:

— В довольно странном месте пришлось нам встретиться, Джон Кастелл. Правда, меня это не так уж удивляет: некоторые ваши письма дошли до меня. Ваше судно «Маргарет» отремонтировано и ждет вас; чтобы избежать подозрений, я начал понемногу грузить его товарами для Англии. Только я представить себе не могу, как вы попадете туда. Однако нам нельзя терять время. Рассказывайте мне все по порядку, ничего не упуская.

Кастелл и Питер рассказали ему все как можно короче. Бернальдес слушал молча. Когда они кончили, он обратился к Питеру:

— Очень жаль, молодой человек, что вы не сумели сдержать свой гнев и убили этого солдата. Неприятности, которые уже почти кончались, теперь начинаются вновь, и в еще худшем виде. Маркиз Морелла весьма могущественный человек в этой стране. Вы могли это заключить даже из того, что их величества послали его в Лондон вести переговоры с вашим английским королем Генрихом в отношении евреев и их судеб в том случае, если кто-нибудь из них после изгнания из Испании будет искать убежища в Англии. Именно об этом все говорят. И я должен предупредить вас, что их величества ненавидят евреев, в особенности маранов. Здесь, в Севилье, их дюжинами сжигают на кострах. — При этом Бернальдес многозначительно посмотрел на Кастелла.

— Я сам сожалею, — вздохнул Питер, — но этот парень так грубо схватил Маргарет, что я совершенно потерял голову и не мог сдержаться. Уже второй раз я попадаю в неприятности по точно такому же поводу. К тому же я думал, что он просто бандит.

— Любовь — плохой дипломат, — слегка улыбаясь, заметил Бернальдес, — и стоит ли считать прошлогодние облака. Что сделано, того не вернешь. Я постараюсь устроить так, чтобы вы все были вызваны к их величествам послезавтра, когда они будут слушать судебные дела. Лучше вам иметь дело с самой королевой, чем просто с кем-нибудь из судей. У королевы доброе сердце, если к нему найти путь, но только не тогда, когда дело касается евреев или маранов, — и он опять посмотрел на Кастелла. — Однако денег у вас много, а у нас в Испании мы въезжаем на небо на золотых, — добавил он, намекал на деньги и продажность.

Больше они ни о чем не смогли поговорить, — вернулся комендант,

который заявил, что время сеньора Бернальдеса истекло, и спросил, кончили ли они свою беседу.

— Не совсем, уважаемый комендант, — сказала Маргарет, — я хотела бы получить ваше разрешение и попросить сеньора Бернальдеса прислать мне христианское платье. Я не хочу предстать перед вашими судьями в одежде неверных. Да и мой отец и сеньор Брум тоже присоединятся к моей просьбе.

Комендант рассмеялся, пообещал им все устроить и даже разрешил поговорить еще пять минут, которые они использовали для того, чтобы обсудить, какую одежду нужно принести. Затем комендант удалился вместе с сеньором Бернальдесом, оставив их одних.

Тут только они вспомнили, что не спросили у Бернальдеса, не слышал ли он что-либо об Инессе, которой они дали его адрес. Но, поскольку он сам ничего не сказал о ней, они решили, что Инесса еще не приехала в Севилью, и опять со страхом задумались о том, что могло случиться после их отъезда из Гранады.

В эту ночь, к их огорчению и тревоге, на них обрушилась новая неприятность. После ужина пришел комендант и объявил, что, согласно распоряжению суда, перед которым они должны предстать, сеньор Брум, обвиняемый в убийстве, должен быть помещен отдельно от них. И, несмотря на все уговоры и просьбы, Питера увели в отдельную камеру. Маргарет провожала его со слезами.

Глава XIX . Бетти платит свои долги

Бетти Дин не была подвержена страхам и предчувствиям. Рожденная в хорошей, но бедной семье, она в свои двадцать шесть лет сама прокладывала себе дорогу в этом жестоком мире и умела использовать любые обстоятельства. Здоровая, сильная, упорная, любящая, романтичная и по-своему честная, она была приспособлена к тому, чтобы встречать взлеты и падения судьбы, бороться с трудностями в этот беспокойный век, и никогда не оставалась в долгу.

Однако те долгие часы, которые она провела одна в высокой башне, ожидая, пока ее позовут, чтобы сыграть роль подложной невесты, были самыми тяжелыми часами в ее жизни. Она понимала, что ее положение, по существу, позорно и может кончиться трагически. Теперь, хладнокровно обдумывая все, она сама удивлялась, почему решила выбрать этот путь. Она влюбилась в маркиза почти с первого взгляда, хотя нечто подобное бывало с ней и в отношении других мужчин. Он играл роль влюбленного, пока она, обманутая, всерьез не отдала ему свое сердце, уверенная в своем ослеплении, что, несмотря на разницу в их положении, он любит ее и хочет сделать своей женой.

Потом пришел мучительный день разочарования, когда она узнала, что была всего-навсего, как сказала Инесса Кастеллу, простой приманкой, чтобы поймать белого лебедя — ее кузину и хозяйку. Это случилось в тот день, когда она была обманута письмом, которое она до сих пор прячет на груди, и когда, к ужасу своему, услышала, как ее в лицо назвали дурой. Тогда она поклялась в душе, что отомстит Морелла за все. И вот теперь пришел час выполнить свою клятву и отплатить ему обманом за обман.

Продолжала ли она любить этого человека? Она не могла ответить на этот вопрос. Он нравился ей, как и раньше, а в таких случаях женщины прощают многое. Однако одно можно было сказать наверняка: в эту ночь ею руководила не любовь. Была ли это жажда мести? Может быть. Во всяком случае, она страстно хотела получить возможность бросить ему в лицо: «Вот на какую хитрость способна обманутая дура!»

И все-таки она не стала бы делать это только во имя мести, или, скорее, она отомстила бы каким-нибудь другим способом. Нет, истинной причиной было ее желание заплатить долг Маргарет, Питеру и Кастеллу. Ведь это она навлекла на них все несчастья, и именно она должна была вызволить их хотя бы ценой своей жизни и женского достоинства. А может

быть, ею руководили и любовь к Морелла, если она еще сохранилась, и желание отомстить ему и вырвать добычу у него из рук. В конце концов, она затеяла эту игру, и она доведет ее до конца, как бы ужасен он ни был.

Солнце село, и темнота обступила Бетти. Она подумала, придется ли ей еще когда-нибудь увидеть рассвет. Ее храброе сердце дрогнуло, и она сжала кинжал, спрятанный под великолепным чужим платьем. Ей пришло в голову, что, может быть, разумнее самой вонзить его себе в грудь, а не ждать, пока обманутый безумец сделает это. Но нет, кому суждено умереть, всегда успеет это сделать.

Раздался стук в дверь, и храбрость Бетти, почти утраченная, вернулась к ней. О, она покажет этому испанцу, что англичанка, которую он заставил поверить, что она его желанная возлюбленная, может оказаться его повелительницей! Во всяком случае, прежде чем все это кончится, он услышит правду.

Бетти открыла дверь. Вошла Инесса с лампой в руках. Она спокойно и внимательно осмотрела Бетти.

— Жених готов, — произнесла она медленно, чтобы Бетти могла разобрать, — и прислал меня за вами. Вы не боитесь?

— Нет, — ответила Бетти. — Скажите мне только, как все это будет устроено.

— Маркиз ожидает вас в комнате перед залой, используемой в качестве капеллы. Там я, как старшая здесь, подам вам обоим по чаше вина. Пейте обязательно из той, которую я буду держать в левой руке, поднесите чашу ко рту под вуалью так, чтобы не открывать лицо, и не произносите ни слова, иначе он узнает ваш голос. Затем мы пройдем в капеллу, где нас будет ждать отец Энрике и все домочадцы. Зала эта большая, а лампы будут слабые, так что никто не узнает вас. К тому времени вино с подмешанным в него наркотиком начнет действовать на Морелла. И тогда при условии, что вы будете говорить очень тихо, вы спокойно можете сказать: «Я, Бетти, вступаю в брак с тобою, Карлос», а не: «Я, Маргарет…». Когда с этим будет покончено, он отведет вас в покои, приготовленные для вас, и там, если в моем вине есть какая-нибудь сила, он будет крепко спать всю ночь. А за это время священник передаст мне брачные документы, один экземпляр которых я отдам вам, а второй спрячу. Ну, а потом. — Инесса пожала плечами.

— Что будет с вами? — спросила Бетти, внимательно выслушав Инессу.

— О, я вместе со святым отцом сегодня же ночью выеду в Севилью, где его ожидают деньги. Это дурной компаньон для женщины, которая

отныне собирается стать честной и богатой, но лучше такой, чем никакого. Быть может, мы еще встретимся с вами, а может, и нет. Во всяком случае, вы знаете, где искать меня и всех остальных: в доме сеньора Бернальдеса. А теперь пора. Готовы ли вы стать испанской маркизой?

— Конечно, — невозмутимо ответила Бетти.

И они направились к выходу. Они шли через пустые залы и коридоры. Пожалуй, ни один восточный заговор, задуманный в этих стенах, не был таким смелым и отчаянным. Наконец они добрались до комнаты перед залой и остановились так, чтобы свет от висящей лампы не падал на них. Вскоре дверь раскрылась, и вошел Морелла в сопровождении двух секретарей. Как всегда, он был роскошно одет в платье из черного бархата, на шее у него висела золотая цепь, украшенная драгоценными камнями, а на груди блистали звезды и ордена, указывавшие на его звание. Никогда, во всяком случае так показалось Бетти, Морелла не выглядел столь величественным и красивым. Он был счастлив, готовясь испить чашу радости, которой он так добивался. Да, его лицо говорило, что он счастлив, и Бетти, заметив это, почувствовала, как угрызения совести закрадываются в ее душу. Морелла низко поклонился ей, она ответила ему глубоким реверансом. Ее высокая, изящная фигура склонялась так низко, что колени почти коснулись пола. После этого он подошел к ней и шепнул на ухо:

— Самая красивая, самая любимая! Я благодарю небеса, которые привели меня к этому счастливому часу сквозь много жестоких и опасных дорог. Дорогая моя, я снова прошу вас простить меня за причиненное вам горе. Ведь все это я делал только ради вас, которую я обожаю. Я люблю вас так, как редко любят женщину, и вам, вам одной, я буду верен до последнего дня своей жизни. О, не трепещите, я клянусь, что ни одна женщина в Испании не будет иметь лучшего и более верного мужа! Вас одну я буду лелеять, я буду бороться днем и ночью, чтобы вознести вас до самого высокого положения и удовлетворять каждое ваше желание. Много блаженных лет проживем мы вместе, пока не настанет мирный конец и мы не ляжем рядом, чтобы уснуть ненадолго и проснуться на небесах. Помня прошлое, я не прошу у вас многого, и все-таки, если вы хотите сделать мне свадебный подарок, который для меня ценнее корон или царств, скажите, что вы простили меня за все, что я сделал худого, и в знак этого поднимите свою вуаль и поцелуйте меня в губы.

Бетти с трепетом слушала эти слова, из которых она полностью поняла только конец. Этого испытания она не предвидела. Однако нужно было пройти и через это, ибо произносить что-либо она не смела. Собрав все свое мужество и помня, что свет не падает ей на лицо, Бетти после

небольшой паузы, как бы вызванной скромностью, приподняла свою украшенную жемчугом вуаль и дала Морелла поцеловать себя в губы.

Вуаль упала опять, и Морелла ничего не заподозрил.

«Я хорошая актриса, — подумала про себя Инесса, — но эта женщина играет лучше деревянного Питера. Даже я вряд ли сумела бы сделать это так хорошо».

Однако в глазах ее сверкнула ревность и ненависть, которые она не могла скрыть, — ведь она тоже любила этого человека. Инесса подняла приготовленные золотые чаши с вином и, выйдя вперед, прекрасная в своем вышитом восточном платье, опустилась на колено и протянула чаши жениху и невесте. Морелла взял чашу, которую она держала в правой руке, а Бетти взяла из левой. Опьяненный уже первым поцелуем любви, Морелла не заметил злого выражения, промелькнувшего на лице его отвергнутой рабыни. Бетти, приподняв вуаль, поднесла чашу ко рту, коснулась ее губами и вернула Инессе, а Морелла, воскликнув: «Я пью за вас, дорогая моя невеста, самая красивая и самая обожаемая из женщин!» — выпил чашу до дна и бросил ее в качестве подарка Инессе так, что капли красного вина обрызгали ее белую одежду подобно каплям крови.

Инесса смиренно склонилась в поклоне, смиренно подняла с пола драгоценный сосуд, и, когда она выпрямилась, в глазах ее вместо ненависти сверкало торжество.

Морелла взял руку своей невесты и, сопровождаемый секретарями и Инессой, направился в большую залу, где выстроилось множество домочадцев. Величественная пара прошла между двумя кланяющимися шеренгами дальше к алтарю, где их ожидал священник. Они опустились на колени на расшитые золотом подушки, и церковный обряд начался. Кольцо было надето Бетти на палец, — казалось, что жених с трудом нашел ее палец, — мужчина брал женщину в жены, женщина брала мужчину в мужья. Голос Морелла звучал хрипло, голос Бетти тихо — из всей слушавшей толпы никто не расслышал, какие имена были названы.

Все было кончено. Священник поклонился и благословил их. При свете свечей на алтаре они подписали какие-то бумаги. Отец Энрике вписал туда имена и тоже подписался. Затем он присыпал бумаги песком и вложил их в протянутую руку Инессы. Морелла, по-видимому, не заметил, что она передала одну бумагу невесте, а другие две спрятала у себя на груди. Инесса и священник поцеловали руки у маркиза и его супруги и попросили разрешения удалиться. Морелла кивнул головой и через десять минут, если бы кто-нибудь прислушался, то уловил бы топот двух коней, мчащихся по дороге на Севилью.

Новобрачные, сопровождаемые пажами и слугами, несущими светильники, миновали величественные и мрачные залы. Невеста шла покрытая вуалью, с видом обреченной, у жениха были такие глаза, как у человека, идущего во сне. Так они дошли до своей комнаты, и резные двери закрылись за ними.

На следующее утро служанок, ожидавших в соседней со спальней комнате, вызвал звук серебряного колокольчика. Когда две из них вошли туда, их встретила Бетти, теперь уже без вуали, одетая в свободное платье, и сказала:

— Мой муж маркиз еще спит. Помогите мне одеться и приготовьте ему ванну и завтрак.

Служанки в удивлении раскрыли рты. Она смыла с лица краску, и они убедились, что это сеньора Бетти, а вовсе не сеньора Маргарет, на которой, как они слышали, женится маркиз. Однако Бетти резко прикрикнула на них и, плохо произнося испанские слова, приказала им быстрее поворачиваться, чтобы она была одета прежде, чем проснется ее муж. Они повиновались, и, когда Бетти была готова, она вышла с ними в большую залу, где собралось множество слуг, чтобы приветствовать новобрачных. Бетти поздоровалась со всеми и, краснея и улыбаясь, сказала, что маркиз скоро выйдет, и приказала заниматься своими делами.

Бетти так хорошо сыграла свою роль, что хотя слуги были смущены, однако никому не пришло в голову усомниться в ее положении или власти, тем более что они помнили, что маркиз никому из них не говорил, на которой из двух английских леди он собирается жениться. К тому же Бетти раздала им от имени своего мужа и себя денежные подарки, а затем села завтракать в их присутствии, выпила немножко вина, выслушивая их поздравления и добрые пожелания.

Затем, все так же улыбаясь, Бетти вернулась в спальню, закрыла за собой дверь, уселась в кресло рядом с кроватью и стала ожидать главного сражения — сражения, от которого зависела ее жизнь.

Но вот Морелла пошевелился. Он сел на кровати, осматриваясь и потирая лоб. Наконец его глаза остановились на Бетти, которая, выпрямившись, сидела в кресле. Она поднялась, подошла к нему, поцеловала, назвав мужем, и он, полусонный, ответил на поцелуй. Затем она опять уселась в кресло и стала наблюдать за его лицом.

Оно все изменялось и изменялось. Удивление, страх, изумление, замешательство сменялись на его лице, пока наконец он не обратился к ней по-английски:

— Бетти, где моя жена?

— Здесь, — ответила Бетти.

Он непонимающе посмотрел на нее:

— Нет, я имею в виду донну Маргарет, вашу кузину и мою госпожу, с которой я обвенчался прошлой ночью. И как вы сюда попали? Я был уверен, что вы покинули Гранаду.

Бетти сделала удивленные глаза.

— Я не понимаю вас, — сказала она. — Это моя кузина Маргарет покинула Гранаду, а я осталась здесь, чтобы стать вашей женой, как вы договорились со мной через Инессу.

У Морелла глаза полезли на лоб.

— Договорился с вами через Инессу? Матерь божья! Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? — переспросила Бетти. — Я имею в виду то, что я сказала. Конечно, — и она в негодовании встала, — если вы не упустили случая сыграть со мной какую-нибудь новую шутку.

— Шутку? — пробормотал Морелла. — О чем говорит эта женщина? Что это, сон или я сошел с ума?

— Я думаю, что сон. Конечно, это сон: ведь я уверена, что человек, с которым я обвенчалась вчера вечером, не был сумасшедшим. Смотрите! — И она развернула перед ним брачный документ, подписанный священником, им и ею, в котором было записано, что Карлос, маркиз Морелла, такого-то числа в Гранаде обвенчался с сеньорой Элизабет Дин из Лондона, Англия.

Морелла дважды прочитал бумагу и, задыхаясь, откинулся на подушки. Между тем Бетти спрятала документ у себя на груди.

И тут маркиз действительно будто сошел с ума. Он неистовствовал, ругался, скрежетал зубами, искал меч, чтобы убить ее или себя, но не мог найти. Все это время Бетти спокойно сидела и пристально смотрела на него. Она была похожа на воплощение судьбы.

Наконец он устал, и тогда настала ее очередь.

— Выслушайте меня, — начала она. — Тогда в Лондоне вы обещали жениться на мне. У меня спрятано ваше письмо. Вы уговорили меня бежать с вами в Испанию. Через вашу посланницу и бывшую любовницу мы договорились о свадьбе. Я получала от вас письма и отвечала вам, поскольку вы объяснили, что по некоторым соображениям не хотите говорить об этом при моей кузине Маргарет и не можете жениться на мне, пока она, ее отец и возлюбленный не покинут Гранаду. Тогда я попрощалась с ними и осталась здесь одна из любви к вам, так же как я бежала из Лондона по той же причине. Вчера вечером мы были соединены.

Об атом знают все ваши слуги, тем более что я только что завтракала в их присутствии и принимала их поздравления. И вы теперь осмеливаетесь говорить мне, пожертвовавшей для вас всем, что я, ваша мена, маркиза Морелла, не являюсь вашей женой? Ну что ж, выйдите из этой комнаты, и вы услышите, как ваши же слуги будут стыдить вас. Пойдите расскажите обо всем вашему королю и вашим епископам, да и самому его святейшеству папе римскому и послушайте, что они вам ответят. Как бы вы ни были знатны и богаты, они запрут вас в сумасшедший дом или в тюрьму.

Морелла слушал, покачиваясь из стороны в сторону, затем вскочил и с проклятьем бросился на Бетти, однако перед его глазами блеснуло острие кинжала.

— Выслушайте меня, — продолжала Бетти, когда он отпрянул назад. — Я не рабыня и не принадлежу к числу слабых женщин. Вы не убьете меня и даже не выбросите вон. Я ваша жена и во всем равна вам. Я крепче вас телом и разумом, и я отстою свои права перед богом и перед людьми.

— Конечно! — воскликнул Морелла почти с восхищением. — Конечно, вы не слабая женщина! И вы отплатили мне за все с лихвой. А впрочем, вы, может быть, не так уж умны, просто упрямая дура, и это все месть проклятой Инессы. О, подумать только, — он взмахнул кулаком, — подумать только — я считал, что женился на донне Маргарет, а вместо нее нашел вас!

— Помолчите! — сказала она. — Вы бесстыжий человек. Сначала вы бросаетесь с кулаками на вашу жену, с которой только что обвенчались, а затем оскорбляете ее, говоря, что хотели бы жениться на другой женщине. Помолчите, или я открою дверь, позову сюда ваших людей и повторю им ваши чудовищные слова.

Бетти стояла выпрямившись над лежащим на кровати маркизом.

Морелла, первый гнев которого прошел, посмотрел на нее в раздумье и даже с некоторым уважением.

— Я думаю, — сказал он, — что вы, моя добрая Бетти, оказались бы очень хорошей женой для любого человека, который захотел бы добиться успеха в жизни, если бы он только не был влюблен в другую и не был бы уверен, что женат на ней. Я знаю — дверь заперта и, насколько я могу предполагать, вы держите ключ при себе, так же как и кинжал. Мне душно в этом помещении, и я хотел бы выйти отсюда.

— Куда? — спросила Бетти.

— Допустим, повидать Инессу.

— Как, — спросила она, — вы опять собираетесь ухаживать за этой женщиной? Вы уже забыли, что вы женаты!

— Похоже, что мне не дадут забыть об этом. Давайте заключим сделку. Я хочу на некоторое время и без скандала оставить Гранаду. Каковы ваши условия? Помните, что есть два условия, на которые я не соглашусь: я не останусь здесь с вами, и вы не поедете со мной. Запомните также, что, хотя сейчас у вас есть кинжал, с вашей стороны неразумно продолжать эту шутку.

— Как и с вашей, когда вы заманили меня на борт «Сан Антонио», — заметила Бетти. — Ну что ж, наш медовый месяц начался не слишком приятно. Я не возражаю, если вы на некоторое время уедете… искать Инессу. Поклянитесь, что вы не замыслили причинить мне зло, что вы не будете покушаться на мою жизнь или честь и не будете покушаться на мою свободу или положение здесь, в Гранаде. Клянитесь на распятии.

Она сорвала со стены висевший над кроватью серебряный крест и протянула ему. Бетти знала, что Морелла суеверен, и была уверена, что, если он поклянется на распятии, он не посмеет нарушить клятву.

— А если я не сделаю этого? — мрачно спросил он.

— Тогда вы останетесь здесь, пока не выполните мое желание. А ведь вам так хочется уехать! К тому же я сегодня завтракала, а вы нет. У меня есть кинжал, а у вас его нет. И я уверена, что никто не отважится потревожить нас. А пока что Инесса и ее друг священник уедут так далеко, что вы не сможете догнать их.

— Хорошо, я поклянусь, — согласился Морелла; он поцеловал крест и отбросил его прочь. — Вы можете оставаться здесь и управлять моим домом в Гранаде. Я не причиню вам никакого зла и никак не потревожу вас. Но если вы покинете Гранаду, тогда мы скрестим мечи.

— Вы хотите сказать, что сами покидаете этот город. Тогда вот здесь бумага и чернила. Будьте добры, подпишите приказ управляющим вашими имениями на территории мавританского королевства, чтобы они в ваше отсутствие присылали мне все доходы, а также распоряжение вашим слугам во всем повиноваться мне.

— Сразу видно, что вы выросли в доме купца! — произнес Морелла, кусая перо. — Хорошо, если я соглашусь на это, вы оставите меня в покое и не будете предъявлять других требований?

Бетти подумала о бумагах, которые увезла с собой Инесса, и решила, что Кастелл и Маргарет будут знать, что делать с этими бумагами в случае необходимости. Она подумала также, что, если слишком прижмет Морелла с самого начала, ее могут однажды найти мертвой, как это часто бывает в Гранаде, и ответила:

— Вы многого хотите от обманутой женщины, но у меня осталась еще

гордость, и я не буду соваться туда, куда не следует. Пусть будет так. До тех пор, пока вы не пожелаете меня видеть и не пошлете за мной, я не буду разыскивать вас, если вы сами не нарушите нашего договора. А теперь напишите бумаги, подпишите их и позовите сюда ваших секретарей засвидетельствовать вашу подпись.

— На чье имя я должен писать бумаги? — спросил Морелла.

— На имя маркизы Морелла, — отвечала она.

И он, заметив в этих словах лазейку, повиновался.

Маркиз подумал, что если она не является его женой, то документ этот не будет иметь никакой силы.

Каким угодно путем, но он должен избавиться от этой женщины. Конечно, он мог устроить так, чтобы ее убили, но даже в Гранаде нельзя убить женщину, на которой ты только что женился. Это может вызвать нежелательные вопросы. Кроме того, у Бетти есть друзья, а у него есть враги, которые наверняка справятся о ней в случае ее исчезновения. Нет, он подпишет эту бумагу, а потом будет бороться. Сейчас он не может терять время. Маргарет ускользнула от него, и, если ей удастся бежать из Испании, он знал, что никогда больше не увидит ее. Она могла уже покинуть пределы Испании и выйти замуж за Питера Брума. Одна мысль об этом сводила его с ума. Против него был устроен заговор, его перехитрили, обворовали, обманули. Ну что ж, у него остается надежда и… месть. Он еще может сразиться с Питером и убить его. Он может предать еврея Кастелла в руки инквизиции. Он найдет средство договориться с отцом Энрике и с Инессой, и, если счастье улыбается ему, он может заполучить Маргарет обратно.

Да, конечно, он подпишет все что угодно, если только это освободит его на время от этой служанки, которая называет себя его женой, от этой упрямой, сильной и умной англичанки, которую он хотел сделать своим орудием, а вместо этого сам стал орудием в ее руках.

Итак, Бетти диктовала, а он писал — да, он дошел до этого, — а затем еще и подписал написанное. Распоряжение было исчерпывающим. Оно предоставляло высокочтимой маркизе Морелла право действовать от имени своего мужа во время его отсутствия. Приказ обязывал, чтобы все доходы поступали в ее распоряжение, а слухи и подчиненные выполняли ее приказания, как его собственные. Ее подпись получала такую же силу, как и его.

Когда бумага была готова, Бетти внимательно прочитала ее, следя за тем, нет ли там пропусков или ошибок, отперла дверь, ударила в гонг и вызвала секретарей, чтобы они засвидетельствовали подпись своего

господина. Они тут же явились, кланяясь и желая им счастья. Про себя Морелла решил, что припомнит им это.

— Я должен уехать, — заявил он. — Засвидетельствуйте мою подпись на этом документе, предоставляющем право управлять моим домом и распоряжаться моим имуществом в мое отсутствие.

Они удивленно посмотрели на него и склонились в поклоне.

— Прочтите эту бумагу вслух, — распорядилась Бетти, — чтобы мой господин и муж мог быть уверен, что тут нет никакой ошибки.

Один из секретарей повиновался, но, прежде чем он кончил читать, разъяренный Морелла закричал ему с кровати:

— Кончайте скорее и скрепите подпись! А теперь идите и прикажите немедленно готовить лошадей и эскорт. Я сейчас же еду.

Они торопливо покинули комнату.

Бетти вышла за ними следом с бумагой в руке. В большой зале, где собрались все слуги, чтобы приветствовать своего господина, она приказала секретарям огласить этот документ и перевести его на арабский язык, чтобы он всем был понятен. Затем она спрятала бумагу и брачное свидетельство и приказала слугам приготовиться к встрече благородного маркиза.

Им недолго пришлось ждать, потому что он тут же появился из спальни, как разъяренный бык на арене. Бетти встала и склонилась перед ним. Следуя ее примеру, по восточному обычаю, упали на колени и все слуги. На мгновение Морелла остановился, похожий на быка, когда тот видит пикадора и готов напасть на него. Затем он взял себя в руки и, выругавшись шепотом, прошел между ними.

Через десять минут, в третий раз за эти сутки, лошади вылетели из ворот дворца по направлению к севильской дороге.

— Друзья, — сказала Бетти на своем ужасном испанском языке, когда ей доложили, что Морелла покинул дворец, — с моим мужем, маркизом, случилась печальная история. Женщина, по имени Инесса, которой он так доверял, бежала, похитив у него сокровище, которое он ценил больше всего на свете, и вот я, только что выйдя замуж, осталась безутешной, пока он будет искать ее.

Глава XX . Изабелла Испанская

Да следующий день Бернальдес, компаньон Кастелла, опять появился в тюрьме. Вместе с ним пришли портной и женщина с ящиком, полным женской одежды. Комендант приказал им подождать, пока одежду проверят в его присутствии, а Бернальдесу разрешил тут же пройти к арестованным. Как только тот оказался в камере Кастелла, первыми его словами были:

— Ваш маркиз уже женился.

— Откуда вы знаете об этом? — воскликнул Кастелл.

— От женщины по имени Инесса, которая приехала вместе со священником вчера вечером. Она передала мне документ о его браке с Бетти Дин, подписанный самим Морелла. Я не принес его с собой, потому что боялся обыска. Но сюда пришла сама Инесса, переодетая портнихой, так что вы не выказывайте удивления, если ее допустят к вам. Вероятно, она сумеет рассказать донне Маргарет кое-что, если ей разрешат примерить платья без свидетелей. А потом ее необходимо спрятать понадежнее, ибо она боится мести Морелла. Но я буду знать, где разыскать ее в случае необходимости. Завтра вы все предстанете перед королевой, я тоже буду там и предъявлю документы.

Едва он успел сказать все это, как в комнату вошел комендант в сопровождении портного и Инессы. Инесса присела в реверансе, взглянув на Маргарет уголком глаз. Она с любопытством рассматривала людей, которых как будто видела впервые.

Когда платья были показаны, Маргарет попросила коменданта разрешить ей примерить их в своей комнате с помощью этой женщины. Комендант согласился, заявив, что и платья и портниха обысканы и у него нет никаких возражений. Маргарет с Инессой удалились в соседнюю комнату.

— Расскажите мне все, — прошептала Маргарет, как только дверь за ними закрылась. — Я умираю от желания услышать ваш рассказ.

Они не могли быть уверенными, что здесь за ними никто не наблюдает сквозь какое-нибудь потайное отверстие, и поэтому Инесса принялась примерять на Маргарет платье. И хотя рот ее был полон колючками алоэ, которые в то время употреблялись в качестве булавок, она рассказала Маргарет все, вплоть до момента своего бегства из Гранады. Когда она дошла до того места, когда мнимая невеста приподняла вуаль и поцеловала жениха, Маргарет чуть не задохнулась от изумления.

— Боже, как она сумела сделать это? — прошептала она. — Я бы упала в обморок.

— У нее есть мужество, у этой Бетти… повернитесь, пожалуйста, к свету, сеньора… я сама не смогла бы сыграть лучше… мне кажется, что левое плечо чуть выше. Он ничего не заподозрил, безмозглый дурак, даже до того, как я подала ему вино, а после он вообще вряд ли мог что-нибудь соображать… Сеньора говорит, что ей жмет под мышкой? Может быть, немного, но это растянется… Хотелось бы мне знать, что произошло потом. Ваша кузина — тот бык, на которого я сделала ставку, и я верю, что она очистит арену. Она женщина со стальными нервами. Если бы у меня были такие, я давно уже была бы маркизой Морелла или другой человек был бы маркизом… Юбка сидит великолепно. Прекрасная фигура! Сеньора выглядит в ней еще лучше… Кстати сказать, Бернальдес дал мне денег, довольно большую сумму, так что вам не нужно благодарить меня. Я сделала это ради денег и… из ненависти. Теперь я скроюсь, так как не хочу, чтобы мне перерезали горло, но Бернальдес сможет меня найти, если я понадоблюсь. Что со священником? О, он не представляет опасности. Мы заставили его написать расписку в получении денег. Я думаю, что он уже занял свой пост секретаря инквизиции и тут же приступил к исполнению своих обязанностей. Ведь у них не хватает рук, чтобы пытать евреев и еретиков и грабить их. Оба эти занятия ему по нраву. Я ехала с ним всю дорогу до Севильи, и этот грязный негодяй пытался ухаживать за мной, но я дала ему отпор. — Инесса улыбнулась при этом воспоминании. — Правда, я с ним не совсем поссорилась — он еще может пригодиться. Кто знает! Однако пора, комендант зовет меня. Одну минуту! Да, сеньора, с этими небольшими переделками платье будет превосходным. Вы обязательно получите его сегодня вечером. Я приготовлю и остальные, которые вам угодно было заказать по этому же образцу. Благодарю вас, сеньора, вы слишком добры к бедной девушке, — и шепотом: — Матерь божья да хранит вас.

Почти скрытая ворохом платьев, Инесса с поклоном переступила порог двери, которую уже открыл комендант.

Около девяти часов на следующее утро явился один из тюремщиков, чтобы вызвать Маргарет и ее отца в суд. Маргарет осведомилась, вызывают ли вместе с ними и сеньора Брума, но тюремщик ответил, что он ничего не знает о сеньоре Бруме, так как тот находится в камере для опасных преступников, а эту камеру тюремщик не обслуживает.

Маргарет с отцом отправились в суд. Одеты они были в дорогие платья, сшитые по последней севильской моде, лучшие, какие можно было

найти за деньги. Во дворе, к своей радости, Маргарет увидела Питера, который под стражей ожидал их, тоже одетый в христианское платье, которое они просили доставить ему за их счет. Маргарет, забыв о своей застенчивости, бросилась к нему, позволила ему обнять ее при всех и начала расспрашивать, как он себя чувствовал, с тех пор как они расстались.

— Не очень хорошо, — мрачно ответил Питер, — я не знал, увидимся ли мы когда-нибудь. К тому же моя камера находится под землей и в нее сквозь решетку почти не проникает свет. Кроме того, там крысы, которые не дают спать. Поэтому я большую часть ночи не спал и думал о тебе. Куда нас теперь ведут?

— Мы должны предстать перед судом королевы. Возьми меня за руку и иди рядом, но не смотри на меня так пристально. Что-нибудь не в порядке у меня с платьем?

— Нет, — пробормотал Питер, — я смотрю на тебя, потону что ты в нем прекрасна. Почему ты не накинула вуаль? Ведь здесь, при дворе, наверняка есть еще маркизы.

— Только мавританки носят вуали, Питер, а мы теперь опять христиане. Слушай, я думаю, что никто из них не понимает по-английски. Я видела Инессу, которая очень нежно справлялась о тебе. Не красней, это не подобает мужчине. Разве ты тоже ее видел? Она бежала из Гранады, как и хотела, а Бетти вышла замуж за маркиза.

— Этот брак не будет иметь силы, — покачал головой Питер, — ведь это обман. И я боюсь, что бедняжке придется расплачиваться за него. Однако она дала нам возможность бежать, хотя если говорить о тюрьмах, то мне было гораздо лучше в Гранаде, чем в этой крысоловке.

— Конечно, — невинно заметила Маргарет, — у тебя там был садик для прогулок, не так ли? Ну ладно, не сердись на меня. Ты знаешь, что сделала Бетти? — И Маргарет рассказала Питеру, как Бетти подняла вуаль и поцеловала Морелла, оставшись неузнанной.

— Это не так уж удивительно, — заметил Питер. — Ведь женщины, когда они загримированы, очень похожи друг на друга, особенно в полутемной комнате…

— …или в саду, — добавила Маргарет.

— Удивительно то, — продолжал Питер, предпочитая не обращать внимания на эти слова, — что она вообще согласилась поцеловать этого человека. Он же мерзавец. Рассказывала тебе Инесса, как он обращался с ней? При одной мысли об этом я прихожу в бешенство.

— Ну ладно, Питер, тебя ведь он не просил целовать его. А что

касается зла, причиненного им Инессе, то хотя ты, конечно, больше знаешь об этом, чем я, но думаю, что она расплатилась с маркизом. Смотри, вон там впереди Алькасар. Замечательный замок, не правда ли? Ты знаешь, его построили мавры.

— Меня мало интересует, кто его построил, — мрачно заметил Питер. — По-моему, он выглядит не хуже других замков, только побольше. Все, что я знаю о нем, это то, что меня будут там судить за удар по голове тому грубияну, и что, может быть, мы в последний раз видим друг друга. Скорее всего они пошлют меня на галеры, если не куда-нибудь похуже.

— О, не говори так! Мне это и в голову не приходило! Ведь это невозможно! — воскликнула Маргарет, и ее темные глаза наполнились слезами.

— Подожди, вот объявится твой маркиз и предъявит нам обвинение, и ты узнаешь, что возможно и что невозможно, — убежденно произнес Питер. — Но мы уже прошли через кое-какие испытания, будем и теперь надеяться на лучшее.

В эту минуту они оказались перед воротами Алькасара. Путь от тюрьмы до дворца они прошли по саду апельсиновых деревьев. Здесь солдаты разлучили их. Их провели через двор, где множество людей бегало взад и вперед, и наконец они очутились в огромном зале с мраморными колоннами, сверкавшем золотом. Это был так называемый Зал правосудия. В конце его на троне, установленном на богато украшенном возвышении, вокруг которого стояли гранды и советники, сидела пышно одетая женщина средних лет. У нее были голубые глаза и рыжие волосы, доброжелательное и открытое лицо, но очень сдержанные и спокойные манеры.

— Королева, — прошептал страж, отдавая честь.

Кастелл и Питер поклонились, а Маргарет присела в реверансе.

Только что закончилось разбирательство какого-то дела, и королева Изабелла, посоветовавшись со своими приближенными, в нескольких словах вынесла решение. Пока она говорила, ее нежные голубые глаза остановились на Маргарет, красота которой поразила ее, потом ее взгляд скользнул по высокой фигуре Питера, и, когда дошел до похожего на еврея Кастелла, королева нахмурилась.

Дело было закончено, поднялись следующие просители, но в этот момент королева махнула рукой и, продолжая смотреть на Маргарет, нагнулась вперед, спросила о чем-то придворного офицера и дала ему какое-то распоряжение. Тот поднялся и вызвал Джона Кастелла, Маргарет Кастелл и Питера Брума, из Англии. Он приказал им приблизиться и

отвечать на обвинение в убийстве Луиса База, солдата Святой эрмандады.

Их тут же вывели вперед, и они остановились перед возвышением. Офицер вслух начал читать обвинение.

— Остановитесь, друг мой, — прервала его королева. — Эти люди являются подданными нашего доброго брата, Генриха Английского, и могут не понимать нашего языка, хотя одни из них, мне думается, — и она посмотрела на Кастелла, — родился не в Англии, или, во всяком случае, не англичанин по происхождению. Спросите их, нужен ли им переводчик.

Вопрос был задан, и все они ответили, что могут говорить по-испански, хотя Питер добавил, что говорит довольно плохо.

— Вы тот рыцарь, которого обвиняют в совершении преступления? — спросила королева, глядя в упор на него.

— Ваше величество, я не рыцарь, а простой эсквайр, Питер Брум из Дедхэма, в Англии. Мой отец, сэр Питер Брум, был рыцарем, но он погиб рядом со мной, сражаясь за Ричарда на Босвортском поле, где я получил эту рану, — Питер показал шрам на своем лице. — Я не был посвящен в рыцари.

Изабелла слегка улыбнулась:

— А как вы попали в Испанию, сеньор Питер Брум?

— Ваше величество, — отвечал Питер, а Маргарет время от времени помогала ему, когда он не мог найти подходящего испанского слова, — эта дама, — и он указал на Маргарет, — моя невеста. Она дочь купца Джона Кастелла, стоящего рядом со мной…

— Вы завоевали любовь очень красивой девушки, сеньор, — прервала его королева. — Но продолжайте.

— Она и ее кузина, сеньора Дин, были похищены в Лондоне человеком, который, насколько я понимаю, является племянником его величества короля Фердинанда. Он был послом при английском дворе, где именовал себя сеньором д'Агвиларом. В Испании он носит имя маркиза Морелла.

— Похищены? Маркизом Морелла? — воскликнула королева.

— Да, ваше величество. Их заманили на борт его корабля и похитили. Сеньор Кастелл и я последовали за ними, мы высадились на борт их корабля и пытались спасти женщин, но корабль потерпел крушение около Мотриля. Маркиз увез их в Гранаду, мы последовали за ним, хотя я был тяжело ранен при крушении. Там, во дворце маркиза, мы были пленниками в течение многих недель, но в конце концов нам удалось бежать. Мы надеялись добраться до Севильи и просить защиты ваших величеств. По дороге — а мы ехали в мавританской одежде, потому что в ней мы бежали,

— на нас напали люди, которых мы приняли за бандитов. Нас предупреждали о таких злых людях. Один из них грубо схватил донну Маргарет, я ударил его и, к несчастью, убил, за что я сегодня и стою перед вами. Ваше величество, я не знал, что он солдат Святой эрмандады, и я умоляю вас простить меня.

При этом кто-то из придворных воскликнул:

— Хорошо сказано, англичанин!

Королева заметила:

— Если все, что вы рассказали, — правда, то я полагаю, что мы не должны слишком строго судить вас, сеньор Брум. До как мы можем проверить все это? Вы, например, говорите, что благородный маркиз Морелла похитил двух дам, на что, я думаю, он вряд ли способен. Где же тогда другая дама?

— Я полагаю, — ответил Питер, — что она теперь является женой маркиза Морелла.

— Женой? Кто может это подтвердить? Насколько мне известно, маркиз не спрашивал нашего разрешения на женитьбу, как это принято.

Тут вперед вышел Бернальдес, назвал себя и свое занятие, сообщил, что он является компаньоном английского купца Джона Кастелла, и предъявил документ о браке, подписанный самим Морелла, Бетти и священником Энрике. Бернальдес добавил, что он получил копии этого документа с гонцом из Гранады и вручил другую копию архиепископу Севильи.

Королева, взглянув на бумагу, передала ее приближенным. Те внимательнейшим образом принялись рассматривать документ. Один из них заявил, что форма документа необычная и, может быть, документ подложный.

Королева подумала немного и затем сказала:

— Есть только один путь узнать правду. Мы приказываем вызвать сюда нашего племянника, благородного маркиза Морелла, сеньору Дин, о которой говорят, что она является его женой, и священника Энрике из Мотриля, который, по-видимому, обвенчал их. Когда все они прибудут сюда, король — мой муж и я разберемся в этом деле. До тех пор я не хочу ничего больше слушать.

Комендант тюрьмы обратился к королеве с вопросом, как поступать с заключенными до прибытия свидетелей из Гранады. Королева ответила, что они остаются под его надзором, и велела хорошо с ними обращаться. Питер попросил, чтобы его перевели в более удобную камеру, где будет меньше крыс и больше света. Королева милостиво согласилась, однако

добавила, что будет правильнее поместить его отдельно от его невесты, которая может жить со своим отцом. Однако, заметив огорчение на их лицах, улыбнулась:

— Я думаю, они могут встречаться днем в тюремном саду.

Маргарет поблагодарила, и королева сказала ей:

— Подойдите сюда, сеньора, и посидите немного со мной. — Она указала на скамеечку для ног рядом с собой. — Когда я покончу с этими делами, я хочу поговорить с вами.

Маргарет провели к возвышению, и она присела по левую руку от ее величества, на скамеечке. Она была прекрасна в этот миг. Ее красота и осанка были поистине королевскими. Между тем Кастелла я Питера повели обратно в тюрьму, причем последний, видя вокруг столько галантных грандов, уходил весьма неохотно.

Спустя некоторое время, покончив с делами, королева распустила суд, попросив остаться нескольких офицеров, и обратилась к Маргарет:

— А теперь, прекрасная девушка, расскажите мне все как женщина женщине и не бойтесь, что это будет использовано при судебном разбирательстве над вашим возлюбленным. Ведь вас, по крайней мере сейчас, не в чем обвинять. Прежде всего, скажите мне, действительно ли вы обручены с этим высоким кавалером и правда ли, что вы любите его?

— Да, ваше величество, — ответила Маргарет, — и мы претерпели много страданий за это время. — Маргарет рассказала всю их историю, которую королева выслушала с большим вниманием.

— Очень странная история, если все это правда, и весьма позорная, — произнесла королева, когда Маргарет кончила. — Но как могло случиться, что Морелла, который хотел заставить вас выйти за него замуж, женился теперь на вашей кузине? Вы что-то скрываете от меня? — И она проницательно посмотрела на Маргарет.

— Ваше величество, — ответила Маргарет, — мне было стыдно рассказывать остальное, однако я верю вам и решусь на это. Прошу только вашего высочайшего снисхождения, если вы посчитаете, что мы, находясь в очень затруднительном положении, поступили плохо. Моя кузина, Бетти Дин, отплатила Морелла его же монетой. Он завоевал ее сердце и обещал жениться на ней, и она с риском для жизни заняла мое место у алтаря, тем самым дав нам возможность бежать.

— Храбрый поступок, хотя и не совсем честный, — заметила королева. — Я только не знаю, будет ли такой брак считаться действительным, но об этом должна судить церковь. Конечно, на вас всех трудно сердиться. Что вам обещал Морелла, когда просил вас выйти за него

замуж в Лондоне?

— Ваше величество, он обещал мне, что вознесет меня высоко, может быть, даже, — и она помедлила, — на то место, которое занимаете вы.

Изабелла нахмурилась, потом рассмеялась и, окинув взглядом Маргарет с ног до головы, сказала:

— Вы достойны этого места, может быть, даже больше, чем я. А что он еще говорил?

— Ваше величество, он уверял меня, что далеко не все любят короля, его дядю; что у него, маркиза Морелла, есть много друзей, которые помнят, как его отец был отравлен отцом короля, и что его мать была мавританской принцессой. Он говорим также, что может прибегнуть к помощи мавров или воспользоваться другими путями для достижения своей цели.

— Ну что ж, — заключила королева, — хотя маркиз и верный сын церкви и мой муж так любит его, я никогда не питала добрых чувств к Морелла и очень благодарна вам за предупреждение. Хотите ли вы попросить меня о чем-нибудь, прекрасная Маргарет?

— Да, ваше величество. Я осмеливаюсь просить вас быть снисходительной к моему возлюбленному, когда он предстанет перед вами на суде. Поверьте, у него горячая голова и тяжелая рука. Рыцари, подобные ему, — а он рыцарь по крови, — не могут спокойно смотреть, когда их дам оскорбляют грубияны и срывают с них одежду. И еще я прошу вас защитить меня от маркиза Морелла и не разрешать ему не только дотронуться до меня, но и говорить со мной. Несмотря на его звание и великолепие, я ненавижу его.

— Я уже обещала, что у меня не будет предубеждения при разборе вашего дела, моя прекрасная англичанка Маргарет, — улыбаясь, ответила королева, — и я думаю, что если я выполню вашу просьбу, то это не заставит правосудие снять повязку, закрывающую его глаза. Идите и будьте спокойны. Если вы рассказали мне правду, в чем я не сомневаюсь, и если это будет зависеть от Изабеллы Испанской, наказание, которое получит сеньор Брум, не будет слишком тяжелым. Во всяком случае, тень маркиза Морелла, этого незаконнорожденного сына христианского принца и какой-то принцессы из неверных, — эти слова королева произнесла с ожесточением, — не упадет на вас. Но я должна предупредить вас, что король, мой муж, любит этого человека — это естественно — и судить маркиза ему будет нелегко. Скажите мне, ваш возлюбленный человек храбрый?

— Очень храбрый, — ответила Маргарет с улыбкой.

— И он может сидеть верхом и держать копье, не так ли? Хотя бы ради

вас?

— Да, ваше величество, и владеть мечом тоже не хуже других рыцарей, хотя он совсем недавно оправился после тяжелой болезни. Кое-кто мог убедиться в этом на Босвортском поле.

— Хорошо. А теперь прощайте. — Королева протянула Маргарет руку для поцелуя и, подозвав двух офицеров, приказала им проводить Маргарет обратно в тюрьму и добавила, что она может свободно писать королеве, если понадобится.

В тот же день вечером в Севилью прискакал Морелла. Он был бы здесь гораздо раньше, но его спутал рассказ мавров, сопровождавших Питера, Маргарет и ее отца из Гранады, которые видели, как они направились по дороге на Малагу. Он поскакал по этой дороге, но, не обнаружив никаких следов, вернулся и поехал в Севилью. Здесь он вскоре узнал обо всем, и среди прочих новостей также о том, что за десять часов до его приезда были посланы гонцы в Гранаду с приказанием явиться ему и Бетти, с которой он был обвенчан.

На следующее утро Морелла попросил аудиенцию у королевы, но ему было отказано, а король, его дядя, находился в отъезде. Тогда он попытался получить разрешение проникнуть в тюрьму, чтобы увидеть Маргарет. Однако он убедился, что ни его высокое звание, ни власть, ни даже деньги не могут открыть ему двери тюрьмы. Эта был приказ королевы, и Морелла понял, что ему в этом деле придется столкнуться с Изабеллой как с врагом. Мысль о мести не покидала его, и он начал поиски Инессы и отца Энрике из Мотриля. Но в результате он выяснил, что Инесса исчезла — никто ничего не знал о ней, — а святой отец был в безопасности в стенах инквизиции, откуда он со свойственной ему осторожностью предпочитал не выходить и куда ни один мирянин, какое бы высокое положение он ни занимал, не мог проникнуть, чтобы наложить руку на служителя инквизиции. Итак, исполненный гнева и разочарования, Морелла созвал адвокатов и друзей на совет и стал готовиться к защите против обвинения, которое, он понимал, будет ему предъявлено, все еще надеясь, что случай вернет ему Маргарет. У него оставалась одна карта, которую он решил пустить в ход. Он знал что Кастелл еврей, в течение многих лет маскировавшийся под христианина, а для таких в Севилье снисхождения не было. Быть может, ценой спасения ее отца он сумеет завоевать Маргарет, которую он теперь желал еще более страстно, чем когда бы то ни было.

Он был готов сейчас воспользоваться любым способом, лишь бы не допустить, чтобы Маргарет вышла замуж за его соперника Питера Брума. К тому же оставалась еще надежда, что Питер будет приговорен к тюремному

заключению, а может быть, и к смерти за убийство солдата эрмандады.

Итак, Морелла приготовился к серьезной борьбе и стал ожидать прибытия в Севилью Бетти, поскольку он не мог предотвратить ее приезд.

Глава XXI . Бетти излагает дело

Прошло семь дней, в течение которых Маргарет и ее отец спокойно пребывали в тюрьме, где, по правде говоря, они чувствовали себя скорее гостями, нежели заключенными. Им разрешено было принимать посетителей. Среди этих посетителей был и Хуан Бернальдес, который сообщал им обо всем, что происходило за стенами тюрьмы. Через него они послали гонцов встретить и предупредить Бетти о суде, где будет решаться ее дело.

Вскоре гонцы вернулись с сообщением, что маркиза Морелла едет в Севилью с большой пышностью, сопровождаемая огромной свитой, что она благодарит за сообщение и надеется защитить себя.

При этом известии Кастелл раскрыл глаза от изумления, а Маргарет расхохоталась. Хотя она и не знала всего, но была уверена, что каким-то образом Бетти удалось подчинить себе Морелла и тому не так-то легко будет расправиться с нею. Тем не менее Маргарет не могла представить себе, откуда у Бетти взялась такая свита. Она все время опасалась, что на Бетти могут напасть или обидеть ее, и написала королеве письмо, умоляя ее защитить Бетти.

Не прошло и часа, как Маргарет получила ответ, в котором сообщалось, что ее кузина находится под королевским покровительством и что послан эскорт для ее сопровождения и охраны от каких-либо покушений. Королева также сообщала, что для удобства этой дамы ей приготовлено помещение в крепости вне Севильи, которое будет охраняться и днем и ночью и откуда ее привезут на суд.

Питера все еще держали отдельно от Маргарет и Кастелла, но ежедневно в полдень им разрешали встречаться в окруженном стенами саду при тюрьме, где они могли разговаривать сколько угодно. Здесь же он ежедневно упражнялся в бое на мечах с другими заключенными, используя вместо мечей папки. Кроме того, ему разрешили пользоваться конем, на котором он приехал из Гранады. Питер устраивал турнирные бои с комендантом и другими офицерами и доказал, что он в этом деле сильнее их всех. Он занимался всем этим с увлечением и жаром — Маргарет рассказала ему о намеке, который бросила королева, и Питер хотел вернуть себе былую силу и усовершенствоваться во владении любым оружием, употребляемым в Испании.

Так шло время, пока однажды комендант не объявил им, что суд над

Питером назначен на завтра и что они должны будут сопровождать его ко двору, чтобы дать показания. Бернальдес в записке предупредил их, что король вернулся и будет присутствовать на суде вместе с королевой и что их дело вызвало много толков в Севилье. Все интересуются историей женитьбы Морелла, о которой ходят различные слухи.

Бернальдес писал также, что он почти не сомневается, что Маргарет и Кастелл будут освобождены, что корабль готов и капитан ждет их приказаний, что же касается шансов Питера, то он ничего не может сказать определенного, поскольку все будет зависеть от того, как посмотрит король на его преступление — ведь Морелла является хоть и непризнанным, но все же племянником короля и тот к нему благосклонно расположен.

Маргарет и Кастелл спустились в сад. Питер только что вернулся после конных состязаний и, раскрасневшийся от быстрой езды, выглядел очень мужественным и красивым. Маргарет взяла его за руку и, гуляя с ним рядом, сообщила новости.

— Я рад! — воскликнул Питер. — Чем скорее это дело начнется, тем скорее оно кончится. Но вот что, дорогая, — при этих словах лицо Питера стало серьезным, — Морелла имеет большое влияние в Испании, а я нарушил закон этой страны, так что никто не знает, чем все это кончится. Меня могут приговорить к смерти, или к заключению, или, может быть, если мне дадут возможность, я погибну в бою. В любом случае мы будем разлучены на время или навсегда. Если это случится, я умоляю тебя не оставаться здесь ни ради попыток спасти меня, ни по какой-либо другой причине. Ведь пока ты в Испании, Морелла никогда не прекратит своих попыток овладеть тобой. В Англии же ты будешь в безопасности.

Услышав эти слова, Маргарет зарыдала — мысль о том, что может случиться с Питером, приводила ее в отчаяние.

— Я во всем буду повиноваться тебе, — прошептала она, — но как я могу оставить тебя, дорогой мой, пока ты жив! А если, по злому случаю, ты умрешь, чего бог не допустит, разве смогу я жить без тебя? Тогда я последую за тобой.

— Я не хочу этого, — ответил Питер, — я хочу, чтобы ты прожила всю жизнь и пришла ко мне туда в назначенный срок, но не раньше. А еще я хочу сказать тебе, что, если ты встретишь достойного человека и захочешь выйти за него замуж, ты должна сделать это, потому что я хорошо знаю, что ты никогда не забудешь меня, свою первую любовь. Ведь за этой жизнью есть другая, где нет ни замужества, ни женитьб. Пусть моя мертвая рука не остановит тебя, Маргарет.

— И все-таки, — произнесла мягко, но с возмущением Маргарет, —

будь уверен в одном, Питер: если с тобой случится страшная беда, я останусь верна тебе — живая или мертвая.

— Да будет так, — вздохнул с явным облегчением Питер, потому что он не мог допустить мысли о том, что Маргарет станет женой другого даже после его смерти. Хотя его честная, простая душа и страх, что весь остаток ее жизни будет лишен всякой радости, заставили его говорить все то, что он перед этим сказал.

Укрывшись на цветущим кустом, они обнялись так, как обнимаются люди, не знающие, смогут ли они когда-либо еще поцеловать друг друга. Пришел час заката и разлучил их.

На следующее утро Кастелла и Маргарет опять повели в Зал правосудия Алькасара. Но на этот раз Питер не был вместе с ними. Огромный зал был полон советниками, офицерами, грандами и дамами. Всех их привело сюда любопытство. Однако среди них Маргарет не обнаружила ни Морелла, ни Бетти. Король и королева еще не заняли своих мест на троне. Питер уже стоял на отведенном ему месте, по обе стороны от него стояла стража. Он приветствовал их улыбкой и кивнул головой, когда они заняли свои места неподалеку от него. Когда Кастелл и Маргарет приблизились к своим стульям, загремели трубы, и в конце зала появились рука об руку их величества Фердинанд и Изабелла. Все присутствующие встали и склонились в низком поклоне в ожидании, пока король и королева сядут.

Король, которого наши герои увидели в первый раз, оказался коренастым подвижным человеком с красивыми глазами и широким лбом. Однако Маргарет, глядя на него, подумала, что у него хитрое лицо — лицо человека, никогда не забывающего своих собственных интересов. Как и королева, он был одет в роскошный костюм, расшитый золотом и украшенный гербами Арагона, в руке он держал золотой скипетр, усеянный драгоценными камнями, а у пояса, чтобы показать, что он король-воин, висел длинный меч с крестообразной рукояткой. Улыбаясь, он ответил на приветствия своих подданных, приложив руку к шляпе и поклонившись. Затем взгляд его остановился на Маргарет, и, обернувшись, он звонким голосом спросил у королевы, та ли это дама, на которой женился Морелла, и, если это она, то почему же он хочет освободиться от нее.

Изабелла ответила, что, насколько она знает, на этой сеньоре он только хотел жениться, а женился на другой, но, как он утверждает, по ошибке. А эта дама обручена с обвиняемым, стоящим перед ними. Все слышавшие этот ответ рассмеялись.

В эту минуту в зал вошел маркиз Морелла, одетый, как обычно, в

черный бархат и украшенный орденами. Его сопровождали друзья и адвокаты, облаченные в длинные мантии. На голове у Морелла была черная шляпа, с которой свешивалась жемчужина. Он не снял шляпу даже тогда, когда кланялся королю и королеве, потому что был одним из тех немногих грандов Испании, которые имели право не снимать головного убора перед их величествами. Король и королева ответили на его приветствие — король дружеским кивком, а королева холодным поклоном, — и Морелла занял приготовленное дли него место. Как раз в этот момент в дальнем конце зала началось движение и послышался голос офицера, кричавшего: «Дорогу! Дорогу маркизе Морелла!» При этом маркиз, чей взгляд был прикован к Маргарет, нахмурился и поднялся со своего места, как будто собираясь протестовать, но адвокат, стоявший позади него, шепнул ему что-то, и маркиз снова сел.

Толпа расступилась, и Маргарет, обернувшись, увидела двигавшуюся к ним процессию. Часть людей была в доспехах, часть — в белых мавританских одеждах, украшенных алым орлом — гербом маркиза Морелла. В центре процессии шла высокая красивая дама. Ее шлейф несли две мавританки, на ее светлых распущенных волосах сияла диадема, пурпурный плащ ниспадал с плеч, наполовину прикрывая великолепное платье, украшенное жемчугом, который Морелла подарил Маргарет, а на груди красовалась нитка жемчуга, подаренная маркизом Бетти в виде компенсации за доставленные ей неприятности.

Маргарет смотрела на нее во все глаза, а Кастелл, стоя рядом, бормотал:

— Это наша Бетти! Вот уж воистину одежда красит человека!

Да, это, без сомнения, была Бетти, хотя вспоминая ее в простом шерстяном платье в старом доме в Холборне, трудно было признать бедную компаньонку в этой гордой и величественной даме, выглядевшей так, будто она всю жизнь ходила по мраморным полам дворцов и общалась с вельможами и королевами. Она шла через огромный зал, статная, невозмутимая, не глядя по сторонам, не обращая внимания на шепот. Она не взглянула ни на Морелла, ни на Маргарет, пока не дошла до открытого пространства перед перегородкой, за которой находился Питер, и стража, глазевшая на нее, поторопилась освободить ей место. Тогда она трижды присела — дважды перед королевой и один раз перед королем. Затем, обернувшись, поклонилась маркизу, который, уставив глаза в пол, не ответил ей, поклонилась Кастеллу и Питеру и наконец, подойдя к Маргарет, подставила ей щеку для поцелуя. Маргарет смиренно поцеловала ее, шепнув на ухо:

— Как поживает ваша светлость?

— Лучше, чем ты, если бы ты была на моем месте, — шепнула в ответ Бетти, незаметно подмигнув ей.

В это время Маргарет услышала, как король сказал королеве:

— Великолепная женщина! Посмотрите на ее фигуру и на эти огромные глаза. Морелла трудно угодить.

— Очевидно, он предпочитает павлинам лебедя, — ответила королева, взглянув на Маргарет, чья более спокойная и утонченная красота выигрывала рядом с ослепительной красотой ее кузины.

Королева указала Бетти на приготовленное для нее место. Бетти заняла его, свита расположилась позади, переводчик — рядом.

— Я несколько поставлен в тупик, — произнес король, переводя взгляд с Морелла на Бетти и с Маргарет на Питера; по-видимому, комичность положения не укрылась от него. — Какое же дело мы должны разбирать?

Тогда один из советников встал и заявил, что дело, которое представлено на рассмотрение их величествам, заключается в обвинении англичанина, находящегося здесь под стражей, в убийстве солдата Святой эрмандады, но, очевидно, есть и другие обстоятельства, связанные с этим.

— Насколько я понимаю, — заявил король, — нам предстоит рассмотреть обвинение в похищении подданных дружественного нам государства с территории этого государства, ходатайство о признании брака недействительным и встречный иск о признании действительности этого брака и бог знает что еще. Ну, всему свое время. Давайте начнем с этого высокого англичанина.

Суд начался с выступления прокурора, изложившего обвинение против Питера так же, как оно было изложено раньше королеве. Капитан Аррано дал свои показания об убийстве солдата, но, когда адвокат Питера стал задавать ему вопросы, Аррано признал — по-видимому, он не питал злобы к обвиняемому, — что упомянутый солдат грубо оскорбил донну Маргарет и что обвиняемый Питер, будучи иностранцем, мог свободно принять их за шайку бандитов или даже за мавров. Он добавил также, что не может утверждать, что англичанин намеренно хотел убить солдата.

После этого дали показания Кастелл и Маргарет, последняя — с прелестной скромностью. Действительно, когда она рассказала, что Питер — ее нареченный, с которым она должна была обвенчаться, если бы ее не похитили из Англии, и что она позвала его на помощь, когда солдат схватил ее и сорвал с нее вуаль, в зале раздался шепот сочувствия, а король и королева заговорили между собой, не обращая внимания на ее дальнейшие

слова.

Затем король переговорил с двумя судьями, после чего поднял руку и объявил, что они приняли решение. Совершенно очевидно, при выяснявшихся обстоятельствах, что англичанин не виновен в намеренном убийстве солдата. Вообще нет никаких свидетельств, что он знал, что тот принадлежит к Святой эрмандаде. Таким образом, он будет освобожден при условии выплаты вдове убитого компенсации, что уже сделано, и небольшой суммы — для мессы за поминание души убитого.

Питер принялся благодарить короля, но его величество, не дослушав его, спросил, хочет ли кто-либо из присутствующих выступить по существу следующих дел. Поднялась Бетти и заявила, что она желает говорить. Через переводчика она объяснила, что получила королевский приказ явиться ко двору и что она готова отвечать на любые вопросы или обвинения, которые могут быть выдвинуты против нее.

— Как ваше имя, сеньора? — осведомился король.

— Элизабет, маркиза Морелла, урожденная Элизабет Дин, из древнего и благородного рода Динов, жителей Англии, — отчеканила Бетти ясным и решительным голосом.

Король кивнул и продолжал:

— Кто-нибудь оспаривает этот титул и происхождение этой дамы?

— Я, — впервые за все это время произнес маркиз Морелла.

— На каком основании?

— На многих основаниях, — ответил Морелла. — Она не маркиза Морелла, поскольку я венчался с ней, будучи уверен, что это другая женщина. Она не происходит из древнего и благородного рода, так как она была служанкой в доме купца Кастелла в Лондоне.

— Это ничего не доказывает, маркиз, — прервал его король. — Мой род, я думаю, можно назвать древним и благородным, вы этого не станете отрицать, однако я играл роль слуги в обстоятельствах, о которых королева помнит… — намек, при котором все присутствующие, знавшие, о чем идет речь, громко рассмеялись, а вместе с ними и королева. — Если оспаривать подлинность брака или благородство происхождения, то это требует доказательств, — продолжал король. — Разве эту даму обвиняют в таких преступлениях, что она не может оправдываться?

— Нет, — быстро ответила Бетти. — Единственное мое преступление — бедность и брак с маркизом Морелла.

При этом присутствующие опять рассмеялись.

— Однако, сеньора, сейчас вы никак не выглядите бедной, — заметил король, глядя на ее ослепительный, украшенный драгоценностями наряд,

— а что касается женитьбы, то мы здесь склонны рассматривать ее скорее как опрометчивость, нежели преступление. — При этих легкомысленных словах королева слегка нахмурилась. — Однако, сеньора, — быстро добавил король, — предъявите ваши доказательства и простите меня за то, что я пока не называю вас маркизой.

— Вот мои доказательства, сэр, — и Бетти протянула документ о браке.

Судьи и король с королевой прочитали документ, причем королева заметила, что копию этого документа она уже видела.

— Здесь ли находится священник, совершавший брачный обряд? — спросил король.

Встал Бернальдес и заявил, что священник присутствует. Правда, он при этом умолчал о том, что за это ему пришлось уплатить немалую сумму.

Один из судей приказал вызвать священника, и в зал, кланяясь, вошел отец Энрике. Маркиз со злобой посмотрел в его сторону. Принеся присягу, отец Энрике сообщил, что он был священником в Мотриле и капелланом маркиза Морелла, а теперь является секретарем святейшей инквизиции в Севилье. В ответ на другие вопросы он заявил, что по желанию жениха и с его полного согласия такого-то числа в Гранаде он обвенчал маркиза с дамой, которая стоит сейчас перед ним и которую, насколько ему известно, зовут Бетти Дин; затем по ее просьбе, поскольку она желала, чтобы соответствующая запись об их браке была сделана тут же, он составил документ, с которым суд уже ознакомился, а маркиз и все остальные подписали его там же после венчания, в капелле замка маркиза в Гранаде. Затем отец Энрике добавил, что после этого он покинул Гранаду, чтобы занять место секретаря инквизиции в Севилье, которое было предложено ему святейшими властями в качестве награды за трактат, который он написал против ереси. Вот все, что он знает об этом деле.

После этого поднялся адвокат маркиза и спросил отца Энрике, кто готовил венчание. Священник отвечал, что маркиз никогда прямо с ним об этом не говорил: по всяком случае, маркиз ни разу не назвал имя невесты. Все устраивала сеньора Инесса.

Вмешалась королева к спросила, где находится сейчас сеньора Инесса и кто она такая. Священник ответил, что сеньора Инесса испанка, одна из приближенных маркиза в Гранаде, которую тот обычно использовал для всевозможных конфиденциальных дел. Она молода и красива, но больше он ничего прибавить не может. Где она сейчас, он не знает, хотя они вместе ехали в Севилью. Вероятно, это известно маркизу.

Священник сел, а Бетти в качестве свидетельницы стала рассказывать

через переводчика всю историю своих отношений с маркизом Морелла. Она рассказала, как встретила его в Лондоне, в доме сеньора Кастелла, где она жила, и что он сразу начал ухаживать за ней и покорил ее сердце. После этого он предложил ей бежать вместе с ним в Испанию, обещая жениться. В доказательство этого она показала письмо, написанное им. Письмо это было переведено и вручено суду для изучения — весьма компрометирующее его письмо, хотя оно и не было подписано подлинным именем автора. Затем Бетти рассказала, как обманом ее и Маргарет завлекли на борт испанского корабля и как маркиз отказался жениться на ней, утверждая, что он любит не ее, а ее кузину. Тогда она расценила это заявление как попытку уклониться от выполнения его обещания. Она не знала, почему он увез и ее кузину Маргарет, но предполагала, что он сделал это потому, что раз уж Маргарет оказалась на борту его корабля, он не имел возможности освободиться от нее.

Потом Бетти описала их путешествие в Испанию, сказав, что все это время она держала маркиза в отдалении, так как на корабле не было священника, который мог бы обвенчать их, к тому же она очень плохо себя чувствовала и ей было стыдно, что она вовлекла свою кузину и хозяйку в такие неприятности. Бетти рассказала, что Кастелл и Брум последовали за ними на другом судне и высадились на их каравеллу во время шторма. Потом она изложила историю кораблекрушения, их путешествие в Гранаду в качестве пленниц и последующую жизнь там. Наконец, она рассказала, как к ней пришла Инесса с предложением маркиза обвенчаться и как Бетти поставила условием, чтобы ее кузина, сеньор Кастелл и сеньор Брум были освобождены. Они уехали, и венчание, как и было условлено, состоялось. Маркиз обнял ее в присутствии нескольких людей — а именно Инессы и двух своих секретарей, которые, за исключением Инессы, присутствуют здесь и могут подтвердить, что она говорит правду.

После венчания и подписания документа она вместе с маркизом прошла в его личные апартаменты, где до тех пор никогда не бывала, и после этого утром, к ее изумлению, он заявил, что должен уехать путешествовать по делам их величеств. Прежде чем уехать, однако, он дал ей письменное распоряжение, которое она предъявляет, получать его доходы и вести его дела в Гранаде во время его отсутствия. Этот документ Бетти прочитала вслух всем его домочадцам, прежде чем он уехал. Она выполняла его поручения, получала деньги, давала расписки и вообще занимала место хозяйки его дома, пока не получила королевский приказ.

— В это мы можем поверить, — сухо произнес король. — А теперь, маркиз, что вы можете сказать в ответ?

— Я отвечу, — ответил маркиз, весь трепетавший от ярости, — но прежде разрешите моему адвокату задать этой женщине ряд вопросов.

Адвокат принялся допрашивать Бетти, хотя нельзя сказать, чтобы ему удалось взять верх над ней. Прежде всего он начал расспрашивать ее по поводу ее заявления о древнем и благородном роде, из которого она происходит. Но тут Бетти ошеломила суд перечнем своих предков, первый из которых, некий сэр Дин де Дин высадился в Англии вместе с нормандским герцогом Вильгельмом Завоевателем. Его потомки, клялась она, указанные Дины де Дин, достигли высоких званий и власти, будучи любимцами английских королей и сражаясь за них из поколения в поколение.

Постепенно она дошла до войны Алой и Белой розы, во время которой ее дед был изгнан и лишен земель и титулов, так что ее отец, единственным ребенком которого и, следовательно, представительницей благородного рода Динов де Дин она является, оказался в бедности. Однако он женился на даме из еще более выдающегося рода, чем его собственный: она была прямым потомком знатной саксонской фамилии, гораздо более древней, чем выскочки-норманны.

Маргарет и Питер слушали Бетти с изумлением. Но в этом месте по знаку королевы сбитый с толку суд через главного алькальда попросил Бетти закончить изложение истории ее предков, которых суд уже считает не менее знатными, чем любой другой древний род в Англии.

После этого Бетти спросили о ее отношениях с Морелла в Лондоне, и она рассказала историю его ухаживаний с такими подробностями и с такой силой воображения, что в конце концов и эта история осталась неоконченной. Так было и с последующими вопросами. Не менее умная, чем адвокат Морелла, отвечая иногда по-английски, иногда по-испански, Бетти подавила его обилием слов и находчивыми ответами, пока, наконец, бедняга, не в силах ничего поделать с нею, сел на место, вытирая лоб и проклиная ее про себя.

Затем приносили присягу секретари Морелла и вслед за ними его слуги. Все они, хотя и без особого желания, подтвердили все, что говорила Бетти: как маркиз поцеловал ее, приподняв вуаль, и все остальное. Так Бетти закончила свое выступление, оставив за собой право обратиться к суду после того, как выслушает выступление маркиза.

Король, королева и советники в течение нескольких минут совещались. По-видимому, мнения разделились — некоторые считали, что слушание дела нужно немедленно прекратить и передать его в иной трибунал, другие предлагали продолжить. Наконец королева сказала, что

надо дать возможность маркизу Морелла выступить — быть может, он сумеет доказать, что вся эта история сфабрикована и что он даже не был в Гранаде в то время, когда состоялась эта женитьба.

Король и алькальды согласились. Маркиз принес присягу и рассказал свою историю, заметив, что она не принадлежит к числу тех, которые он с гордостью будет повторять в обществе. Он рассказал, как он впервые встретил Маргарет, Бетти и Питера на публичной церемонии в Лондоне, влюбился в Маргарет и сопровождал ее в дом ее отца, купца Джона Кастелла.

Впоследствии он узнал, что Кастелл, бежавший еще в детстве со своим отцом из Испании, оказался некрещеным евреем, делавшим вид, что он христианин. Это заявление произвело в суде сенсацию, а лицо королевы стало каменным. Впрочем, женился он на христианке, и дочь его была крещена и выросла христианкой, оставшись преданной этой вере. Она даже не знала — он уверен в этом, — что отец ее придерживается еврейской веры, иначе, конечно, он, Морелла, не добивался бы ее руки. Их величества могут быть уверены, продолжал маркиз, что по причинам, которые им известны, он стремился узнать всю правду о евреях в Англии, о чем он уже писал им, хотя из-за кораблекрушения и домашних дел не успел лично доложить им о своей миссии.

Продолжая свой рассказ, Морелла признал, что ухаживал за служанкой Бетти для того, чтобы иметь доступ к Маргарет, чей отец не доверял ему, зная кое-что о его миссии. Что же касается благородного происхождения Бетти, то он сильно в нем сомневается.

Тут встала Бетти и громко заявила:

— Я объявляю маркиза Морелла негодяем и лжецом! В моем мизинце больше благородной крови, чем во всем его теле и, — добавила она, — чем в теле его матери.

При этом намеке маркиз вспыхнул, а Бетти, удовлетворенная своим выпадом, села на место.

Маркиз продолжал рассказывать, как он сделал предложение Маргарет, но она отказалась выйти за него замуж. Он понял, что ее отказ был вызван тем, что она обручена со своим родственником, сеньором Питером Брумом, головорезом, который и в Лондоне попал в неприятную историю за убийство человека, а здесь, Испании, убил солдата Святой эрмандады. Будучи влюблен в нее и зная, что он может предложить ей высокое положение и богатство, маркиз пришел к мысли похитить Маргарет. А чтобы осуществить это, ему пришлось, вопреки своему желанию, похитить и Бетти.

После многих приключений они приехали в Гранаду, где он сумел продемонстрировать донне Маргарет, что сеньор Брум воспользовался своим заключением, чтобы завести роман с живущей у него в доме женщиной по имени Инесса, о которой здесь упоминали.

На этот раз не выдержал Питер. Он встал и назвал маркиза в лицо лжецом, прибавив, что, если бы у него была возможность, он бы доказал ему это. Однако король приказал Питеру сесть и замолчать.

Убедившись в неверности своего возлюбленного, продолжал маркиз, донна Маргарет в конце концов согласилась стать его женой при условии, что ее отцу, сеньору Бруму и ее служанке Бетти Дин будет позволено уехать из Гранады…

— …где, — заметила королева, — вы не имели никакого права удерживать их, маркиз. За исключением, пожалуй, отца — Джона Кастелла, — многозначительно добавила она.

— Да, с сожалением должен признаться, я действительно не имел права держать их.

— Следовательно, — резко продолжала королева, — не было ни законных, ни моральных оснований для этого брака.

При этих словах адвокаты одобрительно закивали головами.

Маркиз осмелился утверждать, что основание было, так как донна Маргарет, во всяком случае, сама захотела этого. В день, назначенный для свадьбы, пленники были отпущены, но теперь он понял, что благодаря хитрости Инессы, подкупленной Кастеллом и его друзьями евреями, донна Маргарет бежала вместо своей служанки Бетти, с которой он после этого прошел через процедуру бракосочетания, будучи уверенным, что это Маргарет.

Что касается поцелуя перед церемонией, то это произошло в темной комнате, и он думает, что лицо Бетти и ее волосы были подкрашены, чтобы больше походить на Маргарет. В отношении всего последующего, то он уверен, что чаша вина, которую он выпил, перед тем как вести невесту к алтарю, была отравлена — он только смутно помнит церемонию, а после нее не помнит уже ничего до тех пор, пока не проснулся на следующее утро с головной болью и не увидел сидящую рядом с ним Бетти.

Что касается доверенности, которую она показывала, то, будучи в тот момент вне себя от гнева и разочарования и чувствуя, что если он останется там, то совершит преступление, убив эту женщину, столь жестоко обманувшую его, он дал ей эту доверенность, только чтобы бежать от нее. Их величества обратят внимание на то, что эта доверенность выдана маркизе Морелла. Поскольку этот брак недействителен, маркизы Морелла

не существует. Следовательно, и документ этот недействителен. Такова правда, к ней больше нечего добавить.

Глава XXII . Осуждение Джона Кастелла

Закончив свои показания, маркиз Морелла сел, а король и королева начали шептаться между собой. В это время главный алькальд спросил Бетти, есть ли у нее вопросы к маркизу Морелла. Бетти с большим достоинством встала и через переводчика спокойно заявила, что есть я очень много. Однако она не намерена унижать себя ни одним вопросом, пока грязь, которую он вылил на нее, не будет смыта, а смыта она может быть только кровью. Маркиз заявил, что она женщина без роду и племени, и сказал, что их брак недействителен. Так как она женщина и не может потребовать от него, чтобы он подтвердил свои обвинения с помощью меча, она полагает, что имеет право поступать согласно законам чести и просит разрешения искать себе защитника — если одинокая женщина может найти такого в чужой стране, — чтобы защитить ее доброе имя и наказать этого низкого и подлого клеветника.

Среди тишины, наступившей после слов Бетти, поднялся Питер.

— Я прошу разрешения ваших величеств быть этим защитником, — сказал он. — Ваши величества заметили, что, даже по собственным словам маркиза, он причинил мне больше зла, чем может причинить один человек другому. К тому же он солгал, сказав, что я был неверен моей нареченной, донне Маргарет, и, конечно, я имею право отомстить ему за эту ложь. Наконец, я заявляю, что считаю сеньору Бетти хорошей и честной женщиной, которой никогда не касалась тень позора, и, как ее земляк и родственник, я хочу защитить ее доброе имя перед всем миром. Я чужестранец, и у меня здесь мало друзей, а может быть, и вовсе их нет, но все-таки я не могу поверить, что ваши величества откажут мне в праве на удовлетворение, которое во всем мире в подобном случае один дворянин может потребовать от другого. Я вызываю маркиза Морелла на смертельный бой без пощады для побежденного. И вот доказательство этого.

С этими словами Питер пересек открытое пространство перед барьером, сорвал с руки кожаную перчатку и бросил ее прямо в лицо Морелла, считая, что после такого оскорбления тот не может не принять вызов.

Морелла с проклятием схватился за меч, но, прежде чем он успел выхватить его, офицеры бросились к нему, и суровый голос короля приказал им прекратить эту ссору в присутствии королевской четы.

— Я прошу у вас прощения, ваше величество, — задыхаясь, произнес Морелла, — но вы видели, как этот англичанин поступил со мной, с испанским грандом.

— Да, — промолвила королева, — но мы также слышали, как вы, испанский гранд, поступили с этим английским джентльменом и какое бросили ему обвинение, в которое вряд ли верит донна Маргарет.

— Конечно, нет, ваше величество, — сказала Маргарет. — Пусть меня тоже приведут к присяге, и я объясню многое из того, о чем говорил вам маркиз. Я никогда не хотела выходить замуж ни за него, ни за кого-либо другого, кроме этого человека, — и она дотронулась до руки Питера, — и все, что он или я сделали, мы сделали для того, чтобы спастись из коварной ловушки, в которой оказались.

— Мы верим этому, — с улыбкой ответила королева и отвернулась, чтобы посоветоваться с королем и алькальдами.

Долгое время они говорили так тихо, что никто не мог расслышать ни единого слова, при этом они посматривали то на одну, то на другую сторону в этой странной тяжбе. Какой-то священник был приглашен ими для участия в обсуждении, и Маргарет подумала, что это дурной признак. В конце концов решение было принято, и ее величество официально, как королева Кастилии, тихим, спокойным голосом огласила приговор. Обратившись прежде всего к Морелла, она сказала:

— Маркиз, вы предъявили очень серьезные обвинения даме, которая утверждает, что она ваша жена, и англичанину, чью невесту вы, по вашему собственному признанию, увезли обманом и силой. Этот джентльмен от своего имени и от имени этих дам бросил вам вызов. Принимаете ли вы его?

— Я с готовностью бы принял его, ваше величество, — ответил Морелла мрачно, — до сих пор никто не имел оснований сомневаться в моей храбрости, но я должен напомнить, что я… — Он приостановился, затем продолжал: — Ваши величества знают, что я не только испанский гранд… поэтому вряд ли мне пристало скрестить меч с клерком купца еврея, потому что таково было звание и положение этого человека в Англии.

— Вы могли снизойти и сражаться со мной на борту вашего судна «Сан Антонио», — с ненавистью воскликнул Питер, — почему же вы теперь стыдитесь закончить то, что вы не постыдились начать? Кроме того, я представитель рода, уважаемого в моей стране, и заявляю вам, что в любви и в бою я считаю себя равным любому из похитителей женщин и незаконнорожденных негодяев, живущих в этом королевстве.

Опять король и королева посовещались между собой по вопросу о благородном происхождении противников, который в те времена играл весьма важную роль, особенно в Испании. Наконец Изабелла сказала:

— По законам нашей страны испанский гранд не имеет права встречаться в поединке с простым иностранным джентльменом. Раз маркиз посчитал удобным выдвинуть это соображение, мы поддерживаем его и считаем, что он не обязан принять этот вызов для сохранения своей чести. Однако мы видели, что маркиз Морелла готов принять этот вызов, и решили сделать все, что в наших силах, чтобы никто не мог сказать, что испанец, причинивший зло англичанину и открыто вызванный на бой в присутствии своих суверенных властителей, отказался от этого по причине своего звания. Сеньор Брум, если вы согласны получить из наших рук то, что с гордостью принимали другие ваши соотечественники, мы намерены, считая вас храбрым и честным человеком благородного происхождения, посвятить вас в рыцари ордена Сант-Яго, а следовательно, дать вам право обращаться или сражаться как с равным с любым испанским дворянином, если только он не прямой потомок королей, на что, как мы думаем, могущественный и блестящий маркиз Морелла не претендует.

— Я благодарю ваши величества, — ответил изумленный Питер, — за честь, которую вы мне оказываете и в которой я бы не нуждался, если бы мой отец встал не на ту сторону в битве на Босвортском поле. Еще раз приношу вам свою благодарность и полагаю, что теперь маркиз не будет считать для себя унизительным решить наш долгий спор так, как ему хочется.

— Подойдите сюда, сеньор Питер Брум, и преклоните колено, — приказала королева, когда Питер перестал говорить.

Он повиновался, и Изабелла, взяв меч у короля, посвятила его в рыцари, трижды ударив по правому плечу и произнеся при этом традиционные слова:

— Встаньте, сэр Питер Брум, рыцарь благороднейшего ордена Сант-Яго.

Питер повиновался, поклонился, отступая назад, как полагалось по обычаю, и, споткнувшись, чуть не упал с возвышения. Некоторые приняли это за хорошее предзнаменование для Морелла. Король сказал:

— Сэр Питер, наш церемониймейстер назначит время вашего поединка с маркизом, наиболее удобное для вас обоих. Пока что мы приказываем вам обоим, чтобы никаких неподобающих слов или действий не было между вами — ведь вы скоро встретитесь лицом к лицу в смертном бою, чтобы узнать суд господа бога.

Присутствующие решили, что суд окончен, и многие собрались уже уходить, но королева подняла руку и сказала:

— Остаются еще вопросы, по которым мы должны вынести решение. Вот эта сеньора, — и она указала на Бетти, — просит, чтобы ее брак с маркизом Морелла был признан действительным, а сам маркиз Морелла настаивает на обратном. Так мы его, кажется, поняли? Мы не властны решить этот вопрос, поскольку он связан с таинствами церкви. Мы предоставляем решение этого вопроса его святейшеству папе римскому или его легату, надеясь, что он разберется во всем со свойственной ему мудростью и так, как сочтет нужным, если, конечно, заинтересованные стороны пожелают перенести свой спор на его суд. Пока что мы постановили и объявляем, что сеньора, урожденная Бетти Дин, должна повсюду в наших владениях, если его святейшество папа римский не решит иначе, именоваться маркизой Морелла и маркиз, ее муж, должен в течение всей своей жизни предоставлять ей подобающее содержание. После же его смерти, если не будет другого постановления святого престола, она должна унаследовать ту часть его земель и имущества, которая, согласно закону нашей страны, принадлежит жене, и владеть ею.

Пока Бетти благодарила их величества с таким усердием, что драгоценности на ее груди дребезжали, а Морелла хмурился и лицо его стало темным, как грозовая туча, присутствующие, перешептываясь, опять поднялись, чтобы разойтись. Однако королева снова подняла руку:

— Мы хотим спросить сэра Питера Брума и его нареченную, донну Маргарет, по-прежнему ли они желают вступить в брак?

Питер посмотрел на Маргарет, Маргарет — на Питера, и он ответил громко и ясно:

— Ваше величество, это самое заветное наше желание.

Королева слегка улыбнулась:

— А вы, сеньор Кастелл, согласны выдать свою дочь за этого рыцаря?

— Да, конечно, — с достоинством ответил Кастелл. — Если бы не этот человек, — и он с ненавистью посмотрел в сторону Морелла, — они давно бы уже соединились, а поэтому, — добавил он многозначительно, — то небольшое состояние, которым я располагаю, уже передано через доверенных лиц в Англии в их владение. Так что теперь я завишу от их милосердия.

— Хорошо, — сказала королева. — Остается решить еще один вопрос. Хотите ли вы оба обвенчаться накануне поединка между маркизом Морелла и сэром Питером Брумом? Подумайте, донна Маргарет, прежде чем ответить, потому что, согласившись, вы можете очень скоро оказаться

вдовой, а если вы отложите эту церемонию, то можете никогда уже не стать его женой.

Маргарет и Питер обменялись несколькими словами, и Маргарет ответила за них обоих:

— Если мой возлюбленный погибнет, — ее нежный голос задрожал при этих словах, — все равно мое сердце будет разбито. Пусть я проживу остаток моих дней, нося его имя, чтобы, зная о моем безысходном горе, никто не тревожил меня своей любовью. Я хочу остаться его супругой на небесах.

— Хорошо сказано! — заметила королева. — Мы объявляем, что вы будете обвенчаны в нашем соборе в Севилье накануне того дня, когда маркиз Морелла и сэр Питер Брум встретятся в поединке. Кроме того, чтобы не было никаких попыток причинить вам зло, — королева посмотрела в сторону Морелла, — вы, сеньора Маргарет, будете моей гостьей до того момента, когда покинете нас, чтобы обвенчаться. Вы же, сэр Питер, вернетесь в тюрьму, но вы будете пользоваться полной свободой видеть кого пожелаете и ходить когда и куда захотите, но под нашей защитой, поскольку и на вас может быть совершено покушение.

Королева умолкла, но неожиданно заговорил король своим резким, тонким голосом:

— Решив вопросы рыцарства и брака, нам остается решить еще один вопрос, который я не хотел предоставлять нежным устам нашей королевы. Дело это касается вечной жизни человеческой души и христианской церкви на земле. Нам было заявлено, что этот человек, Джон Кастелл, купец из Лондона, — еврей; ради выгоды он всю свою жизнь притворялся христианином и в качестве такового женился на христианке. Более того: он является нашим подданным, так как он родился в Испании, и, следовательно, подсуден гражданским и церковным законам нашего государства.

Король остановился. Маргарет и Питер со страхом смотрели друг на друга. Один только Кастелл стоял неподвижно, хотя он знал лучше, чем кто-либо из них, что должно последовать за этими словами.

— Мы не судим его, — продолжал король, — у нас нет власти в столь высоких вопросах, но мы обязаны передать его в руки святейшей инквизиции, чтобы его судили там.

Маргарет громко вскрикнула. Питер оглядывался по сторонам, словно ища помощи. Никогда в своей жизни он не был так потрясен. Маркиз Морелла улыбнулся в первый раз за весь день. По крайней мере от одного врага он освободится. Кастелл же подошел к Маргарет и нежно обнял ее.

Затем он пожал руку Питеру и сказал ему:

— Убей этого вора, — он кивнул в сторону Морелла, — я знаю, что ты это сделаешь и сделал бы, даже если бы таких, как он, было десять. Будь хорошим мужем моей девочке, а я знаю, что ты будешь таким, иначе я спрошу с тебя там, где нет ни евреев, ни христиан, ни священников, ни королей. А теперь помолчи и смирись с тем, с чем необходимо смириться, как делаю это я. Я хочу еще кое-что сказать, прежде чем оставлю вас и этот мир. Ваши величества, я не оправдываюсь, и, когда меня будет допрашивать судья инквизиции, их задача будет легка, потому что я не собираюсь ничего скрывать и буду говорить только правду, хотя я буду делать это не из страха и не из боязни боли. Ваши величества, вы обещали, что эти двое, достаточно хорошие христиане от рождения, будут обвенчаны. Я хотел бы спросить вас, может ли мое преступление против религии, в котором меня обвиняют, разъединить их или нанести им какой-либо ущерб?

— Даю вам слово, — поспешно ответила королева, словно желая опередить короля, — даю вам слово, Джон Кастелл, что ваше дело, к чему бы вас ни приговорили, не коснется ни их самих, ни их собственности, — медленно добавила она.

— Серьезное обещание, — пробормотал король.

— Это мое обещание, — решительно заявила королева, — и я сдержу его во что бы то ни стало. Эти двое будут обвенчаны, и, если сэр Питер останется жив, они уедут из Испании в полной безопасности, и никакое новое обвинение не будет предъявлено им ни одним судом королевства; их также не будут преследовать или возбуждать против них дела ни в каком другом государстве ни от нашего имени, ни от имени наших должностных лиц. Пусть мои слова будут записаны, один экземпляр пусть будет подписан и сохранен в архивах, а второй передан донне Маргарет.

— Ваше величество, — сказал Кастелл, — я благодарю вас. Теперь, если я умру, я умру счастливым. Я дерзну сообщить вам, что, если бы вы не сказали этого, и убил бы себя здесь, на ваших глазах. И еще я хочу вам сказать, что инквизиция, которую вы учредили, уничтожит Испанию и превратит ее в прах и тлен.

Он кончил говорить, и, когда смысл его смелых слов дошел до сознания собравшихся, по толпе придворных пробежал вздох, похожий на испуг. Тем временем толпа позади Кастелла расступилась, и появились шедшие двумя рядами монахи с лицами, закрытыми капюшонами, и стража из солдат, — все они, без сомнения, ожидали здесь заранее. Они подошли к Джону Кастеллу, дотронулись до его плеча, сомкнулись вокруг него, словно

скрыв его от всего земного, и, окруженный ими, он исчез.

Воспоминания Питера об этом странном дне в Алькасаре навсегда остались несколько туманными. Это было неудивительно. На протяжении всего нескольких часов его судили, жизнь его висела на волоске и вдруг его оправдали. Он увидел Бетти, превратившуюся из скромной компаньонки в блистательную и великолепную маркизу, подобно тому как личинка превращается в бабочку; был свидетелем того, как она выступала против своего супруга, который обманул ее и которого она обманула в свою очередь, и как она выиграла свое дело благодаря находчивости и силе характера.

В качестве ее защитника и защитника Маргарет он вызвал Морелла на поединок, и, когда его противник отказался под предлогом различия в звании, по воле королевы Изабеллы, которой Маргарет рассказала о тайных притязаниях Морелла, он был неожиданно награжден высоким званием рыцаря испанского ордена Сант-Яго.

Более того: самое страстное его желание было удовлетворено — он получил возможность встретиться в честном и равном бою со своим врагом, которого он справедливо ненавидел, и биться с ним насмерть. Ему было также обещано, что через несколько дней Маргарет станет его женой, хотя могло случиться, что она будет носить это имя не больше часа. До тех пор им обещали безопасность и защиту от предательства и происков Морелла. Им было также обещано, что в любом случае им нигде и никогда не будет больше предъявлено никаких обвинений.

И, наконец, когда уже все, казалось, кончилось благополучно, не считая предстоящего поединка, о котором он, привыкший к подобным вещам, меньше всего думал, когда в конце концов его чаша, очищенная от грязи и песка, наполнилась красным вином битвы и любви, когда она была уже почти у его уст, судьба подменила ее и наполнила отравой и желчью. Кастелл, отец его невесты, человек, которого он любил, был брошен в подвалы инквизиции, откуда — Питер хорошо это знал — он мог выйти только в желтом балахоне, «переданным в руки светской власти», чтобы погибнуть медленной и мучительной смертью на костре в Квемадеро, где сжигали еретиков.

Что принесет ему победа над Морелла, если даже небеса дадут ему силу, чтобы сокрушить своего врага? Что это будет за свадьба, которая окажется скрепленной и освященной смертью отца невесты на мучительном костре инквизиции? Разве смогут они когда-нибудь забыть запах дыма этого костра? Кастелл — храбрый человек, и никакие мучения

не заставят его отречься от своей веры. Сомнительно даже, станет ли он под пытками отрицать ее, он, который был крещен своим отцом из соображений безопасности и продолжал поддерживать этот обман ради своего дела и ради того, чтобы иметь жену-христианку. Нет, Кастелл был обречен, и Питер мог спасти его от инквизиции и короля не больше, чем голубь может защитить свое гнездо от голодных ястребов.

О, эта последняя сцена! Никогда в жизни Питер не забудет ее! Огромный зал с разрисованными арками и мраморными колоннами; лучи полуденного солнца, падающие сквозь окна и, подобно крови, льющиеся на черные одежды монахов; душераздирающий крик Маргарет и ее помертвевшее лицо, когда отца оторвали от нее и она в обмороке упала на украшенную драгоценностями грудь Бетти; жестокая усмешка на губах Морелла; страшная улыбка короля; жалость в глазах королевы; взволнованный шепот толпы; быстрые, короткие реплики адвокатов; скрип пера писца, безразличного ко всему, за исключением своей работы, когда он записывал решения; и над всем этим — прямой, вызывающий, неподвижный Кастелл, окруженный служителями смерти, удаляющийся в темноту галереи, уходящий в могильный мрак.

Глава XXIII . Отец Энрике и печь булочника

Прошла неделя. Маргарет жила во дворце, Питер дважды был у нее и нашел ее в полном отчаянии. Даже то, что они должны быть обвенчаны в следующую субботу, — день, на который назначен был также поединок между Питером и Морелла, не доставлял ей ни радости, ни утешения. Ведь на следующий день, на воскресенье, в Севилье был назначен «акт веры» — аутодафе, на котором еретики — евреи, мавры и люди, занимавшиеся богохульством, — должны ответить за свои преступления: одни будут сожжены на костре в Квемадеро, другие — публично признаются в своих вопиющих грехах перед тем, как их заточат на пожизненное одиночное заключение, а кое-кого задушат, прежде чем их тела будут преданы огню. Было известно, что Джону Кастеллу предназначена главная роль в этой церемонии.

Маргарет на коленях, в слезах умоляла королеву о милосердии. Но слезы действовали на сердце королевы не больше, чем вода, капающая на бриллиант. Мягкая в других вопросах, в делах, касающихся религии, она становилась хитрой, как лиса, и жестокой, как тигр. Она была даже возмущена поведением Маргарет. Разве мало для нее было сделано? — спросила королева. Разве она не дала своего королевского слова не предпринимать никаких шагов, чтобы лишить обвиняемого собственности, которая есть у него в Испании, если он будет признан виновным; разве она не обещала, что никакие наказания, которые по закону и обычаю падают на детей этих людей, преданных позору, не коснутся Маргарет? Разве Маргарет не будет обвенчана со своим возлюбленным и, если он останется в живых после поединка, ей не дадут возможность с почетом уехать вместе с ним и даже не заставят смотреть, как ее отец искупит свои преступления? Ведь как хорошая христианка она должна радоваться, что он получил возможность примирить свою душу с богом и его судьба станет уроком для других приверженцев его религии. Может быть, она тоже еретичка?

Королева неистовствовала до тех пор, пока Маргарет, совершенно измученная, не ушла от нее, задавая себе вопрос, может ли быть справедливой религия, которая требует от детей, чтобы они доносили на своих родителей и обрекали их на муки. Где об этом сказано у спасителя или его апостолов? А если об этом не сказано там, то кто это придумал?

— Спаси его! Спаси его! — в отчаянии рыдала Маргарет перед Питером. — Спаси его или, клянусь тебе, как бы я ни любила тебя и сколько бы ни считалось, что мы обвенчаны, ты никогда не будешь моим мужем.

— Это несправедливо, — мрачно покачал головой Питер, — ведь не я передал его в руки этих дьяволов. Скорее всего, это кончится тем, что я разделю его участь. И все-таки я попытаюсь сделать все, что в человеческих силах.

— Нет, нет! — закричала она в отчаянии. — Не делай ничего, что может навлечь на тебя опасность!

Но Питер вышел, не ожидая ее ответа.

Ночью Питер сидел в потайной комнатке одной из булочных Севильи. Кроме него, там было несколько человек — отец Энрике, ныне секретарь святейшей инквизиции, одетый как мирянин, Инесса, Бернальдес и старый еврей Израэль из Гранады.

— Я привела его сюда, — сказала Инесса, указывая на отца Энрике. — Не важно, как мне удалось это сделать. Но поверьте, это было довольно рискованно и неприятно. А какая от этого польза?

— Никакой пользы, — нагло заявил отец Энрике, — кроме той, что я положил в карман десять золотых.

— Тысяча дублонов, если наш друг будет спасен целым и невредимым, — промолвил Израэль. — О бог мой! Подумай об этом — тысяча дублонов!

Глаза секретаря инквизиции загорелись.

— Они бы мне весьма пригодились, — сказал он, — и ад еще лет десять свободно может обойтись без одного грязного еврея, но я не знаю, как это сделать. Я знаю другое: что вас всех ждет его участь. Это страшное преступление — пытаться подкупить служителя святейшей инквизиции.

Бернальдес побледнел, Израэль стал кусать ногти, но Инесса похлопала священника по плечу.

— Уж не думаешь ли ты предать нас? — спросила она своим нежным голоском. — Послушай меня, я кое-что понимаю в ядах и клянусь тебе, если ты замыслишь дурное, то не пройдет и недели, как ты в судорогах отправишься на тот свет и никто никогда не узнает, откуда попал к тебе яд. Или я околдую тебя — ведь я недаром прожила дюжину лет среди мавров, — у тебя распухнет голова, иссохнет тело и ты станешь богохульствовать, не понимая, что говоришь, пока тебя с позором не поджарят на костре.

— Околдуешь меня? — отозвался отец Энрике с дрожью. — Ты уже сделала это, иначе я не был бы здесь.

— Тогда, если ты не хочешь очутиться на том свете раньше срока, — продолжала Инесса, похлопывая его нежно по плечу, — думай, думай, ищи выход, верный слуга святейшей инквизиции.

— Тысяча золотых дублонов! Тысяча дублонов! — прокаркал старый Израэль. — Но если ты не сумеешь ничего сделать, то рано или поздно, теперь или через месяц, — смерть, смерть медленная и жестокая.

Теперь отец Энрике совсем перепугался.

— Вам нечего бояться меня, — хрипло произнес он.

— Я рада, что ты наконец нас понял, друг мой, — прозвучал мягкий, насмешливый голос Инессы, которая, подобно злому духу, все время стояла позади монаха. Она опять нежно похлопала его по плечу, на этот раз обнаженным лезвием кинжала. — А теперь быстро выкладывай свой план. Становится поздно, и всем святым людям пора уже спать.

— У меня нет никакого плана. Придумай сама! — сердито ответил священник.

— Хорошо, друг мой, очень хорошо. Тогда я попрощаюсь с тобой, потому что вряд ли мы встретимся в этом мире.

— Куда ты идешь? — с беспокойством спросил он.

— Во дворец, к Морелла и к одному его другу и родственнику. Выслушай, что я тебе скажу. Я могу заслужить прощение за мое участие в свадьбе, если я смогу доказать, что некий подлый священник знал, что совершает обман. Ну, а я могу доказать это — ты, надеюсь, помнишь, что дал мне расписку, — а если я сделаю это, что произойдет со священником, который вызвал ненависть испанского гранда и его знатного родственника?

— Я служитель святейшей инквизиции, никто не посмеет тронуть меня! — выкрикнул отец Энрике.

— Я думаю, что найдутся люди, которые пойдут на риск. Король, например.

Отец Энрике бессильно откинулся на спинку стула. Теперь он догадался, кого подразумевала Инесса, говоря о знатном родственнике Морелла, и понял, что попал в ловушку.

— В воскресенье утром, — заговорил он глухим шепотом, — процессия направится по улицам к театру, где будет прочитана проповедь тем, кто должен будет идти в Квемадеро. Около восьми часов процессия ненадолго вступит на набережную, где будет мало зрителей и потому дорога там не охраняется. Если дюжина смелых молодцов, переодетых крестьянами, будет ждать там с лодкой наготове, то, может быть, они сумеют… — И отец Энрике замолк.

Тут в первый раз заговорил Питер, который до тех пор сидел молча,

наблюдая за этой сценой.

— В таком случае, преподобный отец, как эти смелые парни сумеют узнать жертву, которую они ищут?

— Еретик Джон Кастелл, — ответил священник, — будет сидеть на осле, одетый в замарру из овчины, с нарисованными на ней чертями и подобием пылающей головы. Все это очень хорошо нарисовано, я умею рисовать и сам делал это. Кроме того, у него у одного будет на шее веревка, по которой его можно будет узнать.

— Почему он будет сидеть на осле? — с яростью спросил Питер. — Потому, что вы пытали его так, что он не может ходить?

— Нет, нет! — возразил доминиканец, съежившись под этим яростным взглядом. — Его ни разу не допрашивали, ни одного поворота манкуэдры, клянусь вам, сэр рыцарь! Зачем это — ведь он открыто признал себя презренным евреем!

— Будь осторожнее в выражениях, друг мой, — прервала его Инесса, фамильярно похлопывая его по плечу, — здесь есть люди, которые придерживаются другого мнения, чем вы в вашем святом доме, но которые умеют применять манкуэдру и могут устроить неплохую дыбу при помощи доски и одного или двух воротов, какие есть в соседней комнате. Воспитывайте в себе учтивость, высокоученый священник, иначе, прежде чем покинуть это место, вы станете длиннее на целый локоть.

— Говори дальше, — приказал ему Питер.

— Кроме того, — продолжал дрожащим голосом отец Энрике, — был приказ не пытать его. Инквизиторы полагали — это было, конечно, неправильно с их стороны, — что у него есть соучастники, чьи имена он выдаст, но в приказе было сказано, что так как он долго жил в Англии и только недавно прибыл в Испанию, то у него не может быть сообщников. Так что он цел и невредим. Я слышал, что никогда ни один нераскаявшийся еврей не шел на костер в таком отличном состоянии, как бы богат и уважаем он ни был.

— Тем лучше для тебя, если ты не врешь, — заметил Питер. — Продолжай.

— Больше нечего рассказывать. Могу еще добавить, что я буду идти рядом с ним вместе с двумя стражами, и, конечно, если его вырвут у нас и под руками не окажется лодки для преследования, им ничего не сможем сделать. Ведь мы священники, люди мирные и можем даже разбежаться при виде грубого насилия.

— Я советую вам бежать быстро и как можно дальше, — проронил Питер. — Однако, Инесса, где гарантия, что ваш друг нас не обманет? Ведь

он может провести кого угодно.

— Тысяча дублонов, тысяча дублонов, — пробормотал старик Израэль подобно сонному попугаю.

— Он, может быть, надеется выжать еще больше из наших трупов, старик. Что вы скажете, Инесса? Вы лучше разбираетесь в этой игре. Как мы можем заставить его сдержать слово?

— Я думаю, смертью, — сказал Бернальдес, понимая, какой опасности он подвергается как компаньон и родственник Кастелла и номинальный владелец судна «Маргарет», на котором тот должен был бежать. — Мы знаем все, что он может рассказать, и, если мы отпустим его, он рано или поздно предаст нас. Убейте его, чтобы он не смог мешать нам, и сожгите его труп в печи.

Тут отец Энрике упал на колени и со слезами и стонами начал умолять о милосердии.

— Чего ты так хнычешь? — спросила Инесса, глядя на него задумчивым взглядом. — Ведь твоя смерть будет гораздо легче, чем та, на которую ваши праведники обрекают многих гораздо более честных мужчин… и женщин. Что касается меня, то я думаю, что сеньор Бернальдес дал правильный совет. Лучше умереть одному, чем всем нам. Ведь ты понимаешь, что мы не можем довериться тебе. Есть ли у кого-нибудь веревка?

Отец Энрике пополз к ней на коленях и начал целовать подол ее платья, умоляя во имя всех святых пожалеть его. Ведь он попал в эту ловушку из-за любви к ней.

— К деньгам, ты хочешь сказать, гадина, — поправила Инесса, отталкивая его туфлей. — Я вынуждена была слушать твои любовные бредни, когда мы ехали вместе, и еще раньше, но здесь мне это ни к чему. И если ты заговоришь опять о любви, ты живым отправишься в печь булочника. О, ты забыл об этом, но у меня к тебе большой счет. Ты ведь был связав с инквизицией здесь, в Севилье, — не так ли, — еще до того, как Морелла дал тебе за твое рвение приход в Мотриле и сделал одним из своих капелланов. У меня была сестра… — Она наклонилась и шепнула ему на ухо имя.

Он издал звук — это был скорее вопль.

— Я не имел никакого отношении к ее смерти? — запротестовал он. — Ее предал в руки инквизиции кто-то другой, давший против нее ложные показания.

— Да, я знаю. Это был ты. Ты, мерзавец с душой змеи, ты был зол на нее, и ты дал ложные показания. Ты добровольно, сам донес на Кастелла,

заявив, что в твоем доме в Мотриле он прошел мимо распятия, не поклонившись. Это ты уговаривал учинить ему допрос, уверяя их, что он богат и у него достаточно богатые друзья, чтобы и из них выжать немало денег. Ты ведь рассчитывал получить свою долю, не так ли? Я неплохо осведомлена. Даже то, что происходит в темницах святейшей инквизиции, доходит до ушей Инессы. Ну что ж, ты все еще считаешь, что печь булочника слишком горяча для тебя?

Теперь отец Энрике от ужаса вообще лишился языка. Он лежал на полу, глядя на эту безжалостную женщину с нежным голосом. Она обманула его и превратила в свое орудие, она завлекла его сюда сегодня, она ненавидит его, и ненавидит по заслугам.

— Пожалуй, лучше будет не марать нам руки, — сказал Питер. — Душить крыс — маленькое удовольствие, а его могли выследить. Нет ли какого-нибудь другого пути, Инесса?

Она подумала немного, затем ткнула отца Энрике ногой:

— Вставай, святой секретарь святейшей инквизиции, и садись писать. Это будет нетрудно для тебя. Вот здесь есть перья и бумага. А я буду диктовать:

Обожаемая Инесса!

Твое долгожданное письмо благополучно дошло до меня в этом проклятом святом доме, где мы избавляем еретиков от их грехов для пользы их душ и от их богатств — для нашей собственной пользы…

— Я не могу писать это, — простонал отец Энрике, — это страшная ересь.

— Нет, это только правда, — возразила Инесса.

— Ересь и правда — это часто одно и то же. Они сожгут меня за это.

— Это как раз то, что утверждают многие еретики. Они умирают за то, что считают правдой, почему бы и тебе этого не сделать? Слушай, — еще более сурово сказала она, — что ты предпочитаешь: быть сожженным на костре в Квемадеро, а это случится не раньше, чем ты предашь нас, или сгореть более скромно — в печи булочника в ближайшие полчаса? Продолжай свое письмо, ученый грамотей! Написал то, что я сказала? А теперь пиши:

Я понял все, что ты мне говорила о суде в Алькасаре в присутствии их величеств. Я надеюсь, что англичанка выиграла свое дело. Это была прелестная шутка, которую я сыграл с благородным маркизом в Гранаде.

Такой ловкой шутки не бывало даже у нас здесь, в инквизиции. Ну что ж, у меня к маркизу был большой счет, и он заплатил мне сполна. Мне бы хотелось видеть выражение его лица, когда он узнал в своей новобрачной служанку и понял, что хозяйка бежала с другим. Племянник короля, мечтающий сам стать королем, женился на английской служанке! Хорошо, очень хорошо, дорогая Инесса. Что касается этого еврея, Джона Кастелла, я думаю, что все можно устроить, если есть деньги, потому что, ты знаешь, даром я ничего не делаю. Таким образом…

И дальше Инесса с удивительной ясностью продиктовала его предложение, как спасти Кастелла, с которым и читатель уже знаком, и закончила письмо так:

Эти инквизиторы — жестокие звери, хотя они еще больше любят деньги, чем кровь; все их разговоры о борьбе за чистоту веры — все равно что ветер в горах: они столько же думают о вере, сколько горы о ветре. Они хотели пытать этого беднягу, думая, что из него посыплются мараведи, но я намекнул там, где надо, и их фокус не удался. Дорогая, я должен кончать, время идти по делам, но я надеюсь увидеть тебя, как мы условились, и мы проведем веселый вечерок. Мой привет новобрачному маркизу, если ты его встретишь.

Твой Энрике.

P.S. Моя служба вряд ли будет такой выгодной, как я надеялся, так что я очень рад заработать что-нибудь на стороне, чтобы купить тебе подарок, от которого заблестят твои прелестные глазки.

— Вот так, — тихо сказала Инесса. — Я думаю, что этого достаточно, чтобы тебя сожгли три или четыре раза. Дай-ка мне прочитать: хочу проверить, все ли здесь правильно написано и подписано, а то в подобном деле очень многое зависит от почерка. Ну, так будет хорошо. Теперь ты понимаешь, что, если не выполнишь обещания, другими словами, если Джон Кастелл не будет спасен или если кому-нибудь станет известно о нашем маленьком заговоре, это письмо немедленно попадет куда следует и некий секретарь инквизиции пожалеет, что он вообще родился на свет. Ты будешь умирать, — прибавила она свистящим шепотом, — медленно, как умирала моя сестра.

— Тысяча дублонов, если дело удастся и ты будешь жив, чтобы потребовать их, — проговорил Израэль. — Я не откажусь от своего слова. Смерть, позор и пытки или тысяча дублонов. Теперь ему известны наши

условия. Завяжите ему глаза, сеньор Бернальдес, и уведите его отсюда, а то он отравляет здесь воздух. Но прежде, Инесса, пойди и спрячь письмо. Ты знаешь где.

Той же ночью две фигуры, закутанные в плащи, плыли в маленькой лодке по направлению к «Маргарет». Это были Питер и Бернальдес. Привязав лодку, они поднялись за борт корабля и прошли в каюту. Здесь их ожидал капитан Смит. Честный моряк был так рад увидеть Питера, что крепко сжал его в своих объятиях. Она ведь не виделись после той отчаянной попытки взять на абордаж «Сан Антонио».

— Судно готово к выходу в море? — спросил Питер.

— Оно никогда не было более готово, — ответил капитан. — Когда я получу приказ поднимать паруса?

— Когда хозяин судна будет на борту, — сказал Питер.

— Тогда мы сгнием здесь. Его ведь схватила инквизиция. Что вы задумали, Питер Брум? Что вы задумали? Есть какой-нибудь шанс?

— Да, капитан, я надеюсь, если здесь найдется дюжина крепких английских парней.

— Найдется, и даже больше. Но каков ваш план?

Питер рассказал ему все.

— Не так плохо, — произнес Смит, стукнув тяжелым кулаком себя по колену, — но рискованно, очень рискованно. Эта Инесса, должно быть, хорошая девушка. Я не прочь был бы жениться на ней, несмотря на ее прошлое.

Питер рассмеялся, представив себе, какую странную пару они составили бы.

— Выслушайте до конца, — попросил он. — В эту субботу госпожа Маргарет и я будем обвенчаны, затем перед заходом солнца я встречусь с маркизом Морелла на большой арене, где происходит обычно бой быков. Вы с пятью — шестью матросами будете при этом присутствовать. Я могу победить, могу и погибнуть.

— Никогда! Никогда! — воскликнул капитан. — Я не поставлю и пары старых башмаков за этого великолепного испанца. Вы разделаете его, как треску.

— Бог знает! — отозвался Питер. — Если я одержу победу, я и моя жена простимся с их величествами и направимся к набережной, где нас должна ожидать лодка, и вы переправите нас на борт «Маргарет». Если же я погибну, вы заберете мое тело и перевезете его таким же образом на борт «Маргарет». Я хочу, чтобы меня забальзамировали в вине, отвезли в

Англию и там похоронили. В любом случае вы уйдете на корабле вниз по течению, за излучину реки, чтобы думали, что вы уплыли совсем. Вместе с приливом в темноте вы подниметесь обратно и станете позади этих старых, брошенных судов. Если кто-нибудь спросит вас, почему вы вернулись, скажете, что троих или четверых ваших людей не оказалось на борту и вы вынуждены были вернуться за ними, или придумайте еще что-нибудь. Затем в том случае, если я буду убит, вы с десятком ваших лучших матросов высадитесь на берег. Место вам укажет вот этот джентльмен. Пусть все наденут испанскую одежду, чтобы не привлекать внимания, и пусть будут хорошо вооружены. Вы должны походить на зевак с какого-нибудь корабля, высадившихся на берег посмотреть на представление. Я уже объяснил вам, каким образом вы узнаете Кастелла. Как только увидите его, бросайтесь к нему, рубите каждого, кто попробует остановить вас, тащите Кастелла в лодку и гребите изо всех сил к судну. На корабле должны выбрать якоря и поднять паруса, как только увидят ваше приближение. Таков план, и один бог знает, чем это кончится. Все зависит от удачи и от матросов. Войдете вы в эту игру ради любви к хорошему человеку и ко всем нам? В случае успеха вы все станете богатыми на всю жизнь.

— Да, — ответил капитан, — и вот вам моя рука. Мы вырвем его из этого ада, если это только в человеческих силах. Это так же верно, как то, что меня зовут Смит. И я сделаю это не ради денег. Мы так долго бездельничали здесь, дожидаясь вас и нашу госпожу, что будем рады поразмяться. Во всяком случае, раньше чем это дело будет кончено, там останется несколько мертвых испанцев. А если мы будем побеждены, я оставлю помощника и достаточное количество людей, чтобы довести судно до Тильбюри. Но мы победим, я не сомневаюсь в этом. Через неделю в этот день мы будем плыть через Бискайский залив, и ни одного испанца не будет на расстоянии трех сотен миль от нас, — вы, ваша жена и господин Кастелл. Раз я говорю так, значит, знаю.

— Откуда вы знаете? — с любопытством спросил Питер.

— Потому что мне приснилось все это вчера ночью. Я видел вас и госпожу Маргарет, сидящих рядышком, как голубки, и обнимающих друг друга. А я в это время разговаривал с хозяином. Солнце садилось, дул ветер с юго-юго-запада, и надвигалась буря. Говорю вам, что я видел это во сне, а мне редко снятся сны.

Глава XXIV . Сокол нападает

Наступил день свадьбы Маргарет и Питера. Питер выехал из ворот тюрьмы и остановился у ворот дворца, как ему было приказано. Он был одет в белые доспехи, присланные ему в подарок королевой в знак ее добрых пожеланий в предстоящем поединке с Морелла. На шее у него висел на ленте рыцарский орден Сант-Яго, на щите был изображен герб Питера — устремляющийся вниз сокол. Это изображение повторялось и на белом плаще. Позади него ехал знатный дворянин, державший в руках его шлем с перьями и копье. Сопровождал их эскорт королевской стражи.

Ворота дворца раскрылись, и из них на коне выехала Маргарет в великолепном белом с серебром наряде. Вуаль была приподнята так, что было видно лицо. Ее сопровождали дамы, все на белых лошадях, а рядом с Маргарет, почти затмевая ее роскошью своей одежды, ехала вместе со своей свитой Бетти, маркиза Морелла, — по крайней мере, пока.

Хотя Маргарет никогда нельзя было назвать иначе, как прекрасной, сегодня она выглядела утомленной и бледной, когда приветствовала своего жениха у ворот дворца. В этом не было ничего удивительного — ведь она знала, что через несколько часов его жизнь будет поставлена на карту в смертельном поединке, а завтра отец ее будет заживо сожжен в Квемадеро. Они встретились, приветствовали друг друга; запели серебряные трубы, и сверкающая процессия двинулась по узким улицам Севильи. Питер и Маргарет не обменялись и несколькими словами — сердца их были слишком полны, они уже сказали друг другу все, что можно было сказать, и теперь ждали исхода событий. Однако Бетти, которую многие в толпе принимали за невесту, потому что она выглядела гораздо более счастливой, чем они оба, не могла молчать. Она упрекнула Маргарет за то, что та не радуется в такой день.

— О, Бетти, Бетти, — ответила Маргарет, — как я могу быть веселой, когда на сердце у меня лежит тяжесть завтрашнего дня!

— Пусть она провалится, тяжесть завтрашнего дня! — воскликнула Бетти. — С меня хватает тяжестей сегодняшнего дня, однако я не унываю. Никогда в жизни мы не будем ехать так, как сейчас, когда все смотрят на нас и каждая женщина в Севилье завидует нам и милости к нам королевы.

— Я думаю, что это на тебя они смотрят и тебе завидуют, — сказала Маргарет, бросив взгляд на эту блистательную женщину, едущую рядом с ней.

Она понимала, что красота Бетти затмевает ее собственную, во всяком случае в глазах уличной толпы, подобно тому как роза, сверкающая на солнце, затмевает лилию.

— Может быть, — улыбнулась Бетти. — Но если это так, то только потому, что я легче смотрю на вещи и смеюсь даже тогда, когда мое сердце истекает кровью. В конце концов, твое положение гораздо более прочное, чем мое. Если твой муж должен сейчас сразиться насмерть, то же самое должен делать и мой муж, а, между нами говоря, я больше уверена в победе Питера. Он ведь очень упорный боец и удивительно сильный — слишком упорный и слишком сильный для любого испанца.

— Да, это так, — слабо улыбаясь, произнесла Маргарет. — Питер — твой защитник, и, если он проиграет, на тебе навсегда останется печать служанки и безродной женщины.

— Служанкой я была или, во всяком случае, чем-то вроде этого, — заметила Бетти задумчиво, — а что касается моего происхождения, то это уж что есть. Зато я могу выдержать там, где другие не выдержат. Как что это все меня не очень волнует. Меня беспокоит другое: что, если мой защитник убьет моего мужа?

— Ты не хочешь, чтобы он был убит? — Маргарет посмотрела на Бетти.

— Пожалуй, нет, — ответила Бетти слегка дрогнувшим голосом и на мгновение отвернула лицо. — Я знаю, что он мерзавец, но ты понимаешь, я всегда любила этого мерзавца, так же как ты всегда ненавидела его. Поэтому я ничего не могу с собой поделать, но я бы предпочла, чтобы он встречался с кем-нибудь другим, у кого удар не так силен, как у Питера. Кроме того, если он погибнет, его наследники обязательно начнут судиться со мной.

— Во всяком случае, твоего отца не собираются сжечь завтра, — сказала Маргарет, чтобы переменить тему разговора, которая, по правде говоря, была не из приятных.

— Нет, кузина. Если мой отец получил по заслугам, то его безусловно сожгли и он все еще продолжает гореть — в чистилище, — но, видит бог, я никогда не брошу вязанку дров в его костер. Однако твоему отцу не грозит такая опасность, так зачем терзаться по этому поводу?

— Почему ты так говоришь? — удивилась Маргарет, которая не посвящала Бетти в детали заговора.

— Я не знаю, но я уверена, что Питер вызволит его из беды. Питер — это посох, на который можно опереться, хотя и выглядит он таким черствым и молчаливым, — в конце концов, это свойства посоха… Смотри,

вон собор: разве он не красив? И огромная толпа народа ожидает у дверей. Теперь надо улыбаться, кузина. Кланяйся и улыбайся, как это делаю я.

Они подъехали к собору, и Питер, соскочив с коня, помог сойти своей невесте. Процессия выстроилась в должном порядке, и они проследовали в собор, сопровождаемые церковными служителями с жезлами.

Маргарет никогда раньше не была в этом соборе и никогда больше не видела его, но память о нем осталась у нее на всю жизнь. Прохлада и полумрак после ослепительного блеска солнца, семь огромных приделов храма, тянущихся без конца направо и налево, мрачные своды, колонны, уходящие ввысь, подобно тому как большие деревья в лесу стремятся к небу, торжественный полумрак, пронизанный лучами света, льющимися из высоких окон, сверкающее золото алтаря, звуки пения, гробницы — все это захватило ее, подавило и навсегда запечатлелось в ее памяти.

Медленно приблизились они к ступенькам огромного алтаря. Здесь стояли многочисленные прихожане, и здесь же, направо, сидели за троне король и королева Испании, решившие почтить эту свадьбу своим присутствием. Более того: когда подошла невеста, королева Изабелла в знак особой милости встала и, наклонившись, поцеловала ее в щеку. Пел хор, играла музыка. Это было превосходное зрелище — свадьба Маргарет, устроенная в одном из самых знаменитых соборов Европы. Однако, глядя на облаченных в сверкающие одеяния епископов и священников, созванных сюда для того, чтобы оказать ей честь, на то, как они двигаются взад и вперед, совершая таинственный обряд, Маргарет думала о другом обряде, столь же торжественном, который состоится завтра на самой большой площади Севильи, где эти же самые церковные служители будут приговаривать людей — возможно, среди них и ее отца — на обручение с огнем.

Рука об руку преклонили Маргарет и Питер колена перед огромным алтарем. Облака благовоний поднимались от качающихся кадил, теряясь во мраке. Точно так же завтра дым костров будет подниматься к небу. Она стояли, она и ее муж, завоеванный наконец ею, завоеванный после стольких страданий и которого она, возможно, потеряет прежде, чем ночь спустится на землю. Священники пели, епископ в роскошном облачении наклонился над ними и прошептал слова брачного обряда, на палец ей надели кольцо, слова обещания были произнесены было дано благословение, и они стали мужем и женой. Разлучить их могла только смерть, — она стояла так близко от них в этот час.

Все было кончено. Маргарет и Питер поднялись, повернулись и на какое-то мгновение остановились. Маргарет обвела взглядом

присутствующих и неожиданно увидела темное лицо Морелла, стоящего несколько в стороне и окруженного своими приближенными. Он смотрел на нее. Он подошел к ней и, низко поклонившись, прошептал:

— Мы участвуем в странной игре, леди Маргарет. Хотел бы я знать, чем она кончится. Буду ли я мертв сегодня вечером, или вы станете вдовой? И где начало этой игры? Не здесь, я думаю. И где дадут плоды те семена, что мы посеяли? Не думайте обо мне плохо, потому что я любил вас, а вы меня нет.

Он опять поклонился, сначала Маргарет, потом Питеру, и прошел, не обратив внимания на Бетти, которая стояла рядом, глядя на него своими большими глазами, словно тоже раздумывая, чем кончится эта игра.

Король и королева, окруженные придворными, вышли из собора, вслед за ними двинулись новобрачные. Они вновь сели на своих коней и в сиянии южного солнца, под приветственные крики толпы направились ко дворцу, где их ждал свадебный пир. Там для них был приготовлен стол, поставленный только чуть ниже королевского стола. Свадебный пир был великолепен и тянулся очень долго, но Маргарет и Питер почти ничего не ели и, не считая церемониальной чаши, ни одна капля вина не коснулась их губ. Наконец запели трубы, король и королева поднялись, и король своим тонким голосом объявил, что он не прощается с гостями, так как весьма скоро они все встретятся в другом месте, где храбрый новобрачный — английский джентльмен — будет защищать честь своей родственницы и соотечественницы в поединке с одним из первых грандов Испании, которого она обвиняет в причинении ей зла. Этот поединок, увы, не будет развлекательным турниром, он будет битвой насмерть, таковы его условия. Он не может пожелать успеха ни одному из противников, но он уверен, что во всей Севилье нет ни одного сердца, которое не отнеслось бы с должным уважением и к победителю и к побежденному, он уверен также, что оба противника будут доблестными, как подобает храбрым рыцарям Испании и Англии.

Вновь запели трубы, и придворные, назначенные сопровождать Питера, подошли к нему и объявили, что ему пора надеть доспехи. Новобрачные поднялись, окружающие отошли в сторону, чтобы не слышать их разговора, но с любопытством смотрели на них. Питер и Маргарет обменялись несколькими словами.

— Мы расстаемся, — произнес Питер, — и я не знаю, что сказать.

— Не говори ничего, муж мой, — ответила Маргарет. — Твои слова сделают меня слабой. Иди и будь храбр — сражайся за свою честь, за честь Англии и мою. Живой или мертвый — ты мой любимый, и живые или

мертвые — мы встретимся. Мои молитвы будут с тобой, сэр Питер, мои молитвы и моя вечная любовь. Может быть, они дадут силу твоим рукам и уверенность твоему сердцу.

Затем Маргарет, не желая обнимать его на глазах у всех, присела перед ним в таком низком поклоне, что ее колено почти коснулось земли, он же низко склонился перед ней. Странное и величавое расставание — так, по крайней мере, подумали все собравшиеся. Взяв Бетти за руку, Маргарет покинула Питера.

Прошло два часа. Пласа де Торос, где должен был происходить поединок, — потому что на большой площади, на которой обычно устраивались турниры, готовили завтрашнее аутодафе, — была переполнена народом. Это был огромный амфитеатр, — возможно, построенный еще римлянами, — где устраивались всевозможные игры, в том числе и бои быков. Двенадцать тысяч зрителей могли разместиться на скамейках, поднимавшихся ярусами вокруг огромной арены, и вряд ли в этот день там можно было найти хоть одно свободное место. Арена, достаточно большая, чтобы кони, взяв разбег с любого конца ее, могли набрать полную скорость, была посыпана белым песком, так же как это, вероятно, делалось и в те времена, когда на ней сражались гладиаторы. Над главным входом, как раз против центра арены, сидели король и королева со своими приближенными, и между ними, но чуть позади, прямая и молчаливая, как статуя, — Маргарет. Лицо ее было закрыто подвенечной вуалью. Напротив них, по другую сторону арены, в беседке, окруженная свитой, сидела Бетти, сверкая золотом и драгоценностями, поскольку она была дамой, за чье доброе имя, по крайней мере формально, происходил этот поединок. Она сидела тоже совершенно неподвижно, привлекая взоры всех собравшихся. В ожидании поединка все разговоры вертелись вокруг нее, — это создавало рокот, подобный рокоту волн, бьющихся ночью о берег.

Загремели трубы, затем наступила тишина. Предшествуемый герольдами в золотых одеждах, через главный вход на арену выехал маркиз Морелла в сопровождении свиты. Под ним был великолепный черный конь, и сам он был одет в черные доспехи, над шлемом развевался черный плюмаж из страусовых перьев. На его алом щите был изображен орел с короной, указывавший на его звание, и под ним гордый девиз: «То, что я беру, я уничтожаю». Маркиз остановил своего коня в центре арены, поднял его на дыбы и заставил сделать круг на задних ногах. Он отсалютовал королевской чете длинным копьем со стальным наконечником. Толпа приветствовала его криками. После этого Морелла со своими людьми

отъехали к северному концу арены.

Вновь зазвучали трубы, и появился герольд, а за ним верхом на белом коне, одетый в белые доспехи, сверкавшие на солнце, с белым плюмажем на шлеме, выехал высокий и суровый сэр Питер Брум. На его щите был изображен золотой, устремляющийся вниз сокол и девиз: «За любовь и честь». Он также выехал на середину арены и сделал круг совершенно спокойно, словно ехал по дороге, при этом он тоже поднял свое копье в знак приветствия. На этот раз толпа молчала — рыцарь был иностранец. Однако солдаты, бывшие в толпе, говорили друг другу, что вид у него бравый и победить его будет нелегко.

В третий раз зазвучали трубы, и оба рыцаря двинулись навстречу друг другу и остановились перед королевскими величествами. Главный герольд громко возвестил условия поединка. Они были краткими: поединок должен продолжаться до смертельного исхода, если только король и королева не пожелают прекратить его раньше, а победитель согласится с их пожеланиями; рыцари будут биться на конях или пешими, копьями, мечами или кинжалами, но сломанное оружие не может быть заменено, нельзя заменять также коней и доспехи; победителя с почетом проводят с поля боя, и ему разрешено будет уехать, куда он пожелает, в королевстве или за его пределы, ему не будет предъявлено никакого обвинения, и его не должна преследовать кровавая месть; тело побежденного будет отдано его друзьям для похорон также с подобающими почестями; исход поединка не должен ни в какой мере влиять на решение церковного или гражданского суда по иску дамы, утверждающей, что она маркиза Морелла, или со стороны благородного маркиза Морелла, который, как она утверждает, является ее мужем.

Условия поединка были оглашены, противников спросили, согласны ли они с этими условиями, на что оба четко и ясно ответили: «Да». Тогда герольд от имени сэра Питера Брума, рыцаря ордена Сант-Яго, вызвал благородного маркиза Морелла на смертельный поединок, поскольку названный маркиз оскорбил его родственницу, английскую леди Элизабет Дин, которая утверждает, что она жена маркиза, должным образом обвенчанная с ним, и нанес многие другие оскорбления сэру Питеру Бруму и его жене, донне Маргарет Брум, в знак чего герольд бросил перчатку, которую маркиз Морелла поднял острием своего копья и перебросил через плечо, приняв таким образом вызов.

Соперники опустили забрала, их оруженосцы подошли проверить, хорошо ли укреплены доспехи, оружие, подпруги и поводья у коней. Все было в полном порядке, помощники герольдов взяли коней под уздцы и

развели их в противоположные концы арены. По сигналу короля раздался звук трубы, и оруженосцы, бросив поводья, отскочили назад! Вторично зазвучала труба, и рыцари подобрали поводья, наклонились над гривами лошадей, прикрылись щитами и подняли копья, выставив их вперед.

Зрители застыли в напряженном молчании, и среди этой тишины пронесся звук третьей трубы — для Маргарет он прозвучал как глас судьбы. Из двенадцати тысяч глоток вырвался вздох, подобный порыву ветра на море, и замер вдали. Подобно стрелам, выпущенным из лука, подобно молниям из тучи, противники ринулись навстречу друг другу, их кони с каждым шагом увеличивали скорость. Вот они встретились. Оба копья ударились о щиты, и оба противника покачнулись. Острия копей сверкнули, отклонившись в сторону или вверх, и рыцари, удержавшись в седлах, проскакали мимо, задев друг друга, но не ранив. В конце арены оруженосцы поймали коней за поводья и повернули их. Первая схватка закончилась.

Вновь запели трубы, и опять противники помчались навстречу друг другу и встретились в центре арены. Как и в первый раз, копья ударили по щитам, но столкновение было столь сильным, что копье Питера разлетелось на куски, а копье Морелла, скользнув по щиту противника, застряло в его забрале. Питер пошатнулся в седле и стал падать назад. Когда казалось, что он вот-вот должен упасть с коня, завязки его шлема лопнули. Шлем был сорван с его головы, и Морелла проскакал мимо со шлемом на острие копья.

— Сокол падает! — закричали зрители. — Сейчас он свалится с коня!

Но Питер не свалился. Он отбросил разбитое копье и, ухватившись за ремень седла, подтянулся обратно в седло. Морелла пытался остановить коня, чтобы повернуть обратно и напасть на англичанина раньше, чем он оправится, но его конь стремительно мчался, остановить его было невозможно, пока он не увидит перед глазами стену. Наконец противники вновь повернулись друг к другу. Но у Питера не было копья и шлема, а на острие копья Морелла висел шлем его противника, от которого он тщетно пытался освободиться.

— Вытаскивай меч! — кричали Питеру.

Это были голоса капитана Смита и его матросов. Питер опустил руку, чтобы взяться за меч. Но он не сделал этого и, оставив меч в ножнах, пришпорил кони и вихрем понесся на Морелла.

— Сокола сейчас проткнут! — закричали кругом. — Орел побеждает! Орел побеждает!

Действительно, казалось, что этим все кончится. Копье Морелла было

направлено на незащищенное лицо Питера, но, когда копье было совсем близко, Питер бросил поводья и ударил своим щитом по белому плюмажу, развевавшемуся на конце копья Морелла, тому самому, что перед этим был сорван с головы Питера. Он рассчитал правильно: белые перья качнулись очень невысоко, однако достаточно для того, чтобы, пригнувшись в седле, Питер мог проскользнуть под смертоносным копьем. А когда противники поравнялись, Питер выбросил свою длинную правую руку и, обхватив Морелла, словно стальным крюком, вырвал его из седла. Черный конь помчался вперед без всадника, а белый — с двойной ношей.

Морелла обхватил Питера за шею, и тела их переплелись, черные доспехи перемешались с белыми, противники раскачивались в седле, а испуганный конь мчался по арене, пока наконец не свернул резко в сторону. Противники упали на песок и некоторое время лежали, оглушенные падением.

— Кто победил? — кричали в толпе.

Им отвечали:

— Оба готовы!

Наклонившись вперед в своем кресле, Маргарет сорвала вуаль и смотрела на арену. Лицо ее было мертвенно бледным.

— Глядите, они упали вместе, вместе и зашевелились и теперь поднялись невредимыми.

Питер и Морелла отскочили друг от друга и выхватили длинные мечи. И пока оруженосцы ловили коней и подбирали сломанные копья, они уже стояли лицом к лицу. Питер, у которого не было шлема, держал высоко свой щит, чтобы защитить голову, и спокойно ожидал атаки.

Морелла первым нанес удар, и его меч со скрежетом столкнулся со сталью. Прежде чем Морелла успел вновь стать в позицию, Питер нанес ему ответный удар, однако Морелла успел пригнуться, и меч только срезал черные перья с его шлема. С быстротой молнии устремилось острие меча Морелла прямо в лицо Питера, но англичанин успел чуть отклониться, и удар миновал его. Вновь атаковал Морелла и нанес удар такой силы, что, хотя Питер успел подставить свой щит, меч испанца скользнул по нему и пришелся по незащищенной шее и плечу. Кровь окрасила белые доспехи, и Питер зашатался.

— Орел побеждает! Орел побеждает! Испания и орел! — вопили десять тысяч глоток.

Вслед за этим наступило минутное молчание, и в этой тишине в толпе раздался женский голос, в котором Маргарет узнала голос Инессы:

— Нет, сокол нападает!

Не успел замереть звук ее голоса, как Питер, видимо разъяренный болью от раны и страхом поражения, с боевым кличем: «Да здравствуют Брумы!» — собрал все силы и ринулся прямо на Морелла. Синеватая сталь блеснула на солнце и обрушилась на Морелла — зрители увидели, что половина шлема испанца валялась на песке. На этот раз пришла очередь Морелла покачнуться. Более того — он выронил свой щит.

— Вот это удар! Хороший удар! — раздались голоса в толпе. — Сокол! Сокол!

Питер увидел, что противник потерял щит, и то ли из рыцарства, как подумала толпа, приветствовавшая этот жест, то ли потому, что он хотел освободить свою левую руку, но он отшвырнул свой щит и, схватив меч обеими руками, бросился на испанца. С этого момента, хотя он был без шлема, исход поединка уже не вызывал сомнения. Бетти говорила о Питере как об упорном бойце с тяжелым ударом. На этот раз Питер доказал, что она была права. Свежий, будто он только что вышел на арену, Питер наносил удар за ударом злополучному испанцу, пока удары его меча по толедской стали доспехов противника не стали напоминать удары молота по наковальне. Это были страшные удары, но сталь еще выдерживала, и Морелла, сопротивляясь изо всех сил, отступал, пока наконец не оказался перед трибуной, где сидели их величества и Маргарет.

Краем глаза Питер увидел, где они находятся, и в душе решил, что именно сейчас и здесь он закончит бой. Отпарировав выпад отчаявшегося испанца, Питер нанес ему сокрушительный удар, меч его блеснул подобно радуге, и, хотя черная сталь выдержала, Морелла почти был сбит с ног. Воспользовавшись этим, Питер высоко поднял мен и с криком «Маргарет!» опустил его со всей силой, на какую был способен. Меч сверкнул подобно молнии, быстрый, ослепивший всех, кто смотрел на него. Морелла пытался отвести меч противника. Напрасно. Его собственный меч разлетелся, шлем был рассечен, и, широко раскинув руки, он тяжело рухнул на землю.

Наступило минутное молчание, и среди этого молчания раздался пронзительный женский голос:

— Сокол победил! Английский сокол победил!

Вслед за этим поднялся неистовый шум: «Он мертв!». «Нет, он двигается!», «Убей его!», «Пощади его, он хорошо сражался!»

Питер оперся о свой меч, глядя на поверженного противника. Затем он взглянул на короля и королеву, но они сидели молча, не подавая никакого знака. Он видел Маргарет, которая пыталась встать и крикнуть что-то, но женщины, стоявшие рядом, усадили ее обратно. Глубокая тишина воцарилась вокруг, тысячи людей напряженно ждали конца. Питер

посмотрел на Морелла. Увы, тот еще был жив, его меч и прочный шлем смягчили силу мощного удара. Морелла был только ранен и оглушен.

— Что я должен делать? — обратился Питер к королевской чете.

Король, казалось, был взволнован, он хотел сказать что-то, но королева наклонилась к нему, шепнула несколько слов, и он остался сидеть неподвижно. Оба молчали. Молчала и внимательно наблюдавшая за всем этим толпа. Понимая, что означает это ужасающее молчание, Питер бросил меч и вытащил кинжал, чтобы разрезать ремни шлема Морелла и нанести последний удар.

В эту секунду он услышал шум, донесшийся с другого конца арены, и, взглянув в ту сторону, увидел самую странную картину, какую ему когда-либо приходилось наблюдать. С перил павильона напротив него, легко, как кошка, спускалась женщина. С кошачьей ловкостью она спрыгнула с высоты десяти футов и, подобрав свои юбки, бросилась к нему. Это была Бетти. Без сомнения, это была Бетти. Бетти в ее роскошном наряде, с развевающимися волосами. Питер в изумлении смотрел на нее. Все кругом замерли пораженные. Через полминуты она уже была рядом с ним и, став над телом Морелла, закричала:

— Оставь его! Говорю тебе, оставь его!

Питер не знал, что делать и что сказать, и двинулся было, чтобы поговорить с ней, но она стремительно бросилась к мечу Питера, лежавшему на песке, подняла его и, отскочив назад к Морелла, крикнула:

— Тебе придется сначала сразиться со мной, Питер!

И она действительно так решительно начала наступать на него с его собственным мечом в руках, что он вынужден был отступить, чтобы избежать удара. По скамьям прокатилась волна хохота. Засмеялся даже Питер. Ничего подобного никогда еще не было видано в Испании. Смех замер, и Бетти, у которой был отнюдь не тихий голос, опять закричала на ужасном испанском языке:

— Пусть он убьет сначала меня, прежде чем убить моего мужа! Отдайте мне моего мужа!

— Бери его, если тебе хочется, — ответил Питер.

И Бетти, бросив меч, подняла лежащего без сознания испанца своими крепкими руками, как будто это был ребенок; его кровоточащая голова легла ей на плечо. Бетти пыталась унести его, но не смогла.

Присутствующие громко приветствовали ее, а Питер с жестом отчаяния отбросил свой кинжал и опять обратился к их величествам. Король встал и поднял руку, дав знак оруженосцам Морелла взять его тело. Бетти помогала им.

— Маркиза Морелла, — произнес король, в первый раз обращаясь к ней с этим титулом, — ваша честь восстановлена, ваш защитник победил. Что вы хотите сказать?

— Ничего, — ответила Бетти, — кроме того, что я люблю этого человека, хотя он дурно обращался со мной и с другими. Я знала, что, если он скрестит меч с Питером, он искупит свои грехи. Я повторяю, что люблю его, и, если Питер хочет убить его, он должен сначала убить меня.

— Сэр Питер Брум, — сказал король, — решение в ваших руках. Мы отдаем вам жизнь этого человека — вы можете подарить ее ему или поступить по своему усмотрению.

Питер немного подумал и затем произнес:

— Я дарую ему жизнь, если он признает эту даму своей законной женой и будет всегда жить с ней, прекратив против нее все судебные дела.

— Дурак, как он может это сделать, — воскликнула Бетти, — когда ты своим здоровенным мечом выбил из него всякое соображение!

— Тогда, — смиренно предложил Питер, — может быть, кто-нибудь сделает это за него?

— Я, — сказала Изабелла, в первый раз нарушив молчание. — Я это сделаю. От имени маркиза Морелла я обещаю вам это, дон Питер Брум, перед лицом всех собравшихся здесь. Я еще добавлю: если он выживет и если он захочет нарушить это обязательство, данное от его имени для того, чтобы спасти его от смерти, имя его будет предано позору. Объявите об этом, герольды!

Герольды затрубили в трубы, и один из них объявил громогласно решение королевы. Толпа громко приветствовала это решение.

После этого оруженосцы унесли Морелла, все еще остававшегося без сознания; Бетти в перепачканном кровью платье шла рядом с ним. Питеру подвели его коня, и он, невзирая на раны, сел на него и объехал арену. Его встречали такими овациями, каких эта площадь никогда не слышала. Отсалютовав мечом, Питер и его оруженосцы исчезли в воротах, через которые они выехали.

Так необычно закончился этот поединок, который впоследствии получил название «Боя испанского орла с английским соколом».

Глава XXV . «Маргарет» уходит в море

Наступила ночь. Питер, ослабевший от потерн крови и с трудом двигавшийся из-за полученных ран, попрощался с королем и королевой Испании, которые наговорили ему массу приятных слов. Они назвали его украшением рыцарства и предлагали ему высокое положение и звание, если он согласится поступить к ним на службу. Однако Питер поблагодарил их и отказался, сказав, что он слишком много перестрадал в Испании, чтобы жить здесь. Король и королева поцеловали его жену, прекрасную Маргарет, которая прильнула к своему раненому мужу, как плющ обвивает дуб, и не отходила от него ни на шаг. Ведь еще недавно она почти не надеялась обнять его живого. Итак, король и королева поцеловали ее, а Изабелла, сняв с себя драгоценную цепь, повесила ее на шею Маргарет в качестве прощального подарка и пожелала ей счастья с таким мужем.

— Увы, ваше величество, — ответила Маргарет, и ее темные глаза наполнились слезами, — как и могу быть счастливой, думая о завтрашнем дне?

Изабелла покраснела и ответила:

— Донна Маргарет Брум, будьте благодарны за то, что вам принес сегодняшний день, и забудьте о завтрашнем и о том, что он должен унести. Идите, и пусть бог будет с вами обоими!

Они удалились, и маленькая кучка английских матросов в испанских плащах, которые сидели в амфитеатре и ахали, когда наносил удары орел, но ликовали, когда побеждал сокол, повели или, скорее, понесли Питера под покровом темноты к лодке, стоявшей неподалеку от места поединка. Они отплыли, никем не замеченные, ни толпой, ни даже оруженосцами Питера, уверенными, что он, как и предупредил их, вернулся со своей женой во дворец. Так аж они доплыли до «Маргарет», судно снялось с якоря и, спустившись вниз по течению, стало за излучиной реки.

Это была тяжелая ночь — в ней не было места для любви и нежности. Разве могли думать об этом Маргарет и Питер, измученные сомнениями и страхом, пережившие сегодня такой ужас и такую радость! Рана Питера была глубокой и тяжелой, хотя его щит и умерил силу удара меча Морелла и острие меча пришлось, по счастливой случайности, по плечу так, что не задело артерии и не тронуло кости. Однако он потерял много крови, и капитан Смит, который был гораздо более умелым хирургом, чем это можно было предполагать, счел необходимым промыть рану спиртом,

причинившим Питеру сильную боль, и зашить ее шелковой ниткой. На руках и на бедрах у Питера были страшные кровоподтеки, а спина была разбита во время падения с коня вместе с Морелла.

Большую часть ночи Питер пролежал в полузабытьи. И когда наступил рассвет, он смог только подняться со своей койки, чтобы вместе с Маргарет опуститься на колени и молиться о спасении ее отца из рук жестоких испанских священников.

Ночью Смит, воспользовавшись приливом, повел судно опять вверх по течению и бросил якорь под прикрытием старых, разбитых кораблей, о которых говорил ему Питер. Перед этим он закрасил старое название судна и на его месте написал «Санта Мария» — название корабля такой же постройки и тоннажа, как и «Маргарет», который, по слухам, ожидался в порту. Поэтому ли, или потому, что на реке было в то время много судов, но случилось так, что никто из властей не обратил внимания на их возвращение, а если и заметил, то не стал сообщать, не придав этому особого значения. Во всяком случае, пока все шло хорошо.

По сведениям отца Энрике, подтвержденным другими источниками, процессия «Акта веры» должна была выйти на набережную около восьми часов, пройти по ней всего ярдов сто и свернуть на улицу, ведущую к площади, где было все приготовлено для совершения мессы. «Очищенные» должны будут здесь быть посажены в клетки и отвезены на Квемадеро.

В шесть часов утра Смит собрал в каюте двенадцать матросов, которых он выбрал в помощь себе для предстоящего предприятия. Питер, стоя рядом с Маргарет, сообщил им весь план в подробностях и умолял их во имя их хозяина и ради его дочери сделать все, что возможно, чтобы спасти хозяина от страшной смерти.

Матросы поклялись; у них кипела кровь, не говоря уже о том, что им была обещана большая награда, а тем, кто погибнет, — вознаграждение их семьям. Затем они позавтракали, разобрали мечи и ножи и укутались в испанские плащи, хотя, говоря по правде, этих парней из Эссекса и Лондона с трудом можно было принять за испанцев. Лодка была готова, и тут Питер, хотя он едва мог стоять, заявил, что поедет с ними. Однако капитан Смит, с которым, вероятно, уже раньше переговорила Маргарет, топнул ногой по палубе и заявил, что здесь командует он и он не допустит этого. Раненый человек, заявил Смит, будет им только обузой, он займет лишь место в маленькой шлюпке, а помочь им не сможет ни на суше, ни на воде. Кроме того, Питера знают в лицо тысячи людей, видевшие его вчера, и наверняка узнают, тогда как никто не обратит внимания на дюжину матросов, высадившихся с какого-то судна, чтобы покутить и посмотреть

на представление. И, наконец, ему лучше остаться на борту «Маргарет», ибо, если дело обернется плохо, здесь будет слишком мало людей, чтобы быстро вывести корабль в открытое море и доплыть до Англии.

Питер все-таки настаивал на своем, пока Маргарет, обняв его, не спросила, не думает ли он, что ей будет лучше, если она потеряет сразу и отца и мужа. А ведь если они потерпят неудачу, это может случиться. Только тогда Питер, страдающий от боли и очень слабый, уступил, и капитан Смит, отдав последние распоряжения своему помощнику и пожав руки Питеру и Маргарет, спустился со своими двенадцатью матросами в шлюпку. Укрываясь за старыми судами, шлюпка направилась к берегу.

«Маргарет» находилась на расстоянии выстрела из лука от берега, и с палубы между кормой одного старого судна и носом другого открывался вид на набережную. Здесь и расположились Питер и Маргарет. Один из матросов взобрался на мачту, откуда был виден почти весь город и даже старый мавританский замок, где теперь помещалась инквизиция. Наконец этот матрос крикнул, что процессия вышла — он увидел знамена, людей у окон и на крышах; к тому же колокол собора медленным звоном возвестил о том же. Затем потянулось длительное ожидание. Они видели, как группа матросов в испанских плащах показалась на набережной и смешалась с немногочисленной толпой, собравшейся там, — основная масса народа толпилась на площади и на прилегающих улицах.

В конце концов, как раз когда часы на соборе пробили восемь, «триумфальное» шествие, как оно именовалось, вступило на набережную. Первым появился отряд солдат, вооруженных копьями, затем распятие, задрапированное черным крепом, которое нес священник, за ним следовали другие служители церкви, в белоснежных одеждах, символизировавших чистоту. Затем появились люди, тащившие деревянные или сделанные из кожи изображения каких-то мужчин и женщин, которые благодаря бегству в другие страны или в царство смерти избежали лап инквизиции. Следом за ними несли гробы, по четыре человека каждый, — в этих гробах были тела или кости умерших еретиков, которые ввиду смерти тек, кому они принадлежали, должны были быть тоже сожжены в знак того, что сделала бы с ними инквизиция, если бы могла, — это давало ей право конфисковать оставшееся от человека имущество.

Затем шли раскаявшиеся. Головы их были обриты, ноги босы, одни были одеты в темные одежды, другие — в желтые балахоны с красным крестом, называемые санбенито. После них появилась группа еретиков, осужденных на сожжение. Они были облачены в замарры из овечьих шкур, разрисованные дьявольскими рожами, их собственными портретами,

окруженными пламенем. На этих несчастных были также высокие, похожие на епископские митры шапки, так называемые «короза», разрисованные изображениями пламени. Рты у них были заткнуты кусками дерева, иначе они могли бы осквернять и заражать окружающих еретическими речами, в руках они несли свечки, которые сопровождающие их монахи время от времени зажигали, если те гасли.

Сердца Питера и Маргарет дрогнули, когда в конце этой ужасной процессии появился человек верхом на осле, одетый в замарру и корозу, но с петлей на шее. Отец Энрике сказал правду — это, без сомнения, был Джон Кастелл. Как во сне, смотрели Питер и Маргарет на его позорный наряд.

Следом за ним шли роскошно одетые чиновники, инквизиторы, знатные люди, члены Совета инквизиции; впереди них развевалось знамя, именуемое Святым знаменем веры.

Кастелл поравнялся с маленькой группой моряков, и казалось, что-то произошло с упряжью осла, на котором он сидел, потому что тот остановился и человек в одежде секретаря подошел к нему, по-видимому для того, чтобы поправить упряжь, заставив тем самым остановиться всю процессию, следующую за ним. Идущие впереди уже миновали набережную и завернули за угол. Непонятно, что там случилось, но еретика потребовалось снять с осла; его грубо стащили с ослиной спины, а животное, словно обрадовавшись освобождению от ноши, задрало голову вверх и громко стало орать.

Люди из немногочисленной толпы, стоявшей вдоль набережной, двинулись к ним, как будто для того, чтобы помочь, и среди них — несколько человек в таких накидках, какие были на матросах с «Маргарет».

Офицеры и гранды позади начали кричать: «Вперед! Вперед!», но люди, окружившие осла, вместо этого начали подталкивать его вместе с седоком ближе к воде. В это время прискакала стража узнать, что случилось.

И тут неожиданно возникло замешательство, причину которого было невозможно разгадать, — в следующее мгновение Маргарет и Питер, схватившие друг друга за руки, увидели, что человека, который до этого ехал на осле, быстро тащат вниз по ступенькам набережной туда, где находилась шлюпка с «Маргарет».

Помощник капитана, стоявший у штурвала, тоже видел все это. Он свистнул, и по этому сигналу якорный канат был обрублен — времени для подъема якоря не было, — а матросы, стоявшие на реях, распустили паруса, и судно тут же начало двигаться.

Между тем на набережной шла битва.

Еретик был уже в шлюпке вместе с частью матросов, но остальные сдерживали толпу священников и вооруженных служителей, пытавшихся схватить его. Один из священников с мечом в руке проскользнул между матросами и тоже свалился в шлюпку. Наконец все уже были в шлюпке, за исключением одного человека — капитана Джона Смита, которого атаковали трое противников. Весла были подняты, но матросы ждали. Капитан взмахнул мечом, и один из нападающих рухнул. Остальные двое бросились на капитана, один прыгнул ему на спину, другой повис на шее. С отчаянным усилием капитан бросился в воду, увлекая за собой обоих нападающих. Одного из них больше уже не увидели, так как Смит заколол его, а второй вынырнул рядом с шлюпкой, которая была уже на расстоянии нескольких ярдов от набережной; один из матросов ударил его веслом по голове, и тот пошел ко дну.

Однако Смита не было видно, и Питер с Маргарет решили, что он утонул. Матросы тоже, по-видимому, решили так, потому что они начали грести, но неожиданно большая загорелая рука появилась над водой и схватилась за корму шлюпки, а гулкий голос пророкотал:

— Гребите, ребята, я здесь!

Матросы налегли с такой силой, что ясеневые весла гнулись, как луки. В это время двое моряков схватили священника, прыгнувшего в шлюпку, и выбросили его за борт; он некоторое время барахтался, не умея плавать и хватаясь за воздух руками, а потом исчез. Шлюпку подхватило течением, вот она уже обогнула нос первого из старых кораблей, за которым виднелась «Маргарет». Ветер посвежел, и судно набирало скорость.

— Спустите трап и приготовьте канаты! — закричал Питер.

Это было сделано, но недостаточно быстро, потому что в следующий момент шлюпка ударилась о борт корабля. Матросы успели ухватиться за канаты и удерживали шлюпку, в то время как капитан Смит, наполовину захлебнувшийся, цеплялся за кормовую доску: вода почти покрывала его с головой.

— Спасайте сначала его! — закричал Питер.

Один из матросов сбежал по трапу и бросил капитану петлю. Смит поймал ее одной рукой и постепенно надел на себя. Тогда матросы схватились за веревку и вытащили его на палубу, где он лег, тяжело дыша и выплевывая воду. Судно двигалось все быстрее, настолько быстро, что Маргарет умирала от страха, как бы шлюпку не затянуло под корпус и не утопило.

Но матросы знали свое дело. Они постепенно отвели шлюпку назад,

пока ее нос не оказался на уровне трапа. Первым они помогли вылезти Кастеллу. Он схватился за перекладину трала, и сильные руки подхватили его. Он полз, шаг за шагом, пока наконец его ужасная, дьявольски разукрашенная шапка, лицо с белым пятном там, где была сбрита борода, раскрытый рот, в котором до сих пор торчал деревянный кляп, не показались над бортом, как сказал потом помощник капитана, подобно лику сатаны, бежавшего из ада. Матросы подняли его, и он без чувств упал на руки дочери. Один за другим поднимались вслед за ним матросы — все были живы, хотя двое были ранены и покрыты кровью. Да, никто не погиб — все до одного были в безопасности на палубе «Маргарет».

Капитан Смит выплюнул последние остатки речной воды, приказал принести ему чарку вина и тут же выпил ее. Питер и Маргарет в это время вытащили проклятый кляп изо рта Кастелла и дали ему глоток спирта. Смит, словно большая собака, стряхнул с себя воду и, ни слова не говоря, подошел к штурвалу и взял его из рук помощника. Плыть по реке было делом трудным, и никто не знал реку так хорошо, как капитан Смит. «Маргарет» как раз поравнялась со знаменитой Золотой башней, и вдруг по ним выстрелила пушка, но ядро пролетело далеко от судна.

— Смотрите! — воскликнула Маргарет, указывая на всадников, скачущих на юг вдоль берега реки.

— Они хотят предупредить форты, — отозвался Питер. — Бог послал нам этот ветер, мы должны успеть прорваться к морю.

Ветер крепчал, он дул с севера, но какой это был длинный и тяжелый день! Час за часом плыли они вниз по реке, которая становилась все шире. Они плыли то мимо деревень, где кучки людей, завидев их, размахивали оружием, то мимо пустынных болот и равнин, покрытых соснами.

Когда они были уже у Бонанцы, солнце стояло довольно низко, а когда миновали Сан-Лукар, оно уже садилось. В широком устье реки, где белые волны бились об узкий мол, к ним спешили на веслах две большие галеры, чтобы захватить их. Галеры были очень ходкими, и спастись, казалось, не было никакой возможности.

Маргарет и Кастелла отправили вниз, матросы заняли свои места. Питер решительно направился на корму, где упорный капитан Смит стоял у штурвала, не разрешая никому дотронуться до него. Смит посмотрел на небо, на берег и на спасительное открытое море впереди. Затем он приказал поднять все паруса и мрачно посмотрел на галеры, подстерегавшие их, подобно борзым, у выхода в море. Галеры держались на веслах посередине канала. По обе стороны кипели буруны, через которые не мог пройти ни один корабль.

— Что вы хотите делать? — спросил Питер.

— Мастер Питер, — сквозь зубы процедил Смит, — когда вы вчера дрались с испанцем, я не спрашивал вас, что вы собираетесь делать. Придержите ваш язык и предоставьте все мне.

«Маргарет» была быстроходным судном, но никогда еще она не развивала такой скорости. Позади нее свистел ветер. Ее крепкие мачты согнулись, как удочки, а снасти скрипели и стонали под тяжестью наполненных ветром парусов, ее левый борт лежал почти на уровне воды, так что Питер должен был лежать на палубе — стоять было невозможно — и видел, как вода бежала в трех футах от него.

Галеры выстроились, преграждая путь «Маргарет». В полумиле от нее они встали нос к носу, отлично зная, что никакое судно не может проскользнуть по пенящемуся мелководью. Они ждали, что «Маргарет» должна будет замедлить ход — это было неизбежно, — и тогда они возьмут ее на абордаж и перебьют малочисленную команду. Смит что-то приказал помощнику, и неожиданно в лучах заходящего солнца на грот-мачте взвился английский флаг, при виде которого матросы разразились восторженными криками. Смит отдал новый приказ, и был поднят последний кливер. Теперь время от времени левый борт погружался в воду, и Питер чувствовал, как соленая вода обжигает его израненную спину.

Испанские капитаны держали галеры на прежнем месте. Они не могли понять, что этот иностранец — сумасшедший или не знает речного фарватера? Ведь он пойдет ко дну со всеми, кто у него на борту. Они стояли, ожидая, когда этот леопардовый флаг и надувшиеся паруса будут спущены, но «Маргарет» прямо, словно бык, мчалась на них. Она была на расстоянии не более четверти мили и шла прямо по курсу, когда наконец на галерах поняли, что она пойдет ко дну не одна.

На испанских судах началось смятение, заливались свистки, кричали люди, надсмотрщики бросились вниз подстегивать рабов, поднятые весла казались красными в свете заходящего солнца, когда они с силой били по воде. Бушприты галер стали раздвигаться — пять футов, десять футов, может быть, двенадцать футов. И прямо в эту полоску открытой воды, словно камень, пущенный из пращи, словно стрела из лука, ринулась несущаяся по ветру «Маргарет».

Что же случилось? Спросите об этом у рыбаков Сан-Лукара и у пиратов Бонанцы, где история эта передается из поколения в поколение. Огромные весла треснули, как тростник, верхняя палуба левой галеры была разорвана, словно бумага, крепкими реями летящей «Маргарет», борт правой галеры завернулся, как стружка под рубанком, и «Маргарет»

прорвалась.

Капитан Смит оглянулся — два больших испанских судна тонули. Словно раненые лебеди, они кружились и трепетали у пенящегося мола. Затем он повернул судно на другой галс, крикнул плотника и спросил у него, дал ли корабль течь.

— Никакой, сэр, — ответил тот, — но его потребуется заново смолить. Это был дуб против яичной скорлупы, и у нас была скорость!

— Хорошо, — сказал Смит. — С двух сторон находились мели, выбор оставался один — жизнь или смерть, но я был уверен, что они дадут нам пройти. Пришлите сюда помощника взять штурвал. Я должен поспать.

Солнце опустилось в бурлящее море, и ускользнувшая от власти Испании «Маргарет» повернула свой разбитый бушприт к Уэссану, к Англии.

ЭПИЛОГ

Прошло десять лет с тех пор, как капитан Смит провел «Маргарет» через мель Гвадалквивира столь замечательным образом. Был конец мая. В Эссексе леса стояли зеленые, птицы пели, луга пестрели цветами. В чудесной долине Дедхэма можно было видеть длинный низкий дом со многими остроконечными крышами — прелестный старый дом из красного кирпича и почерневшего от времени дерева. Дом этот стоял на небольшом холме. Сзади к нему примыкал лес, а впереди тянулась длинная аллея из дубов, которая шла через парк к дороге, ведущей к Колчестеру и Лондону. По этой аллее майским днем шел старый седой человек с быстрыми черными глазами. С ним было трое детей — мальчик лет десяти и две маленькие девочки, которые цеплялись за руки старика и за его одежду и засыпали его вопросами.

— Куда мы идем, дедушка? — спросила одна из девочек.

— Навестить капитана Смита, дорогая моя, — ответил старик.

— Я не люблю капитана Смита, — заявила другая девочка, — он такой толстый и всегда молчит!

— А я люблю, — прервал ее мальчик, — он дал мне замечательный нож, который мне нужен, когда я играю в моряка. И мама его любит, и папа, и дедушка, потому что он спас его, когда жестокие испанцы хотели его сжечь. Правда, дедушка?

— Правда, дорогой мой, — ответил старик. — Смотрите, вон белка пробежала по траве. Может, вы ее поймаете раньше, чем она добежит до дерева?

Дети бросились со всех ног и, так как дерево оказалось невысоким, начали карабкаться на него вслед за белкой. Между тем Джон Кастелл, ибо это был он, вышел через ворота парка и направился к маленькому домику у дороги. У дома на скамье сидел полный мужчина. Очевидно, он поджидал гостя, потому что указал ему на место рядом с собой и, когда Кастелл сел, спросил:

— Почему вы не пришли вчера, хозяин?

— Из-за ревматизма, друг мой, — ответил Кастелл. — Я получил его в подвалах этой проклятой инквизиции в Севилье. Они были очень сырые и холодные, эти подвалы, — задумчиво добавил он.

— Многим они казались довольно жаркими, — проворчал Смит, — к тому же пребывание в них обычно оканчивалось большим костром.

Странно, что мы никогда больше ничего не слышали об этом деле. Я думаю, все это потому, что королева Изабелла хорошо относилась к нашей Маргарет и не хотела поднимать этого вопроса перед Англией и мутить воду.

— Может быть, — заметил Кастелл. — А вода ведь была мутная.

— Мутная? Как на отмели Темзы при отливе. Умная женщина эта Изабелла. Никто другой не додумался бы так выставить человека на посмешище, как она поступила с Морелла, когда отдала его жизнь Бетти и обещала от его имени, что он признает ее своей женой. После этого он уже не представлял никакой опасности в смысле заговоров против короны. Да, он должен был сделаться посмешищем всей страны, а таким людям никогда ничего не удается. Вы помните испанскую пословицу: «Королевский меч рубит, костры, зажженные попами, сжигают, но уличные песенки убивают быстрее». Хотелось бы мне знать, что случилось с ними со всеми. А вам, хозяин? Не говоря, конечно, о Бернальдесе — он ведь уже много лет в Париже и, говорят, живет там неплохо.

— Да, — улыбнулся Кастелл, — конечно, хотелось бы узнать, если только для этого не потребовалось бы ехать в Испанию.

В этот момент прибежали дети, ворвавшись одновременно в калитку.

— Не помните мою клумбу, маленькие разбойники! — закричал капитан Смит, замахнувшись на них тростью, в то время как они спрятались за его спину и стали корчить гримасы.

— Где белка, Питер? — спросил Кастелл.

— Мы согнали ее с дерева, дедушка, и окружили на берегу ручья, и там…

— Что — там? Поймали вы ее?

— Нет, дедушка. Когда нам казалось, что мы уже поймали ее, она прыгнула в воду и уплыла.

— Некоторые люди в трудном положении поступали так же, — смеясь, заметил Кастелл, припоминая одну речную набережную.

— Это было нечестно! — с негодованием закричал мальчик. — Белки не должны плавать, и, если я поймаю ее, я посажу ее в клетку.

— Я думаю, что эта белка останется в лесу до конца своей жизни.

— Дедушка! Дедушка! — закричала младшая девочка, просунув голову в калитку. — Много народу едет сюда на лошадях. «Такие красивые! Иди сюда, посмотри!

Эта новость возбудила любопытство старых джентльменов, поскольку не так много людей приезжало в Дедхэм. Во всяком случае, они оба поднялись, правда с некоторым трудом, и направились к калитке. Да,

ребенок был прав: в двухстах ярдах от них двигалась внушительная кавалькада. Впереди на великолепном коне ехала высокая, красивая дама, одетая в черный шелк, лицо ее было прикрыто черной вуалью. Рядом с ней ехала другая дама, закутанная так, будто здешний климат был для нее слишком холодным. Между ними на пони ехал маленький красивый мальчик. Слуги я служанки, человек шесть или восемь, огромная повозка, нагруженная багажом, которую тянули четыре крупные фламандские лошади, замыкали эту процессию.

— Кто же это? — воскликнул, вглядываясь, Кастелл.

Капитан Смит тоже посмотрел и втянул носом воздух, как он часто делал на палубе в туманное утро.

— По-моему, пахнет испанцами, — заявил он, — а я не люблю этого запаха. Посмотрите на их такелаж. Скажите, хозяин: кого вам напоминает это трехмачтовое судно со всеми его парусами?

Кастелл с сомнением покачал головой.

— Я припоминаю, — продолжал Смит, — высокую девушку, разукрашенную, как майское дерево, которая бежала по белому песку во время поединка в Севилье. Да, я забыл, что вас там не было.

До них донесся громкий, звонкий голос, приказавший по-испански кому-то пойти к дому и узнать, где здесь ворота. Тут Кастелл сразу узнал всадницу.

— Это Бетти! — воскликнул он. — Клянусь бородой Авраама, это Бетти!

— Я тоже так думаю, только не упоминайте Авраама, хозяин. Он очень опасный человек, этот Авраам, в христианских странах. Говорите — «клянусь ключами святого Петра» или «болезнями святого Павла».

— Дитя, — обратился Кастелл к одной на своих внучек, — беги в дом и скажи папе и маме, что приехала Бетти и привезла с собой половину Испании. Ну, быстро! И запомни имя: Бетти.

Удивленная девочка побежала, а Кастелл и Смит пошли навстречу путникам.

— Не можем ли мы быть полезны вам, сеньора? — спросил Кастелл по-испански.

— Маркиза Морелла, если вам угодно… — начала она тоже по-испански, затем неожиданно продолжала по-английски: — Боже мой! Да ведь это мой старый хозяин, Джон Кастелл, с белой бородой вместо черной!

— Она стала белой после того, как меня побрил святой цирюльник в святейшей инквизиции, — сказал Кастелл. — Ну, слезай же с этого коня,

Бетти, дорогая… прошу прощения — благороднейшая и высокорожденная маркиза Морелла, — и поцелуй меня.

— Хоть двадцать раз, если пожелаете! — воскликнула Бетти, с такой стремительностью падая с высоты в его объятия, что, если бы не мощная поддержка Смита, они оба свалились бы на траву.

— Чьи это дети? — спросила Бетти, расцеловав Кастелла и пожав руку Смиту. — Впрочем, нечего спрашивать: у них глаза моей кузины и длинные носы, как у Питера. Как они? — озабоченно добавила она.

— Ты сама увидишь через одну — две минуты. Пошли своих людей и багаж к дому, хотя я не знаю, где они там все разместятся, и пойдем с нами.

Бетти помедлила, так как она рассчитывала произвести эффект своим триумфальным въездом в полном параде. Но в эту минуту появились Маргарет и Питер — Маргарет с ребенком на руках, и Питер, выглядевший так же, как и всегда, худощавый, с длинными руками и ногами, суровый на вид, но с добрыми глазами. Вслед за ним появились слуги и маленькая Маргарет.

Поднялось настоящее столпотворение, прерываемое объятиями, но в конце концов свита была отправлена в дом, и багаж был разгружен. За ними ушли дети вместе с маленьким мальчиком испанского типа, с которым они уже успели подружиться; остались Бетти и ее закутанная спутница. Эту даму Питер некоторое время рассматривал, словно знакомую.

По-видимому, она заметила его интерес, потому что, как бы случайно, откинула один из платков, закрывавших ее лицо, показав один нежный и блестящий глаз и кусочек щеки оливкового цвета. Тут Питер сразу же узнал ее.

— Как вы поживаете, Инесса? — сказал он, протягивая ей с улыбкой руку, ибо он действительно был рад видеть ее.

— Так, как может чувствовать себя бедный путник в чужой и очень сырой стране, дон Питер, — ответила она томным голосом. — Но меня утешает, что я вижу перед собой старого друга, которого последний раз я видела в лавке одного булочника. Вы помните?

— Помню! — воскликнул Питер. — Это не такая вещь, которую можно забыть. Инесса, что стало с отцом Энрике? Я слышал несколько разных версий.

— Трудно сказать что-либо определенное, — ответила Инесса, открывая свои смеющиеся красные губы. — В старом мавританском замке, где помещается святая инквизиция, так много темниц, что невозможно сосчитать арестантов, как бы хороша ни была информация. Все, что я знаю,

это то, что у этого бедняги начались неприятности из-за нас. Возникли подозрения по поводу его поведения во время процессии, которую капитан, может быть, помнит, — и она кивнула в сторону Смита. — Кроме того, человеку в его положении было очень опасно посещать еврейские кварталы и писать неосторожные письма — нет, не то, о котором вы думаете, я держу слово, — другие, в которых он просил вернуть то письмо. Некоторые из них пропали.

— Он умер? — спросил Питер.

— Хуже, я думаю, — ответила Инесса. — Заживо погребен — «наказание стеной».

— Бедняга! — вздрогнул Питер.

— Да, — задумчиво заметила Инесса, — докторам не нравятся их собственные лекарства.

— Я вижу, Инесса, — сказал Питер, взглянув в сторону Бетти, — что маркиз не последовал за вами.

— Только дух его, дон Питер, не иначе.

— Значит, он умер? Что убило его?

— Смех, я думаю, или, вернее, то, что он был предметом этого смеха. Он совершенно выздоровел от ран, которые вы ему нанесли, и потом, конечно, он должен был сдержать обещание, данное королевой, и признать благородную леди, в прошлом Бетти, своей маркизой. Он не мог этого не сделать после того, как она отбила его у вас с помощью вашего же меча и выходила его. Но конца этому не было. О нем пели песенки на улицах и спрашивали, как поживает его крестная мать Изабелла, потому что это она дала за него обещание и поклялась от его имени; потом его еще спрашивали, ломала ли маркиза еще копья ради него, и так далее.

— Бедняга! — сказал Питер с выражением глубокого сочувствия. — Жестокая судьба! Лучше бы я убил его.

— Конечно. Но не говорите этого при благородной Бетти — она уверена, что он был очень счастлив в семейной жизни под ее защитой. Он молча страдал, и даже я, которая так ненавидела его, стала жалеть его. Подумайте: один из самых гордых людей Испании, блестящий гранд, племянник короля, опора церкви, посол их величеств к маврам сделался предметом шуток простонародья, да и знати тоже.

— Знати? Кого же?

— Почти всех, потому что королева подавала пример. Я не знаю, за что она так ненавидела его, — добавила Инесса, проницательно взглянув на Питера, но, не дождавшись ответа, продолжала: — Она делала это очень умно, всегда оказывая высокочтимой Бетти самый любезный прием,

подзывая ее к себе, восхищаясь ее английской красотой и тому подобное. А то, что делала королева, повторяли все, пока моя легко возбуждающаяся хозяйка чуть не потеряла голову. А маркиз почувствовал себя плохо и после взятия Гранады уехал туда, чтобы жить спокойно. Бетти уехала вместе с ним. Она была ему хорошей женой и сэкономила много денег. Она похоронила его год назад — он умер тихо — и поставила ему один из лучших памятников в Испании — он еще не закончен. Вот и вся история. Теперь она привезла сына, юного маркиза, сюда, в Англию, на год или два, потому что у нее очень любящее сердце и ей очень хотелось видеть вас всех. К тому же она решила, что для сына будет лучше уехать на время из Испании. Что касается меня, то теперь, после смерти Морелла, я первое лицо в доме — секретарь, главный поставщик сведений и все что угодно.

— Вы не замужем, я полагаю? — спросил Питер.

— Нет, — ответила Инесса. — Я видела так много мужчин, когда была молода, что, мне кажется, этого вполне достаточно. Или, может быть, — продолжала она, устремив свои нежные блестящие глаза на него, — был один, который мне слишком правился, чтобы хотеть…

Она остановилась. Они как раз шли по подъемному мосту напротив Старого замка. Роскошная Бетти и прекрасная Маргарет в окружении остальных, разговаривая, прошли через широкие двери в просторный вестибюль. Инесса посмотрела им вслед и заметила стоящие, подобно стражу, у подножия широкой лестницы покрытые вмятинами белые доспехи и расколотый щит с золотым соколом — подарок Изабеллы, — в которых Питер сражался с маркизом Морелла и победил его. Затем она сделала шаг назад и критически осмотрела здание.

Над каждым крылом здания возвышалась каменная башня, построенная с целью обороны; вокруг замка тянулся глубокий ров. Внутри круга, образуемого рвом и окруженного тополями и древними тисовыми деревьями, в южном углу замка, находился отгороженный садик с дорожками, с цветущим боярышником и другими кустами. В самом конце его, почти скрытый ивами, был каменный бассейн. Глядя на все это, Инесса сразу заметила: насколько позволяли обстоятельства и климат, Питер, устраивая этот сад, скопировал другой, в далеком южном городе Гранаде, скопировал вплоть до ступенек и скамей. Она повернулась к нему и с невинным видом сказала:

— Сэр Питер, вы не возражаете погулять со мной в этом саду сегодня вечером? В этой башне, кажется, нет никаких окон.

Питер стал красным, как шрам на его лице, и, смеясь, ответил:

— А вдруг одно найдется? Пойдемте в дом, Инесса. Никого здесь не

встретят с большим удовольствием, чем вас, но я никогда не буду больше гулять с вами наедине в саду.

